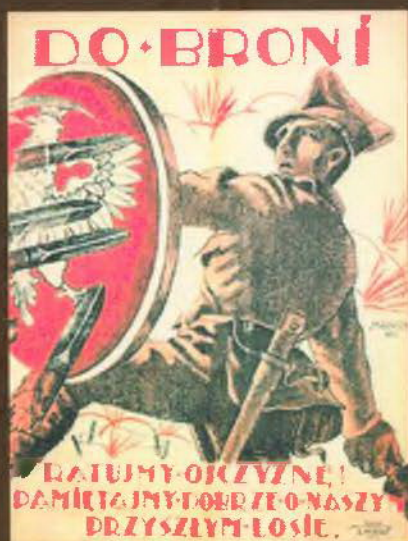

Польский крест советской контрразведки

Зданович Александр Александрович – генерал-лейтенант запаса ФСБ России. В 1976 г. с отличием закончил Высшую школу КГБ СССР, затем проходил службу на оперативных и руководящих должностях. Доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, создатель и в течение более 15 лет президент «Общества изучения истории отечественных спецслужб». В течение 12 лет преподавал курс истории органов госбезопасности в Академии ФСБ России. С 1997 г. – один из организаторов ежегодных научных конференций «Исторические чтения на Лубянке». Автор четырех персональных монографий и трех, написанных в соавторстве. Им опубликовано свыше ста научных и публицистических статей. Его научная специализация – история России XX в., функционирование органов государственной безопасности, их место и роль в общей системе управления страной. Как эксперт и научный консультант А.А. Зданович принимал участие в подготовке нескольких циклов телепередач и отдельных документальных фильмов, касающихся работы отечественных разведки и контрразведки.

Архивное дело № Р-8470

А.А. Зданович

Польский крест советской контрразведки

Польская линия
в работе ВЧК–НКВД
1918–1938

Крафт+
Москва
2017

УДК 94
ББК 63.3(2)61
346

Рецензенты

д.ю.н. В.П. Галицкий, д.и.н. А.М. Плеханов

Зданович, Александр Александрович

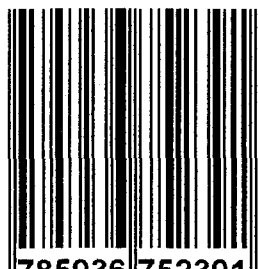
346

Польский крест советской контрразведки. Польская линия в работе ВЧК-НКВД. 1918–1938 / А.А. Зданович. – М.: Крафт+, 2017. – 480 с., ил. – ISBN 978-5-93675-239-1. – (Архивное дело №...)

Революция 1917 года и провозглашение независимой Польши привели к острому противостоянию большевистского государства и националистической Польши. Непримириемые позиции сторон, взаимное недоверие, открытая вражда нашли свое отражение и в активизации деятельности спецслужб.

В основу книги положены документы из российских архивов, освещающие операции, проводившиеся противниками на «тайном» фронте.

ISBN 978-5-93675-239-1

9 785936 752391

© Зданович А.А., 2017
© Издательство «Крафт+», 2017

Предисловие

В истории российско-польских отношений особое место займут события 2010 г., прежде всего трагическая гибель в авиакатастрофе под Смоленском президента Республики Польша Л. Качиньского и других высокопоставленных государственных чиновников и военных. Произошедшее было воспринято с состраданием российскими гражданами. В заявлениях высших должностных лиц нашей страны звучала решимость довести до конца расследование факта крушения авиалайнера и передать польским властям всю собранную международным авиационным комитетом и прокуратурой информацию.

Упомянув о трагедии, президент России и глава правительства каждый раз выражали надежду на укрепление межгосударственных отношений, большее взаимопонимание и адекватность восприятия позиции нашей страны в международных и внутривнутриполитических вопросах, отделение (насколько это возможно) исторических напластований от текущих и перспективных проблем. Высказывалось пожелание не руководствоваться при принятии отдельных решений так называемым в политической риторике «катынским синдромом», рассматривать события 70-летней давности как трагедию и поляков, и советских людей.

Буквально через несколько месяцев после авиакатастрофы президент России Д. Медведев в знак доброй воли передал почти половину томов (67) расследуемого прокуратурой уголовного дела по Катыни польской стороне. Затем последовала новая акция. Уже более 120 томов дела перешли в распоряжение польских властей. И, как говорилось, это был не последний транш. В срочном порядке прокуратурой и некоторыми другими правоохранительными структурами решались вопросы рассекречивания документов, собранных в рамках катынского уголовного дела. Кстати говоря, такого подарка (я имею в виду также и сам факт передачи дел) отечественные историки не получили, что подтвердил мне в разговоре, состоявшемся на слушаниях в Общественной палате при президенте России, руководитель архивной службы страны А.Н. Артизов. Кто-то бездумно, как бывало не раз, выполнил указание высшего руководства страны, забыв, а скорее всего, вообще не зная, о

том, что и российские историки не менее своих польских коллег заинтересованы в объективном исследовании случившегося в 1940 г. в Катыви. К сожаленио, не услышал я голоса протеста против действий бюрократов-манкуртов со стороны исторических институтов Академии наук, конкретных историков-полонистов. Фрагмент моего выступления в Общественной палате 20 октября 2010 г. с указанием на приведенный выше факт явного ущемления прав моих соотечественников, профессионально занимающихся историей, не появился на сайте палаты, хотя организаторами слушаний это было обещано.

В русле попыток укрепить взаимопонимание с российской стороны можно рассматривать и выход в свет в 2010 г. объемного сборника статей ученых двух стран, название которого говорит само за себя: «Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений»¹.

В краткой аннотации к книге указано, что опубликованные статьи позволяют «сопоставить взгляды российских и польских исследователей по наиболее важным проблемам двусторонних отношений, начиная с 1917 г. до сегодняшних дней». Хотелось бы обратить внимание читателей на то, что абсолютно точно использовано слово «сопоставить». То есть речь не шла о близости позиций или даже о некоем сближении их.

А ведь сборник подписан к печати в сентябре 2010 г., то есть спустя почти полгода после появления признаков улучшения отношений между нашими странами. Я не ратую за обязательный учет политической конъюнктуры при отборе и редактировании статей. Отнюдь. Вызывает уважение позиция, высказанная сопредседателями российско-польской группы по сложным вопросам академиком А. Торкуновым и профессором А.Д. Ротфельдом. Они отметили, что первые варианты текстов авторы представили еще в 2009 г. Но «весна 2010 г. (имеется в виду авиакатастрофа под Смоленском и последовавшие за ней события. – А.З.) дала нам шанс. Воспользоваться им можно только через системное движение навстречу друг к другу»².

Выделим последнюю фразу общего текста сопредседателей. С ней нельзя не согласиться. Однако далеко не во всех статьях сборника просматривается заявленный подход. Подчеркну: «черные пятна» в истории двусторонних отношений остаются, а иногда и разрастаются благодаря «зашоренности» отдельных историков как среди польских исследователей, так и отдельных российских. Причем, и это отчетливо прослеживается в текстах, если наши со-

отечественники пытаются быть «объективистами», то есть показывать недружественные действия с обеих сторон, то их коллеги (за очень редким исключением) всю вину за негатив в отношениях сторон сваливают только на царскую империю и Советскую Россию, а затем на СССР. Такую одностороннюю позицию ни понять, ни, тем более, принять нельзя. И достойны уважения такие российские ученые, как Г.Ф. Матвеев, А.Ф. Носкова и некоторые другие, с которыми мне приходилось сталкиваться и обсуждать ряд вопросов. Именно они отстаивали и продолжают отстаивать свои позиции, не поддаются давлению политической конъюнктуры и соблазну получить грантовую поддержку польской стороны.

Последнее – не моя идеологическая придумка, а абсолютно ясный денежный вопрос, который для патриотически настроенных исследователей ой, как трудно разрешим при подготовке и издании своих книг. К сожалению, у нас в стране нет таких структур, как, к примеру, Институт национальной памяти в Польше, заинтересованных в расширении исторических исследований и материально их поддерживающих. Лишь совсем недавно создан фонд, призванный финансово обеспечить работу российских историков. О чем можно говорить, если, насколько мне известно, Институт славяноведения Академии наук РФ и его польское подразделение в частности, призванное изучать прошлое двусторонних отношений и развивать российский взгляд на историю Польши, находится в плачевном состоянии и держится в основном на энтузиазме нескольких сотрудников. Если и дальше развитие полонистики пойдет по пути ожидания грантов от заинтересованных политико-исторических и, не побоюсь этого определения, националистических центров в Варшаве, то можно не рассчитывать на равноправное сотрудничество. Что-либо подобное упомянутому сборнику статей «Белые пятна...» мы в ближайшее время вряд ли увидим.

Заявление польского президента о длительности и сложности процесса улучшения отношений между нашими странами, сделанное во время визита в Польшу главы нашей страны Д. Медведева в конце 2010 г., не явилось чем-то сверхъестественным. Это показатель отсутствия видимых подвижек в историческом сознании польской элиты, включая и большинство ученых-историков. Я почти уверен в том, что и изучение переданных российской прокуратурой материалов уголовного дела по событиям в Катыни в 1940 г. только «подольет масла в огонь». Буду рад, если ошибусь в своем прогнозе.

А теперь возвращусь к сборнику статей «Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений». Само

название настраивало читателей на возможность почерпнуть много новых данных, которые ранее по разным причинам слабо освещались в публикациях. И надо отдать должное авторам – они действительно впервые привели много интереснейших фактов, а иным, уже вошедшим в научный оборот, дали свежую трактовку. Вместе с тем после прочтения сборника у меня (смею надеяться, что и у многих других людей, интересующихся межгосударственными отношениями Советской России-СССР и Польши) возник серьезный вопрос. Этот вопрос касался борьбы или, как принято говорить теперь, конфликтного взаимодействия спецслужб. Где-где, а в этой сфере разного цвета пятен и лакун ой, как много. Не зная, что делали сотрудники «двуйки» (2-го отдела польского Генерального штаба) и политической полиции Польши, с одной стороны, а органы ВЧК-НКВД (позднее МГБ) – с другой, вряд ли можно объективно разобраться в происходивших событиях, максимально подробно реконструировать историческую действительность. К сожалению, об операциях спецслужб авторами статей говорится крайне мало, если не сказать – вообще ничего. Я не беру сейчас вопрос репрессий. Как раз о них сказано много.

Вызывает удивление и отсутствие упоминаний о публикациях последних лет, посвященных деятельности тайных служб, даже в разделе «Современная историография российско-польских отношений». В отличие от И. Яжборовской (представителя группы отечественных ученых) ее польский коллега М. Корнат хотя бы вспомнил о монографиях известного историка А. Пеплоньского, исследовавшего организационное развитие польских разведки и контрразведки, их деятельность против СССР, а также монографию Х. Чвенка, изучавшего работу советской разведки на границе с Польшей в 1930-е гг.³ В общем, авторы статей сборника превратили спецслужбы в некие «фигуры умолчания». Возможно, они сделали это вполне сознательно, исходя из тезиса о стремлении к согласию, провозглашенного сопредседателями комиссии по сложным вопросам (А. Торкуновым и А. Ротфельдом). Они прекрасно понимали, что, описывая и оценивая акции спецслужб, к согласию прийти достаточно сложно, если вообще возможно.

Вполне вероятно, что и авторы фундаментальной монографии «Польша в XX веке. Очерки политической истории», увидевшей свет в 2012 г., также руководствовались указанным выше тезисом⁴.

К сожалению, в нашей стране практически нет изданных в переводе на русский язык монографий и статей о противоборстве польских и советских спецслужб. Думается, что было бы полезным

издать монографии профессора А. Пеплоньского и других польских историков, плодотворно работающих над вопросами противоборства разведок и контрразведок двух стран в XX в. Здесь исключение составляет книга А. Мисюка «Спецслужбы Польши против России и Германии», переведенная и изданная моим добрым знакомым и коллегой В.С. Живодеровым⁵. Несколько статей опубликовал в выходящем в Москве альманахе «Лубянка» польский историк К. Край⁶.

Идея написания монографии о борьбе советской контрразведки со спецслужбами Польши возникла у меня, конечно же, ранее появления указанных выше книг и статей. Еще работая над докторской диссертацией, я заострил свое внимание на Польше, поскольку в хронологических рамках моего исследования именно эта страна и ее вооруженные силы являлись потенциальным противником № 1 нашей страны. Что же касается разведки и контрразведки, они были реальными противниками. Бои на тайном фронте не затихали в период 1921–1939 гг. В монографии «Органы государственной безопасности и Красная армия» я тоже уделил много внимания польской линии в работе советской контрразведки⁷. Для реализации идеи пришлось проделать очень много работы, прежде всего по поиску необходимых материалов. Эти поиски проводились в государственных и ведомственных архивах (ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, РГВИА, ЦА ФСБ России, архивах УФСБ по Саратовской и Омской областям, архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). Без помощи моего коллеги начальника УРАФ ФСБ России генерал-лейтенанта В.С. Христофорова, заведующего РГАСПИ А.К. Сорокина, заместителя заведующего РГВА В.А. Коротаева, заведующей архивохранилищем ГАРФ «Русское зарубежье» Л.И. Петрушевой, архивистов-профессионалов своего дела К.Э. Безродного, Т.М. Голышкиной, К.В. Григорьева, Е.Н. Журавлева, А.Н. Евсеева, Н.А. Иванова, В.Г. Макарова, П.В. Миронова, О.В. Николаевой, С.И. Познахирева, А.И. Шишкина и др. мне не удалось бы не только завершить работу в срок, но и вообще написать эту монографию. Поэтому выражаю им глубокую сердечную признательность и говорю человеческое спасибо.

Много ценных советов я получил от членов «Общества изучения истории отечественных спецслужб» В.С. Измозика, В.А. Лебедева, А.М. Плеханова, В.Н. Хаустова, ныне, к моему глубокому сожалению, покойных В.К. Былинина и И.И. Васильева.

Огромную помощь по переводу на русский язык найденных документов и литературы мне оказала прекрасный знаток поль-

ского языка, лингвист и историк Ю.В. Родионова. Особую признательность я выражаю моей супруге – Е.А. Зданович, которая, как историк по образованию, многое сделала для подготовки рукописи к печати и вдохновляла меня на активную работу.

При большом объеме информации за исследуемый период, безусловно, нельзя исключить того, что, возможно, были допущены некоторые неточности в описании событий или написании фамилий (особенно польских). Вполне допускаю, что кому-то могут быть не по душе мои размышления и сделанные выводы. Хочу отметить, что при написании текста я руководствовался принципом объективности и, как я это понимаю, «патриотического реализма». Готов принять обоснованные доводы моих возможных критиков и любые дополнительные материалы. Если этих материалов будет много, то и появится основание для подготовки исправленного и дополненного издания.

¹ Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы российско-польских отношений. Российско-польская группа по сложным вопросам. М., 2010.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 777, 807.

⁴ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

⁵ Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии. Организационная структура польских спецслужб и их разведывательная и контрразведывательная деятельность в 1918–1939 гг. М., 2010.

⁶ Край К. Противоборство специальных служб Польши и СССР с 1919 до 1939 г. – Лубянка. Вып. № 12.

⁷ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2008.

Предыстория противостояния

В лице польской спецслужбы отечественные органы госбезопасности столкнулись с серьезной силой, имевшей более продолжительную историю своего существования, чем ВЧК-НКВД. И если отечественные аппараты разведки и контрразведки опирались на идеологический фактор, притягательность идей равенства и справедливости, классовой солидарности, то поляки базировались на националистических настроениях части населения в различных регионах СССР, беря прежде всего в расчет поляков, проживавших в Советском Союзе. Вербовочные устремления сотрудников 2-го отдела Генерального штаба Польши основывались на якобы весьма распространенной в то время ненависти к русским, порожденной политикой царских властей, которую продолжили большевики. Достаточно вспомнить тот факт, что, перейдя в 1920 г. этническую границу Польши, Красная армия столкнулась с мобилизацией сил всего польского общества перед лицом не столько революционной, сколько русской опасности для недавно освободившегося от «русского гнета» молодого государства¹.

Фактически польские спецслужбы создавали те, кто боролся в подпольных условиях с имперскими властями России и занимался шпионажем против нашей страны еще задолго до начала Первой мировой войны, когда Польши как самостоятельного государства не существовало.

Ни один польский историк, изучающий деятельность Ю. Пилсудского, не оспаривает тот факт, что группа польских националистов, включая и самого Ю. Пилсудского, предложила свои услуги японским разведорганам в 1904 г., сразу после начала русско-японской войны. Из числа авторов, книги которых переведены на русский язык, более детально этот эпизод рассмотрел В. Сулея. В своей монографии «Юзеф Пилсудский» он достаточно подробно описал события из биографии своего героя, относящиеся к 1904–1905 гг.² Много внимания работе группы Пилсудского по подрыву военной безопасности России уделил японский историк И. Чихару³.

Да он и не мог обойти этот сюжет, поскольку посвятил монографию деятельности своего соотечественника – полковника разведки Мотодзиро Акаси. При написании книги исследователь пользовался разнообразными документами из нескольких японских архивохранилищ и уже опубликованными в Японии статьями. Однако основу монографии составил достаточно объемный доклад самого полковника, написанный сразу после окончания русско-японской войны и предназначенный только для соответствующего отдела Генерального штаба его страны. Написанное И. Чихару несколько не противоречит тому, что представили своим читателям польские историки. Таким образом, можно говорить о достаточно объективном изложении историками участия поляков в шпионской деятельности японской разведки.

Детально остановился на рассматриваемых событиях и российский историк-полонист, доктор исторических наук, профессор Г.Ф. Матвеев⁴.

Именно на вышеуказанные источники я и сошлюсь, поскольку они наиболее информативны, объективны и, полагаю, достаточны для раскрытия данного важного эпизода – так называемой операции «Вечер». Вернее, это даже не операция в классическом понимании данного термина. Таким криптонимом были зашифрованы контакты верхушки Польской партии социалистической (ППС) с японскими дипломатами и разведчиками. Итак. Группа польских националистов-подпольщиков – членов руководства ППС, в составе Ю. Пилсудского (тогдашний псевдоним «Мечислав»), В. Йодко-Наркевича и А. Малиновского (возможно, и еще некоторых подпольщиков), оценив начало русско-японской войны как возможность поучаствовать в развале Российской империи, решила вступить в контакт с японской разведкой и предложить ей свои услуги в разведывательно-подрывной деятельности. Одна из целей сотрудничества виделась в возможности пополнить партийную кассу. Первые контакты с японскими дипломатами состоялись в Вене, затем в Париже и, наконец, в Лондоне. В ходе переговоров с сотрудниками японского посольства выяснилось, что бюджет МИД не позволяет производить траты на мероприятия, которые предложили представители ППС, и следовало запрашивать денежные средства у военного ведомства. В результате лондонских переговоров в середине мая 1904 г. было решено направить неких доверенных лиц в Токио для обсуждения всех важных вопросов с высокопоставленными офицерами Генерального штаба японской армии⁵. В конце июня 1904 г. Пилсудский прибыл в столицу воюющего с его страной государ-

ства. Сам «товарищ Мечислав» и его ближайшие соратники фактически стали изменниками Родины, поскольку формально являлись подданными Российской империи.

Шпионы-«инициативники» предложили конкретный план своей будущей деятельности, разработанный якобы Разведывательным бюро ППС, хотя в исторической литературе об этом органе никаких сведений нет. Очевидно, Пилсудский просто пытался произвести на японцев более серьезное впечатление, говоря о существовании специализированного подразделения в партийной структуре, которое и будет выполнять задания японского Генштаба. Суммируя сведения разных авторов, можно уверенно говорить о том, что предложенный Пилсудским план состоял из следующих пунктов:

1) сбор разведывательной информации о российской армии: ее численности, вооружении, передислокации и т.д.;

2) проведение акций саботажа и диверсий в тылу российских войск, включая и взрывы мостов на Транссибирской магистрали;

3) издание воззвания к солдатам-полякам, находившимся в русской армии, с призывом добровольно сдаваться в плен, при этом японцам предлагалось сформировать отдельный легион из военнопленных данной категории для участия в боевых действиях;

4) поднять вооруженное восстание на территории Королевства Польского и тем самым отвлечь определенные контингенты русской армии от фронта;

5) организовать срыв мобилизации в этнически польских районах империи⁶.

Надо признать, что если бы этот план удалось полностью реализовать, то наших воинов погибло бы значительно больше, чем произошло в реальности. Правда, от формирования польского легиона японцы по политическим соображениям отказались сразу. Да и запрошенные Пилсудским деньги оказались японским военным превосходящими разумные пределы. Главное, чем заинтересовались японцы, – это диверсии на Транссибирской магистрали. На это реальное дело финансовые средства и были выделены.

Здесь следует отметить, что не только группа Пилсудского рассчитывала заработать на разведывательно-подрывной деятельности. Чуть раньше Пилсудского в Токио прибыл и глава Лиги народной Р. Дмовский. 20 июля 1904 г. он направил в МИД Японии свой меморандум с предложениями, во многом совпадавшими с планом Пилсудского. Лишь организацию вооруженного восстания автор меморандума признавал преждевременной⁷.

Кроме плана разведывательно-подрывных акций, Пилсудский передал японским военным некий аналитический документ под

названием «Слабые стороны России», в котором обосновывал особую роль Польши в борьбе с Российской империей, значительно большую, чем финнов или кавказских народов. «Товарищ Мечислав» считал нужным сделать все возможное для расчленения России, и возглавить эту работу, по его мнению, могли только поляки⁸. Внешне соглашаясь с утверждениями Пилсудского, японцы не видели в нем самом достаточно весомую фигуру и скептически оценили его далеко идущие планы. Достаточно сказать о том, что он не был принят ни одним высокопоставленным чиновником МИД, а в Генеральном штабе разговоры велись на уровне начальника одного из отделов. Однако деньги японцы все же дали, но только на разведывательную работу и проведение диверсий на Транссибирской магистрали.

Своих диверсантов у Р. Дмовского не нашлось, а вот Пилсудский выделил двух молодых подпольщиков, которые и прошли специальную подготовку в Японии. Однако в Сибирь они так и не поехали. Выяснилось, что царские военные власти самым серьезным образом усилили охрану железной дороги, особенно мостов через сибирские реки⁹.

На полученные от японцев деньги Пилсудский и его соратники закупили и доставили в Варшаву более 60 пистолетов и револьверов, вооружили ими боевиков и определили их задачи на 13 ноября 1904 г. Именно на этот день была назначена демонстрация против мобилизации. Члены варшавской организации ППС осуществили заранее спланированную провокацию – подняли знамя с надписью «Долой войну и царизм!», а затем обстреляли полицейских, пытавшихся отобрать знамя и антиправительственные плакаты. Стычки с применением оружия продолжались и в других районах города. В итоге около 10 человек были убиты, несколько десятков ранены. Более 600 демонстрантов полиция арестовала. Нельзя не согласиться с утверждением профессора Г.Ф. Матвеева о том, что описанная акция являлась частью плана операции «Вечер» и была осуществлена на японские деньги¹⁰.

В 1905 г. Пилсудский создает в рамках ППС боевой отдел, деятельность которого была засекречена от рядовых партийцев. Однако в связи с нанесенными царской политической полицией ударами по различным организациям ППС боевики не смогли сделать что-либо существенное в плане противодействия властям. Но японские деньги продолжали работать. На них дополнительно закупалось оружие, проводились тренировки боевиков в специально созданных школах. В боевой организации Пилсудский видел ин-

струмент, с помощью которого можно было не только вести борьбу за независимость Польши путем вооруженных восстаний, но и удерживать руководство ППС в своих руках.

Однако революционная волна явно пошла на спад, и решительные действия пришлось отложить. Русско-японская война закончилась, и поддержки из Токио (в том числе и финансовой) ждать уже не приходилось. Но опыт деятельности в качестве наемной разведывательно-подрывной силы, работающей на военного врага России, Пилсудским и его ближайшими соратниками был получен и хорошо усвоен. Вопрос состоял только в одном – на какую внешнюю силу можно будет опираться дальше? Как пишет профессор Г.Ф. Матвеев, уже к концу сентября 1906 г. пилсудчики точно просчитали, что Австро-Венгрия и Германия могут через несколько лет вступить в военный конфликт с Российской империей. А до этого времени указанным странам, их генеральным штабам потребуется максимально возможно полная информация о состоянии русской армии, новых образцах оружия и боевой техники, морально-политическом состоянии личного состава. Поэтому были предприняты первые попытки установить контакт с австро-венгерским Генеральным штабом. В этом лично участвовали Пилсудский и Йодко-Наркевич. Вот, что об этом эпизоде пишет бывший начальник разведслужбы австро-венгерской армии М. Ронге: «Пренебрежение разведкой против России казалось не опасным, так как в 1906 г. открылись первые перспективы снова быстро возродить агентуру в случае конфликта. Доктор Витольд Йодко и Иосиф Пилсудский от имени Польской социалистической партии предложили штабу военного командования в Перемышле в качестве эквивалента за поддержку их стремлений использовать свою разведку»¹¹.

В Перемышле они встретились с начальником штаба 10-го корпуса полковником Ф. Каником и попытались заинтересовать австрийского военного своими возможностями. Во-первых, они заявили, что выступают от имени серьезной политической партии, в рядах которой насчитывается до 70 тыс. боевиков¹². Но это, как говорится, припасается на период начала боевых операций. А вот разведывательную работу полковнику предлагалось развернуть теперь же. В обмен за свои услуги Пилсудский просил оказывать содействие в закупке, транспортировке и складировании оружия, а также гарантии для членов подпольной боевой организации ППС. Ф. Каник уже готов был к сотрудничеству, однако высшее командование посчитало контакты с революционерами несвоевременными, и разговоры с начальником штаба корпуса остались лишь

разговорами. Никакой договоренности тогда достигнуть якобы не удалось¹³.

И, тем не менее, Пилсудский не отказался от ориентации на австро-венгерские военные круги. В 1912 г. он становится главным комендантом Союза активной борьбы, которому подчинялись все ранее организованные польские стрелковые общества и союзы, готовившие кадры боевиков ППС. Деятельность подобных структур, находившихся в пределах Австро-Венгрии, не нарушала законы Габсбургской империи, и военные власти страны использовали их связи на российской стороне для сбора разведывательной информации. На основе собранных сведений Пилсудский лично подготовил и издал под псевдонимом З. Мечиславский (скорее всего на австрийские деньги) «Военную географию Королевства Польского» с выводами относительно возможных действий русского командования в начальный период войны и роли польских повстанческих отрядов в противодействии частям царской армии¹⁴. Таким образом, можно говорить о том, что Пилсудский и его окружение воспринимались командованием австро-венгерской армии как некий стратегический запас, который можно постепенно использовать в плане усиления разведывательной работы в России, не затрачивая при этом больших финансовых средств.

Как известно, одним из наиболее активных и важных агентов русской военной разведки был начальник разведывательной группы Учетного отдела Генерального штаба австро-венгерской армии А. Редль. Однако о контактах с пилсудчиками он не сообщил. По крайней мере, каких-либо документов на сей счет в Российском государственном военно-историческом архиве мне найти не удалось. Поиск в материалах Департамента полиции МВД России, сохранившихся в ГАРФе, также не дал результатов. Ничего по этому вопросу не написал в своей книге и тогдашний руководитель разведки и контрразведки Варшавского военного округа Генерального штаба генерал-майор Н.С. Батюшин, хотя деятельность спецслужб соседнего государства была непосредственным предметом его внимания в течение почти 10 лет¹⁵.

В рамках изучения нашей темы выглядят странными некоторые утверждения уважаемого генерала спецслужб. Он, в частности, упомянул следующий эпизод: из штаба Киевского ВО поступила информация о том, что поляки-сепаратисты «поднимут у нас в Замостском районе восстание в случае объявления нам войны Австро-Венгрии»¹⁶. Н. Батюшин с иронией отмечает, что при проверке конкретных лиц, указанных в материалах разведывательного

отдела штаба Киевского ВО, они оказались давно умершими участниками восстания 1863 г. Выходит, разведчики из штаба Варшавского ВО своим коллегам не поверили, должным образом не оценили реальную угрозу и не задались изучением в более широком плане вопроса о вполне допустимых контактах польских социалистов с разведкой вероятного противника. Конечно же, написанное Н. Батюшиным отражает только его личное видение проблемы и, возможно, нежелание признать собственные ошибки. Более того, утверждения генерала могут свидетельствовать о недостаточной информированности окружного аппарата разведки и контрразведки. Поэтому я не ставлю под сомнение сведения других источников о ситуации в самом западном военном округе Российской империи в период, предшествовавший началу войны.

Казалось бы, российские власти уделяли особое внимание революционному подполью в Польше и вполне вероятным его контактам с некими заграничными центрами. Об этом свидетельствует тот факт, что первые отделения по охране общественной безопасности (охранные отделения) были учреждены лишь в наиболее значимых городах: в Санкт-Петербурге (как столице империи), в Москве и Варшаве. Однако в начале века основательно окрепло националистическое движение и резко возросла его террористическая активность, в связи с этим деятельности революционного подполья уделялось, на мой взгляд, недостаточно внимания. Вот пример, подтверждающий мое предположение. В своих мемуарах тогдашний командир Отдельного корпуса жандармов и товарищ министра внутренних дел, курировавший с 1913 г. политическую полицию, В.Ф. Джунковский так описал свое единственное на этом посту посещение Варшавы: «В Варшаве я **пробыл один день**, прямо с вокзала проехал в собор, затем сделал необходимые визиты и **успел ознакомиться с работой в охранном отделении, губернском жандармском управлении** (выделено мною. – А.З.), съездить по приглашению представителей города осмотреть водопроводные сооружения, осмотрел крепостную жандармскую команду и затем вызвал по тревоге жандармский дивизион на Мокотовском поле, произвел ему смотр в конном строю»¹⁷. Ну как Вам, читатель, такая повестка дня главы политического розыска?

Однако, чтобы быть объективным, отмечу все же некоторую озабоченность этого должностного лица ситуацией в Польше в начале 1914 г. Оказывается, что он получал информацию по вопросам польского революционного движения от начальников жандармских управлений Юго-Западного края, которые весь предыдущий год

направляли лично ему алармистские донесения об активизации действий националистов, о Закопанском съезде в Галиции летом 1912 г., а также последующих съездах в Кракове, Лондоне, Париже и Цюрихе. «Озабоченный этим движением, – писал В.Ф. Джунковский, – я отдал распоряжение по Департаменту полиции о систематизации всех материалов по этому движению за 1913 г. и о докладе мне для принятия тех или иных мер... Я вполне согласился с заключением полковника Шределя (начальника Киевского жандармского управления. – А.З.), но мне хотелось получить еще и от начальника Варшавского управления необходимые документы и тогда уже во всеоружии обнаружить стремления польских организаций. Война, разразившаяся в июле, помешала этому, парализовав действия польских организаций»¹⁸. Что же получается? Департамент полиции вовсе запустил работу в Польше? Никаких активных действий по вскрытию реальной ситуации в националистическом подполье не предпринималось в преддверии войны? Получается, что так оно и было.

К сожалению, и ранее, и во время визита В.Ф. Джунковского Варшавское охранное отделение Департамента полиции, которое должно было прицельно работать по ППС в целом и по группе Пилсудского особенно, было не на пике профессионализма его сотрудников и их активности. Его агентурные возможности оказались достаточно скромными и не позволили выйти на практическую деятельность партийной разведки ППС. Может быть, именно по этой причине один из самых результативных начальников этого отделения жандармский подполковник П.П. Заварзин в своей автобиографической книге мало что написал о службе в Варшаве вообще и об участии в работе по борьбе с иностранным шпионажем в частности. О попытках выявления контактов польских революционеров с японской, а позднее и австрийской разведками мы не найдем в тексте ни одной строки. Фактически он лишь отметил такой факт, как сложность агентурного проникновения в партии, созданные на национальной, а не на классовой основе¹⁹.

Результаты деятельности другого корифея тогдашнего политического розыска – полковника К.И. Глобачева, проработавшего более года в качестве начальника Варшавского охранного отделения, были отрицательно оценены комиссией ДП МВД России именно за явно недостаточно активную личную работу с агентурой, а также за отсутствие должного внимания к состоянию осведомительной сети у подчиненных²⁰. И это происходило как раз в 1910–1911 гг., в то время, когда Пилсудский и его ближайшие сподвижники раз-

вивали свои контакты с австрийской разведкой. Да что говорить о Варшавском отделении, когда в Особом отделе Департамента полиции МВД Российской империи в номенклатуре его дел Польская социалистическая партия значилась лишь под номером 13 среди наблюдавшихся (разрабатывавшихся) политических организаций, уступив место в «рейтинге» опасных для царского режима нелегальных структур другим²¹. В заграничной агентуре Особого отдела ДП МВД России из 23 секретных сотрудников на 1913 г. не было ни одного, работавшего по Польской социалистической партии²².

Жаль, что до начала Первой мировой войны отечественным спецслужбам (как в центре, так и на местах) не удалось выявить и пресечь шпионскую связь польских революционеров с австрийской разведкой. А эта связь постепенно укреплялась. С июля 1908 г. начальником разведывательного центра австрийского Генштаба во Львове был назначен капитан Г. Ишковский – поляк по национальности, немного говоривший по-польски. Капитан установил контакт с близким соратником Пилсудского А. Малиновским, который, кстати говоря, ранее имел прямое отношение к упомянутой выше операции «Вечер», то есть к работе с японской разведкой²³. А уже в конце ноября – начале декабря 1908 г. лично Пилсудский выехал в Вену, где с ним встретился начальник Учетного бюро Генштаба Австро-Венгрии майор М. Ронге, проинформированный Ишковским о целесообразности развития отношений с польскими революционерами-экстремистами в плане использования их в разведывательно-подрывной работе. В итоге состоявшихся переговоров австро-венгерская разведка получила в свое распоряжение целую агентурную сеть, зашифрованную криптонимом «Конфидент-Р», состоящую из 15 представителей Союза боевых активистов (СБА – ZWC)²⁴. Этой разведывательной сетью руководили Пилсудский, Йодко-Наркевич и Малиновский. Замыслы австрийского Генерального штаба шли дальше, строились расчеты на будущее. Там полагали, что новая агентура начнет диверсионные действия на территории Королевства Польского, когда вспыхнет вооруженный конфликт с Россией.

К 1913 г. эта разведсеть разрослась до 250 человек. Ячейки «Конфидент-Р» имелись во Львове, Кракове и Перемышле, откуда отдельные агенты командировались Ю. Пилсудским в Петроград, Москву, Одессу, Ригу, Киев и Вильно. Накануне Первой мировой войны сеть «Конфидент-Р» имела только в российской столице 38 агентов. Они работали достаточно активно. По подсчетам польского историка профессора А. Пеплоньского, всего за 6 пред-

военных месяцев разведсеть Ю. Пилсудского направила своим хозяевам 389 письменных донесений и 119 устных сообщений²⁵. Передававшаяся информация касалась прежде всего военной проблематики.

Запросы австрийских кураторов резко возросли после начала Первой мировой войны. Наличной разведывательной сетью обойтись уже было невозможно. В сентябре 1914 г. Пилсудский принял решение о преобразовании ряда подпольных структур в Польскую национальную организацию. Актив ее составили такие соратники Пилсудского, как Йодко-Наркевич, Малиновский и др., поднаторевшие в вопросах разведки. В планы ПНО входило установить связь с союзниками Австро-Венгрии – немецкими военными властями. И это вскоре произошло²⁶. Йодко-Наркевич направился в Берлин, где имел встречи в военном и дипломатическом ведомствах. Польских революционеров сориентировали на разведывательный отдел 9-й германской армии, которая вела боевые действия на территории Царства Польского. Со штабом армии было подписано соглашение о тайном сотрудничестве.

В дальнейшем разведывательная деятельность партии Ю. Пилсудского (Польской социалистической партии – ППС) проводилась членами созданной им осенью 1914 г. строго законспирированной структуры – Польской организации войсковой (ПОВ). Она состояла в подавляющем большинстве из молодых, националистически настроенных поляков. Первоначально ПОВ развернула свою деятельность на оккупированной немцами и австро-венгерскими войсками территории. Тайные соглашения против России – это одно, а предстоявшая работа по созданию независимого польского государства – это совсем другое. Здесь никакие контакты с иностранными войсками, по мысли Пилсудского, были недопустимы. Постепенно создавались ячейки ПОВ на Украине, в Белоруссии, Смоленской губернии, а также в Петрограде и Москве. Их задачей было оказание возможного содействия военнопленным из числа польских легионеров. По некоторым данным, уже летом 1916 г., после наступления генерала А.А. Брусилова, в русском плену оказалось более тысячи легионеров. Разведывательная работа в тыловых районах империи также не отошла на второй план, однако ее осложнял вопрос времени передачи сведений в штабы немецких и австро-венгерских войск.

Резко возросла активность организаций ПОВ на российской стороне после Февральской революции, особенно с лета 1917 г. В это время немцы арестовали Пилсудского. Формально поводом

к этому послужило то, что в Петрограде на съезде поляков-военнослужащих российской армии он заочно был избран председателем. Кстати говоря, его кандидатуру на эту должность предложил будущий начальник польской разведки И. Матушевский, мотивируя это необходимостью проявления уважения к создателю первых польских вооруженных отрядов²⁷. Арест Пилсудского не повлиял на развитие структуры ПОВ. Ее руководителем стал полковник Э. Смиглы-Рыдз из 1-й бригады легионов. Он организовал Главное управление в Кракове и ввел туда наиболее близких подчиненных, имевших опыт нелегальной деятельности.

В самом начале 1918 г. немецкие войска захватили почти всю территорию Украины. Это дало Главному управлению ПОВ возможность организовать оперативный центр в Киеве, влияние которого должно было распространяться на всю Центральную Россию. Польский историк М. Волос утверждает, что начинать в Киеве пришлось не с нуля. Уже в первые месяцы войны подпольные ячейки типа ПОВ были созданы в Петрограде, Вильно и Киеве. На Украине группу возглавлял Ю. Бромирский (псевдоним «Йот»), который свое детство и юность провел в будущей столице Украины, хорошо владел русским языком, имел в городе обширные связи. Он осенью 1914 г. нелегально прибыл на территорию, еще контролировавшуюся русскими войсками, и обосновался в Киеве, где и создал организацию «Днепр». Позднее она стала основой структуры ПОВ. В члены группы привлекались только представители «радикальной» части общества, прежде всего молодежь. Бромирский разъяснял новым соратникам, что им предстоит вести «идейную борьбу с обнаглевшим казачеством, стремящимся к объединению трех частей разделов под эгидой царизма»²⁸. Другой задачей были сбор и пересылка за линию фронта материальных средств, предназначенных для поддержки легионов, и направление туда на службу молодых людей. Проводилась большая работа по вызволению легионеров из лагерей военнопленных. Была устроена целая «фабрика» по изготовлению поддельных документов, которыми снабжались бежавшие из лагерей легионеры. Одновременно велся сбор разведывательной информации о частях русской армии.

Киевское охранное отделение и армейская контрразведка в июне 1915 г. сумели частично вскрыть деятельность организации «Днепр» и арестовать некоторых ее членов, но не более того²⁹. Выявить иногородние связи и установить общероссийский характер работы польского подполья в Киеве российские спецслужбы тогда не смогли. По крайней мере, собирая материалы для своей моно-

графии об отечественной контрразведке за 1914–1920 гг., я не обнаружил в российских архивах соответствующих документов³⁰. О масштабном провале киевского центра не упоминают и польские историки, изучающие деятельность Польской организации войсковой и разведки польской армии. Поэтому можно предположить, что провал в Киеве произошел случайно и почти не затронул основную массу членов подпольной структуры. Бежать пришлось лишь руководителю, обязанности которого в это время исполнял П. Высоцкий³¹. Киевский центр вновь возглавил Бромирский. А вот работа на Украине в целом и в других городах Российской империи перешла в ведение руководящего сотрудника ПОВ Ф. Скомпского. Однако между двумя главными подпольщиками начались разногласия, основанные на некотором различии политических взглядов. Это приводило в конечном итоге к снижению активности по всем направлениям деятельности ПОВ на восточном направлении.

Положение изменилось начиная с февраля 1917 г. Послереволюционный хаос в нашей стране, вызванный в том числе и лавинообразным, тотальным разрушением всех без исключения структур военной контрразведки и органов политической безопасности Российской империи, способствовал развитию деятельности ПОВ. Как известно, уже 4 марта на третьем своем заседании Временное правительство приняло значимое для всей страны решение. Были ликвидированы Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД России³². Все жандармские офицеры, включая и проходивших службу в отделениях по охранению общественной безопасности, зачислялись в воинские части в соответствии с их военным образованием. А наиболее известные по успехам в борьбе с революционным движением в царской России арестовывались и привлекались к уголовной ответственности либо просто физически уничтожались «разгневанной» толпой. При этом следует иметь в виду, что подавляющее большинство начальников отделов контрразведки фронтов и армий царской России являлись офицерами Отдельного корпуса жандармов, прикомандированными к военному ведомству. Таковыми были и практически все сотрудники службы наружного наблюдения.

О тех, кто занимался перлюстрацией корреспонденции или просто работал в военной цензуре, и говорить не приходится – «черные кабинеты» и их обитатели были «красной тряпкой» для новой власти. Крупнейший в нашей стране исследователь становления и развития «черных кабинетов», член «Общества изучения истории отечественных спецслужб», доктор исторических наук, профес-

сор В.С. Измозик в своей фундаментальной монографии привел конкретные факты подтверждающие указанное выше. «10 июля 1917 года, – пишет он, – последовал приказ по Министерству почт и телеграфов, которым с 16 марта того же года увольнялись от должности тридцать восемь сотрудников цензуры иностранных газет и журналов, в том числе: шестнадцать чиновников петроградской цензуры, девять – московской, шесть – варшавской, три чиновника – киевской и четыре – одесской цензуры. Из тридцати восьми уволенных перлюстрацией занимались тридцать два человека»³³. А это был костяк профессионалов своего дела, обеспечивавших тайным, достаточно тяжелым трудом один из значимых методов работы контрразведки и политического розыска.

А пилсудчики в 1917 г., особенно в начале 1918 г., направляли на Украину и в Россию свои лучшие кадры, укрепляя структуры ПОВ. Многие из посланных заняли позднее в Возрожденной Польше достаточно высокие посты в государственном аппарате, в армии и спецслужбах. Первым эмиссаром после Октябрьской революции явился Т. Холувко. Его миссия как человека, хорошо разбиравшегося в российских и украинских реалиях, была весьма важной для дальнейшей работы ПОВ³⁴. «Я заявил самым решительным образом, – писал Холувко, – что ППС находится в состоянии открытой борьбы с центральными государствами и готовится совместно с ПВО (имеется в виду ПОВ. – А.З.) в соответствующий момент вызвать вооруженное восстание против оккупантов. В таких условиях формирование в России демократической польской армии, которая могла бы в момент начала этой борьбы вступить на территорию Польши, имеет огромное, быть может, даже решающее значение»³⁵. Пусть нас не удивляет упоминание Холувко только центральных держав, то есть Германии и Австро-Венгрии, поскольку польские националисты во главе с Пилсудским исходили из того, что оккупированные войсками этих государств Украина и некоторые другие районы бывшей Российской империи – это «восточные крессы» Польши.

Создание военных структур с непреложностью вело к организации необходимых любой армии органов разведки и контрразведки. Организационное строительство структур ПОВ, шпионские подразделения которых и выполняли в основном задания военных штабов, продолжилось ускоренными темпами. Об этом процессе имеются многочисленные свидетельства, известные из уже введенных в научный оборот документов. Поскольку содержащаяся в них информация повторяется, то можно предположить, что осно-

вой большинства исторических исследований явились одни и те же архивные материалы и воспоминания разного уровня руководителей, а также рядовых членов ПОВ. Поэтому я воспроизведу ход укрепления структур этой организации и активизации ее шпионской деятельности по опубликованной еще в 1923 г. книге «ЧК на Украине» достаточно известного в то время на Украине чекиста – С.С. Дукельского³⁶. Он с 1920 г. служил заместителем начальника секретно-оперативной части Особого отдела Юго-Западного фронта, затем начальником Особого отдела Центрального управления чрезвычайных комиссий Украины и далее заместителем начальника ОО ВУЧК. Как известно сейчас, это были именно те подразделения органов госбезопасности, которые в основном и боролись с ПОВ на Украине.

Предваряя обращение к тексту книги, нельзя не отметить интересные факты.

1) Она предназначалась для широкого распространения в целях поднятия бдительности населения, однако весь тираж ее был изъят по неизвестным до сего времени причинам. Лишь отдельные экземпляры достались некоторым руководящим партийным и чекистским работникам. Практически впервые в советский период информацию из книги Дукельского использовали украинские историки, прежде всего Л. Маймескулов, А. Рогожин и В. Сташис³⁷, а полный текст первой части книги, хранящейся в архиве Гуверовского института, был опубликован американским историком Ю. Фельштинским в книге «ВЧК-ГПУ. Документы и материалы»³⁸.

2) Дукельский, работая на должности сотрудника для особых поручений при наркоме внутренних дел Н. Ежове, имел непосредственное отношение к составлению текста оперативного приказа № 00485 от 11 августа 1937 г. о проведении массовой операции «по полякам», а также рассылавшегося при нем закрытого письма «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР»³⁹. Ряд фрагментов указанного письма, относящихся к деятельности ПОВ, практически дословно совпадает с текстом его книги об органах ЧК-ГПУ на Украине. Авторство Дукельского подтверждается и тем, что он в 1938 г. подготовил для чекистских учебных заведений монографию о борьбе с польской разведкой, в которой значительное внимание уделил ПОВ.

3) Все, что сказано о ПОВ Дукельским в книге «ЧК-ГПУ», почерпнуто им из протоколов допросов некоторых членов организации, арестованных в 1920–1921 гг., и из изъятых у них при обысках документов.

Дукельский указывает, что ПОВ в 1918 г. имела несколько главных командований (КН – Коменд начельней), и под номером три значилась организация в Киеве (КН-3). Все три организации входили в состав разведывательного отдела Главного командования польской армии. К середине 1919 г. организация была расширена, и изменилась ее структура. КН-3 стала именоваться КН-У (Коменда начельна Украина). Создавались подчиненные киевской организации местные комендатуры, такие как: КУП – Правобережная Украина, КУЛ – Левобережная, КУЧ – черноморская и КУК – кубано-кавказская команды. Подпольщикам удалось укрепить, а в некоторых местах и восстановить прочные контакты. Так, существовала курьерская связь с Харьковом, Одессой, Винницей, Житомиром, Москвой и Петроградом. На всей территории Украины и России руководство деятельностью ПОВ осуществлялось из Варшавы⁴⁰. Дополняя Дукельского, польский историк М. Волос отмечает наличие у ПОВ 12 баз на Правобережной Украине, 6 – на Левобережной, 6 – в черноморской полосе и в Крыму. Еще 5 баз имелось на так называемых «казачьих землях» и на Кавказе. Члены ПОВ добрались даже до Азербайджана и Грузии. В подпольной деятельности на территории КН-3 в 1918 г. участвовали почти 500 человек⁴¹.

К сожалению, ввиду быстро менявшейся обстановки в России и особенно на Украине, наличия большого числа поляков в советских республиках, из числа которых и вербовались члены ПОВ, слабости вновь созданных органов госбезопасности и ряда других факторов вскрыть подпольные структуры тогда не удалось. Чекисты реально ощутили разведывательно-подрывную работу ПОВ лишь в 1919 г.

¹ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 243.

² Сулея В. Юзеф Пилсудский. М., 2009. С. 67–77.

³ Чихару И. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. М., 2013.

⁴ Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.

⁵ Сулея В. Указ. соч. С. 67.

⁶ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 75; Сулея В. Указ. соч. С. 74.

⁷ Чихару И. Указ. соч. С. 56.

⁸ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 83.

⁹ Чихару И. Указ. соч. С. 54.

- ¹⁰ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 91.
- ¹¹ Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М., 2000. С.16.
- ¹² Там же. С. 107.
- ¹³ Сулея В. Указ. соч. С. 96.
- ¹⁴ Там же. С. 115.
- ¹⁵ Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002.
- ¹⁶ Там же. С. 80.
- ¹⁷ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 242.
- ¹⁸ Там же. С. 289–290.
- ¹⁹ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930. С. 95.
- ²⁰ Перегудова З.И. Политический сыск России. 1880–1917. М., 2013. С. 113.
- ²¹ Там же. С. 110.
- ²² Там же. С. 169.
- ²³ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 131.
- ²⁴ Replonski A. Wywiad w wojnie polsko-radzieckiej 1919–1920. W-wa, 1999. S. 13.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Матвеев Г.Ф. Указ. соч. С. 188.
- ²⁷ Волос М. Польская военная организация в России и на Украине в 1917–1918 годах. – Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. М., 2009. С. 195.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 198.
- ³⁰ Зданович А. Отечественная контрразведка. 1914–1920 гг. Организационное строительство. М., 2004.
- ³¹ Волос М. Указ. соч. С. 198.
- ³² Февральская революция. 1917 год. Сборник документов и материалов. М., 1969. С. 166.
- ³³ Измозик В.С. «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. М., 2015. С. 260.
- ³⁴ Волос М. Указ. Соч. С. 198.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Дукельский С.С. ЧК на Украине. Харьков, 1923.
- ³⁷ Маймескулов Л., Рогожин А., Сташис В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия. 1918–1922 гг. Харьков, 1990.
- ³⁸ Фельштинский Ю.Г. ВЧК-ГПУ. Документы и материалы М., 1995. С.135–215.
- ³⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление государственной безопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С. 301–321.
- ⁴⁰ Фельштинский Ю.Г. Указ. соч. С. 156.
- ⁴¹ Волос М. Указ. соч. С. 199.

Чекистские операции по польской линии в 1918 году

Можно с большой долей уверенности говорить о том, что с польской проблематикой ВЧК впервые столкнулась в самом начале 1918 г., когда против советской власти восстал 1-й корпус польских легионов. Напомню, что польский корпус был создан в составе русской армии еще до Октябрьской революции. Первоначально в 1915 г. польские части формировались как легион, который позднее преобразовали в бригаду и далее – в дивизию. Белорусский историк Н. Сташкевич утверждает, что легионы в боевых действиях не участвовали, поскольку командование Западного фронта считало их ненадежными и отвело с линии фронта в г. Борисов¹. Уже при Временном правительстве командиром корпуса был назначен бывший командир 38-го армейского корпуса 10-й армии генерал-лейтенант Ю.Р. Довбор-Мусницкий. После Октябрьской революции командование корпуса отказалось выполнять постановления советского правительства о демократизации армии, развернуло националистическую пропаганду, установило контакт с польскими политиками за границей, стремившимися к созданию независимого государства. 12 (25) января 1918 г. Довбор-Мусницкий поднял мятеж против советской власти, и легионеры стали угрожать Ставке Верховного Главнокомандующего в Могилеве. Тогда генерала объявили вне закона, а корпус, согласно приказу командующего Западным фронтом, подлежал разоружению и расформированию. Для этого пришлось применить военную силу, и легионеры понесли серьезные потери. От полного разгрома корпус спасло наступление немецких войск, начавшееся 18 февраля 1918 г.²

В связи со сказанным необходимо напомнить о том, что 21 февраля 1918 г. Совнарком РСФСР принял воззвание к трудящемуся населению всей России по поводу наступления Германии. В нем, в частности, отмечалось, что немецкие власти, дождавшись демобилизации старой русской армии, нарушили перемирие и двинули

свои войска в наступление против революционной России. В связи с этим СНК призвал ускоренными темпами создать Красную армию для отпора врагу и укреплять «железной рукой» внутреннюю безопасность во всех городах³. На это воззвание незамедлительно отреагировала Всероссийская ЧК. В плане рассмотрения польской темы небезынтересно отметить следующее: в объявлении ВЧК, опубликованном в «Известиях ВЦИК» от 23 (10) февраля 1918 г., среди разных категорий лиц, подлежащих расстрелу на месте ввиду создавшейся обстановки, указаны и те, кто планировал ехать на пополнение «польских контрреволюционных легионов». Они однозначно рассматривались как политические преступники и шпионы⁴.

Большевики арестовали несколько членов правлений союзов военных поляков. В Минске, к примеру, были захвачены члены Верховного польского военного комитета (ВПВК). Оставшиеся на свободе члены ВПВК выехали в Киев, где заключили соглашение с отделением некоего Польского совета Междупартийного объединения. Представители ВПВК передали свои полномочия вновь образованному совету польских вооруженных сил.

Часть польских офицеров и солдат осталась на территории, контролировавшейся немецкими оккупационными войсками. Другие двинулись в центральную часть России и осели в крупных городах, включая Москву и Петроград, сохраняя во многих случаях даже структуру воинских формирований (взвод, рота и т.д.), а также уставную дисциплину. Только в Москве и ее окрестностях весной 1918 г. насчитывалось более 4500 военнослужащих из состава польских частей, созданных еще при царском режиме и в период Временного правительства. В своем большинстве эти поляки были настроены националистически, негативно относились к советской власти и конкретно – к ее представителям из военного ведомства. Добавлю при этом, что солдаты и офицеры (многие из которых вообще не владели русским языком) слабо поддавались большевистской агитации и пропаганде, поскольку практически не общались с местным населением, не участвовали в разного рода массовых мероприятиях, организовывавшихся советскими и партийными органами, не читали коммунистических листовок, воззваний и газет. Усилия военного отдела Польского комиссариата Наркомата по делам национальностей приносили некоторые результаты в плане обработки своих соотечественников в революционном духе, но не в том масштабе, какой тогда требовался. А как отметил в своем отчете начальник военного отдела Р.В. Лонгва, весной 1918 г. пропагандистская работа почти сошла на нет после переезда всего

правительства в Москву и ввиду демобилизации старой армии, а также заключения мира с Германией⁵.

Как это ни покажется странным, но многие польские подразделения стояли на всех видах довольствия в Московском военном округе, руководство которого не придавало, вероятно, большого значения их политической надежности. Реальной обстановки в национальных частях никто не знал. Военная контрразведка округа, которой, казалось бы, и надлежало заняться данным вопросом, только становилась на ноги, своих информаторов среди поляков не имела. Не установила она и прочной связи с пробольшевицки настроенными польскими организациями, включая группы Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). А ведь через них открывалась реальная возможность проникнуть в польские воинские части с целью оперативного вскрытия негативных тенденций, связи с военными миссиями союзников и подготовки с помощью последних конкретных подрывных акций. Опереться можно было на таких членов Центрального исполнительного комитета СДКПиЛ, как председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский и комиссар по польским делам Московского военного округа (с декабря 1917 г.) Э.А. Прухняк.

Возможно, контрразведчики МВО надеялись, что если такие высокопоставленные должностные лица держат под контролем польские части, то и не стоит разворачивать работу на данном направлении. Однако, как показали дальнейшие события, чекисты и комиссары тоже многого не знали. К примеру, они не имели точной информации о существовавшей в то время Комендатуре польских войск в Москве, тесно связанной тогда с патронировавшимся немецким посольством представительство польского Регентского совета (ПРС). Пост коменданта занимал член Союза военнослужащих-поляков В. Дыбчинский. Он ориентировался на главу представительства ПРС в России А. Ледницкого, которому регулярно представлял доклады о своей конспиративной работе⁶.

Вот, что записали в июне 1918 г. следователи ВЧК и Ревтрибунала в протоколе допроса свидетеля по одному из уголовных дел комиссара польских отрядов Московского военного округа, а затем и члена польского Комиссариата большевика Станислава Бабинского: «О польской комендатуре во главе с капитаном Подгурским знает, что она была организована по постановлению Главного Комитета Союза военных поляков для организации национальной польской армии... Руководила действиями ГКСВ-поляков Народно-Демократическая партия. Польские общественные организа-

ции, руководимые Нар. Дем. Партией, вели ожесточенную борьбу с образованным по постановлению Совета Народных Комиссаров Польским Комиссариатом... В особенности ожесточенную травлю и борьбу вела Нац. Демократия идейно против контроля над польскими военными организациями... Польский Комиссариат совершенно не знал об издаваемых бюллетенях ЦИК Междупартийного Объединения в целях информации иностранных миссий о польских делах. О Лиге Боевой Готовности ничего не слышал и не знаю...»⁷ Прямо скажу – не многое знал комиссар польских военных отрядов в МВО. Фактически он лишь пассивно наблюдал за агитационно-пропагандистской деятельностью польских националистов, и поэтому от него чекистам ждать какой-либо помощи не приходилось. Добавлю, что в этом вопросе никак не проявилась довольно высокая общеобразовательная и политическая подготовка Бабинского. Ведь в этом плане он был «на голову» выше большинства сотрудников ВЧК и следователей Ревтрибунала: окончил философский факультет Ягеллонского университета и Лесную академию, являлся доктором философии. Уже в 1913 г. был избран членом Варшавского комитета Социал-демократии Королевства Польши и Литвы, с мая 1917 г. представлял СДКПиЛ в Московском комитете РСДРП(б), входил в состав советской делегации на мирных переговорах в Бресте, работал в военной среде именно в Москве.

Союз военнослужащих-поляков практически не контролировался и Комиссариатом по польским делам Наркомнаца, хотя его существование, по большому счету, было «секретом Полишинеля» для советских властей как в Петрограде, так и в столице. Деньги для лиц, входивших в Союз военнослужащих, выделял, а следовательно, и имел на них серьезное влияние, функционировавший в Москве (но нигде не зарегистрированный) Польский совет Междупартийного объединения (ПСМО). Руководство и военный отдел ПСМО поддерживали тесную связь с французской военной миссией (ФВМ). И об этом следует сказать подробнее.

Решая свои национальные военно-политические задачи, французские дипломаты и офицеры из миссии не сразу определились по отношению к военнослужащим-полякам: отправить их в Мурманск или Архангельск и далее – в Париж либо использовать в России против большевиков. Они учитывали то обстоятельство, что руководство Союза военнослужащих-поляков еще летом 1917 г. изучало вопрос о реальной поддержке готовившегося генералом Л. Корниловым переворота и склонялось скорее к положительному ответу на обращенный к Союзу запрос заговорщиков⁸. Ф. Дзержинскому,

члену созданного ВЦИКом Комитета народной борьбы с контрреволюцией, пришлось 2 сентября 1917 г. даже выступить в польской газете «Трибуна» со специально подготовленной статьей «Польские союзники Корнилова». Он писал: «Польская контрреволюция – это не измышление, это действительность, с которой должна считаться не только польская, но и русская революционная демократия»⁹. Ф. Дзержинский имел в виду конкретно деятельность Верховного польского военного комитета в Петрограде. В новых условиях, при власти большевиков, этот факт мог указывать разведчикам из ФВМ на некоторую возможность привлечения польских частей к закреплению предполагаемого успеха антисоветского восстания, подготовленного к концу мая 1918 г. Главным исполнителем в этом деле выступал спонсировавшийся французским дипломатическим представительством и ФВМ подпольный «Народный союз защиты родины и свободы»¹⁰ – контрреволюционная организация Б. Савинкова. Замечу, что этот политический деятель родился в семье русского чиновника в Польше, окончил в Варшаве гимназию, приобрел многочисленные связи в среде польских борцов с царизмом, с юности был знаком с будущим главой польского государства Ю. Пилсудским¹¹. В период Временного правительства, занимая пост военного министра, имел отношение к формированию польских воинских частей. Сразу после взятия власти большевиками вместе с группой военных и политиков, среди которых был и близкий друг Пилсудского бывший офицер царской армии К. Вендзягольский, пытался организовать сопротивление новой власти. Уже будучи в Москве, весной 1918 г. поддерживал с последним контакт как с руководителем одной из польских подпольных организаций в Киеве¹². Так что связь с Союзом поляков-военнослужащих Савинков мог без труда установить, выполняя указания ФВМ.

Следует подчеркнуть, что разведчики из французской военной миссии в феврале – апреле 1918 г. окончательно еще не решили главный вопрос: стоит ли вообще свергать советскую власть вооруженным путем и привлекать для этого поляков в частности. По крайней мере, мне не удалось найти соответствующие материалы о принятии итогового решения о плане действий в фондах французского военного министерства, хранящихся в Российском государственном военном архиве.

Какое-то время французские военные и дипломатические представители в России выступали лишь в качестве арбитров в спорах поляков-конspirаторов о судьбе подчиненных им воинских формирований. Прибывший летом 1918 г. в Париж из Москвы один из чле-

нов ПСМО докладывал там, что речь идет о двух проектах: «1) организация людей и содержание их в состоянии боевой готовности для использования на Восточном фронте, 2) концентрация людей и пересылка их различными путями во Францию»¹³. Один из ведущих членов Совета Междупартийного объединения и одновременно деятельный сотрудник еще одной польской организации – Гражданского комитета в Москве – ксендз Казимеж Лютославский настойчиво добивался от французов отправки поляков-военнослужащих из российской столицы и других городов через Мурманск и Архангельск во Францию для вступления их в создававшийся там польский корпус¹⁴.

ПСМО заключил соглашение с находившимся некоторое время в Москве бывшим командиром 2-го польского корпуса генералом Ю. Галлером. В соответствии с данным документом был создан мобилизационный подотдел, начавший функционировать 15 июня 1918 г. Замещать уехавшего Галлера остался нелегально проживавший в Москве генерал Л. Желиговский. Он приступил к организации польских войск под единым началом. Предполагалось, что концентрация и передислокация воинских частей будут осуществляться в тайне от советских властей. В это же время по поручению военного отдела ПСМО и при посредничестве ФВМ К. Лютославский связался с командованием чехословацких войск в России и направил в Сибирь группу офицеров с целью создания там воинских частей из военнопленных поляков. Таким образом, военнослужащие польской национальности весной и летом 1918 г. постепенно пополняли ряды контрреволюционных формирований на севере и востоке нашей страны. А в это время в Париже на заседаниях Польского национального комитета, претендовавшего на роль правительства будущей независимой страны, обсуждался вопрос о том, как побудить Францию и Англию к активной интервенции в Россию с целью свержения советской власти¹⁵.

Как видно из приведенных фактов, в Петрограде и в новой советской столице в начале весны 1918 г. обосновались не только некоторые польские воинские части, но и конспирировавшие свою деятельность политические структуры, преследовавшие националистические цели и враждебно настроенные по отношению к власти большевиков. Однако, как я уже сказал, Московская ЧК и отдел контрразведки Московского ВО были слишком слабы, чтобы выявить конкретные факты тайной работы поляков. Лишь после переезда в новую столицу Всероссийской ЧК на них обратили внимание. Так, уже 23 марта на заседании Президиума ВЧК был

рассмотрен вопрос о внедрении секретного осведомителя в среду военнослужащих польских легионов. Конкретный пункт решения изложен следующим образом: «П.8. О Похопине. Утверждается по предложению Дзержинского негласным сотрудником по собиранию сведений среди польских легионов»¹⁶.

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. При подготовке одного из тематических сборников документов по истории отечественных спецслужб, в котором предполагалась публикация данного протокола заседания руководящего органа ВЧК, я и другие члены коллектива авторов-составителей не смогли найти в архиве ФСБ России никаких данных, дававших бы возможность прокомментировать приведенный выше пункт решения. В частности, не удалось разыскать конкретную информацию, на основе которой председатель ВЧК поставил вопрос о необходимости агентурного наблюдения за легионами. Сведений о самом Похопине также не сохранилось. Можно лишь предположить, что он имел некоторое отношение к легионам и каким-то образом вышел на контакт с Дзержинским, предложив свои услуги. Видимо, возможности Похопина были достаточно серьезные, поскольку наряду с этим человеком нам известно еще лишь об одном секретном сотруднике, которого непосредственно рекомендовал на тайную службу в ВЧК ее председатель, – А.Ф. Филиппове¹⁷.

В одном из дел ВЧК за ранний период ее деятельности удалось найти справку по обследованию польских воинских частей в Москве, датированную 31 марта 1918 г. Подписи под текстом нет. Но, скорее всего, первичную информацию дал делопроизводитель польского полка А. Контримович, а далее работали сотрудники наружного наблюдения Всероссийской ЧК. Судя по тексту справки, польские части дислоцировались в разных районах Москвы, но совсем недалеко от центра. Так, 1-й польский легион располагался на Большой Садовой в доме № 104, по Новинскому бульвару в доме № 101 находился уланский полк, правда, состоявший из 16 офицеров, но настроенных резко против большевиков. При поступлении в полк Контримовича капитан Боулинский заявил ему, что он будет принят на службу только с тем условием, чтобы не признавать советскую власть¹⁸. Польское воинское подразделение располагалось и на Остоженке в доме № 20. Там, по данным ВЧК, имелся запас оружия и продовольствия. То же и на Пречистенке, в Дурновом переулке.

В Москве действовала так называемая Комендатура Верховного польского военного комитета (ВПК) – органа, на который

Ф. Дзержинский указывал в процитированной выше статье в сентябре 1917 г. В подчинении Комендатуры находились некоторые польские части, а также и запасной батальон, сформированный ВПК. После Октябрьской революции этот батальон стал называться польским стрелковым полком имени Бартоша Гловацкого. Полк насчитывал около 1500 человек. Дальнейшая судьба полка подробно описана в статье слушателя (на февраль 1920 г.) Академии Генерального штаба В.Т. Дашкевича. Судя по тексту статьи, изобилующей интересными деталями, Дашкевич либо сам служил в полку, либо занимался им по поручению штаба МВО. «В начале марта 1918 г., – писал Дашкевич, – согласно решению штаба Московского военного округа, [полк] должен был переименоваться в интернациональную красноармейскую часть, причем в случае неисполнения этого требования лишался всех видов довольствия, получаемых им из московского интендантства. Требование штаба исполнено не было. Благодаря суммам, полученным от Совета Междупартийного Объединения (в марте мес. 10.000 рублей), часть просуществовала до апреля месяца, когда по распоряжению ВЧК несколько чинов командного состава с командиром полка, полковником Маевским, во главе были арестованы, а полк расформирован»¹⁹.

Сделаем лишь небольшое уточнение. Согласно тексту отчета заведующего военным отделом Комиссариата по польским делам Р. Лонгвы, именно он и его подчиненные, а не ВЧК, инициировали ликвидацию польского стрелкового полка им. Б. Гловацкого, а также еще двух польских полков «советских войск южного направления»²⁰. Безусловно, в данном конкретном случае Комиссариат по польским делам действовал в контакте с чекистами.

К свидетельствам Дашкевича добавлю еще несколько фактов, почерпнутых из уголовного дела на командира польской воинской части. Полковник Казимир Болеславович Маевский долгое время служил в царской армии, участвовал в боях в период Первой мировой войны, был ранен и прибыл в Москву в конце 1917 г. для долечивания в госпитале. Здесь на него вышли представители Польской комендатуры (ПК) и предложили стать командиром запасного полка и далее сформировать польскую бригаду. ПК находилась в связи с военным отделом Польского совета Междупартийного объединения и через него с французской военной миссией. По указанию ПК и ПМПО полковник Маевский пошел официальным путем к достижению поставленной цели – он готовил и направлял докладные записки военному руководителю Высшего Военного Совета генералу М.Б. Бонч-Бруевичу и наркому по военным де-

лам Л. Троцкому. Полковнику удалось даже добиться нескольких личных докладов указанным советским военным деятелям, в ходе которых Маевский настаивал на практической реализации представленных им проектов. Не дожидаясь официального утверждения командующим МВО Н.И. Мураловым создания полка им. Бартоша Гловацкого, его командир сумел договориться о снабжении воинской части всеми видами довольствия и праве подписывать отпускные билеты и командировочные удостоверения. Это нужно было ПМПО и ПК для направления эмигрантов в места содержания военнопленных польской национальности австро-венгерской и немецкой армий и вербовки их в новые формирования. Причем Маевский официально заявлял, что комплекзует будущую советскую стрелковую дивизию. Именно советскую, следовательно, подчиненную нашему военному командованию²¹. И в это же самое время он несколько раз посещал главу французской военной миссии генерала Ж. Лаверня и получил от него (через ПМПО) более 20 тысяч рублей на содержание полка и поездки эмигрантов.

Конспиративная деятельность и реальные планы полковника выяснятся позднее, когда 6 апреля 1918 г. он будет арестован ВЧК и допрошен, а при обыске изъяты все документы, подтверждавшие его противосоветскую деятельность. Есть основания предполагать, что Маевский в определенной степени сотрудничал со следствием, возможно, под давлением добытых ВЧК улик и угрозы расстрела. Как бы там ни было, остается неопровержимым тот факт, что другие арестованные по его делу лица были осуждены, а некоторые и расстреляны. Однако в отношении Маевского председатель ВЧК Ф. Дзержинский и комиссар польских советских частей С. Бабинский вышли с ходатайством в Президиум ВЦИК о прекращении уголовного дела и освобождении полковника из-под стражи. Президиум ВЦИК с этим согласился и принял 14 сентября 1918 г. соответствующее решение²². Замечу, что в это время уже действовал декрет СНК о «красном терроре». На этом фоне вердикт по делу Маевского представляется чем-то экстраординарным. Правда, исполнять решение Президиума ВЦИК чекисты не торопились. 3 октября Маевский все еще числился в Бутырской тюрьме. При этом он уже неделю находился на допросах в ВЧК²³. О дальнейшей судьбе полковника пока ничего не известно. Можно только предполагать, что по делу вскрылись новые обстоятельства, потребовавшие отложить освобождение Маевского.

Совсем недавно я вновь получил возможность, но теперь уже детально, изучить дело братьев Лютославских, хранящее в Цен-

тральном архиве ФСБ России. Просмотрев его еще в конце 1990-х гг. и не имея перед собой специальной задачи изучить чекистские операции в 1918 г. именно по польской линии, я, к сожалению, тогда упустил много важной, на мой взгляд, информации по некоторым описанным раньше эпизодам. Она осталась не востребовавшей и при написании мной монографии о советской контрразведке в ранний советский период. Поэтому воспользуюсь сейчас материалами дела и уточню то, что осталось «за кадром». Прежде всего это касается тех конспиративных польских военных структур, которые действовали в Москве в 1918 г.

Из уголовного дела братьев Лютославских следует, что в Москве действовало несколько строго конспиративных организаций, связанных с ПМПО и Польской комендатурой, прежде всего это «Лига Боевой Готовности» (ЛБГ) и «Революционный Союз зарубежных поляков для борьбы за независимость» (СЗП).

Что стало известно чекистам от допрошенных лиц о первой? Она была создана в ноябре – декабре 1917 г. в Киеве, и якобы руководил ею некий офицер польских легионов А. Езерский. По крайней мере, при обыске у Иосифа Лютославского обнаружили письмо к нему от главного коменданта Езерского с предложением создать и возглавить в качестве коменданта московское отделение ЛБГ²⁴. Цель данной структуры определялась следующим образом: агитация среди гражданского населения и военнопленных поляков в пользу образования польской вооруженной силы для борьбы с немцами и за независимость Польши. Причем, судя по тексту письма, Езерский был вполне осведомлен об избрании И. Лютославского членом Исполкома ПМПО и его связях с военными служащими-поляками в Москве. Этот факт свидетельствует об информированности подпольщиков в Киеве о состоянии дел в будущей столице Советской России. Далее, во исполнение предложения главного коменданта, на организационное собрание московского отделения ЛБГ Лютославскому удалось собрать около 400 человек²⁵. Был создан штаб новой организации, но назвать чекистам его членов Лютославский категорически отказался. И еще одно, на мой взгляд, очень важное обстоятельство: при ЛБГ существовали военные курсы, которые функционировали в помещении спортивного общества «Сokol», патронировавшегося Польским советом Междупартийного объединения. Под прикрытием проведения тренировок члены ЛБГ получали начальные военные знания. И все это происходило без ведома местных властей.

Цели ЛБГ, нелегальный характер ее деятельности и направленность подготовки ее членов позволяют сделать вывод о том, что под названием ЛБГ действовала Комендатура Польской организации войсковой, созданной Пилсудским еще в 1914 г. В данном случае мы имеем дело с филиалом Коменды начальной № 3 ПОВ (КН-3) в Киеве – центральной для всех советских республик в 1918 г.

Подтверждают мой вывод материалы исследователя истории польских спецслужб профессора А. Пеплоньского, незнакомого, кстати говоря, с документами из уголовного дела на братьев Лютославских. Польский историк в одной из своих монографий указывает на то, что именно эти польские политические деятели руководили в Москве Комендатурой ПОВ²⁶. Уточню только, что этой работой непосредственно занимался лишь один из братьев – Иосиф Лютославский.

О «Союзе зарубежных поляков» (СЗП) из материалов уголовного дела известно меньше, чем о ЛБГ. В протоколах допросов Иосифа Лютославского и члена СЗП Станислава Липковского содержится следующая информация: организация создана в начале 1918 г. в Воронеже польскими военнопленными. Некие ее организаторы обратились за финансовой помощью в военный отдел ПМПО, конкретно – к И. Лютославскому. Они же предложили создать отделение СЗП в Москве. Заняться этим делом было поручено некоему Мариану Гржегорчику. О нем известно лишь то, что он «был человек очень энергичный, он был душой Московской организации»²⁷. Через него шло финансирование и ЛБГ, и СЗП, а также полка им. Бартоша Гловацкого. Гржегорчик был, по мнению чекистов, посвящен практически во все дела нелегальных польских организаций. Поэтому 29 апреля 1918 г., когда следователи получили некоторые сведения о его роли от Лютославских, председатель ВЧК Ф. Дзержинский подписал ордер на его арест. К сожалению, время было упущено, и подозреваемый в контрреволюционных действиях Гржегорчик, узнав об аресте братьев Лютославских, успел скрыться. Приведенными сведениями исчерпываются мои знания об ЛБГ и СЗП. Возможно, что отечественные и польские историки найдут новую информацию по данному вопросу и смогут дополнить сказанное.

При всей скудости данных о работе по польской проблематике Всероссийской ЧК и военной контрразведки в первой половине 1918 г. можно, тем не менее, утверждать, что офицеры польских частей и некоторые польские политики, находившиеся в тот период в Петрограде, а также в Москве, проводили враждебную советской власти деятельность. Кроме того, что они наладили переправку во-

еннослужащих-поляков в неконтролировавшиеся большевистским правительством регионы, они еще и противодействовали полякам – сторонникам большевиков в реализации их шагов по привлечению соотечественников из числа солдат и офицеров в ряды Красной армии. Существовала и гипотетическая возможность участия поляков в контрреволюционном заговоре под руководством Б. Савинкова. По крайней мере, известно, что среди участников восстаний, организованных «Народным союзом защиты родины и свободы», в частности в Ярославле, были и польские офицеры²⁸.

Все это не могло не тревожить чекистов. Так, решение о задействовании Похопина в качестве секретного сотрудника для проникновения в среду военнослужащих-поляков состоялось 23 марта, то есть всего через 10 дней после переезда ВЧК в новую столицу. Среди большого числа организационных вопросов, стоявших на повестке дня, у руководства ВЧК находилось время только для наиболее важных и неотложных в оперативном и следственном плане дел. Среди них оказалось и «Объединенное дело польских белогвардейских легионеров»²⁹.

На основании ли данных, полученных от Похопина, или без его участия, но Отдел по борьбе с контрреволюцией ВЧК провел обыски у легионеров, а также арестовал нескольких членов Польской комендатуры, однако ничего компрометирующего тогда обнаружить не удалось. Допросы легионеров результатов не дали. Поэтому уже 9 апреля 1918 г. на заседании ВЧК по предложению члена Коллегии и одновременно заведующего Отделом по борьбе с контрреволюцией И.Н. Полукарова было принято решение «о выдаче польским легионерам жалованья из отобранных у них 6 720 рублей ввиду крайне бедственного их состояния и отобрания с них подписки о срочном выезде из Москвы»³⁰. Этим самым чекисты, пусть и с опозданием, но пытались пресечь создание в столице объединенного польского военно-политического центра. Однако процесс переброски поляков на север и в Сибирь не прекращался. Через Москву на Мурманск и далее во Францию ехали легионеры не только из Белоруссии, но и с Украины, из оперировавших там 2-го и 3-го польских корпусов. Историкам известно, к примеру, о передвижении по этому маршруту командира 2-го польского корпуса генерала Ю. Галлера в мае 1918 г.³¹ Находившийся в корпусе адъютант и доверенное лицо Ю. Пилсудского Б. Венява-Длугошовский намеревался последовать в Париж вслед за комкором и прибыл из Киева в Москву. Ему повезло меньше. В российской столице он был арестован ВЧК, содержался некоторое время на Лубянке и в Бутырках, но затем по

каким-то соображениям был освобожден. В сентябре он беспрепятственно отправился в Варшаву. А вот к другим legionерам относились более строго. Даже рядовых солдат освобождали порой только после рассмотрения их дел на заседаниях руководства ВЧК или ее местных органов³².

Некоторые авторы утверждают, что Венява-Длугошовский прибыл в Москву в составе некоей дипломатической миссии, стремясь тем самым указать на «беззаконную» деятельность чекистов, нарушивших его неприкосновенность³³. Действительно, летом и осенью 1918 г. бывали и задержания иностранных дипломатических сотрудников, и обыски в посольствах и консульствах. Однако здесь совсем иной случай, поскольку самостоятельного польского государства тогда еще не существовало, а следовательно, никаких его дипмиссий не могло и быть. Более того, есть свидетельства о заключении Венявы-Длугошовского в тюрьму вместе с группой польских солдат и офицеров, тайно направлявшихся на Мурман. Вот, к примеру, что вспоминал о времени своего ареста в Москве в июле 1918 г. В. Клементьев – один из ближайших соратников активного борца с советской властью Б. Савинкова: «Во главе у них (арестованных. – А.З.) Венява-Длугошовский. Поляки здесь временно. Их везут “на казенный счет в Польшу”»³⁴. В делопроизводственных документах ВЧК за 1918 г. нет упоминания о том, на каком основании был освобожден из тюрьмы Венява-Длугошовский. Польские историки, в частности М. Волос, выдвигают версию о личном указании на этот счет главы ВЧК Дзержинского. Его якобы просил об этом известный адвокат Л. Берензон, защищавший Феликса Эдмундовича и брата Венявы-Длугошовского на судебных процессах в царское время³⁵. Возможно, так оно и было. Но для нас более важно определить другое – откуда Клементьев знал Веняву-Длугошовского? Ведь он не жил и не служил до революции в Польше. Поэтому возникает вопрос: не находился ли адъютант Пилсудского со своими соратниками в контакте с подпольной организацией Савинкова при посредничестве ФВМ?

Стоит обратить внимание и на то, что упомянутый выше генерал Галлер, в конечном итоге, добрался северным маршрутом (через Мурманск) до Парижа именно при помощи ФВМ. Нет сомнений в том, что «туристам» и во многих других случаях помогала ФВМ. И помогала не из сострадания к полякам, а преследуя интересы своего государства. Именно французы стали основным «спонсором» при создании армии и специальных служб Польши, готовили и под-

талкивали их руководящий состав к борьбе против РСФСР и других советских республик.

Что касается чекистов, то они уже в 1918 г. поняли, кто стоит за спиной легионеров. Приведем в подтверждение этого лишь два примера. 2 июля 1918 г. газета «Известия ВЦИК» опубликовала статью с обзором одной успешной операции ВЧК. Сообщалось, что чекисты получили сведения о неизвестной им ранее подпольной организации, занимающейся вербовкой среди чехословаков и поляков добровольцев в контрреволюционные отряды. «При этом, – отмечал корреспондент, – имелись точные указания об активном участии в этой организации одной из миссий союзного дипломатического корпуса... Филиальные отделения этой конспиративной организации имелись почти во всех крупных городах Советской республики. По-видимому, вербовка контрреволюционных отрядов происходила по определенному плану и указаниям из центра. Вчера ВЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией стало определено известно, что в 9 часов вечера на Ярославском вокзале приготовлено два вагона для посадки на вербованных добровольцев – чехословацких и польских офицеров. ВЧК при проверке сведений на месте обнаружила два вагона в составе поезда, отправляющегося на Вологду, специально предназначенных для добровольцев, которые официально назывались солдатами французской армии... Когда погрузка людей кончилась, ВЧК... отцепила вагоны и арестовала всех находящихся там лиц. При них были найдены бумаги, выданные французской миссией... Когда сотрудники ВЧК начали допрашивать арестованных о направлении и цели их пути, то эти мнимые французы оказались почти ни слова не понимающими по-французски. Арестовано 45 человек, главным образом офицеров. Из дальнейших допросов выяснилось, что вербовкой непосредственно занималась французская миссия, причем все дело было сосредоточено в руках секретаря этой миссии поляка Юльского. Во главе отряда стоял капитан Поппельский»³⁶. Второй случай привел в своем выступлении на конференции чрезвычайных комиссий Северной Коммуны делегат от комиссии Мурманской железной дороги Ярославцев. Он рассказал о том, что удалось раскрыть несколько крупных (по меркам местной ЧК) заговоров. Среди них и заговор польских легионеров. По данному делу было арестовано 200 человек³⁷.

Следствие по польским легионерам чекисты продолжали до конца 1918 г. Итоговым можно считать одно из сообщений, подготовленное сотрудниками ВЧК для прессы. В газете «Известия ВЦИК»

от 4 декабря, в разделе, посвященном деятельности чрезвычайных комиссий, появилась заметка под заголовком «Дело бывших польских легионеров». В ней кратко излагался ход начатого еще в июне следствия, указывались фамилии организаторов переправки военнослужащих на север и в Сибирь – видных членов польской партии национальных демократов профессора В. Грабского, ксендза К. Лютославского, а также генерала Галлера. В конце заметки приведено следующее решение руководства советской спецслужбы: «ВЧК, рассмотрев все данные и принимая во внимание, что бывшие легионеры были обмануты своими вождями, постановила всех задержанных из-под стражи освободить, предоставив им возможность возвращения на родину»³⁸. Скорее всего, такой вердикт был продиктован необходимостью оказать поддержку Народному комиссариату по иностранным делам РСФСР, предпринимавшему в тот период попытки снять напряженность в советско-польских отношениях.

Через полтора года о делах на польских легионеров посчитал необходимым вновь упомянуть заместитель председателя ВЧК М. Лацис. В своей небольшой книге, увидевшей свет в 1920 г. и предназначавшейся для лекторов и агитаторов, он воспроизвел упомянутые выше сообщения и газетные статьи. При этом для усиления читательского внимания автор снабдил свой материал характерными заголовками типа: «Вербовка польских легионеров на Мурмане», «Польская военная организация»³⁹ и т.д. Раздел книги, посвященный операциям, проведенным по полякам, сопоставим по объему с описанными в этом же издании делом британского дипломата Р. Локкарта и операцией по раскрытию подпольной организации Б. Савинкова. Это придает работе по полякам в 1918 г. весомость, подчеркивает одинаковую угрозу данных враждебных проявлений для безопасности страны. Понятно, что книга готовилась уже в 1920 г., возможно, даже после начала советско-польской войны, и была призвана подчеркнуть враждебное отношение к Советской России со стороны Англии, Франции и, конечно же, Польши. Но приведенные в книге факты не являлись вымыслом, они полностью подтверждаются документами, сохранившимися в российских и иностранных архивах.

К 1918 г. относятся и оперативно-следственные мероприятия в отношении двух братьев Лютославских. Они происходили из известной в Польше семьи, проживали в Варшаве и в 1915 г. эвакуировались в Москву ввиду наступления немцев. Как я уже упомянул, один из братьев – Казимеж Францевич Лютославский – являлся

членом военного отдела Польского совета Междупартийного объединения и по поручению данного органа занимался отправкой польских военнослужащих во Францию при посредничестве ФВМ и под ее контролем. Второй брат – инженер Марьян (в некоторых документах указано имя Мариан) – состоял в должности уполномоченного Центрального обывательского комитета Царства Польского, но с начала 1918 г. занялся подпольной работой против новой советской власти по указаниям французской военной миссии. Он, так же как Казимеж и Иосиф, занимался нелегальной переправкой бывших польских легионеров на север и на территорию, контролировавшуюся Чехословацким корпусом в Сибири.

Кстати говоря, в Сибири уже летом 1918 г. неким Польским военным комитетом формировалась 5-я польская стрелковая дивизия. Активное участие в ее создании принимали тайно выехавшие из Москвы по поручению ПСМО и при помощи братьев Лютославских бывшие легионеры: капитан Р. Воликовский, майор В. Чума и поручик Э. Доян-Мишевский. Польские воинские части создавались при Чехословацком корпусе по договору с Чехословацким национальным советом, к чему опять же приложил усилия К. Лютославский⁴⁰. Поездка в Сибирь была осуществлена в полном взаимодействии ПСМО с легально действовавшим в Москве еще с начала ноября 1917 г. Верховным польским военным комитетом (ВПВК), конкретно – с его мобилизационным отделом, о деятельности которого ВЧК не имела никакой информации. В середине февраля 1918 г. чекисты арестовали некоторых руководителей ВПВК во главе с подполковником Подгурским, однако не добились от них показаний о тайно проводимых мероприятиях. Удалось лишь выяснить, что ВПВК, скрывая свои истинные цели, участвовал в формировании в Москве Польского резервного полка, впоследствии переименованного в Батальон обороны казначейства польского народа, а затем – в полк имени героя польского восстания под руководством Костюшко Бартоша Гловацкого⁴¹. Только после ареста Марьяна и Иосифа Лютославских, а также командира полка полковника К.Б. Маевского в ходе следствия по ним чекисты выяснили, что они принимали деятельное участие в формировании контрреволюционных отрядов на основе вышеупомянутого полка им. Бартоша Гловацкого. Как было установлено, Иосиф Лютославский провел 24 марта 1918 г. совещание с главой ФВМ генералом Ж. Лавернем и обсудил план организации и пересылки польских отрядов во Францию и в Сибирь.

Об этих контактах и существовании переговоров чекисты не имели сведений от своих негласных источников. Ведь в первой половине

1918 г. по представительствам союзных войск ВЧК практически не действовала. Да и использование агентуры как системы работы чекисты, включая и самого руководителя ВЧК Ф. Дзержинского, тогда не признавали. Только в мае, после операции по савинковскому «Народному союзу защиты родины и свободы», они смогли констатировать реальную разведывательно-подрывную активность со стороны дипломатических и военных работников Англии и Франции в Советской России.

Иностранные представители не ограничивались только сбором военной, политической и экономической информации. Они поддерживали, а иногда и сами организовывали акции, направленные на низвержение большевистской власти. Кроме заговоров, террористических покушений на известных деятелей РКП(б) и правительства, операций в экономической сфере, они разрабатывали и проводили мероприятия по подрыву авторитета большевиков в народных массах. Наиболее известной операцией является распространение фальшивых документов о сотрудничестве некоторых советских руководителей с немецкой разведкой в деле разрушения российской армии и государственности. Некоторые публицисты и даже историки, как у нас в стране, так и за границей, до сих пор отказываются признать подделками, запущенные в 1917–1918 гг. в оборот «документы». Такие авторы намеренно игнорируют убедительные исследования широко известного американского дипломата и историка Дж. Кеннана⁴² и российского ученого – доктора исторических наук, профессора В.И. Старцева⁴³. Не вдаваясь в детальное обсуждение их работ, отмечу только то, что имеет отношение к рассматриваемым мною вопросам, а именно к действиям польских подпольщиков в Петрограде и в Москве в 1918 г.

Итак. Историк Старцев однозначно утверждал (и я с ним полностью согласен), что автором фальшивок является писатель и журналист, поляк по национальности Фердинанд Оссендовский⁴⁴. Мне этот персонаж впервые встретился еще в 1990-е гг., когда я готовил монографию по истории отечественной контрразведки⁴⁵. Оказалось, что Оссендовский, будучи журналистом (пишущим под псевдонимом «Мзура») и помощником редактора газеты «Вечернее время», начиная с 1916 г. не раз обращался в военные и военно-морские органы царской контрразведки с предложениями передать якобы имевшиеся у него материалы о немецком шпионаже в Российской империи⁴⁶. Однако в контрразведывательных учреждениях не спешили брать сведения журналиста за основу расследований, поскольку они не указывали на первоисточник. Скорее это

были некие размышления Оссендовского, основанные на открытой и всем доступной информации, а также и на разного рода слухах.

После падения царского режима «Мзура» вновь и вновь бомбардирует своими предложениями теперь уже контрразведку Временного правительства. В итоге он добился приема в отделе генерал-квартирмейстера Генштаба у полковника М.Ф. Раевского, отвечавшего за организацию курсов контрразведки. С Оссендовским заключили контракт, и он стал читать курс лекций под общим названием «Противодействие торговому шпионажу»⁴⁷. Чтобы поднять свою значимость, лектор неоднократно упоминал о том, что немецкая разведка вынесла ему смертный приговор за вскрытие ее агентурной работы в России⁴⁸. В общем, приврать он был мастер и делал это вдохновенно, умело превращая ложь в подобие правды.

После Октябрьской революции Оссендовский, являясь откровенным противником новой власти, установил контакт с французской разведкой, а конкретно с резидентом 2-го Бюро Генштаба Франции капитаном П. Лораном, через своего коллегу по работе в газете «Вечернее время» Е.П. Семенова-Когана. Французский разведчик специализировался на фальсификации документов, якобы доказывающих связь большевиков с немецкими разведслужбами⁴⁹. Именно ему и продал Оссендовский несколько изготовленных фальсификатов, которые стали известны в исторической литературе как «документы Сиссона». В одном из своих писем друзьям Е. Семенов указывает следующее: «Я представил г. N некоторым союзным посольствам, которым он передал списки нескольких тысяч названий фирм и имен агентов, работавших на Германский Главный штаб в России, Финляндии, Польше (выделено мной. – А.З.) и за границей. Я эти списки передал в феврале 1918 г. Сиссону для правительства Сев. Ам. Соед. Штатов»⁵⁰.

Далее вполне уместно процитировать исследователя деятельности Оссендовского как фальсификатора – историка Виталия Ивановича Старцева. Вот, что он пишет относительно польской темы в «разоблачительных документах»: «Сложными были взаимоотношения с поляками. Временное правительство торжественно пообещало, что после победы над Германией будет воссоздано сильное независимое польское государство из всех его трех частей. Было разрешено формирование польских частей, возникли десятки польских общественных организаций разных направлений, продолжал действовать созданный еще царским правительством Ликвидационный комитет по делам Царства Польского. Большеви-

ки постепенно стали закрывать все эти организации, сосредоточив управление польскими делами в своем специальном комиссариате. Это вызвало недовольство большинства несоциалистической польской общественности в Петрограде и по всей стране. Как тогда понимали поляки, Советская Россия, ищущая мира с фактическим победителем в войне, не будет бороться за интересы возрождения Польши и намерена уступить ее Германии. Поэтому количество врагов большевиков среди поляков резко увеличилось. Русские поляки посчитали, что их надежды теперь связаны только с союзниками. Если они выиграют войну, Польша будет независимой, если нет – стонать полякам под германским и австрийским сапогом. Если же удалось бы подтолкнуть союзников к свержению большевистского правительства или оказанию эффективного давления на него, то Россия еще смогла бы сыграть какую-то роль в достижении польской независимости. Так, кроме многолетней ненависти к немцам и только что родившейся ненависти к большевикам, А.М. Оссендовского толкал к изобретению новых “документов” для союзников и священный польский национальный эгоизм⁵¹. Таким образом стала появляться в фальсификатах, посвященных брест-литовским переговорам, польская проблематика.

Теперь подошло время возвратиться к аресту чекистами 23 апреля 1918 г. братьев Лютославских. Статья (а не краткое сообщение) об этом была напечатана в центральной правительственной газете «Известия ВЦИК» 4 мая, когда сотрудники ВЧК посчитали возможным довести до сведения общественности некоторые результаты следствия. Заголовок статьи указывал на сущность обвинения, предъявленного братьям, – «Фабрикация провокационных документов»⁵². Корреспондент писал, что при обыске на квартире у Марьяна Лютославского были найдены документы, предназначенные для передачи иностранным миссиям. «Содержание их таково, – указывает автор статьи, – чтобы скомпрометировать власть Рабоче-Крестьянского правительства в глазах народов». Братья отказались сообщить следователям, откуда они взяли эти документы, но признали своими записи, поясняющие изъятые материалы, а также то, что они изготовили несколько копий фальшивки с целью распространения в кругах польской общественности. В одном из «документов» говорилось, что представители русского и германского командований еще до заключения мира подписали 22 декабря 1917 г. тайное соглашение по польскому вопросу, согласно которому польский народ отдается во власть немцев. И за это якобы большевистские лидеры получили огромные деньги. В тексте

«соглашения» предусматривалось лишение поляков-военнопленных продовольственных пайков и перевозка их тайным способом на работы в Германию. Последнее как нельзя лучше подходило для соответствующей обработки легионеров.

Подготовленная Оссендовским фальшивка сохранилась в Национальном архиве США, где с ее текстом ознакомился российский историк Старцев. В «документе» говорилось о том, что совещание представителей Германии и большевистской России пришло к следующему заключению: «Польская политика направляется германским правительством. Русское правительство не вмешивается в польские внутренние дела и поэтому не имеет права защищать или выступать против: 1) отделения нефтяного и металлургического бассейна в Домброве, который аннексируется Германией; 2) ограничения права лиц польского происхождения заниматься нефтяной промышленностью в Галиции; 3) против отделения и административного устройства Холмской губернии; 4) согласованной внутренней политики Германии, Австро-Венгрии, Украины, Курляндии, Эстляндии и Лифляндии, касающейся Польши; 5) против экономической политики Германии и Австро-Венгрии в Познанской губернии и Галиции и в польских районах, аннексируемых Германией от России»⁵³. Как представлялось автору фальшивки, союзники просто обязаны были возмутиться действиями советских руководителей, предпринять против них жесткие меры и одновременно сделать все для возбуждения поляков против новой власти в России, подталкивая их к борьбе за свои «ущемленные» права.

В пояснительной записке к фальшивке, подготовленной неизвестным автором, говорилось: «Нужно добавить, что по крайней мере два местных поляка были арестованы по случаю этих документов и обвинены, среди прочего, в их подделке»⁵⁴. Нет сомнения, что этими людьми были братья Лютославские – Марьян и Иосиф. Они, по всей видимости, путем распространения фальшивых документов намеревались побудить сомневавшихся военнослужащих-поляков к вступлению в формировавшиеся части и выезду на север либо в Сибирь для участия в борьбе с большевиками.

Материалы уголовного дела позволяют подтвердить мой вывод относительно намерения Лютославских распространить именно фальшивки Оссендовского. Обнаруженные профессором Старцевым в американских архивах «документы» этого фальсификатора, касающиеся польской проблематики, текстуально совпадают с теми, что сохранились в деле братьев Лютославских⁵⁵. Как выяснилось в ходе следствия, эти «документы» Марьян Лютославский

привез ориентировочно 19–20 апреля 1918 г. из Петрограда, что совпадает по времени и месту нахождения Оссендовского перед бегством в Сибирь.

Судебный процесс над Лютославскими должен был состояться в Москве в начале осени 1918 г. По непонятным до сего времени причинам ВЧК передала все материалы дела в Ревтрибунал, где расследование взяла в свои руки заведующая следственной частью Е. Розмирович. В собственноручно написанной биографии она не указывает на получение какого-либо образования кроме женской гимназии. Впрочем, в первые годы советской власти для занятия должности в судебных органах, таких как трибуналы, не требовалась юридическая подготовка. Однако отсутствие такой квалификации напрямую влияло на качество расследований. Вот и в случае с братьями Лютославскими мы видим поверхностность в доказывании деяний, ими совершенных. Защищавший братьев в ходе трибунальского следствия адвокат С. Кобяков в воспоминаниях подробно описывает, используя, конечно же, лишь свою аргументацию, успешное опровержение участия подсудимых в распространении фальшивок Оссендовского. Это же касается и связей с командованием польского полка. Защитник опроверг наличие каких-либо антиправительственных мотивов у Лютославских в деле формирования данной воинской части и частичном финансировании ее офицеров. Сам факт пополнения личного состава полка вновь прибывавшими в Москву военными служащими, включая и бывших военнопленных, он объяснил личным одобрением этих действий со стороны наркома по военным делам Л. Троцкого. Вызвать же на заседание трибунала «вождя» Красной армии для дачи пояснений Розмирович не решилась⁵⁶. Так могло дойти и до оправдания подсудимых или, в худшем случае, до приговора к содержанию в концлагере до конца Гражданской войны, как это часто применялось при формулировании окончательного решения трибунала. Однако 5 сентября 1918 г. в связи с покушением на В.И. Ленина был объявлен декрет Совнаркома о «красном терроре», и на его основании в этот же день Лютославские вместе с несколькими царскими министрами были расстреляны⁵⁷.

Подытоживая сказанное выше, можно утверждать следующее.

1) Впервые с польской проблематикой ВЧК столкнулась уже в самом начале 1918 г., когда 1-й польский корпус во главе с генералом Довбор-Мусницким выступил против новой власти. Некоторые политики и общественные деятели польской национальности, проживавшие в Советской России, пытались организовать пополнение

корпуса. Происходило это путем направления в район его оперирования соплеменников из числа бывших военнослужащих разваливавшейся русской армии, а также военнопленных.

2) ВЧК и военная контрразведка не располагали в это время какими-либо оперативными возможностями в польских кругах. Метод агентурного проникновения в интересующую среду еще не стал основным в работе советских спецслужб.

3) В этих условиях польские политики могли беспрепятственно создавать на территории РСФСР неподконтрольные властям организации для решения некоторых задач по подготовке к образованию независимого польского государства. Несмотря на разницу в подходах к достижению цели у ряда политических и общественных деятелей, все они сходились в одном – необходимости создания воинских частей как некоего ядра будущей армии. Эта деятельность маскировалась под формирование сил для отпора германским войскам.

4) Реализации тайных планов помогала французская военная миссия. От нее шли финансовые средства, а также указания и конкретная помощь в организации переправки поляков-военнослужащих и бывших военнопленных на север и в Сибирь. Там предполагалось создать антибольшевистские силы, неподконтрольные союзникам – будущим интервентам.

5) Одним из эффективных способов убедить польских солдат и офицеров в необходимости сопротивления советской власти считалось распространение фальшивых документов, содержащих информацию о состоявшихся тайных договоренностях между большевистскими лидерами и германским командованием. Предмет этих договоренностей – недопущение полной независимости Польши, взятие под контроль ее экономики и финансов, ущемление прав польского народа. Изготовителем фальсификатов являлся журналист польского происхождения Оссендовский, а размножением и распространением их занялись видные политики-конспираторы братья Лютославские.

6) Предпринятые органами ВЧК в апреле – июле 1918 г. мероприятия, включая и арест Лютославских, позволили сорвать планы французской военной миссии и польских националистов.

- ¹ Сташкевич Н.С. Приговор революции. Крушение антисоветского движения в Белоруссии 1917–1925. Минск, 1985. С. 153.
- ² Военная энциклопедия в 8-ми томах. Т. 3. М., 1995. С. 92.
- ³ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сб. док. М., 1958. С. 93–95.
- ⁴ Там же. С. 96.
- ⁵ Там же. С. 346.
- ⁶ Там же. С. 338.
- ⁷ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-42054. Т. 2. Л. 45.
- ⁸ Из истории ВЧК. С. 121.
- ⁹ Дзержинский Ф.Э. Избранные произведения. Т. 1. М., 1977. С. 162.
- ¹⁰ «Народный союз защиты родины и свободы» – контрреволюционная военная подпольная организация, созданная Б. Савинковым в феврале – марте 1918 г. с целью свержения советской власти. Организация имела разветвленную агентурную сеть в городах Центральной России (Казань, Москва, Муром, Рыбинск, Ярославль и др.). Заговорщики получили от Франции 3 млн рублей для организации переворота. Общій состав организации достигал 5 тыс. человек. В мае – июле 1918 г. заговор был раскрыт чекистами. Вооруженные выступления в нескольких городах были быстро подавлены.
- ¹¹ Борис Савинков на Лубянке. Документы. С. 437.
- ¹² Там же. С. 538.
- ¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 1. С. 384.
- ¹⁴ Там же. С. 405.
- ¹⁵ Там же. С. 379.
- ¹⁶ Левые эсеры и ВЧК. Сб. док. Казань, 1996. С. 56.
- ¹⁷ Речь идет об издателе газет А.Ф. Филиппове. См.: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. С. 19–24.
- ¹⁸ ЦА ФСБ России. АУД Р-42054. Т. 1. Л. 297.
- ¹⁹ Дашкевич В. О польской вооруженной силе в России за время с 1 июня 1913 г. по 1 июня 1918 г. Историческая справка. – Военно-исторический сборник. Вып. № 4. М., 1920. С. 178.
- ²⁰ ДМИСМО. Т. 1. С. 393.
- ²¹ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-42054. Т. 1. Л. 295.
- ²² Там же. Т. 2. Л. 155.
- ²³ Там же. Т. 3. Л. 33.
- ²⁴ Там же. Т. 1. 116.
- ²⁵ Там же. Т. 2. Л. 28.
- ²⁶ Replonski A. Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej. 1919–1920. Warszawa, 1999. P. 35.
- ²⁷ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-42054. Т. 2. Л. 29.
- ²⁸ ДМИСПО. Т. 1. С. 443.
- ²⁹ Архив ВЧК. Сб. док. М., 2007. С. 255.
- ³⁰ Там же. С. 207.
- ³¹ Волос М. Указ. соч. С. 202.

³² Еженедельник ВЧК, № 6 от 27 октября 1918 г. – ВЧК уполномочена заявить... 1918. М., 2004. С. 226.

³³ См. статью о Веняве-Длугошовском в Википедии.

³⁴ Клементьев В.Ф. В большевистской Москве (1918–1920). М., 1998. С. 230.

³⁵ Электронный ресурс: https://pl.wikipedia.org/wiki/Boles%C5%82aw_Wieniawa-D%C5%82ugoszowski.

³⁶ Известия ВЦИК, № 135 от 2 июля 1918 г.

³⁷ Еженедельник ВЧК. № 6 за 1918 г. – ВЧК уполномочена заявить... С. 255.

³⁸ Известия ВЦИК, 4 декабря 1918 г.

³⁹ Лацис (Судрабс) М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор. М., 1920. С. 18–19 и 36–38.

⁴⁰ Ганин А. Последний генштабист. – Родина, № 8, 2010. С. 84.

⁴¹ Известия ВЦИК, № 89 (353) от 4 мая 1918 г.

⁴² Kennan G.F. The Sisson Documents. – The Journal of Modern History. Vol. 28. 1956, June.

⁴³ Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.

⁴⁴ В некоторых изданиях Ф. Оссендовского именуют Фердинандом Антонием или Антоном Мартыновичем.

⁴⁵ Зданович А.А. Отечественная контрразведка. 1914–1920.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 88. Л. 12–12об.

⁴⁷ Там же. Д. 18. Л. 27.

⁴⁸ Там же. Л. 25об.

⁴⁹ Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде по французским и российским архивным источникам. М., 2010. С. 14.

⁵⁰ Старцев В.И. Указ. соч. С. 33.

⁵¹ Там же. С. 70.

⁵² Известия ВЦИК, № 89 (353) от 4 мая 1918 г.

⁵³ Старцев В.И. Указ. соч. С. 163.

⁵⁴ Там же. С. 165.

⁵⁵ ЦА ФСБ РФ. АУД. Р-42054. Т. 1. Л. 17–19.

⁵⁶ Кобяков С. Красный суд. Впечатления защитника в революционных трибуналах. – Архив русской революции. М., 1991. Т. 7. С. 272.

⁵⁷ В газетных сообщениях ошибочно указывалось, что среди расстрелянных были некие Любомирские. На самом деле расстреляли братьев Лютославских.

Борьба спецслужб в условиях советско-польской войны

1. Оперативная обстановка на границе Польши и советских республик

Возникновение советско-польского фронта относится к началу 1919 г. За несколько месяцев до этого (в конце 1918 г.) фактически закончилась Первая мировая война, хотя заключение Версальского мирного договора было еще впереди. Центральные державы потерпели поражение, начался процесс крушения двух европейских империй – Германской и Австро-Венгерской. Согласно условиям перемирия, германские власти отказывались от всех положений Брестского договора, что делало его юридически ничтожным. Советское правительство также аннулировало договор, навязанный ему в марте 1918 г. Складывалась принципиально иная геополитическая обстановка. Этим не замедлили воспользоваться польские политические и военные деятели, много лет мечтавшие о создании независимого польского государства. Их чаяния поддержали участники конференции премьер-министров Франции, Великобритании и Италии, состоявшейся 3 июня 1918 г. в Версале. Они решили, что «создание объединенной и независимой Польши с доступом к морю является одним из условий прочного и справедливого мира в Европе»¹. 12 ноября Регентский совет передал Ю. Пилсудскому военную власть и верховное командование польскими вооруженными силами. Кроме того, ему поручалось сформировать общенациональное правительство. Через два дня совет самоликвидировался, передав Пилсудскому всю полноту власти в стране. Два дня потребовалось новому главе страны, чтобы его подчиненные подготовили и, после подписи, разослали дипломатическую ноту, извещавшую мировое сообщество о существовании новой европейской республики – независимого Польского государства².

Границы Польши определились далеко не сразу. В первую очередь Пилсудского, его политических сторонников и даже противников волновал вопрос о восточной границе. Влиятельные политические круги, в основном левой социально-политической ориентации, рассчитывали восстановить страну в границах 1772 г., присоединив к этнической Польше территории Белоруссии, Украины и Литвы и создав федеративную буржуазную республику. Естественно, что такая постановка вопроса не устраивала советское правительство. Идея мировой революции владела тогда умами многих высокопоставленных партийных, военных и государственных деятелей в Советской России. Нарастание революционного движения в польских землях способствовало ускорению процесса сближения левых партий бывшего Царства Польского СДКПиЛ и ППС-левицы и созданию на их основе во второй половине 1918 г. Коммунистической рабочей партии Польши³. Для польских властей не было секретом намерение большевиков советизировать Белоруссию, Украину и Литву и построить с ними прочный военно-политический союз. Знали они и о нескрываемых планах части польских коммунистов, находившихся в РСФСР, по установлению «на штыках Красной армии» пролетарской власти в самой Польше. Продвижение частей Красной армии на Запад вслед за уходившими германскими войсками как бы подтверждало начало реализации этого сценария. На этом фоне правительство Польши 12 декабря 1918 г. приняло решение об оккупации территории Литвы, и вскоре его воинские контингенты заняли Вильно⁴. Однако 5 января подразделения Красной армии освободили город. Виленский конфликт явился первым крупным столкновением советских войск с польскими legionерами.

Как в Москве, так и в Варшаве отдавали себе отчет в том, что обстановка имеет тенденцию к обострению, но продолжали действовать, исходя из своих геополитических интересов. В конце 1918 – начале 1919 г. ведомства иностранных дел противостоявших государств регулярно направляли дипломатические ноты с обвинениями друг друга в вероломстве и призывами урегулировать отношения на неприемлемых для противоположной стороны условиях⁵. Одновременно с этим и Советская Россия, и Польша неоднократно обращали внимание правительств крупных европейских государств на неправомерные действия соседа. Однако ни ноты НКВД РСФСР и МИД Польши, ни апелляции к европейским арбитрам результатов не приносили. Все указывало на предстоявшее в недалеком будущем масштабное военное столкновение, путь к которому открывали принятые на международном уровне половинча-

тые решения по итогам Первой мировой войны, в первую очередь относительно установления новых границ в Европе.

При самой активной поддержке Москвы 1 января 1919 г. была провозглашена Белорусская ССР, а через несколько дней съезд Советов БССР высказался за федерацию с РСФСР. В конце февраля на политической карте появилось новое государственное образование – Литовско-Белорусская ССР со столицей в Вильно⁶. Таким образом, Советская Россия опередила западного соседа в реализации своих стратегических планов.

Согласно указанию главкома Красной армии и соответствующему приказу от 12 февраля создавался Западный фронт, в состав которого вошли 7-я армия, армия Латвии и Западная армия⁷. Здесь следует обратить внимание на немаловажный с точки зрения обострения обстановки факт – еще в августе 1918 г. (то есть за несколько месяцев до образования независимой Польши) первоначально в Москве, а позднее в Смоленске и Минске началось формирование Западной пехотной дивизии⁸. Интересно то, что, согласно постановлению Реввоенсовета Республики от 21 октября, этой дивизии не присваивался очередной номер, как всем другим вновь создававшимся дивизиям. Объяснений этому не давалось, но особенность Западной дивизии видна из текста 2-го пункта указанного решения РВСР: «Западную дивизию формировать исключительно из контингента желающих польских, литовских и белорусских уроженцев-беженцев»⁹. Сверх того, в дивизию разрешался перевод военнослужащих данных национальностей из других частей Красной армии¹⁰. В конце декабря 1918 г. РВСР принял меры к усилению дивизии. В частности, в ее состав полностью передавался в срочном порядке Люблинский полк с воюющего (скорее всего Южного) фронта. В отличие от других дивизий для руководства Западной был создан Реввоенсовет, что указывало на ее значимость. Таким образом, мы видим первый в Советской России пример создания соединения на национальной основе. Как основная ударная сила именно эта дивизия постепенно продвигалась в Белоруссии и Литве «на хвосте» уходивших немецких войск, что вызывало протесты с польской стороны.

В середине января 1919 г. Центральный исполнительный комитет групп Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) в России предписал всем местным группам создавать польские бюро по набору в Красную армию. Такие бюро стали функционировать в городах, где проживало много поляков – Астрахани, Брянске, Вильно, Воронеже, Кременчуге, Лиде, Минске, Москве, Нижнем Новгороде,

Орле, Петрограде, Саратове, Смоленске, Туле и даже в некоторых районных центрах¹¹. Примерно в это же время ЦИК КРПП направил докладную записку в Реввоенсовет Республики с предложением создания на базе Западной стрелковой дивизии польской армейской группы, личный состав которой предлагалось укомплектовать по преимуществу военнослужащими-поляками¹².

Из сказанного выше вполне понятно, что этой армейской группе членами РВС (коммунистами-леваками польской национальности) отводилась основная роль в предстоявших столкновениях с армией II Речи Посполитой. Но коль скоро это могло случиться в недалекой перспективе, наряду с укреплением и численным увеличением войск должны были создаваться и структуры, отвечающие за безопасность частей и соединений, за надежность прифронтовой тыловой зоны. Ведь на территории Белоруссии и Литвы, где предстояло разворачиваться и действовать армейской группе, да и по всему Западному фронту (не говоря уже об этнической Польше, куда мечтали двинуться коммунисты-леваки, а также некоторые политические и военные деятели в Москве), существовали готовые к подпольной борьбе структуры.

2. Польская разведка и ее агентурная сеть на восточном направлении

Об этих структурах необходимо сказать отдельно, поскольку данный вопрос крайне фрагментарно и поверхностно отражен в отечественной исторической литературе, посвященной советско-польской войне и вообще отношениям двух государств в этот период.

Здесь под подпольными структурами понимаются прежде всего региональные отделы (коменды начельны – КН) и отдельные ячейки Польской организации войсковой (ПОВ), созданной Пилсудским еще в 1914 г. О ней достаточно много написано в Польше, включая и опубликованные воспоминания ее бывших членов. По понятным причинам в этих публикациях не обошлось без предвзятости, преувеличения эффективности деятельности ПОВ и усиления жесткости, с которой ее подавляли чекисты. В СССР основой для схематичного описания работы ПОВ на территории Украины и частично Советской России стали соответствующий фрагмент брошюры М. Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте»¹³

и книга известного сотрудника ВЧК-НКВД С.С. Дукельского «ЧК-ГПУ», изданная еще в 1923 г.¹⁴ Начальному периоду создания аппаратов ПОВ посвятил свою статью (опубликованную несколько лет назад) польский историк М. Волос. Он использовал архивные и уже опубликованные документы, что позволяет надеяться на его объективность. Именно поэтому я и решил опереться на исследование данного автора как на последнее в историографии вопроса, проверяя приводимую им информацию по книге Дукельского и архивным материалам.

Итак, Волос пишет о том, что полякам не пришлось начинать «с нуля», создавая структуры ПОВ в 1918 г., ибо еще до революции ее ячейки имелись в крупных городах Российской империи. Их деятельность то активизировалась, то затухала. Так продолжалось до весны 1919 г. 19 марта в Киеве на основе существовавшей группы пеовяков эмиссаром из краковского центра ПОВ Марианом Бартелем де Вейденталем (псевдоним «Барта») было создано Главное управление № 3 (Komenda Naczelna № 3)¹⁵. Это управление имело в своем составе несколько отделов, включая и отдел разведки. Первым его начальником стал Игнаций Земяньский (псевдоним «Топор»). Далее начальники отдела менялись, но выдающуюся роль в становлении разведывательного аппарата не только в Киеве, но и вообще на Востоке, сыграл бывший офицер российской армии Игнаций Матушевский. О нем еще не раз будет сказано, поскольку в годы советско-польской войны он возглавлял 2-й отдел польского Генерального штаба. При посредничестве капитана легионов Болеслава Венявы-Длугошовского он установил связь с резидентом французской разведки в Киеве поручиком Генрихом Вилаймом и в дальнейшем координировал с ним свою разведывательную работу¹⁶.

Главное управление № 3 имело в своем подчинении округа в Виннице, Житомире, Москве, Одессе, Харькове и некоторых других городах. Главным комендантом КН-3 с января 1919 г. являлся капитан Виктор Черноцкий (псевдоним «Вильк»). На основании директивы Пилсудского он издал приказ по КН-3 за № 10, распускавший всю организацию ПОВ на Украине и в России как выполнившую свои задачи. Однако в этот же день «Вильк» подписал секретный приказ № 11, согласно которому ПОВ продолжала свою работу, строившуюся теперь на новых принципах. Главным было то, что теперь ПОВ подчинялась непосредственно Главному командованию польской армии и сосредотачивала свои усилия на разведывательно-подрывной деятельности¹⁷. Работа в ПОВ приравнивалась к службе в

действующей армии. Черноцкий в целях конспирации сменил свой псевдоним и теперь именовался «Высоцким». Чтобы обезопасить подполье, члены ПОВ установили наблюдение за домом, в котором располагалась Киевская ЧК, устанавливали адреса проживания чекистов и собирали на них характеризующие сведения. Наряду с этим разведка КН-3 предпринимала попытки получить документы из советских штабов. Здесь преуспел Игнаций Земяньский («Топор»)¹⁸. Благодаря своим связям в управлении Киевской железной дороги ему удалось добыть карты с указанием дислокации некоторых частей и соединений Красной армии, а также планы воинских перевозок.

Одним из организаторов разведки КН-3 был Ежи Ковалевский (псевдоним «Щвида»). Он еще до большевистской революции принимал участие в политической деятельности и даже избирался делегатом на Съезд Советов. В октябре 1917 г. он работал в штабе Западного фронта, где и установил контакт с ПОВ. По поручению организации Ковалевский уехал в Ростов и занял там пост коменданта. Через несколько месяцев прибыл для работы на Украину, сумел поступить в комиссию по снабжению Красной армии, и Разведывательное бюро Главного командования Войска Польского поставило перед ним задачу по добыванию важных секретных документов¹⁹.

Особых результатов на поприще разведки добился бывший морской офицер поручик Виктор Войнич (псевдонимы «Компас», «Щенсны», «Рея»)²⁰. С февраля 1919 г. он работал в составе КН-3 и по поручению организации проник в морской штаб в Киеве, где имел отношение к шифрованной переписке и приказам. Изменяя некоторую часть текста шифровок, он мог даже влиять на ход некоторых военных операций. Когда чекисты заинтересовались им и угроза провала резко возросла, Войнич, выкрыв действующие шифры, скрылся. За шпионаж он был заочно приговорен к расстрелу. Благополучно перейдя границу, он доставил собранные КН-3 материалы в Разведывательное бюро польского Генштаба²¹.

В 1918 г. в Москве группой ПОВ руководил офицер и будущий генерал М. Токажевский-Карашевич, который работал в контакте с главой французской военной миссии генералом Ж. Лавернем. Его помощником являлся подпоручик Влодзимеж Секунда, с которым чекисты столкнулись позднее – в 1920-х гг. – при проведении операций «Трест» и «Синдикат-2». Адъютант Пилсудского и активный деятель ПОВ, Венява-Длугошовский, находясь в Киеве, контактировал с резидентом французской разведки, а прибыв в Москву,

установил связь с «разбирающимся в польских делах» сотрудником миссии и одновременно резидентом 2-го бюро Генштаба Франции капитаном П. Лораном²².

Об этом офицере – специалисте в польском вопросе, активно использовавшим проживавших в Петрограде и Москве поляков в своей разведывательной работе, я уже упоминал выше в связи с описанием дела братьев Лютославских и деятельностью известного фальсификатора Оссендовского. Это относилось к середине 1918 г. А через несколько месяцев, в январе 1919 г., ВЧК вскрыла шпионскую деятельность сотрудника информационного отдела Народного комиссариата по делам национальностей Сигизмунда Клячкина и его сестры Дины Махлиной, завербованных Лораном. Фактически они выступали как двойные агенты – польские и французские. Как показал на допросе Клячкин, его сестра Бронислава Берензон представляла в Москве некий польско-французский центр. Она якобы даже устраивала у себя на квартире встречи представителей французской миссии с наркомом иностранных дел РСФСР Г.В. Чичериным, где обсуждались варианты снижения давления на советские власти со стороны немецкого посольства в Москве.

Махлина еще до революции сблизилась с соратниками Пилсудского и, в частности, с членом ПОВ Венявой-Длугошовским, который, по выражению Клячкина, «был у нас в семье как родной»²³. Клячкин предположил, что именно сестра свела Веняву-Длугошовского с капитаном Лораном. Да и сама Махлина имела вполне хорошие разведывательные возможности, ведь она тоже работала в информационном отделе Наркомнаца и была достаточно близка к заместителю главы этого ведомства, одновременно и руководителю Польского комиссариата, видному польскому революционеру С. Пестковскому. По крайней мере, все выданные ей мандаты, отложившиеся в уголовном деле, подписаны именно этим должностным лицом²⁴.

Исходя из служебного положения «семейной резидентуры», можно обоснованно предположить, что Махлина и Клячкин были особо ценными агентами, которые наряду с прочим являлись источниками информации МИД Польши об арестах членов делегации польского Регентского совета в Москве. Не случайно в середине 1919 г. в НКВД от польской стороны последовало предложение обменять арестованного представителя Российского Красного Креста Ауэрбаха именно на Клячкина. Советское дипломатическое ведомство решительно отвергло такой вариант, заявив, что задержание в Вильно сотрудника РОКК незаконно и он должен быть незамед-

лительно освобожден. А что касается Клячкина, то он в судебном порядке осужден за шпионаж и не может быть освобожден²⁵. Надо полагать, приговор ему вынесли крайне суровый, и, скорее всего, Клячкина уже не было в живых к этому времени. А вот его сестра сумела избежать ареста и успела переправиться в Польшу.

С французами контактировала и графиня М. Гуттен-Чапская, перебравшаяся после начала Первой мировой войны в Москву. Она была достаточно известна в польской общине – ее дядя К. Чапский много лет был городским головой в Минске. Имея родственные связи не только в Польше, но и в Германии, М. Гуттен-Чапская особо не скрывала свои германофильские симпатии в первый период войны и поэтому попала в поле зрения Контрразведывательного отделения штаба Московского военного округа. Ее подозревали в шпионаже в пользу Германии, однако веских доказательств реальной преступной деятельности графини добыто тогда не было. И вот спустя почти три года на нее обратила внимание уже советская спецслужба – Особый отдел ВЧК. Поводом для установления наблюдения за польской активисткой стали ее стремление расширить свои связи в центральных советских учреждениях и попытки выяснить важные политические сведения. Она пыталась найти выход даже на руководителя ВЧК – Ф. Дзержинского. Семью главного чекиста она знала с детства, поскольку имение Гуттен-Чапских – Станьково – находилось всего в нескольких километрах от имения Дзержинских недалеко от городка Койданово (ныне город Дзержинск Минской обл.) и старшие члены семьи могли общаться между собой²⁶. Особисты задержали М. Гуттен-Чапскую в начале 1919 г. Она находилась под следствием несколько недель, но так же, как и царские контрразведчики, доказать ее преступные намерения чекисты не смогли. Пришлось ограничиться запретом выезда в Польшу и организацией периодического наблюдения за графиней. Задействовав все свои связи, Гуттен-Чапская организовала несколько обращений в ВЧК от Польского комиссариата Наркомнаца и отдела стран Запада НКВД РСФСР о разрешении ей выезда в Польшу, однако чекисты стояли на своем. Лишь в конце 1919 г., объявив графиню заложницей, в числе других поляков ее обменяли на группу польских революционеров, ранее арестованных в Польше.

А теперь, после такого важного (на мой взгляд) разъяснения о связях некоторых поляков с французской разведкой, вернемся к исследованию польского историка М. Волоса. По его утверждению, нелегальная сеть ПОВ на Украине была организована лучше, чем где-либо в России, и действовала там до 1922 г.²⁷ Но это не

означает, что в других регионах, особенно в Белоруссии и Литве, организации ПОВ не проявляли своей активности. Просто М. Волос по каким-то причинам сконцентрировался только на Центральной России и Украине, лишь кратко упомянув о наличии связей КН-3 в Киеве с Минском и Вильно. Но по его же сведениям, подтверждаемым оперативно-следственными материалами ВЧК, нелегальные структуры ПОВ были созданы в местах расквартирования и непосредственно в воинских частях 1-го польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого еще в начале 1918 г. Кстати говоря, одним из их создателей был будущий начальник разведотдела КН-3, а позднее руководитель всей польской военной разведки И. Матушевский.

При создании ячеек ПОВ организаторы опирались, как правило, только на этнических поляков. Согласно данным переписи 1897 г., удельный вес польского населения в Белоруссии был достаточно велик – 8,2% от всех жителей. В Минской губернии, занимавшей почти треть территории современной Белоруссии, поляки составляли 10,1%²⁸. А в Вильно поляков проживало еще больше – 30,1%. В период 1914–1915 гг., когда боевые действия разворачивались на территории Польши, часть населения была выселена военными властями из прифронтовой зоны или сама выехала на восток, осев в Белоруссии. Здесь подданные польской национальности создавали разного рода общественные, а под их прикрытием – и политические организации. Возникли и структуры ПОВ. В Вильно в первой декаде сентября 1918 г. по инициативе польского капитана С. Бобятынского был учрежден «Союз военнослужащих-поляков города Вильно». В октябре того же года группа лиц учредила организацию «Самооборона Минской земли» с филиалами в уездных городах²⁹. Подобного рода структур появилось достаточно много, кадров для этого хватало. Польская организация войсковая была не просто одной из них, а наиболее активной и сплоченной единицей, работавшей подпольно. Фактически это была разведывательно-диверсионная сеть, готовая к реализации заданий польского командования.

Ведущий исследователь деятельности польских спецслужб профессор А. Пеплоньский в своей обстоятельной монографии, посвященной периоду советско-польской войны, отметил, что КН № 3 ПОВ в Киеве имела связь с организацией ПОВ в Вильно, которая фактически являлась филиалом киевской Коменды начальной³⁰. Материалы Центрального архива ФСБ свидетельствуют о том, что к концу 1918 г. в Минске уже функционировала организация Коменда начальна № 1 ПОВ под руководством польского офицера Стефановского. Член этой организации, выполнявший роль связника,

В. Табаровский в ходе следствия в 1920 г. сообщил чекистам, что ПОВ в Минске активно работала в сфере разведки и ее агентами были: начальник военной школы капитан Тригер, его заместитель подполковник царской армии Костка, работник военного комиссариата Шимкевич³¹.

Все подпольные структуры ПОВ на Украине, в Белоруссии, Литве и Центральной России находились в контакте с государственными военными информационными службами Польши. Последние стали создаваться в октябре 1918 г. В составе Генерального штаба Войска Польского был учрежден Информационный (разведывательный) отдел³². В конце ноября его преобразовали в 6-й отдел, в котором секция «2-В» ведала разведкой на Востоке. Среди офицерского состава отдела доминировали сторонники Пилсудского. Еще больше это стало заметно, когда в структуре отдела учредили реферат по вопросам Польской организации войсковой. Исследователь истории польской разведки А. Мисюк утверждает, что задачами этого реферата были разведка и диверсионная деятельность на Украине, в Белоруссии, Литве и Советской России³³. В мае 1919 г. произошла очередная реорганизация органов польской военной разведки, но в ее структуру значительных изменений внесено тогда не было. С этого времени разведслужба получила лишь другое обозначение. По примеру французской разведки аналогичное подразделение Верховного командования Войска Польского (а затем Генерального штаба Польши) обозначалось как 2-й отдел (в обиходе называемый «двуйка»)³⁴. Вторые отделы функционировали в составе каждого из штабов фронтов: Волынского, Подольского и Литовско-Белорусского (позднее, с 1920 г., соответственно 2-й, 6-й и 4-й армий). Каждый из отделов имел в подчинении отделения в штабах дивизий и в отдельных населенных пунктах. Основу негласного аппарата разведки составляли подпольные организации ПОВ и отдельные ее члены.

Для полноты картины следует сказать о кадровом составе польской разведки. Практически все руководители центрального аппарата и периферийных органов пришли на военную службу из ПОВ и подобных ей структур. К началу боевых действий они имели неплохой опыт в конспиративной, разведывательной, диверсионной и повстанческой работе. Этот опыт был достаточно свежим, да и немецкая контрразведка (в качестве главного противника в 1917–1918 гг.) преподавала неплохие уроки выживания в подполье. Как правило, руководящий состав польских информационных служб набирался не просто из националистически настроенных членов ПОВ, а

тех, кто имел гимназическое и даже высшее образование, прошел обучение в школах комсостава, служил на офицерских должностях в легионах и, желательно, участвовал в боевых действиях в составе царской либо австро-венгерской армии.

К примеру, поручик И. Добржинский – главный резидент польской разведки в Советской России в 1920 г., в юности вступил в члены ПОВ, а затем руководил разведкой одной из групп ПОВ в Белоруссии и в этом качестве участвовал в подготовке и проведении восстания против немецких войск. Он закончил классическую гимназию, три курса историко-философского факультета Московского университета, офицерские курсы, говорил практически без акцента на русском и знал еще несколько иностранных языков³⁵.

Его непосредственный начальник – глава 2-го отдела Генерального штаба Войска Польского И. Матушевский – был назначен на этот пост в 29 лет, имея «за плечами» оконченную с отличием гимназию с гуманитарным уклоном, обучение на филологическом факультете Варшавского университета (по другим данным – в Высшей сельскохозяйственной школе)³⁶. Перед Первой мировой войной он служил в Санкт-Петербурге в гвардейском полку, с которым и отправился на фронт в качестве командира взвода разведки. Был тяжело ранен, но после излечения в госпитале вернулся в строй. В августе 1917 г. на первом съезде поляков-военнослужащих был избран в исполком созданной организации, стал членом ПОВ и выехал на Западный фронт. В 1-м польском корпусе возглавил разведку, а после разоружения корпуса уехал в Киев и организовал разведслужбу КН-3 ПОВ. 28 июля 1920 г. Матушевский возглавил 2-й отдел ПГШ³⁷.

Подполковник Ян Ковалевский – математик и лингвист, окончил Льежский университет (Бельгия), успешно занимался расшифровкой советских шифров в период советско-польской войны. Известной фигурой в разведке являлся Тамир Виктор Дриммер, он же Зигмунт Ойжановский, работавший под псевдонимами «Виталис», «Радецкий», «Биндыга» и «Жондецкий». Он окончил гимназию, являлся членом ПОВ с момента ее образования, в 1915 г. стал инструктором школы подофицеров, за отличие в подготовке кадров и участие в боях был награжден крестом «За военную службу».

Можно перечислить многих других сотрудников польской разведки, образовательный уровень которых, опыт подпольной и боевой деятельности были практически аналогичными. К сожалению, в моем распоряжении нет необходимых статистических данных и обобщенных сведений о состоянии кадрового состава спецслужб

нашего тогдашнего военного врага. Но рассмотрение биографий многих польских разведчиков и контрразведчиков позволяет с большой уверенностью утверждать, что в целом их военная подготовка и общие знания были достаточно высокими. Вот с таким противником пришлось столкнуться советской контрразведке в 1919–1920 гг. и в последующие годы.

3. Структуры и люди советской контрразведки

В Советской России и на Украине в конце 1918 – начале 1919 г. контрразведывательные службы только становились на ноги. Следует отметить, что существовавшие органы Всероссийской ЧК не имели функции борьбы со шпионажем. Аппараты же военной контрразведки переживали трудный период реформ, впрочем, как все центральные и фронтовые учреждения руководства армией. Один из ведущих исследователей истории отечественной контрразведки И.И. Васильев совершенно справедливо отмечал: «После заключения Брестского мирного договора Наркомвоен приступил к ликвидации штабов фронтов и армий. Вместе с ними в марте – апреле 1918 года прекратили свое существование все контрразведывательные учреждения старой армии. Право на дальнейшее существование Наркомвоен сохранил лишь за центральным органом – контрразведкой Генерального штаба»³⁸. Исполнявший обязанности главкомармии А.Ф. Мясников еще 15 декабря 1918 г. издал фатальный для контрразведывательных отделений приказ № 986. В нем конкретно отмечалось следующее: «Военная контрразведка в действующей армии существенно необходима в период боевых действий... В наступивший период перемирия и ведения мирных переговоров органы контрразведки, имея меньшую напряженность работы, могут быть значительно сокращены и упрощены без существенного вреда для дела»³⁹. Данное требование приказа никак нельзя отнести к разряду взвешенных, вытекающих из обстановки выводов. Налицо абсолютно волюнтаристское решение человека, не сведущего в деле борьбы со шпионажем и другими видами подрывной деятельности противника. От начала переговоров до подписания Брест-Литовского мирного договора пройдет еще более трех месяцев, что в революционных условиях достаточно большой срок. Тогда никто не мог гарантировать того, что у немцев не появится желание осуществить наступательные операции. Существо-

вания потенциальной опасности со стороны поляков, ввиду отсутствия их самостоятельного государства, никто не предполагал.

Вновь организуемые советскими военными властями управленческие структуры постоянно видоизменялись. Вместо Западного фронта старой армии были образованы Западный участок отрядов завесы (ЗУОЗ) и его штаб. Все участки Завесы подчинялись Высшему военному совету (ВВС) во главе с бывшим царским генералом М.Д. Бонч-Бруевичем. Этот военачальник, уделявший с начала Первой мировой войны особое внимание деятельности спецслужб, лично разработавший еще в 1915 г. «Наставление по контрразведке в военное время», в начале мая 1918 г. направил в войска Завесы директиву с требованием незамедлительно приступить к формированию «отделений по борьбе со шпионством» (ОБШ). Но этого оказалось явно недостаточно. Не имелось, к примеру, принципиального решения об источниках финансирования организационных и кадровых мероприятий для начала работы ОБШ, и это удалось сделать только в начале июня⁴⁰. Не успел процесс создания ОБШ набрать силу, как большая часть войск ЗУОЗ в августе 1918 г. была переброшена на Восточный фронт, который на тот период времени являлся главным. Аппарат управления ЗУОЗ резко сократился, в том числе и ОБШ. Протокольным решением Реввоенсовета Республики (РВСР) от 16 ноября западная часть Московского военного округа была выделена, и ввиду необходимости создания военного аппарата в районах, очищавшихся от немецких войск, организовывалась особая Западная армия, а также окружной военный комиссариат на территории Могилевской, Минской, Витебской и Смоленской губерний⁴¹. Несколькими месяцами ранее по указанию из Москвы на базе ОБШ было создано отделение Военного контроля штаба ЗУОЗ, но оно работало только против германской разведки. Отдел Военного контроля Западной армии продолжал действовать в этом же направлении. Как свидетельствуют документы, изученные в соответствующих фондах РГВА, о польской опасности в тот период контрразведчики еще не задумывались.

Преобразования военного аппарата управления продолжались. В середине декабря 1918 г. состоялось решение РВСР о создании Западного военного округа (ЗВО). Однако документов, подтверждающих учреждение отдела Военного контроля округа, обнаружить пока не удалось⁴². Можно только предположить, что борьба в Москве между руководством военного и чекистского ведомств за создание у себя единого аппарата контрразведки (путем слияния центральных аппаратов отдела Военного контроля и Военного от-

дела ВЧК, а также подчиненных им органов) помешала быстрому налаживанию соответствующей структуры в ЗВО. Только 4 января 1919 г. председатель Особого отдела М.С. Кедров подписал и направил во все органы Военного контроля, губернские, фронтовые и армейские ЧК приказ № 1, которым предписывалось немедленно приступить к слиянию и образованию объединенных особых отделов⁴³. Специальным постановлением Президиума ВЦИК от 6 февраля 1919 г. было утверждено «Положение об особых отделах». В нем был дан перечень новых органов, но особых отделов военных округов в нем не оказалось. Однако исследователь истории военной контрразведки Беларуси В. Надтачаев обнаружил документы, свидетельствующие о существовании в январе 1919 г. Могилевско-го губернского Особого отдела Западного военного округа и даже указание на адрес ОО ЗВО – г. Смоленск, ул. Полицейская, 16⁴⁴. Но последний просуществовал очень недолго – до начала февраля, когда на его базе был образован Смоленский губернский Особый отдел. Понятно, что столь скоропалительные реорганизации не способствовали разворачиванию оперативной и следственной работы контрразведки против спецслужб Польши и подпольных ячеек ПОВ.

Немногим стабильнее были губернские чекистские структуры Западной области. Они зависели в основном от территориальных изменений – увеличения числа районов, где устанавливалась советская власть в ходе продвижения Красной армии. Чекисты достаточно активно боролись с контрреволюционными элементами. В частности, в июне 1918 г. они разоблачили подпольную организацию генерала М. Дормана, которая являлась филиалом монархического союза «Наша Родина»⁴⁵. Сам генерал возглавлял штаб Западного участка завесы и привлекал в ряды подпольщиков бывших офицеров, поступивших на службу в Красную армию. На основании постановления Западной областной ЧК генерал был расстрелян 17 сентября 1918 г. Как видим, ЧК распространяла свою деятельность не только на гражданское население, но также на армию и ее штабы. Однако непосредственно борьбой с иностранным шпионажем она не занималась, оставляя данное направление работы достаточно слабым органам военной контрразведки. И это при том, что Западная областная ЧК имела в немецкой зоне оккупации несколько десятков своих агентов. Вероятно, усилия этих агентов были сконцентрированы на выявлении контрабандных операций, которые в это время приобрели невиданный размах. Небольшой приграничный город Орша стал главным центром контрабандистов.

Среди арестованных за контрабанду нередко встречались поляки, включая, видимо, и тех, кто участвовал в националистических подпольных организациях. Но задача вскрыть их разведывательно-диверсионную работу перед чекистами не стояла.

Во второй половине февраля 1-й Всебелорусский съезд Советов, а за ним и 1-й съезд Советов Литвы постановили образовать Литовско-Белорусскую Республику (ЛитБел). В числе вновь создававшихся государственных структур были и органы безопасности в виде губернских ЧК. Но на деятельности чекистских органов сказывались некоторые сепаратистские тенденции местных советских властей. Дело дошло до того, что Ф. Дзержинский был вынужден поставить на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 18 апреля 1919 г. (то есть спустя немногим более месяца после образования ЛитБела) вопрос о несанкционированной ликвидации губчека в пределах Литовско-Белорусской Республики. Было выработано решение об указании местным партийным и советским структурам на их ошибочные действия, на необходимость восстановления губернских ЧК и постановки их в зависимость от ВЧК⁴⁶. Однако заметных шагов в данном направлении сделано не было. Поэтому глава ВЧК 3 мая вновь обратился за помощью к Оргбюро. Члены этого партийного органа постановили: «...предложить ВЧК, чтобы представитель ВЧК был отправлен в Белоруссию для организации губернских ЧК»⁴⁷.

Советские и партийные власти Литовско-Белорусской Республики предприняли попытку создать зависимый только от них орган безопасности и контрразведки, не придерживаясь при этом основополагающих организационных указаний ВЧК. Так, из акта комиссии, расследовавшей обстоятельства сдачи Вильно, видно, что правительство ЛитБела не считалось с Реввоенсоветом белорусско-литовской армии, создало свой РВС и Особый отдел при нем. Этот орган состоял из лиц, которые вообще не имели опыта чекистской работы. Никакими инструкциями из Москвы по организационным и оперативно-следственным вопросам они не руководствовались. Конспирация в работе данного Особого отдела отсутствовала вообще, а все секретные сотрудники оказались контрреволюционно настроенными бывшими офицерами. При взятии города они сразу перешли на сторону польских легионеров⁴⁸. Начальник Особого отдела Бурцев поспешно бежал из Вильно 19 апреля вместе с 12 подчиненными и скрылся в неизвестном направлении. Оправдываясь перед следственной комиссией и соглашаясь с ее выводами, заместитель наркома внутренних дел Литовско-Белорусской Республики Долецкий заверил, что в будущем поставит на должную высоту

работу по борьбе с контрреволюцией и шпионажем⁴⁹. Оправдывался и бывший заместитель наркома по национальным делам РСФСР С. Пестковский, которому еще в феврале 1919 г. было поручено лично заняться организацией Особого отдела для борьбы с контрреволюцией и спекуляцией при Комиссариате юстиции Литовско-Белорусской Республики. Заметим, что Долецкий вообще не говорит о борьбе со шпионажем. Этот факт еще раз подтверждает полное игнорирование местными властями нормативных документов ВЧК и даже постановления ВЦИК от 6 февраля об особых отделах и их задачах.

Справедливости ради следует сказать об активной работе Пестковского по раскрытию ячеек ПОВ в Вильно. Прочитываем соответствующий фрагмент его доклада следственной комиссии. «В середине марта, – писал Пестковский, – с помощью агента в ПОВ (бывшего польского legionера. – А.З.) приступили к ликвидации польской военной организации. В ночь с 13 на 14 марта арестовали около 20 человек из числа интеллигенции и буржуазии, а также офицеров Красной армии, состоящих в связи с legionерами». Сотрудникам⁵⁰ Особого отдела удалось обнаружить много удостоверений личности, контрреволюционные воззвания, военные документы. Среди арестованных оказались: назначенный польскими военными властями комендантом Вильно Пан-Помарницкий, делопроизводитель штаба 1-й бригады Западной дивизии Маевский (агент ПОВ), содержательница главной конспиративной квартиры Шиманская, командир корейской роты Западной дивизии Трачик и др. После завершения удачной операции Пестковский уехал в Москву с отчетом, а работа Особого отдела практически остановилась.

На заседаниях правительства шли дебаты по поводу подчиненности Особого отдела ЛитБела. Отсутствие четко определенной схемы негативно сказывалось на комплектовании его кадрами, финансировании и постановке задач. Победили те, кто стоял за передачу отдела из Наркомата юстиции в НКВД. Это было перед самым захватом города поляками, и вновь развернуть свою деятельность Особый отдел не успел. Только что назначенный начальником коммунист Ф.М. Сенюта успел лишь захватить с собой кассу отдела и спешно эвакуировался⁵¹. Сохраненные финансовые средства член Совета обороны И. Уншлихт использовал на воссоздание Особого отдела в мае 1919 г. На заседании Совета обороны Литовско-Белорусской Республики 30 апреля 1919 г. было принято решение организовать Особый отдел в преддверии взятия Вильно⁵². Учтя организационную неразбериху начала апреля, решили

создавать его при Наркомате по военным делам и в обязательном порядке включить в его состав тех, кто уже имел опыт работы в ЧК. Кроме того, члены Совета обороны обратились в ЦК польской Компартии с просьбой выделить для Особого отдела не менее 40 человек, обучающихся в военной инструкторской школе. По настоянию Ф. Дзержинского ЦК РКП(б) 3 мая 1919 г. одобрил образование Чрезвычайной комиссии Литвы и Белоруссии. Первым председателем ее стал В.А. Богуцкий, однако вскоре (не позднее 27 мая) его сменил И.В. Тарашкевич. К 14 мая в составе ЧК Литвы и Белоруссии уже функционировал Особый отдел⁵³. В число его задач входила и борьба с польской агентурой. Одним из первых дел в этом направлении явились успешная разработка и следствие по факту взрыва моста через реку Плисса. Были арестованы и изобличены польские диверсанты Мочанин и Станкевич. При обыске у них нашли еще несколько подготовленных бомб. Коллегия ЧК приговорила их к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение⁵⁴. Удалось выявить и захватить склад с оружием, приготовленным для восстания. Во всех этих операциях участвовал инструктор ВЧК Зинде. Одновременно он принимал меры по внедрению в практику работы ЧК Литвы и Белоруссии организационных и оперативных директив ВЧК⁵⁵. Специально для получения инструкций и практических указаний в Москву, в ОО при ВЧК, был направлен заведующий местным Особым отделом. Для работы в ЧК ЛитБела из ВЧК командировали опытных сотрудников и их назначили руководить наиболее важными подразделениями: Юридическим, Секретно-оперативным и Особым отделами.

Кроме Минска, особые отделы были созданы в Бобруйске и при Мозырском исполкоме. Этот город был прифронтовым, и там активно работала польская агентура, которая практически свободно переходила демаркационную линию⁵⁶. Чтобы воспрепятствовать этому, Коллегия ЧК решила провести регистрацию на территории республики всех, у кого имелись родственники на польской стороне. Эта трудновыполнимая задача на практике была решена лишь частично, но удалось выйти на некоторых интересных в оперативном плане лиц и организовать их разработку⁵⁷. Эту работу возглавил новый начальник Особого отдела О.В. Эйдукевич, который позднее станет первым начальником 13-го спецотделения ОО ВЧК в Москве. Это подразделение отвечало за работу против разведок Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Румынии и Польши⁵⁸.

Приведя эти немногочисленные положительные примеры оперативно-следственной работы чекистов Литовско-Белорусской

Республики, приходится констатировать отсутствие значимых результатов ввиду воздействия, как минимум, трех факторов: сепаратистских тенденций, организационной неразберихи и явного недостатка сколько-нибудь опытных кадров.

Деятельность руководства ЛитБела в целом, включая и решение задач по обеспечению государственной безопасности, вызывала много вопросов у представителей ЦК РКП(б) и военных структур управления. Так, 13 июля 1919 г. член Реввоенсовета Западного фронта И. Сталин направил в Москву (для В. Ленина и ЦК большевистской партии) телеграмму, фрагмент которой здесь стоит процитировать. «Констатирую, – писал он, – полную ненужность правительства и Минского Совета Оборона, необходимость их самораспущения и вхождения их членов в органы фронта. Члены Литовского и Белорусского правительства выразили полное согласие, требуют лишь согласие Цека партии»⁵⁹. Оргбюро ЦК, а затем и Политбюро поддержали предложение Сталина, о чем и было сообщено в Минск 15 июля.

Чтобы подвести некий итог работы спецслужб Литовско-Белорусской Республики за период до взятия поляками Вильно, приведем мнение первого председателя Минской губчека В.И. Яркина. При подготовке материалов по истории КП(б) Белоруссии в 1925 г. он писал: «Я полагаю, этот эксперимент стоил жизни Литовской (Литовско-Белорусской. – А.З.) Республике, ибо после руководства Мясникова Мицкявич-Капсукас не смог справиться с задачей укрепления Советской власти в Литве и организацией борьбы с белогвардейщиной»⁶⁰. От себя добавим, что не только с белогвардейщиной, но и с польской разведкой и подпольными ячейками ПОВ на территории ЛитБела.

А теперь рассмотрим, как в 1919 г. развивались органы военной контрразведки в противостоявших Польше войсках Западного фронта. На основании директивы главкома Красной армии от 12 февраля 1919 г. с целью объединения действий советских войск на западном и северо-западном стратегических направлениях на базе Северного фронта был образован Западный фронт (ЗФ)⁶¹. В состав нового фронта вошли 7-я и Западная армии, а также армия Советской Латвии. Считается, что Реввоенсовет фронта действовал более энергично, чем гражданские власти, в деле создания органов контрразведки – особых отделов. Ему якобы не пришлось начинать «с нуля». Как полагает белорусский военный историк М.А. Анисяев, специально исследовавший этот вопрос, костяк кадров Особого отдела Западного фронта составили сотрудники контрразведки Северного фрон-

та⁶². По утверждению Анисяева, первым начальником ОО ЗФ стал Ф.Д. Медведь⁶³. Однако оба утверждения ошибочны. Мне удалось найти материалы, свидетельствующие о том, что в начале 1919 г. отдел Военного контроля Северного фронта был практически разогнан ввиду наличия среди его сотрудников агентуры белогвардейских организаций⁶⁴. По этой причине Особый отдел фронта формировался не на базе ОВК, как было на других фронтах, а заново, что называется «на голом месте».

В неоднократно публиковавшейся биографии известного чекиста Ф. Медведя нет указания на то, что он являлся первым руководителем ОО ЗФ. Скорее всего, таковым был политработник Штернфельд. Его сменил бывший комиссар Административного управления штаба фронта Горбачевский, а после освобождения последнего от должности исполнял обязанности начальника фронтового Особого отдела некий Александров⁶⁵. По крайней мере, именно он, как исполняющий обязанности, был освобожден от занимаемой должности в начале мая 1919 г., практически через месяц с начала функционирования Особого отдела ЗФ⁶⁶. Затем на данный пост был утвержден Реввоенсоветом фронта следователь Ревтрибунала, политкаторжанин, член большевистской партии с 1904 г. Б.Я. Фрейдсон⁶⁷. Таким образом, мы наблюдаем кадровую чехарду – четыре руководителя военной контрразведки Западного фронта за неполных 4 месяца существования этого органа. Добавим, что с июня по декабрь 1919 г. на указанной должности работали еще четыре человека. Одним из них и был Ф. Медведь.

Многие кадровые изменения произошли, надо полагать, из-за сдвигов среди членов Реввоенсовета фронта по поводу курирования органов военной контрразведки. И этому имеются подтверждения в показаниях Н.Н. Доможирова, бывшего в тот период начальником штаба Западного фронта⁶⁸. Особую активность проявлял член РВС ЗФ, прапорщик военного времени, член РСДРП с 1907 г. А.Я. Семашко. Здесь уместно заметить, что он был поляком по национальности, и не исключено его излишне критическое отношение к работе военных контрразведчиков по польской линии, сказавшееся на результативности мероприятий подчиненного ему Особого отдела фронта. Биограф этого партийца В.Л. Генес отмечал и отрицательный настрой своего героя к чекистам вообще⁶⁹.

Кроме того, на кадровые решения, несомненно, повлияли и события середины марта 1919 г. Согласно протоколу заседания Реввоенсовета Республики от 15 марта, члены высшего органа управления Красной армией направили срочную телеграмму в РВС

ЗФ, в которой указали следующее: «Ввиду предательского поведения некоторых польских частей, входящих в состав Западной дивизии, предлагается Реввоенсовету Литовско-Белорусской армии под личную ответственность входящих в его состав лиц немедленно расследовать причины такого поведения, и в случае, если Реввоенсовет не может дать гарантии боеспособности в дальнейшем польской бригады означенной дивизии, немедленно отвести ее в тыл для переформирования»⁷⁰. Члены РВСР подчеркнули, что «развал и предательство отдельных частей продолжается в течение ряда недель. Никаких серьезных симптомов улучшения не замечается». В ряде документов главкома Красной армии также отмечено, что в Западной армии некоторые полки ведут себя недостойным образом, разложились и без боя отходили в тыл. Речь шла в основном о полках, укомплектованных поляками. Л. Троцкий потребовал самым строгим образом проверить командный состав, комиссаров бригад и дивизий, принять самые жесткие меры в отношении лиц, не справляющихся со своими обязанностями. «Приказываю, – писал Л. Троцкий, – представить список всех арестованных и преданных суду командиров и комиссаров тех частей, которые при попустительстве командиров и комиссаров запятнали себя постыдным отступлением»⁷¹.

Складывается впечатление, что Особый отдел фронта и Западной армии практически не вел оперативную работу в польских частях, не знал обстановку в них. Что уж говорить о вскрытии разведывательно-подрывной деятельности польской разведки и связанных с нею ячеек Польской организации войсковой. Реввоенсовет ЗФ 5 мая 1919 г. заслушал доклад исполняющего обязанности начальника фронтового Особого отдела Александрова и в итоге пришел к следующим выводам: «Деятельность Особого отдела совершенно не соответствует идее его существования, и в вопросе обнаружения шпионажа, предательства отделом ничего решительно не сделано... В районе армий Западного фронта никакой борьбы с неприятельским шпионажем нет, местонахождение резидентов противника ничем не устанавливается, почему обращение деятельности особых отделов именно в эту сторону является крайне необходимым...»⁷² С текстом этой телеграммы был ознакомлен начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров, который доложил ее содержание Ф.Э. Дзержинскому. Реакция главы ВЧК была незамедлительной. Он потребовал от Кедрова обратить особое внимание на Западный фронт и, в частности, на состояние дел в литовско-белорусской армии, организовать Особый отдел в штабе в Смолен-

ске, а также в Западной и Литовской дивизиях. «Там полная расхлябанность и признаки измены», – констатировал председатель ВЧК⁷³.

Исполняющий обязанности начальника Особого отдела 3Ф Александров был снят с должности. Фрейдсон задержался тоже не долго. Из-за отсутствия какого-либо опыта чекистской работы и низкого уровня общего образования он не смог обеспечить повышение эффективности деятельности Особого отдела. Предстояло в срочном порядке подобрать ему замену, но, как сейчас говорят, «скамейка запасных» у руководства чекистских органов была крайне короткой. В этих условиях возникла кандидатура члена ВЦИК Генриха Бруно. Немец по национальности, вступивший в РСДРП(б) в 1906 г., он неоднократно арестовывался царскими властями, поэтому отличался непримиримостью к врагам революции. Будучи председателем Пензенской ЧК, он решительно боролся с контрреволюционерами, что привело к покушению на него террористом-подпольщиком. Бруно был тяжело ранен, но выжил. А вот его супруга – сотрудница иногороднего отдела ВЧК, а затем прифронтовой ЧК – П. Путилова стала жертвой группы белогвардейцев⁷⁴. После излечения в госпитале Бруно был назначен председателем ЧК Южного фронта, затем начальником фронтового отдела Военного контроля, преобразованного в январе 1919 г. в Особый отдел. Одновременно он являлся заместителем председателя Реввоен трибунала ЮФ. Решением Реввоенсовета фронта Бруно был снят со всех должностей за вынесение излишне жестоких приговоров подследственным⁷⁵. Спасло его от сурового наказания только то, что он являлся членом ВЦИК и без согласия председателя ВЦИК Я.М. Свердлова не мог быть осужден. Бруно отбыл в Москву, участвовал в разного рода инспекциях, но и здесь не смог удержаться от нарушений установленного порядка, вмешиваясь в деятельность не подчиненных ему органов⁷⁶. Вот такой человек был предложен М. Кедровым для исправления дел в Особом отделе Западного фронта.

На заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 15 июня вопрос о назначении Бруно был решен положительно⁷⁷. Ф. Дзержинский поддержал его назначение. Более того, решением Президиума ВЧК от 17 июня 1919 г. ему был выписан мандат следующего содержания: «Дан члену ВЦИК товарищу Г.И. Бруно в том, что в районе Западного фронта, находящиеся там чрезвычайные комиссии должны подчиняться указаниям товарища Бруно, а также исполнять задания, данные им, представлять в случае надобности имеющуюся у ЧК

активную силу»⁷⁸. В этот же день Бруно получил еще один мандат с указанием на подчинение ему всех особых отделов (включая и губернские) в пределах ЗФ⁷⁹. Такого рода мандаты выдавались крайне редко, поскольку давали их обладателям очень большие права. В данном случае руководство чекистского ведомства было вынуждено наделить своего посланца такими полномочиями. Отсутствие координации между различными структурами советских спецслужб в районе Западного фронта, где нарастала активность польской разведки, тревожило и заставляло в этой сфере идти на неординарные шаги. Следует отметить, что Ф. Дзержинский и председатель Особого отдела ВЧК Кедров знали (по опыту работы нового назначенца на Южном фронте) о решительности Бруно в организационно-кадровых вопросах. Они давались будущему начальнику ОО ЗФ легче, чем иные проблемы. Более того, он мог воспользоваться положением члена высшего законодательного, распорядительного и контролирующего органа РСФСР – ВЦИК. Принятие решения о проведении скоропалительных репрессий тоже не вызывало у него затруднений, как, впрочем, и у Кедрова. А вот к проведению сложных агентурно-оперативных мероприятий Бруно был явно не подготовлен, почему впоследствии перепоручал их планирование и реализацию своим подчиненным.

Точно не известны причины ухода Бруно в самом начале сентября 1919 г. с поста председателя Особого отдела Западного фронта. Скорее всего, он вступил в конфликт с членом РВС фронта Семашко, поскольку не терпел вмешательства в дела подчиненного ему органа со стороны кого бы то ни было. Кроме того, Семашко поддерживал многих командиров в штабе и войсках Западного фронта, ранее служивших на офицерских должностях в царской армии. А Бруно, напротив, был категорическим противником использования их в Красной армии⁸⁰. К сожалению, дела он передал похожему по менталитету, складу характера и опыту работы человеку. Это был старый партиец, заместитель председателя Реввоентрибунала фронта – Н.Ф. Бушуев⁸¹. Его не знали в ВЧК и ее Особом отделе, а следовательно, он не имел необходимой поддержки. Не лишним будет отметить, что составители списка руководителей особых отделов, прибывших на 1-й съезд этих чекистских структур, не смогли даже указать, с какого времени он является начальником ОО ЗФ. Это говорит о том, что решение о назначении Бушуева было принято непосредственно Реввоенсоветом фронта без предварительного согласования с Москвой. Предложения выступить на съезде, где решались кардинальные вопросы дальнейшего организацион-

ного строительства и методов работы военной контрразведки, ему не последовало. За короткий период своего руководства Особым отделом ЗФ он ничем особенным (в плане вскрытия шпионских и контрреволюционных организаций) себя не проявил. Практически сразу после возвращения в Смоленск (где дислоцировался ОО ЗФ) Бушуев был заменен Ф.Д. Медведем, уже доказавшим свою эффективность как чекистский руководитель и решительный оперативник.

Ф. Медведь родился в Гродненской губернии, был белорусом по национальности, но хорошо владел польским языком. Шесть лет проучившись в железнодорожной школе, достаточно развитой юноша поступил в механико-техническое училище, однако проучился там недолго и был исключен за участие в забастовке. Он уезжает в Варшаву и ведет там революционную работу. В сентябре 1918 г. Медведь становится чекистом. Он занял должность начальника Особого отдела ЗФ, уже будучи членом Коллегии ВЧК, поработав до этого руководителем Тульской и Петроградской ЧК. Здесь небезынтересно отметить, что начальником ОО ЗФ он будет назначаться еще дважды и, кроме этого, два раза полномочным представителем по Западному краю. И все это за период с середины 1919 по конец 1925 г.⁸²

Обстановка в зоне ответственности фронта накалялась. Агрессивные действия поляков на Украине, захват ими обширной территории, включая и Киев, не оставляли сомнений в скором масштабном вооруженном столкновении с соседним государством, несмотря на предпринимавшиеся советским правительством дипломатические попытки оттянуть эти события. Казалось бы, разоблачение чекистами «Национального центра» и подпольной «Добровольческой армии Московского района», планировавших выступление при подходе войск А. Деникина к Москве, подтверждало непреложное правило – подготовленным наступательным действиям любой армии в обязательном порядке предшествует активизация разведывательно-подрывной работы, – однако резкого усиления работы ЧК ЛитБела и военных контрразведчиков Западного фронта не наблюдалось.

Одной из причин такого состояния дел являлась слабость кадрового состава указанных органов. Наиболее подготовленные сотрудники и руководители из системы ВЧК были мобилизованы на деникинский фронт, реально являвшийся наиболее опасным летом и в начале осени 1919 г. Кроме того, на западном направлении более, чем где-либо еще, проявлялось отсутствие координации в ра-

боте чекистских аппаратов. Добавим сюда тот факт, что положение усугублялось их перманентной реорганизацией. Подтверждением сказанному является доклад начальника ОО 16-й армии Западного фронта Я.К. Ольского (Куликовского) на 1-м съезде особых отделов в декабре 1919 г. Он, в частности, отмечал следующее: «...наш особый отдел пережил фазис смены начальников, а поэтому каждый начальник переменял систему работы, не было никакой системы и никакой продуктивности»⁸³. Далее он заявил о том, что особые отделы дивизий занимались только борьбой со спекуляцией. Начальник армейского Особотдела (предшественник Ольского) был в конце ноября предан суду военного трибунала за разного рода нарушения. Главным дефектом работы Ольский считал отсутствие опытных сотрудников.

Последнее было решающим аргументом в демарше начальника следственной части ОО Западного фронта В.И. Музыканта в вопросе очередного навязывавшегося из Москвы непродуманного изменения организационно-штатной структуры. Предлагалось, в частности, ликвидировать должности заведующих следственными отделениями. «Следователь, – писал в одном из докладов Музыкант, – мол, должен работать по чистой своей коммунистической совести и не должен быть подвергнут в своей работе какому бы то ни было давлению со стороны... я пытался доказать, что честная совесть коммуниста это в большинстве случаев фикция... и еще больше, честные коммунисты – истинные борцы, происходят из низов населения и в подавляющем большинстве еле водят пером, а следователь должен быть по крайней мере человек настолько грамотный, чтобы он мог зафиксировать высказанные подследственным слова на бумаге»⁸⁴. Это был, что называется, крик души болеющего за общее дело человека. Но, к сожалению, услышан он не был. В цитируемом документе выделим еще одну исключительно важную для рассматриваемой темы фразу, которой доклад и завершается: «На Особый отдел Западного фронта центр смотрит как на лишний отдел, которому в данный момент особой работы нет и он существует как резервный аппарат»⁸⁵. Заметим при этом, что доклад датирован 14 октября. Сие означает отсутствие в Центральном аппарате – Особом отделе ВЧК – адекватной оценки обстановки на западном направлении, в частности, польской угрозы в середине осени 1919 г.

Даже спустя месяц, в ходе работы 1-го съезда особых отделов, в частности в его решениях, не нашли своего отражения угрозы со стороны польской разведки и подпольных структур ПОВ. И это при

том, что Красная армия успешно наступала против войск Деникина в ноябре – начале декабря 1919 г., освобождала все новые и новые территории. Уже обозначился крах белогвардейцев на южном направлении. В это время Реввоенсовет Западного фронта представил доклад председателю СНК В. Ленину, а 29 января 1920 г. и председателю РВСР Л. Троцкому, в котором высказал опасение за ситуацию во фронтовой зоне ответственности. Одной из причин озабоченности было то, что «в последнее время фронтовым Особым отделам ВЧК приходится отмечать чрезвычайное увеличение шпионажа в районе Западного фронта со стороны белых. Дело борьбы со шпионажем является для Западного фронта первостепенным»⁸⁶. Маловероятно, но возможно, что копии этих докладов не присылались в ОО ВЧК. В любом случае кажется странным отсутствие аналогичной обеспокоенности руководства чекистского ведомства. В политической части своего выступления на 1-м съезде особых отделов Дзержинский, давая оценку сложившейся ситуации на фронтах, вообще не упомянул Западный фронт и конкретно Польшу⁸⁷.

4. Борьба с польской разведкой до начала масштабных боевых действий

Аналитики из 2-го отдела польского Генштаба точно подметили некую успокоенность советских руководителей относительно возможной активизации боевых действий между двумя странами. Они считали, что, предложив мир Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве, большевики сконцентрируются на добывании деникинских войск и не предпримут наступление на занятые поляками территории⁸⁸. Однако в документах польской разведки нет указания на ослабление разведывательно-подрывной деятельности против Советской России и Украины. Наоборот, составители доклада – сотрудники спецслужб и МИД – предложили своему правительству и военному командованию проводить энергичную разведку, которая должна была стать «гарантией от всех неожиданностей со стороны большевиков»⁸⁹.

Обращая внимание на недооценку военными и чекистами польской угрозы, нельзя, тем не менее, говорить о некоем «замирании» борьбы с польской разведкой и контрреволюционными подпольными организациями в зоне ответственности Южного (с 10 января

1920 г. Юго-Западного) и Западного фронтов во второй половине 1919 – начале 1920 г.

После захвата поляками Вильно советские власти решили незамедлительно отреагировать на это вероломное нападение. К сожалению, у чекистов не имелось на то время готовых к реализации оперативных материалов по нелегальным ячейкам ПОВ и разведсетям польской разведки. Поэтому пришлось прибегнуть к уже неоднократно испытанному методу – взятию заложников. По радио распространили следующее сообщение: «...в ответ на произведенные ими (польскими военными. – А.З.) массовые расстрелы в Москве арестованы в качестве заложников 250 польских граждан, представителей буржуазии, среди которых находятся архиепископ барон Ропп и барон Денталь. Кроме того, арестован весь персонал представительства бывшего Регентского Совета в Москве и Петрограде, а также все представители бывшего Регентского Совета в провинции: в Воронеже, Туле, Брянске, Владимире, Смоленске, Иваново-Вознесенске и других городах»⁹⁰. Добавим к этому и открытое послание председателя СНК Украины Х. Раковского руководителю польского правительства И. Падеревскому от 22 июля 1919 г. В нем говорилось, что в ответ на наступление поляков на Украине «украинским красноармейским частям отдан приказ о передаче революционным трибуналам захваченных польских офицеров, Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии объявить заложниками всех польских аристократов и польских буржуа, находящихся на территории Украины»⁹¹.

Нужно иметь в виду, что взятие заложников – это была не только превентивная мера для сохранения жизней коммунистов, работавших в Польше, но, как показал опыт того времени, и реальная попытка парализовать активность польской разведки на советской территории. Насколько это удалось, судить трудно. Однако последовавшие после этой операции разоблачения разведывательно-диверсионных групп и отдельных агентов противника в некоторой степени базировались на информации, полученной и от взятых в заложники лиц.

В июне – июле 1919 г. работа по проживавшим на советской территории полякам была активизирована. К примеру, издававшаяся на Украине газета «Большевик» 17 июля поместила сообщение о ликвидации Подольской губЧК польского контрреволюционного заговора в Виннице. Эта подпольная организация занималась в основном разведкой, собирала сведения о Красной армии, политическом положении и настроениях населения. Разведывательные

интересы ее распространялись на территорию Подолии и Галиции. Как выяснилось при допросах участников организации, они имели связь с польским Главным штабом посредством посылки курьеров. По этому каналу поступали денежные средства для разведывательно-подрывной работы, включая создание боевых групп, складов с оружием и, в конечном итоге, поднятия восстания. В состав организации входили местные буржуазные элементы, бывшие легионеры, студенты и ксендзы. При проведении оперативно-следственных мероприятий чекисты установили, что главой организации был офицер легионов С. Гнатковский. Он руководил разведывательной работой и замкнул на себя связь с Главным штабом польских войск. Ближайшие его соратники сумели пробраться на службу в советские учреждения: губернский совнархоз, окружные оружейные мастерские и продовольственный комитет. Интересен тот факт, что основная явка заговорщиков находилась в нидерландском консульстве, представлявшем польские интересы⁹². В связи с этим чекисты организовали разработку польской секции этого консульства и буквально через две недели выяснили, что консульский агент Польской республики в Виннице Я. Остоменский и некоторые его подчиненные занимаются легализацией подпольщиков ПОВ, выдавая им паспорта на другие фамилии. В сообщении для прессы сотрудники Всеукраинской ЧК указали следующее: «Коллегия ВУЧК, принимая во внимание, что эти лица являются польскоподданными и даже представителями польского правительства, которое ведет по отношению к УССР враждебные действия и держит в своих тюрьмах рабочих и крестьян УССР, постановила: гр. Остроменского, Кумановского, Пельковского, Бигальке и Длуголенского заключить в концентрационный лагерь на все время гражданской войны в качестве заложников от польской буржуазии»⁹³.

Отложившиеся в фондах РГВА сводки Особого отдела ВЧК показывают, что и контрразведчики Западного фронта имели некоторые успехи в борьбе с польской разведкой. Поскольку сохранились лишь сводки за период с середины августа по середину октября 1919 г., то уместно говорить только о данном времени. Заметим при этом, что изложенная в сводках информация имеет отношение к работе Особого отдела 16-й армии ЗФ. Другие органы контрразведки вообще не представлены какими-либо сведениями в плане борьбы с польской разведкой. Итак, в начале августа чекисты выявили реальные признаки шпионской деятельности в пользу Польши секретаря начальника снабжения объединения Л. Гордона. Можно себе представить, какими разведывательными возможностями он

обладал относительно выяснения состояния боеготовности армии и планов командования. К сожалению, в последующих сводках отсутствует информация о результатах следствия по делу Гордона, но это я отношу лишь к неполноте комплекта информационных документов.

В последних числах июля Особый отдел раскрыл шпионскую организацию в Гомеле, «работающую под именем ПОВ»⁹⁴. При обыске у разведчиц – сестер Белявских – и некоего Тарновского контрразведчики обнаружили массу конспиративной переписки и членские билеты еще нескольких членов ПОВ. Кроме того, изъяли карту с нанесенной подробной дислокацией частей Красной армии и, что было, наверное, важнее всего, шифры. В ходе расследования вскрылось, что документы на передвижение по городам Белоруссии польским разведчикам выдает заведующий гомельским отделением Красного Креста. Тарновский также сообщил следователям о связи организации ПОВ с работником Ревтрибунала армии, скрывавшимся под псевдонимом «Гапиза». К удивлению сотрудников Особого отдела, Тарновский рассказал об обрыве связи местной организации ПОВ с Петроградом, где была раскрыта группа членов ПОВ. Об этом контрразведчики 16-й армии своими коллегами из северной столицы и Центрального аппарата в Москве проинформированы не были. Подтвердить факт разгрома польской шпионской организации в Петрограде мне пока не удалось. Исследователь истории польской разведки профессор Пеплоньский также не приводит в своей монографии, посвященной советско-польской войне, данного случая провала ячейки ПОВ. В сводке о раскрытии польской организации в Гомеле приводится, сверх того, и информация Витебского Особого отдела о том, что им разрабатываются 5 человек по подозрению в связи с разведкой противника.

По всей видимости, чекисты специально не арестовали некоторых членов гомельской группы ПОВ, в частности Моцарского – содержателя явочного пункта. За его домом установили наблюдение. Вскоре информацию о провале получили в штабе польских войск в Пинске и предприняли меры к восстановлению в Гомеле разведывательной работы. На явочный пункт прибыл польский разведчик унтер-офицер легионов Тарагонский. Усиленный контроль за прифронтовой зоной позволил выявить и задержать еще пятерых шпионов во главе с «начальником зафронтовой контрразведки» Марковским. При нем имелись новые шифры, адреса явочных квартир в Гомеле, Мозыре и Речице, а также и список других адресов, где можно организовать таковые⁹⁵. Марковский дал чекистам подроб-

ную информацию о разведывательных устремлениях разведки противника на этом участке фронта, а также и важные сведения о состоянии польской армии.

В следующей сводке ОО ВЧК от 3 сентября 1919 г. имеется дополнение информации по гомельской организации ПОВ. Контрразведчики 16-й армии установили, что часть ее членов после провала перебралась в Мозырь, и об этом была предупреждена местная ЧК. Кроме того, удалось дополнительно установить факт проникновения разведчицы ПОВ, действовавшей под псевдонимом «Криницкая», в Гомельскую ЧК, вернее, имело место завязывание близкого знакомства с ее руководящими работниками. В расставленные контрразведчиками сети попался и некий Антон Карпинский – бывший офицер польских легионов, прибывший в Гомель с разведывательным заданием от Информационного отдела Волянского фронта⁹⁶. Он утверждал, что не собирался выполнять поручение штаба генерала Листовского и вместе с напарником – Станиславом Борухом – готов был добровольно явиться в Особый отдел. Последний, будучи вскоре арестованным, подтвердил слова Карпинского. Ранее они работали в организации ПОВ в Бобруйске и выразили готовность раскрыть ее и вывести чекистов на остатки гомельской группы⁹⁷. В Бобруйск выехала специальная группа из Минска и там вскрыла контрреволюционную группу поляков в 17-м инженерном полку. Арестованный Глуховский рассказал, что, как и он, членом ПОВ состоит красноармеец полка Федорович. Его арестовали, и выяснилось, что он является руководителем ячейки ПОВ в городе. Полученные от арестованных лиц сведения позволили задержать назначенного поляками комендантом Минска члена ПОВ Стефановского, известного членам организации под псевдонимом «Живой»⁹⁸.

Кроме указанных фактов ликвидации подпольной сети ПОВ и польской фронтовой разведки, было проведено еще несколько успешных операций. Так, в архиве ФСБ России мной найдена справка ЧК ЛитБела от 8 августа 1919 г. о раскрытии в конце июня группы ПОВ в Минске и аресте ее участников. Одним из них был Евгений Базаревский, выполнявший шпионскую работу. Базаревский сумел бежать. Однако, будучи вновь арестован в 1920 г., он подробно рассказал о своей прошлой разведывательной работе и подтвердил реальность собранных год назад оперативных материалов. Как явствует из текста справки, у ЧК ЛитБела имелось в производстве объединенное дело на организацию ПОВ, которое (ввиду сложившихся военных обстоятельств) было передано в Особый отдел Западного фронта⁹⁹.

В отчете Центрального управления чрезвычайных комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 г. имеется указание на проведенную в марте операцию по вскрытию и ликвидации организации ПОВ в Киеве. Еще в конце 1919 г. чекисты получили от своей агентуры сведения о существовании в городе подпольной структуры, связанной с польской разведкой. Однако тогда выявить ее не удалось. И вот в марте 1920 г. при переходе через фронтовую линию в Подольской губернии был арестован неизвестный, у которого при обыске обнаружили зашитое в воротник пальто удостоверение члена ПОВ и зашифрованное письмо. При допросе он назвался Покотянским и сообщил, что связан с подпольной группой из 8 человек. Более тщательная проработка показаний задержанного указывала на связь этой группы с Киевом, и поэтому Покотянского, а также оперативные материалы отправили в Киев. После дополнительной разработки были установлены многие члены ПОВ в городе. В итоге чекисты арестовали почти 200 человек, из которых на 30 имелись достаточно серьезные материалы¹⁰⁰. Большая часть арестованных созналась в проведении подпольной работы по линии ПОВ. В результате перед чекистами раскрылась организационная структура КН-3 и стали известны ее конкретные участники начиная с 1918 г. В частности, было установлено, что осенью 1919 г. представители киевского центра создали так называемый 4-й округ ПОВ на Кубани и на Кавказе. Контрразведчики вскрыли организации ПОВ в Одессе, Харькове и Житомире. В Харькове (тогдашней столице Украины) сотрудники Особого отдела Юго-Западного фронта предотвратили подготовленное членами ПОВ покушение на председателя Совнаркома Х. Раковского¹⁰¹. В Волынской губернии в организацию ПОВ входили 60 человек. Кроме оружия и боеприпасов, у них были найдены сведения о работе большевистской партии в общероссийском масштабе.

Польской разведке удалось создать резидентуру в столице Советской России – Москве. Профессор Пеплоньский утверждает, что с января по май 1919 г. здесь действовала группа бывшего офицера царской армии Казимежа Зabloцкого. При мобилизации он получил назначение в штаб Всевобуча, действовавшего под руководством Наркомата по военным делам. Одновременно Zabloцкий рекомендовал на работу в центральные учреждения в Москве нескольких своих соратников – поляков по национальности. Для расширения своих разведывательных возможностей он вступил в большевистскую партию и добился перевода по службе в Центробронь – Центральный совет по управлению всеми броневыми ча-

стями РСФСР¹⁰². К разведывательной работе Заблоцкий привлек своего брата Виктора и помог ему получить должность в Полевом штабе Реввоенсовета Республики. В августе 1919 г. Особый отдел ВЧК получил некоторую информацию о деятельности последнего и провел обыск в его квартире, являвшейся явочной для входящих в резидентуру лиц. К сожалению, к этому времени К. Заблоцкому удалось расшифровать интерес чекистов к нему, уничтожить все улики, предупредить об опасности соратников и благополучно выехать из Москвы в Варшаву¹⁰³.

То, что пишет Пеплоньский, в основном подтверждается показаниями, данными в Особом отделе ВЧК Юлианом Завадским, арестованным за шпионаж в пользу польской разведки. Он сообщил следователям о том, что с Заблоцким познакомился в июне 1919 г. по работе в Центроброне. Воспользовавшись практически нищенским положением своего сослуживца, Заблоцкий завербовал его и дал задание копировать важные военные документы¹⁰⁴. В отличие от данных Пеплоньского Завадский утверждал, что резидент польской разведки Заблоцкий не покинул Москву в августе, а продолжал шпионскую работу до 1 октября 1919 г. Из 2-го отдела Генерального штаба Польши к Заблоцкому приезжал курьер. Он привез деньги и забрал с собой подготовленные отчеты о проделанной разведывательной работе. Согласно показаниям Завадского, кроме него в резидентуру также входили: брат Заблоцкого, некто Змиев, курьер Ковальский и неизвестный сотрудник технического бюро Центроброни¹⁰⁵. Виктор Заблоцкий и Змиев были арестованы чекистами, но доказать их причастность к шпионажу не удалось, и их освободили.

5. Польская разведка и борьба с ней в условиях масштабной войны

Практически весь 1919-й и в первые месяцы 1920 г. Советская Россия и Польша с переменным успехом вели вооруженную борьбу за белорусские, литовские и украинские земли. Каждая из сторон прилагала максимум усилий для вскрытия планов и конкретных замыслов противника на ближайшую и среднесрочную перспективу. В этой связи следует, видимо, согласиться с утверждениями польских историков о некоторых преимуществах польской военной разведки перед нашими спецслужбами, что позволило ей лучше

справляться с поставленной задачей. Речь прежде всего идет о наличии у поляков разветвленной системы радиоразведки и практически полном отсутствии таковой у штабов Красной армии и ВЧК. В 2003 г. в архивах были найдены документы польского бюро шифров, на основе которых мои польские коллеги подготовили ряд обстоятельных публикаций. Одним из ведущих специалистов здесь, безусловно, является профессор Института политических исследований Польской Академии наук Гжегож Новик. Он подготовил в 2004 г. монографию на сей счет, а через 6 лет переиздал ее дополненный вариант¹⁰⁶. На основе своих монографий Г. Новик опубликовал статью, которая в переводе на русский язык была помещена в сборнике, посвященном Рижскому мирному договору. Так как состояние радиоразведки не является непосредственно предметом моего исследования, то ограничусь лишь некоторыми сведениями из статьи польского историка для пояснения обстановки, сложившейся в сфере борьбы спецслужб в 1920 г.

Итак, с самого начала функционирования 2-го отдела ПГШ в его составе было организовано подразделение радиоразведки. Его возглавлял подполковник Кароль Болдескул, в Первую мировую войну руководивший радиоразведкой государств Антанты на Восточном фронте. Он лучше других знал, как работают радиосети Красной армии. Болдескул понимал, что в этой сфере остались работать старые кадры из числа офицеров царской армии и заменить их большевистскому командованию было нечем. Следовательно, и метод их деятельности остался прежним, хорошо знакомым ему. Поэтому уже в конце 1918 г. польская радиоразведка достаточно успешно контролировала радиопереговоры между разного уровня штабами советских войск от Архангельска до Крыма, от Смоленска до Кубани и даже Сибири. Как утверждает Новик, Пилсудский располагал постоянной службой расшифровок агентурных и дипломатических телеграмм¹⁰⁷. В начале 1920 г. ячейки радиоразведки были созданы во всех штабах польской армии на Восточном фронте. К расшифровке перехваченных текстов привлекались выдающиеся представители польской математической школы. Руководил этой работой поручик Ян Ковалевский. Здесь добавим, что позднее именно он как высококлассный специалист был приглашен военным командованием Японии для создания в штабах этой страны подразделений радиоразведки.

Исходя из информации, имевшейся в распоряжении Новика, польское командование получило от радиоразведки в январе 1920 г. исключительно важное сообщение о перегруппировке боль-

шевистских войск у польской границы, что якобы свидетельствовало о планировавшемся наступлении¹⁰⁸. Однако из давно опубликованных директив командования Красной армии доподлинно известно, что ни о каком наступлении в это время вообще не шло речи ввиду очевидной слабости Западного фронта и в количественном отношении, и в плане снабжения всеми видами довольствия. Перегруппировку наших войск поляки, конечно же, вскрыли, в том числе и с помощью радиоразведки, однако интерпретировали ее неверно. Этот факт говорит о том, что польский историк несколько (если не во многом) переоценил роль этого вида разведки. Без зафронтовой агентурной работы ни польская, ни советская сторона обойтись не могли. Только сочетание всех видов разведки могло принести желаемый эффект в событиях, надвигавшихся по неумолимой логике достаточно длительного вооруженного противостояния.

В Варшаве 17–18 апреля 1920 г. состоялось объединенное совещание представителей разведывательных и контрразведывательных органов военного министерства Польши по вопросу о текущей политической ситуации, а фактически – о работе в условиях войны с Советской Россией и Украиной. Приближенный к Пилсудскому офицер легионов, член ПОВ со времени ее основания, а в это время один из руководящих работников 2-го отдела Генерального штаба капитан Б. Медзиньский попытался доступно объяснить предстоявшие события. «Мирное предложение, сделанное Польше со стороны России, – сказал он, – было несвоевременным. Ибо мир может быть заключен только тогда, когда одна сторона считает себя победителем, а другая признает себя побежденной... А так как иностранные государства и даже наша общественность не сознавала того, что фактически мы являемся победителями, то надо было перед началом мирных переговоров одержать победу над большевиками уже после их побед над Деникиным и Колчаком. Это соображение и было причиной того, что мы не спешили с установлением мира с большевистской Россией, несмотря на ее предложения... мы должны заранее иметь в виду, что мирный договор с Россией до тех пор будет существовать только на бумаге, пока будет сохранена русская армия. К ликвидации этой армии ведут только два пути: или демобилизация, или поражение на поле боя... мы должны стремиться к военному разгрому советской армии»¹⁰⁹. Из этих слов сотрудникам спецслужб стало абсолютно понятно, что проделанная ими предварительная работа по созданию агентурных сетей в Советской России и на Украине рассматривается как исключительно важная для будущих побед. Надо полагать, что

участники совещания транслировали идеи руководства своим подчиненным и во фронтовые структуры разведслужбы, призывая их максимально активизировать работу.

Многие советские политические руководители тоже осознавали неизбежность военного столкновения с Польшей. В. Ленин, выступая 25 февраля 1920 г. перед достаточно далекими от военной сферы людьми на Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования, заявил следующее: «...у нас есть точные сведения, что Польша совершает перегруппировки войск, рассчитанные на наступление»¹¹⁰. В телеграмме члену Реввоенсовета Западного фронта И.С. Уншлихту, датированной 11 марта, председатель Совнаркома и вождь большевистской партии подчеркнул необходимость и своевременность «дать лозунг подготовиться к войне с Польшей»¹¹¹. Лозунги, конечно же, были нужны. Однако реального укрепления войск Западного фронта пока не происходило. Об этом свидетельствует докладная записка командования фронта главкому Красной армии от 2 марта 1920 г. «Считаю себя обязанным, – писал командующий, – констатировать факт, что при известной слабости Запфронта, в связи с тем значением, которое в данный момент ему придается, и возможным переходом в наступление значительно превосходящих нас численно польских войск, Запфронту предстоит еще новая задача – удерживать приданный ему участок 12 армии без наличия реальных для сего местных сил»¹¹². Нельзя сказать, что московские военные власти ничего не предпринимали для усиления Западного фронта, но это касалось в основном улучшения продовольственного и иного снабжения войск. По крайней мере, именно такая реакция из Москвы прослеживается по протоколам заседаний Реввоенсовета Республики за январь – апрель 1920 г.

В этой обстановке исключительную роль в плане обеспечения надежности наших войск, активной борьбы с разведкой неприятеля на фронте и в его собственном тылу должны были сыграть советские органы безопасности. В связи с этим представляется неверной позиция председателя ВЧК Ф. Дзержинского на тот момент. Так, в своем докладе на 4-й конференции губернских ЧК в начале февраля 1920 г. он воспротивился решению, предложенному его заместителем по Особому отделу В.Р. Менжинским, о прямом подчинении особых отделов местных ЧК Центральному аппарату. И это при том, что особые отделы на основании инструкции, подписанной самим же Ф. Дзержинским месяц назад, были признаны единственным органом контрразведки в системе ВЧК. Кроме того, как это ни

покажется странным, но председатель ВЧК заявил о необходимости сконцентрировать внимание губернских ЧК не на подготовке к возможной работе в условиях войны с другим государством, а на чисто экономических вопросах. А особистов призвал усилить контроль за трудовыми армиями. Ни слова о реально надвигавшейся опасности войны с Польшей участники конференции от него не услышали.

Более того, 22 марта, менее чем за месяц до начала широко-масштабных боевых действий по отражению наступления поляков, Ф. Дзержинский подписал приказ «О текущем моменте и задачах органов ЧК». Казалось бы, именно в таком приказе должны быть поставлены задачи по борьбе с польской разведкой. Но ничего подобного в его тексте не содержалось. Об опасности со стороны западного соседа вообще не упомянуто¹¹³. Заметим при этом, что Дзержинский на данное время – не только председатель ВЧК, но и председатель Особого отдела, на который возлагалась борьба с иностранной агентурой. Таким образом, можно говорить, что обозначилось некоторое расхождение позиций Дзержинского и Менжинского по организационным и тактическим вопросам. А могли ли их подчиненные в тех условиях объединить усилия для эффективного решения контрразведывательных задач в целом и по польской линии в частности? Я уже говорил, каковым было отношение в ВЧК к Особому отделу ЗФ на конец 1919 г. Он рассматривался лишь как резервный аппарат со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это отношение мало в чем изменилось к весне 1920 г.

Далеко не в самом лучшем состоянии находились и чекистские структуры на Украине, хотя им Дзержинский уделял особое внимание. После восстановления там советской власти при Всеукраинском ревкоме было организовано Управление чрезвычайных комиссий и особых отделов¹¹⁴. Даже при активной помощи ВЧК к началу 1920 г. удалось лишь вновь организовать несколько губернских ЧК, в том числе Харьковскую, Киевскую и Одесскую. В декабре 1919 г. из Москвы в Курск специально командировали и путем принятия специального постановления Всеукраинским ревкомом назначили руководителем всех органов безопасности на Украине опытного чекиста, близкого к Ф. Дзержинскому человека – Василия Николаевича Манцева. Через несколько дней к нему прибыл в качестве заместителя бывший до этого начальником Особого отдела Московской ЧК Ефим Георгиевич Евдокимов. Оба они приобрели хороший опыт агентурно-оперативной и следственной работы в ходе выявления и ликвидации так называемой «Добровольческой армии Московско-

го района» – военной составляющей крупнейшей за весь период Гражданской войны подпольной организации – «Национального центра». А вот с польской агентурой им сталкиваться пока не приходилось. Да и не с нее пришлось начинать.

На Правобережье чекистские органы были поглощены борьбой со свирепствовавшим петлюровским бандитизмом и атаманщиной, оказанием помощи в установлении твердой власти на местах. Что касается Левобережной Украины, то здесь приходилось уделять основное внимание выявлению агентуры, оставленной деникинскими разведорганами. И, тем не менее, чекистским органам на Украине весной 1920 г. удалось вскрыть и ликвидировать разведывательно-диверсионную сеть ПОВ в ряде городов. Однако нельзя и преувеличивать значение этого факта. Ведь успеху во многом способствовал случай, а не профессионально организованная разработка. Тотального разгрома структур ПОВ, этой шпионско-диверсионной сети польской разведки, не произошло. Реальная картина проведенной операции возникает при изучении найденных мной архивных документов. Так, активная работница ПОВ в Киеве Мария Недзвяловская (псевдоним «Навроцкая») была арестована только в августе 1920 г. и не на Украине, а в Пскове после перехода границы. На допросе в Особом отделе ВЧК она показала, что при взятии Киева польскими войсками 6 мая того же года в городе сохранялась достаточно крупная группа ПОВ, связанная с разведкой нашего противника¹¹⁵. Сама Недзвяловская до этого служила по заданию ПОВ в киевском военкомате, где добывала разведывательную информацию. С приходом в Киев поляков она и еще несколько членов ПОВ, не раскрытые и не подвергшиеся аресту чекистами в марте, легализовались, привели в порядок архивы организации и переправили их в Варшаву. А сами они вскоре были зачислены в штаты 2-го отдела ПГШ или подчиненных ему армейских органов. Некоторые члены ПОВ остались в Киеве для продолжения подпольной работы после отступления войск противника.

С началом активных боевых действий на Украине в столицу республики прибыл (5 мая 1920 г.) председатель ВЧК Ф. Дзержинский. Приказом Реввоенсовета Юго-Западного фронта от 29 мая он назначается начальником тыла фронта. Эта должность предполагала не выполнение снабженческих функций, а руководство обеспечением безопасности тыла Красной армии, организацию борьбы с политическим бандитизмом, заговорами, восстаниями и подавлением активности польской агентуры. Удивительно, но в своем интервью сотруднику «Укрроста» 9 мая Дзержинский ничего

не сказал о борьбе с польской разведкой и конкретно с ПОВ как ее нелегальным аппаратом. Он отметил лишь необходимость усиления борьбы против кулацко-петлюровских и махновских элементов. Вместе с тем ему представилось важным остановиться и однозначно подчеркнуть, что репрессии к гражданам Польши на Украине не будут применяться, «если только они не окажут солидарности и поддержки тому польскому правительству, которое ведет теперь наступление на наши республики...»¹¹⁶ По большому счету, данное заявление, с одной стороны, создавало некую почву для облегчения работы по приобретению агентуры среди поляков, а с другой – способствовало удержанию лиц этой национальности от участия в противосоветской деятельности.

Несмотря на огромное количество проблем по линии ВЧК и других учреждений в Москве, Дзержинский несколько раз продлевал пребывание на Украине, понимая важность своей работы в данном регионе. В письме к председателю СНК В. Ленину от 26 июня 1920 г. руководитель ВЧК писал: «Мое пребывание здесь усиливает темп работы ЧК, и мне кажется, что дальнейшее пребывание необходимо... Я думаю побыть здесь еще недели две, потом на неделю вернуться в Москву, чтобы затем приехать сюда обратно. Буду ждать решения ЦК»¹¹⁷. Работу чекистов по всем направлениям тормозило отсутствие поддержки украинских большевиков. Это очень беспокоило Дзержинского. В связи с этим нельзя обойти вниманием некоторые его соображения, высказанные в письме к своему заместителю И.К. Ксенофонтову 14 мая. «Нашим ЧК, – писал он, – приходится в общем работать здесь как в чужой стране. Местные заскоружные коммунисты стараются выжить приезжих, наблюдают за каждым их шагом и стараются выжить»¹¹⁸. Здесь следует добавить, что местные партийцы были не только украинской, но и польской национальности. Поэтому Дзержинский требует от Ксенофонтова мобилизовать и прислать к нему на Украину «**всех** (выделено мной. – А.З.) поляков-чекистов»¹¹⁹. Такое указание диктовалось обстановкой, однако уместно задать и вопрос: а какими кадрами тогда следовало укомплектовывать Особый отдел Западного фронта и прифронтовые органы территориальных ЧК? Где было взять людей другой национальности, но со знанием польского языка? Это была колоссальная проблема для аппаратов контрразведки, нерешенность которой напрямую сказывалась на эффективности борьбы с агентурой спецслужб противника. А вот у поляков было достаточно людей, хорошо владевших русским языком, имевших

связи в городах Советской России и Украины. Это необходимо учитывать при оценке работы чекистских аппаратов.

Развитие военной и оперативной ситуации подтолкнуло Ф. Дзержинского к выработке указаний по тактике оперативных и репрессивных действий в условиях продолжавшейся войны с Польшей. В частности, 26 июня 1920 г. он написал в Москву своему заместителю по ВЧК о необходимости не брать в концентрационные лагеря поляков в качестве заложников, а только как заподозренных в проведении шпионажа, саботажа и диверсий. Понятие «заложник», по мнению председателя ВЧК, несло в себе элемент наказания невиновных за преступления сородичей¹²⁰. А это давало повод для агитации против советской власти. В начале июля Дзержинский потребовал подготовить и разослать в заинтересованные органы циркуляр об усилении оперативной работы в отношении ксендзов. По данным, имевшимся тогда в распоряжении руководителя ВЧК, они играли важную роль в организации шпионажа и заговоров¹²¹. В циркуляре предлагалось указать на необходимость взятия всех ксендзов на учет и под наблюдение. Следовало, по мысли Дзержинского, вербовать женщин-католичек и посылать их в костелы с целью проникновения в ксендзовскую конспирацию. Данную работу должны были непосредственно проводить особые отделы.

В связи с такой постановкой вопроса стоит напомнить внимательному читателю литературы по истории ВЧК о позиции руководителя органов безопасности на 1-м съезде особых отделов всего полгода назад – в декабре 1919 г. Тогда он не просто не поддержал начальника Особого отдела 12-й армии И. Апетера и других особистов, отстаивавших необходимость применения агентурного метода в работе как системы, а фактически обвинил их в отходе от моральных принципов революционеров. Однако обстановка изменилась, и пришло осознание того, что иначе как с применением именно такого метода с вражеской подрывной деятельностью, прежде всего с разведывательно-диверсионной активностью иностранных спецслужб, бороться невозможно.

В связи с поездкой Дзержинского на Украину может возникнуть еще один вопрос: почему он избрал именно данный регион? Ведь боевые действия практически одновременно развернулись и в Белоруссии, на Западном фронте, куда незамедлительно выехал председатель РВСР Л. Троцкий. Некоторые историки у нас в стране и в Польше даже утверждают, что на западном направлении уже весной 1920 г., еще до начала активных боевых действий, планировался и готовился поход на Варшаву для советизации Польши

при помощи «красных штыков». Казалось бы, вполне логичным и реально необходимым было нахождение именно здесь председателя ВЧК, члена ЦИК Коммунистической рабочей партии Польши и (с июля 1919 г.) Временного революционного комитета Польши. Да и помогать местным чекистам нужно было не меньше, чем украинским. Объяснение, на мой взгляд, следует искать в сложившейся на Украине ситуации: 1) разгул политического и уголовного бандитизма; 2) белогвардейская угроза с юга, со стороны войск генерала Врангеля; 3) малоэффективная работа местных кадров, включая и партийные; 4) исключительное значение Украины в целом и Донбасса в частности для экономики и продовольственного снабжения страны. Надежность некоторых воинских частей была сомнительной. Известен факт, что 23 апреля две галицийские бригады, занимавшие оборону на участке 14-й армии, подняли антисоветский мятеж¹²². Для его ликвидации командованию Юго-Западного фронта пришлось использовать резервы этой и часть резервов 12-й армии.

А какова была обстановка и в каком состоянии к началу активных боевых действий находились чекистские органы и органы военной контрразведки на западном направлении? Как известно, польские войска 5 марта 1920 г. нанесли удар на стыке Западного и Юго-Западного фронтов. Они сумели в короткий срок захватить Мозырь, Калинковичи, а затем и Речицу. Это была ограниченная конкретным районом операция. Основное наступление началось 25 апреля. Однако поляки не застали части Красной армии врасплох. Еще 9 апреля командование Западного фронта издало директиву о приведении войск в полную боевую готовность и о необходимости быстрой разработки плана действий на случай наступления поляков. Командующим армиями вменялось в обязанность усилить разведку и поднять бдительность всех военнослужащих¹²³. С этой директивой были ознакомлены начальники соответствующих армейских особых отделов и приступили к реализации необходимых мер. Что же касается особых отделов губернских ЧК, то далеко не везде просматривались отмотобилизованность и резкая активизация работы. И это при том, что на основании инструкции Особого отдела ВЧК от 3 февраля 1920 г. все особые отделы местных ЧК должны были в оперативном плане подчиняться армейским или фронтовому органу военной контрразведки и действовать по их приказам. На деле положение было не так однозначно. Особый отдел ВЧК сохранял за собой право напрямую давать указания губернским особым отделам. Однако многие председатели губернских ЧК одновременно не избавились от претензий, однозначно высказанных

в начале февраля 1920 г. (на 4-й конференции чекистских органов), на руководство всеми своими отделами, включая и особый. Здесь не трудно увидеть предпосылки для некоторого параллелизма в работе контрразведчиков и даже противодействия армейских и территориальных особистских аппаратов друг другу. Даже в мирных условиях такое положение негативно сказывалось на проведении оперативных мероприятий, а в условиях войны отрицательный эффект значительно усиливался. В отличие от Западного фронта на Украине этого удавалось по большей части избегать. Манцев являлся там начальником Управления ЧК и особых отделов, то есть был единоначальником по чекистской линии. Более того, еще в декабре 1919 г. его назначили одновременно и начальником Особого отдела Юго-Западного фронта¹²⁴.

Несмотря на имевшиеся трудности организационного плана, руководство Особого отдела ВЧК в лице Менжинского приняло решение (в преддверии возможного наступления войск восточного соседа) осуществить масштабную превентивную операцию по полякам. В особые отделы Западного, Кавказского фронтов, 12-й, 13-й, 15-й, 16-й армий, Харьковской, Казанской, Саратовской, Нижегородской, Омской, Ростовской, Гомельской, Полоцкой, Могилевской и Витебской губчека 22 марта 1920 г. поступило циркулярное письмо, предписывавшее провести массовые обыски в польских организациях, подозревавшихся в шпионской и иной враждебной деятельности. Одновременно должны были быть предприняты меры по нейтрализации возможных публикаций негативного свойства в прессе¹²⁵. Операция была реализована в короткие сроки. В Петрограде, к примеру, чекисты задержали более 180 человек¹²⁶. Но в северной столице шума вокруг операции избежать не удалось. Верующие-католики организовали бурный митинг из-за ареста архиепископа всех католических приходов в России Иоана Цепляка¹²⁷. Задержаниями воспользовались и польские подпольщики. В некоторых людных местах появились рукописные листовки за подписью и печатью некоего «Коменданта ПОВ» с угрозами в адрес центральных и местных советских властей. «Мы более чем уверены, – заявлялось в тексте листовки, – что наше Правительство сумеет должным образом оценить этот факт (арест Цепляка и других поляков. – А.З.) и даст достойный ответ»¹²⁸. Эти листовки подтолкнули чекистов к организации розыска «коменданта» и его подчиненных, поскольку к началу апреля у них не имелось информации о наличии в городе ячеек ПОВ, а фактически разведывательно-диверсионной сети польской разведки. Лишь через несколько месяцев будет аресто-

ван резидент 2-го отдела ПГШ, выдавший всю свою агентуру. Об этой удачной операции будет сказано ниже, пока лишь добавим, что тогда чекистов уже не интересовала возможная причастность его к распространению листовок.

Вероятно, именно в ходе предписанной Особым отделом ВЧК массовой операции контрразведчики Западного фронта натолкнулись на агентурную сеть польской разведки в Витебске. В ее состав был внедрен агент Особого отдела, и с его помощью выявили многих участников подпольной организации, а также конкретные факты шпионажа, подготовки диверсий и террористических актов. Арестовано было около 30 человек, которые предстали перед судом военно-революционного трибунала¹²⁹. Практически одновременно удалось раскрыть польскую подпольную организацию в Гомельской губернии. Здесь арестовали 50 ее участников. Понятно, что не все арестованные вели активную подрывную деятельность. Но нет сомнения в том, что вербовочная база польской разведки была в определенной степени подорвана. Таким образом, можно определенно говорить об успешных упреждающих действиях советских военных контрразведчиков и чекистов из территориальных органов госбезопасности до начала масштабных боевых действий.

Достаточно тяжелое положение на Юго-Западном фронте вынудило советское руководство сконцентрировать свое внимание на польской угрозе. Ряд важных вопросов в этом плане был поставлен и разрешен на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 28 апреля 1920 г. В начале мая Политбюро еще несколько раз заседало по вопросам военной проблематики. Было решено усилить состав военных и партийных работников на Западном фронте. В обращении ВЦИК и ЦК РКП(б) от 6 мая говорилось следующее: «“Все для фронта” – вновь должно стать нашим лозунгом и остаться им до того момента, покуда польская шляхта не откажется от кровавой попытки установить свою власть над русскими и украинскими крестьянами и рабочими»¹³⁰.

Советское руководство принимало беспрецедентные меры для отпора врагу. Пришлось пойти даже на создание при главкоме Вооруженных сил Республики Особого совещания для обсуждения мер борьбы с наступавшими польскими войсками. Этот орган возглавил выдающийся военачальник периода Первой мировой войны генерал А.А. Брусилов. Он привлек к работе совещания еще нескольких известных генералов. Безусловно, это была «головная боль» для сотрудников Особого отдела ВЧК, поскольку приходилось только надеяться на чувство патриотизма генералов царской армии – чле-

нов совещания. Военным контрразведчикам лишь несколько месяцев назад удалось раскрыть подпольную организацию «Национальный центр» и ее военную составляющую – «Добровольческую армию Московского района», в которой состояли и руководили подготовительной к восстанию работой несколько бывших генералов. Понятно, что принимались усилия по внедрению в окружение членов совещания осведомителей. Но это были, как правило, военнослужащие низкого ранга, а некоторые даже состояли членами Компартии. Работать по генералам им было сложно, поэтому чекистам приходилось довольствоваться лишь поверхностной информацией. Можно только предположить, что именно в это время был установлен контакт Особого отдела ВЧК с членом Особого совещания генералом от инфантерии А.М. Зайончковским. По имеющимся сведениям¹³¹, он реально стал секретным сотрудником органов госбезопасности в 1921 г. Однако чекисты могли обратить на него внимание годом ранее в связи с тем, что генерал являлся поляком по национальности и к нему, что вполне возможно, были вербовочные подходы польской разведки. А члены Особого совещания были полностью осведомлены о замыслах и конкретных планах командования Красной армии.

Скрытой до времени угрозой большевистские руководители считали и привлечение на Западный фронт бывших царских и белых офицеров, хотя обойтись без них было нельзя. Тогда Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании 4 мая 1920 г. приняло специальное решение: поручить ВЧК наблюдать за работой офицерских кругов, которые будут втягиваться в борьбу с поляками, исходя из своих мотивов¹³². Ясно, что это относилось и к генералам – членам Особого совещания.

Четкая работа тыла тоже была очень важной составляющей. ВЦИК и Совета Труда и Оборона (СТО) приняли 11 мая декрет «О проведении необходимых мер в связи с наступлением белополяков». В тексте декрета указывалось на введение военного положения в 24 губерниях европейской части страны, включая Московскую и Петроградскую¹³³. Революционным трибуналам предоставлялись права революционных военных трибуналов в плане применения репрессий вплоть до высшей меры наказания. За два дня до принятия указанного декрета произошел мощный взрыв артиллерийских снарядов, хранившихся на складах, предназначенных для Западного фронта. Судя по официальным сообщениям газет, безотлагательно была создана специальная комиссия по расследованию произошедшего. По ее распоряжению Особый отдел ВЧК произвел

аресты лиц из числа ответственных служащих складов. Всего тогда задержали около 150 человек. Некоторые из них имели польские корни¹³⁴. Безусловно, главной версией взрыва был диверсионный акт польских агентов. Насколько мне известно, подтвердить это не удалось. Вскрылись факты преступно-халатного отношения работников Главного артиллерийского и Главного военно-инженерного управлений, а также администрации складов к их охране и противопожарной безопасности. По крайней мере, именно этим объясняет взрывы автор книги «Военные чекисты» генерал-майор КГБ СССР С. Остряков, имевший доступ к архивным материалам по этому вопросу¹³⁵. Иной точки зрения придерживался один из первых историков, изучавших деятельность ВЧК, – П.Г. Софинов. Он утверждал, что именно польские диверсанты устроили взрыв. К их активности он отнес и произошедший через месяц поджог склада военного имущества в Зареченском районе Тулы. Софинов подвел и некий итог подрывной (в прямом смысле этого слова) работы польской агентуры за май 1920 г. – около 20 уничтоженных диверсантами военных объектов¹³⁶.

Так или иначе, но высшие советские власти приняли еще ряд решений, направленных на обеспечение охраны тыла действующей армии. В частности, 28 мая ВЦИК и Совет Труда и Оборона «ввиду усилившейся работы агентов польской шляхты в тылу Красной армии и в центре страны, ввиду ряда поджогов, взрывов, а также всех видов саботажа» постановили усилить режим военного положения и предоставить органам ВЧК права военных ревтрибуналов в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности нашего государства. Теперь чекистские органы могли самостоятельно выносить приговоры в отношении лиц, устроивших взрывы, поджоги, занимавшихся шпионажем, совершивших факт измены, а также допустивших нерадение в организации охраны складов и других военных объектов¹³⁷. ВЧК опубликовала в газетах следующее предупреждение: «Польская шляхта и белогвардейцы поднимают голову, хотят нанести в тылу удар нашей военной мощи, подорвать нашу боеспособность. Наша задача – уничтожить всех негодяев. ВЧК объявляет всем предателям, поджигателям и шептунам из подворотни беспощадную войну...»¹³⁸ Важный для чекистов приказ был подписан 10 июня 1920 г. Он развивал общие указания упомянутого выше декрета об объявлении некоторых губерний на военном положении. В нем губернским ЧК предписывалось «арестовывать опасных и вредных лиц польской национальности и объявлять их заложниками, представив списки в ВЧК»¹³⁹. Кроме того,

надлежало отстранить от ответственных должностей поляков, за исключением лиц, о которых будут представлены серьезные гарантии президиумом Губернского комитета РКП(б). Через неделю последовал еще один приказ, требовавший усилить работу по борьбе с подрывными элементами, включая и польскую агентуру¹⁴⁰. Кстати говоря, оба приказа подписал заместитель председателя ВЧК И.К. Ксенофонтов: Что называется – проснулся.

Более оперативно действовало командование Западного фронта. Разрабатывая планы активной обороны и наступления, оно решило провести генеральную «чистку» тыла от дезертиров и вообще «вредного элемента», включая и высылку за тыловую линию лиц польской национальности. Думается, что это решение созрело не без рекомендации фронтового Особого отдела. В итоге на основании приказа Реввоенсовета были созданы специальные комиссии, в состав которых входили представители военной контрразведки. Как выяснил белорусский историк М. Анисяев, не только у военных, но и среди чекистов не было единого мнения о категориях высяаемых. К примеру, в Витебске комиссия в составе заместителя начальника Особого отдела 15-й армии – начальника его активной части С.С. Турло, представителя губернской ЧК и начальника гарнизона предложила учесть всех лиц польской национальности в возрасте от 16 до 60 лет. Однако присутствовавший на заседании, но не входивший в состав комиссии работник Центрального аппарата ОО ВЧК Ю. Маковский категорически настаивал на регистрации, а следовательно, и высылке такого же возраста литовцев. Пришлось вмешаться Особому отделу ВЧК, разъяснившему ошибочность предложения Маковского¹⁴¹. На следующий день в витебских газетах был опубликован приказ об обязательной регистрации поляков указанного возраста. Неисполнившие приказ считались белогвардейскими шпионами и карались по законам военного времени. Не подлежали высылке только поляки – члены РКП(б).

Еще до начала активных боевых действий Особый отдел фронта начал пополняться новыми кадрами. Начальником Особого отдела ЗФ был назначен И.А. Апетер, руководивший до этого ОО 12-й армии¹⁴². Он начал свой путь в военной контрразведке еще в 1918 г., называвшейся тогда Военным контролем. Там работали консультанты из числа офицеров царской армии, и Апетер воспринял от них многие основы деятельности секретной службы. Поэтому, в частности, он являлся горячим сторонником внедрения в практику агентурного метода работы, призывал своих коллег, да и руководство ОО ВЧК, развивать такое направление, как зафронт-

вые мероприятия по внедрению в спецслужбы врага. Для 1920 г. это были прорывные идеи, реализация которых гарантировала подъем эффективности в борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника. На новом посту Апетер стал активно внедрять в оперативную практику свои соображения. В этом его всячески поддерживал член Реввоенсовета фронта, куратор Особого отдела и военной разведки И. Уншлихт. Именно ему в конце июня начальник Особого отдела направил докладную записку о причинах невыполнения некоторых заданий. Как писал Апетер, в период короткого затишья на линии фронта замерла и работа аппарата военной контрразведки. Однако произошло это не из-за отсутствия разного рода враждебных проявлений, а вследствие перевода отдельных чекистов в другие органы фронтового и армейского управления. «Количество сотрудников, – писал Апетер, – было сведено до минимума, самый подбор сотрудников весьма неудовлетворительный»¹⁴³. Но летом 1919 г. приток свежих работников стал ощутимым – личный состав увеличился впятеро, однако и работы прибавилось во много раз в связи с боевыми действиями.

Еще один вопрос поднимал Апетер из разряда вроде бы и не главных – об отсутствии помещения для нормальной работы и жилья личного состава. К примеру, сотрудники жили в смоленской тюрьме, в камерах, спали рядом с арестованными по двое на арестантских нарах. А от них требовали максимальной отдачи на работе, рабочий день был не нормирован, продолжался порой по 10–15 часов. И это при том, что в городе трудились, не особо напрягаясь и не перерабатывая, представители других органов фронтового управления, не говоря уже о гражданском персонале. Апетер просил Реввоенсовет приравнять сотрудников Особого отдела к военнослужащим для получения продовольственного пайка, поскольку чекисты практически голодали. Все это не могло не влиять на работоспособность аппарата Особого отдела.

Теперь обратимся к развитию ситуации на фронтах. Войска Западного фронта должны были 14 мая начать наступление для оказания помощи Юго-Западному фронту, отходившему под натиском превосходивших сил противника. Это решение командования начали реализовывать. Однако не все складывалось удачно после нескольких первых дней наступления. Польское командование подготовило превентивный контрудар 17 мая, чтобы сорвать наступление советских частей. Дальнейшее развитие военных действий подробно и многократно описано в исторической литературе. Отметим лишь, что отсутствие необходимых резервов затормозило дви-

жение вперед 15-й армии. А 16-я армия, встреченная мощным контрударом противника, была отброшена назад за Березину. Авторы труда «Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг.», выпущенного несколько лет назад Институтом военной истории, кратко и четко описали случившееся: «Причины неудачи майской операции Западного фронта, несмотря на предпринятые экстренные меры по его укреплению, коренились в недостатке сил и средств, особенно фронтовых резервов, отсутствии устойчивого управления войсками и слабой работе тыла»¹⁴⁴. В то же время в данной монографии указано, что поляки имели надежную развединформацию о планах советского командования, хотя подтверждающих этот тезис сведений авторы не приводят¹⁴⁵. Фактически, пусть и не явно, они указывают на недоработку отечественной контрразведки в лице особых отделов фронта, армий и губернских ЧК. Возможно, имелись в виду успешные действия польской радиоразведывательной службы, перехватившей и расшифровавшей многие депеши советских штабов, о чем я упомянул ранее. А что касается подавления активности польской агентурной разведки, то полностью ее парализовать было невозможно, принимая во внимание разветвленность нелегальных сетей ПОВ, связанных со 2-м отделом польского Генштаба, и соответствующих структур фронтов и армий противника. К сожалению, советская военная разведка не могла по многим причинам сравниться с польской в массовости и оперативных возможностях своей агентуры.

Неудачи Красной армии казались временными, о чем свидетельствуют подготовленные Л. Троцким и опубликованные 23 мая от имени ЦК РКП(б) тезисы «Польский фронт и наши задачи». Следует обратить внимание на прогнозную часть документа. В частности, в тезисах говорилось, что Польша «загнала себя в ловушку. Ибо исход предстоящей борьбы не может оставить места сомнениям. Шляхта и буржуазия Польши будут разгромлены. Польский пролетариат превратит свою страну в социалистическую республику»¹⁴⁶. Для польских властей это недвусмысленно указывало на намерение соседнего государства «принести революцию на штыках». Основа для мобилизующей атаки польской прессы и всего пропагандистского аппарата на население страны и войска была более чем прочная. Троцкий, его сторонники в военном ведомстве и леваки в Компартии Польши не хотели осознавать реальности – националистические чувства возобладают над классовыми интересами при продвижении Красной армии в глубь этнической территории Польши. Это и произошло. В рамках моего исследования данный

факт приходится выделить особо, поскольку всплеск националистических настроений затронул, да и не мог не затронуть, польские разведывательные службы и значительную часть агентуры – членов ПОВ.

В последнем пункте тезисов от народных комиссариатов, а следовательно и ВЧК, требовалось созвать совещания для подготовки планов содействия Западному фронту. Понятно, что все сказанное относилось и к Юго-Западному фронту, противостоявшему польским войскам на Украине. Пока в архивах не удалось разыскать разработанного плана по линии ВЧК, впрочем, так же как и планов особых отделов фронтов. Скорее всего, чекисты, в отличие от военных, вообще в тот период времени не увлекались построением масштабных планов. Да и основы для их создания в виде подготовленных к реализации агентурных разработок, информации от проникших в польские спецслужбы разведчиков и даже полной картины дееспособности (включая и достаточность кадрового состава) своих органов на фронтах и в прифронтовых губерниях не имелось. Действовать приходилось ситуативно при получении иногда даже случайно поступивших данных.

6. Ликвидация центральной резидентуры польской разведки в Москве и Петрограде

Итак, еще в начале февраля 1920 г. красноармейцами 151-го полка после перехода линии фронта были задержаны две полячки – Ядвига Тайшерская (по документам «Кучинская») и Эльжбета Лотак. Как выяснилось, документы у них оказались поддельными, и на первом же допросе у комиссара они вынуждены были сознаться в том, что посланы разведкой противника с заданием по выяснению дислокации наших воинских частей. Уже в Особом отделе 17-й стрелковой дивизии они изменили свои показания и заявили, что направлялись в Москву. Тогда задержанных направили в Особый отдел 16-й армии. Там допрашивали их до 2 марта и только потом доложили о результатах допросов в Москву. Особый отдел ВЧК, естественно, заинтересовали якобы простые фронтовые разведчицы с явками в столицу. Там оказались более квалифицированные следователи, которые сумели добиться от Тайшерской и Лотак следующей информации: они направлены в Москву 2-м отделом польского Литовско-Белорусского фронта с явкой к резиденту. Однако

назвать адрес явки и фамилию резидента женщины категорически отказались¹⁴⁷.

Из материалов допросов арестованных ранее польских шпионов Особому отделу ВЧК в начале 1920 г. стало известно о намерении 2-го отдела Генштаба Польши воссоздать главную резидентуру в Москве, так как еще в октябре 1919 г. она была практически ликвидирована Особым отделом ВЧК. Однако тогда особистам не удалось выявить и арестовать всех входивших в резидентуру лиц, и оставшиеся на свободе агенты, потерявшие связь с Варшавой, временно прекратили разведывательную работу¹⁴⁸. Именно для связи с ними и должен был прибыть новый резидент. Показания Тайшерской давали основание считать, что резидентура уже какое-то время действует.

Как нельзя кстати в Особый отдел ВЧК от коллег с Западного фронта поступила информация о серьезных подозрениях в шпионаже в отношении Марии Пиотух – жительницы одного из крупных железнодорожных узлов на западном направлении – г. Орши. Ее разработку по заданию чекистов вел один из лучших агентов ОО ЗФ врач «Шатловский». Он же помог сотрудникам Особого отдела раскрыть несколько контрреволюционных групп в Смоленске и рекомендовал себя только с лучшей стороны. Ко времени командировки в Оршу «Шатловский» уже фактически являлся секретным уполномоченным ОО ЗФ, поэтому Апетер выдал ему соответствующий мандат, дававший право вести разработку подозрительных лиц и даже решать вопрос об их аресте. В Орше агент под благовидным предлогом вошел в контакт с М. Пиотух, сумел расположить ее к себе и даже стал квартировать в ее доме. В итоге «Шатловский» выяснил, что она является содержательницей явочной квартиры польской разведки и занимается шпионажем. В конце апреля 1920 г. в квартире Пиотух наш агент встретился с капитаном польской разведки С.И. Левандовским, который, как оказалось, недавно перешел линию фронта и должен был далее ехать в Москву на связь с резидентом. К сожалению, он смог это сделать, уйдя от наружного наблюдения оршанских чекистов. Но в отчете «Шатловского» уже фигурировала услышанная от Левандовского фамилия московского резидента¹⁴⁹. Правда, произнесена она была невнятно, что усложнило его поиск в столице. Из-за ошибки агента произошла его расконспирация перед Пиотух.

Резидент польской разведки в Смоленске, которому подчинялась и организация в Орше, узнав, что стоит на грани провала, дал указание Пиотух и другим разведчикам скрыться. Некоторых вы-

явленных «Шатловским» лиц все же удалось арестовать, но они знали очень мало. По указанию особоуполномоченного ОО ВЧК А.Х. Артузова начальник контрразведки Западного фронта 4 июня направил своего агента в Москву со всеми собранными материалами. Как выяснилось позднее, Пиотух к этому времени уже приехала в столицу и связалась с резидентом. Он тоже решил перейти на нелегальное положение, чтобы избежать ареста¹⁵⁰. Для розыска резидента польской разведки была создана специальная оперативная группа. Возглавил ее Артузов. Кроме него в группу вошли Р.А. Пиляр, Л.Н. Захаров-Мейер, Ф.Я. Карин Я.Ф. Родованский и некоторые другие сотрудники Особого отдела ВЧК. К ним подключили и «Шатловского». Именно он после многих встреч со своими знакомыми поляками в Москве выяснил, что в семье доктора Плиевского бывает поручик Добржинский, проходящий службу в одной из расквартированных в городе частей Красной армии. Эта фамилия практически совпала с той, которую услышал «Шатловский» от Левандовского в Орше. Поиски резидента вошли в завершающую стадию.

В середине июня сотрудники Особого отдела ВЧК получили от других источников информацию о местонахождении Левандовского и 21-го числа арестовали его. На допросе у Артузова подследственный полностью признался в принадлежности к ПОВ и работе на польскую разведку. Он назвал и главного резидента – поручика Игнатия Игнатьевича Добржинского.

Прервав на время изложение операции по вскрытию и ликвидации главной польской резидентуры в Советской России, уместно привести некоторую информацию об этом человеке. Первую статью о нем я подготовил еще в начале 1990-х гг. и назвал ее «Свой или чужой?». Именно так ставился вопрос при обсуждении роли Игнатия Сосновского (псевдоним Добржинского после поступления на службу в ВЧК) некоторыми исследователями истории органов госбезопасности на соответствующей кафедре Академии ФСБ России. Уже тогда я высказал свое убеждение (которого придерживаюсь и сейчас) в том, что было серьезной ошибкой Ф.Э. Дзержинского и А.Х. Артузова принять его на штатную работу в Особый отдел ВЧК. В истории спецслужб нет другого примера, когда главного резидента разведки враждебного государства, разоблаченного и перевербованного, зачислят официальным сотрудником контрразведки, представляют к награждению орденом и далее обеспечивают продвижение по служебной лестнице. Более того, согласившись раскрыть некоторых еще не задержанных своих по-

мощников и агентов, Добржинский выдвинул условие председателю ВЧК – не применять в их отношении репрессий и обеспечить им возможность возвращения в Польшу. Как ни странно, но Дзержинский согласился и исполнил свое обещание. И это происходило в разгар советско-польской войны! В последующем Артузов объяснял такое отношение к Добржинскому тем, что он был идейным социалистом и руководил восстанием рабочих против немецких оккупантов в Польше в 1918 г. Якобы в ходе длительных бесед с Дзержинским и видным польским коммунистом Мархлевским удалось убедить подследственного в правоте большевистских идей и необходимости бороться за их реализацию на практике. Получается, что всего за несколько дней Добржинского из идейного пилсудчика перековали в адепта РКП(б).

В плане прославления Дзержинского и отстаивания абсолютной безошибочности всех его поступков и решений это утверждение, видимо, имело важное значение при написании в значительной степени идеологизированной истории нашей страны в советский период. Никто из ведомственных историков не решался использовать при описании событий периода советско-польской войны и противостояния спецслужб двух государств письмо к Дзержинскому Ф. Медведя, близкого к председателю ВЧК человека, в то время руководителя Особого отдела Западного фронта. Последний откровенно высказался по поводу привлечения Добржинского и некоторых других бывших польских агентов на службу в чекистский аппарат. Приведу фрагмент из этого письма, полный текст которого публикуется в приложении к данной монографии. «Во время моей поездки в Москву, – писал Ф. Медведь, – 28/X – 1/XI с.г. я увидел в ОО ВЧК, что Добржинский и Витковский (Марчевский) у т. Артузова являются самыми близкими людьми, для которых нет ничего секретного, теперь же от тов., приезжающих из Москвы, узнаю, что непосредственным помощником т. Артузова является Добржинский, хотя и не официально, из телеграммы же, что Витковский – нач. 3-го специального отд[еления]. Я знаю, что т. Артузов им безгранично верит... но... когда они работают в самом центре ОО ВЧК, то это может иметь плохие последствия для нас. Это я пишу потому, что никогда не доверил бы им подобной руководящей работы... они молоды, вели ответственную работу у белополяков и слишком скоро перешли на нашу сторону... Во всяком случае ставить их чуть ли не во главе Особотдела – это рискованно... они становятся руководителями нашей работы благодаря тому, что к ним привыкли, сжились с ними и им доверяет т. Артузов»¹⁵¹.

В одной из записок руководству НКВД в 1937 г. Артузов упомянул о реакции на зачисление Добржинского в штат ВЧК со стороны еще одного известного чекиста – Р.А. Пиляра, занимавшего в 1920 г. должность помощника Артузова. Оказывается, после бурного разговора с Дзержинским по этому поводу Роман Александрович в знак протеста добился фактически ухода из ВЧК и направления на подпольную работу по линии Коминтерна в Польшу (Верхнюю Силезию), что и произошло на деле¹⁵².

А теперь вернемся к событиям лета 1920 г. После установления адреса, где мог находиться Добржинский, оперативная группа Особого отдела ВЧК выехала туда для задержания польского резидента. Это произошло 25 июня. На первых допросах у Пиляра он пытался запутать чекистов, желая дать возможность скрыться своим агентам. Тогда допросы продолжились в кабинете заместителя председателя Особого отдела В.Р. Менжинского в присутствии Артузова и Пиляра. Однако эффект принесло только ознакомление Добржинского с откровенными показаниями Левандовского, а затем и очная ставка с ним, а также длительные допросы Артузовым, выступавшим в роли «доброго следователя». Резидент наконец решился на разрыв с польской разведкой и переход на сторону воюющей с его родной страной Советской России. За несколько дней все его помощники и агенты в Москве были арестованы. Оставалось задержать подрезидента в Петрограде и членов его агентурной сети. Для проведения этой операции в северную столицу выехала оперативная группа, в составе которой был и Добржинский. Зная сомнения своего подчиненного относительно перспектив дальнейшего сотрудничества с польской разведкой, Добржинский сообщил подрезиденту Виктору Стецкевичу (псевдоним «Вик»), что добровольно стал работать на чекистов и предложил своему подчиненному сделать то же самое. Одним из аргументов для принятия серьезного решения Стецкевичем было то, что его родной брат был добровольцем в Красной армии, сражался за советскую власть и погиб в бою с белогвардейцами. 30 июня Стецкевич прибыл в гостиницу, где остановилась опергруппа, и заявил Артузову, что согласен сотрудничать с органами ВЧК. Вот текст его заявления в Особый отдел: «Считаю для себя невозможным, по существу моих политических убеждений, окончательно сложившихся к настоящему моменту, продолжать свою деятельность как агента польской разведки, передаю себя в распоряжение Особого отдела ВЧК. При сем прилагаю мое удостоверение, выданное Московским отделением польской разведки»¹⁵³. Однако Стецкевич заявил, что

предателем быть не желает, а посему никого из своих агентов в Петрограде не выдаст.

Ну как здесь вновь не возвратиться к письму Медведя Дзержинскому с резко негативной оценкой факта привлечения на штатную работу в органы ВЧК Добржинского и Стецкевича. У меня нет сомнений в том, что не погибни Стецкевич в ходе одной из операций в Монголии, он был бы арестован в 1937 г. и расстрелян как польский шпион. Ведь только один факт отказа от выдачи своей агентуры означал бы для следователей того времени намерение продолжить шпионскую работу в интересах польской разведки.

После операции в Петрограде Добржинский доставил к особистам скрывавшуюся им вне Москвы М. Пиотух. Оформлено это было как явка с повинной¹⁵⁴. На допросах в ВЧК она подробно рассказала о своей работе на польскую разведку в Орше, а также об известных ей лицах, причастных к шпионажу. Ее информация легла в основу действий оперативной группы ОО ВЧК на Западном фронте. В июле – сентябре 1920 г. судьбу Пиотух решала Коллегия ОО ЗФ в присутствии Артузова. Явно не без влияния последнего Коллегия приняла следующее решение: «Гражданку Пиотух Марию Александровну, 17 лет, признать виновной в принадлежности к Оршанской белопольской шпионской организации и приговорить ее к высшей мере наказания – расстрелу, но, принимая во внимание добровольную явку и несовершеннолетие, чистосердечное признание, выдачу соучастников, а также ее заявление о том, что ее прежняя деятельность не соответствует ее истинным убеждениям как сочувствующей советской власти и что ее деятельность является лишь следствием влияния на нее польских офицеров Квятковского и Борейко, освободить с представлением права искупить свою вину в работе»¹⁵⁵.

В начале июля 1920 г. с помощью Добржинского был арестован подпоручик В. Мартыновский¹⁵⁶. Он специализировался в резидентуре на сборе информации по экономическим и аграрным вопросам. Следует отметить, что Мартыновский сообщал на допросах только о своей деятельности, не назвал ни одного агента, с которыми работал. Он заявил о себе как об идейном стороннике Пилсудского и польском националисте. Никаких просьб о смягчении предстоявшего наказания Мартыновский не высказал, хотя и не знал об обещании Дзержинского отпустить всех польских офицеров – сотрудников резидентуры на родину. Следователь Ю. Маковский, сам разделявший в юности идеи Пилсудского, но перешедший затем на большевистские позиции, считал необходимым заключить Марты-

новского в концентрационный лагерь до конца войны с Польшей, о чем и написал в постановлении по уголовному делу последнего¹⁵⁷. Однако Дзержинский настоял на отправке Мартыновского в Польшу на основании заключения комиссии по амнистиям от 7 сентября 1920 г. Правда, реально он смог отправиться домой только в июне 1922 г., после излечения от тяжелой болезни.

В конце июля чекисты арестовали еще одного агента польской резидентуры в Москве – Ю. Завадского, служившего в автоброневой бригаде. Он сразу признался в проведении шпионской деятельности и подтвердил это при очной ставке с Добржинским. Поскольку он не был офицером польской армии, то на него не распространялось обещание, данное Дзержинским Добржинскому. В заключении по его делу был вынесен окончательный вердикт: «Шпионаж в пользу белых Польши доказан, а потому полагаем применить к гражданину Завадскому высшую меру наказания»¹⁵⁸.

Подводя итоги операции Особого отдела ВЧК по разгрому главной польской разведывательной резидентуры в Советской России под руководством И.И. Добржинского (псевдоним «Сверц»), можно констатировать ее успешность и своевременность. На июнь 1920 г., когда начались первые аресты шпионов, советское командование запланировало крупные наступательные операции против польских войск. Всего в Москве и Петрограде было арестовано 8 человек, один агент застрелен при попытке бежать. Из состава резидентуры не удалось задержать только двоих – помощника резидента И. Квятковского и связную Г. Войцеховскую, которые уехали в Польшу с донесениями еще до ареста Добржинского. А содержательница явочной квартиры в Орше М. Пиотух, прибывшая к резиденту в Москву для оповещения о грозившем ему аресте, была доставлена в ОО ВЧК самим Добржинским, а затем передана в Особый отдел Западного фронта.

7. Борьба с польской агентурой на Западном фронте летом и осенью 1920 года

С разгромом войск 1-й польской армии и овладением Минском и Вильно фактически завершился первый этап наступления советских войск в Белоруссии и Литве. В июле 1920 г. командованию Красной армии полный разгром противника казался делом совсем недалекого будущего. Это понимали и в Польше. Руководство этой

страны уже готово было отказаться от идеи восстановления Польши в границах 1772 г. Возможность быстрого продвижения советских армий на Запад очень беспокоила и страны Антанты – Великобританию и Францию. От имени Верховного совета Антанты английский министр иностранных дел лорд Дж. Керзон направил советскому руководству известную ноту. Он предложил прекратить военные действия против польской армии и назвал города, по линии которых следовало установить новую границу между двумя странами. Возможно, что московские власти и согласились бы рассмотреть такой вариант, однако в ноте содержалось и абсолютно неприемлемое требование: позволить армии генерала Врангеля без боев уйти в Крым и закрепиться там, а Крымский перешеек объявить нейтральной зоной. Многие советские политические и военные деятели отдавали себе отчет в том, что, не победив Врангеля, нельзя обеспечить безопасность страны. И. Сталин, к примеру, прямо писал в своей статье в газете «Правда»: «Смешно поэтому говорить о “марше на Варшаву” и вообще о прочности наших успехов, пока врангелевская опасность не ликвидирована»¹⁵⁹. Через несколько дней после получения ноты Керзона командование Красной армии по указанию В. Ленина разработало доклад о стратегических планах для Западного, Юго-Западного и Южного фронтов, которые имели якобы полную возможность разгромить Врангеля и Польшу¹⁶⁰.

Предполагая реальность принятия такого решения, руководство ВЧК считало необходимым разработать дополнительные меры по контрразведывательному обеспечению подготовки и проведения наступательных операций советских войск. Планировалось нанести решительный удар по польским агентурным сетям в западных районах, прежде всего в Смоленской губернии, Белоруссии и Литве. Кроме того, Дзержинский (после совета с Лениным) поддержал инициативу бывшего резидента Добржинского о проведении, говоря сегодняшним языком, активного мероприятия, направленного на членов ПОВ, составлявших ядро всех агентурных групп польской разведки. Суть его заключалась в подготовке Добржинским открытого письма к своим бывшим соратникам и распространении его текста в виде листовок за линией фронта с использованием авиации. Письмо было подготовлено в сжатые сроки, и его текст утвердили в ВЧК 18 июля 1920 г. Однако по оперативным соображениям было решено повременить с его распространением. Поскольку полный текст письма публикуется в приложении, не буду здесь цитировать его. Забегая несколько вперед, лишь замечу, что, согласно воспо-

минаниям А. Артузова (тогдашнего руководителя всех операций по полякам и будущего начальника КРО ГПУ), после распространения письма «поляки вопили об измене польской центральной разведки в Москве...»¹⁶¹ Арестованные позднее польские агенты, описывая в своих показаниях влияние на них указанного письма, заявляли об отказе многих членов ПОВ от выполнения заданий разведки. Факт некоторого снижения активности подрывной работы 2-го отдела польского Генштаба налицо. Психологический эффект был достигнут. Требовалось закрепить успех путем выявления и ареста агентуры противника в прифронтовой зоне. Для проведения новых операций на Западный фронт выехала оперативная группа под руководством Артузова. В ее состав вошли участник ареста Добржинского чекист Ф. Карин и ставший к этому времени сотрудником для поручений при Артузове (особоуполномоченным ОО ВЧК) Игнатий Сосновский (Добржинский под этой фамилией стал работать в органах госбезопасности, поэтому далее я и буду его так именовать).

В первую короткую поездку опергруппе никого арестовать не удалось. Зато ее состав пополнился еще одним человеком. Это был бывший капитан польской армии Виктор Марчевский. Его Сосновский нашел в тюрьме в Смоленске. Из дела арестованного выяснилось, что он в 1915 г. командовал ротой, а в 1918 г. работал в подпольной организации КН-3 ПОВ в Киеве под руководством майора И. Матушевского. Теперь, к июлю 1920 г., последний стал начальником 2-го отдела польского Генштаба. За растрату казенных денег Марчевский был приговорен военным судом к длительному тюремному заключению, но сумел бежать через линию фронта. Его арестовали сотрудники Особого отдела 3Ф, но пока не было понятно, что делать дальше с этим польским офицером. По докладу Сосновского Артузов принял решение забрать арестованного в Москву в распоряжение ОО ВЧК. Там его поместили в одну камеру с бывшим подрезидентом польской разведки в Петрограде Стецкевичем, выступавшим теперь под псевдонимом «Кияковский». После проведения дополнительных проверочных мероприятий и Кияковский, и Марчевский (принявший фамилию Витковский) стали так же, как и Сосновский, сотрудниками для поручений при заведующем оперативным отделом Особого отдела ВЧК Артузове. Таким образом, создавалась нештатная оперативная группа по польским шпионским делам.

19 июля 1920 г. Оргбюро ЦК РКП(б) постановило создать специальный орган на Западном фронте для руководства политической работой в армии и среди населения на освобожденных Красной ар-

мией территориях, работой среди польских военнопленных, формированием польской Красной армии, пропагандой среди войск противника. Председателем Польшбюро стал Дзержинский. 23 июля он и другие члены Польшбюро выехали на Западный фронт. Там уже был создан Польшревком как временный орган власти¹⁶². В одном поезде в Смоленск отправилась оперативная группа ОО ВЧК в составе Артузова, Пиляра, Витковского, Кияковского, Сосновского и многих других чекистов. Основной целью группы являлось внедрение в разведывательно-диверсионные ячейки польских спецслужб и разложение структур ПОВ. Работу начали с Вильно, занятого частями Красной армии 14 июля. В городе достаточно быстро удалось завербовать несколько секретных сотрудников, в том числе из членов ПОВ. С их помощью выявили и задержали некую Залесскую – агента капитана 2-го отдела ПГШ Костялковского, успевшего уехать в глубь Литвы. Кроме того, была вскрыта и ликвидирована явочная квартира 2-го отдела штаба Восточного фронта и арестованы трое связных¹⁶³. В местной тюрьме чекисты выделили из числа задержанных войсками члена ПОВ Ирэну Заторскую, служившую ранее в Виленском женском батальоне, и командира этого батальона Юону Пшепилинскую. Сосновский и Кияковский сумели убедить девушек перейти на сторону большевиков и присоединиться к опергруппе.

В конце августа пришел черед реализовать «активку» – «Открытое письмо к товарищам по работе в ПОВ – офицерам и солдатам польской армии, а также студентам – товарищам по университету от Игнатия Добржинского». На мой взгляд, наиболее подходящее время для распространения письма было упущено. Решающее сражение на Висле развернулось 13 августа 1920 г. После ожесточенных боев на подступах к Варшаве поляки начали свое наступление. Части Красной армии были вынуждены отходить, оставляя город за городом. В плену оказались несколько десятков тысяч наших солдат и командиров. Локальные наступательные операции и контрудары советских войск не приносили должного результата. В этих условиях огромное значение приобретала работа по обеспечению безопасности тыла, предотвращению диверсий на коммуникациях, защите высшего комсостава от террористических актов. И в это дело заметную лепту внесли члены опергруппы ОО ВЧК. Артузов и его подчиненные вынуждены были перебраться из Вильно в Минск, где располагалось командование фронта во главе с М.Н. Тухачевским. К этому времени в группу вошел и успешно действовал еще один бывший польский военнослужащий –

Карл Роллер (Чиллок). Будучи военнопленным, он содержался до революции в одном из лагерей в Сибири. Как унтер-офицер польского легиона он сражался на стороне адмирала А. Колчака, но в январе 1920 г. сдался в плен Красной армии, а затем попытался пробраться в Польшу. В Смоленске его арестовали, и в тюрьме Роллер оказался в одной камере с Марчевским-Витковским. После освобождения Марчевского решила и судьба Роллера – он стал сначала агентом оперативной группы Артузова, а затем штатным сотрудником ВЧК-НКВД.

На завершающем этапе пребывания Артузова и его агентов на Западном фронте удалось провести еще одну важную операцию. Было установлено, что недалеко от Минска в лесном массиве действует группа польских диверсантов, готовящих взрыв поезда командующего фронтом¹⁶⁴. Через ранее выявленных членов ПОВ Сосновский сумел внедриться в эту диверсионную группу и предотвратить террористический акт. Вот, что говорится об этих событиях в приказе Реввоенсовета Республики по личному составу № 163 от 15 мая 1921 г.: «...Добржинский, учитывая опасность повстанческих организаций ПОВ в тылу наших войск в период их отступления, стал во главе повстанцев в районе Минска и с необычайным искусством удерживал их от активных действий против наших войск, в результате чего предотвратил подготовленный повстанцами взрыв железнодорожного моста на перегоне Минск–Борисов. В связи с изложенным, т. Добржинский содействовал успешной без всяких задержек эвакуации из Минска штаба Западного фронта»¹⁶⁵. На основании данного приказа РВСР Добржинский-Сосновский был награжден орденом Красного Знамени.

Группа членов ПОВ, в которую он сумел внедриться, а затем и возглавить, уже совершила ряд диверсионных актов совместно с польскими партизанами под командованием поручика Я. Соболевского. Были, в частности, взорваны железнодорожные мосты около Докшицы, станций Бусла и Борисова, устроено крушение поезда на подъезде к станции Радошковичи, где были большие человеческие жертвы. Именно этот отряд, насчитывавший около 220 человек, и готовил покушение на Тухачевского. Сосновский, выступавший под именем начальника 2-го отделения штаба Восточного фронта, установил личный контакт с Соболевским, выяснил его планы – о чем и доложил Артузову. На оперативном совещании у Тухачевского начальник Особого отдела Западного фронта И. Апетер предложил провести войсковую операцию по уничтожению отряда польских партизан, что и было осуществлено.

Одновременно предлагалось силами Особого отдела фронта ликвидировать ячейки ПОВ в Минске. Разработка их была практически закончена, и арестовать подпольщиков не составляло большого труда. Операцию провели в самом конце сентября 1920 г. Всего арестовали около 50 человек, включая и двух разведчиков 2-го отдела штаба 4-й польской армии – Е. Базаревского и В. Табартовского (псевдоним «Млот»). Оба они вступили в минскую организацию ПОВ (КН-1) еще в конце 1918 г., а с 1919 г. уже работали на польскую разведку. В июне 1919 г. чекисты арестовали коменданта ПОВ в Минске Стефановского (псевдоним «Живой»), члена штаба Шимкевича, служившего по заданию разведки в минском военном комиссариате, и еще несколько членов ПОВ. Тогда был арестован и Базаревский. Его препроводили в концентрационный лагерь в Смоленске, однако подследственный сумел бежать. И вот теперь Базаревского снова арестовали. В ходе допросов выяснилось, что по заданию начальника 2-го отдела штаба 4-й армии Польши капитана С. Майера Табартовский и Базаревский должны были собрать информацию о частях Красной армии в Минске и его окрестностях и передать ее разведке противника для учета при наступлении на город. Поскольку польские войска уже приближались к городу, провести полноценное следствие не удалось, и было принято решение всех арестованных особо активных членов ПОВ и шпионов расстрелять, что и было реализовано 3 октября 1920 г.¹⁶⁶ Однако расстреляли не всех, а лишь 17 человек. В интересах дальнейшей оперативной работы троих (Е. Базаревского, содержательницу явочной квартиры А. Витковскую и В. Табартовского) эвакуировали в Смоленск и далее в Москву в распоряжение Особого отдела ВЧК.

Табартовский, несмотря на то, что при допросах все отрицал и не дал развернутых показаний, вскоре был завербован Артузовым по рекомендации Сосновского под псевдонимом «Гурский» и принимал участие в раскрытии организации ПОВ на Украине. Далее Артузов (опять же по рекомендации Сосновского) принял его на штатную работу в КРО ОГПУ.

Что касается Базаревского, то он был достаточно откровенен с чекистами, смог внушить к себе доверие и был завербован под псевдонимом «Жарский». В начале ноября он был направлен в Смоленск в сопровождении сотрудника Особого отдела ВЧК В. Высоцкого. Последний, используя возможности ОО ЗФ, должен был организовать переход агента на польскую сторону для внедрения в разведку противника по легенде, разработанной в Особом отделе ВЧК. В легенде наряду с вымыслом присутствовали и реальные

факты, как-то: арест в Минске, доставка в Москву, встреча со «Сверщем»-Добржинским. А далее шла именно легенда: якобы вывезли Базаревского по неизвестным ему соображениям в Смоленск, откуда и удалось бежать. Перейдя линию фронта, «Жарский» через польских дивизионных разведчиков связался с начальником 2-го отдела штаба 4-й армии капитаном Стефаном Майером, который и посылал его вместе с Табартовским в Минск. «Жарскому» казалось, что польские разведчики поверили ему. Второй отдел штаба армии даже пригласил его прочитать лекции на курсах разведчиков.

Затем Базаревский убыл в отпуск в Варшаву. И пребывание его там до сих пор вызывает сомнение. Дело в том, что до переброски через линию фронта чекисты вручили ему 26 конвертов с вложенными в них экземплярами нового письма бывших членов ПОВ, перешедших на сторону большевиков. Предполагалось, что агент разошлет конверты по заранее определенным адресам: главе Польского государства Пилсудскому, маршалу Сейма Тромчинскому, во 2-й отдел Генерального штаба, в английскую и французскую военные миссии и в редакции ряда центральных газет. Можно согласиться с тем, что в Особом отделе ВЧК задумали новую «активную» операцию, направленную на внесение сомнения в руководство спецслужб по поводу массового привлечения членов ПОВ к разведывательной работе. Но тогда о каком внедрении в разведку противника агента «Жарского» можно вести речь? Ведь такой объемный багаж надо было не только перенести через линию фронта, но и сохранить его в поездках по Польше. Поэтому, на мой взгляд, ни о каком внедрении в польскую разведку не могло быть и речи. Скорее всего, проведение «активки» и было целью сотрудников ОО ВЧК. Подтверждением этого может служить и тот факт, что, надеясь на Базаревского, чекисты организовали распространение в Польше текста первого письма Добржинского и коллективного письма бывших членов ПОВ в виде отдельной брошюры¹⁶⁷. Текст этой брошюры читатель найдет в приложении к данной монографии.

Что касается дальнейшей судьбы агента «Жарского», то она незавидна. В начале 1921 г. он прибыл в Москву на конспиративную квартиру ОО ВЧК вместе с сопровождавшим его агентом 2-го отдела штаба 4-й польской армии. 10 января Базаревский подготовил свой отчет о пребывании в Польше и передал его теперь уже помощнику начальника 12-го спецотделения Особого отдела Витковскому. Поддерживавший с «Жарским» контакт Табартовский неожиданно для чекистов сообщил, что его товарищ предложил вместе бежать на польскую сторону, предварительно совершив

террористический акт в отношении Сосновского, предавшего интересы родины¹⁶⁸. Были проведены дополнительные проверочные мероприятия, и, хотя однозначного результата они не дали, 26 марта 1921 г. дело Базаревского и прибывшего с ним из Польши Мощинского рассмотрели на заседании Президиума ВЧК и постановили обоих расстрелять¹⁶⁹.

В связи с рассмотренной операцией в Минске, проведенной в конце сентября – начале октября 1920 г., интересна и ситуация вокруг одной из негласных сотрудниц оперативной группы Артузова – Ядвиги Тайшерской (псевдоним у поляков «Кучинская»). Она была арестована еще в феврале 1920 г. после перехода линии фронта с заданием штаба польского Литовско-Белорусского фронта. Как тогда сумели выяснить чекисты, Тайшерская должна была подобрать явочную квартиру в Москве для резидентуры «Сверща», то есть Добржинского. До начала советско-польской войны она содержалась под стражей в тюрьме Особого отдела ВЧК. Никаких адресов и фамилий польских агентов в Советской России она на многочисленных допросах не назвала. И, тем не менее, Артузов решил включить ее в состав оперативной группы, выезжавшей на Западный фронт в августе 1920 г. Против этого резко возражал Сосновский, вполне справедливо полагая, что изменчивость показаний на допросах отражает стремление Тайшерской ввести чекистов в заблуждение. Можно лишь сделать предположение о скрывавшемся от других членов группы намерении Артузова использовать в перспективе факт довольно близкой родственной связи Тайшерской с Пилсудским в разведывательных целях. В Минске Тайшерская повела себя подозрительно, уходила от выставленного за ней наружного наблюдения, пыталась установить связь с подпольщиками ПОВ. Пришлось ее арестовать, а при наступлении поляков на Минск расстрелять¹⁷⁰.

Подводя итог работы агентурно-оперативной группы во главе с Артузовым на Западном фронте летом и осенью 1920 г., нельзя однозначно утверждать о ее высокой эффективности. Можно, на мой взгляд, только говорить о соотношении ее успехов и провалов. Здесь нельзя не привести еще один фрагмент ранее уже цитированного письма полномочного представителя ВЧК на Западном фронте Ф. Медведя к Ф. Дзержинскому с оценкой проделанного тогда еще агентами Особого отдела Витковским, Кияковским и Сосновским. «Мое недоверие к ним, – писал опытный чекист, – основано на следующем... в Вильне они не дали ни одного дела (за исключением расстрела двух простых пленных), не позволили даже

трогать тех из ПОВ, кто там находился (после отъезда Артузова из Вильно они увезли все материалы в Минск). То же и в Минске – операция, которая была там проведена, была начата ОО Запфронта, и только после арестов Особотделом они начали говорить об этом деле Артузову, что было в высшей степени подозрительным, об этом можно узнать у т. Апетера, свои сомнения я высказывал т. Артузову в Минске. Часть лиц и квартир по этому делу, независимо от Особотдела, была под наблюдением Минчека. Дело взял в свои руки т. Артузов, а значит, и они. Результаты были незначительны.

Если говорить, что они дали, то, по моему мнению, очень мало, расстрелянный Блох (племянник Г.Е. Зиновьева, агент под-резидента польской разведки в Петрограде Стецкевича. – А.З.) – почти без материала, а с Тайшерской тоже не очень ясная история для меня. Пойман Борейко – насколько я знаю, совершенно без их помощи и случайно»¹⁷¹.

Конечно, нельзя абсолютизировать информацию Медведя, но и не доверять ей, зная о достаточно близких отношениях автора письма и адресата, тоже не стоит. Следует учитывать и тот факт, что наши знания о деятельности группы Артузова на Западном фронте базируются в основном на текстах протоколов допросов Сосновского и других сотрудников НКВД 1937–1938 гг. Понятно, что в тех условиях они старались (хотя бы первоначально) довести до следователей информацию только о своей успешной работе во благо СССР. Это была их защитная реакция. К сожалению, многие авторы, пишущие о деятельности органов госбезопасности в период советско-польской войны, пытаются, надеюсь не намеренно, отлакировать некоторые события и роль в них конкретных чекистов, в частности Артузова¹⁷². А это приводит к искажению реальной картины событий тайного противоборства спецслужб.

Во время отступления советских войск от Варшавы из-под Львова стала отводиться и 1-я Конная армия. Стратегическая обстановка резко менялась. Подвергаясь постоянным атакам со стороны поляков, части Красной армии постепенно с боями откатывались на Восток. Это обстоятельство ослабляло позицию советской делегации в Минске на конференции по заключению перемирия, которая началась 17 августа 1920 г. Длившиеся до конца месяца переговоры не привели к позитивным результатам. Польская делегация отвергала не устраивавшие ее предложения советской стороны, поскольку перелом в военных действиях уже произошел и не в нашу пользу. Польские войска наносили удар за ударом, и было ясно, что они могут перейти «линию Керзона». И при таком

положении дел на переговорах руководству советской делегации поступали из Москвы противоречивые указания. Вот, к примеру, что телеграфировал в НКВД К.Х. Данишевский: «Сегодня из Москвы были получены две инструкции относительно режима польской делегации. Одна инструкция от Чичерина, с которой я вполне соглашаюсь, и она проводится в жизнь... Но только что Смилгой (Ивар Тенисович Смилга являлся членом РВС ЗФ. – А.З.) получена инструкция от политбюро, подписанная т. Троцким, которая заключает указания, проведение в жизнь которых, по моему глубокому убеждению, означает срыв переговоров...»¹⁷³ Неизвестно, на чем основано утверждение историка И.В. Михутиной, что за Троцким стояла военная контрразведка в лице Особого отдела ВЧК и якобы именно этот орган настаивал на ужесточении отношения к польской делегации¹⁷⁴. Исключить это, конечно, нельзя, но подтверждающих данных пока не найдено. Исходя из этого, считаю некорректным использование вывода указанного историка в монографии, изданной под грифом Института военной истории МО РФ¹⁷⁵.

В архиве ФСБ России удалось обнаружить несколько документов, имеющих отношение к рассматриваемой ситуации. Еще при подготовке к штурму Варшавы начальник Особого отдела Западного фронта И. Апетер проинформировал свое руководство в Москве о том, что польская делегация, включая представителей редакций крупных газет, общим количеством более 50 человек, должна прибыть в Минск предположительно 11 августа. В ответ он получил указание принять исчерпывающие меры по изоляции польских журналистов от местного населения¹⁷⁶. Чекисты имели из Варшавы точную информацию о том, что среди них, а также и в числе других польских представителей, будут сотрудники и агенты разведки. Не пустить журналистов через линию фронта было нельзя, поскольку на их беспрепятственном приезде в Минск настаивал нарком по иностранным делам Г. Чичерин. Начальник ОО ЗФ был лично ответственен за организацию наблюдения за журналистами¹⁷⁷. Минувя чекистское ведомство, Л. Троцкий 15 августа направил за № 755 шифровку членам РВС Западного и Юго-Западного фронтов, содержащую следующий текст: «По имеющимся сведениям, в районе действий наших армий на польском фронте имеются иностранные корреспонденты, соглядатаи, военные шпионы, проникающие разными путями и широко использующие откровенность и болтливость многих местных военных и гражданских властей. Необходима более строгая проверка всех посторонних лиц и действительное ограждение военных тайн»¹⁷⁸. Похоже, что-то подобное председа-

тель РВСР написал и в телеграмме, о которой сообщил К. Данишевский наркому по иностранным делам.

Но причем здесь чекисты? Другое дело, что Особый отдел Западного фронта реально выявил среди членов польской делегации лиц (таких как М. Бирнбаум и майор К. Стамировский), обоснованно подозревавшихся в принадлежности к разведорганам противника и предпринимавших попытки сбора военной информации. Но сомнительно, чтобы чекисты предложили обнести колючей проволокой место проживания поляков. А вот демонстративное наружное наблюдение, скрывавшее бы возможность контактов с военнослужащими Красной армии и жителями города, могло быть вполне уместной в той обстановке мерой. Кстати говоря, похожие действия предлагал предпринять Г. Чичерин. «Основываясь на озлоблении населения против поляков, – писал он В. Ленину, – можно окружить их, в их же интересах, почетными телохранителями... Обстановка будет для них почетная, незаметная золотая клетка»¹⁷⁹. Особый отдел фронта именно так и поступил. Согласно указанию своего начальника, особисты организовали передвижение польских делегатов по городу только по определенным улицам и в сопровождении телохранителей. Здание, где размещались поляки, охранялось специально назначенным караулом снаружи, а внутри расставлялись караульные посты. Проезд на заседания осуществлялся только на автомашинах. Делегатам и сотрудникам их аппаратов воспрещались контакты с местными жителями¹⁸⁰.

Начальник Особого отдела ЗФ Апетер, учитывая его отрицательное отношение к польским представителям, скорее всего, поддержал решение командования фронта об издании и расклейке по городу приказа № 1847 от 20 августа за подписями командующего Тухачевского, члена РВС Смилги и начальника штаба Шварца. Накануне он получил срочную телеграмму от начальника ОО ВЧК В. Менжинского, который потребовал (в отмену прежних указаний) довести режим контроля за членами польской делегации «до степени тюремного»¹⁸¹. Это не было прихотью военных контрразведчиков. Телеграмма почти дословно повторяла текст шифровки члена РВС фронта И. Смилги в адрес заместителя председателя РВСР Э. Скланского от 19 августа 1920 г. Поскольку в шифровке речь шла о том, что польская делегация «насквозь шпионская», Скланский посчитал необходимым направить копию телеграммы в Особый отдел ВЧК для принятия соответствующих мер. Надо полагать, что и текст вышеуказанного приказа, в котором утверждалось, что все члены польской делегации являются не кем иными, как шпиона-

ми, и вести с ними переговоры о мире бесполезно и даже позорно, составил все тот же Смилга¹⁸². По указанию из Москвы советской делегации пришлось извиняться перед поляками за «бестактный» приказ командования Западного фронта.

Надо полагать, что этот инцидент, как и некоторые другие обстоятельства, повлиял на польскую делегацию, и советской стороне было предложено продолжать диалог, но уже в Риге. Для военных контрразведчиков такой поворот событий означал лишь одно: развернутая работа по членам делегации еще не принесла нужных результатов, а ее придется заканчивать. Особый отдел фронта сумел в короткое время внедрить нескольких агентов и нештатных сотрудников в окружение поляков. В частности, у главы военной части делегации генерала А. Листовского работала в качестве прислуги жена контрразведчика Глинского, как и супруг, прекрасно говорившая на польском языке.

Безусловно, польские разведчики из состава делегации улавливали признаки наблюдения со стороны советской военной контрразведки. Они понимали, что это некий ответ на работу в конце 1919 – начале 1920 г. польской политической полиции в отношении нашей делегации по вопросу о беженцах во главе с Ю. Мархлевским и на убийство членов делегации Российского Красного Креста. Здесь стоит напомнить об отказе польского правительства принять условия возможного пребывания в Варшаве советских представителей в начале апреля 1920 г. В соответствующей ноте, подписанной наркомом по иностранным делам Г. Чичериним, в частности, говорилось, что «Польское Правительство гарантирует русской делегации и вспомогательному персоналу полную неприкосновенность и безопасность наравне с возможностью постоянно и непрерывно, без каких бы то ни было нарушений, сноситься со своим правительством путем радио-телеграфа и телеграфа и через посредство курьеров, шифрованными сообщениями и в запечатанных чемоданах, тайна которых оставалась бы нерушимой»¹⁸³. Заметим, что отказ от этих предложений имел место еще до начала широкомасштабных боевых действий. И вот теперь, когда шли ожесточенные сражения, польские делегаты, как докладывал в Москву начальник ОО ЗФ, проявляли недовольство окружением их «со всех сторон шпионами»¹⁸⁴.

21 сентября начались новые переговоры в столице Латвии. А через день открылась 9-я партийная конференция, и в ходе обсуждения политического отчета В. Ленин признал, что приходится засвидетельствовать и в дальнейшем учитывать «то глубокое по-

ражение, катастрофическое поражение, которое мы потерпели в результате всего развития операции»¹⁸⁵.

Польша прислала в Ригу значительную по количеству членов делегацию – до 80 человек. 5 октября удалось договориться по ряду вопросов, согласовать условия договора о перемирии и прелиминарном мире. Но 8 октября, как это было оговорено, подписать договор не удалось. Здесь интересно отметить поразительный для дипломатических встреч факт – секретарь польской делегации А. Ладощ практически открыто заявил, что отложить подписание документов его просил начальник 2-го отдела Генерального штаба Польши подполковник И. Матушевский. Якобы это было необходимо для того, чтобы польские части успели вступить в Минск хотя бы на несколько часов и изъять оставшиеся там важные документы польской разведки¹⁸⁶. Скорее всего, поляки беспокоились об архиве ПОВ, на основании документов которого можно было выйти на некоторых членов этой организации, задействованных в создании новых резидентур в Москве и Петрограде. В этом случае речь идет о деле, которое в чекистском делопроизводстве значилось как «С-219».

Это дело развивалось следующим образом. К начальнику активной части Особого отдела Охраны западных границ Республики 15 сентября 1920 г. прибыл на внеочередную встречу агент из числа контрабандистов и сообщил о прибытии в приграничный населенный пункт нескольких польских шпионов, которые намеревались нелегально перейти границу и направиться в Петроград. Чекисты поручили агенту предложить свои услуги эстонским пограничникам по сопровождению поляков через границу и до Пскова. Это удалось, и 16 сентября на конспиративной квартире «контрабандистов» в Пскове всю группу, состоявшую из 5 человек, арестовали¹⁸⁷. Можно говорить о крупной удаче чекистов, поскольку речь реально шла о попытке 2-го отдела польского Генштаба организовать резидентуры в Петрограде и Москве. Арестованные оказались членами ПОВ, перешедшими на службу в польскую разведку: Пухальский Владислав (Ольгерд; псевдоним «Вольский»), Святский Никодим (псевдоним «Светский»), Недзвяловская Мария (псевдоним «Навроцкая»), Дыбчинская Галина (псевдоним «Калина»), Борейко Леон (псевдоним «Суслин»).

Начнем с Борейко. Он родился в Смоленске в польской дворянской семье. Там же в 1915 г., будучи еще гимназистом, вступил в ПОВ, а в 1919 г. уехал в Варшаву и поступил во 2-й отдел ПГШ. Несколько раз нелегально ездил в Москву как курьер к главному

резиденту И. Добржинскому и доставлял собранные им сведения. Далее состоял (под псевдонимом «Дрозд») резидентом польской разведки в Смоленске, где сумел устроиться на военную службу в военно-транспортный отдел штаба Западного фронта. Здесь же служил делопроизводителем по секретной переписке и агент «Дрозда» – А. Гольц. Вскрыть резидентуру Борейко тогда чекистам не удалось, несмотря на наличие в городе нескольких структур по борьбе с контрреволюцией и шпионажем. И вот теперь, будучи арестованным в сентябре 1920 г., он раскрыл многие секреты польской разведки. В частности, Борейко признался, что в августе во 2-м отделе ПГШ его инструктировал уже известный Особому отделу капитан Эмиссарский и дал следующие задания: а) выяснить дело Добржинского, и если подтвердится его добровольный переход на сторону большевиков, то организовать его ликвидацию; б) развить агентурную работу в Москве, Смоленске и Минске; в) организовать связь резидентуры в Москве с петроградской резидентурой; г) собрать сведения о состоянии Красной армии в целом и трудовых армиях в частности¹⁸⁸.

Еще одной интересной для чекистов фигурой оказалась Недзвяловская. Она являлась членом киевской ПОВ, до взятия города поляками работала по заданию организации в окружном военкомате и добывала ценные сведения. Вместе с отступавшими польскими частями покинула Киев и переехала в Варшаву, где и стала работать во 2-м отделе ПГШ.

В этом отделе уже работал и Святский. Он непосредственно подчинялся начальнику разведки И. Матушевскому и майору Шетцелю. Задание Святского заключалось в объезде некоторых крупных городов Советской России и выявлении возможного начала новой мобилизации для польского фронта.

Наиболее развернутые показания дал О. Пухальский-«Вольский». Он раскрыл замысел руководства польской разведки по воссозданию резидентур, дал сведения о многих сотрудниках 2-го отдела, контактах польских спецслужб с коллегами из Эстонии, а также рассказал об организации и деятельности КН-3 ПОВ в Киеве. Кроме того, Пухальский сообщил, что вопросом переброски всей группы на советскую территорию руководил не кто иной, как брат и агент первого резидента польской разведки в Москве К. Заблоцкого – Виктор Заблоцкий, действовавший под псевдонимом «Виттег»¹⁸⁹. Для сотрудников Особого отдела были интересны и данные Пухальского о том, что вместе с их группой или несколько позднее в Советскую Россию должны были нелегально прибыть

из Эстонии еще несколько агентов польской разведки, а именно В. Штурм-де-Штрем, И. Квятковский и В. Михнев. Однако данные об их возможной деятельности на нашей территории в 1920 г. подтверждения не нашли, хотя с этими разведчиками чекисты столкнулись позднее еще не раз как с организаторами многих шпионских акций.

Труднее всего пришлось с Г. Дыбчинской-«Калиной». На допросах она только подтверждала то, что уже ранее раскрыли другие члены группы, а в остальном пыталась запутать сотрудников контрразведки. Производство агентурного и уголовного дела «С-219» было закончено 18 октября 1920 г. Согласно постановлению, подписанному начальником оперативного отдела ОО ВЧК Артузовым и начальником польского отделения Витковским, всех членов шпионской группы надлежало содержать в концентрационном лагере до конца войны¹⁹⁰. На сегодняшний день известна дальнейшая судьба только троих: Борейко покончил жизнь самоубийством, а Дыбчинская в 1922 г. была включена в список поляков, находившихся в заключении, для обмена на арестованных в Польше коммунистов. Как утверждает польский историк А. Пеплоньский, по возвращении в Варшаву она вышла замуж за одного из руководителей разведки и сама некоторое время работала во 2-м отделе ПГШ. Недзвяловская была перевербована Сосновским и некоторое время работала по его указаниям. До 1937 г. она служила на штатных должностях в ГПУ-НКВД. Была арестована и 13 августа расстреляна.

Говоря о деле «С-219», нельзя обойти некоторые, до сего дня не выясненные, обстоятельства. Во-первых, кто первым сообщил о прибытии на эстонскую границу группы польских разведчиков? Как я выше отметил, дело началось с информации агента Особого отдела по Охране западных границ РСФСР. Такое сообщение действительно было. Но в фондах польских спецслужб, хранящихся в Российском государственном военном архиве, удалось найти достаточно интересный документ. Это сообщение начальнику Регистрационного (разведывательного) управления Реввоенсовета Республики от РОЭГ. Под этой аббревиатурой понимается Разведывательный отдел эстонской группы – специальное подразделение эстонской Компартии, работавшее под руководством центрального аппарата советской военной разведки и в контакте с разведотделом штаба Петроградского военного округа. Данный документ не датирован, однако, исходя из текста, можно указать на 15–20 сентября 1920 г. Прочитируем небольшой фрагмент из него: «При последней встрече нами получены от Демблица сведения, которые хотя и не

относятся непосредственно к нашей работе, но могут быть весьма полезны ОО ВЧК... Сведения эти заключаются в следующем: в ночь с 13 на 14 сентября в Россию направились 3 польских агента, лично известных Демблицу: Пухальский Владислав – бывший работник КН-3 на Украине, Борейко Леон – бывший работник ПОВ в Минске в 1919 г., а потом деятельный курьер между Варшавой и Москвой (его должен знать бывший шеф польской разведки в России, ныне работающий с нами) и третий, сравнительный новичок, Светский»¹⁹¹. Далее следуют многие подробности их заданий, названы связи в Петрограде и даже пароли. Кроме того, указано, что отдельно от этой группы границу перейдут Недзвяловская и Дыбчинская, а также Штурм-де-Штрем и Михневич. Начальник РОЭГ отметил, что посчитал необходимым сразу же поставить в известность о полученных сведениях Петроградскую ЧК и начальника Особого отдела по охране Эстонской границы т. Паэгле.

Кроме этого документа сохранилась и копия записки Артузова начальнику Разведупра с пометкой «лично». Из ее текста следует, что независимо от данных источника РОЭГ у Особого отдела имелась и своя информация о подготовке группы польских шпионов к переходу границы. Но Артузов, направляя копии показаний арестованных, просит перепроверить их содержание через агента Разведупра. Анализ текстов приведенных документов дает почву для некоторых выводов.

1) В Эстонии у военной разведки имелся агент «Демблиц», обладавший хорошими возможностями не только по эстонской пограничной службе, но и по разведке этой страны. Он, в частности, имел отношение к организации взаимодействия эстонцев и поляков в разведывательной сфере. Но возможно, что он был поляком и даже работал в резидентуре «Виттег». Демблиц (вероятно, что это совсем и не псевдоним, а реальная фамилия советского агента) упоминается и в сообщениях польских агентов, датированных концом 1922 – началом 1923 г. Он, вероятно, имел отношение к ПОВ в Киеве или Минске, поэтому и знал некоторые эпизоды из биографий польских разведчиков.

2) Копии этих совершенно секретных документов оказались в делах 2-го отдела польского Генштаба. Здесь налицо факт: либо агент поляков работал в советских спецслужбах того времени (в Разведупре или ОО ВЧК), либо нашелся предатель из числа штатных сотрудников этих учреждений.

Только ко времени заключения перемирия у советской контрразведки сложилась вполне ясная картина относительно структуры

и методов работы польской «двуйки». Об этом свидетельствует тот факт, что только 4 сентября 1920 г. Особый отдел ВЧК распространил во все подчиненные органы специальную ориентировку «О фронтовой и тыловой разведке польской армии»¹⁹². Первое, что отметило московское руководство, это произошедшую эволюцию разведывательных служб Польши от соответствующих отделов в структурах ПОВ до государственных органов в виде 2-го отдела ПГШ и аналогичных подразделений во фронтовых и армейских штабах. Вместе с тем следовало помнить о переходе основных кадров ПОВ на государственную военную службу. Подготовка любых наступательных действий войск предвлялась интенсивным задействованием всех ячеек ПОВ с целью ведения разведывательно-подрывной деятельности в прифронтовой полосе и более глубоком тылу противника. В ориентировке указывалось на продолжение работы округов ПОВ во всех регионах, которые поляки считали «Большой Польшей». Эта военно-политическая организация является массовой базой разведки, и поэтому лишь в некоторых крупных городах 2-й отдел ПГШ создавал самостоятельные резидентуры, что называется классического типа, в составе нескольких человек с задачей проникновения в руководящие военные и политические центры управления. Что касается политических отделов организаций ПОВ, то они проводят обработку польских общественных кругов в духе национализма, изучают деятельность партий и настроение населения, стараясь определить степень поддержки действий большевиков. Подобного рода информация активно используется польским командованием в пропаганде, нацеленной на противника и своих граждан.

Более того, организации ПОВ, координируя свою работу со штабами армий и фронтов, подготавливали повстанческие действия и реализовывали свои планы при подходе польских войск. Так, в ориентировке утверждалось, что Виленская операция, «безумная» (такая оценка дана в ориентировке) с военно-политической точки зрения, была осуществлена на основе информации подпольной организации ПОВ и при ее непосредственной поддержке. Это утверждение опирается на захваченный в ходе боев доклад начальника штаба наступавшей группировки майора Пискора. Схожая ситуация наблюдалась при занятии Минска, Луцка, Сувалк и, по всей вероятности, Киева. Вместе с тем, по мнению ОО ВЧК, руководство разведки пытается унять пыл национал-патриотов, отзывая многих из них на родину для устройства на работу в разведывательных подразделениях. В Польше стали создавать курсы и школы развед-

ки, в которых слушатели обучались по немецким и французским основополагающим документам. На отвоеванных территориях создаются территориальные органы разведки и контрразведки, которые совместно со 2-ми отделами фронтов и армий ведут так называемую «неглубокую разведку». Во всех отдаленных от линии фронта областях 2-й отдел Генерального штаба организует разведку. В ориентировке отмечено, что польская разведка активно использует метод дезинформации о планах и замыслах своего командования. Это следовало иметь в виду при вербовке новых агентов или использовании ранее разоблаченных шпионов. Касаясь обстановки на Украине, руководство ОО ВЧК подчеркивало активную работу организаций ПОВ по инспирации повстанчества и политического бандитизма.

Если сравнить текст ориентировки со сведениями, которые приводит в своей монографии ведущий исследователь истории польской разведки профессор А. Пеплоньский, то мы увидим абсолютное отсутствие противоречий. Следовательно, на осень 1920 г. Особый отдел ВЧК правильно оценивал созданную структуру польских спецслужб, методы их работы в военной обстановке, военно-политические организации ПОВ как опору и кадровый резерв, а также и как вербовочную базу. А знание противника является основой для успешной борьбы с ним.

В середине сентября Одесская губернская ЧК сообщила о ликвидации крупной белопольской шпионской организации. Было арестовано около 200 человек. Их обвиняли в повреждении железных дорог, уничтожении паровозов, подготовке террористических актов¹⁹³. На основании добытых сведений было организовано наблюдение за вновь прибывавшими в Одессу поляками. Удалось выяснить, что в городе находится польский беженец некий Юрий Новосельский, а на самом деле – эмиссар польской разведки, проходящий по оперативным учетам как Островский. За ним установили наружное наблюдение, но он сумел скрыться. Вновь он появился в Одессе как поручик Маевский и вышел на связь с местной организацией ПОВ, среди членов которой чекисты уже приобрели агентуру. На этот раз Новосельского-Островского-Маевского удалось арестовать. На допросах он сознался, что направлен в Одессу польским Генштабом с заданием инспирировать восстание, установить слежку за польскими коммунистами, особенно за членами польской секции местной большевистской организации, и т.д. По постановлению Коллегии губЧК были расстреляны 32 наиболее активных члена ПОВ, 17 заключены в концентрационный лагерь

на 5 лет, еще 16 подсудимых – на 3 года и 8 человек оставлены как заложники. Остальных, учитывая их пролетарское происхождение, вообще освободили¹⁹⁴.

В конце декабря 1920 г. в ВЧК была образована специальная комиссия для проведения крупной операции против агентуры польской разведки и подчиненных ей структур ПОВ на территории Киевского военного округа. В состав комиссии вошли И. Сосновский и особоуполномоченный Президиума ВЧК И.А. Визнер. Последний как чекист с 1918 г. и поляк по национальности был мобилизован на Западный фронт, где получил хороший опыт работы по польским шпионским делам. Судя по сохранившимся документам, руководить комиссией назначили некоего Маковского. Выяснить что-либо об этой личности оказалось далеко не простым делом. После изучения разного рода исторических источников руководителя операции на Украине хочется отождествить с упоминаемым в литературе и архивных документах поляком по национальности Юрием Игнатьевичем Маковским, который в 1922 г. возглавлял 12-е специальное отделение (польское) Особого отдела ВЧК¹⁹⁵. Однако из краткой биографии последнего становится ясно, что он не мог занимать должность руководителя комиссии, поскольку до начала 1920 г. был на подпольной работе в Польше, был там арестован и осужден на 20 лет каторги и только 16 мая 1921 г. прибыл в Советскую Россию по обмену на нескольких поляков. Но ведь в это время комиссия ВЧК уже закончила свою работу на Украине, а следовательно, он не мог иметь к ней отношения.

Первоначально я, честно говоря, усомнился в точности даты возвращения Маковского, которую первыми привели известные историки из Службы внешней разведки России В. Антонов и В. Карпов¹⁹⁶. Предположил, что произошла ошибка при подготовке текста к печати. Затем черед настал усомниться в информации о Маковском, приведенной профессором Академии ФСБ России А.М. Плехановым. В подготовленном им сборнике документов о деятельности Ф. Дзержинского на посту председателя ВЧК-ОГПУ указано, что Маковский (без указания инициалов) – это сотрудник Киевской ЧК¹⁹⁷. Но если обратиться к тексту одной из записок председателя ВЧК, помещенной в сборнике, то мы увидим, что речь идет о «Киевской комиссии Маковского», которой обязаны подчиняться все органы ЧК и особые отделы на территории Киевского и Одесского военных округов. И даже глава украинских чекистов В. Манцев получал лишь копии сводок комиссии о ходе борьбы с польским шпионажем¹⁹⁸. Из этого совершенно ясно, что речь идет о некоей комиссии из Москвы,

которую никак не мог возглавлять сотрудник, подчиненный председателю Центрального управления ЧК Украины. Странным мне показалось и то, что профессор А. Плеханов в «Энциклопедии ВЧК», изданной через 6 лет после выхода в свет упомянутого выше сборника документов, к краткой биографии Ю. Маковского добавил и якобы его вторую фамилию или псевдоним – «Рожен». Такое уточнение больше не сделал ни один автор трудов по истории органов госбезопасности. Однако уже в ходе написания этого раздела в материалах РГАСПИ мне удалось найти документы, склонявшие к поддержке данных А. Плеханова. Так, в протоколе заседания Оргбюро ЦК РКП(б), состоявшегося 26 июля 1920 г., указано о необходимости освободить от мобилизации на польский фронт «т. Рожена (Маковского), особоуполномоченного по польским делам при ОО ВЧК». Данное решение было основано на обращении в высшие партийные инстанции начальника ОО ВЧК В. Менжинского, в котором сказано следующее: «По уговору с т. Дзержинским, в Особом отделе должна быть организована небольшая сильная группа поляков для ведения дел с Польшей, причем, т. Дзержинский в бытность свою в Москве, взял всех ответственных работников-поляков с собою. Т. Рожен (Маковский) и является особоуполномоченным по польским делам, оставленным Дзержинским в Центре»¹⁹⁹. Смущало только одно – фамилия Рожен в тексте была основной, а вторая фамилия (либо псевдоним) – Маковский – давалась в скобках. Вероятно, именно приведенный документ и склонил профессора А. Плеханова к объединению биографических данных разных сотрудников органов госбезопасности.

Коллеги из Архива УФСБ по Омской области на мой запрос ответили, что у них на хранении не имеется личного дела особоуполномоченного Особого отдела ВЧК по фамилии Рожен. В то же время за 1920–1922 гг. в архиве сохранились дела на сотрудников ВЧК, занимавших куда менее значимые должности. А в личном деле Ю.И. Маковского ни в одном документе, включая и собственноручно написанную им автобиографию, не упоминается о том, что он пользовался псевдонимом «Рожен».

Как ни странно, но поставить точку в вопросе выяснения личности Рожена помогли сведения базы данных о репрессированных в СССР гражданах, составленной международным правозащитным обществом «Мемориал». В списке оказался научный сотрудник Государственной библиотеки им. Ленина Эмерик Витольдович Рожен (Андреев). Материалы его архивного уголовного дела позволили расставить почти все точки над «i». Так и остался невыясненным

вопрос: почему он пользовался псевдонимом «Маковский», а позднее и «Андреев», работая в ВЧК-ГПУ. Не объяснил он это и в ходе допросов. Зато можно уверенно утверждать то, что именно Э. Рожен в период советско-польской войны неоднократно выезжал на Западный фронт для организации борьбы с польской разведкой, а позднее возглавлял комиссию ВЧК на Украине. Как видно из материалов следствия, Рожен не оправдал надежд Ф. Дзержинского, оказался слабым руководителем, да еще и злоупотреблявшим спиртными напитками. Кроме того, он затеял склоку со своими украинскими коллегами. В конце февраля 1921 г. Ф. Дзержинский писал начальнику Особого отдела ВЧК В. Менжинскому: «Маковский не ориентируется в дошедших до него обвинениях против Киевской губчека и не прекратил их в корне, наоборот, придает им значение. На основании присланного мне Маковским материала опроса приехавших из Киева товарищей для меня ясна вся вздорность обвинений, основанных на бывшем между Ос[обым] от[делом] Киев[ского] воен[ого] окр[уга] и губчека антагонизме. Всякие сплетни, смещения лиц и т.п. могли на такой почве разрастаться в дела»²⁰⁰.

Предвзятость и неподобающее поведение Рожена привели к тому, что сразу после своего назначения на пост заместителя председателя ВЧК И. Уншлихт уволил его с занимаемой должности и вообще из органов госбезопасности²⁰¹, несмотря на принадлежность Рожена к революционному движению с 1898 г. и факт соученичества с Уншлихтом по гимназии. Можно только предположить, что далее Рожен (теперь уже под фамилией Андреев) мог использоваться ВЧК-ОГПУ для организации вербовочного подхода к мужу своей родной сестры – Станиславу Грабскому, входившему в состав польской делегации при подписании мирного Рижского договора, а позднее занимавшему пост министра образования и религии в Варшаве.

Я сознательно уделил столь много внимания Э. Рожену. И вот почему: удалось установить, что именно он был в ВЧК **первым** руководителем пусть и внештатной группы Особого отдела, но созданной конкретно для работы по польской линии. Кроме того, пришлось разбираться с путаницей в биографиях двух разных сотрудников чекистского аппарата и исправить невольную ошибку профессора А. Плеханова.

Теперь вернемся к работе комиссии ВЧК. Управленческие аппараты Киевского военного округа по указанию командования Красной армии были слиты со штабом Юго-Западного фронта и дислоцировались в Харькове. В этом городе комиссия и начала свою работу.

За основу были взяты материалы Особого отдела Юго-Западного фронта, которому еще в начале ноября удалось выявить и ликвидировать организацию ПОВ и агентурную сеть польской разведки. Новая разработка продолжалась до первых чисел марта 1921 г., когда было принято решение о ее реализации. Арестовали 17 человек, о которых имелись точные данные об их участии в разведывательно-подрывной деятельности. Удалось также обнаружить место хранения архива подпольной организации и захватить его. В это время из Киева прибыл в Харьков Лев Корженевский (под псевдонимом «Козерожец», имевший также псевдонимы «Морской», «Турский» и «Ласский») – инструктор-организатор КН-3 ПОВ. Его задержали и нашли мандат за подписью главы ПОВ на Украине майора Станислава Рытеля (псевдоним «Старый») с указанием конкретных лиц в Харькове, которые назначались руководителями отделов городской структуры ПОВ. Как оказалось, все они уже работали в различных советских учреждениях, включая и военные. Отдельные подпольщики даже успели вступить в большевистскую партию.

В ходе допросов и из захваченных документов стала ясна общая картина структуры и деятельности ПОВ в Харькове²⁰². Оказалось, что здесь работала не просто городская ячейка ПОВ, а региональная – Левобережной Украины под шифром КУЛ-1. В ее составе имелось несколько отделов, как-то: военный, включавший группы разведки и контрразведки, политический и агитационно-организационный. Согласно найденному чекистами приказу по подпольной организации, в ее члены подбирались только националистически мыслящие люди, готовые идейно работать на пользу своего отечества, то есть Польши. Эта польза заключалась в том числе и в обработке украинского населения в плане «искренней» любви поляков к местным жителям и стремлении польского государства к самому тесному контакту во всех областях с новым украинским государством во главе с Семеном Петлюрой. Про работу каждого из отделов подробно рассказал следователям комендант КУЛ-1 Казимир Выбрановский (псевдоним «Кавский»). Он же сообщил важные для комиссии ВЧК сведения об организации в Киеве и лицах, которые ее возглавляют²⁰³. Материалы по Киеву были выделены в отдельную разработку, и для работы по ней туда выехала основная группа из комиссии под руководством Ю. Маковского. Вместе с ними проследовали и несколько агентов ОО ВЧК из числа ранее разоблаченных польских разведчиков – В. Гурский (Табартовский), М. Недзвяловская и др.

Недзвяловская была очень полезна именно в Киеве, поскольку она работала в ПОВ в этом городе в первой половине 1920 г., и некоторым членам организации было известно об ее отъезде в Варшаву во 2-й отдел ПГШ²⁰⁴. Более того, она лично знала одного из членов польской военной делегации от 6-й армии – сотрудника разведки подпоручика Ванке, связь которого с КН-3 была выявлена. Делегация польских офицеров во главе с капитаном Я. Ковальским прибыла в Киев еще в октябре 1920 г. для наблюдения за ходом выполнения условий перемирия и была аккредитована при штабе 12-й армии. Согласно данным, имевшимся у Особого отдела Юго-Западного фронта, практически все члены делегации являлись сотрудниками разведки. Однако первое время никто из них активности по установлению связи с подпольем не проявлял. Руководитель подпольной организации ПОВ майор Рытель предпринял попытку восстановить утраченную связь с Варшавой через кого-нибудь из членов делегации. Он сумел передать записку секретарю делегации Одрованжу и не ошибся. Под прикрытием этой должности в Киеве работал разведчик 2-го отдела ПГШ поручик С. Ланевский (псевдоним «Ведель»). После установления связи с делегацией Рытель несколько раз встречался в костеле с Ланевским. Как показал при допросе Л. Корженевский, Рытель получил от польских разведчиков 2 млн рублей и передал им большое количество собранной информации.

О проведенной чекистами в это время работе сохранилось достаточно мало сведений. Возможно, многие документы отложились в архиве СБУ Украины. Однако получить их при подготовке данной монографии мне не представилось возможным. Поэтому приходится опираться на данные, сообщенные В. Гурским в ходе допроса в 1937 г. Он, в частности, вспоминал, что чекисты знали о наличии архива организации, но место его хранения оставалось неизвестным. Тогда по инициативе И. Сосновского В. Гурский был направлен к одному из основных руководителей ПОВ – адъютанту коменданта КН-3 Марии Пшедромирской (псевдоним «Загорская») – под видом связника польской разведки и арестован вместе с ней. Полагая, что на связника у чекистов нет никаких компрометирующих данных и его вскоре выпустят из тюрьмы, она просила Гурского изъять архив и спрятать его в безопасном месте. По указанному Пшедромирской адресу незамедлительно выехала оперативная группа и захватила весь архив КН-3 ПОВ²⁰⁵.

Описание еще одного эпизода киевской операции содержится в показаниях 1937 г. И. Сосновского. Он припомнил, что не удалось,

к сожалению, арестовать посланца польской разведки подпоручика Ванке (псевдоним «Римша»), который тоже многое мог рассказать. Но главным было то, что по имевшимся агентурным данным о деятельности Ванке удалось выйти на организацию ПОВ в Житомире и конкретно на главу боевой группы – несовершеннолетнего Яна Медынского. Последнего быстро разыскали и арестовали. Юноша выдал всю житомирскую организацию. Задержанных членов ПОВ оказалось даже больше, чем в Киеве²⁰⁶. Итог проделанной комиссией ВЧК работы подведен в заключении по делу ПОВ в Киеве и Житомире, составленном 8 апреля 1921 г. Удалось найти копию этого документа, которая была направлена Особым отделом ВЧК для информации председателя Реввоенсовета Республики Л. Троцкого²⁰⁷. Как явствует из текста этого документа, были не только разоблачены подпольные организации ПОВ в Киеве, Житомире и некоторых других городах Украины, но и пресечена шпионская деятельность в Киеве делегации от 6-й польской армии во главе с подпоручиком 2-го отдела Ванке. Связь с прибывшими в город польскими офицерами установил окружной комендант ПОВ майор Рытель («Старый»), а далее поддерживал его преемник Л. Корженевский. При обыске у последнего обнаружили письменные задания члена польской делегации поручика Ванке.

Рассмотрев материалы дела, члены комиссии ВЧК постановили: за активное участие в шпионской деятельности в пользу Польши и укрывательство шпионов подвергнуть 27 арестованных расстрелу, еще троих заключению в концлагерь, а оставшихся 5 человек освободить за недоказанностью обвинения²⁰⁸. Революционная «тройка», созданная по приказу из ВЧК, утвердила приговор, однако с некоторыми изменениями. Отдельные члены подпольной организации ПОВ не были расстреляны, а направлены в распоряжение Ф. Дзержинского. В отношении нескольких человек, польское гражданство которых не подлежало сомнению, приведение приговора в исполнение приостанавливалось до решения вопроса о репатриации или обмена.

После такой достаточно эффективной операции на Украине практически перестали существовать крупные подпольные организации ПОВ, но борьба с отдельными ее ячейками еще продолжалась. В начале операции работники Особого отдела Юго-Западного фронта перехватили переписку киевской и харьковской ПОВ с разведотделом 6-й польской армии, где говорилось о необходимости на случай провала создать параллельную агентурную сеть²⁰⁹. Выявить и парализовать новую шпионскую сеть еще предстояло. Впол-

не возможно, что некоторые арестованные позднее шпионы и были представителями этой сети.

Вероятно, что подполье ПОВ и агентурную сеть вражеских спецслужб удалось бы разгромить и ранее, но, к сожалению, в ряды чекистов сумели проникнуть польские разведчики. Разработку польской делегации с самого начала ее нахождения в Киеве вела специально выделенная группа уполномоченных Особого отдела 12-й армии: Т. Городецкий и В. Лыжевский. Никаких результатов длительное время не имелось. Сотрудники наружного наблюдения отмечали факты, когда польские офицеры словно бы знали, что за ними ведется наблюдение, и им удавалось скрываться. По указанию начальника ОО 12-й армии Г.А. Трушина весь личный состав наружного наблюдения заменили. Однако результат оставался тем же.

Тем временем председатель ВЧК Ф. Дзержинский подписал приказ о создании на базе Особого отдела армии Киевского окружного ОО, в составе которого было предусмотрено создание «польской группы» из 4 человек. Новые сотрудники провели анализ результатов предыдущей работы и пришли к неутешительным выводам²¹⁰. Тогда взяли в активную разработку Лыжевского. Было установлено, что настоящая его фамилия Новаковский. Проходя службу в одной из частей Красной армии, он попал в плен и как поляк по национальности был отпущен и зачислен в армию Польши. Окончил в Варшаве разведывательные курсы и далее состоял в группе связи при С. Петлюре, а затем в разведотделе 4-й армии. На допросах он объяснял, что якобы не хотел продолжать службу у поляков, перешел линию фронта, предложил свои услуги особому отделению одной из советских дивизий и без всякой проверки был зачислен туда на работу. Вскоре как знающего польский язык его затребовали в ОО 12-й армии и назначили в агентурную группу по польским делам. Когда все это вскрылось, то арестовали и его непосредственного начальника Городецкого. Он тоже работал под чужой фамилией, а настоящая была Билинский. В период Первой мировой войны он служил в австрийской армии, попал в плен и до революции находился в лагере для военнопленных. В мае 1918 г. сумел вступить в большевистскую партию и устроился на работу в Рабоче-крестьянскую инспекцию. По партийной мобилизации его направили на фронт и вскоре назначили в ОО 12-й армии. В перехваченной записке одного из агентов польской делегации содержалось подтверждение того, что Городецкий и Лыжевский работали на польскую разведку.

С прекращением активных боевых действий в места дислокаций армейских штабов Красной армии начали пребывать польские военные миссии связи. Таковые появились не только на Украине, но и в Белоруссии, в частности при управлении 16-й армии. Следует отметить, что армейский Особый отдел этой армии являлся одним из самых работоспособных и эффективных контрразведывательных органов и не только на Западном фронте. Именно ему пришлось первым столкнуться с попытками разведывательной деятельности так называемых «военных дипломатов» противостоявших польских войск. В октябре 1920 г. в Могилев, где располагался штаб армии, прибыла группа «офицеров связи». Наиболее яркими фигурами являлись майор Равич-Мысловский, его адъютант подхорунжий Езерский и вахмистр Завадский. У сотрудников Особого отдела имелась некоторая информация об их принадлежности ко 2-му отделу ПГШ или армейскому подразделению военной разведки. Из этого чекисты и исходили при организации своих оперативных мероприятий. Было понятно, что польские офицеры начнут искать связь с оставшимися членами подпольной организации ПОВ в Могилеве, чтобы через них начать сбор необходимой информации. Поэтому были предприняты усилия по укреплению агентурных позиций среди лиц, ранее соприкасавшихся с членами ПОВ, для возможной подставы их членам делегации. При развитии этой оперативной комбинации предусматривалась и возможная вербовка кого-то из польских офицеров. Агент Особого отдела армии «Белинский» как нельзя лучше подходил для этой роли. Его и подставили Равич-Мысловскому²¹¹. Однако майор разгадал реальную цель «Белинского», а возможно, и имел сведения о его связи с чекистами. К сожалению, среди сотрудников ОО 16-й армии оказался предатель, что выяснилось позднее.

Временно пришлось отказаться от внедрения агентуры в окружение польских офицеров, а основную роль поручить офицеру связи от штаба армии, а на самом деле помощнику начальника агентурного отделения армейской контрразведки Станиславу Глинскому. Поляк по национальности, уроженец Варшавы, член большевистской партии с 1911 г., подвергавшийся арестам царскими властями, он дослужился в Красной армии до должности начальника штаба дивизии, а с конца 1918 г. стал работать в военной контрразведке. Глинский прибыл на Западный фронт по партийной мобилизации только в сентябре 1920 г., и о его службе в органах госбезопасности никто в Могилеве, кроме командующего, начальника штаба 16-й армии и небольшого числа сотрудников Особого отдела, не знал²¹².

Тесное общение с польскими офицерами позволило выделить среди них вахмистра Завадского. Было установлено, что он, белорус по происхождению, не одобряет реакционную политику Пилсудского в отношении «восточных крессов», резко осуждает имевшие место факты насилия польских солдат над белорусами. С. Глинский устроил конспиративную встречу Завадского с начальником Особого отдела армии Яном Ольским, в ходе которой удалось достигнуть договоренности о сотрудничестве польского офицера с чекистами.

От Завадского стали поступать сведения о действиях польской агентуры в зоне ответственности 16-й армии²¹³. В частности, он дал чекистам информацию о резиденте М. Плихта, который занимался разведывательной работой с 1918 г. Кстати говоря, подтвердились предположения Особого отдела, что польские офицеры постараются выйти на связь с членами ПОВ. Плихта являлся таковым с лета 1918 г. При помощи вновь завербованного агента были установлены лица, которых Равич-Мысловский и Езерский привлекли к сбору шпионской информации. Они работали в ряде военных, железнодорожных и городских организаций. В конце декабря Завадский сообщил, что его начальник – майор Равич-Мысловский – подготовил отчет для 2-го отдела ПГШ о проделанной работе и направляет его с курьером. Это была наилучшая возможность не только установить всю агентуру польской делегации, но и скомпрометировать самих разведчиков. В итоге проведения острой оперативной комбинации пакет с отчетом оказался в руках чекистов.

После ознакомления с текстом доклада командующий армией А. Кук и член Военного совета В. Мулин рекомендовали начальнику Особого отдела Я. Ольскому получить разрешение ОО фронта на обнародование некоторых данных о шпионской деятельности польских офицеров связи и придании суду военного трибунала их разоблаченной агентуры. И такой приказ за № 223 появился 24 февраля 1921 г.²¹⁴ Среди арестованных агентов противника, в частности, оказались: С. Петрашевский – бывший офицер деникинской армии, служивший в тыловых органах 16-й армии; М. Ефимов – военнослужащий 145-го полка ВНУС; Н. Афанасьев – работник канцелярии 12-го этапа; М. Плихта – резидент польской разведки; М. Азанович – железнодорожная служащая станции Могилев, и др.

Чтобы не раскрыть работавшую по польской делегации агентуру, было решено рассмотреть уголовное дело не на открытом заседании военного трибунала, а «тройки» ОО 16-й армии, имевшей право выносить приговоры по контрреволюционным проявлениям и шпионажу. Всего перед «тройкой» предстали 39 человек. При-

говорили к расстрелу 12 подсудимых, многих остальных – к заключению в концентрационный лагерь от 2 до 5 лет. 18 человек были освобождены ввиду их полного раскаяния и оказания помощи следствию²¹⁵.

Не посчитали чекисты зазорным для себя указать в обнародованном приказе, что среди приговоренных к расстрелу были и два сотрудника Особого отдела. Как удалось установить в ходе следствия, Казимир Бораковский тайно обратился к главе польской делегации с письмом о содействии ему в возвращении в Польшу, обещая за это оказывать, как сотрудник советской военной контрразведки, любые услуги. А работник особого отделения 1-й дивизии Стефан Маркосик-Высоцкий успел даже передать польским разведчикам шифр и секретные документы своего подразделения. Кроме того, он снабдил их важными сведениями по 16-й армии. Вполне естественно, что эти сотрудники Особого отдела, кстати говоря, поляки по национальности, направленные в органы госбезопасности по партийной мобилизации, понесли за предательство заслуженную кару.

Упомянутый выше приказ командующего армией заканчивался следующими словами: «Доводя об этом (приведении приговора в исполнение. – А.З.) до всеобщего сведения, Особый отдел предупреждает, что в дальнейшем всякого рода подобные попытки, направленные к предательскому удару в спину Рабоче-Крестьянской Красной армии и подрыванию мирного строительства рабочих и крестьян будут беспощадно караться железной рукой»²¹⁶.

Заканчивая рассмотрение вышеизложенного эпизода не могу не привести один из документов, отложившихся в личном деле С. Глинского. Вот, что писал в Москву в мае 1921 г. о своем подчиненном начальник ОО 16-й армии Ольский: «Помощник начальника агентуры т. Глинский самоотверженной работой на почетном посту стража Рабоче-Крестьянской революции своей преданностью и знанием дела обращает на себя выдающееся внимание. Кроме постоянной, неутомимой, полной инициативы и любви к делу работы Глинского в органах ВЧК, я должен отметить здесь 3 особенно ярких факта, характеризующих без лишних пояснений т. Глинского: 1) При самом близком непосредственном и деятельном участии т. Глинского раскрыта в январе мес. с. г. в Могилеве белопольская шпионская организация, существовавшая с 1918 г.; 2) В апреле с. г., получив задание выявить главарей, численность и связи бандитских организаций Савинкова, оперировавших в пределах армии, Глинский явился в штаб одной из организаций и в точности выпол-

нил данное ему задание; 3) После того, как в апреле мес., получив новое задание, с невероятными трудностями и явной опасностью для жизни разыскал штаб другой савинковской организации, явился туда, установил связи, главарей и планы. Эти три подвига Глинского дали нам возможность заблаговременно принять меры и отразить готовившийся удар в спину Красной армии... Считая подвиги т. Глинского особо выдающимися и равными подвигам героев Красной армии, награжденных орденом Красного Знамени, я ходатайствую о представлении Глинского к награждению этим почетным пролетарским орденом»²¹⁷. И такое решение ВЦИК состоялось в августе 1921 г. Стоит добавить, что с 1923 г. Глинский работал в качестве помощника начальника польского отделения КРО ОГПУ, а с 1925 г. перешел в Иностраннный отдел и был несколько лет резидентом в Данциге, а затем в Варшаве, где доставил много хлопот польской контрразведке.

В январе – феврале 1921 г. разгром польских агентурных сетей, базировавшихся в основном на членах подпольных организаций ПОВ, на Украине и в Белоруссии завершил противостояние советской контрразведки и польских спецслужб в период войны. Историк отечественных спецслужб В.Н. Сафонов в одной из своих статей привел некоторые статистические данные о выявленных и ликвидированных ячейках ПОВ. По неполным (по мнению Сафонова) сведениям, по делам польского шпионажа и ПОВ привлекались к ответственности 1385 человек. Из них к расстрелу приговорили 171 человека, к заключению в концлагерь на разные сроки – 127, к заключению в концлагерь до обмена с Польшей – 123, к высылке в Вятскую и Пермскую губернии, на Урал и в другие регионы – 89 человек. Умерли в процессе следствия 9 человек, были оправданы, освобождены за недоказанностью преступной деятельности, под поручительство, под подписку, для направления в Красную армию и так далее – 852 человека²¹⁸.

После заключения перемирия, а затем и подписания Рижского мирного договора чекисты, впрочем, так же как и польские разведчики, не прекращали тайный поединок. Только вести его приходилось уже в совершенно других условиях.

Подводя некоторые итоги работы нашей контрразведки в период советско-польской войны, можно выделить следующее.

1) Пришлось начинать работу, имея достаточно аморфную структуру особых отделов фронтов и армий, а также и особых отделов губернских чрезвычайных комиссий. Более того, только к концу лета 1919 г. удалось выстроить вертикаль подчинения: от ОО

ВЧК к соответствующим органам фронтов и армий. Сложнее было с особыми отделами местных ЧК, но существовавший параллелизм в работе с военной контрразведкой действующей армии был минимизирован.

2) Кадры контрразведки, особенно руководящие, приобрели необходимый опыт организации агентурно-оперативных мероприятий против спецслужб иностранного противника. Это было исключительно важно, поскольку свою роль играли не только, а иногда и не столько идеологические основы противоборства, а преобладали национальные, даже националистические воззрения, не исключая и русофобство. Партийные мобилизации сотрудников чекистских аппаратов на Западный и Юго-Западный фронты приносили свои плоды. Однако имели место и изменнические проявления среди поляков – сотрудников особых отделов и местных ЧК. В то же время работники, вышедшие из пролетарских и крестьянских слоев и даже из интеллигенции, еще до революции вступившие в социал-демократическую, а позднее в большевистскую партию, честно исполняли свой служебный долг. Многие из них остались в органах госбезопасности и в последующем зарекомендовали себя высокопрофессиональными разведчиками и контрразведчиками.

3) Именно в период советско-польской войны контрразведка полностью перешла на использование агентуры как единственно правильного метода работы. В прошлом остались надежды на постоянную и всеобъемлющую помощь коммунистических ячеек и отдельных коммунистов в контрразведывательной работе. Конечно, во время войны и далее поступало много сигналов от простых граждан, не связанных с чекистами какими-либо обязательствами. Но не на это приходилось рассчитывать в борьбе с хорошо организованной разведывательной системой иностранного государства.

4) Именно во время войны оперативная практика подтолкнула к организации работы по линии внешней контрразведки (в то время по преимуществу зафронтной) и созданию иностранных отделений сначала в Центральном аппарате – Особом отделе ВЧК, а затем и в некоторых подчиненных органах. Самостоятельный, но крепко связанный с Особым отделом Иностраный отдел ВЧК был образован 20 декабря 1920 г., то есть еще до заключения Рижского мирного договора. Во второй половине года стали появляться специализированные подразделения контрразведки в виде польских групп в особых отделах некоторых армий Западного и Юго-Западного фронтов, а также и в ОО ВЧК.

Все вышесказанное указывает на прогресс в организационном оформлении советской контрразведки и ее кадровом наполнении. Это вкуче с применением новых для чекистских структур, но давно уже использовавшихся иностранными спецслужбами, методов работы позволило если не полностью переиграть польскую разведку, то в большой степени парализовать ее возможности по сбору военной, экономической и политической информации.

¹ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. С. 108.

² Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 110.

³ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 121.

⁴ Зуев М.Н., Ионов В.В., Симонова Т.М. Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. М., 2006. С. 39.

⁵ Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях с 1918 по 1920 г. М., 1920. С. 29–31.

⁶ Мельников М. Советско-польские войны. М., 2004. С. 29.

⁷ Директивы Командования фронтов Красной армии (1917–1922 гг.). Сб. документов в 4-х томах. Т. 4. М., 1978. С. 361.

⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 488.

⁹ Реввоенсовет Республики. Протоколы 1918–1919. Сборник документов. М., 1997. С. 87.

¹⁰ Там же. С. 88.

¹¹ ДМИСПО. Т. 2. М., 1964. С. 69–70.

¹² Там же. С. 79.

¹³ Лацис М. Два года борьбы на внутреннем фронте. С. 36–37.

¹⁴ Дукельский С.С. ЧК-ГПУ. Харьков, 1923.

¹⁵ Волос М. Польская военная организация в России и на Украине в 1917–1918 годах. С. 199.

¹⁶ Replonski A. Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej. 1919–1920. S. 34.

¹⁷ Там же. С. 90–91.

¹⁸ Там же. С. 152.

¹⁹ Там же. С. 153.

²⁰ В обстоятельном справочнике С.В. Волкова «Офицеры флота и морского ведомства» (Опыт мартиролога. М., 2004) такого офицера не указано.

²¹ Replonski A. Op. cit. S. 154.

²² Волос М. Указ. соч. С. 204. М. Волос ошибочно называет П. Лорана капитаном Ловеном. Офицера с такой фамилией и именем Пьер в составе французской военной миссии не было.

²³ ЦА ФСБ. Уголовное дело Н-193. Т. 5. Л. 65.

²⁴ Там же. Т. 8. Л. 114, 115.

- ²⁵ Красная книга. С. 70.
- ²⁶ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. М., 1983. С. 10.
- ²⁷ Волос М. Указ. соч. С. 204.
- ²⁸ Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР. 1918–1920. Минск, 2008. С. 52.
- ²⁹ Там же. С. 66.
- ³⁰ Replonski A. Op. cit. S. 103.
- ³¹ ЦА ФСБ. АСД Р-32868. Т. 1. Л. 21, 22, 26.
- ³² Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии. С. 13.
- ³³ Там же. С. 14.
- ³⁴ Там же. С. 15.
- ³⁵ Зданович А. Судьба резидента. – Служба безопасности. Новости разведки и контрразведки, №1, 1993. С. 35.
- ³⁶ Pelonski A. Op. cit. S. 50
- ³⁷ Replonski A. Wojna otajemnice. Wtajnej sluzbie Drugiej Rzeczypospolitej 1918–1944. Krakow, 2011. S. 89.
- ³⁸ Васильев И.И. Истоки. – Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК – КГБ 60 лет. М., 1978. С. 27.
- ³⁹ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Ф. 19. Д. 322. Л. 11.
- ⁴⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 73. Л. 191.
- ⁴¹ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919. С. 119–120.
- ⁴² Надтачаев В.Н. Военная контрразведка Беларуси. Судьбы, трагедии, победы... Минск, 2008. С. 69.
- ⁴³ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. М., 1921. С. 72–73.
- ⁴⁴ Надтачаев В.Н. Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁵ ВЧК уполномочена сообщить... С. 226–227.
- ⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 3. Л. 24.
- ⁴⁷ Там же. Д. 4. Л. 3.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 19. Л. 9, 81.
- ⁴⁹ Там же. Л. 102об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 182об.
- ⁵¹ Там же. Л. 188.
- ⁵² РГВА. Ф. 33988. Оп. 1. Д. 66. Л. 759а.
- ⁵³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 116. Л. 5.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. Л. 13.
- ⁵⁶ Там же. Л. 42об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 97.
- ⁵⁸ ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. С. 467.
- ⁵⁹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (июнь – июль 1919 г.). Сб. док. Т. 8. М., 1974. С. 489.
- ⁶⁰ Надтачаев В.Н. Указ. соч. С. 82.
- ⁶¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 216.
- ⁶² Анисьяев М.А. Становление военной контрразведки Беларуси. 1918–1935 гг. Минск, 2013. С. 109.
- ⁶³ Там же. С. 109.
- ⁶⁴ ЦА ФСБ РФ. АУД Н-214. Т. 1. Л. 257–258.

- ⁶⁵ Там же. Л. 173, 257.
- ⁶⁶ Надтачаев В.Н. Указ. соч. С. 82.
- ⁶⁷ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 248.
- ⁶⁸ ЦА ФСБ РФ. АУД Н-214. Т. 1. Л. 173, 182.
- ⁶⁹ Генес В.Л. Неверные слуги режима. Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Кн. 1. М., 2009. С. 69.
- ⁷⁰ Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919. С. 199.
- ⁷¹ Там же. С. 200.
- ⁷² РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 238–238об.
- ⁷³ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 118–119.
- ⁷⁴ ВЧК уполномочена сообщить... С. 57.
- ⁷⁵ РГВА. Ф. 100. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.
- ⁷⁶ ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 6. Д. 95. Л. 1.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 5. Л. 53.
- ⁷⁸ Архив УФСБ по Омской обл. Ф. 38. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Войтиков С.С. Отечественные спецслужбы и Красная армия 1917–1921. М., 2010. С. 133.
- ⁸¹ Там же. Л. 48.
- ⁸² Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 295.
- ⁸³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1ос. Оп. 3. Д. 12. Л. 116.
- ⁸⁴ Архив УФСБ по Омской обл. Ф. 38. Оп. 1. Д. 79. Л. 9об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 10об.
- ⁸⁶ РГВА. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.
- ⁸⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 164–166.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 471к. Оп. 1. Д. 93. Л. 469.
- ⁸⁹ Там же. Л. 470.
- ⁹⁰ Красная книга. Сборник дипломатических документов. С. 57.
- ⁹¹ Известия Всеукраинского ЦИК, № 99 (126) от 24 июля 1919 г.
- ⁹² Большевик (Киев), № 79, 17 июля 1919 г.
- ⁹³ Известия ВУЦИК, № 103, 29 июля 1919 г.
- ⁹⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 34. Л. 6об.
- ⁹⁵ Там же. Л. 16.
- ⁹⁶ Там же. Л. 26.
- ⁹⁷ Там же. Л. 54.
- ⁹⁸ Лацис М. Указ. соч. С. 37.
- ⁹⁹ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 5. Л. 28.
- ¹⁰⁰ 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Киев, 1994, № 1. С. 9.
- ¹⁰¹ Справа «Польскої Організації Військової» в Україні. 1920–1938 рр. Збірник документів та матеріалів. Київ, 2011. С. 45.
- ¹⁰² Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 645.
- ¹⁰³ Replonski A. Указ. соч. С. 157–159.
- ¹⁰⁴ Цф ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 219.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 221.
- ¹⁰⁶ Nowik G. Zanim zlamano Enigme... Rozszyfrowano rewolucje: Polski radio wywiad podczas wojny z bolszewicka Rosja (1918–1920). Warszawa, 2010.

¹⁰⁷ Новак Г. Польско-российская информационная война в 1918–1920 годах. – Забытый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры. М., 2014. С. 140.

¹⁰⁸ Там же. С. 146.

¹⁰⁹ ДМИСПО. Т. 2. С. 652.

¹¹⁰ Ленин В.И. ППС. Т. 40. С. 161.

¹¹¹ Там же. Т. 51. С. 147.

¹¹² Директивы командования фронтов Красной армии. Т. 2. С. 174–175.

¹¹³ Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 359–360.

¹¹⁴ Маймескулов Л.Н. и др. Указ. соч. С. 54.

¹¹⁵ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 112.

¹¹⁶ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 187.

¹¹⁷ В.И. Ленин и ВЧК: сборник документов (1917–1922). М., 1987. С. 333.

¹¹⁸ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 188.

¹¹⁹ Там же. С. 191.

¹²⁰ Там же. С. 193

¹²¹ Там же. С. 197.

¹²² Польско-советская война 1919–1920. Ч. 1. М., 1994. С. 65–66.

¹²³ Директивы командования фронтов. Т. 2. С. 178.

¹²⁴ Плеханов А.А., Плеханов А.М. ВЧК 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013. С. 267.

¹²⁵ Надтачаев В.Н. Указ. соч. С. 84.

¹²⁶ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. Д. П-40936. Т. 1 Учетные карточки на задержанных.

¹²⁷ Там же. Л. 36.

¹²⁸ Там же. Л. 37об.

¹²⁹ Надтачаев В.Н. Указ. соч. С. 92.

¹³⁰ Декреты Советской власти. М., 1976. Т. 8. С. 166.

¹³¹ Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 101.

¹³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 74. Л. 4

¹³³ Известия ВЦИК, № 101 от 12 мая 1920 г.

¹³⁴ Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сб. док. М., 1958. С. 394.

¹³⁵ Остряков С. Военные чекисты. М., 1979. С. 74.

¹³⁶ Софинов П.Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. (1917–1922 гг.). М., 1960. С. 201.

¹³⁷ Известия ВЦИК, № 115 от 29 мая 1920 г.

¹³⁸ Там же. № 116 от 30 мая 1920 г.

¹³⁹ Лубянка... Справочник. С. 361.

¹⁴⁰ Там же. С. 361–362.

¹⁴¹ Анисьяев М.А. Указ. соч. С. 215.

¹⁴² В исторической литературе относительно лица, занимавшего должность начальника ОО ЗФ есть разные данные. Так, в справочнике Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД 1934–1941» (М., 1999) указано, что Ф.Д. Медведь являлся начальником ОО ЗФ с декабря 1919 по ноябрь 1921 г. В числе участников 1-го съезда особых отделов на

22 декабря 1919 г. руководителем этого органа значится Н.Ф. Бушуев. В Википедии отмечен как начальник ОО ЗФ в 1920 г. А.И. Апетер. По крайней мере, приказ армиям Западного фронта № 1393 от 27 июня 1920 г. подписан врио командующего фронтом Захаровым, членом Реввоенсовета Уншлихтом и начальником ОО фронта Апетером.

¹⁴³ Архив УФСБ по Омской обл. Ф. 38. Оп. 1. Д. 81. Л. 482.

¹⁴⁴ Зуев М.Н. и др. Указ соч. С. 96.

¹⁴⁵ Там же. С. 94.

¹⁴⁶ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы. 1917–1981. М., 1981. С. 139.

¹⁴⁷ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 237.

¹⁴⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 466.

¹⁴⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-1790. Т. 151. Л. 895.

¹⁵⁰ Там же. АУД Р-8470. Л. 41.

¹⁵¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 116. Л. 1–3.

¹⁵² Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009, С. 448.

¹⁵³ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-22258. Л. 11.

¹⁵⁴ Там же. АУД Н-1790. Т. 106. Л. 4.

¹⁵⁵ Там же. Л. 51.

¹⁵⁶ Там же. АУД Н-6470. Т. 2. Л. 54.

¹⁵⁷ Там же. АУД Н-497. Л. 16.

¹⁵⁸ Там же. АУД Н- 547. Л. 18.

¹⁵⁹ Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т. 4. С. 336–341.

¹⁶⁰ Зуев М.Н. и др. Указ. соч. С. 112.

¹⁶¹ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 79.

¹⁶² Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 467.

¹⁶³ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 307. Л. 35.

¹⁶⁴ Зданович А.А. Спецслужбы. Интриги разведки. М., 2005. С. 231.

¹⁶⁵ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 46.

¹⁶⁶ Там же. АУД Н-1790. Т. 6. Л. 89.

¹⁶⁷ Там же. АУД Р-32868. Т. 1. Л. 142–153.

¹⁶⁸ Там же. АУД Р-8470. Т. 5. Л. 32.

¹⁶⁹ Там же. АУД Н-1790. Т. 5. Л. 66.

¹⁷⁰ Там же. Т. 4. Л. 220.

¹⁷¹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 116. Л. 2–2об.

¹⁷² См. Гладков Т. Артузов. М., 2008. С. 61–74; Сафонов В.Н. Известная тайная война, или Особый отдел ВЧК против 2-го отдела Генштаба Польши. – Российские спецслужбы: история и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке 1997–2000 гг. С. 128–135.

¹⁷³ Михутина И.В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994. С. 208–209.

¹⁷⁴ Там же. С. 209.

¹⁷⁵ Зуев М.Н. Указ. соч. С. 136.

¹⁷⁶ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1. Л. 15–17.

¹⁷⁷ Там же. Д. 12. Л. 22–24.

¹⁷⁸ Там же. Л. 35.

- ¹⁷⁹ Михутина И.В. Указ. соч. С. 209–210.
- ¹⁸⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 12. Л. 48.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 47.
- ¹⁸² Выдержки из приказа армиям Западного фронта приведены в книге Зуева и др. «Советская Россия и Польша 1918–1920 гг.» на с. 137.
- ¹⁸³ Красная книга. Сборник дипломатических документов. С. 98.
- ¹⁸⁴ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 12. Л. 65.
- ¹⁸⁵ Ленин В.И. Известные документы, 1891–1922. М., 1999. С. 372.
- ¹⁸⁶ Зуев М.Н. и др. Указ. соч. С.155.
- ¹⁸⁷ ЦА ФСБ РФ. АУД 8470. Т. 3. Л. 85–86.
- ¹⁸⁸ Там же. Л. 92–93.
- ¹⁸⁹ Там же. Л. 87.
- ¹⁹⁰ Там же. Л. 95.
- ¹⁹¹ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 12.
- ¹⁹² Архив УФСБ по Омской обл. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1608. Л. 55–56.
- ¹⁹³ На защите революции. Из истории Всеукраинской Чрезвычайной комиссии. 1917–1922 гг. Сб. док. Киев, 1971. С. 185.
- ¹⁹⁴ Справа «Польської Організації Військової». С. 39–41.
- ¹⁹⁵ ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013. С. 262.
- ¹⁹⁶ Антонов В., Карпов В. Расстрелянная разведка. М., 2008. С. 261.
- ¹⁹⁷ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 758.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 258.
- ¹⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 54. Л. 4, 26.
- ²⁰⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 260.
- ²⁰¹ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-7843. Л. 15.
- ²⁰² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 62. Л. 636с.
- ²⁰³ Там же. Л. 637с.
- ²⁰⁴ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 113.
- ²⁰⁵ Там же. Л. 43–44.
- ²⁰⁶ Там же. Т. 2. Л. 70.
- ²⁰⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 62. Л. 630–634об.
- ²⁰⁸ Там же. Л. 634об.
- ²⁰⁹ Маймескулов Л.Н. и др. Указ. соч. С. 202.
- ²¹⁰ ЦА ФСБ РФ. АУД Н-1790. Т. 147. Л. 6об.
- ²¹¹ Анисьяев М.А. Указ. соч. С. 183.
- ²¹² Сведения о работе С. Глинского в Могилеве я почерпнул из написанной им автобиографии, хранящейся в его личном деле в одном из архивов ФСБ.
- ²¹³ Анисьяев М.А. Указ. соч. С. 183.
- ²¹⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 62. Л. 638–639об.
- ²¹⁵ Там же. Л. 640–642об.
- ²¹⁶ Там же. Л. 639об.
- ²¹⁷ Архив УФСБ по Омской обл. Личное дело С.М. Глинского. Л. 21. Решение о награждении Глинского опубликовано в газете «Известия ВЦИК» за 21 августа 1921 г.
- ²¹⁸ Сафонов В.Н. Известная тайная война. С. 133–134.

Межвоенный период противостояния

1. II Речь Посполита и СССР: как создавался образ врага в соседних государствах

Познание возможностей реально существующего или потенциального врага является неотъемлемым компонентом при рассмотрении вопроса об обеспечении безопасности страны и ее армии. При наличии нескольких враждебных государств среди них обязательно выделяется главное, на борьбу с которым концентрируются основные силы, средства и ресурсы.

Главный противник определяется на тот или иной промежуток времени в зависимости от развития международной обстановки в целом, а также взаимоотношений с отдельными странами, наличия идеологических расхождений с ними, территориальных претензий одного государства к другому, амбиций правящих элит, субъективных устремлений их лидеров и иных обстоятельств.

С этими и некоторыми другими факторами непосредственно связаны интенсивность и масштабность деятельности разведок и контрразведок, определение ими объектов для агентурного проникновения и сбора информации с легальных позиций. Безусловно, к таким объектам как в Польше, так и СССР в рассматриваемый период относились в первую очередь военно-политические структуры, вооруженные силы, оборонная промышленность и транспорт. Интерес к решениям высших руководящих органов, к планам и замыслам командования, к новинкам военной техники и вооружения всегда стоял на одном из первых мест, что подтверждается результатами анализа содержания заданий, полученных разоблаченными агентами разведывательных органов противника.

Изучение архивных документов и уже опубликованных материалов, результаты их анализа дают возможность сделать однозначный вывод: главным противником после окончания Гражданской и

советско-польской войн вплоть до начала 1935 г. для чекистов и военных являлась не Германия или Япония, а Польша, за которой, по устоявшемуся тогда мнению, стояли капиталистические «титаны» – Франция и Англия¹. Как известно, только в июле 1932 г. в Москве удалось подписать польско-советский договор о ненападении и тем самым несколько снизить накал враждебности между нашими странами². Однако так называемый «синдром войны 1920 г.», несомненно, оказывал влияние на умы тех, кто руководил процессом выстраивания взаимоотношений двух соседних государств. Так было весь предшествовавший заключению договора период, да и в последующие годы тоже. Снижалась лишь степень воздействия данного фактора. В этом отношении характерно изменение оценки ситуации, которую давал в середине 1920-х гг. непосредственный участник советско-польской войны, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), председатель ОГПУ и ВСНХ Ф.Э. Дзержинский.

Прежде чем перейти к оценкам и выводам руководителя советских органов госбезопасности, представлю некоторые статистические данные. В наиболее полном сборнике документов Ф. Дзержинского, составителями которого являются известные исследователи его деятельности А.М. и А.А. Плехановы, я отобрал те, которые имеют прямое касательство к взаимоотношениям с Польшей и противодействию ее разведке³. Так вот, с января по декабрь 1921 г. таких документов было 6, причем половина из них приходится на период до заключения Рижского мирного договора. В 1922 г. Ф. Дзержинский написал лишь одну записку, да и та касалась второстепенного вопроса – разрешения представительнице Польского Красного Креста Е.П. Пешковой посещать арестованных поляков. За 1923 г. составителями сборника не найдено ни одного документа по польской проблематике. В 1924 г. Ф. Дзержинский заинтересовался лишь реакцией польской печати на арест и судебный процесс над Б.В. Савиновым. Совсем другая картина видится в 1925 г. – 11 документов. Правда, основная их часть относится к вопросу о так называемой «активной разведке» РУ РККА, действия диверсионно-террористических групп которого на сопредельной польской территории вызвали многочисленные демарши со стороны соседнего государства. Ф. Дзержинский ушел из жизни 20 июля 1926 г., однако за несколько месяцев 1926 г. в сборнике содержатся пять документов касательно Польши, и это не короткие записки по частным вопросам, а развернутые указания в связи с возможной войной на Западном фронте.

А теперь коснемся существа некоторых наиболее важных документов председателя ОГПУ, причем не только написанных им лично, но и тех, что были подготовлены по его указанию иными лицами. Из этих материалов выясняется вполне очевидная позиция Ф. Дзержинского по вопросу советско-польских отношений и ближайшим перспективам их развития. В 1924–1925 гг. он исходил из наличия некоторых положительных подвижек в отношениях двух стран. Стремился, к примеру, минимизировать негативные последствия разного рода инцидентов на границе, которых было достаточно много. Характерна в этом отношении его записка Л. Мехлису, отвечавшему в аппарате ЦК ВКП(б) за агитацию и пропаганду. «В связи с появлением в печати сообщений о налете со стороны поляков на нашу погранохрану, – писал Ф. Дзержинский, – по всему СССР проводится кампания митингов протеста... Выступления (особенно на Украине) отличаются крайней воинственностью по отношению к Польше. Такой характер кампании может породить чрезвычайно серьезные затруднения при практическом осуществлении принятой партией линии на деловое сближение с Польшей... Ввиду всего вышеизложенного представляется целесообразным изменить характер выступлений по поводу налетов на поляков (так в тексте. – А.З.) на нашей границе в направлении подчеркивания, что известные круги Польши, против интересов своей страны являются агентами Британской политики, направленной к срыву сближения Польши и СССР...»⁴

Одновременно он принимал все возможные в тех финансовых условиях меры для укрепления советской пограничной охраны на западном направлении, рассматривая это как превентивную меру, могущую сдерживать разного рода банды на польской территории от вылазок на нашу сторону. Эти усилия председателя ОГПУ подтверждаются целым рядом документов. Будучи одновременно и председателем ВСНХ, Ф. Дзержинский предпринимал попытки развивать торгово-экономические связи с Польшей. В сохранившейся в Архиве внешней политики РФ его записке от 4 июля 1925 г., адресованной в Политбюро ЦК РКП(б), высказывались соображения о поддержке наметившихся положительных тенденций. На основании упомянутой записки была даже создана специальная комиссия из представителей НКВД, НКВТ, ВСНХ, ОГПУ и ВОКС под председательством Г.В. Чичерина. Эта комиссия просуществовала до мая 1926 г.⁵

Однако ситуация начала серьезно меняться к концу 1925 г. По информации политической и военной разведслужб СССР, наблю-

далось усиление противостояния польских национал-демократов и близких к ним политических сил с пилсудчиками. Сам Ю. Пилсудский начал выходить из тени, явно желая укрепить свое влияние на ситуацию как внутри страны, так и в международной сфере. Уже в ноябре 1925 г. Ф. Дзержинский высказывает свои опасения относительно возможного отрицательного влияния польских политических реалий на состояние отношений с соседней страной. Пока, правда, дает своим подчиненным по ОГПУ лишь указание собрать и обобщить все сведения по Польше, представив ему не только фактические данные, но и конкретные предложения чекистского руководства для выступления на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Председатель ОГПУ 18 ноября 1925 г. пишет В. Менжинскому записку, в которой приводит свои соображения по польской проблематике. Суть их заключалась в том, что ведущую роль в нагнетании обстановки играет Англия, намеренно ведущая дело к сближению Польши с Германией и одновременно к осложнению отношений польского государства с СССР. Польша якобы поддается нажиму и поэтому усиливает работу своей разведки на советском направлении⁶. В конце ноября Ф. Дзержинский написал начальнику КРО ОГПУ А. Артузову записку с требованием усилить борьбу со шпионажем. Вскоре председатель ОГПУ предложил Политбюро незамедлительно решить вопрос с назначением начальника Иностранного отдела М.А. Трилиссера своим помощником ввиду перегруженности работой В. Менжинского и Г. Ягоды⁷. Такое обоснование организационного шага указывает, по моему мнению, на недостаточное внимание его заместителей к вопросам деятельности внешней разведки и увязки ее работы с контрразведывательными подразделениями, что требовалось в складывавшейся обстановке. Замечу при этом, что В. Менжинский часто болел и иногда месяцами отсутствовал на рабочем месте, а Г. Ягода никогда не считался авторитетом в оперативных делах.

Ю. Пилсудский в мае 1926 г. осуществил вооруженный переворот. Советскому руководству, включая, конечно же, и Ф. Дзержинского, небезосновательно тогда казалось, что перемены в Варшаве неизбежно в скором времени приведут к обострению в отношениях двух стран. В этот период мнение чекиста-политика решительно изменяется. Еще за месяц до переворота, когда некоторые признаки его подготовки уже зафиксировала советская разведка, он дает поручение начальнику КРО ОГПУ А. Артузову составить проект циркуляра от имени председателя ВСНХ для рассылки руководителям крупнейших трестов и совнархозов союзных республик с описани-

ем тактики и организации польским штабом диверсионной работы с использованием перебежчиков. От адресатов циркуляра следовало потребовать отказа от приема поляков на работу на важные участки и вообще повысить бдительность⁸. Даже находясь в конце апреля на лечении на юге, председатель ОГПУ отдал приказание о присылке ему всей новой информации из Иностранного отдела по Польше, предполагая, что придется выступать на заседании Политбюро по воаросу о международной обстановке.

Обеспокоенность Ф. Дзержинского подтолкнула заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоду 14 апреля 1926 г. направить И. Сталину спецсообщение об усилении работы польской разведки. В нем, в частности, отмечалось: «На основании имеющихся в нашем распоряжении материалов с несомненностью устанавливается, что польские и лимитрофные штабы по заданию англичан приступили к проведению широкой диверсионной работы в отношении нашего Союза и значительно расширили свою разведывательную сеть на нашей территории»⁹. Далее говорилось об отданных распоряжениях всем полномочным представительствам ОГПУ произвести операции по высылке в отдаленные районы всех лиц, квартиры которых посещались шпионами, для разрушения линий связи разведки противника, которые могут быть использованы для организации диверсий. Кроме того, должен был быть выслан весь подозрительный элемент, включая и перебежчиков, из районов расположения важных промышленных предприятий. Сопоставив текст данного спецсообщения с приведенной выше запиской начальнику КРО ОГПУ А. Артузову, совершенно не трудно понять, что Ф. Дзержинский настойчиво развивал мысль о возможных масштабных диверсиях как предшествии агрессии с польской стороны.

Летом 1926 г. он подталкивает своих подчиненных к более активным действиям. И не к точечным ударам, а к массовым операциям. В конце июня председатель ОГПУ пишет Г. Ягоде и требует учесть, что объектами захвата поляками будут Белоруссия и Украина, их столицы. В связи с этим в записке ставятся конкретные задачи для органов госбезопасности, сформулированные в 12 пунктах. Речь идет о следующем: усилить информационную работу разведки и контрразведки в Западной Белоруссии и Западной Украине; постоянно следить за настроениями белорусов и украинцев, усилив соответствующее подразделение КРО численно и укрепив его грамотными в этом вопросе работниками; энергично повести борьбу с польской агентурой, петлюровцами и белогвардейскими бандами; усилить наблюдение за Красной армией – ее настроения-

ми и боеготовностью; контролировать подготовку плана возможной эвакуации пограничных местностей; активизировать наблюдение за военной промышленностью, особенно авиационной; укрепить пограничные части¹⁰.

Мысль Ф. Дзержинского ясна: все силы следует направить на подготовку к обороне от весьма вероятного и скорого по времени нападения поляков на СССР. За 10 дней до своей смерти руководитель чекистского ведомства обратился к И. Сталину с письмом, в котором прямо говорил о подготовке Польши к войне с СССР и указывал на атмосферу благодущия, царившую, по его мнению, в партийных и государственных кругах¹¹. Следует заметить, что Ф. Дзержинский еще в 1925 г. потребовал от Особого отдела ОГПУ предоставлять ему доклады о состоянии Красной армии. В его персональном фонде в РГАСПИ хранится папка с представленными материалами по 16 конкретным вопросам – от политико-морального состояния рядового и командного состава до продовольственного снабжения. Это почти 100 машинописных страниц с оборотами¹². Надо полагать, что эти материалы были использованы Ф. Дзержинским в докладе на заседании членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б) 26 марта 1925 г. По итогам совещания было принято решение о создании комиссии из представителей НКВД, ОГПУ и военного ведомства «для детальной проработки и систематизации имеющихся сведений о подготовительных действиях соседних стран, в частности о совещании генштабов и о роли Англии в этом совещании»¹³.

Для доклада на июльском (1926 г.) пленуме ЦК ВКП(б) в связи с нависшей военной опасностью председатель ОГПУ затребовал, кроме уже поступивших, последние материалы по польской проблематике от всех подчиненных ему ведомств. Однако сосредоточиться в своей речи Ф. Дзержинскому пришлось в основном на противодействии партийным оппозиционерам по хозяйственным вопросам. Они хотя и касались некоторым образом состояния обороноспособности страны, но напрямую не вели к обсуждению подготовленных председателем ОГПУ документов¹⁴.

Из указанных шагов Ф. Дзержинского и приведенных выше достаточно полно фрагментов записок и иных документов ясно видна его позиция. Мнение председателя ОГПУ базировалось как на собственных его представлениях о личности и политике Пилсудского, так и на материалах чекистских разведки и контрразведки, которые он регулярно запрашивал по тому или иному поводу. На этом основании, кстати говоря, можно несколько скорректировать

утверждение уважаемого мной историка-полониста Ю. Иванова, который в одной из своих монографий написал, что «какой-то зафиксированной в документах прямой реакции Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) на переворот Пилсудского в просмотренных архивных делах нет»¹⁵. Уточним, что в Архиве внешней политики РФ, с фондами которого автор в основном и работал, готовя свой труд, возможно, и нет. Но они отложились в РГАСПИ и Архиве ФСБ РФ.

В фонде Ф. Дзержинского сохранились и направленные ему отчеты Информационного отдела ОГПУ, в которых содержатся выдержки из поступавшей из Польши и перлюстрированной органами госбезопасности корреспонденции с реакцией граждан этой страны на переворот Ю. Пилсудского. В отчетах делалась разбивка писем по категориям корреспондентов: рабочие, крестьяне, интеллигенция, торговцы и т.д. В каждом разделе выделялись письма в поддержку переворота, положительной его оценки, либо указывалось на несогласие с действиями переворотчиков, боязнь обострения отношений с СССР и даже войны с ним¹⁶. Эти материалы стали поступать Ф. Дзержинскому уже с 10 мая, то есть еще за несколько дней до переворота.

По требованию руководителя чекистских органов 8 июля в Москве было собрано совещание полномочных представителей ОГПУ в регионах страны, на повестку дня заседаний которого выносились только вопросы, связанные с изменением обстановки в Польше. Полный текст данного протокола совещания я поместил в приложении, ознакомившись с ним, читатель может убедиться в решимости высших руководителей органов госбезопасности адекватно ответить на возможные агрессивные действия поляков. Здесь же приведу лишь некоторые пункты принятых решений. Надлежало проверить готовность к работе в предвоенных условиях аппаратов ОГПУ в Харькове, Киеве, Одессе, Минске, Смоленске и некоторых других городах. Выдвигалось требование усилить агентурную разработку пограничных пунктов польской разведки, а также украинских и белорусских закордонных организаций, связанных с поляками. Следовало ускорить проведение в жизнь положений приказов ОГПУ по очистке пограничной полосы и районов расположения оборонных заводов, осуществлять проверки состояния системы противодиверсионной защиты оборонных предприятий и складов боеприпасов. Транспортный отдел обязывался еще раз тщательно проверить личный состав Белорусско-Балтийской, Юго-Западной и Северо-Западной железных дорог, организовать в транспортных

органах на местах ячейки КРО и Секретного отдела для усиления работы по их проблематике.

Согласно решениям совещания предстояло также совместно с Разведупром РККА незамедлительно провести в жизнь постановление комиссии Политбюро от марта 1925 г. о программе специальных мероприятий, отложенное ввиду нехватки денежных средств¹⁷. Поясню, о чем идет речь. В январе 1925 г. Политбюро утвердило решение специально созданной комиссии (с участием Ф. Дзержинского) о ликвидации так называемой «активной разведки» Разведупра. Но руководство страны отдавало себе отчет в том, что в условиях нахождения СССР на положении «осажденной крепости» нельзя не готовиться к возможной войне. Военные специалисты докладывали, что мы можем осуществить развертывание войск за 30 суток, тогда как Польша – за 13–15 дней. Поэтому предлагалось заранее создавать партизанские отряды и диверсионные группы на приграничной территории, которую временно может оккупировать противник, а также и на сопредельной стороне. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 26 марта 1925 г. был принят документ под названием «Положение о подготовке диверсионных действий в тылу противника»¹⁸.

Отдельный раздел решений совещания составили мероприятия по Красной армии, призванные не только проверить ее боеспособность, добиться улучшения снабжения личного состава, оснащения частей оружием и военной техникой, но и ужесточить репрессивные меры за политические преступления, совершенные военнослужащими. Особое внимание предстояло уделить территориальным и национальным соединениям РККА.

В оставшиеся дни жизни Ф. Дзержинский не останавливается в своих алармистских действиях. В записке от 11 июля 1926 г. в адрес И. Сталина председатель ОГПУ снова высказывает свою крайнюю озабоченность приходом Пилсудского к власти. Исходя из имевшейся информации, Ф. Дзержинский обращает внимание на пренебрежительное отношение польского лидера к боеготовности советских территориальных дивизий, которых к этому времени было достаточно много в Красной армии. Он выдвигает предложение о незамедлительном обсуждении ситуации в комиссии А. Рыкова (комиссии обороны)¹⁹. Через четыре дня председатель ОГПУ указывает своему заместителю Г. Ягоде даже на необходимость вывезти чекистские архивы из городов, лежащих вблизи польской и румынской границ. Спустя еще три дня (18 июля) Ф. Дзержинский фактически отчитал Г. Ягоду за непринятие должных мер по организации

боевых групп на нашей территории на случай занятия некоторых районов поляками. В этот же день он потребовал усилить польское отделение Контрразведывательного отдела ОГПУ и вообще работу в отношении Польши, Белоруссии, Украины и Румынии²⁰.

Но не только Ф. Дзержинский бил тревогу. Своими собственными источниками информации располагали также НКВД, военная разведка и Коминтерн. Советское дипломатическое ведомство, как утверждает профессор Ю. Иванов, еще до переворота прогнозировало негативный его эффект и уже имело заранее выработанную позицию. Дело в том, что предварительный зондаж позиции советской стороны на возможные изменения проводился близкими к Ю. Пилсудскому лицами через некоторых советских дипломатических работников, в том числе и через заведующего отделом стран Прибалтики и Польши НКВД М.А. Логановского. Этот зондаж поляков был воспринят с большим недоверием²¹. При этом не стоит забывать о том, что М. Логановский всего лишь три года назад возглавлял резидентуру ИНО ОГПУ в Варшаве и рассматривался тогда польскими властями не только как разведчик, но и как один из организаторов коммунистической пропаганды в стране и даже диверсионных акций. Поэтому странным казался выход именно на него. В итоге, с учетом всех обстоятельств, Коллегия НКВД СССР решила, что приход к власти Пилсудского был бы большой опасностью для нашей страны²².

Отрицательно к перевороту Пилсудского отнеслась военная разведка. Ее агентурные источники информации и аналитики фактически предсказали переворот. В докладе о Польше, датированном началом апреля 1926 г. и подписанном начальником Разведупра РККА Я.К. Берзиным, указывалось следующее: «4. Характернейшим моментом нынешнего политического положения в Польше является подготовка к **фашистскому** (выделено мной. – А.З.) перевороту. Возможность объявления диктатуры как со стороны правого лагеря, так и со стороны Пилсудского является вполне реальной и быстро назревающей. Не исключена также возможность некоторого соглашения обеих лагерей... 5... Что касается СССР, то приход к власти Пилсудского нам представляется наиболее опасным, так как это повлекло бы за собой, по всей вероятности, обострение советско-польских отношений и ускорение перехода Польши на английскую ориентацию»²³. Прогноз РУ РККА был подтвержден в очередном докладе от 21 июля 1926 г., в котором говорилось об антисоветской политике Пилсудского как непреложном факте²⁴. В многостраничном исследовании под названием «Будущая война»,

появившемся весной 1928 г., аналитики из Разведупра отмечали, что именно Польша в коалиции с Румынией и при поддержке Франции представляет и будет представлять в ближайшие годы основную угрозу²⁵. Для такого вывода разведчиков имелись серьезные документальные основания.

Говоря о позиции РУ РККА, нельзя не возвратиться к событиям первой половины 1920-х гг. и не коснуться темы о «Нелегальной военной организации» (НВО). Деятельность этой структуры напрямую влияла на состояние советско-польских отношений и формирование у польских политиков и военных образа главного врага в лице СССР²⁶. Итак, согласно докладу председателю Реввоенсовета Республики Л. Троцкому от тогдашнего члена РВС Западного фронта И. Уншлихта, который, замечу, одновременно являлся и членом Временного ревкома Польши, НВО была создана в конце 1919 г.²⁷ Уншлихт и близкие к нему сотрудники фронтовой военной разведки отдавали себе отчет в том, что достигнутое перемирие и даже подписание в дальнейшем мирного договора не гарантируют от возможных новых военных столкновений, пусть и локальных. Как удачно выразился и обосновал свой тезис доктор исторических наук С. Полторак, обе стороны закончили войну «победоносным поражением», то есть не достигли намеченных целей²⁸. А сложившаяся ситуация несла в себе угрозу возобновления вооруженного конфликта. Коль скоро такая оценка обстановки присутствовала как у советских, так и у польских политических и военных деятелей, то принимались и практически зеркальные меры с обеих сторон. Поэтому нельзя согласиться с утверждениями некоторых польских и отечественных историков о том, что именно создание и деятельность НВО являются первопричиной усиления напряженности в приграничных районах после подписания мирного договора в Риге и в последующие несколько лет. В связи с этим напомним, что в первые месяцы 1920 г. НВО еще находилась в организационной стадии, а в это время антисоветские воинские формирования Б. Савинкова и генерала С. Булак-Балаховича на территории Польши фактически уже существовали. Они приняли участие в войне, а затем превратились (с согласия и при всесторонней поддержке польского Генерального штаба) в разведывательно-диверсионно-террористические отряды. По разным данным, к осени 1920 г. эти отряды насчитывали от 9 до 11 тысяч человек²⁹. Такого количества боевиков-партизан НВО никогда не имела. Нелегальная военная организация при РВС 3Ф скорее копировала структуру и методы работы Польской организации войсковой. Нельзя не заметить, что даже

название у них были схожи. Поэтому будет справедливо говорить о первенстве поляков в создании подпольных разведывательно-боевых организаций в тылу у своего противника.

После окончания боевых действий НВО не только продолжала существовать, но и активно действовала на польской территории. К сожалению, постепенно снижался уровень управления ею. Организаторы НВО отбыли на другие участки работы. В апреле 1921 г. И. Уншлихта назначили заместителем председателя ВЧК, начальник Разведывательного управления ЗФ А. Сташевский возглавил объединенную резидентуру ВЧК и Разведупра в Берлине. Туда же были направлены Б. Бортновский – бывший заместитель начальника РУ ЗФ и его ближайший помощник С. Фирин. Лучшего «плановика» НВО – А. Славатинского – забрал с собой в Москву И. Уншлихт, где и назначил на ответственную должность в Секретном отделе ВЧК. Новые назначения получили и другие опытные сотрудники НВО. С прекращением военных действий не уделялось должного внимания деятельности НВО со стороны Разведупра РККА и разведотдела Западного фронта. Менялись командиры отрядов и личный состав боевиков. В целом ряде случаев командиры отрядов и групп не выполняли директивы руководящих центров, стали проявляться признаки самостоятельности. Целый ряд акций уже приносил вред усилиям советских дипломатов и в определенной степени затруднял работу национальных коммунистических партий. Особым отделом Западного фронта не было организовано контрразведывательное обеспечение аппарата и кадров НВО. По крайней мере, никаких сигналов о неблагоприятном положении в этой организации от чекистов в Москву не поступало.

Авторы монографии о разведке Коминтерна И. Ландер и С. Чуркин утверждают, что операции «активной разведки» (НВО) в Польше были зашпионованы даже от пограничников и местных органов ГПУ-ОГПУ³⁰. В данном случае вряд ли можно полностью согласиться с указанными авторами. Скорее всего, чекисты, что называется, «закрывали глаза» на действия боевиков НВО, расценивая их как полезные для нашей страны в текущей оперативной обстановке. Ведь отряды «активной разведки» добывали информацию не только о дислокации бандформирований на территории Польши, но иногда и об их подготовке к рейдам на советскую сторону. Эти сведения поступали в разведотдел Западного фронта, а также в ГПУ Белоруссии и использовались в борьбе с данным опасным явлением. Более того, в необходимых случаях сотрудники госбезопасности использовали группы НВО для проведения специальных

акций в приграничной польской полосе. К примеру, в августе 1924 г. заместитель начальника Особого отдела Минского ГПУ С. Глинский организовал и с помощью боевого отряда НВО осуществил налет на помещение польской службы безопасности в городе Столбцы, где содержались арестованные политической полицией два делегата V конгресса Коминтерна: секретари ЦК КПЗБ С. Скульский (Мартенс) и П. Корчик (Логинович). Коммунисты-подпольщики были освобождены и доставлены в Минск³¹.

Высшие партийные и чекистские инстанции обратили внимание на НВО лишь в начале 1925 г. Поводом к этому послужил так называемый Ямпольский инцидент. В ночь с 7 на 8 января отряд «активной разведки», прижатый польскими войсками к границе, с боем прорывался на нашу территорию. «Активисты» были одеты в польскую военную форму, поэтому наши пограничники, не уведомленные заранее о переходе партизан, вступили с ними в перестрелку. Не разобравшись в обстановке, боевики НВО разгромили советскую погранзаставу, приняв ее за вражеский кордон³². А вот, что докладывал в Москву начальник погранохраны ГПУ УССР Н. Быстрых: «По донесению Волинской губернской пограничной охраны 5 января... отрядом польских войск в составе 40 пеших и трех конных было совершено нападение на управление 2 комендатуры Ямпольского отряда и расположенную при ней заставу № 5...»³³ Получается, что даже такой высокопоставленный начальник не имел реальной информации.

Надо полагать, что вскоре в ОГПУ поступили уточняющие данные, указывавшие на причастность к нападению отряда «активной разведки». Реакция Ф. Дзержинского была быстрой и жесткой. Цитируем фрагмент его записки председателю ГПУ Украины В. Балицкому, составленной по «горячим следам». «Безответственным действиям Разведупра, втягивающим нас в конфликты с соседними государствами, – писал руководитель чекистского ведомства, – надо положить властно предел. Случай в Ямполье доказал, что на нашей территории существуют **банды** (выделено мной. – А.З.) против поляков, как равно и при содействии с нашей стороны работают банды за кордоном. Прошу Вас прислать мне срочно весь имеющийся у Вас материал...»³⁴ После ознакомления с присланными документами Ф. Дзержинский подготовил проект постановления инициированной им комиссией Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросу об «активной разведке»³⁵. Эта записка легла в основу соответствующего постановления высшей исполнительной инстанции Компартии. В этом решении прямо говорилось о том, что с установлени-

ем более или менее нормальных дипломатических отношений с соседними странами из Разведупра неоднократно давались директивы о прекращении активных действий, но эти директивы не выполнялись в силу ряда обстоятельств. Исходя из этого, члены Политбюро посчитали необходимым: «а) активную разведку в настоящем ее виде (организация связи, снабжения и руководства диверсионными отрядами на территории Польской Республики) – ликвидировать; б) ни в одной стране не должно быть наших активных боевых групп, производящих боевые акты и получающих от нас непосредственно средства, указания и руководство»³⁶. Одновременно в пункте № 12 постановления Политбюро отмечалось, что польские власти не имеют прямых доказательств действий на их территории руководимых из Москвы отрядов «активной разведки», а посему «всяким нападкам с польской стороны должен быть дан решительный отпор»³⁷. Ф. Дзержинскому было предложено наложить взыскание в виде строгого выговора на полномочного представителя ОГПУ по Западному краю председателя ГПУ БССР Ф. Медведя за отдание без разрешения из Москвы приказа на проведение описанной выше операции в польском городе Столбцы.

После необходимого рассмотрения вопроса об «активной разведке» в плане его влияния на формирование польским руководством образа врага в лице СССР в середине 1920-х гг. возвратимся к оценкам Польши со стороны Коминтерна. Сразу отмечу, что от взглядов ОГПУ и Разведупра они практически не отличались. Однако здесь нельзя не упомянуть о том, что многие руководители польской Компартии заняли опрометчивую (если не сказать предательскую) позицию и высказались за поддержку переворота Пилсудского в мае 1926 г. Их, конечно же, «поправили» в Исполкоме Коминтерна, но политическое доверие они безвозвратно утратили. В протоколе заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 29 мая 1926 г. прямо указано, что необходимо незамедлительно направить в ЦК польской Компартии телеграмму следующего содержания: «Голосование за Пилсудского **считаем преступлением** (выделено мной. – А.З.). Категорически требуем голосования против при всех условиях... Наше мнение абсолютно категорично и абсолютно единодушно. Ваше заявление, будто ошибки Польского ЦК являются ошибками только терминологического или стилистического характера, встречает наш самый решительный протест. На деле эта ошибка – грубейшая политическая ошибка оппортунистического характера. Если не поймете и не признаете этого, можете привести партию к катастрофе»³⁸. В связи с процитированной выдержкой,

несколько забегая вперед, отмечу, что в 1930-х гг. крупные польские политэмигранты в СССР дорого заплатили за свои и соратников по партии ошибки – были подвергнуты самым жестким репрессиям, вплоть до расстрела.

Польша определялась как главный противник не только в секретных документах Штаба РККА, аппарата ВЧК-ОГПУ и Коминтерна, но и в средствах массовой информации. Здесь видна позиция высших партийных инстанций, поскольку вся тогдашняя пресса работала под жестким контролем ЦК РКП(б), а публикации на внешнеполитические темы редко появлялись без конкретного указания Политбюро. На страницах газет и журналов культивировался образ «хищной», «белопанской», «буржуазно-помещичьей» Польши. Она стала символом «агрессивного капиталистического окружения» страны Советов, воплощением «образа главного врага». В журнале «Военное дело» была, к примеру, напечатана статья бывшего в то время начальником Оперативного управления Полевого штаба РВСР, будущего Маршала Советского Союза Бориса Шапошникова, «проникнутая насквозь духом грубого шовинизма». В этой статье «природное иезуитство ляхов противопоставлялось честному и открытому духу великорусского племени»³⁹. Правда, в данном случае Реввоенсовет одернул Б. Шапошникова и даже приостановил издание журнала до полной замены редакции⁴⁰.

Кто является главным врагом, обозначало и непосредственно военно-политическое руководство Советской России, а затем и СССР. Ничем иным нельзя объяснить решение Политбюро ЦК РКП(б) о возвращении М. Тухачевского на должность командующего Западным фронтом в 1922 г. Это можно рассматривать как открыто выраженную советской стороной угрозу начать боевые действия против Польши в случае начала десантных операций врангелевских войск на юге России⁴¹. Через три года, выступая на 7-м Всебелорусском съезде Советов в Минске, М. Тухачевский, явно с позволения высшего руководства, призвал правительство Белоруссии «поставить в повестку дня вопрос о войне с Польшей»⁴².

Специальная «польская» комиссия Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотрев вопрос о совещании в Риге представителей генеральных штабов Польши, Латвии и Эстонии, пришла к выводу о том, что именно Польша, руководимая Францией, проявила наибольшую активность на этом совещании в деле сколачивания «единого антисоветского блока граничащих с СССР на Западе государств...»⁴³ Исходя из такой оценки, Политбюро на своем заседании 9 апреля 1925 г. признало необходимым «максимальное усиление боевой

и мобилизационной готовности Красной Армии, а также принятие мер по усилению охраны границ»⁴⁴.

Завершая рассмотрение позиций военного и дипломатического ведомств, а также ОГПУ и Коминтерна по польскому вопросу, нельзя не привести фрагменты еще двух небольших по объему, но важных, на мой взгляд, документов – записки наркома по иностранным делам Г. Чичерина Ф. Дзержинскому от 14 июля 1926 г. и постановления совещания ОГПУ, НКВД и РВСР от 12 июля. Г. Чичерин известил председателя ОГПУ об окончательном варианте постановления о польской опасности и послал запись беседы с польским посланником. Из состоявшегося разговора однозначно вытекало, что Польша не готова подписывать какое-либо соглашение с СССР о ненападении без подписания нашей страной аналогичного с прибалтийскими странами. Нарком оценил такое утверждение как усиливающее для СССР польскую опасность⁴⁵.

Теперь представлю читателю и текст постановления, разработанный на совещании. Предварительно же посмотрим на состав участников: председатель ОГПУ и ВСНХ Ф. Дзержинский, С. Арапов – член Коллегии НКВД, нарком по иностранным делам Г. Чичерин, заместитель председателя ОГПУ В. Менжинский, начальник Иностранного отдела ОГПУ М. Трилиссер, заместитель наркома по иностранным делам Б. Стомоняков, заместитель председателя РВСР И. Уншлихт, начальник Разведупра РККА Я. Берзин, помощник начальника РУ РККА Б. Бортновский и член Коллегии НКВД, заведующий отделом прибалтийских стран и Польши М. Логановский. Из 10 участников совещания 5 человек являлись поляками по национальности. Понятно, что это были наиболее компетентные в СССР люди в вопросе советско-польских отношений. Вот, что они в итоге совещания решили: «В связи с приходом к власти Пилсудского и его политикой угроза новой войны с сопредельными нам государствами на Западе (Польша и Румыния) значительно усилилась. Совещание постановляет обратить внимание советского правительства на необходимость принятия соответствующих мер по линии дипломатически-экономической, линии военной и линии безопасности. Постановляется поставить этот вопрос в Комиссии т. Рыкова об обороне. Отдельным ведомствам поручается разработать в кратчайший срок относящиеся к этому предложения»⁴⁶. Судя по тексту записки Ф. Дзержинского от 14 июля, он намеревался продолжить разъяснять тему о военной опасности со стороны Польши более широкому кругу партийцев – участников очередного пленума ЦК ВКП(б)⁴⁷.

Следующий, 1927-й, год вошел в историческую литературу под знаковым определением «года военной опасности». Как известно, именно в этом году Великобритания разорвала дипломатические отношения с СССР, были совершены налеты на некоторые наши дипломатические и торговые представительства, резко осложнилась ситуация в Китае, где генерал Ц. Чан Кайши совершил государственный переворот и установил в стране диктаторский режим⁴⁸. По позициям СССР в Китае был нанесен серьезный удар. На фоне этих резонансных международных событий внутри страны обстановка также накалилась – развернулась ожесточенная борьба в ВКП(б) с Л. Троцким и его сторонниками. Среди последних было немало разного уровня командиров Красной армии, что не могло не сказываться на надежности войск и их готовности защищать страну, которой руководила группа приверженцев политики, проводившейся И. Сталиным. Не лишним будет упомянуть и о выступлении 26 декабря 1926 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) начальника Штаба РККА М.Н. Тухачевского. Вот цитата из его речи: «Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»⁴⁹. С учетом изложенного я склоняюсь к точке зрения тех историков, которые считают, что военная угроза существовала. Наверное, не было другого периода в истории нашей страны в 1920–1930-х гг., когда противники СССР не задумались бы о нападении.

Нельзя полностью согласиться с утверждениями специалиста по истории международных отношений Л. Нежинского, который отрицает существование военной опасности в 1927 г. и в последующие два-три года. В обоснование своей позиции он заявляет об отсутствии планов нападения на нашу страну Германии, Великобритании, Франции, Италии, США, Японии и стран Прибалтики. Мол, до сего времени никто из отечественных и зарубежных историков и разведчиков не обнаружил наличие таких планов⁵⁰. Думается, что Л. Нежинский не делает различия между такими понятиями, как «опасность» и «угроза» и между «угроза реальная» и «угроза потенциальная». В теории безопасности все это уже давно разработано. Конечно, нельзя ставить знак равенства между складывавшейся тогда обстановкой и ее интерпретацией в целях агитации и пропаганды (как внутри страны, так и за ее пределами). Вероятно, последнее и кладет автор в основу своих утверждений. А что касается отсутствия планов агрессии против СССР, то могу в этом усомниться, поскольку интересующимся известна архивная политика, к примеру, британских властей. Из личного общения с известным историком английских спецслужб Эндрю Куком мне известно,

что ему не дали возможность ознакомиться со всеми материалами дела агента СИС Сиднея Рейли за 1917–1924 гг. Или напомним о закрытости архивных материалов о перелете в Англию Р. Гесса. Варианты планов действий британского Генерального штаба или имеющие отношение к этому документы МИД мы вряд ли увидим в ближайшие годы.

Но вернемся к 1927-му и нескольким последующим годам. Кроме тех событий, о которых я уже упомянул, прямую связь с исследуемой темой имеет целая череда террористических актов против наших дипломатов за рубежом, иностранных дипломатов в Москве и другие подобные акции. Начнем, естественно, с убийства советского полпреда в Польше П. Войкова 7 июня 1927 г. С самого начала расследования произошедшего до советской стороны было доведено, что польские власти не имеют к этому теракту никакого отношения. Совершил его сын белогвардейца Б. Коверда, мстя за участие нашего посла в 1918 г. в убийстве царской семьи. Внешне версия выглядела правдоподобно. Однако резидентура ИНО ОГПУ в Польше через свою агентуру добыла важную (по крайней мере для дальнейших дипломатических шагов) информацию. Отбирая документы для сборника о русской военной эмиграции, я и другие составители 6-го тома обратили внимание на некоторые материалы, представленные архивом СВР России. Они относились к лету 1927 г. и содержали сведения, связанные с убийством П. Войкова.

В сводках ИНО ОГПУ отмечалось, что террорист прибыл в Варшаву из Вильно, где существовало несколько устойчивых групп бывших белогвардейцев. Польские власти относились к ним достаточно лояльно, якобы не вникая в суть их деятельности. Источники берлинской резидентуры советской разведки подтвердили эту информацию и уточнили принадлежность Коверды к одной из групп – Патриотическому (русскому) национальному союзу. Оказалось, что этим союзом руководит объект разработки резидентуры ИНО бывший есаул М. Яковлев, зарекомендовавший себя в «белых» кругах многочисленными жестокими убийствами красноармейцев и коммунистов в годы Гражданской и советско-польской войн. Мало того, он, как было точно установлено, являлся агентом польской разведки задолго до 1927 г.⁵¹ Варшавская резидентура уточнила, что возглавляемая Яковлевым организация финансируется из Парижа и издает газету «Новая Россия». Средства для газеты дает и 2-й отдел польского Генерального штаба. В разговорах Яковлев говорил о наступлении нового этапа борьбы с большевиками, а именно этапа индивидуального террора. Была выяснена и

связь организации Яковлева с делом некоего П. Трайковича, пытавшегося 2 сентября завладеть почтой советского посольства, но убитого при нападении советским дипломатическим курьером. Все это наводило на мысль о некоей причастности польской разведки к террористическим актам.

Однако по политическим соображениям информацию ИНО ОГПУ использовать не стали. По предложению наркома по иностранным делам Г. Чичерина члены Политбюро постановили разрешить ему «выдать Патеку (послу Польши в СССР – А.З.) письменное заявление о ликвидации дела Коверды под условием сохранения этого заявления втайне впредь до проведения польским правительством мероприятий против белогвардейцев»⁵². Но, как явствует из сводки ИНО ОГПУ, перехватившего письмо генерала В. Горлова к бывшему послу России М. Гирсу, обыски у русских белогвардейцев были сделаны поверхностные и только для создания у публики видимости реакции на совершенные преступные акты⁵³. Такое поведение польских властей некоторым образом вдохновляло других русских эмигрантов-монархистов на продолжение серии террористических актов. Уже 4 мая 1928 г. сын бывшего «белого» офицера Ю. Войцеховский – глава Объединения русской молодежи в Варшаве – совершил покушение на советского торгового представителя А. Лизарева и сумел ранить его. Террориста арестовали, и суд назначил ему наказание 10 лет тюрьмы. Руководство советского дипломатического ведомства выразило удовлетворение таким решением, и далее вопрос о русских эмигрантах в Польше уже не ставился с такой остротой, как ранее.

Но политическое руководство СССР в закрытом порядке приняло некоторые ответные на совершенные теракты меры. Так, еще на заседании Политбюро 27 октября 1927 г. были рассмотрены вопросы комиссии по политическим делам, и принято решение о необходимости быстрее рассмотрения в судебном порядке дела Квятковского и срочной подготовке процесса над Т. Скальским. О первом мне, к сожалению, не удалось найти данных, а Скальский обвинялся в шпионаже в пользу Польши⁵⁴. Можно предположить, что и Квятковский – тоже, поскольку комиссия по политическим делам рассматривала только следственные материалы о шпионаже и контрреволюции.

ОГПУ активизировало работу по польским делам на Украине и в Белоруссии. Центральный аппарат тоже не остался в стороне. И некоторые результаты его работы можно проследить по двум судебным процессам, о которых с разрешения высших партийных ин-

станций было сообщено в прессе. Первый – дело Л. Любарского и др. Предыстория его такова. Иностраннный и Контрразведывательный отделы ОГПУ после убийства П. Войкова завели несколько разработок на членов русской молодежной монархической организации в Польше и на их связи в нашей стране. Было известно, что руководители зарубежных организаций пропагандировали метод индивидуального террора в борьбе с большевистской властью в обстановке, когда Англия разорвала дипломатические и торговые отношения с СССР и обстановка резко накалилась. Но Польша, как сообщалось в польской и советской прессе, находилась на этапе длительных переговоров о заключении пакта о ненападении со своим восточным соседом, и договор мог быть подписан в ближайшие годы. Понятно, что на переговорный процесс оказывал влияние и фактор открытой работы в стране враждебных советскому государству организаций, связанных с эмигрантскими центрами в Париже и Берлине. Улучшение отношений между СССР и Польшей не могло бы не сказаться на обстановке вокруг русских в Варшаве и других городах. Поэтому, чтобы затормозить переговоры, а лучше и сорвать их, руководители организаций нацеливали отдельных своих членов на совершение громких акций как в Польше, так и непосредственно в СССР. В моем распоряжении нет данных, прямо указывающих на поддержку польской разведкой этих действий. Однако надо иметь в виду, что тогда польскому руководству скорее был выгоден лишь процесс ведения переговоров, а не достижение их результатов. Возможно, именно такую информацию предоставлял Иностраннный отдел ОГПУ высшим советским инстанциям. По крайней мере, 12 августа 1928 г. внешняя разведка направила И. Сталину, А. Рыкову, Г. Чичерину, К. Ворошилову и руководителям ОГПУ специальную сводку «Подготовка Польши к войне»⁵⁵. На этом фоне чекисты и действовали.

Считаю, что здесь вполне уместно изложить мою версию событий в рамках одного дела ОГПУ, основанную на анализе опубликованных материалов следствия по антисоветской организации «Демократический союз»⁵⁶.

Одна из разработок эмигрантских группировок в Польше (мне известно, что она называлась «Пилсудчик») велась в отношении члена молодежной террористической организации в Варшаве Всеволода Любарского. Об этом персонаже чекистам было известно следующее: бывший работник органов снабжения Красной армии, дезертировал, бежал в Польшу. В 1920–1921 гг. активно действовал в бандах Булак-Балаховича, после окончания войны участвовал в

разного рода антисоветских организациях в Варшаве. Женился на дочери давнего сподвижника «начальника польского государства» Ю. Пилсудского – директора одного из департаментов Министерства финансов Войтовича. Любарский, будучи сам ярким сторонником Ю. Пилсудского, вступил в Польскую социалистическую партию (ППС). Скорее всего, при посредничестве бывшего сотрудника польских спецслужб С. Павловского (соученика и близкого друга родного брата Любарского – Бориса) согласился работать на разведку Польши.

Подразделение ОГПУ, занимавшееся перлюстрацией корреспонденции, отследило переписку В. Любарского с рядом его друзей и родственников в Москве, и этих лиц чекисты, вне всякого сомнения, стали проверять. Вскрылись интересные в оперативном плане факты. Оказалось, к примеру, что родной брат В. Любарского – Борис являлся бывшим офицером, служившим в годы Первой мировой войны в царской контрразведке, а затем и Временного правительства. Несколько месяцев в 1918 г. он даже проработал в военной контрразведке Всероссийского Главного штаба Советской России и по заданию этого органа выехал на Украину для сбора информации. Фактически же сформировал в Киеве (с разрешения гетмана П. Скоропадского) охранную дружину, а с приходом в город частей Красной армии «перекрасился» и поступил на службу в органы снабжения советских войск. В 1923 г. был осужден на 5 лет лишения свободы за контрабандные операции с поляками. Добавлю, что его близкий друг С. Павловский в начале 1920-х гг. служил в польской разведке и постоянно общался в Варшаве с В. Любарским – объектом разработки ОГПУ.

Первая жена Б. Любарского – Анна – в этот период времени работала в аппарате ВЦИК СССР, в приемной М.И. Калинина. Она происходила из семьи атамана казачьего войска на Урале, два ее родных брата воевали на стороне адмирала А. Колчака и были в 1920 г. расстреляны как контрреволюционеры. На ее адрес шла вся переписка В. Любарского с друзьями и родственниками в Москве. Сестра братьев Любарских – Ольга – была замужем за упомянутым выше Павловским. Все указанные лица придерживались антибольшевистских взглядов, да другое вряд ли могло и быть. Фактически в Москве сформировалась группа противников советской власти, готовых оказывать содействие своему родственнику в Варшаве, обоснованно подозревавшемуся в терроризме.

По оперативным данным ОГПУ, В. Любарский вскоре должен был прибыть в нашу столицу для изучения возможности соверше-

ния террористических актов в отношении членов советского правительства. Ранее для перехвата устремлений польской разведки и эмигрантских организаций, а также контроля за поведением «Пилсудчика» в Москве, была организована связь последнего с одним из его приятелей еще по гимназическим временам – секретным сотрудником КРО ОГПУ. Чекисты не сомневались в том, что объект разработки, как и его хозяева из польской разведки, «клянут» на нашего агента. Ведь он не только был поляком по национальности, но и в 1917–1918 г. возглавлял польскую скаутскую организацию в Москве, связанную с Польской организацией войсковой. Тогда он зарекомендовал себя польским националистом, да и в последующие годы внешне оставался таковым. Павловский, дважды приезжавший в 1923–1924 г. в Москву, тоже знал агента и мог ориентировать о нем польских разведчиков. И вот 4 августа 1928 г. под видом сопровождающего дипломатического курьера (с дипломатическим паспортом для страховки от возможного ареста чекистами) В. Любарский прибыл в нашу столицу. Он посетил всех родственников и установил контакт с агентом, подставленным ему органами ОГПУ.

Не имея доступа к материалам разработки, трудно определить, почему в поле зрения агента не попал двоюродный брат В. Любарского – Лев. А ведь последний проходил по оперативному делу контрразведывательного отделения Черниговского отдела ГПУ Украины «Демократический союз». Некоторые члены этой молодежной антисоветской организации высказывали террористические намерения, имели на руках огнестрельное оружие. Противобольшевистские настроения родственников укрепили в сознании молодого человека решимость совершить террористический акт. Свою лепту внес и «Пилсудчик», подсказавший Льву один из вариантов и нацеливший его на Н. Бухарина и М. Калинина. Считалось, что эти советские деятели охраняются менее других высокопоставленных правительственных чиновников. В итоге Л. Любарский, не выследивший указанных лиц, застрелил крупного военного работника, участвовавшего в это время в работе съезда Коминтерна – старшего инспектора Политического управления Красной армии Р.С. Шапошников. Террористический акт произошел 16 августа 1928 г., через пять дней после отъезда «Пилсудчика» в Варшаву⁵⁷. Чекистам ничего не оставалось, как закончить успешно развивавшуюся оперативную игру с польской разведкой и эмигрантской организацией. Все члены «Демократического союза» и близкие родственники Л. Любарского были арестованы и в 1929 г. осуждены.

С рассмотренным делом имело связь и другое, раскрытое ОГПУ уже в 1932 г. Напомню, что в это время шли интенсивные переговоры между советскими и польскими дипломатами по поводу подготовки к подписанию пакта о ненападении. На этом фоне 6 марта неизвестный произвел несколько выстрелов из револьвера в проезжавшую машину германского посольства. Как оказалось, в ней находился советник посольства фон Твардовский. Он получил ранение в шею и кисть руки. Практически на месте совершения преступления террорист был задержан и установлена его личность. Им оказался нигде не работавший житель Москвы Иуда Штерн. При допросе в ОГПУ он рассказал, что убедил его совершить убийство германского посла некий Сергей Васильев. Его вскоре тоже задержали. Судя по показаниям этих двух лиц, они готовили террористический акт в отношении посла Германии фон Дирксена с целью добиться резкого ухудшения политических и экономических связей этой страны с СССР и даже возможного разрыва дипломатических отношений. В ходе короткого, но тщательного расследования было установлено, что Васильев был близко знаком с А. Любарской, осужденной по делу «Демократический союз».

Вырисовывалось следующее: имевшая связь с агентом польской разведки В. Любарским, она обрабатывала в антисоветском духе своего родственника Льва Любарского, который намеревался совершить убийство М. Калинина или Н. Бухарина в политических целях. Для следствия это означало одно – часть террористической группы, созданной польской разведкой, не была раскрыта и поэтому уцелела в 1928 г. Теперь Васильев и Штерн решили продолжить свою преступную деятельность в интересах Польши и совершить теракт в отношении немецкого посла. Только из-за ошибки исполнителя пострадал советник посольства.

Уже 11 марта 1932 г. газета «Правда» опубликовала сообщение ТАСС о том, что предварительное следствие закончено и уголовное дело передается в прокуратуру. Отмечалось, что слушание этого резонансного дела будет проходить в Военной коллегии Верховного суда СССР⁵⁸. Связь с польской разведкой была зафиксирована уже в тексте проекта приговора. Но в первых газетных отчетах о процессе отмечалось лишь то, что Васильев действовал в интересах третьих лиц. Однако 7 апреля в газетах уже прямо указывалось на связь террористов с группой, созданной должностным лицом Польской республики В. Любарским. Надо полагать, такая установка судьям и прессе была дана на основании решения комиссии по политическим делам Политбюро ЦК ВКП(б). Эта комиссия также

решила и опубликовать приговор в центральных газетах⁵⁹. Более того, созданию у иностранцев и наших граждан ощущения открытости и непредвзятости расследования способствовало удовлетворение советскими властями прошения польских дипломатов о присутствии на судебных заседаниях при рассмотрении дела. Некоторые исследователи утверждают, что все равно не удалось избежать неблагоприятных комментариев зарубежной прессы по поводу процесса⁶⁰. Однако нужный эффект в преддверии заключения договора с Польшей был достигнут. По крайней мере, никаких протестных записок в Политбюро ЦК ВКП(б) относительно действий чекистов советское ведомство иностранных дел в этот раз не направляло в отличие от некоторых других судебных процессов, затрагивавших международную проблематику.

Несмотря на то, что Наркомат по иностранным делам и советская пресса создавали все условия для скорейшего заключения договора с Польшей, органы госбезопасности не прерывали свои мероприятия по подавлению разведывательно-подрывной активности польских спецслужб. Ведь сохраняли свою силу многие решения высших партийных и государственных структур по этому вопросу, такие как постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 марта 1930 г. «Об Украине и Белоруссии»⁶¹.

Как на реального врага указывали на Польшу и чекистские руководители. Это подчеркивалось во многих секретных приказах и циркулярах, предназначенных для неукоснительного исполнения на местах. К примеру, в ноябре 1932 г., то есть через несколько месяцев после подписания договора о ненападении, Особый отдел ОГПУ разослал в территориальные органы и аппараты военной контрразведки указание «Об усилении борьбы со шпионско-диверсионной деятельностью 2-го отдела Польского главштаба»⁶². В данном документе отмечалось, что резко активизировалась работа польской разведки, проведена ее реорганизация. Этот факт расценивался в разрезе реальной подготовки к вооруженным действиям. Подобного рода указания давались и в последующие несколько лет.

Рижский мирный договор между РСФСР и УССР с одной стороны и буржуазно-помещичьей Польшей – с другой о прекращении войны был подписан 18 марта 1921 г.⁶³ Новые, во многом случайные границы между советскими республиками (РСФСР, Украиной, Белоруссией) и Польшей почти нигде не совпадали с этническим размежеванием. В результате войны к Польше отошли половина Белоруссии и четверть Украины. Линия границы прошла всего в не-

скольких десятках километров от столицы одной из советских республик – Минска – и значительно приблизилась к другому центру – Киеву. «Начальник польского государства» Ю. Пилсудский открыто выступал за дальнейшее расширение границ на Востоке, подразумевая при этом возможное использование как политических, так и военных мер. Это обстоятельство порождало у советской стороны ощущение постоянной нестабильности и напряженности на западных рубежах, угрозы конфликтов с соседней страной. Польша же, получив территории, населенные в основном украинцами и белорусами, не воспринимавшими доминирование поляков над собой, боялась организованных СССР повстанческих действий с опорой на национальные меньшинства. А далее, по мнению польских элит, могли начаться и агрессивные действия Красной армии.

В результате подобного рода прогнозов по обе стороны границы в умах очень многих людей вскоре утвердились соответствующие стереотипы, больше свойственные состоянию войны, чем мирной обстановке. Польский историк З. Залуский в своей книге «Пути к достоверности», опубликованной в Варшаве в 1986 г., отмечал: «Реальные обстоятельства польско-советских отношений в межвоенном двадцатилетии сформировали события 1920 г... Люди, которые разрабатывали и реализовывали политику на протяжении всего межвоенного периода и в Варшаве, и в Москве, – это были люди, сформированные в 1920 г.»⁶⁴ Нельзя не отметить, что за 1919–1920 гг. около 1,5 млн граждан России, Украины и Белоруссии прошли через бои с польскими войсками на Западном и Юго-Западном фронтах, лично столкнулись с «панами» и имели определенные негативные психологические и политические представления о них. После окончания войны происходил процесс репатриации, массы людей перемещались из Советской России и наоборот. В отчете Центрозвака указано, что «центр тяжести репатриации падает на Польшу»⁶⁵. Общее количество репатриантов, согласно приведенным в отчете данным, только за период с 1 января по 1 декабря 1921 г. составило около 600 тыс. человек. И это без учета Украины и Белоруссии. Многие из отбывавших в Польшу, особенно военнопленные, не испытывали никаких симпатий к советскому строю и вообще к нашей стране. Те, кто возвращался в Россию, Украину и Белоруссию из польского плена, а также бывшие политические заключенные польских тюрем, относились к властям Польши ничем не лучше. Как сейчас ясно, несколько десятков тысяч советских военнопленных были убиты или умерли в результате нечеловеческих условий содержания в концлагерях. Среди советских фронтовиков,

а также военных и партийцев, которые работали в ближайших тылах, настрой был тоже соответствующий. К этой категории лиц относились и чекисты.

Еще со времени боевых действий борьбой с польской разведкой активно занимались, к примеру, заместитель председателя ВЧК-ГПУ И.С. Уншлихт, будущие руководители Особого и Контрразведывательного отделов ОГПУ А.Х. Артузов и Я.К. Ольский, начальник Секретно-оперативного управления Е.Г. Евдокимов, начальник Административно-организационного управления И.А. Апетер и некоторые другие высокопоставленные сотрудники органов госбезопасности. В мероприятиях по польской линии в период войны было задействовано большое количество чекистских руководителей среднего звена и рядовых сотрудников. До своей смерти в июле 1926 г. их действия направлял и контролировал глава ВЧК-ОГПУ Ф.Э. Дзержинский. Указанные выше ответственные работники органов госбезопасности на протяжении 1920-х, а некоторые и до середины 1930-х гг., определяли стратегию противодействия шпионажу и другим видам подрывной деятельности иностранных спецслужб и были абсолютно уверены в том, что главные удары по безопасности нашего государства в этой сфере наносят именно польские спецслужбы при всесторонней поддержке со стороны разведок Англии и Франции.

Аналогичная «личностная» ситуация сложилась и в сопредельной стране. С июля 1920 г., на протяжении советско-польской войны и нескольких последующих лет (до 1923 г.) начальником 2-го отдела Генштаба Польши (в функции которого входили разведка и контрразведка) оставался И. Матушевский⁶⁶. В Первую мировую войну он служил в одном из гвардейских полков царской армии, отличился в боях, а с 1918 г. перешел на разведывательную работу в Войско Польское. Под псевдонимом «Кушелевский» возглавлял крупную шпионскую организацию в тылу красных войск в районе Минска. Позднее (в начале 1920 г.) он создал и руководил нелегальной резидентурой на территории Украины. Ближайшие соратники И. Матушевского прошли похожий путь, что называется, «закалились» в борьбе с чекистами и советской военной разведкой.

Под руководством его предшественника на посту начальника 2-го отдела ПГШ М. Мацкевича разрабатывались основополагающие инструкции по разведывательной службе, направленные в основном против Советской России. В этой связи важно иметь в виду, что кадровый костяк руководящих и оперативных работников польской разведки, действовавших на основе этих инструкций,

многие годы составляли члены Польской организации войсковой (ПОВ). Официально данная организация прекратила свою работу на территории этнической Польши примерно к середине 1919 г. Но на Украине и в Белоруссии она только нарастила свои усилия и вербовала новых сотрудников в интересах расширения разведывательно-подрывной деятельности против Советской России и союзных ей республик. В середине января 1919 г., когда Информационный (разведывательный) отдел Верховного командования Войска Польского (ВКВП) был реорганизован, в его состав вошел реферат по вопросам ПОВ. Как указывает польский историк А. Мисюк, этот реферат использовал членов организации для ведения разведывательной и диверсионной работы⁶⁷. Большинство офицеров и агентов разведывательного подотдела 2-го отдела польского Генштаба (как ранее и Информационного отдела ВКВП), направлявшихся на советскую территорию в 1919–1920 гг., имели явки только к членам ПОВ и реализовывали свои задания не от имени 2-го отдела, а маскируя их под поручения руководства ПОВ в Варшаве.

В ноябре 1920 г. в Риге прошла секретная встреча И. Матушевского с польскими военными атташе в Латвии и Эстонии. На совещании планировалось наметить на послевоенный период главные направления разведывательных акций в Советской России. После выступления начальника 2-го отдела ПГШ участники тайной мини-конференции единогласно приняли тезис, что соседство с большевистским режимом несет в себе угрозу для независимости вновь созданного польского государства⁶⁸.

И. Матушевский еще в 1922 г., находясь на посту руководителя польских спецслужб, разработал, а затем всячески внедрял в политическую практику концепцию «двух врагов». Он утверждал, что с востока и запада Польша граничит с враждебными государствами. И польский историк и политолог профессор А. Скшипек, разъясняя взгляды И. Матушевского, совершенно справедливо пишет, что последний обнародовал свой меморандум в то время, когда память о советско-польской войне была еще свежа и подавляющее число граждан полагало вполне возможным скорое возобновление активных боевых действий с СССР⁶⁹. Формирование оценки СССР как главного врага основывалось не только на добывавшихся польской разведкой материалах. Большую роль играл фактор русофобии, а также широко распространенное мнение о том, что СССР – это Российская империя в новом обличье со всеми вытекающими из этого последствиями для нового польского государства.

На основе приведенных фактов можно констатировать, что у двух соседних стран имелись как объективные, так и субъективные предпосылки к определению друг друга в качестве врага № 1. И это предопределяло масштаб, интенсивность и степень жесткости противоборства их национальных спецслужб. Руководство двух государств на протяжении всего межвоенного периода нацеливало аппараты разведок и контрразведок на бескомпромиссную борьбу с противником, используя при этом все имевшиеся возможности.

С другой стороны, новейшая историография, материалы доступных ныне архивных фондов как у нас в стране, так и за рубежом свидетельствуют о том, что ни Польша, ни СССР не имели достаточных материальных и иных ресурсов для агрессии, хотя и готовили свои войска к возможной вооруженной схватке. Польша на международной арене целенаправленно пыталась сколотить антисоветскую коалицию с Латвией, Литвой, Финляндией и Румынией. Предпринимались попытки объединить под своей эгидой военное планирование и его разведывательное обеспечение на случай весьма вероятных, по мнению польских политиков и военных, наступательных действий со стороны Советского Союза. Опасаясь удара с советской стороны и вероятной поддержки его действиями германских войск, Польша настойчиво совершенствовала свои вооруженные силы и специальные службы, тратила огромные финансовые средства на оснащение войск новыми видами техники и вооружения, обращала серьезное внимание на разведывательно-подрывную деятельность в СССР, оценивая его как своего главного вероятного противника.

Польская пресса целенаправленно работала над демонизацией руководства СССР, настойчиво вбивала в умы поляков мысль о подготовке Красной армии к броску на Запад. Практически ежедневно в центральных и местных газетах появлялись публикации о подрывных действиях со стороны советского государства и Коминтерна.

Польское руководство стремилось проводить политику «равного удаления» от Москвы и Берлина, поэтому маневрировало, несколько приближаясь то к одной, то к другой стороне в зависимости от обострения обстановки на восточной или западной границе. А отсюда в руководящих кругах СССР рождались обоснованные подозрения относительно возможного плана Польши развязать военные действия против нашей страны. Дипломатические маневры оценивались лишь как прикрытие реальных замыслов.

Чтобы вовремя определить «критическую точку» напряжения во взаимоотношениях с СССР и Германией, польское правительство стремилось иметь как можно больше реальной политической, военной и экономической информации, направляя острие своих спецслужб на Красную армию и флот, на советскую оборонную промышленность и транспорт.

Сказанное здесь с полным основанием можно отнести и к СССР. К примеру, чего только стоила добытая советскими спецслужбами информация о действиях польской разведки по созданию и руководству так называемым «прометейским» движением, нацеленным на развитие сепаратистских организаций в СССР с целью развала нашего государства. В «прометейских» структурах, действовавших под контролем и при финансовой подпитке со стороны польской разведки, большинство составляли националистически настроенные эмигранты из Украины, Белоруссии, Северного Кавказа и Закавказья⁷⁰. Обо всем этом читатель подробно узнает из прилагаемой к монографии специальной статьи.

Несмотря на возможные возражения некоторых историков спецслужб, нацеленных только на прославление своих структур, рискнем предположить, что именно недостаточно эффективная работа разведывательных служб по добыванию необходимой принимающим решения инстанциям информации и вполне успешная деятельность контрразведок порождали взаимные страхи. Это относится и к Польше, и к Советскому Союзу. В 1920–1930-е гг. провалов в агентурно-оперативной работе было немало у нас, и у поляков.

Таким образом, можно уверенно говорить о настойчивом формировании на протяжении всего межвоенного периода образа врага с обеих сторон – как в Польше, так и в СССР. Взаимные страхи перед очевидной, казалось бы, подготовкой агрессии с неизбежностью приводили к усилению разведывательно-подрывной и контрразведывательной деятельности двух соседних государств.

2. Структуры и люди спецслужб в период «условного мира».

Польская сторона. 1921–1939 годы

После заключения перемирия с советскими республиками и начала вслед за этим (в сентябре 1920 г.) процесса мирных переговоров в Риге руководство польских вооруженных сил продумывало варианты реорганизации своих спецслужб: разведки, контрразведки и политической полиции. Было понятно, что границы – это не фронтовая линия, которая менялась в зависимости от военных успехов одной или другой стороны и зачастую прерывалась на разных участках, создавая бреши, позволяя противнику проникать в тыл своих войск. Что уж говорить в этой ситуации о неприятельских шпионах и диверсантах. В новых условиях возникала необходимость создавать пограничную охрану и организовывать агентурную сеть в прикордонье с целью выявления попыток нелегального проникновения разведчиков и контрабандистов с сопредельной стороны в пограничную зону и далее – в глубь страны. Высшему государственному руководству Польши предстояло принимать решения об организации дипломатических, консульских и торговых представительств в столице РСФСР и некоторых крупных городах Белоруссии и Украины. Остро стоял вопрос репатриации польских граждан, реэвакуации культурных ценностей и некоторых промышленных объектов. Для этих целей требовалось направлять соответствующие комиссии на территорию бывшего военного противника, устанавливать связи со многими государственными и общественными организациями, вовлекать в процесс взаимодействия многих советских граждан. Приходилось учитывать и факт заключения в 1920 г. мирных договоров РСФСР с Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой. Практически все эти обстоятельства влияли также и на дальнейшие действия с нашей стороны.

Как известно, 12 октября 1920 г. в Риге был подписан «Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой». После достаточно трудных переговоров 18 марта 1921 г. там же, в Риге, состоялось подписание уже мирного договора, положившего конец войне между Польшей и советскими республиками (Россией, Белоруссией и Украиной). Российский историк Г.Ф. Матвеев вполне справедливо заметил, что на восточном проекте Пилсудского был поставлен жирный крест. Польша получила общую границу не с союзными ей

Литовско-Белорусской и Украинской республиками, а с БССР, УССР и Литвой с их территориальными претензиями к соседу. Кроме того, в составе Польши оказались территории, населенные миллионами украинцев и белорусов, не желавших быть ассимилированными⁷¹.

В связи с переговорами в Риге отмечу один небезыңтересный факт. Делегация советских республик состояла из 44 человек, в то время как польская насчитывала первоначально 57, а затем 80 членов и разного рода консультантов⁷². Как следует из отчета руководителя латвийской политической полиции В. Алпса от 18 января 1921 г., вместе с польской делегацией приехала большая группа жандармов. «Изначально они пытались, – писал он, – получить информацию через латвийскую политическую полицию, которой было сложно отказать полякам, учитывая дружеские взаимоотношения. Однако вскоре стало ясно, что сотрудники польской жандармерии на этом не останутся. Они начали работать самостоятельно, пользуясь услугами находившегося в тот момент в отпуске сотрудника политической полиции Вацвагарса... Деятельность польской жандармерии в Латвии начала приносить вред государственным интересам, поскольку поляки начали устанавливать прямые контакты с представителями большевистской России, не ставя при этом в известность политическую полицию Латвии... они провоцировали различные события, нацеленные на ухудшение латвийско-российских и даже латвийско-эстонских отношений...»⁷³

Процитированный выше документ привел в своей статье латвийский историк Э. Екабсонс, который задался вопросом: что делали польские контрразведчики и разведчики в Риге во время переговоров? Частично он сам и отвечает – работали в контакте со своими латышскими коллегами, не ставя об этом в известность политическую полицию Латвии. Ведь известно, что еще с осени 1919 г. штаб главнокомандующего латвийской армии регулярно передавал разведывательную информацию о большевистских войсках польскому военному представителю в Риге майору А. Мышковскому. Летом 1920 г. последний создал в Латвии собственную разведывательную сеть (резидентура «Дор»), которая в начале августа сумела добыть важные сведения о направлении ударов Красной армии на польском фронте⁷⁴. Польский военный представитель добился разрешения латвийского Генерального штаба и отправил в Москву своего агента в качестве сотрудника дипломатической миссии Латвии, а добытые материалы этот агент мог пересылать дипломатической почтой. Латвийский историк утверждает, что польской стороне латыши передавали копии депеш, получавшихся и высылавшихся

советской делегацией посредством телеграфа. Э. Екабсонс нашел подтверждение этому в Государственном архиве Латвии. Там сохранились полностью или частично расшифрованная переписка руководства и членов делегации с Москвой, инструкции наркома иностранных дел РСФСР Г. Чичерина и даже личная переписка членов советской делегации⁷⁵. Так начиналось сотрудничество разведок соседних с нашей страной государств. Это направление работы получило значительное развитие в последующие годы.

В июне 1921 г. польское руководство осуществило крупную реорганизацию своих спецслужб с учетом наступления мирного времени. Верховное главнокомандование было переименовано в Генеральный штаб (ПГШ). В его составе создали разведывательную службу как основное подразделение 2-го отдела⁷⁶. Начальник ПГШ 10 августа 1921 г. утвердил «Инструкцию по организации разведки в России». В ней были заложены организационные принципы функционирования спецслужбы. Согласно инструкции, вся территория нашей страны делилась на районы, которые покрывали резидентуры двух типов: под литерой «А» (создавались в приграничных с РСФСР, Белоруссией и Украиной государствах и собственно на польской территории) и под литерой «Б» (непосредственно на советской территории). На 1921 г. уже имелись разведывательные аппараты первого типа в следующих городах: 1) в Гельсингфорсе (отвечал за работу по Петроградскому военному округу, частично по Балтийскому флоту и по центральным учреждениям в Москве); 2) в Ревеле (проводил разведку на территории Петроградского ВО, работал по Пскову и Великим Лукам и, по мере возможностей, в Москве); 3) в Риге (собирал сведения по Петроградскому ВО, Западному фронту и в Москве); 4) при штабе 2-й армии, позднее в Вильно (экспозитура № 1, объект разведывательных интересов – Западный фронт); 5) во Львове (экспозитура № 5, нацеленная на Киевский ВО); 6) в Кишиневе (интересовалась Киевским ВО); 7) в Константинополе (вела разведку в южной части Украины и на Кавказе). В иностранных государствах разведывательные резидентуры функционировали, как правило, при аппаратах военных атташе и возглавлялись последними.

К середине 1930-х гг. польская разведка создала свои резидентуры еще в нескольких странах. В РГВА сохранился перечень и краткий обзор деятельности экспозитур в Багдаде, Бухаресте, Вене, Каире, Лионе, Париже, Праге, Риме, Стамбуле, Тегеране и Харбине⁷⁷. Основной их задачей была работа против СССР. В польской столице функционировала экспозитура № 2. Она занималась

изучением и контролем за конспиративной деятельностью русских эмигрантских организаций, находившихся в Польше, и тех, которые работали в других странах, но свои операции осуществляли через польскую границу. Одно направление работы экспозитуры № 2 выделю особо – это организация так называемого «прометеийского» движения – она курировала эмигрантские группы украинцев, грузин, выходцев с Северного Кавказа и Средней Азии, направляя их сепаратистскую активность внутрь СССР.

Как пример приведу сведения из докладной записки Особого отдела ОГПУ от 10 октября 1931 г. В этом документе отмечалось, в частности, что партия «Мусават» (тюркская демократическая партия федералистов, ставившая своей задачей создание независимого Азербайджана) играла значительную роль в организации повстанческих проявлений в Закавказье, участвовала в проведении разведывательной работы в пользу Турции и Польши. Это выяснилось из перехваченной Иностранным отделом ОГПУ переписки одного из лидеров Заграничного бюро ЦК партии «Мусават» – М. Расул-Заде с советником польского посольства в Турции⁷⁸. На основе имевшихся материалов аналитики чекистского ведомства докладывали руководству следующее: «Продолжающееся в течение нескольких лет сближение мусаватистов с поляками привело в настоящее время к такому положению, когда фактически нет мусаватской контрреволюционной работы без разведывательной работы в пользу Польши, нет ни одного мусаватиста, который бы, приезжая из-за границы для связи с мусаватистским подпольем, не осуществлял бы одновременно шпионажа в пользу польского правительства... Поляки в своей политике, направленной к раздроблению СССР, вообще ориентируются на тюрков»⁷⁹. Близкий соратник Пилсудского по Польской организации войсковой, главный идеолог и вдохновитель работы польской разведки по линии «прометеизма» Т. Голувко, отстаивая необходимость увеличения ее финансирования, говорил следующее: «Эти расходы сравниваются по важности с расходами на увеличение вооружения польской армии, ибо в нужный момент вооруженное выступление кавказских и украинских народов... против России отвлечет часть сил последней, тем самым усилив мощь Польши»⁸⁰. Именно к разведывательно-подрывной работе, включая организацию восстаний, и готовила «прометеистов» 2-я экспозитура ПГШ на протяжении 1920–1930-х гг.

За исследуемый период центральный аппарат военной разведки Польши серьезно реформировался несколько раз. Не буду вдаваться в подробности происходивших изменений, так как все это

подробно описано польскими историками А. Пеплоньским, А. Мисюком, К. Краем⁸¹. Причем двое последних опубликовали свои исследования и в переводе на русский язык, поэтому с ними могут свободно ознакомиться все интересующиеся читатели. В связи с этим отметим лишь наиболее существенные из организационных мероприятий.

Итак, в 1921 г. после окончания советско-польской войны в реферате центральной агентуры были созданы географические подрефераты «Б-1» «Восток» и «Б-2» «Запад». На обязанности первого лежала организация разведки в РСФСР, Белоруссии и на Украине, а также в Литве. Понятно, что советские республики являлись главным врагом Польши, и поэтому на ведение разведывательно-подрывной деятельности против них выделялось наибольшее количество финансовых средств и кадровых ресурсов. Так, начальник разведки 2-го отдела ПГШ майор И. Матушевский ассигновал в 1921 г. на работу на востоке 120 тыс. польских крон, а на все западное направление – лишь 57 тыс. крон⁸². Кроме подреферата «Б-1», разведывательную работу на восточном направлении вели подрефераты «Б-3» и «Б-4». Для этого они использовали территорию балтийских государств и юга Европы. По утверждению профессора А. Пеплоньского, эти подразделения разведки имели свои резидентуры в Риге, Ревеле, Гельсингфорсе и Белграде⁸³.

Реалии разведывательной работы показали, что необходимо сконцентрировать усилия по советской линии. Поэтому подрефераты «Б-3» и «Б-4» вскоре ликвидировали, и все их резидентуры подчинили подреферату «Б-1» «Восток». Кроме данного подразделения, в основном на советские республики был нацелен 2-й реферат разведывательного отделения 2-го отдела ПГШ (реферат «А»). Небезынтересно отметить и то, что его структурная единица – подреферат «А-1» – отвечал за проведение диверсионных акций на военных, промышленных объектах и транспорте, осуществлял подготовительные мероприятия на случай новой войны с нашей страной⁸⁴. Для этих целей польские разведчики создали особую лабораторию по изучению и применению ядов, бактериологических препаратов, проводили эксперименты в области боевых отравляющих веществ⁸⁵.

Деятельности польской разведки в СССР способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, наличие по обе стороны границы большого количества поляков, знавших русский, украинский и белорусский языки. Во-вторых, наличие разведывательной базы в лице поляков, проживавших в СССР, сплоченных на религиозной, наци-

оналистической и культурной основе. Исследователи истории советско-польских отношений подсчитали, что после Октябрьской революции на территории нашей страны оставались проживать от 2,5 до 4 млн поляков⁸⁶. В-третьих, большое количество поляков имелось среди командного и политического состава РККА, работников партийных органов, в военной промышленности и даже в органах государственной безопасности СССР. Многие из них были допущены к сведениям, составляющим военную и государственную тайну. К примеру, на 1923 г. 17% представителей высшего состава являлись поляками по национальности⁸⁷. И этот процент лишь ненамного изменился к середине 1930-х гг.

Несмотря на предпринимаемые по линии советской контрразведки меры, поляки добывали большой объем военной информации, особенно о дислокации воинских частей в приграничных округах, передвижениях войск, оснащении их новой военной техникой. Одной из причин безнаказанности польской агентуры в 1921–1922 г. являлась слабость войсковой охраны и оперативного прикрытия наших западных границ. Ошибочным, на наш взгляд, было решение о закреплении за приграничными губернскими чрезвычайными комиссиями соответствующих участков границы. Дело в том, что в 1920-м и первой половине 1921 г. вся ответственность за политическую охрану границы лежала на едином чекистском органе – Особом отделе окружного уровня, который был обязан своевременно обобщать и анализировать всю необходимую информацию, вырабатывать единую тактическую линию работы на границе и в прилегающих районах⁸⁸.

Следующая реорганизация 2-го отдела ПГШ произошла в октябре 1923 г. Ее предложил подполковник М. Байер, который руководил этим аппаратом уже более года и за этот период смог определить имеющиеся организационные слабости⁸⁹. В основном это касалось системы связи с резидентурами, ускорения процесса получения Варшавой добытого разведывательного материала. По договоренности с МИД эти материалы стали пересылать дипломатической почтой. Каждый вторник в польскую столицу приезжал курьер МИД, и уже в четверг он возвращался в Москву. Он забирал почту из Москвы, Петрограда и Новониколаевска. По дороге он заезжал в Минск. Независимо от этого курьера корреспонденцию стали возить и посланцы Репатрационной комиссии, а также ее отделений в Харькове, Одессе и Киеве⁹⁰. Изменения коснулись и контроля за деятельностью резидентур, который стал осуществляться путем выезда на места опытных сотрудников центрального аппарата разведки.

После переворота, осуществленного Пилсудским в мае 1926 г., произошла не планировавшаяся ранее и более масштабная, чем предыдущая, реорганизация 2-го отдела ПГШ. Прежде всего отмечу, что были заменены практически все руководящие кадры. Вместо «умеренного» противника СССР подполковника М. Байера и сменившего его на короткий период времени абсолютно бесцветного и ничем не зарекомендовавшего себя в разведке подполковника Е. Блешиньского-Ферек на должность начальника 2-го отдела в ноябре назначили Тадеуша Шетцеля. Он начал работу в спецслужбах еще в 1918 г., когда возглавил 2-й отдел командования Генерального округа в Люблине. Затем руководил разведкой на Украине, а с 1920 г. уже работал в центральном аппарате 2-го отдела ПГШ. В характеристике на Шетцеля его начальник в начале 1920-х гг. отмечал: «Очень хороший офицер-разведчик. В работе неутомим и систематичен. Исключительно вдумчиво и грамотно решает порученные ему задачи. Из числа известных мне офицеров разведки майор Шетцель отличается наиболее глубокой мудростью и идейностью...»⁹¹

Работая военным атташе в Турции, будущий начальник 2-го отдела ПГШ многое сделал для объединения эмигрантов из Закавказья и с Северного Кавказа, консолидировав их сепаратистскую и разведывательную деятельность против СССР⁹². Высокопоставленный сотрудник польского МИД Т. Голувко, ознакомившись в июле 1926 г. с проделанной в Турции «прометейской» работой, оценил ее очень высоко, указав в своем отчете на особую роль военного атташе. «Поставленная передо мной задача, – писал Голувко, – была выполнена. Однако в самом начале я должен отметить и подчеркнуть, что во всем этом заслуга принадлежит почти исключительно полк. Шетцелю, который в течение последнего года сосредоточил в своих руках все связи с кавказской эмиграцией, находящейся в Константинополе, и завоевал в ее среде всеобщее доверие и симпатию. Полковник Шетцель так сильно продвинулся в этой кропотливой работе, что мне оставалось только помочь ему ее завершить»⁹³. Нисколько не сомневаясь в оценках реально проделанной польским военным атташе подрывной работы, отмечу при этом отрядный для нашей страны факт – советская разведка и контрразведка обладали возможностями тщательно отслеживать действия Шетцеля и его последователей и не допустили проведения каких-либо серьезных сепаратистских акций на территории СССР⁹⁴.

Находясь на посту начальника 2-го отдела ПГШ, Шетцель настойчиво внедрял в сознание подчиненных мысль о том, что раз-

ведчики принадлежат к определенной политической и военной элите страны, укрепляя тем самым мотивацию к более эффективной работе на благо Польши. Заменяв многих руководителей подразделений, он практически не тронул кадры среднего звена и рядового состава. С целью повышения качества актуальной информации для правительственных инстанций из рефератов «Б-1» и «Б-2» были выделены и усилены аналитические подразделения, получившие соответственно и названия: «Россия» и «Германия». Проведенные организационные и кадровые изменения в определенной степени способствовали устранению параллелизма в работе некоторых подразделений. Амбиции отдельных руководящих офицеров удалось пригасить и направить их деятельность на решение общих задач.

Одним из главных достижений Шетцеля явилось то, что ему удалось реализовать на практике намерения Пилсудского взять в свои руки непосредственное руководство деятельностью спецслужб. Как отмечает польский историк А. Мисюк, «постепенно, в соответствии с пониманием Пилсудским существа и роли разведывательной деятельности, принадлежность 2-го отдела к Генеральному штабу становилась номинальной. Главный инспектор Вооруженных сил (Пилсудский. – А.З.) стал все больше влиять на решение вопросов, касающихся разведки»⁹⁵.

Результатом конкретных шагов Шетцеля в организационно-кадровых вопросах должно было стать повышение эффективности разведдеятельности. И признаки этого, как казалось, уже начали появляться. Однако в 1927 г. случилось событие, которое похоронило многие надежды. И произошло оно не в Польше, а, как это ни покажется странным, в стане «главного врага» – в СССР. Одна из крупнейших операций ОГПУ, известная под названием «Трест», потерпела провал. Некоторые направления этой разработки советской контрразведки имели отношение к Польше, Генеральный штаб которой длительное время снабжался специально подготовленной дезинформацией о нашей промышленности, транспорте и Красной армии. Далее я подробнее остановлюсь на этой операции, а пока лишь приведу фрагмент найденной мною в архиве ФСБ России докладной записки от 18 апреля 1927 г. начальника КРО ОГПУ А. Артузова руководству органов госбезопасности о целях легенды «Трест». В документе, в частности, отмечалось следующее: «Посредством проработанных материалов о Красной армии (специально организованным для этой цели при Разведупре РВС отделением) [удалось] дезориентировать разведку противника в

желательном для Рев. Воен. Совета направлении... К настоящему моменту, как видно из сводок ген. штабов Польши, Франции, Германии, Эстонии и Японии, – сведения этих штабов о Красной армии составлены почти исключительно на основании дезориентировочных материалов Разведупра»⁹⁶. Многие из того, что делалось против Польши в рамках операции ОГПУ, рассказал бежавший весной 1927 г. в Финляндию основной агент в деле «Трест» – Оперпут.

Компрометация многих разведывательных резидентур привела к ревизии их деятельности за несколько лет. Проверка проводилась очень тщательно и фактически закончилась только к концу 1928 г. Результат проверки был ожидаемо отрицательным. Такой удар по репутации и дееспособности польской разведки подорвал до того казавшиеся незыблемыми позиции начальника 2-го отдела ПГШ полковника Шетцеля и побудил военно-политическое руководство Польши приступить к новой реорганизации основной спецслужбы. Причем на этот раз перестройка коснулась не только и не столько центрального аппарата польской разведки, сколько территориальных экспозитур и агентурных сетей, работавших против СССР. На это потребовалось достаточно много времени и финансовых средств.

В начале января 1929 г. полковник Шетцель покинул свой пост. В это же время был заменен и капитан М. Таликовский, руководивший в течение нескольких лет рефератом «Б-1», то есть всей разведкой против нашей страны. В ходе реорганизации 2-го отдела реферат «Б-1» как его структурное подразделение также подвергся реформированию, и в конечном итоге в апреле 1929 г. создали реферат «Восток»⁹⁷. Первым начальником этого реферата стал ротмистр А. Недзинский, которого вскоре сменил майор С. Ганно, имевший устойчивые связи с отдельными «активистами» из числа русских эмигрантов. После некоторого перерыва в контактах польской разведки с русскими эмигрантскими организациями, вызванного прежде всего раскрытием «Треста», именно майор Ганно установил «договорные» отношения с начальником VI отдела «Русского общевойскового союза» (РОВС) генералом В. Харжевским. Однако начальник реферата «Восток» выдвинул жесткие условия: помощь польской разведки заключалась теперь только в организации переброски агентов РОВС через границу и то только тех, чьи задания будут полностью известны 2-му отделу ПГШ. Вполне естественным был и сбор агентами РОВС разведывательной информации в интересах Польши⁹⁸.

Кадровым перестановкам предшествовало существенное увеличение финансирования разведывательной деятельности в СССР.

На восточном направлении были сконцентрированы значительные средства. В 1928 г. около 40% всех бюджетных расходов 2-го отдела ПГШ приходилось на реферат «Б-1» и подчиненные ему экспозитур (№ 1 в Вильно и № 5 во Львове)⁹⁹.

Майор Ганно оставался на своей должности до 1932 г., когда был заменен поручиком (позднее капитаном) Е. Незбжицким. Последний руководил работой на восточном направлении до начала Второй мировой войны в 1939 г. Он имел незаконченное высшее юридическое образование, с сентября 1918 г. состоял в Польской организации войсковой, руководил диверсионными отрядами в Виннице и Проскурове. В 1920–1921 гг. возглавлял разведывательную работу на территории Советской Украины. Окончив в 1922 г. центральную пехотную школу, проходил службу в войсках, а затем в аппарате Бюро Военного совета. На территории Советской Украины Незбжицкий вновь появился в августе 1928 г. Как владеющего русским языком и знающего местные условия его через МИД Польши назначили секретарем консульства в Киеве. Это была должность прикрытия. А на самом деле он являлся руководителем резидентуры польской разведки с криптонимом «Днепр» (позднее «О-2»). Резидентура подчинялась непосредственно 2-му отделу ПГШ, а основным объектом ее изучения являлись Киевский военный округ и его командные кадры. В отличие от других резидентов на территории СССР, Незбжицкий получал дополнительные финансовые средства на разведку и оплату агентуры, что указывало на особую важность его деятельности и личную значимость в системе спецслужб.

Можно предположить, что к моменту прибытия резидента в Киев ОГПУ уже имело о нем необходимую информацию от агентов Контрразведывательного и Иностранного отделов в польских спецслужбах. Такие агенты реально были. Достаточно ознакомиться с донесением агента резидентуры ИНО ОГПУ в Варшаве (источник «№ 68») с обзором деятельности 2-го отдела Генерального штаба польской армии, чтобы убедиться в разведывательных возможностях нашего секретного сотрудника¹⁰⁰. В середине 1920-х гг. на связи у руководителей КРО ОГПУ имелись два особо ценных агента – «№ 5» и «№ 6», которые могли давать и давали сведения о шпионской работе поляков на территории СССР.

Исходя из вышесказанного становится понятным, почему Незбжицкий фактически с самого начала работы в Киеве был взят в разработку украинскими чекистами. В конце декабря 1930 г. польского разведчика задержали на конспиративной квартире при получении

«секретных» материалов от подставленного ему нашего агента. Провалившегося резидента объявили персоной «нон грата» и выслали из СССР¹⁰¹. Высланы были и все его подчиненные – оперативные сотрудники 2-го отдела ПГШ. А их реальные агенты из числа советских граждан подверглись аресту, предстали перед судом и понесли заслуженное наказание. О шпионской деятельности польских «дипломатов» появились статьи в украинских газетах. Однако все это не только не помешало карьерному росту Незбжицкого, но даже способствовало назначению его начальником реферата «Восток». Еще до занятия этой должности Незбжицкий (от имени руководства польской разведки) установил, а с новой должностной позиции развивал контакт с разведкой Великобритании¹⁰². Причем основным объектом совместного интереса спецслужб, конечно же, стал СССР.

Являясь польским националистом, Незбжицкий ненавидел нашу страну и вообще русских. Свое русофобство и антисоветские убеждения он сохранил до последних дней жизни. При всем при этом начальник реферата «Восток» был умным, профессионально подготовленным противником советской контрразведки. Нельзя не отметить, что в ряде случаев он добивался успехов в плане добывания текущей информации по некоторым вопросам состояния Красной армии, военной промышленности, транспорта и развития внутривосточной обстановки. В то же время Незбжицкий реально оценивал возможности чекистов по противодействию польской разведке и призывал своих подчиненных, а также и коллег, не обольщаться отдельными удачными операциями. О таком подходе к оперативной деятельности на восточном направлении свидетельствует его выступление на совещании начальников разведподразделений Корпуса пограничной охраны (КОП) в марте 1934 г.

Стенограмма этого совещания имеется в моем распоряжении, и вот некоторые тезисы, озвученные Незбжицким: 1) по сравнению с 1932 г. в экспозитурах № 1 и № 5 (в Вильно и Львове) отмечено общее снижение результатов агентурной работы; 2) нельзя говорить о наращивании наших возможностей по добыванию необходимой информации, превалируют случайные донесения агентов; 3) проведенная в СССР паспортизация резко ограничила передвижение агентуры по разведываемой территории, закрепление ее в промышленных центрах и в местах дислокации крупных военных гарнизонов; 4) высылка советскими властями некоторых категорий граждан («лишенцев» по терминологии польских разведчиков) из приграничных районов резко сузила информационные возможно-

сти и сократила вербовочную базу для реферата «Восток» и разведки КОП; 5) усиливаются меры по защите секретов в военной и промышленной областях; 6) стало невыгодным использовать, казалось бы, реальные разведывательно-подрывные возможности русской белогвардейской эмиграции. Как выяснилось, большинство ее представителей инфильтровано агентурой ОГПУ или даже создано им как некие ловушки для иностранных спецслужб. В качестве примера Незбжицкий привел «Братство русской правды» (БРП) и «Молодую Россию»¹⁰³. Надо сказать, что начальник реферата «Восток» был недалек от истины. Перечисленные им сложности в работе против СССР действительно явились результатом проведения ряда мероприятий в общегосударственном масштабе и непосредственно в оперативной сфере по линии советской разведки и контрразведки. И замечу, что преодолеть изложенное Незбжицким не удалось до конца его работы на посту начальника реферата «Восток», то есть до конца существования самой Польской Республики.

Практически сразу после окончания советско-польской войны наряду с созданием резидентур в сопредельных с Советской Россией, Украиной и Белоруссией государствах польская разведка начала разворачивать работу с позиций дипломатических и иных представительств в таких городах, как Киев, Минск, Москва, Одесса, Петроград, Тбилиси и Харьков. Уже в апреле 1921 г. в составе польской Репатрационной комиссии в нашу столицу прибыли сотрудники 2-го отдела ПГШ капитаны М. Котвич-Добжанский и С. Беганский. Официально они руководили отделом военнопленных, а реально занялись созданием резидентуры, которая получила криптоним «U-6» (с бюджетом 150 тыс. польских марок). Область ее деятельности охватывала территорию Московского, Кавказского и Западного военных округов. При выезде в Новониколаевск (Новосибирск) Котвич-Добжанский организовал там резидентуру «Бурский», однако она просуществовала недолго – лишь до конца 1921 г.¹⁰⁴

Большие надежды по развитию разведывательной работы 2-й отдел возлагал на прибывшего в Москву в качестве военного атташе подполковника Р. Воликовского. Интересно отметить, что порождало эти ожидания. Воликовский с детства связал свою судьбу с русской армией – он поступил и успешно завершил учебу в Ярославском кадетском корпусе. Затем продолжил военное образование в Алексеевском военном училище, которое окончил по первому разряду. Достойной службой в войсках и храбростью, проявленной в боях во время Первой мировой войны, он заслужил в 1916 г. право

поступления на ускоренные курсы Академии Генерального штаба. К этому времени штабс-капитан Воликовский уже получил несколько орденов и был удостоен высшей награды дореволюционной России – ордена Святого Георгия¹⁰⁵. Осенью 1917 г. по настоянию офицера его переводят по службе в формирующиеся польские воинские части, а конкретно – в штаб 1-го польского стрелкового корпуса генерала Довбор-Мусницкого. В апреле – мае 1918 г. Воликовский продолжает службу уже в рядах Красной армии в Петрограде и Москве и участвует в подпольной деятельности польской националистической организации. По указанию последней он выезжает в Сибирь, чтобы возглавить формирование 5-й польской дивизии из контингента бывших военнопленных австро-венгерской армии. В ставшую уже независимой Польшу Воликовский возвратился в середине 1919 г. В качестве начальника штаба 5-й армии он участвовал в советско-польской войне. Все сказанное выше, особенно наличие связей среди бывших царских офицеров, оказавшихся в Красной армии, и предопределило назначение в 1921 г. подполковника Воликовского на должность первого военного атташе в Советской России.

На посту руководителя военного представительства он оставался два года, хотя уже через несколько месяцев пребывания Воликовского в Москве чекисты выявили ряд подозрительных контактов самого подполковника и некоторых его подчиненных. Так, в сентябре 1921 г. Особый отдел ВЧК задержал при встрече с информатором работника канцелярии военного атташе Ю. Стжелецкого. Только после настойчивых обращений польского дипломатического представительства в Наркомат иностранных дел провалившийся разведчик был освобожден и выслан из страны¹⁰⁶.

В конце 1923 г. после необходимой оперативной разработки КРО ОГПУ был арестован личный агент польского военного атташе – помощник главного редактора редакционной коллегии Главного управления учебных заведений Красной армии С. Дзюбенко. В ходе расследования его преступной деятельности выяснилось следующее: будучи бывшим полковником колчаковской армии и лицом, настроенным резко против советской власти, он весной 1922 г. познакомился с Воликовским. Целью знакомства являлось получение разрешения на выезд в Польшу по каналу оптации. Для этого Дзюбенко готов был секретно сотрудничать с польской разведкой, добывать для нее военные сведения и выполнять другие задания. Как указано в газетной публикации по делу Дзюбенко, он в декабре 1922 г. по подложным документам выезжал в Харьков и су-

мел добыть там секретные документы Украинского военного округа – комплект приказов за 2 месяца. По возвращении он передал материалы военному атташе Воликовскому. Чтобы не подставлять последнего под возможный чекистский удар, помощник польского ВАТ капитан Котвич-Добжаньский взял Дзюбенко к себе на связь и направил агента в Ростов-на-Дону. Там, используя старых знакомых, Дзюбенко достал приказы по 1-й Конной армии. Убедившись в надежности агента, Добжаньский дал ему задание – открыть в Москве книжный магазин под названием «Военно-техническое образование». Магазин должен был служить явочной квартирой польской разведки и давать возможности Дзюбенко заводить новые связи с командирами Красной армии для получения в последующем от них разведывательной информации. В феврале 1924 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Дзюбенко к высшей мере наказания по части 1-й статьи 66-й Уголовного кодекса РСФСР¹⁰⁷.

В сентябре 1923 г. контрразведчики ОГПУ реализовали разработку на бывшего генерала А. Яндроловского. До ареста он состоял в должности для поручений при начальнике артиллерии Московского военного округа. Кандидатуру будущего агента подобрал капитан Котвич-Добжаньский – он был знаком с ним еще до Первой мировой войны по совместной службе в Польше. Теперь капитан являлся помощником польского военного атташе. С согласия Воликовского вербовка состоялась весной 1922 г. Яндроловский стал подписывать свои достаточно подробные сообщения псевдонимом «Краузе» и получал за это в месяц 75 золотых рублей¹⁰⁸. Затем польский агент заявил своему оперативному руководителю, что приобрел еще несколько источников информации, и просил увеличить жалованье, поскольку стал фактически выполнять роль резидента. Приказы Реввоенсовета Республики, штаба МВО, сводки о состоянии артиллерии округа и иные секретные документы потоком пошли в аппарат военного атташе, а оттуда – во 2-й отдел ПГШ. Активной шпионской деятельностью Яндроловский надеялся обеспечить себе безбедное существование в Польше, куда намеревался уехать с помощью Воликовского и Добжаньского. Насколько ценным был агент «Краузе», можно судить по переписке, сохранившейся в архиве польской разведки. Из этих документов следует, что 2-й отдел ПГШ прилагал все усилия для освобождения Яндроловского, вплоть до давления на польский МИД, подвигая последний к включению провалившегося агента в списки на персональный обмен¹⁰⁹. Но все оказалось тщетным. В газете «Правда» от 31 января 1924 г. было опубликовано решение военного трибунала о расстреле предателя¹¹⁰.

Кроме резидентуры, организованной на базе аппарата военного атташе, поляки создали разведывательную ячейку и в польском консульстве. Первым резидентом здесь стал офицер реферата «Б-1» (позднее реферат «Восток») капитан В. Михневич, работавший под псевдонимом «Владислав Михаловский». Вспоминая о том времени, он писал, что с самого начала сосредоточился только на разведывательной работе, поскольку польским консулом был известный правовед и знаток России М. Самсон-Химмельштейн, взявший на себя всю повседневную работу¹¹¹. Судя по его воспоминаниям и исходя из того, что мне не удалось найти в архиве ФСБ России каких-либо данных о шпионской деятельности «Михаловского», он действовал достаточно профессионально. Подставить ему наших агентов, видимо, не удалось, а от организованного плотного наружного наблюдения польский разведчик зачастую уходил, не давая контрразведке выйти на его связи.

Вполне успешно начал свою работу в Петрограде резидент Ю. Ляховицкий-Чехович. Так же как и в отношении многих других сотрудников польской разведки, направленных в нашу страну в начале 1920-х гг., расчет в случае с Чеховичем делался на его широкие знакомства среди бывших офицеров царской армии, оставшихся продолжать службу в Красной армии и во флоте. Сам он еще в 1916 г. поступил в Отдельные гардемаринские классы – морское училище для подготовки строевых офицеров флота. В марте следующего года окончил их с присвоением воинского звания мичман. Как установили контрразведчики, Чехович в 1918 г. арестовывался Петроградской ЧК за контрреволюционную деятельность, но каким-то образом избежал суда и скрылся¹¹². По некоторым данным, он успел поработать в организации английского военно-морского атташе капитана 1-го ранга Ф. Кроми, а потом в морской разведывательной организации под названием «ОК». Эта подпольная структура также работала на англичан. В 1919 г. Чехович некоторое время служил в советской речной флотилии в Киеве, а затем перебрался в Польшу. По данным польского историка А. Мисюка, в 1921 – начале 1922 г. Чехович возглавлял резидентуру 2-го отдела ПГШ в Кишиневе¹¹³.

Имея такой опыт разведывательной деятельности, он прибыл в Петроград в начале лета 1922 г. и приступил к работе под прикрытием должности сотрудника польской делегации по делам оптации и репатриации. Чекисты сразу обратили внимание на сотрудника делегации, который вообще не принимал участия в ее делах, зато активно восстанавливал многочисленные старые связи, устраивал

вечеринки, делал дорогие подарки. Конкретный сигнал о проведении Чеховичем шпионской деятельности пришел из Штаба морских сил – от комиссара этого штаба В.И. Зофа. Последний сообщил, что сотрудник штаба Альфред Бекман случайно встретился со своим соучеником по Отдельным гардемаринским классам Чеховичем, и тот через некоторое время предложил ему давать для поляков сведения о советском флоте. Скорее всего, именно Бекман помог контрразведчикам на начальном этапе разработки Чеховича и установил круг других лиц из числа командного состава морских сил. К сожалению, разработку пришлось свернуть после того, как в июне 1923 г. были арестованы два осведомителя Чеховича. Чекисты арестовывали их конспиративно, однако не смогли (в силу совершенной оперативной ошибки) обеспечить полную тайну. Узнав об их задержании и опасаясь негативного для него развития событий, Чехович в начале октября 1923 г. спешно покинул Петроград и больше вообще не попадал в поле зрения советских органов госбезопасности.

Скорее всего его уволили из разведки за допущенный массовый провал, так как вся агентурная сеть Чеховича была выявлена контрразведчиками, и 8 октября 1923 г. шпионов арестовали. В газете «Ленинградская правда» в нескольких номерах достаточно подробно освещался судебный процесс над начальником административной части штаба стрелковой дивизии И. Миодушевским, слушателем Высшей кавалерийской школы Г. Зелинским, бывшим гардемаринком В. Максимовым, бывшим ротмистром царской армии С. Оссовским, старшим артиллеристом линкора «Марат» А. Вердеревским и некоторыми другими агентами Чеховича. Все они были приговорены за содеянное к высшей мере наказания¹¹⁴. Поскольку Зелинский и Оссовский к моменту вынесения приговора уже находились в списке на персональный обмен, то Наркомат иностранных дел предложил в отношении них не приводить приговор в исполнение, что и было сделано. Вскоре их отправили в Польшу.

Ленинградские чекисты, руководствуясь указаниями из КРО ОГПУ, провели в августе 1924 г. операцию по разоблачению шпионской деятельности двух сотрудников 2-го отдела ПГШ. Один из них – Л. Станиславский – прикрывался должностью эксперта Резваквационной комиссии в Москве, а второй – К. Сухоневич – исполнял такую же роль в Ленинграде¹¹⁵. В ходе разработанной контрразведчиками комбинации Станиславского побудили выехать в Ленинград для встречи с «важным» агентом, а на самом деле – с подставленным полякам секретным сотрудником ОГПУ. Оба разведчика были задержаны при получении от «агента» секретных материалов о

Красной армии. Польский историк А. Мисюк, основываясь на материалах польских архивов, подтверждает провал польской разведки. Он привел дополнительные сведения о данном факте. В частности, уточнил, что «агент» работал в составе резидентуры 2-го отдела ПГШ под криптонимом «Р-7/1». Описывая данный эпизод, историк не знал, но обоснованно предположил, что «Ленинградское дело» имело для поляков серьезное значение. «В результате указанных арестов, – пишет А. Мисюк, – много разведывательных резидентур оказалось под угрозой разоблачения»¹¹⁶.

К выводу моего коллеги добавлю следующее: резидентура «Р-7/1» полностью находилась под контролем КРО ОГПУ, но чекистам пришлось «пожертвовать» одним из секретных сотрудников ради компрометации польских разведчиков. После задержания Станиславского и Сухоневича, имевших дипломатические привилегии, Наркомат иностранных дел СССР несколько месяцев вел переговоры с польским МИД по улаживанию «Ленинградского дела». В итоге поляки пошли на уступки по делу арестованных в Польше агентов резидентуры Иностранного отдела ОГПУ. Скорее всего, речь шла о поручике Багинском и подпоручике Вечоркевиче, для спасения жизни которых чекисты позднее нанесли еще и оперативный удар по руководителю ленинградского представительства комиссии Польской Республики по возвращению культурных ценностей ксендзу Б. Уссасу. Согласно материалам польской разведки, относящимся к резидентуре «Р-7/1» и выявленным мной в РГВА, Станиславский не являлся штатным сотрудником польской разведки, а только ее агентом, и подчинялся по оперативной линии резиденту Яну Зажекскому. Последний работал под прикрытием должности сотрудника консульства в Москве¹¹⁷.

Помимо крупнейших городов Советской России, польская разведка организовала свои резидентуры в Белоруссии и на Украине. Как видно из документов финансовой отчетности 2-го отдела ПГШ, резидентура в тогдашней столице Украины – Харькове – была создана в 1923 г. Ее криптоним – «А-9». Резидентом до своего перевода в Москву в 1928 г. являлся ротмистр А. Квятковский¹¹⁸. К сожалению, чекисты не смогли установить его истинную роль, а полагали, что резидентом являлся сотрудник консульства некий Курч. Как тогда чекистам представлялось, после отъезда Курча в Польшу его заменил Т. Лешнер. А вот заместителя резидента и наиболее активного сотрудника КРО ГПУ УССР определило точно – Мария Коссовская¹¹⁹. Это находит свое подтверждение в архивных материалах польской разведки. Варшавское руководство оценивало

присылаемые резидентурой сведения как полезные и ценные. О важности работы «А-9» свидетельствует тот факт, что ее корреспонденция направлялась лично начальнику реферата «Б-1». Отдел контрразведки ГПУ Украины приложил немало усилий, чтобы сковать деятельность сотрудников польской спецслужбы, работавших под прикрытием консульства. Выявление шпионской работы резидентуры осложнил переезд консульства с улицы Чернышевского на Максимильяновскую, где вести наружное наблюдение за его сотрудниками было сильно затруднено, и польским разведчикам часто удавалось уходить от чекистов. В домах напротив консульства проживали видные советские и партийные работники, включая председателя украинского Совнаркома В.Я. Чубаря и секретаря ЦК КП(б)У Л.М. Кагановича, и поэтому нанять квартиру для наблюдения не представлялось возможным. Но зато чекистам удалось подставить польским разведчикам свою агентуру и тем самым отвлекать их от поисков и приобретения реальных агентов из числа советских граждан.

Относительно первой резидентуры в Киеве в РГВА (в фондах польской разведки) сохранились только отрывочные сведения, разбросанные по разным делам. Более подробная информация имеется лишь о резидентуре «О-2», которая действовала с 1928 по 1930 г. Однако некоторые данные мне все же удалось разыскать. Можно обоснованно утверждать, что до открытия консульства в Киеве в конце 1926 г. разведывательную работу в городе и вообще на Правобережной Украине вела харьковская резидентура «А-9», поэтому киевские чекисты действовали в тесном контакте со своими харьковскими коллегами и даже добивались более значимых результатов. Так, в апреле 1924 г. был арестован польский агент – некий Венглинский. По этому поводу резидентура «А-9» завязала интенсивную переписку со 2-м отделом ПГШ и внешнеполитическим ведомством в Варшаве с целью организовать обмен арестованного агента в персональном порядке¹²⁰. В одном из документов говорилось следующее: «Помимо того, что арест произошел на месте, существуют предположения, что пан Венглинский мог иметь при себе компрометирующие материалы. При обыске у него на квартире ничего подозрительного обнаружено не было. Пан Венглинский – человек очень стойкий, обладает крепкими нервами и характером, а так как он был схвачен без “улик”, то я уверен, что он вел себя достойно и никого не выдал»¹²¹. Однако на всякий случай руководитель резидентуры «А-9» просил свое начальство обеспечить бегство за границу двум другим агентам, видимо, свя-

занным с Венглинским. Но хлопоты резидента были напрасны – контрразведчики уже арестовали нескольких шпионов из киевской агентурной сети. Их имена, упомянутые в переписке польской разведки, совпадают с именами фигурантов уголовного дела, а значит, чекисты не ошиблись, а ударили прицельно.

Поскольку это уголовное дело находится в архиве СБУ Украины и ознакомиться с ним российским исследователям практически невозможно, то приведем фрагмент из книги военного прокурора Б.А. Викторова. Он в 1950-е гг. занимался этими материалами в плане определения возможности реабилитации осужденных. Первоначально Викторов предполагал, что чекисты сфальсифицировали это дело и пострадали невинные люди. Но к какому выводу пришел прокурорский работник? «В июне 1924 года, – пишет он, – контрразведывательным отделом Киевского отдела ГПУ за шпионскую деятельность в пользу польской разведки были арестованы: Белавин Виктор Платонович, бывший генерал-майор царской армии, служивший в Красной армии, до ареста нигде не работавший; Иванов Александр Петрович, бывший поручик царской армии, с 1918 года служил в Красной армии, до ареста – начальник оперативно-строевой части штаба 45-го стрелкового корпуса КВО; Кржечковская Янина Эдмундовна, слушательница Археологического института. Расследованием и судебным рассмотрением установлено, что в конце 1923 года в Киеве резидентом 2-го отдела польского Генерального штаба Павловским, работавшим под прикрытием секретаря польского консульства на Украине, была создана шпионская организация, занимавшаяся сбором секретных сведений для польской разведки, главным образом военного характера. Руководитель этой организации Белавин лично и через завербованных им лиц собирал и передавал Павловскому интересующие польскую разведку сведения, за что получал денежное вознаграждение. По заключению экспертизы переданные сведения являлись секретными и совершенно секретными и представляли большую ценность для польского Генерального штаба. Военным трибуналом Белавин, Иванов и Кржечковская осуждены к расстрелу»¹²². Викторов подтверждает, что дело рассматривалось с участием государственного обвинителя и защиты, допрашивалось много свидетелей. В допросах последних участвовали не только члены суда, но и сами подсудимые и их защитники-адвокаты. Приговор был опубликован в печати.

Я специально привел достаточно подробный фрагмент из книги Викторова, потому что молодой украинский историк Я. Тинченко, ничтоже сумняшеся, не прибегая к скрупулезной проверке фактов,

утверждает, что дело Белавина и других сфальцифицировано. В духе «непримиримой борьбы со сталинизмом» он однозначно заявляет, что это дело является началом процесса ударов «по недобитому офицерскому корпусу»¹²³. И чтобы у читателя не осталось сомнений, приведу некоторые сведения из архива польской разведки в дополнение к тем, что уже указал выше. Так, в докладной записке (под грифом «Совершенно секретно») руководителя реферата «Восток» 2-го отдела ПГШ от 18 декабря 1924 г. прямо указано, что генерал Белавин состоит на связи у резидентуры «А-9» и консул в Киеве срочно выехал в посольство в Москву для того, чтобы добиться включения провалившегося агента в списки на персональный обмен¹²⁴. 2 апреля 1924 г. резидент «А-9» направляет шифровку начальнику реферата «Восток» капитану Таликовскому о необходимости принять меры к спасению двух агентов, находящихся на грани провала: Виктора Белавина (псевдоним «Богомилов») и Янины Кржечковской (псевдоним «Красовская»)¹²⁵. В одном только можно согласиться с Тинченко – действительно, некоторых арестованных за шпионаж лиц лично знал и протезировал им начальник штаба Киевского военного округа И.Х. Паука.

Кстати говоря, Паука пригласил на службу в штаб имевшего польские корни бывшего генерала М.В. Фастыковского, бежавшего затем (в августе 1921 г.) в Польшу. Тогда чекисты организовали специальное расследование, но, как отмечает доктор исторических наук, профессор В.И. Голдин, заслуги Пауки перед советской властью не позволили предъявить ему какие-либо обвинения. Дело пришлось замять¹²⁶. Отмечу еще один интересный, на мой взгляд, факт: генерал Фастыковский, состоя в должности для поручений при начальнике штаба КВО, занимался по указанию начштаба Пауки обследованием советско-польской границы. А Белавин после бегства Фастыковского был назначен тем же Паукой ответственным сотрудником именно пограничного отдела штаба КВО. Зря чекисты остановились в своем расследовании и не решились повнимательнее приглядеться к начальнику штаба КВО. Бездоказательно нельзя было обвинять его в пособничестве шпионажу, но и нельзя было упускать из виду то, что командующий военным округом М.В. Фрунзе на заседании Реввоенсовета Республики в апреле 1923 г. заявил о том, что иногда сведения о приказах РВСР он узнавал раньше из Польши, чем из Москвы¹²⁷. Письмо, посвященное шпионажу в штабе Западного фронта, еще в 1921 г. направил начальнику Особого отдела фронта Ф. Медведю его московский коллега – начальник 12-го спецотделения ОО ВЧК А. Артузов¹²⁸.

Как я уже отметил, польское консульство в Киеве было создано в конце 1926 г. На сегодняшний день нет информации о существовании в городе с этого же времени и резидентуры польской разведки. Вполне возможно, что крупный провал 1923 г. заставил 2-й отдел ПГШ пока обходиться без самостоятельной ячейки в местном консульстве, тем более, что Киев не являлся столицей Украины до 1934 г. Согласно материалам архива польской разведки, с 1929 г. под прикрытием консульства начала работу резидентура «О-2», непосредственно подчинявшаяся начальнику реферата «Восток». Чекисты неплохо подготовились к прибытию польских разведчиков и уже в декабре 1930 г. нанесли сокрушительный оперативный удар, закончившийся объявлением персонами «нон грата» почти всего состава резидентуры во главе с секретарем консульства и будущим начальником реферата «Восток» Е. Незбжицким. Его самого и секретаря консульства Э. Недзвецкого чекисты захватили на квартире одного из информаторов резидентуры. В данном случае хорошо сработали секретные сотрудники органов госбезопасности, в частности опытейший агент «Профессор», и служба наружного наблюдения. Более детально об этом я уже упомянул выше. Добавлю лишь оценку произошедшего во 2-отделе ПГШ: «Незбжицкий, будучи руководителем резидентуры “О-2” не соблюдал конспирации и недооценивал органы ГПУ, в результате чего почти вся агентурная сеть была арестована, а Незбжицкий был расконспирирован и вынужден был покинуть Киев»¹²⁹.

Воссоздать резидентуру в Киеве полякам удалось только в 1931 г. Это была резидентура «КГ», которая проработала пять лет, вплоть до декабря 1936 г. Первым руководителем ее стал сам консул – Г. Янковский¹³⁰. Однако уже в 1932 г. 2-й отдел ПГШ прислал своего штатного сотрудника капитана В. Михневича. Особо отмечился на посту резидента консул Каршо-Седлецкий, лично замешанный в так называемой «Афере Рана». Но не он был главным виновником произошедшего провала, а руководитель второй консульской резидентуры («Б-12») В. Михневич (псевдоним «Миткевич»). Он был отозван в Варшаву и наказан начальником 2-го отдела ПГШ. Так о чем же идет речь?

В докладной записке на имя И. Сталина от 29 мая 1936 г. заместитель наркома внутренних дел СССР Г.Е. Прокофьев сообщил о задержании в Москве при получении от агента секретных документов сотрудника киевского польского консульства Альберта Рана¹³¹. Далее заместитель наркома несколько приоткрыл существо дела. Оказывается, это была чекистская операция. Еще в январе один

из секретных сотрудников Особого отдела ГУГБ НКВД (германский подданный), находясь в отпуске, был завербован в Праге польской разведкой. После вербовки новому агенту было указано, что в Москве с ним свяжется нелегальный представитель 2-го отдела польского Генерального штаба. И вот, 28 мая неизвестный связался по телефону с нашим агентом и назначил ему встречу. При этом польский разведчик просил принести на встречу материалы, которые тому уже удалось собрать. Далее в докладной записке перечисляются документы и фотографии по новым образцам оружия и боевой технике, изъятые при личном обыске у А. Рана.

Сведения о некоторых деталях чекистской операции удалось найти в архивном уголовном деле на тогдашнего помощника начальника ОО ГУГБ НКВД СССР старшего майора госбезопасности С.Г. Гендина. Отвечая на вопросы следователя о ряде чекистских оперативных комбинаций, подследственный, в частности, показал, что операцию готовили и проводили совместно два отделения Особого отдела – польское и немецкое (их начальники в тот период соответственно В.И. Осмоловский и С.Г. Вольтинский). На первом же допросе Ран сознался в том, что он является сотрудником 2-го отдела ПГШ, а настоящие его имя и фамилия Стефан Касперский и звание – поручик. Несмотря на небольшой опыт агентурной работы, он был послан резидентом выполнять важное разведывательное задание в Москву. Касперский ехал вместо сломавшего ногу после падения из окна консульства в пьяном виде заместителя резидента ротмистра А. Стпичиньского¹³².

Многое еще мог бы рассказать провалившийся разведчик¹³³. Однако чекисты не знали, что резидент «КГ» Каршо-Седлецкий дал из Киева в Варшаву зашифрованную телеграмму с требованием реализовать разработку на одного из советских разведчиков в польской столице, чтобы поставить вопрос о персональном обмене. Так и произошло. Польские контрразведчики подвели к заместителю резидента ИНО ГУГБ НКВД (работавшему под фамилией «Соколин») своего агента и при встрече с ним задержали советского разведчика, при этом не имея на руках никаких улик. «Соколин» никаких показаний не дал, но это и не было нужно полякам¹³⁴. В итоге обмен «Соколина» на «Рана» был согласован по линии внешнеполитических ведомств и вскоре состоялся. Операция против польского разведчика «Рана» в определенной степени скомпрометировала метод проникновения в СССР путем вербовки чешских инженерно-технических работников, которые трудились на важных промышленных объектах нашей страны и даже в оборонных науч-

но-исследовательских учреждениях. Кроме того, из Киева был отозван и больше не «активничал» на советском направлении старый член ПОВ, служивший в разведке с 1918 г., опытный руководитель ряда резидентур 2-го отдела ПГШ (в Таллине, Москве и Киеве) капитан В. Михневич.

Насколько мне известно, операции против «консульских» резидентур польской разведки проводились и в Минске. Можно лишь отметить, что, согласно архивным материалам, хранящимся в РГВА, там действовали в 1920–1930-х гг. следующие резидентуры: «У-6», «Б-17», «Л-19», «М-2» и некоторые другие.

По подсчетам польского историка А. Пеллоньского, всего за период 1927–1939 г. на территории нашей страны работало 48 резидентур польской разведки, сотрудники которых прикрывались должностями в дипломатических, консульских, торговых и иных представительствах Республики Польша. Продолжительность функционирования их была различной – от нескольких месяцев до нескольких лет, как, к примеру, резидентура «Kjd» в Москве (1931–1938), возглавлявшаяся поручиком запаса Юзефом (Иосифом) Едынаком. Он был достаточно опытным сотрудником разведки: проработал непосредственно во 2-м отделе ПГШ с 1919 по 1926 г. В Москву прибыл в качестве гражданского помощника военного атташе с задачей не только руководить своей резидентурой, но и обеспечивать связь других резидентур с рефератом «Восток» 2-го отдела ПГШ в Варшаве¹³⁵. Наверное, поэтому справка, составленная по материалам архива польской разведки о работе резидентуры Едынака, по объему самая большая и достаточно информативная. Однако могу сказать и, возможно, огорчить историков польских спецслужб тем, что сам Едынак, некоторые его агенты и подчиненная ему резидентура «Р-82» (во главе с советником посольства С. Лагодой) почти весь указанный период находились под контролем ОГПУ-НКВД и на них советской контрразведкой велись дела оперативной разработки «Арбат» и «Ландыш». Объективности ради следует отметить, что главную резидентуру («Х-37», «Московский центр»), переведенную из Харькова в Москву в связи с ликвидацией польского консульства в декабре 1937 г., в отличие от других разведывательных ячеек, разрабатывать уже было практически некому. К этому времени почти все сотрудники польского отделения 3-го отдела (КРО) ГУГБ НКВД СССР были арестованы по ложному обвинению в работе на противника и по большей части расстреляны. Нашим контрразведчикам ничего не оставалось, как сковывать активность поляков путем демонстративного наружного

наблюдения и даже задержания по малозначительным поводам тех из них, кто подозревался в проведении разведывательной работы. Яркий пример тому – случай с руководителем резидентуры «А-7» майором Е. Дмоховским и его заместителем Паржевским, имевший место в августе 1938 г.¹³⁶

Кроме резидентур, действовавших под прикрытием разного рода польских представительств в нашей стране, значительную по объему разведывательную работу вели экспозитуры 2-го отдела ПГШ: № 1 – в Вильно и № 5 – во Львове. Весьма непродолжительное время существовала и экспозитура № 6 в Бресте. Наиболее эффективной считалась экспозитура № 1. Отложившиеся в архиве документы этого территориального подразделения относятся к периоду с 1921 по 1938 г. Около 75% всех материалов падает на 1921–1929 гг. Вероятно, именно в это время экспозитура действовала особенно успешно и поставляла значительный объем информации по Советской России-СССР во 2-й отдел ПГШ.

Экспозитура № 1 была создана в июне 1921 г. на базе упраздненных разведывательных отделов 3-й и 4-й польских армий и считалась периферийным органом Разведывательного бюро 2-го отдела Верховного командования Войска Польского. Первоначально в задачу экспозитуры входило ведение разведывательной работы в северо-западных районах СССР, а также в Латвии, Литве и Восточной Пруссии. Но с 1923 г. она сконцентрировала свои усилия только на нашей стране и Литве. В отличие от других экспозитур Виленская вела и так называемую «глубокую разведку», то есть охватывала территорию полосой более 250 км от границы, дотягиваясь до Ленинграда и Москвы. Но основное внимание она все же уделяла Белорусскому ВО. Экспозитура № 1 была единственной, имевшей в своей структуре некую «лабораторию специальной работы», которая, скорее всего, занималась подготовкой средств диверсионной борьбы: взрывных устройств и контейнеров с отравляющими веществами. Эта же лаборатория обеспечивала агентуру поддельными документами. Организационное отделение экспозитуры занималось созданием разведывательной сети для мирного и военного времени. Имела она и контрразведывательное отделение, а также несколько разведывательных офицерских постов, количество которых определялось 2-м отделом ПГШ¹³⁷. Практически весь период существования экспозитуры активно работали посты в Гродно, Глубоком и Молодечно. В зону ответственности в Глубоком входили Ленинградский ВО и его гарнизоны в Великих Луках, Бологом, Полоцке, Пскове и Смоленске¹³⁸. А разведывательный

пост в Молодечно охватывал территорию Западного (позднее Белорусского) ВО с гарнизонами в Витебске, Вязьме, Минске, Орше, Полоцке, Смоленске и даже предпринимал меры к проникновению в Москву¹³⁹.

Экспозитура № 1 преуспела в деле создания белорусских эмигрантских националистических организаций. К примеру, при посредничестве своих агентов из числа эмигрантов (В. Прокулевича, П. Жавриды и Тарашкевича) ей удалось сформировать «Белорусский повстанческий комитет освобождения Родины». Предполагалось, что это будет вспомогательный орган по проведению диверсий и террористических актов на советской территории. К разочарованию руководителей экспозитуры, оказалось, что в низах повстанческого комитета были сильны антипольские настроения и даже развивалась антипольская деятельность. Поэтому от такой структуры пришлось отказаться и произвести аресты некоторых лиц якобы за незаконное хранение оружия. Однако это не означало, что отдельные ячейки Комитета и конкретных эмигрантов не использовали в дальнейшем для разведывательной и иной подрывной работы.

Кроме белорусских эмигрантов, Виленская экспозитура плотно работала и с русскими, особенно савинковскими группами. В начале 1920-х гг. основной здесь была резидентура «Вильк», другое ее название – «Агентство Вильк». По моим подсчетам, основанным на списке агентуры экспозитуры № 1, общее число сотрудников резидентуры «Вильк» составляло 254 человека¹⁴⁰. Это были в основном бывшие офицеры, придерживавшиеся эсеровских взглядов. Руководил резидентурой некий Анатолий Орлянинов (Орляников-Балавенский). В задачу резидентуры «Вильк» входила глубокая разведка на территории СССР с опорой на бывших офицеров и генералов царской армии, продолжавших службу уже в РККА. Ориентировочно резидентура просуществовала до 1923 г., затем была расформирована. Конкретных ее агентов взяла на связь непосредственно Виленская экспозитура¹⁴¹. С помощью этой резидентуры полякам удалось приобрести источников информации в телеграфной роте 1-го стрелкового корпуса Красной армии в Петрограде, в губернском военкомате в Пскове, в канцелярии одного из военных штабов в Смоленске¹⁴².

Более точных данных об этом разведывательном «агентстве» в архиве не сохранилось. Но я уверен, что многое можно узнать из личных дел агентов советской разведки и контрразведки Н.Н. Крошко («Кента» – «А/З») и Н.С. Ирманова, М.Н. Зекунова («Михайлов-

ского») и Л.Н. Шешеня («Искры»), о которых уже достаточно много написано историками. Ведь они начинали свою деятельность в эмиграции именно в качестве сотрудников резидентуры «Вильк».

Помимо агентства «Вильк», экспозитура № 1 создала на советской территории связанные непосредственно с ней разведывательные резидентуры. Так, например, судя по архивным материалам польской разведки, в 1922 г. в Москве приступила к работе резидентура «Мосбюро» во главе с бывшим офицером Леоном Шуркиным, имевшим агента в Смоленске – бывшего сотрудника штаба Западного фронта Сергея Штилля, и несколько курьеров¹⁴³. В Смоленске функционировали резидентуры «Веро» и «Примус». Результаты анализа информации о «Мосбюро», почерпнутой из трофейных польских материалов, и сопоставление ее с документами из архива ФСБ России позволяют утверждать, что эта резидентура являлась мифом, поскольку практически полностью состояла из агентов советских органов госбезопасности. А «резидентом» ее был бывший офицер-кавалерист, а затем командир Красной армии Л.Н. Струков, плененный в бою в 1920 г., завербованный польской разведкой и направленный в Москву для ведения шпионской работы. Он добровольно явился в ГПУ и ответил согласием на предложение чекистов действовать против польских спецслужб. Эта операция советских контрразведчиков явилась, по сути, прологом известной теперь оперативной разработки «Синдикат-2» («С-2»), итогом которой была поимка Б. Савинкова.

Помимо резидентур на нашей территории, экспозитура № 1 имела в своем распоряжении на 1924 г. около 30 агентов-маршрутников. С их помощью собирались разного рода сведения военного и экономического характера. Но глубоко проникнуть на интересующие разведку объекты они не имели возможности.

Оперативные офицеры, в начале 1950-х гг. изучавшие трофейные материалы польских спецслужб по заданию МГБ СССР, сделали следующий вывод о работе экспозитуры № 1: «Из имеющихся документов видно, что разведывательная сеть непрерывно сокращалась, агентура была деморализована и во многих случаях перевербована советской разведкой. Деятельность разведывательных резидентур на территории СССР была очень непродолжительной. Если какая-либо резидентура и существовала в течение 2-х лет, то в конце концов первая экспозитура приходила к выводу, что эта резидентура работала с ведома советской разведки. Отсюда вытекала большая недоверчивость ко всей агентуре»¹⁴⁴.

В связи с созданием в Польше в ноябре 1924 г. Корпуса пограничной охраны (КОП) и организацией его разведывательных подразделений (в 1925 г.) в работе экспозитуры произошли существенные изменения. Постепенно были ликвидированы информационные посты в Глубоком и Молодечно, а вместо них учреждались аналогичные структуры КОП. С ними предстояло наладить взаимодействие. На практике это давалось непросто, и передача разведывательных сетей и даже части личного состава экспозитуры заняла определенное время. Однако уже в 1929 г. разведка КОП располагала 9 резидентурами на участке ответственности экспозитуры. Но представительство 2-го отдела ПГШ не упустило инициативу из своих рук, тем более, что начальник разведки КОП по оперативной линии стал подчиняться руководителю экспозитуры¹⁴⁵. Объектом разведки на советском направлении для всех разведорганов, находившихся в Вильно, стал исключительно Белорусский ВО. Такая организация польской разведки в Вильно сохранилась до 1939 г.

Наиболее активной экспозитура № 1 была в 1920-х гг., когда ее возглавлял майор Стефан Майер, а основным офицером по разведке в СССР был капитан Владимир Секунда. Правда, именно в этот период через экспозитуру в Вильно шли многие нити чекистской операции «Трест», о которой речь пойдет ниже. После расконспирации дела «Трест» капитана Секунду сняли с занимаемой должности. Кроме того, в 1925–1926 гг. поляки потеряли две резидентуры в Смоленске – «Веро» и «Примус», – которые уже долгое время полностью находились под контролем ГПУ БССР, а затем все агенты были арестованы.

Для полноты картины организационной структуры польской разведки, которая была нацелена на нашу страну, нельзя не сказать об экспозитуре № 5. Она дислоцировалась во Львове и функционировала с 1921 г. Наиболее полные данные о ней изложены Главным управлением информации Министерства национальной обороны Польши в справке от 1954 г. Ее подготовку и перевод на русский язык инициировало 2-е Главное (контрразведывательное) управление МГБ СССР, на ее основе проводились необходимые розыскные мероприятия в западных районах Украины, Крыму и на юге России. Это была зона ответственности экспозитуры № 5 до 1939 г., поэтому здесь могли проживать некоторые ее бывшие агенты, прежде всего из числа украинских националистов.

Согласно сохранившимся материалам разведки Речи Посполитой, экспозитура № 5 была создана на базе 2-го (разведывательного) отдела 6-й армии, которая в период советско-польской войны

оперировала на Украине. Как и другие территориальные органы разведки, она вела в первой половине 1920-х гг. «ближнюю» (до 250 км), а в ряде случаев и «глубокую» разведку, вплоть до Киева, Харькова, Одессы и Ростова-на-Дону. Предпринимались попытки создать резидентуру даже в Тифлисе (ныне Тбилиси). Причем агенты экспозитуры действовали независимо от резидентур, созданных в консульствах и иных представительствах. На первом этапе основную базу для развертывания подрывной и шпионской работы составляли кадры структур Польской организации войсковой в указанных и других городах, уцелевшие от оперативных ударов органов ВЧК-ГПУ.

Так же как и экспозитура № 1, львовский разведорган имел тесную связь с националистическими эмигрантскими организациями, в данном случае в основном украинскими. Разведка Украинской народной республики (УНР) полностью контролировалась поляками вплоть до начала Второй мировой войны. Факты шпионажа, вскрытые в 1920-х гг. чекистами Украины, показывают, что практически во всех случаях агенты украинских эмигрантских организаций являлись одновременно и агентами польской разведки. О чем говорить, если занимавший несколько лет должность начальника петлюровских спецслужб Чеботарев сам состоял на связи во 2-м отделе ПГШ.

В значительно большем масштабе, чем коллеги из Вильно, экспозитура № 5 занималась подготовкой на польской территории украинских вооруженных формирований и делала все для перенесения их деятельности на советскую сторону с целью развития повстанческого движения. Наиболее ярким примером тому служит создание при поддержке поляков так называемого Партизанско-повстанческого штаба (ППШ) при Главном командовании войск УНР в эмиграции. Во главе штаба стал генерал-хоружий Юрий Тютюнник. Штаб размещался сначала в Тарнове, а затем во Львове, где и находилась экспозитура № 5. По ее прямому указанию разведывательный отдел штаба развернул свои пункты на польско-советской границе. Только в 1921 г. ППШ перебросил на Украину более 900 разведчиков, диверсантов, организаторов партизанско-подпольной борьбы и десятки вооруженных групп¹⁴⁶.

Экспозитура имела и свои разведывательные посты в Тарнополье, Ровно и Кременце. В первой половине 1920-х гг. они действовали достаточно успешно и имели хорошие агентурные позиции на нашей стороне. К примеру, агентом Тарнопольского поста был секретарь военкомата в Каменец-Подольске П. Хоменко (псевдоним

«Данилевский Павел»). После того как он почувствовал интерес к своей персоне со стороны чекистов, в середине 1923 г. бежал в Польшу. За оказанные польской разведке ценные услуги был принят на службу и назначен начальником разведывательно-пограничного пункта в г. Скала¹⁴⁷. Польский шпион сумел еще до своего бегства завербовать бывшего офицера царской армии, а на 1923 г. инструктора Всеобуча Мездрикова и присвоил ему псевдоним «Аркадий Леонтьев». Этот агент был ценен тем, что ранее служил в штабе 45-й дивизии и имел хорошие связи со своими бывшими сослуживцами, через которых добывал важную для поляков информацию. Ошибки, допущенные чекистами в ходе его разработки, позволили Мездрикову перейти через границу и продолжить работу на противника. Согласно сведениям из архива польской разведки, он оставил на Украине несколько своих агентов, которых советским контрразведчикам тогда найти не удалось. Агенты экспозитуры действовали также в Виннице и Проскурове.

Скорее всего, на экспозитуру № 5 работала и шпионская группа в Одессе. Она состояла из 15 человек, и руководителем ее была Горошкина Галина. В польской разведке она фигурировала под псевдонимом «Зелинская Янина»¹⁴⁸. В отчете ГПУ Украины за 1924 г. эта шпионская группа фигурировала как «Дело Найденовой», поскольку в Одессе польская разведчица жила под этой фамилией. Разработку дела вело Особое отделение ГПУ 6-го корпуса. Одесские чекисты установили, что из польской миссии передавались Найденовой крупные денежные суммы на вербовку агентуры в штабах и воинских частях корпуса. Контрразведчики выявили следующих наиболее важных шпионов, связанных с Найденовой: начальник артиллерии корпуса, бывший генерал царской армии Комаров; Малинарий – дивинженер 51-й дивизии и Топчий – ответственный сотрудник Штаба частей особого назначения (ЧОН). Вскоре удалось раскрыть и арестовать всех 15 человек. Военный трибунал приговорил пятерых к высшей мере наказания – расстрелу, а остальные получили разные тюремные сроки¹⁴⁹.

Экспозитура № 5 активно использовала и перебежчиков как источник информации. Особый интерес представляли, конечно же, дезертиры из Красной армии. По имеющимся в моем распоряжении данным, с 1921 по 1933 г. в Польшу бежало 159 советских военнослужащих. Наиболее «урожайными» для польской разведки были 1922, 1930, 1931, 1932 и 1933 гг. (соответственно 41, 23, 13, 12 и 14 перебежчиков). И если в первые два-три года дезертиры бежали в Польшу по бытовым причинам, то в начале 1930-х гг. это были

в основном выходцы из кулацких семей, родственники которых подверглись репрессиям. Перебежчики, представившие наиболее интересную информацию, после дополнительной проверки вербовались польской разведкой для работы как на территории Польши, так и для выполнения заданий в СССР. Из списка перебежчиков, составленного экспозитурой № 5, следует, что завербовано было за 1922–1933 гг. (как самим разведорганом, так и соответствующими подразделениями Корпуса пограничной охраны) 44 человека, а из них 9 бывших советских военнослужащих позднее работали в нашей стране в качестве агентов¹⁵⁰.

Приведу пример с летчиком Р. Пржевлочким, бежавшим в Польшу в 1929 г. После того как он выдал всю известную ему информацию по авиации Киевского военного округа, Пржевлочкого завербовали и в ноябре того же года забросили в СССР со шпионским заданием. Он, в частности, должен был доставить в Польшу спрятанные одним из военнослужащих тетради с секретными записями, касавшимися советских военно-воздушных сил, и подобрать среди бывших сослуживцев лиц для последующей их вербовки польской разведкой. Сотрудники ОГПУ ждали появления агента поляков, хотя и не знали, что им будет именно Пржевлочкий.

До этого уже удалось арестовать ранее перешедшего границу и завербованного экспозитурой № 5 В. Кривомаза. До своего бегства из СССР он окончил в Ленинграде Военно-техническую школу ВВС, затем Севастопольскую школу военно-морских летчиков и далее проходил службу в 17-м авиаотряде в качестве механика. За аморальное поведение его исключили из комсомола, судили за дезертирство, но он сумел бежать и перейти границу. Поляки завербовали Кривомаза и готовили к переброске на советскую сторону с целью встречи с братом – авиатехником Новочеркасского авиаотряда с тем, чтобы убедить того работать в интересах польской разведки. А для начала Кривомазу следовало забрать у родственника незаконно хранившиеся у него тетради с секретными записями курсов лекций и иными важными сведениями. При выполнении этого задания советская контрразведка арестовала шпиона и получила от него исчерпывающие показания. По своим каналам чекисты довели до сведения руководства экспозитуры, что Кривомаз якобы был убит еще при попытке перейти границу. Расчет делался на то, что поляки пойдут на переброску другого агента для реализации задания, данного ранее Кривомазу. Так и произошло. В итоге чекисты арестовали Пржевлочкого и на этом прекратили данную оперативную комбинацию против экспозитуры № 5¹⁵¹, но одновре-

менно завели другую разработку под названием «Летчики». Во время допросов Пржевлцкий рассказал чекистам о другом агенте экспозитуры – тоже ранее бежавшем в Польшу бывшем летчике по фамилии Вуйтек. Сотрудники КРО ОГПУ и их украинские коллеги предполагали в рамках нового дела провести дезинформационные акции, направленные на сковывание разведывательной активности польской разведки¹⁵². Однако найти сведения о реализации этой операции пока не удалось.

Работа польских спецслужб была еще более усилена после неудавшейся по ряду причин попытки СССР и Польши снизить степень напряжения в двусторонних отношениях, предпринятой в конце 1930 – начале 1931 г. В циркуляре ОГПУ от 28 ноября 1932 г. отмечалось значительное укрепление польских разведывательных аппаратов в Турции, Румынии и Латвии. Они активизировали заброску агентуры в СССР. Увеличилось количество агентов, направлявшихся на нашу территорию непосредственно центральным аппаратом 2-го отдела ПГШ. Только за полгода, отмечалось в циркуляре, были разоблачены¹⁵³ 187 агентов Виленской и Львовской экспозитур. Контрразведке ОГПУ удалось вскрыть резидентские звенья поляков, имевших выходы на военнослужащих РККА, конкретных лиц из комсостава. Безусловно, исходя из нашего сегодняшнего знания политических и юридических реалий обстановки начала 1930-х гг., мы можем и должны поставить под сомнение указанные цифры. Однако если мы на порядок сократим их, то и тогда остается внушительная цифра, подтверждающая вывод чекистов об активизации польской разведки, особенно оперативно-тактической, в приграничной зоне. К сожалению, увлекшись масштабными операциями, чекисты не выявляли отдельных действительно опасных агентов. К примеру, так и не удалось раскрыть польского агента «АГЕ» из окружения секретаря ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, который давал информацию об обстановке на некоторых заседаниях Политбюро, включая то, на котором обсуждался вопрос о введении маршальских званий и давались оценки некоторым военачальникам¹⁵⁴. Агентом 2-го отдела оказался бывший секретарь И.В. Сталина Б. Бажанов¹⁵⁵. Можно предположить, что его бегство за границу было способом уйти от разоблачения.

Подытоживая сказанное в этом параграфе, подчеркну некоторые важные, на мой взгляд, особенности развития польской разведывательной службы на восточном направлении в межвоенный период. Я использую такое определение, как «условный мир», которое вполне соответствует тому, что происходило в сфере де-

тельности специальных служб. Да, открытых боевых действий с 1921 г. не велось, но тайная война только набирала обороты. Система разведывательных органов развивалась и совершенствовалась. Однако практически с первого мирного года четко обозначились три направления.

1) Создавались резидентуры под прикрытием дипломатических и иных польских представительств на нашей территории. Причем этих представительств было значительно больше, чем советских в Польской Республике. Только консульства были открыты в Москве, Петрограде, Минске, Харькове, Тифлисе, позднее и в Киеве. Разного рода комиссии и делегации работали, кроме указанных городов, еще в Новониколаевске и Одессе. Сравним с нашей стороной – консульство в Варшаве, позднее в Кракове и Львове. На большее поляки не соглашались. Комиссия по репатриации функционировала только в польской столице. И это все.

2) Разведывательные резидентуры были созданы в столицах государств, имевших общую границу с СССР, причем со спецслужбами таких стран, как Латвия, Румыния, Финляндия и Эстония, полякам удалось наладить обмен добытой по нашей стране информацией. Кроме указанных «соседей», резидентуры имелись в Турции, Китае, Чехословакии, Австрии, Италии, вольном городе Данциге и некоторых других местах. С разведкой Франции и Японии, а позднее и Англии существовали рабочие контакты именно по вопросам работы против СССР.

3) На базе разведывательных отделов армий после окончания советско-польской войны были организованы территориальные органы в виде экспозитур. В основном на советском направлении действовали экспозитуры № 1 (Вильно), № 5 (во Львове) и № 6 (в Бресте).

Активно работала экспозитура № 2 в Варшаве, которая сосредотачивала свои усилия на так называемом «прометейском движении» – всемерной поддержке сепаратистских эмигрантских организаций (украинских, белорусских, кавказских и среднеазиатских), а также создавала оперативные возможности для подрывной и шпионской работы в СССР русским белогвардейским эмигрантским структурам.

Кадровый потенциал польской разведки был достаточно высок с точки зрения общей подготовки сотрудников и их профессионального мастерства. Многие руководящие должности занимали бывшие офицеры австро-германской и русской армий, и, что было крайне важно лично для Ю. Пилсудского, они являлись многолетни-

ми членами созданной им Польской организации войсковой, имели опыт нелегальной работы и однозначно были не просто патриотами Польши, а польскими националистами. Те же, кто работал на восточном направлении, в добавок были русофобами и активными противниками коммунистических идей.

Операции, проведенные польской разведкой в межвоенный период против СССР, в ряде случаев являлись успешными. Вербовочная база для 2-го отдела ПГШ и его подчиненных структур имела обширную: большое число поляков проживало в нашей стране, и многие из них предпринимали попытки репатрироваться в Польшу, выражая готовность помогать разведчикам до своего отъезда. В первой половине 1920-х гг. сотрудники резидентур использовали свои старые связи с бывшими офицерами царской армии, поступившими после 1917 г. в РККА, и пытались (надо сказать, далеко не безуспешно) использовать их как источники информации.

Поляки пошли на создание специальных разведшкол. Чекисты установили, что в тактическом плане поляки отреагировали на высылку кулачества из районов сплошной коллективизации, прежде всего в УССР и БССР. Они приступили к вербовкам агентуры в местах ссылки кулаков с последующей переброской завербованных лиц в Польшу для обучения в разведшколах. В дальнейшем предполагалось их использование в подготовке и совершении диверсий на военных и иных объектах¹⁵⁶.

Анализ документов 2-го отдела ПГШ, его филиалов – экспозитур и резидентур – показывает, что они интересовались широким кругом вопросов, имевших отношение к советским армии и флоту: дислокацией воинских частей, развитием технических родов войск (бронетанковых и авиационных), ходом военной реформы и ее результатами и т.д. Для советских контрразведчиков особенно важным показателем являлось настойчивое стремление польских спецслужб добыть персональные данные и детальные характеристики на конкретных военачальников и лиц из их близкого окружения. Это однозначно свидетельствовало о поиске противником агентурных подходов к наиболее осведомленным секретносителям – таким как нарком по военным делам, члены Реввоенсовета СССР, крупные штабные работники, командующие военными округами, комкоры и комдивы.

Таким образом, можно утверждать, что польская разведка реально была противником № 1 для советских спецслужб в период с 1921 по 1939 г.

3. Структура, кадры и операции спецслужб в период «условного мира». Советская сторона

Контрразведывательная работа вообще и против польских разведывательных органов в частности концентрировалась до начала мая 1922 г. в Особом отделе ВЧК-ГПУ. Еще в период советско-польской войны в этой структуре советских органов госбезопасности по личному указанию Ф. Дзержинского была образована нештатная польская группа под руководством заведующего оперативным отделением ОО ВЧК А. Артузова. При этом на выданных во второй половине 1920 г. мандатах, подтверждающих полномочия работы на местах, должность Артузова именовалась как особоуполномоченный по польским делам¹⁵⁷. Эта группа работала не только в Москве, но и выезжала в другие города для проведения оперативных мероприятий. Безусловно, зоной ее особого внимания являлись районы, прилегавшие к полосе боевых действий Западного и Юго-Западного фронтов. Соответствующих специализированных подразделений в особых отделах фронтов и армий не имелось, но понятно, что практически вся их работа по борьбе со шпионажем, диверсиями и иными подрывными действиями велась из расчета на связь этих проявлений с тайными операциями польской разведки.

Еще в период советско-польской войны в некоторых армейских чекистских аппаратах создавались (по примеру ОО ВЧК в Москве) нештатные оперативные подразделения по борьбе с польской разведкой. В частности, в Особом отделе 12-й армии Юго-Западного фронта, оперировавшей в основном на Украине, имелась «специальная агентурная группа», укомплектованная оперативными работниками польской национальности либо владеющими польским языком¹⁵⁸. На основании приказа РВСР в октябре 1920 г. началось формирование на Западном фронте 1-й польской армии¹⁵⁹. Для оперативно-чекистского обслуживания воинских частей армии учреждался Особый отдел. Начальником этого органа должен был стать польский коммунист Ян Каликстович Ольский (Куликовский). Начиная с 1991 г. я написал несколько исторических очерков об этом выдающемся чекисте и практически вывел его из тени полного забвения после трагической гибели в период массовых репрессий¹⁶⁰. И этим горжусь. А здесь лишь упомяну о том, что Ольский начал свою работу в органах госбезопасности в 1919 г., в период советско-польской войны возглавлял Особый отдел 16-й армии и

провел несколько крупных операций против разведки врага. Далее руководил ЧК Белоруссии. С 1923 г. трудился в Центральном аппарате и несколько лет возглавлял всю контрразведку ОГПУ.

Центральный аппарат ВЧК оперативно отреагировал на стабилизацию советско-польского фронта и прекращение боевых действий необходимыми организационными изменениями. В частности, согласно приказу ВЧК № 182 от 27 декабря 1920 г., Особый отдел Западного фронта был переименован в Особый отдел Охраны польской границы, и теперь в зону его ответственности входила территория от озера Освея до города Гусятин. А северный участок границы предстояло обеспечивать Особому отделу 16-й армии¹⁶¹. Неделий ранее состоялся приказ № 169, объявивший о создании самостоятельного Иностранного отдела ВЧК. Поскольку он создавался на базе Иностранного отделения ОО ВЧК и, согласно 3-му параграфу приказа, подчинялся начальнику ОО ВЧК В. Менжинскому, то есть руководителю контрразведки, то и основной задачей нового органа оставалась закордонная контрразведывательная работа – проникновение в спецслужбы враждебных государств. Польша стояла здесь на первой позиции.

Военная разведка начала работать в Польше еще во время войны. Как отмечают авторы «Энциклопедии военной разведки России», агентурную сеть начал создавать во второй половине 1919 г. штаб Западного фронта. Непосредственно занимались этой работой начальник агентурного отделения Ф. Маркус и член Военного совета И. Уншлихт. Последний якобы имел обособленные и лично ему подчиненные разведывательные ячейки-резидентуры в захваченных поляками Минске и Вильно, а также в Варшаве¹⁶². Подтверждение этой информации мне пока найти не удалось, зато сохранились свидетельства того, что в Управлении особых отделов Всеукраинской ЧК имелось отделение иностранной агентуры. Этим отделением в июле 1919 г. был направлен в Польшу секретный сотрудник И. Пржебылтский с заданием проникновения в польскую разведку. Он выполнил поручение и сумел поступить на специальные курсы по подготовке шпионов. К сожалению, нашего агента опознал один из белогвардейцев, и Пржебылтскому пришлось бежать¹⁶³. Некий аппарат закордонной разведки для работы в Польше имелся и в Особом отделе 4-й армии Западного фронта¹⁶⁴.

Но эти аппараты функционировали в период советско-польской войны. А в 1921 г. предстояло организовать резидентуру под прикрытием советских дипломатических и иных миссий в Варшаве. Скорее всего, первым сотрудником нашей разведки являлся член

советской делегации по репатриации, а затем врач полномочного представительства в Варшаве Ефроим Гольденштейн. Он с 1918 г. находился на подпольной работе в Западной Украине, весной 1920 г. был арестован польской политической полицией, но сумел бежать из лагеря под Краковом и прибыл в польскую столицу. В разведку его привлек будущий начальник Иностранного отдела ВЧК М.А. Трилиссер. Они были знакомы давно по партийной подпольной работе. О деятельности Гольденштейна на поприще разведки в Польше сведений в доступной литературе, в том числе и в «Очерках истории Российской внешней разведки», нет¹⁶⁵. Однако известно, что он с начала 1920-х гг. числился сотрудником ИНО ВЧК, а с 1923 г. уже был резидентом органов госбезопасности в Австрии, Турции и Германии.

Официально считается, что первая резидентура советской разведки в Варшаве была создана в апреле 1921 г., и руководил ею уполномоченный ИНО ВЧК Мечислав Логановский, действовавший под прикрытием должности 1-го секретаря советского полномочного представительства. Следует отметить, что до 1923 г. резидентура являлась объединенной, то есть представляла интересы как Разведупра Красной армии, так и ИНО ВЧК. За проведение контрразведывательной работы отвечал заместитель резидента, сотрудник ИНО ВЧК с марта 1921 г. Казимир Баранский (оперативный псевдоним «Кобецкий»). В ракурсе моего исследования на его фигуре необходимо остановиться подробнее. Буду отталкиваться, прежде всего, от информации, изложенной в справке по его личному делу, запрошенной мной в архиве ФСБ России.

Родился Баранский в Польше в 1894 г. По национальности – поляк. Окончил коммерческое училище и служил в Варшаве в почтовой конторе. С 1916 г. проживал в Москве, где и вступил в большевистскую партию. В 1919 г. успешно закончил командные курсы по артиллерийскому направлению и участвовал в боевых действиях на Западном фронте. Весь период войны с поляками работал в разведке штаба 3-й армии. По предложению Ф. Дзержинского перешел в начале апреля 1921 г. на службу в органы госбезопасности и был назначен особоуполномоченным недавно созданного Иностранного отдела ВЧК. Уже в ноябре выехал в долгосрочную командировку в Варшаву, где занял должность заместителя резидента и ведал вопросами проникновения в эмигрантские организации, а также в польские спецслужбы¹⁶⁶. Работа Баранского в Польше высоко оценивалась начальником КРО ГПУ-ОГПУ А. Артузовым и высшим руководством органов госбезопасности. Да и как могло быть ина-

че, если Баранский в основном и работал в интересах КРО ОГПУ. Ему удалось завербовать агентов во 2-м (разведывательном) отделе ПГШ, политической полиции и контрразведке Польши, в среде русской белогвардейской и украинской эмиграции. На основании добытых им и переданных в Москву данных было ликвидировано несколько подпольных организаций. Баранский непосредственно участвовал в проведении работы по агентурным делам «Д-39» и «С-2», в ходе реализации которых удалось вывести на нашу территорию и арестовать таких врагов нашей страны, как Ю. Тютюнник и Б. Савинков¹⁶⁷. На мой взгляд, работа Баранского – это классический пример плодотворного сочетания усилий внешней контрразведки и аппарата борьбы со шпионажем внутри страны. Подчеркну, что такое явление мы наблюдаем именно на польском направлении деятельности органов государственной безопасности. Далее я остановлюсь, конечно же, на роли внешней разведки ГПУ-ОГПУ в операциях «Трест», «Синдикат-4» и некоторых других, которые так или иначе имели отношение к польской проблематике, но то, что сделал Казимир Баранский, не имеет аналогов.

Так сложилось, к моему сожалению, что о работе и людях из внешней разведки, действовавших в Польше, написано в открытой литературе больше, чем о делах и кадрах советской контрразведки. Чтобы дать даже простой перечень соответствующих подразделений и фамилий тех, кто возглавлял борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью польской разведки в аппарате Особого, а затем Контрразведывательного отделов ВЧК-НКВД-НКГБ, пришлось провести отдельное исследование.

Окончание войны привело к серьезным изменениям в сфере обеспечения безопасности страны и ее армии. Установление постоянной границы, появление разного рода польских миссий, включая и дипломатические, с неизбежностью требовали перестройки аппарата советской контрразведки. Еще в декабре 1920 г. в структуре Особого отдела ВЧК были образованы специальные отделения. До настоящего времени мне не удалось установить точную дату их создания и номер соответствующего приказа. Однако уже в протоколе заседания Оперативного совета ВЧК от 24 декабря 1920 г. после рассмотрения вопроса о приезде польской делегации записано следующее: «Признать необходимым усиление 3-го специального отделения...»¹⁶⁸ Исходя из этого, можно утверждать, что польское отделение уже существовало и речь шла именно о нем. Другой вопрос – занималось ли оно только польской проблематикой? Ведь, согласно приказу ВЧК от 14 января 1921 г. о соз-

дании Секретно-оперативного управления (с объявлением его внутренней структуры), в составе Особого отдела учреждалось пять спецотделений. Их нумерация начиналась с 13-го, отвечавшего за противодействие спецслужбам Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии, а проще говоря – разведкам и политической полиции стран так называемого «санитарного кордона»¹⁶⁹. Его руководителем назначили О.В. Эйдукевича.

Об этом человеке известно очень немного. Точно можно утверждать лишь то, что он на 20 июля 1919 г. являлся членом Коллегии ЧК Литовско-Белорусской Республики и заведовал секретно-оперативным отделом¹⁷⁰. Через месяц он становится членом Коллегии Минской губернской ЧК, но сама губЧК вскоре была слита с аппаратом Особого отдела Западного фронта. Однако в списках личного состава ОО ЗФ на конец 1919 г. я не нашел Эйдукевича¹⁷¹. Вероятно, он не занимал в военной контрразведке достаточно высокую должность в этот промежуток времени, поскольку не присутствовал на 1-м съезде особых отделов. Неизвестно, где он находился в период советско-польской войны. Но появление Эйдукевича в Центральном аппарате ОО ВЧК дает основание предполагать, что он имел отношение к работе оперативных групп, которыми на Западном фронте руководил А. Артузов. Последний, являясь главным специалистом по польским делам, не допустил бы назначения неопытного сотрудника начальником именно польского отделения ОО СОУ ВЧК. Странно то, что Эйдукевич пробыл на должности всего две недели. Составители справочника о кадрах НКВД (Н. Петров и К. Скоркин) пользовались в основном партийными анкетами чекистов, которые они заполняли собственноручно. Так вот, в анкете А. Артузова указано, что он с 1 февраля и до 15 октября 1921 г. являлся начальником 12-го спецотделения ОО ВЧК¹⁷². Спрашивается: куда же исчезли 13-е спецотделение и его начальник? Документально проследить мне это не удалось. Вероятнее всего, причиной столь скоротечных изменений штатной структуры явилось предстоящее заключение Рижского мирного договора и официальное прекращение войны с соседней страной. Поэтому задачи нового подразделения были сужены, и оно теперь отвечало только за борьбу со спецслужбами Польши.

Большой объем работы не позволил А. Артузову эффективно совмещать должность помощника начальника Особого отдела ВЧК с непосредственным руководством польским спецотделением. По крайней мере, в различных документах того времени неоднократно

но встречается упоминание о некоем В.Э. Марчевском (Витковском) как начальнике указанного подразделения. Биография этого чекиста достаточно интересна и отражает все изъяды кадровой политики периода советско-польской войны и первого послевоенного времени. Новый руководитель польской линии сам был поляком по национальности. Но если другие поляки-чекисты до назначения в органы госбезопасности прошли революционную школу, их знали в большевистской среде, то Марчевский имел «за плечами» совсем иной жизненный опыт. Отметим лишь важное для рассматриваемой темы. Во-первых, он еще до Первой мировой войны вступил в созданную Ю. Пилсудским Польскую организацию войсковую, вел по ее заданиям разведывательную работу на Украине. Во-вторых, в составе польской армии воевал против нашей страны в 1919–1920 гг. В-третьих, совершил растрату крупной суммы полковых средств, за это был судим и приговорен к тюремному сроку. В-четвертых, бежал через линию фронта, был арестован советскими военными властями и содержался в тюрьме в Смоленске. Подыскивая активных секретных сотрудников, руководитель оперативной группы ОО ВЧК А. Артузов отобрал несколько пленных поляков, в числе которых оказался и Марчевский. Его увезли в Москву и после соответствующей обработки завербовали под псевдонимом «Витковский». Далее произошло малообъяснимое – Артузов настолько проникся к нему доверием, что вскоре зачислил на штатную службу в военную контрразведку. В конце 1920 г. Витковский (псевдоним стал его новой фамилией) уже является помощником начальника 13-го, а потом 12-го спецотделения ОО ВЧК. В январе 1921 г. его командируют в Ригу, где в то время велись переговоры по заключению мира. На одном из допросов в 1937 г. Витковский рассказал, что в Риге встречался с начальником 2-го отдела ПГШ Матушевским, под началом которого работал на Украине чуть больше года назад¹⁷³.

Трудно верить показаниям арестованных в период массовых репрессий, однако точно известно, что Матушевский действительно был в Риге именно в этот период. Начальник польской разведки как «военный эксперт» делегации и прибывшие в Ригу его подчиненные плотно работали по членам советской делегации¹⁷⁴. Здесь добавлю, что Марчевского сам Матушевский и некоторые другие польские разведчики хорошо знали в лицо. Кроме того, по всем техническим сотрудникам и военным экспертам советской делегации активно работала полиция Латвии и обменивалась с польскими коллегами добытой информацией¹⁷⁵.

Я не пытаюсь посеять сомнения в правильности прокурорского постановления о реабилитации Марчевского. В конце концов, прокуроры и судьи – не оперативные работники спецслужб и не обязаны были знать все тонкости работы сотрудников органов госбезопасности. Но в рамках моего исследования хочу обратить внимание на сомнительную обоснованность решения, принятого А. Артузовым и его руководством, о направлении данного сотрудника ОО ВЧК в заграничную командировку. Надо было быть слишком самонадеянным, чтобы рассчитывать на возможную вербовку Марчевским начальника польской разведки или других польских офицеров в условиях, когда они были в состоянии эйфории от победы над Красной армией. После возвращения из командировки Марчевский недолго проработал в ВЧК – в конце 1921 г. его уволили за грубое нарушение морально-этических норм поведения чекиста. Однако контакты с ним сотрудники польского отделения окончательно не прервали и эпизодически привлекали его для участия в некоторых операциях практически до момента ареста в 1937 г.

Непростая судьба была и у Юрия Маковского (Рожена), сменившего Марчевского на посту руководителя польской линии советской контрразведки. Он возглавлял 12-е спецотделение ОО ВЧК, а затем и 3-е отделение КРО ГПУ до октября 1922 г. Так же как и Марчевский, новый начальник был поляком по национальности и до революции состоял членом боевой организации ПОВ, лично знал Ю. Пилсудского. Окончил подпольные курсы военных инструкторов. Несколько раз арестовывался царскими властями, содержался в орловской и московской тюрьмах. В начале 1918 г. он вступил в РКП(б) и служил в Красной армии на различных должностях, вплоть до исполняющего обязанности командира Западной (52-й стрелковой) дивизии¹⁷⁶. В апреле 1919 г. Маковский был направлен на нелегальную работу в Польшу по партийной, а возможно, и по разведывательной линии. Еще до начала советско-польской войны произошел провал, многие члены военного отдела Компартии Польши были арестованы. Среди них и Маковский. По опубликованным данным, только 16 мая 1921 г. ему по обмену удалось возвратиться в Советскую Россию. Такая информация содержится в книге «Расстрелянная разведка», написанной научным сотрудником музея Службы внешней разведки России В. Антоновым¹⁷⁷. Я лично и давно знаком с автором и могу полагаться на точность излагаемых им фактов. Думаю, что Антонов взял сведения о Ю. Маковском из его личного дела и не мог ошибиться.

Как я писал выше, в 1920 г. в ОО ВЧК работал особоуполномоченным Эмерик Витольдович Рожен (он же Андреев и Маковский), поляк по национальности, член Польской партии социалистической с 1903 г., а в РКП(б) – с 1917 г.¹⁷⁸ Он прослужил в ВЧК как минимум до апреля 1921 г., когда возглавлял специальную комиссию ВЧК по раскрытию польских шпионских организаций в Киевском военном округе¹⁷⁹. Возможно, Ю. Маковский и Э. Рожен были дальними родственниками, поскольку у обоих фамилия Рожен, а псевдоним – Маковский.

Юрий Маковский после прибытия в Москву по рекомендации заместителя председателя ВЧК И. Уншлихта был назначен в августе 1921 г. в 12-е спецотделение Особого отдела, вероятно, на должность помощника начальника, то есть А. Артузова. Через несколько месяцев он был уже руководителем польского подразделения советской контрразведки.

12-е спецотделение просуществовало до начала мая 1922 г., когда было принято решение реформировать Особый отдел и создать на базе некоторых его отделений новую структуру – Контрразведывательный отдел (КРО) ГПУ¹⁸⁰. С этого времени вся работа по полякам, а также по спецслужбам государств «санитарного кордона» концентрировалась в 3-м отделении КРО. На практике реализовывал создание новой структуры Ю. Маковский. Но сам он не долго задержался на своей должности. Поспособствовал заместитель председателя ВЧК И. Уншлихт, и сбылась давняя мечта Маковского – получить высшее военное образование. В октябре 1922 г. он становится слушателем Военной академии РККА, но не порывает полностью с работой в органах госбезопасности. Фактически он выступает в роли негласного резидента ГПУ в Академии и подбирает из числа слушателей, преподавателей и технического персонала людей, которых можно было бы подставлять польским разведчикам в рамках проводившихся ГПУ-ОГПУ оперативных комбинаций. К дальнейшей карьере Маковского в органах госбезопасности я еще вернусь, а пока остановлюсь на фигуре и деятельности нового начальника 3-го (польского) отделения КРО ГПУ Казимире Иосифовиче Науиокайтисе.

Этот контрразведчик прослужил в данной должности почти восемь лет (с 1922 по 1930 г.), то есть дольше, чем кто-либо другой. Но даже историкам советских спецслужб эта фамилия мало что говорит. Не найдем мы упоминания о нем, к примеру, в «Энциклопедии ВЧК», подготовленной (совершенно недавно – в 2013 г.) научными сотрудниками кафедры истории Отечества и органов безо-

пасности Академии ФСБ России М.А. и А.А. Плехановыми¹⁸¹. Лишь единожды, и то в связи с публикацией организационно-кадрового приказа ОГПУ, приведена фамилия Науиокайтиса в справочнике по ВЧК-КГБ¹⁸². Вообще не упомянут он в сборнике документов под названием «Лубянка. Сталин и ВЧК-НКВД»¹⁸³, а также в другом достаточно полном сборнике документов – «Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ»¹⁸⁴. Фактически впервые о Науиокайтисе можно было прочитать в краткой биографической справке, помещенной авторами-составителями в именном комментарии при публикации сборника информационных документов ОГПУ¹⁸⁵. Конечно же, в этой справке ничего не говорится о его работе по польской линии. И это понятно, поскольку и справка-то была составлена лишь в связи с упоминанием Науиокайтиса, как подписавшего один из отчетов полномочного представительства ОГПУ по Белорусской ССР, где он служил в 1931 г. начальником Особого отдела.

Сухие биографические данные дают, конечно же, некоторое представление о жизненном пути человека. Однако этого явно недостаточно для понимания сделанного им во благо интересов своей страны. Ясно, что оперативные документы, отражающие его роль в деле борьбы с польской разведкой, еще долго останутся на закрытом хранении. Поэтому позволю себе воспользоваться некоторыми сведениями из воспоминаний жены Науиокайтиса – Клавдии Александровны Казеновой и работавшего в польском отделении под его началом Евсея Григорьевича Каца. Их я разыскал еще в конце 1980-х гг., когда собирал информацию о чекистах, погибших в годы массовых репрессий. Оба мои собеседника сошлись в том, что Науиокайтиса рекомендовал в РКП(б) и настоял на зачислении в органы госбезопасности Р.А. Пиляр – один из руководителей подполья в Вильно и будущий заместитель начальника Особого и Контрразведывательного отделов ВЧК-ОГПУ. Этот чекист непосредственно участвовал в раскрытии и ликвидации польской резидентуры в Москве в 1920 г., вел ряд уголовных дел на польских шпионов, а в последующем курировал всю работу против польской разведки в 3-м отделении КРО ОГПУ. Пиляр знал, что Науиокайтис, будучи еще заведующим эвакуационным бюро при советском представительстве в Литве и занимаясь возвращением на родину оказавшихся в Германии красноармейцев и командиров 3-го конного корпуса Г. Гая, проявил себя на чекистском поприще. Он организовал проверку эвакуируемых с целью выявления лиц, которые, возможно, были завербованы литовцами, поляками или немецкой разведкой. Эта работа Науиокайтиса привлекла внимание литов-

ской политической полиции, и его арестовали на основании данных провокатора. Представительство РСФСР предприняло необходимые меры, арестованный оказался на свободе, но вынужден был покинуть Литву.

Назначение Науикоайтиса в польское отделение практически совпало по времени с созданием и разворачиванием деятельности резидентур 2-го отдела ПГШ в СССР под прикрытием дипломатических и иных представительств. А период с 1922 по 1925 г. можно назвать самым результативным этапом работы советских контрразведчиков по польской линии. И в этом большая заслуга Науикоайтиса. Много внимания он уделял и парализации деятельности польских спецслужб, ведшейся с использованием возможностей католического духовенства. К. Казенова, иницировавшая процедуру реабилитации мужа, передала мне копию отзыва о нем супруги первого председателя ВЧК С.С. Дзержинской (Мушкат). «Он, работая тогда в ОГПУ в Москве, – писала Софья Сигизмундовна, – вместе со своим начальником Ольским или один от поры до времени навещал меня, как ответственного секретаря Польского Бюро Агитпропа ЦК ВКП(б), информируя меня о политике римского папы и контрреволюционной работе католического духовенства в СССР, его методах и приемах, получая от меня имевшуюся у меня информацию о контрреволюционной работе среди польского населения в СССР... Науикоайтис производил на меня впечатление честного члена партии и преданного своему делу работника ОГПУ»¹⁸⁶.

Как вспоминали Е. Кац и К. Казенова (кстати говоря, тоже работавшая в КРО ОГПУ в 1920-е гг.), штат 3-го отделения по настойчивым требованиям Науикоайтиса был увеличен к 1930 г. примерно до 20 человек. Конечно, не все сотрудники занимались польской линией, поскольку отделение работало еще по литовскому и румынскому направлениям, а также руководило борьбой с петлюровскими организациями на Украине. Но все это было связано с противодействием именно польским спецслужбам, поскольку петлюровцы, к примеру, были полностью под контролем 2-го отдела ПГШ, а с разведкой Румынии у поляков сложилось и многие годы поддерживалось самое тесное взаимодействие в проведении разведывательно-подрывных операций в СССР. Последнее обстоятельство, отмеченное ветеранами контрразведки, подтверждается и документально. Так, среди архивных материалов польской разведки имеются справки о польских резидентах «Шперач», «Н-6» и других, которые действовали против СССР с территории Румынии¹⁸⁷. Работу многих из них удалось практически парализовать

усилиями украинских чекистов, руководившихся и направлявшихся в данном вопросе 3-м отделением КРО ОГПУ. К примеру, резидентура «Шперач» прекратила функционирование по приказу 2-го отдела польского Генерального штаба, поскольку за четыре года своего существования (с 1925 по 1929 г.) не давала нужных результатов. И это при месячном бюджете в 1000 долларов и несмотря на усиление агентурой; уцелевшей после разгрома чекистами в Харькове резидентуры «А-9».

Вместе с начальниками 4-го и 6-го отделений КРО, занимавшимися проведением операций «Трест» и «Синдикат-2» соответственно, Науиокайтис участвовал в работе по дезинформации польской разведки и поддерживал по этому вопросу тесный контакт с ответственными работниками Разведывательного управления и Штаба РККА. В связи со сказанным обращу внимание читателей на тот факт, что практически во всех крупных разработках контрразведчиков 1920-х гг. так или иначе вычленялась польская линия: либо агентура 2-го отдела ПГШ и его офицеры были одним из объектов воздействия чекистов, либо именно для польской разведки предназначались дезинформационные материалы, либо разведорганы других государств и эмигрантских центров использовали договоренности с поляками об оперировании в этой стране и переброске агентуры в СССР. Недаром Науиокайтис был награжден орденом Красного Знамени за участие в операции «Трест», хотя ее вело не 3-е, а 4-е отделение КРО ОГПУ. Здесь добавлю, что возглавлявшееся им польское отделение принимало, кроме того, участие в таких операциях, как «Синдикат-1», «Синдикат-2», «К-5», «РДО». Однако роль указанного подразделения в них считали, видимо, второстепенной.

В открытой литературе многие эпизоды разработки «Республиканско-демократическое объединение» (РДО) описаны М.В. Соколовым в его книге «Соблазн активизма»¹⁸⁸. Отвергая многие предвзятые, а поэтому необъективные и негативные оценки автором чекистских мероприятий, отмечу, тем не менее, следующее обстоятельство: он собрал достаточно много информации о деле РДО, включая и сведения из уголовных дел на некоторых фигурантов, хранящихся в архивах ФСБ России и ее территориальных органов. Однако если некоторые детали работы польской разведки с фигурантами дела и представительством РДО в Польше в целом раскрыты, то фамилий начальника 3-го отделения Науиокайтиса и его подчиненных я в данной книге найти не смог – их там просто нет! Зато есть указание на сотрудников 6-го отделения КРО ОГПУ, которое

ведало борьбой с зарубежными антисоветскими центрами, а также Секретно-политического отдела, занимавшегося внутривнутриполитическими проблемами.

Из сказанного можно сделать следующий вывод: приведенные факты еще раз доказывают, и на мой взгляд, убедительно, что структура советской контрразведки как на местах, так и в центре была в 1920-е гг. далека от совершенства, не в полной мере отвечала реалиям оперативной обстановки. Как это ни покажется странным, но польское отделение КРО оказалось оттесненным с первых ролей. Объективных причин тому пока не найдено. Согласно установкам руководящих военно-политических инстанций, Польша и ее спецслужбы были главным противником для чекистов, поэтому следовало ставить во главу угла именно польское отделение. А раз это сделано не было, то, значит, свою роль сыграли, скорее всего, субъективные факторы. Еще раз обращаюсь к воспоминаниям сотрудника КРО ОГПУ Е. Каца, хранящимся в моем личном архиве. Он однозначно говорил о предвзятом отношении Г. Ягоды лично к Науиокайтису и всему его отделению. Заместитель председателя ГПУ-ОГПУ и одновременно главный кадровик ведомства несколько раз инициировал проверки этого подразделения и однажды даже довел до нервного срыва одного из сотрудников своими мелочными придирками. Но пока оппоненты Г. Ягоды по оперативным вопросам – заместитель начальника КРО ОГПУ Р. Пиляр и сменивший его Я. Ольский – курировали польское отделение, Науиокайтис оставался на своем посту, хотя был обойден поощрениями и наградами. Повысить статус отделения внутри Контрразведывательного отдела им, видимо, было не по силам.

К вышесказанному следует добавить несколько слов о позиции начальника КРО ОГПУ А. Артузова. Явным его фаворитом являлся, конечно же, И. Сосновский, который руководил 6-м отделением. Именно его А. Артузов особо выделял из всех подчиненных. Сосновский был поляком по национальности, бывшим резидентом польской разведки, достаточно успешным оперативным сотрудником ВЧК-ОГПУ. Доверяя ему разработку савинковцев по делу «С-2», начальник советской контрразведки не мог не понимать того, что многое в этом деле будет связано с польской разведкой. Ведь сам Савинков и его организация «Народный союз защиты родины и свободы» (НСЗРС) действовали с территории Польши, были тесно связаны со 2-м отделом ПГШ и находились под полным его контролем. Оперативные работники и агентура, работавшие по «С-2», неоднократно направлялись в Польшу, вступали там в контакт не

только с савинковцами, но и с ответственными офицерами разведки этой страны. В Москве связь легендарной чекистами организации с Савинковым осуществлялась при помощи специально созданной поляками резидентуры «Р-7/1» 2-го отдела ПГШ. Дезинформационные материалы передавались в основном именно польской разведке. Казалось бы, в силу указанных обстоятельств однозначно напрашивалось необходимое решение, а именно создание объединенной оперативной группы из сотрудников 3-го (польского) и 6-го отделений КРО ОГПУ. Начальнику польского отделения (сначала Витковскому, позднее Маковскому, а затем и Науиокайтису) надлежало бы быть, как минимум, заместителем руководителя этой группы. Однако такого решения принято так и не было. Ничем иным как субъективными причинами объяснить данный факт нельзя. Вероятно, Артузов стремился вновь и вновь доказать своему заместителю Пиляру (крайне отрицательно относившемуся к Сосновскому), что не напрасно добился зачисления бывшего польского резидента на штатную работу в аппарат советской контрразведки, а далее и назначения начальником наиболее значимого отделения. Артузов постоянно демонстрировал, что Сосновскому можно доверять, что последний – самый толковый и удачливый контрразведчик, способнейший агентурист. Отчасти так оно и было.

После разгрома в начале 1921 г. подпольных структур ПОВ на Украине Артузов (по личному указанию Ф. Дзержинского) должен был отстранить Сосновского от всех дел, имевших отношение к Польше. К сожалению, этого не произошло. Формально Сосновскому поручались только мероприятия по борьбе с контрреволюционными элементами, связанными с эмигрантскими организациями. Сосновский организовывал работу по репатриации из Турции группы бывших врангелевских офицеров и генералов во главе с Я. Слащевым. Часть из них была завербована (включая и самого Слащева), и Сосновский предложил создать на их базе легендарную монархическую группу для последующего выхода на белогвардейцев во Франции. Новой разработке присвоили экзотическое название «Корсиканцы»¹⁸⁹. Предполагалось, что связь с эмигрантами пойдет через Польшу. По каким-то причинам данное дело развития не получило. Зато успешно продвигалась другая разработка – «С-2», нацеленная на Савинкова и его подручных в Польше. И в первом, и во втором случае польское отделение КРО ОГПУ к работе почти не привлекалось.

В литературе, посвященной советским органам госбезопасности и их контрразведывательной работе в 1920-х гг., имеются сведения

о вербовке польского разведчика поручика Ковальского – руководителя резидентуры «О-5/1» в Москве¹⁹⁰. В 1924 г. этот резидент явился к члену польской секции Коминтерна Гельтману (по другим данным, к ответственному секретарю Польского бюро Агитпропотдела ЦК РКП[б] С. Дзержинской) и попросил организовать встречу с И. Сосновским, которого знал еще по работе во 2-м отделе ПГШ. Получив об этом информацию, заместитель начальника КРО ОГПУ и куратор польского отделения Р. Пиляр вынужден был в силу сложившихся обстоятельств подключить к неожиданно возникшей вербовочной ситуации не Науиокайтиса, а именно Сосновского. Успех вербовки сулил очень многое. Уже на первой встрече Ковальский сообщил, что более года возглавляет разведывательное отделение французской миссии в Москве, а после провала одного из польских разведчиков стал руководителем резидентуры «О-5/1» и получил на связь всех ее агентов¹⁹¹. Надо полагать, что Науиокайтису было сообщено о состоявшейся вербовке, однако нового агента ему на связь не передали. С ним встречались Артузов и помощник начальника КРО Ольский и Сосновский¹⁹².

Еще более странным является тот факт, что разрабатывавшему ВАТ при польском представительстве 3-му отделению и персонально Науиокайтису не передали на связь польского военного атташе майора Тадеуша Кобылянского, завербованного при помощи Ковальского¹⁹³. Можно лишь предположить, что получавшаяся от столь ценного агента оперативная информация о действовавших в Москве шпионах своевременно поступала в польское отделение для реализации. Скорее всего, Кобылянский давал и наводки на сотрудников польской разведки, работавших как в советской столице, так и в других городах нашей страны. Это давало возможность 3-му отделению КРО ОГПУ сковывать их активность, подставлять своих агентов и продвигать через них дезинформационные материалы о состоянии Красной армии, промышленности, транспорта и политической ситуации в СССР. Но все это было как бы вторичным от вербовочных успехов начальника 6-го отделения Сосновского.

В обслуживание 6-му отделению КРО передали военную школу красных коммунаров, где обучались в основном поляки, в том числе и бывшие военнопленные армии соседнего государства. В 1922 г. там была разоблачена подпольная националистическая организация, которой руководил бывший капитан польской армии Грудняк¹⁹⁴. Ее члены намеревались бежать в Польшу, захватив с собой секретные документы. Операцию проводило 6-е отделение КРО ОГПУ без участия коллег из польского отделения.

Проведение операции «Трест» было поручено 4-му (англо-саксонскому) отделению КРО. На первой стадии операцией руководил начальник этого отделения Кияковский. Как мы помним, он всего лишь год назад (в 1920 г.) был разоблачен и арестован Особым отделом ВЧК как заместитель главного резидента польской разведки Сосновского по Петрограду, перевербован, а позднее (так же как и Сосновский) по личному предложению Артузова стал штатным сотрудником советской контрразведки и вскоре назначен даже начальником отделения. Складывается впечатление, что 4-е и 6-е отделения КРО и созданы то были конкретно под этих людей. Учреждение специального отделения по работе в Великобритании и во Франции в структуре Иностранного отдела ВЧК-ОГПУ являлось логичным, поскольку эти державы считались вдохновителями всех антисоветских авантур и стояли за спиной разведок Румынии и Польши, а также и спецслужб прибалтийских государств. Организация аналогичного отделения при создании КРО абсолютно не вызывалась необходимостью – ведь до 1924 г. дипломатических отношений между СССР и Великобританией и Францией не было, а следовательно, не было и соответствующих представительств, а также разведывательных резидентур на их базе. Лишь небольшой аппарат английской торговой миссии работал у нас в стране с 1921 г., и работа по нему не требовала больших кадровых ресурсов. Более того, сменивший Кияковского на посту начальника 6-го отделения В.А. Стырне в обзоре по материалам разработки «Трест» указал, что Ф. Дзержинский категорически запретил оперативную игру с английской разведкой в рамках операции, оценивая эту спецслужбу как более сильную на тот период времени, чем контрразведка ОГПУ. К этому стоит добавить, что Кияковский провалил вербовку крупного английского агента А. Житкова в Ревеле, а позднее вместе с ответственным сотрудником НКВД Логановским и известную историкам спецслужб операцию против эстонского посла в Москве А. Бирка¹⁹⁵. Эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что Кияковский хоть и являлся начальником отделения КРО ОГПУ, но не представлял собой крупную оперативную величину в советской контрразведке.

Здесь еще раз возвращусь к мысли о том, что в 1920-е гг. структура КРО ОГПУ не в полной мере отвечала требованиям реальной оперативной обстановки и, к сожалению, во многом формировалась под воздействием субъективных факторов. Приведенные выше данные, как представляется, подкрепляют мой вывод.

Возвращаясь к работе польского отделения КРО ОГПУ, напомним о том, что наибольших успехов оно добилось в 1922–1924 гг. и именно в работе по подавлению активности резидентур, действовавших под прикрытием дипломатических и иных представительств. Далее центр тяжести работы 3-го отделения переместился на польскую диаспору, католическое духовенство и кураторство органов госбезопасности Белоруссии и Украины. Конкретно в УСССР контролировалась работа не только по консульским и иным представительствам Польши, но и по петлюровскому подполью, тесно связанному с польской разведкой. Что касается работы в Москве, то весь личный состав отделения (за исключением периферийной группы) был задействован в так называемых «альбомных делах». Название это пошло ориентировочно с 1926 г. от постоянно подготавливавшихся альбомов фотографий польских дипломатических документов, которые попадали в руки чекистов в результате проведения специальных оперативно-технических мероприятий. К сожалению, это в основном были политические и экономические отчеты, а не переписка резидентур польской разведки. Такое положение дел приводило к распылению сил и средств советской контрразведки, не давало возможности сконцентрироваться на вскрытии агентурных акций 2-го отдела ПГШ. Особенно ощутимым это стало после отбытия из Москвы двух особо важных агентов ОГПУ – сотрудника посольства Ковалевского и военного атташе Кобылянского. Они получили назначения в другие страны в 1926 и 1927 гг. соответственно. Никакой информации (кроме факта задержания в 1936 г. сотрудника 2-го отдела ПГШ «Альберта Рана») о реальных шпионских делах по польской линии с указанного периода и до начала массовых репрессий мне отыскать не удалось. Отсутствие новых оперативных данных после провала операции «Трест», с одной стороны, и возможность получать политико-экономические сведения по «альбомным делам» – с другой, вносили некоторую успокоенность в умы сотрудников польского отделения и некоторых их начальников.

В этом плане интересны показания чекиста Виктора Осмоловского, долгое время работавшего по польским делам, а с 1936 г. возглавлявшего польское отделение. Он отмечал, что в конце 1920-х гг. неоднократно беседовал с Науиокайтисом и уловил основные идеи последнего. Суть их сводилась примерно к следующему: о Польше и польской разведке сложилось превратное мнение у руководства страны и органов госбезопасности. Необоснованно считалось, что поляки вынашивают агрессивные планы против СССР и ведут то-

тальную разведку. Само указание на национальность (поляк) становилось синонимом слова шпион. А реальность во многом другая¹⁹⁶. Такие настроения начальника польского отделения, видимо, стали достоянием не одного Осмоловского. В августе 1930 г. Науиокайтис был освобожден от занимаемой должности и переведен в Минск, где возглавил Контрразведывательный, а затем Особый отдел Полномочного представительства ОГПУ по БССР. В 1933 г. Науиокайтиса вообще перевели на работу в органы милиции, где он и трудился до 1937 г., до своего ареста по подозрению в шпионаже в пользу Польши.

Новым начальником польского отделения стал Семен Фирин. До прихода в органы госбезопасности он длительное время работал за границей по линии военной разведки, в 1924 г. возглавлял резидентуру в Польше¹⁹⁷. Но никакого опыта контрразведывательной деятельности он не имел. На должности начальника 3-го отделения ОО ОГПУ Фирин долго не задержался – в конце 1930 г. произошел крупный провал по «альбомным делам», и одной из причин его, как выяснилось, стали неграмотные решения самого Фирина. Однако ему удалось переложить вину на подчиненных сотрудников. Как это ни странно, но заместитель председателя ОГПУ Ягода принял решение повысить Фирина и назначить заместителем начальника Особого отдела. Расчет Ягоды был прост: ограничить влияние начальника ОО ОГПУ Ольского – своего оппонента в оперативных вопросах, ориентированного на главу Секретно-оперативного управления ОГПУ Е. Евдокимова. Ничем, кроме бездеятельности и аппаратных склок, Фирин себя не проявил и уже в 1932 г. был назначен начальником Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря.

После Фирина начальником польского отделения стал С. Гендин, однако реально польскими делами ведал Сосновский. По настоянию Ягоды, видевшего в Сосновском послушного исполнителя и грамотного руководителя, последнего назначили заместителем начальника Особого отдела ОГПУ. Своим оперативным авторитетом он подавил Гендина, которому оставалось лишь передавать подчиненным указания «свыше». Таким образом, Ягода так же, как и ранее Артузов, нарушил категорическое указание Ф. Дзержинского держать Сосновского подальше от польских дел, чтобы не провоцировать слухи как среди оперативных работников ОГПУ-НКВД, так и в кругах польских коммунистов, включая и политэмигрантов. Ведь многие чекисты и руководящие функционеры Компартии Польши и соответствующей секции в ИККИ знали биографию Сосновского, по

крайней мере тот факт, что он работал в польской разведке против советской страны и состоял в партии Пилсудского. Аресты отдельных политэмигрантов по подозрению в шпионаже или провокаторской деятельности постепенно усиливали подозрения у некоторых коммунистов-поляков в том, что это – плод фабрикации материалов Сосновским. Дальнейшее развитие событий только подогревало такого рода мнения.

4. Польская линия в крупнейших «легендарных» делах ВЧК-ОГПУ

4.1. Крах «Центра Действия демократии»: разработка «С-1»

В постсоветский период значительно увеличилось количество статей, монографий, кандидатских и докторских диссертаций, посвященных различным вопросам жизни и деятельности эмигрантов «первой волны». Зримо расширился спектр исследуемых тем – изучаются стратегии адаптации их в незнакомых странах, сохранение и развитие культуры, воспитание и образование детей в непривычных условиях, участие в общественной деятельности и многое другое. Однако особое внимание по-прежнему обращается на политическую, а также военную (диверсионно-террористическую) активность различных эмигрантских групп, объединений и союзов. И это понятно. Ведь в подавляющем большинстве случаев эта активность была направлена на ослабление, подрыв и, в конечном итоге, свержение большевистской власти в Советской России-СССР. Результаты усилий эмигрантов в той или иной степени сказывались на внутренней и внешней политике нашей страны, на репрессивных действиях в отношении «бывших людей» и политических противников существовавшей тогда власти.

Задача не допустить осуществления разного рода планов эмигрантов по дестабилизации обстановки в нашей стране и ослаблению роли главенствующей, а затем и единственной партии – РКП(б)-ВКП(б), возлагалась на органы государственной безопасности. Основными подразделениями, реализовавшими на практике эту задачу, являлись внешняя разведка и контрразведка ВЧК-ОГПУ. Именно поэтому изучение в неразрывной связи деятельности эмиграции и противодействия ей со стороны чекистов

стало одной из основных линий исследований для целой группы историков. Обобщенно темы их работ можно обозначить следующим образом: «ВЧК-НКВД против...»¹⁹⁸. Среди авторов подобного рода публикаций имеются не только те, кто ранее служил в органах безопасности, но и гражданские историки. Последних как раз становится больше. Некоторые из них довольно критически оценивают деятельность чекистов вообще, а в 1920–1930-е гг. особенно. Однако несмотря на данное обстоятельство ряд исследователей данной группы проделали свою работу достаточно добросовестно, внося свой ощутимый вклад в изучение эмиграции, а в определенной степени также и органов ВЧК-НКВД. Это надо признать и соответствующим образом оценивать.

Может возникнуть вопрос: а откуда они черпали сведения для раскрытия самостоятельной темы или сюжета, связанного с оперативной деятельностью чекистских органов? Ответ, на мой взгляд, достаточно прост – к сожалению, не все операции чекистов прошли «без сучка и задоринки», без ошибок рядового и даже руководящего состава, без вмешательства высших партийных инстанций. Случались, к сожалению, и провалы разработок из-за предательства отдельных сотрудников ВЧК-ОГПУ, а также и их агентов, которые в меморандумах для спецслужб или в открытых публикациях описали дела, в которых участвовали. Поэтому в некоторых отечественных и зарубежных архивохранилищах отложились разного рода документы, составленные участниками происходивших событий, включая и представителей эмигрантских спецслужб. Ручаться за точность написанного ими, конечно же, не приходится, поскольку далеко не все авторы воспоминаний, записок, докладов, показаний следственным органам и т.п. были в достаточной степени осведомлены о тех или иных мероприятиях чекистов либо не смогли разгадать и верно интерпретировать действия советских разведки и контрразведки. Верификацию использованных исторических документов и конкретных фактов из них можно провести, лишь сличив их с архивными материалами органов безопасности. Однако это крайне затруднительно в силу известных причин. По запросам авторов часть материалов для проведения исследований все же предоставили в Центральном архиве ФСБ России и в территориальных управлениях службы. В частности, речь идет о процессуальных документах из уголовных дел на фигурантов тех или иных операций чекистов, арестованных после их завершения либо репрессированных в конце 1930-х гг.

Что касается историков из системы спецслужб, получивших доступ к закрытым еще фондам и работающих над исследованиями для внутренних нужд, то они не могут игнорировать уже введенные в научный оборот факты, пусть и не соглашаясь при этом с оценками и выводами своих коллег по историческому цеху, сделанными на основе доступных материалов.

Инициированные сотрудниками российской разведки и контрразведки публикации сборников документов по истории органов ВЧК-НКВД и о событиях, связанных с их деятельностью в иных сферах государственной и общественной жизни, дают хорошую базу для новых исследований. Опыт показывает, что такого рода публикации вполне востребованы в научном сообществе, а также отдельными публицистами, обращающимися к исторической проблематике. Практически ни одна работа о политической и военной активности эмиграции не обходится без ссылок на упомянутые документальные издания. И это не может не радовать, поскольку только опора на документы позволяет избежать бесплодных фантазий и домыслов, искажения исторических событий. К сожалению, еще встречаются авторы, не утруждающие себя не только работой в архивохранилищах, но даже игнорирующие подробное изучение написанного предшественниками. Одной из типичных линий, чуть ли не на уровне доктринальной установки, развиваемой в их работах, является отрицание связи эмигрантов с зарубежными спецслужбами. Как правило, эти авторы представляют указание на плотные контакты эмигрантских центров с разведками иностранных государств как заданное коммунистической пропагандой историческое мифотворчество. Поэтому, приступая к рассмотрению событий, связанных с созданием и деятельностью эмигрантской организации «Центр Действия» (ЦД) (в некоторых документах именуемого «Центром Действия демократии»), совершенно необходимо оценить уже имеющиеся публикации на сей счет.

Впервые о «Центре Действия» читатели узнали из центральных и украинских республиканских газет весной 1924 г., когда начался судебный процесс над участниками ячейки ЦД в Киеве. Интерес к заседаниям суда вызывался прежде всего тем, что среди подсудимых были известные в научных кругах профессора и преподаватели высших учебных заведений. Их лично знали многие горожане, пережившие бурные события периода революции и Гражданской войны на Украине. Редакторов и корреспондентов газет интересовала скорее не сама организация ЦД, а тот факт, что часть научной интеллигенции идеологически не приняла новую власть. Опираясь

на политических противников большевиков за границей, она пыталась нанести ущерб в политической сфере существующему строю в угоду эмигрантам и иностранным правительствам. После окончания процесса и решений Всеукраинского ЦИК об изменении меры наказания осужденным в сторону смягчения об организации ЦД практически забыли.

Политический заказ на новое воспроизведение информации о деятельности «Киевского Центра Действия» (КЦД) появился в 1927 г., когда решался вопрос о дальнейшей судьбе нэпа в СССР. Разгром КЦД необходимо было представить как пример краха надежд «бывших людей» на идеологический нэп, которого власти не допустили бы никогда. Кроме того, в 1927 г. страна вступила в период так называемой «военной опасности». Разрыв дипломатических отношений с Англией, нападения на советские дипломатические и консульские учреждения в Китае, общее осложнение международной обстановки с неизбежностью вели к организации мероприятий, нацеленных на консолидацию общества и подавление любой антисоветской активности внутри страны. С точки зрения обработки общественного мнения требовалось напомнить гражданам о ранее пресеченных подрывных акциях иностранных разведок и зарубежных антисоветских центров, провести для этого ряд показательных процессов над шпионами и идеологическими диверсантами. Именно тогда юридическим издательством Народного комиссариата юстиции УССР в Харькове был выпущен без малого 1000-страничный фолиант со стенограммами судебного процесса по делу КЦД. Он издавался под редакцией старого большевика Николая Скрыпника. Предисловие написал тоже он, выступив в данном случае как нарком юстиции и Генеральный прокурор республики¹⁹⁹.

В третий раз вспомнили о «Центре Действия» уже в 1940 г., когда увидела свет одна из первых публицистических работ молодого писателя В. Минаева «Подрывная работа иностранных разведок в СССР»²⁰⁰. Ясно, что в то время без специального указания НКВД СССР подобная публикация не могла появиться и материалы для ее написания, несомненно, предоставили чекисты. Это был политический заказ власти – в условиях уже развязанной мировой войны требовалось постоянно повышать политическую бдительность населения нашей страны. Книга представляла собой некий обзор деятельности органов государственной безопасности по борьбе с разведками противников Советского Союза. Две страницы текста автор уделил описанию подрывной работы «Киевского Центра Действия» по заданиям эмигрантов и польской разведки.

Вновь информация о ЦД появилась спустя более чем 30 лет. Давид Голинок – юрист, в прошлом следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР и СССР, в 1971 г. издал документальную книгу «Крах вражеского подполья», в которой содержалась информация об упомянутой выше подпольной организации. Поскольку монография была выпущена «Политиздатом», то ее, вне всякого сомнения, считали отрецензированной не только в идеологических органах Коммунистической партии, но и в КГБ СССР. Это придавало интересующему нас историческому сюжету статус официальной версии описываемых событий²⁰¹.

В 1975 и 1985 гг. книга переиздавалась с дополнениями (теперь уже под названием «Крушение антисоветского подполья в СССР»), однако раздел, посвященный «Центру Действия», оставался в неизменном виде. К сожалению, как и в первом издании, автор не использовал содержательную часть опубликованных в 1927 г. протоколов допросов обвиняемых на судебном процессе КЦД, а взял лишь текст обвинительного заключения. Данное обстоятельство, на мой взгляд, не позволило ему более детально рассмотреть уголовное дело, выделив в нем роль польской разведки.

Все книги Д. Голинкова, собственно говоря, не были каким-либо исследовательским проектом, а писались скорее для пропагандистских целей, что подтверждается несколькими многотиражными переизданиями. А поскольку указанная цель являлась основной, то следовало лишь собрать под одной обложкой уже известные сведения о борьбе с контрреволюцией и шпионажем в СССР, придав их изложению научный вид, поместив ссылки на фонды Центрального Государственного архива Октябрьской революции (ныне ГАРФ), где хранятся материалы некоторых судебных процессов. Несмотря на это книга «Крушение антисоветского подполья в СССР» стала заметным явлением, и ссылки на нее появились во многих работах ученых в части, касающейся деятельности «Центра Действия».

На работу Д. Голинкова сослался и историк Ю. Мухачев, выпустивший в 1982 г. монографию «Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР»²⁰². Он также посчитал необходимым использовать стенограммы судебного процесса в Киеве в 1924 г. Однако Ю. Мухачев, как и его предшественник, взял лишь некоторые фрагменты обвинительного заключения, что предопределило отсутствие новых элементов в описании структуры организации, ее сотрудников и практических мероприятий «Центра Действия».

Д. Голинкова процитировал и историк Л.К. Шкаренков в своей монографии «Агония белой эмиграции»²⁰³. При этом он не ограничился только повторением, а впервые привел новую информацию из справки, составленной одним из организаторов ЦД. Ее он обнаружил в том же ГАРФ, где работал и Д. Голинков. По существовавшим в 1980-е гг. правилам, Л. Шкаренков употребил ничего не говорящее читателям указание на некую «коллекцию ЦГАОР СССР» вместо точной адресации читателей к изученному фонду. Естественно, это затрудняло работу последователям по верификации приведенных автором сведений и поиску новых данных. Однако «хитроумный» прием, примененный Л. Шкаренковым (а ранее и Ю. Мухачевым), – не прихоть историка, а обязательное требование для всех, кто в советское время допускался к материалам эмигрантских организаций.

После издания монографии Л. Шкаренкова о «Центре Действия» в исторической литературе практически не упоминалось. Лишь в биографиях некоторых деятелей эмиграции можно найти сведения об участии их в этой антибольшевистской организации²⁰⁴.

Составители сборника документов «Борис Савинков на Лубянке» (среди которых был и я) поместили в нем несколько протоколов допросов подследственного, в которых следователями задавались вопросы о его причастности к работе ЦД. О связи Б. Савинкова с «Центром Действия» указано и в обвинительном заключении, также помещенном в сборнике²⁰⁵. Мой коллега (один из составителей сборника) – тогда сотрудник Центрального архива ФСБ России В.Н. Сафонов – подготовил для читателей небольшой комментарий, разъясняющий, что из себя представлял ЦД. Он указал и на связь организации с польской разведкой, но не развил данную тему²⁰⁶.

Не обошлись без упоминания об этой эмигрантской структуре и составители сборника документов и материалов «Тюремная одиссея Василия Шульгина», изданного в Москве в 2010 г.²⁰⁷ О том, какое отношение имел В. Шульгин к «Центру Действия», пойдет речь дальше, а здесь лишь отметим, что он лично был знаком с некоторыми его организаторами и сотрудниками.

К теме о ЦД в последние годы возвратился только автор монографии «Соблазн активизма» М. Соколов. Основным объектом его исследования являлись организация и деятельность республиканско-демократической эмиграции 1920–1930-х гг. и, в частности, Трудовой крестьянской партии, а также борьба с ней органов ОГПУ СССР. Однако автор не мог не указать (пусть и достаточно кратко,

всего на полуторах страницах своей монографии) на самые ранние формы объединения этого крыла эмигрантских деятелей, к каковому, несомненно, относился и «Центр Действия». М. Соколов попытался представить объективистскую точку зрения на противосоветскую работу эмиграции, что, в частности, выразилось в упоминании о ее связи с польской разведкой²⁰⁸. М. Соколов имел возможность осуществлять поиск в зарубежных архивах (США, Англии и Чехии), где отложилось значительное количество документов об организации и работе ЦД. Это прежде всего переписка членов парижской группы, таких как Н.В. Чайковский, Н.П. Вакар, Б.А. Евреинов и др. Работа в ГАРФ убедила меня в том, что М. Соколов вполне подробно ознакомился и с фондом «Центра Действия», сделал необходимые ему выписки и использовал их при подготовке текста своей монографии. Тщательность и масштабность поисков необходимой информации, умелый ее анализ и достаточно интересное изложение – отличительные черты этого историка. Вместе с тем нельзя не отметить, что автор буквально навязывает читателю свою мысль о некой «провокационности» агентурно-оперативных мероприятий органов государственной безопасности нашей страны. С этим соглашаться, конечно же, не следует, если иметь желание оставаться на твердой исторической почве, вне политической конъюнктуры. Смее утверждать, что ничего не получилось бы в изучаемый М. Соколовым период, а также не получится и ныне в деле выявления и минимизации внешних угроз государству без применения негласных методов работы его спецслужбами. Это объективно и применимо к любой стране мира, а не только к Советской России-СССР-Российской Федерации.

Продолжу обзор публикаций о «Центре Действия». О нем имеется информация в статье докторанта-соискателя Института российской истории РАН А. Кубасова, опубликованной в «Вестнике Северного (Арктического) федерального университета». Автор статьи сосредоточился на рассмотрении поисков новой тактики борьбы с большевиками главы ЦД Н.В. Чайковским и именно в связи с этим раскрывает некоторые аспекты деятельности самой организации, концентрируясь на северном отделении «Центра Действия» в Гельсингфорсе. А. Кубасов использовал некоторые ранее изданные исторические работы, а также материалы фонда ЦД в ГАРФ, что повышает ценность его статьи для других исследователей²⁰⁹. Но связи ЦД с польской разведкой автор не раскрывает.

Довольно странно, на мой взгляд, что очень мало интересуются деятельностью ЦД историки на Украине, поскольку основное отде-

ление его на советской территории находилось именно в Киеве, где и состоялся открытый судебный процесс. В архиве Службы безопасности Украины хранится многотомное уголовное дело, по которому проходили в качестве обвиняемых известные украинские ученые. Только этот факт привлек внимание историка-архивиста Л. Сухих. Она подготовила статью «Киевский областной Центр Действия и причастность к нему Н.П. Василенко и В.А. Романовского» и опубликовала ее в одном из украинских научных журналов²¹⁰. К сожалению, ничего нового по избранной мной теме в этой статье не содержится, поскольку она написана на уже известных и упомянутых мною выше материалах (стенограммах судебного процесса, книге Д. Голинкова и т.д.) без привлечения архивных документов СБУ. Связь КЦД с польской разведкой автора вообще не интересовала.

Так обстоит дело с изучением истории самого «Центра Действия». Что же касается подавления его активности в СССР в рамках чекистской операции «Синдикат-1», то об этом почти ничего не известно даже специалистам в области истории специальных служб. Все описания деятельности ВЧК-ОГПУ начинаются с разоблачения «заговора послов», «Народного союза защиты родины и свободы», «Национального центра» и «Тактического центра» в период Гражданской войны. За послевоенный период описаны лишь операции «Д-39», «Синдикат-2», «Трест» и «Синдикат-4». О разработке «С-1» в открытых изданиях вообще ничего нет. Как это ни странно, но некоторые сведения удалось найти в Интернете, где, к моему удивлению, выставлен учебник по истории органов госбезопасности, изданный Высшей школой КГБ СССР еще в 1977 г. В отличие от операции «Синдикат-2», в начальной своей фазе совпавшей по времени с «Синдикатом-1», о последней в тексте говорится всего лишь на двух страницах, да и то в самых общих чертах. Причем ссылок на материалы архива не дается, а имеется лишь указание на книгу И.А. Дорошенко и А.В. Прокопенко «Славные чекистские традиции», изданную в более ранние годы (видимо, в закрытом порядке) ВКШ КГБ СССР. Приходится лишь надеяться на добросовестность этих авторов, учитывая при этом, что И.А. Дорошенко преподавал историю органов государственной безопасности. Его лекции в свое время слушал и я, а посему могу засвидетельствовать высокий уровень знаний моего педагога.

Что же касается А.В. Прокопенко, то он многие годы (с 1960 по 1973) возглавлял учетно-архивный, а затем 10-й отдел КГБ СССР – подразделение, в которое входил и архив Комитета госбезопасно-

сти²¹¹. Эти два офицера совместно с сотрудником Пресс-бюро КГБ при СМ СССР полковником И.В. Кононенко выполняли поручение Ю.В. Андропова по оказанию помощи известному писателю В. Ардаматскому в работе над романом «Возмездие»²¹². В этой книге рассказывается об операции «Синдикат-2», которая на начальном этапе некоторым образом переплеталась с разработкой «Синдикат-1». До перехода в Пресс-бюро И. Кононенко работал руководителем группы использования материалов в архиве КГБ СССР и по роду своей деятельности хорошо знал основные фонды. Поэтому не приходится удивляться тому, что писатель В. Ардаматский в своем романе дал несколько документально точных эпизодов из дела «С-1», хотя «Центр Действия» как таковой и не упоминался²¹³.

Поиски материалов, отражающих деятельность ЦД и операцию «Синдикат-1», пришлось продолжить в других архивах. Прежде всего в ГАРФ. Именно там сконцентрированы материалы бывшего Русского заграничного исторического архива. Эмигранты «первой волны» приложили немало усилий, чтобы собрать уникальные коллекции. Отдельный фонд образуют документы «Центра Действия». Согласно надписи на пакетах, в которых они находились, это секретная часть архива ЦД и вскрывать их дозволялось только по личному письменному разрешению трех человек: Н.В. Чайковского, И.П. Демидова и Н.П. Вакара, то есть создателей и основных руководителей этой организации²¹⁴. Судя по записям в листах ознакомления, начиная с 1977 г. с делами фонда работали не более 5–7 человек. Одним из первых (если не самым первым) был доцент (в то время) исторического факультета МГУ Ю.А. Щетинов. Он практически фронтально изучал материалы, делая при этом многочисленные выписки. Однако, к моему сожалению, ничего о создании и деятельности ЦД, скорее всего, он не написал, а вернее – не опубликовал. По крайней мере, его статей мне найти не удалось. Почти все дела просмотрел в 2006–2008 гг. и упомянутый мною ранее кандидат исторических наук М.В. Соколов, поэтому написанный им фрагмент, касающийся «Центра Действия», можно считать документально обоснованным²¹⁵.

Документы о связи ЦД с польской разведкой, что меня и интересовало прежде всего, сохранились в РГВА, где имеется фонд 2-го (разведывательного) отдела Генштаба Польши и его экспозитуры во Львове²¹⁶. В этом же фонде имеются списки польской агентуры. Среди перечисленных в списке лиц обнаружилось и члены организации «Центр Действия», включая и киевское отделение.

В РГАСПИ, в фонде Ф.Э. Дзержинского, отложились материалы Иностранного и Контрразведывательного отделов ВЧК-ОГПУ, отражающие некоторые оперативные мероприятия органов государственной безопасности в первой половине 1920-х гг.²¹⁷ Архивные уголовные дела на некоторых участников организации ЦД имеются в Центральном архиве ФСБ России. Многотомное уголовное дело на фигурантов «Киевского областного Центра Действия» хранится, как я уже упоминал, в Отраслевом Государственном архиве Службы безопасности Украины²¹⁸.

После такого краткого историографического обзора приступим к изложению и анализу вновь найденной информации. Для начала отмечу важный факт, а именно то, что как полную катастрофу оценивали эвакуацию из Крыма остатков армии генерала П.Н. Врангеля в ноябре 1920 г. политические деятели и военные из антибольшевистского лагеря. Отношения с союзниками становились все более и более прохладными, помощь с их стороны ослабевала изо дня в день. Однако многие из участников борьбы с установившимся в России режимом не считали свое дело окончательно проигранным. Сложившаяся обстановка указывала на необходимость лишь сменить тактику, отказавшись от привлечения интервенционистских сил и от возложения надежд на возрождение русской армии как орудия реванша на территории иностранных государств.

Одним из первых предложил изменить тактику опытный русский разведчик, известный военный деятель генерал-лейтенант Н.А. Монкевиц, который с середины 1918 г. находился в эмиграции в Париже. В следующем году его назначили представителем генерала А.И. Деникина во Франции. Он издал книгу о развале русской армии и, видимо, размышляя над ее текстом, пришел к выводу о бесперспективности вооруженной борьбы на белых фронтах, а также и иностранной интервенции. Среди материалов фонда «Центра Действия» в ГАРФ сохранилась записка генерала, датированная 16 ноября 1920 г. На пяти машинописных страницах Монкевиц изложил свои взгляды, отталкиваясь от факта крушения Крымского фронта. «Сложить оружие и отказаться от дальнейшей борьбы с большевиками, – писал генерал, – будет величайшим преступлением перед Родиной и многомиллионными жертвами большевистского режима. Борьба должна и будет продолжаться; и силы и средства для этой борьбы найдутся; необходимо лишь, в соответствии с создавшейся обстановкой, выяснить и определенно установить, в какой форме борьба должна продолжаться»²¹⁹. Автор записки в своем анализе опирается на статистические данные о

количестве погибших и раненых офицеров царской кадровой армии. А офицеры военного времени, по его мнению, являются менее доброкачественными и не способны взять на себя создание новой вооруженной силы для борьбы с большевиками. Нет в достаточном количестве ни материальных, ни финансовых средств, без которых никакой боеспособной армии создать невозможно.

Итогом проведенного анализа стало утверждение Монкевица о необходимости усиленно развивать борьбу в политической форме. Он утверждал следующее: «Политическая борьба была во все времена одним из самых действительных средств для ниспровержения существующей власти и всегда рано или поздно давала положительный результат. В применении к большевистскому режиму этот вид борьбы тем более должен обещать полный успех, что почва в России для этой борьбы является совершенно подготовленной, и необходимо лишь создать руководящий центр»²²⁰. Этот центр генерал рассматривал как готовый правительственный аппарат будущей России, а его исполнительный орган (в условиях эмиграции), по мысли генерала, должен незамедлительно приступить к пропагандистской и иной политической деятельности внутри Советской России. Как специалист в области разведки и контрразведки Монкевиц предлагал широко поставить сбор информации, включая и военную, организовать связь с подпольными антибольшевистскими организациями и готовить восстания. Одновременно, по его мнению, требовалось развернуть борьбу в культурной и экономической сферах. Первоначально генерал предлагал опираться на уже существовавший Национальный русский совет, который признает Франция²²¹. Среди членов Совета автор записки назвал и Н.В. Чайковского, которому, очевидно, и направил свой текст.

Еще в первой половине 1920 г. парижская группа кадетских лидеров во главе с П.Н. Милюковым начала поиск более гибких форм борьбы с большевиками, все более расходясь с теми, кто продолжал делать ставку на белогвардейских генералов. А в начале декабря этого же года Милюков заявил следующее: «На прошлое я смотрю как на ошибку, но, как и на опыт. Повторение и продолжение его невозможно. Цикл закончился сам по себе. Борьба с большевизмом отныне не укладывается в нашу прежнюю схему. Мы знаем, что старое не годится, но каково должно быть новое, мы не знаем. Здесь у нас пустое место»²²².

Новую тактику борьбы искали и эмигранты из республиканско-демократического лагеря. Активные обсуждения далеко не всегда приводили к приемлемым для всех выводам. В рамках од-

ной и той же политической группы порой высказывались противоположные мнения, звучали призывы к трудно совместимым практическим действиям. Случалось, однако, что люди разной партийной принадлежности приходили к схожим выводам и готовы были работать совместно не как представители своих политических структур, а на персональной основе. Именно на такой платформе возникла организация «Центр Действия»²²³. Об этом говорится в краткой записке – памятке о «Центре Действия», составленной еще в 1926 г. в Париже. Ее автор неизвестен, однако, по результатам анализа текста документа, можно с определенной долей уверенности говорить, что это был Николай Платонович Вакар – один из основных организаторов практической работы ЦД. «В результате обмена мнений, происходившего по этому вопросу (выработки новой тактики. – А.З.) еще с начала осени 1920 года между Н.В. Чайковским, И.П. Демидовым и Н.П. Вакаром, – указывал автор записки, – в ноябре было созвано на квартире Н.В. Чайковского частное совещание. Собрались: Н.П. Вакар, Н.К. Волков, И.П. Демидов, А.В. Карташев, Н.Н. Параделов, А.А. Титов и Н.В. Чайковский. На этом совещании было решено приступить к организации “Центра Действия”, и была заложена его первая основа»²²⁴.

Отцы-основатели решили не ставить свои политические группы в известность о достигнутых договоренностях. Новых членов предполагалось избирать только при единогласном голосовании и только исходя из личных качеств кандидатов, а не ввиду их принадлежности к какой-либо партии или объединению. Именно на такой основе до весны следующего года в состав ЦД вошли генерал Н.Н. Головин, известные в ту пору политики В.Ф. Зеелер, П.Ю. Зубов, М.А. Ландау-Алданов, Д.М. Одинец, А.Ф. Ступницкий и В.А. Харламов. Других фамилий в записке-памятке не приводится, а значит список этот исчерпывающий. Таким образом, среди членов ЦД оказались три беспартийных (на тот период), шесть конституционных демократов и пять народных социалистов. Как видим, ни монархистов каких-либо оттенков, ни эсеров, ни меньшевиков, а также и анархистов в составе ЦД не имелось. Это важно подчеркнуть, поскольку с крайними флангами эмиграции не предполагалось взаимодействовать при выработке программы и в любых видах практической деятельности как за границами России, так и внутри советской страны. Однако, как будет видно при рассмотрении основополагающих документов новой организации, мало что оригинального было придумано в проведении подрывной работы, направленной на свержение большевистского режима.

При обсуждении вопросов, стоявших на повестке дня, все члены ЦД целиком сходились друг с другом в одном – следует декларативно провозглашать полную независимость ЦД от иностранных разведок. При этом, будучи реальными политиками, они прекрасно понимали, что без связей со спецслужбами не обойтись. Прежде всего это касалось польской разведки. Во-первых, граница Польши с советскими республиками была наиболее протяженной, что позволяло организовать достаточное количество пунктов для переправы агентов ЦД и переброски антисоветской литературы. Во-вторых, сделать это без согласия польских властей и контроля с их стороны не представлялось возможным. В-третьих, было ясно, что за оказанные услуги поляки потребуют от ЦД делиться собранной в нашей стране информацией, а скорее всего и заставят целенаправленно собирать сведения по заданиям 2-го отдела своего Генштаба. Члены ЦД по умолчанию соглашались с такой перспективой, хотя в переписке между собой приходили к пониманию того, что постепенно скатываются к банальному шпионажу. Готовя в 1926 г. «Краткую записку-памятку о Центре Действия», ее составитель – Н.П. Вакар – подчеркивал «независимость» организации, рассчитывая, вероятно, на прочтение документа благодарными потомками. Поэтому он и пытался представить дело таким образом, что за все три года своей деятельности ЦД не был связан ни с одним иностранным правительством и в его кассу не поступало «ни одного гроша из какой-либо иностранной казны»²²⁵.

Не буду детально рассматривать процесс создания ЦД – ведь не сама эта структура является предметом моего исследования, а ее взаимодействие с польскими спецслужбами. Приведу лишь некоторые факты, изложенные в достаточно объемном (более 20 страниц) письме одного из руководителей ЦД в Париже своим коллегам в Константинополь. Письмо датировано 17 января (по новому стилю) 1921 г. Из текста усматривается, что предполагалось не плодить в условиях эмиграции новые правительственные аппараты для будущей России, а создать некий технический орган для поддержания связей на советской стороне, пропагандистской работы, организации восстаний и сбора необходимой разведывательной информации по всем областям действий новой власти. Данный аппарат должен был строиться при самом активном участии двух взаимосвязанных органов тайной борьбы с большевиками: 1) разведывательной части Генерального штаба Военного управления армии генерала Врангеля, работавшей под началом таких офицеров, как полковник Генштаба П.Г. Архангельский и полковник

П.Т. Самохвалов (псевдоним «Око»); 2) конспиративной организации «Азбука», ранее руководившейся бывшим членом Государственной думы В.В. Шульгиным²²⁶.

В конце лета 1920 г. из Крыма в Париж прибыл курьер полковника Архангельского капитан Б.А. Куцевалов, направлявшийся затем в Советскую Россию. Но ему было предложено задержаться в Праге и в перспективе возглавить отделение ЦД в Варшаве²²⁷. Так и произошло. Начало польскому отделу ЦД положил именно Куцевалов. Он был офицером в армии генерала Деникина, а затем и в разведке Врангеля. В 1919 г. подпольно работал в Киеве и имел связь с разведывательной организацией «Азбука», где был известен под псевдонимом «Слово». В 1920 г. капитан перебрался в Чехословакию и из Праги установил контакт с находившимся в Париже бывшим членом «Азбуки», а в это время уже реальным организатором недавно созданной организации «Центр Действия» Н.П. Вакаром (псевдонимы в организациях «Азбука» и ЦД – «Зело» и «Зелинский»)²²⁸.

Чтобы адекватно оценить роль этой личности в плане рассматриваемой темы, стоит сказать о нем чуть подробнее, поскольку именно он был основным действующим лицом в ЦД и одним из объектов чекистской агентурной разработки «Синдикат-1». По некоторым данным, Николай Платонович Вакар, будучи еще достаточно молодым человеком, уже входил в состав ЦК кадетской партии и был близок к П.Н. Милюкову. С началом Первой мировой войны добровольно ушел на фронт, дослужился до звания поручика, за участие в боях был награжден несколькими орденами, в том числе двумя Георгиевскими крестами. В 1918 г. был в числе организаторов антибольшевистского подполья и деникинской разведки в Киеве. В конце следующего года вместе с бывшим членом Государственной думы И.П. Демидовым (членом «Азбуки») выехал в Польшу в качестве члена общественной делегации, но по поручению главнокомандующего Вооруженными силами юга России генерала А.И. Деникина. После завершения этой миссии эмигрировал во Францию и проживал в Париже, где возглавил всю техническую работу по созданию «Центра Действия».

Из сохранившейся в архиве переписки эмигрантов, имевших отношение к ЦД, видно, что Вакар предложил Куцевалову выехать в Польшу, создать там филиал ЦД и организовать связь с группой врангелевских разведчиков в Киеве. В условиях прекращения армией Врангеля боевых действий и эвакуации ее остатков в Турцию ЦД пытался замкнуть на себя хотя бы часть структур и кадров бе-

логвардейской разведки для создания своих опорных пунктов на советской стороне. Поскольку Куцевалов хорошо знал по совместной подпольной работе начальника вышеупомянутой разведгруппы полковника В.П. Барцевича (псевдоним в «Азбуке» «Фита»), предполагалось предложить последнему возглавить представительство ЦД в Советской России и на Украине, наладить сбор необходимой информации.

Визу для Куцевалова выдало польское посольство в Праге после обращения туда некоторых эмигрантов, и он выехал в Варшаву в конце ноября 1920 г. Вне всякого сомнения, решить поставленные задачи «ответственный организатор» мог только лишь при наличии устойчивых связей с польской разведкой. В одном из его отчетов отмечено, что по прибытии в польскую столицу он через знакомых сумел выйти на некоторых офицеров Генерального штаба, а затем и на сотрудников разведывательного отдела²²⁹. Одним из них был тогда еще капитан М. Таликовский. Он на протяжении всего времени существования Варшавского отделения ЦД контролировал его работу, обеспечивал необходимыми документами, давал разведывательные задания и получал собранные на советской стороне сведения.

Как «куратор» от польского Генштаба Таликовский поставил перед Куцеваловым одно не подлежащее обсуждению условие – увязка работы ЦД с действовавшей в Польше организацией Б. Савинкова, которую также патронировала польская разведка. ЦД и не собирался действовать в тайне от главы Русского политического комитета. О прибытии Куцевалова Савинкова заранее известил «идейный вождь» и формальный руководитель ЦД Н.В. Чайковский²³⁰. Но кто такой был для Савинкова Куцевалов и даже вскоре прибывший к последнему в помощь Н.П. Вакар? Пусть и опытные в конспиративной работе офицеры, но не имевшие никакого политического веса люди. Начались разногласия по ряду вопросов, и прежде всего относительно государственной независимости Украины. Это подтверждает сохранившаяся в архиве переписка. «Русский Политический Комитет (ныне Эвакуационный), – писал в феврале 1921 г. Савинков Вакару, – не может содействовать работе, в какой-либо мере нарушающей дружеские отношения между Р.Э.К. и Правительством Украинской Народной Республики. Кроме того, вся Ваша партизанская работа должна протекать под непосредственным контролем Р.Э.К. и его Информационного Бюро»²³¹. В конце февраля Савинков однозначно заявил Вакару, что без права его брата Виктора, стоявшего во главе Информационного бюро, осу-

ществлять фактический контроль над переправами агентов ЦД через границу и даже права увольнять сотрудников пунктов переправ никакая работа ЦД в Польше осуществляться не будет²³². С трудом, но компромисс был найден весной 1921 г. Член РПК Д.М. Одинец, которому присвоили псевдоним «Ять», стал формальным руководителем Варшавского отделения ЦД (ВОЦД). Несмотря на указания Савинкова, Одинец, к радости Вакара и Куцевалова, не проявлял должной энергии в деле контроля над ЦД. Уже осенью 1921 г. реально руководила деятельностью ВОЦД коллегия, сформированная из трех членов ЦД: Куцевалова (псевдоним «Слово»), Алексея Платоновича Вакара (псевдоним «Медик») и Бориса Алексеевича Евреинова (псевдоним «Гусар»)²³³.

О последнем придется упомянуть еще не раз, поэтому приведу некоторые данные из его биографии. «Гусар» происходил из старинной дворянской семьи. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и затем поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии кирасирский полк и, став прапорщиком, прослужил там более двух лет. Разделяя политические воззрения кадетов, стал членом их партии. В период Временного правительства был его комиссаром в одном из уездов Курской губернии. С 1919 г. служил в Добровольческой армии в гусарском Черниговском полку. Участвовал в боях с частями Красной армии и в одном из них был тяжело ранен. С конца 1920 г. проживал в Польше и работал в различных эмигрантских учреждениях, при этом являлся агентом польской разведки. Нельзя исключать того, что летом 1921 г. именно по заданию 2-го отдела ПГШ во многом искусственный конфликт между членами коллегии ВОЦД был раздут Евреиновым для удаления с поста руководителя коллегии Куцевалова. Последний не шел на полный контакт с польскими разведчиками, в частности с начальником русского направления капитаном Таликовским. Один из ответственных сотрудников линии связи и руководитель переправочного пункта ЦД Д.К. Капоцинский (псевдоним в организации «Орленок») в письме к Вакару в Париж пусть и косвенно, но подтверждает мой вывод. Выдержка из письма, хранящегося в Бахметьевском архиве (США), приведена в монографии М. Соколова: «Мы все были против снабжения “друзей” (так в переписке членов ЦД обозначались сотрудники польской разведки. – А.З.) информацией военного характера. Но Б.А. (Евреинов. – А.З.), через которого была установлена и поддерживалась связь со 2 отделом, всегда отвечал, что за дружбу приходится платить, хотя ему это и не очень приятно»²³⁴.

Капащинский знал то, о чем писал. Ведь он сам был завербован польской разведкой и с 1921 г. значился в картотеке экспозитуры № 1 в Вильно как работающий в резидентуре «Вильк»²³⁵. Кстати говоря, в составе этой же резидентуры действовал и добровольно изъявивший желание помогать советской разведке поручик Н. Крошко. Еще в 1998 г., при подготовке к переизданию книги врангелевского разведчика В.Г. Орлова, я решил дать в приложении воспоминания Крошко, предоставленные мне Пресс-бюро Службы внешней разведки России. Так вот, в этих записках агента ВЧК-ОГПУ «А/3» (Крошко) есть следующий пассаж: «Через несколько дней я пришел в посольство... и снова был принят Кобецим (заместителем резидента ВЧК в Варшаве К.С. Баранским. – А.З.). На этой встрече присутствовал еще один товарищ (резидент М.А. Логановский. – А.З.). Мне предложили подробно написать о савинковской организации в Варшаве, о ее взаимоотношениях с французской миссией и 2-м отделом польского генштаба, об их агентурной сети в пограничной полосе, в районе Сарн, Ровно, о деятельности эсера Кароля Вензьягольского (правильно Вендзягольский. – А.З.)... то есть обо всем, что я тогда знал»²³⁶. А знал он и об этапном переправочном пункте ЦД в Ровно, где работал вместе с Капоцинским, но по линии савинковцев. Поэтому можно говорить о том, что Крошко был одним из источников информации ВЧК о существовании ЦД и забросках его агентов на советскую сторону.

Итак, к весне 1921 г. ЦД имел следующую структуру: Главный отдел (в Париже) – Варшавское отделение – этапный пункт в Ровно – переправочный пункт в приграничном Корце. Постепенно количество переправочных пунктов увеличивалось, когда на то соглашались Савинков и польская разведка. Теперь предстояло создавать отделения ЦД в Киеве, Москве и некоторых других городах советских республик.

Первым, кто проложил путь на Украину, был капитан Куцевалов. В знакомом ему городе, где проживали его сестры Зинаида и Леонида, Куцевалов освоился достаточно быстро. Он имел поддельные документы на фамилию «Мироненко», профессионально изготовленные польской разведкой, и надеялся, что будет реальная возможность действовать достаточно длительное время. Однако уже вскоре ему удалось выяснить, что подпольщики и сам Барцевич еще несколько месяцев назад были арестованы. Вот, что об этих событиях пишут украинские историки: «Филиал “Азбуки”, который возглавлял полковник Генштаба царской армии Барцевич (правильно Барцевич. – А.З.) (Сказков), был раскрыт чекистами в

Киеве. При аресте белогвардейцев были выявлены их явки в Киеве, Харькове и других городах, установлены места переходов врангелевских связных через линию фронта, что позволило задержать и арестовать многих белогвардейских агентов»²³⁷. Дополню сказанное сведениями из отчета Куцевалова. «Дорогой “Зело”, – писал Куцевалов, – нас постигло новое несчастье. Волянский, капитан, Вы, наверное, знаете (он работал в Киеве в 1919 г. в “Руси”, “Азбуке” и в 1920 г. в разведке Врангеля) предал всех. Списки “Нац. Объединения”, “Киевского центра Добр. Армии”, “Азбуки” имеются в Че-Ка. Расстреляны: “Фита”, сестра “747”, дочь “Око” и еще около 17 человек; “Верочка” и “Бомба” были арестованы, сидели в Че-Ка. “Бомба” была приговорена к расстрелу, ее удалось выкупить, “Верочка” была отпущена»²³⁸.

В создавшихся условиях Куцевалову ничего другого не оставалось, как создать новую подпольную ячейку, организовать обеспечение бесперебойной работы конспиративной квартиры, а также пункта для приема корреспонденции из-за границы и пересылки туда собранных сведений. Он завербовал своих сестер Зинаиду (псевдоним «Пианистка») и Леониду (псевдоним «Гимназистка»), восстановил связь с прапорщиком запаса инженерных войск, заведующим киевской нотариальной конторой А.П. Вельминым (псевдоним «Юрист») и предпринял попытки выйти на агента врангелевской разведки «747-го», проживавшего в Харькове. Всех их предполагалось использовать для формирования так называемой «линии связи ЦД», а следовательно, и выполнения заданий польской разведки.

Куцевалов доложил не только о произошедшем провале, но и об упадке сопротивленческих настроений в среде, которая должна была стать опорой будущей деятельности ЦД, – прежде всего технической и научной интеллигенции. Введение нэпа породило у многих ее представителей надежду на постепенное перерождение советской власти и, в конечном итоге, возобладание республиканско-демократических идей. В связи с этим Главный отдел в Париже принял решение готовить поездку на Украину и в Россию своего «исполнительного директора» – Вакара-«Зело». Однако последнему предстояло первоначально побывать в Варшаве, чтобы укрепить позиции местного отделения ЦД в глазах польских властей, а точнее – 2-го отдела ПГШ, решительно отделить деятельность ЦД от савинковской организации. Следовало решить и ряд внутренних проблем. Это касалось, в частности, улаживания конфликтной ситуации, в которой пребывали «Слово», «Гусар» и «Медик» из-за

разногласий по поводу финансового обеспечения организации и невыплаты Куцевалову части причитавшихся денег за поездку на советскую сторону.

Проблемы с польской разведкой у Варшавского отделения ЦД возникли в октябре 1921 г. из-за врангелевского разведчика, а теперь основного агента ВОЦД в Киеве – капитана Генерального штаба Б.Ю. Павловского. Хотя он и был выходцем из семьи польских дворян, однако, как и большинство офицеров царской армии, воевал в рядах белых войск под лозунгом «За Единую и Неделимую Россию», не соглашался с провозглашением независимой Польши. Свою позицию он высказывал открыто в переписке с ВОЦД, не зная, что ее перлюстрируют польские спецслужбы. Мало того, он без санкции главного отдела и польской разведки начал готовить террористические акты против Г. Зиновьева и Ф. Дзержинского²³⁹. Прибыв в октябре 1921 г. в Варшаву с отчетом о проделанной работе, Павловский был немедленно арестован и посажен в Цитадель – основную тюрьму для политических противников и шпионов. За освобождение столь ценного агента с польской политической полицией бился не только Евреинов («Гусар»), но и начальник русского направления 2-го отдела ПГШ капитан Таликовский. Решить вопрос удалось только через два месяца – в декабре. Едва ли Павловский изменил свои взгляды, но его возможности на советской стороне перевесили негативное к нему отношение.

Недостаточно лояльными к независимой Польше 2-й отдел ПГШ посчитал также Куцевалова и даже Вакара. Первый вынужден был уехать в Чехословакию, а второму в Париже не выдали польскую визу для проезда через ее территорию на Украину. Поэтому, используя возможности группы ЦД в Праге, Вакару изготовили поддельные документы на имя чешского инженера Николая Зелинского, и таким образом он смог приехать во Львов. Там его отследила экспозитура № 5 польской разведки, но не стала препятствовать подготовке к переходу границы, рассчитывая первой получить при возвращении Вакара важные разведданные. В ночь с 27 на 28 марта 1922 г. «Зелинский» пересек границу.

Прежде чем рассмотреть итоги поездки Вакара-«Зелинского» в Киев и Москву, приведу некоторые соображения относительно осведомленности советских органов госбезопасности о деятельности Главного отдела ЦД в Париже, отделений в Праге и Варшаве. Ранее я уже упоминал об агенте ИНО ГПУ «А/З» (Н. Крошко). Думается, что именно он дал первую информацию о существовании ЦД в Польше и переправах агентов через советско-польскую границу.

Затем соответствующее задание Особого отдела ГПУ, переданное через Иностраный отдел, получил выведенный во Францию еще в январе 1921 г. во главе разведгруппы нелегальный резидент «Зонт» – Н.Н. Алексеев. В его задачу входила организация проникновения в антисоветские эмигрантские центры²⁴⁰. Практически все сотрудники резидентуры «Зонта» были участниками Гражданской войны на Украине. В то время они состояли в партии эсеров и знали многих нелегальных работников не только из своей партии, но и иных политических структур. А поскольку основные деятели ЦД тоже находились в Харькове и Киеве в 1917–1919 гг., то подход к ним удалось осуществить достаточно быстро. Как указано в «Очерках истории Российской внешней разведки», разведгруппа имела двух агентов из числа бывших офицеров: полковника Потоцкого и ротмистра Павлова²⁴¹. Они ранее работали у Савинкова и были известны ему лично. Указанные агенты обосновались в Праге и занялись изучением местных белогвардейцев.

Независимо от этих агентов в Париже работала оперативная группа под руководством самого Алексеева. В ее состав входил и брат жены «Зонта» – Вейцман (псевдоним «Дух»). Его родственники давно проживали во французской столице и обеспечили чекистскому агенту легализацию. Вскоре «Дух» сумел внедриться в окружение некоторых руководителей Главного отдела ЦД, и в Москву стала поступать важная для разработки «С-1» информация. Но больше всего пользы в изучении ЦД принес агент группы «Зонта» врач Леонид Зинченко (Гольденштам). Он временно осел во Львове, где им руководил заместитель Алексеева, в будущем известный чекист Иван Запорожец²⁴². Первоначально они разрабатывали петлюровскую организацию и особое внимание при этом уделяли ее связи с экспозитурой № 5 польской разведки. Осенью 1921 г. Запорожец выехал в Прагу и приступил к разработке наряду с другими эмигрантскими структурами некоего почтово-телеграфного агентства «Славбюро». Это был запасной аппарат ЦД, в котором постоянно работали два человека: В.И. Менцель (псевдоним «Ватек») и «Рцы», фамилию которого чекисты так и не смогли установить²⁴³.

В документах ЦД имеется указание на то, что в Праге в это время также находился (до отъезда в Варшаву) и капитан Куцевалов. Вероятно, что в их окружение и внедрились агенты Запорожца. Кроме того, как я уже упомянул, инспектор-организатор ЦД Вакар в сентябре 1921 г. тоже приехал в Прагу. Он намеревался через Менцеля добыть чехословацкий паспорт, чтобы не привлекать лишнего

внимания центрального аппарата польской разведки, находясь во Львове до отправки на советскую территорию.

Тут, надо сказать, нашей разведгруппе сильно повезло. Оказалось, что Запорожец был давно, со времени подпольной работы в Киеве, знаком с Вакаром и пользовался у последнего полным доверием. У меня нет информации, встречались ли они в Праге, но известно одно – кто такой чешский инженер Николай Зелинский в ГПУ узнали своевременно. Изучением деятельности ЦД в Польше и персонально Вакара-«Зелинского» по прибытии того во Львов занялся агент Зинченко. Он тоже добился успеха в порученном деле. По крайней мере, уже ранней весной 1922 г. в ИНО ГПУ от «Зонта» поступила затребованная информация. Она была достаточно полной и включала данные о связи ЦД с польской разведкой. Таким образом, можно говорить о том, что нелегальная резидентура «Зонта» успешно справилась с полученным от Особого отдела ГПУ заданием.

Важную информацию о начале работы ЦД на советской территории в начале апреля 1922 г. добыли и чекисты Украины. Теперь у ОО ГПУ не осталось сомнений в необходимости активно заняться разработкой «Центра Действия» и завязать с ним оперативную игру с выходом не только на эту эмигрантскую структуру, но и на польские спецслужбы. Так началась операция «Синдикат-1». В первый месяц ее вел Особый, а с 6 мая 1922 г. – выделенный из него Контрразведывательный отдел ГПУ, конкретно его 6-е отделение во главе с Сосновским.

Теперь возвратимся к поездке Вакара в Киев и Москву. Перекажу события, к ней относящиеся, основываясь на исторической справке о ЦД, составленной самим Вакаром в 1926 г. Временно обосновавшись во Львове по фальшивым документам на имя инженера Зелинского, он приглашал к себе членов коллегии Варшавского отдела, сам выезжал в польскую столицу для ознакомления с их работой и подготовки к переходу границы. Тогда еще возглавлявший коллегию капитан Куцевалов («Слово»), известный 2-му отделу ПГШ под именем полковника Словинского, доложил о состоянии «линии связи» и явок в Киеве. «Ввиду невозможности проникать в пограничную полосу без разрешения польских властей, – писал Вакар, – “Варшавское отделение Центра Действия” с разрешения Парижа поставило в известность о своем существовании и о своей деятельности польские власти; польские власти согласились не чинить препятствий “Центру Действия”, но потребовали за это от “Центра Действия” предоставления им информации всякого рода

о Советской России. По указанию Парижского центра, Варшавскому отделению было разрешено давать полякам эти сведения...»²⁴⁴ Как бы оправдываясь, Вакар добавляет, что запрет был наложен лишь на передачу сведений военного характера, но в реальности это не соблюдалось. Если даже предположить, что Главный отдел ЦД состоял из одних наивных идеалистов и поэтому рассчитывал на строгое соблюдение своих предписаний, то польские разведчики добивались исполнения поставленных перед ними в Генеральном штабе задач, используя свою агентуру среди членов Варшавского отделения ЦД, сотрудников переправочных пунктов и курьеров. Напомню, что агентами польской разведки были председатель коллегии ВОЦД Евреинов и начальник этапного пункта в Ровно капитан Капоцинский (псевдоним «Орленок»). После освобождения из-под ареста согласился, пусть и под давлением офицеров 2-го отдела ПГШ, работать на поляков также и главный резидент в Киеве – Павловский. Ведь его престарелая мать, проживавшая в одиночестве в Варшаве практически в нищете, являлась фактически заложницей местной политической полиции и контрразведки.

В ночь с 27 на 28 марта 1922 г. Вакар нелегально перешел границу и через три дня уже был в столице Правобережной Украины. Киевский отдел ГПУ был своевременно уведомлен из Москвы о прибытии Вакара-«Зелинского» в город. Местным чекистам он был известен по периоду Гражданской войны как член подпольной организации «Азбука» и врангелевский разведчик. О Вакаре и его связях в городе дополнительные сведения еще в 1920 г. дал при допросах агент группы полковника Барцевича – поручик А. Волянский²⁴⁵.

Материалы судебного процесса по делу «Киевского областного Центра Действия» (КОЦД) позволяют реконструировать действия местных чекистов на начальной стадии разработки²⁴⁶. Примерно определив круг лиц, к которым мог обратиться Вакар, председатель Киевской губЧК Я. Лившиц и начальник секретно-оперативной части Ю. Перцов подвели к бывшему прапорщику, а в то время лектору Военно-педагогической школы, А. Яковлеву проверенного агента А. Москвича. Этому секретному сотруднику посвящен специальный информационный листок – двухстраничное приложение № 2 к заграничному эсеровскому журналу «Знамя борьбы» за апрель 1924 г.²⁴⁷ Из опубликованного текста, якобы написанного 12 марта 1924 г. в Киеве лицом, хорошо осведомленным в деле КОЦД, узнаем, что Александр Георгиевич Москвич окончил в Киеве юридический факультет университета, в годы революции и

Гражданской войны работал в газете «Киевлянин», был близок к ее редактору В.В. Шульгину и состоял членом его подпольной разведывательной организации «Азбука». При денкинцах трудился в Осваге. После взятия власти в Киеве большевиками скрывался до прихода поляков. С позволения польских военных властей вновь сотрудничал в русских печатных изданиях. Арестован Киевской ЧК, был освобожден после дачи согласия на секретное сотрудничество. По рекомендации губЧК поступил на работу в «Сахаротрест», где благодаря своим способностям быстро продвинулся по службе.

Далее в журнальном приложении говорилось о том, как был раскрыт КОЦД. По данным автора (анализ некоторых архивных материалов позволяет сделать обоснованное предположение, что это был информатор ЦД и польской разведки А.П. Вельмин), в «Сахаротресте» под началом Москвича работал Алексей Яковлев, подозревавшийся чекистами в контрреволюционной деятельности. Кроме того, Яковлев представлял интерес еще и потому, что был соучеником Вакара по гимназии. И вот, когда Вакар прибыл в Киев, то одним из первых, с кем он вышел на контакт, был именно Яковлев. Последний о состоявшихся встречах подробно рассказывал агенту Киевского отдела ГПУ, в том числе и о создании Вакаром КОЦД. Яковлев проинформировал Москвича о скорой поездке Вакара в советскую столицу для организации Московского ЦД, о чем агент незамедлительно сообщил в губернский отдел ГПУ. Все материалы, добытые чекистами в Киеве, были срочно направлены в Контрразведывательный отдел ГПУ. С учетом уже имевшихся оперативных данных 6-е отделение выработало новые направления развития разработки «С-1».

Судя по упоминанию об этом оперативном деле в закрытом письме НКВД СССР от 11 августа 1937 г. (о подрывной работе польской разведки) в контексте попыток агентурного проникновения в иностранные спецслужбы, и прежде всего в разведку Польши, ясно, что по «С-1» такая работа планировалась²⁴⁸. Надо полагать, что первый шаг в данном направлении был сделан в Москве. По крайней мере, один из авторов примечаний к документам сборника «Борис Савинков на Лубянке» – В. Сафонов (в период подготовки издания являвшийся сотрудником Центрального архива ФСБ России) – уверенно подтвердил мне отмеченный в тексте факт ареста организатора Киевского и Московского отделов ЦД Вакара во время его пребывания в нашей стране в 1922 г.²⁴⁹ Позднее Вакар отмечал в одном из документов, что находился в Москве шесть недель в апреле – мае 1922 г. А в этот период в столице и некоторых

других городах проводились задержания многих лиц именно из той среды, в которой посланец ЦД подыскивал будущих членов своей организации. Речь идет о подготовке к высылке из страны большой группы «старой» интеллигенции (профессуры, писателей, экономистов, юристов, хозяйственных работников) в рамках акции, известной ныне историкам как «Философский пароход». Эту операцию проводило Особое бюро при Секретно-оперативном управлении ГПУ²⁵⁰. Однако некоторых задержанных передавали в распоряжение другого подразделения – КРО ГПУ и конкретно – заместителя начальника 6-го отделения Н. Демиденко, который как раз и руководил разработкой дела «С-1». Так, из 14 человек, содержащихся на август 1922 г. во внутренней тюрьме ГПУ, четверо были переданы вместе с делами в КРО²⁵¹. Фамилии Вакар среди арестованных я не нашел, однако он, скорее всего, содержался под определенным номером в целях сохранения в тайне самого факта ареста. Если прав В. Сафонов, написав об аресте Вакара, то рискну предположить, что на допросах арестованный давал ложные показания, не выдал реальных членов группы ЦД. Понимая это, чекисты сделали вид, что поверили ему и произвели ложную вербовку Вакара. Затем освободили из тюрьмы и позволили выехать в Польшу. Все это делалось в интересах развития разработки «С-1». Косвенным подтверждением этих действий чекистов служит тот факт, что после провала московской и киевской групп ЦД Вакар практически отошел от всякой конспиративной деятельности и до конца своей жизни не принимал участия в антисоветских акциях.

Тем временем в Москве события разворачивались следующим образом. К главе столичного отделения ЦД профессору Кооперативного института П. Исиченко путем умелых оперативных комбинаций подвели секретного уполномоченного КРО ГПУ И.К. Абаева (Абая), действовавшего под псевдонимом «Фейх»²⁵². Он предстал перед Исиченко как якобы руководитель сплоченной антисоветской подпольной группы, члены которой были объединены либерально-демократическими идеями. Кстати говоря, роль главного идеолога этой группы исполнял брат Абаева – бывший офицер царской армии В.Г. Островский. Позднее, в рамках операции против Савинкова («С-2»), именно он, а не чекист А.П. Федоров (как утверждается практически во всех публикациях), будет выступать в оперативной игре в качестве главы близкой савинковцам по духу организации «Либеральные демократы» (ЛД).

В рамках разработки «С-1» вместе с Островским в легендарную группу ЛД входили еще несколько человек: бывший офицер

царской армии, член подпольной эсеровской организации на Украине в период немецкой оккупации, а в годы Гражданской войны служивший в политорганах Красной армии Я.П. Гамза (Гамзагурдия) и использовавшийся «втемную» известный эсер С.Н. Патушинский, в 1918–1919 гг. возглавлявший военный отдел организации украинских социал-революционеров²⁵³. На организационные и деловые качества этих людей профессор Исиченко положился полностью и не только фактически передал им контроль над своей группой «Центра Действия», но и связал их с аналогичной группой в Киеве. Таким образом, практически вся деятельность ЦД в Советской России и на Украине была поставлена под контроль чекистов. Исключение составляла только киевская «Линия связи» (а реально разведывательная структура), действовавшая в прямом контакте и по заданиям 2-го отдела польского Генерального штаба. О ее истинной роли члены ЦД в Москве и Киеве могли только догадываться. Контрразведчикам в Киеве 6-м отделением КРО ГПУ была поставлена важная задача: сосредоточить основное внимание на выявлении деятельности именно «Линии связи» и не допустить сбора ее сотрудниками для последующей передачи полякам секретных сведений по военной и политико-экономической проблематике.

Как выполнялась эта задача, видно из опубликованных материалов судебного процесса по делу «Киевского областного Центра Действия». Все члены КОЦД и «Линии связи» предстали перед специальной сессией Киевского губернского суда в конце марта 1924 г. На скамье подсудимых явно не хватало только одного человека, а именно главы «Линии связи», идейного борца с большевиками капитана Генерального штаба Павловского («Андрея Петровича Мухина»), неожиданно скончавшегося от сердечного приступа в декабре 1922 г. В ходе его разработки чекисты успели наладить дезинформирование польской разведки и ЦД в Париже. Выступавший свидетелем по делу агент 2-го отдела ПГШ М.А. Павлюк (псевдоним у поляков – «Онищенко») сообщил суду о том, что получал от Павловского целые пачки приказов и других документов из штаба Киевского военного округа и доставлял их на разведпост польской разведки в городе Ровно, а иногда и прямо в Варшаву²⁵⁴. О том, что приносит в Польшу дезинформационные материалы, Павлюк не знал. Подставленные Павловскому агенты ГПУ из числа сотрудников штаба и управлений КВО четко выполняли задания чекистов и регулярно снабжали Павловского «важными» документами. Отсюда понятно, какого рода «секреты» уходили к противнику. Вполне естественно, что об этой стороне дела подсудимые, судьи и про-

куроры осведомлены не были. Техническую сторону организации связи с Польшей Павлюк, надеясь смягчить свою участь, осветил на суде достаточно полно. Он откровенничал и в отношении других членов КОЦД. Активное сотрудничество со следствием и полное раскаяние позволили суду не применять к нему высшую меру наказания. Но четверем обвиняемым избежать такого сурового приговора не удалось: Все осужденные подали ходатайства о помиловании, и Всеукраинский ЦИК удовлетворил их просьбы. Тем, кому вынесли расстрельные приговоры, заменили их на 10 лет трудовых лагерей, а остальным были значительно снижены сроки заключения²⁵⁵. В середине июля 1923 г. в Москве арестовали и профессора Исиченко. Его судьба сложилась иначе – почти год он находился под следствием. Но в итоге Коллегия ОГПУ на своем судебном заседании 19 мая 1924 г. вынесла решение о его расстреле.

Что же случилось? Почему так мастерски начатая оперативная игра с «Центром Действия» и польской разведкой не завершилась успешной реализацией? Можно уверенно утверждать, что в этом была не вина советских контрразведчиков, а их беда. Украинскому партийному руководству потребовалось осуществить идейный удар по местной гуманитарной интеллигенции. Зная из докладов заместителя председателя ГПУ УССР В.А. Балицкого о наличии в производстве у чекистов ряда дел, включая и дело КОЦД, по которым проходили несколько десятков известных в Киеве профессоров и юристов, ЦК КПУ обратилось в Политбюро с просьбой разрешить выслать их в отдаленные районы Советской России²⁵⁶. Что касается дела КОЦД, то первые лица ЦК КПУ настояли на организации открытого судебного процесса и получили поддержку. Ответственный за агентурную разработку «С-1» помощник начальника 6-го отделения КРО ОГПУ Демиденко направил довольно резкое письмо руководству органов госбезопасности, выразив в нем свое несогласие с партийным решением. Он отдавал себе отчет в том, что реализация дела на данной стадии неминуемо приведет к полной расшифровке оперативной игры и всей задействованной агентуры. Однако протест оперативника в расчет принят не был, и последовали аресты всех фигурантов дела и судебный процесс в Киеве. Профессор Исиченко, реально выполнявший роль организатора антисоветских групп ЦД в Москве и других городах России, а также и информатора эмигрантского центра в Париже, подлежал самому суровому наказанию. Кроме того, чекисты осознавали, что он понял настоящую роль всех членов группы «Фейха» и мог уведо-

Юзеф Пилсудский

Болеслав Венява-Длугошовский

Иосиф Довбор-Мусницкий –
командир польского корпуса в 1918 г.

Мотодзиро Акаси –
японский военный атташе в России

*Тадеуш Кобылянский –
польский атташе в Москве*

*Ян Ковалевский – военный атташе
Польши в Москве в 1920-е гг.*

Польский военный атташе на Красной площади

*Лев Любарский – агент-террорист
польской разведки.
Публикуется впервые*

*Всеволод Любарский – польский агент.
Публикуется впервые*

*Ян Карш – резидент польской разведки
в Ленинграде. Публикуется впервые*

*Мария Гуттен-Чапская –
польская дворянка*

*Игнаци Матушевский – начальник
польской разведки в начале 1920-х гг.*

Бронислав Уссас – польский ксендз в Петрограде. Публикуется впервые

Лист №

АРЕСТАНТСКОЕ.

278-25. Назначено к слушанию в суд. заседании на 15-е апреля 1925 г.

Розыскной

3638-25

ДОНЕЦКО-МАРИУПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУД

УГОЛОВНЫЙ ОТДЕЛ.

СУДЕБНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

в Архиве
10/10/25

к 4 2025

ДЕЛО № **769** 1925 Г.

По обвинению гр-на Уссас
Бронислава в пр. прудий. сий.
Ст. 157, 168 и 10, 169^а Угол. Кодек. РСФСР

Начато 5 октября 1924 года.
Закончено 15 апреля 1925 года.

3638-25

Дело Б. Уссаса

Начальники Особого отдела Западного фронта

Николай Бушув

Филипп Медведь

Генрих Бруно

*Станислав Глинский – сотрудник
Особого отдела Западного фронта
в начале 1920-х гг.
Публикуется впервые*

*Владимир Музыкант – начальник
следственной части Особого отдела
Западного фронта.
Публикуется впервые*

Польские коммунисты на Западном фронте

В.Р. Менжинский

*Станислав Пестковский –
заместитель Наркомнаца*

*Иосиф Униликхт –
заместитель председателя ВЧК*

Вид здания Лубянки (ВЧК) в 1920-е гг.

*Артур Артузов –
начальник советской контрразведки*

*Юрий Маковский – начальник
польского отделения ОО ВЧК в 1922 г.
Публикуется впервые*

*Яков Агранов – особоуполномоченный
ОО ВЧК в 1920 г.*

*Федор Карин –
сотрудник ОО ВЧК в 1920 г.*

*Петр Карусь – начальник польской
группы ОО ВЧК по Петроградскому ВО*

*Георгий Жуков – начальник польского
отделения контрразведки.
Публикуется впервые*

*Игнатий Сосновский –
сотрудник советской контрразведки*

*Виктор Витковский – начальник
польского отделения ОО ВЧК в 1920 г.
Публикуется впервые*

*Казимир Науиокайтис – начальник
польского отделения КРО ГПУ-ОГПУ
в 1920-е гг. Публикуется впервые*

*Виктор Осоловский – начальник польского отделения
советской контрразведки в 1936–1937 гг.
Публикуется впервые*

*Иван Запорожец –
заместитель начальника УНКВД
по Ленинградской области*

*Казимир Баранский – резидент
советской разведки в Варшаве.
Публикуется впервые*

*Мечислав Мазепус – сотрудник польской
секции Коминтерна.*

Публикуется впервые

*Альфред Бекман – офицер
военно-морского флота*

*Валерий Багинский – сотрудник
военного отдела Компартии Польши*

*Витольд Штурм-де-Штрэм –
польский коммунист*

*Виктор Бертинский – сотрудник
польского отделения КРО ОГПУ
в 1929 г., позднее руководитель
комиссии безопасности
Компартии Польши*

*Виктор Пахомов – начальник отделения
Следственного управления КГБ СССР*

КОНТ-РАЗВЕДЫБАТ. ОТД. ППОПУЗ

ЛИТЕРНОЕ ДЕЛО

Дело
с разной перепиской по
белорусским группировк.

«Зеленый Дуб»

154 л. л. а.

~~2000~~ ОПИСЬ № 2
ПОРЯДК. № 12

Начато _____ 1926 г.

17-15 Кончено _____ 1926 г.

по 154 л. л. а.

Обложка агентурного дела «Зеленый дуб»

мить об этом иногородние подпольные ячейки и своих зарубежных руководителей. Все это предопределило решение Коллегии ОГПУ.

Подводя итог операции «С-1», можно говорить лишь о частичной реализации чекистских замыслов, в том числе и тех, которые касались перехвата устремлений польской разведки, проникновения в ее агентурный аппарат и проведения дезинформационных мероприятий. Однако многие идеи, положенные в основу агентурной разработки ЦД, нашли свое применение в других оперативных комбинациях. Прежде всего я отношу это к легендированию подпольной организации «Либеральные демократы» в рамках операции «Синдикат-2», о которой пойдет речь далее.

4.2. Агентурное дело «Синдикат-2»: польский ракурс

Об оперативной разработке «Синдикат-2» («С-2») написано немало как во внутренних изданиях спецслужб, так и в открытой литературе. Одним из первых (если не самым первым) был писатель В. Ардаматский. По настоятельной личной рекомендации председателя КГБ Ю. Андропова он подготовил документальную повесть «Возмездие»²⁵⁷. Повесть неоднократно переиздавалась и была дважды экранизирована: в 1968 г. (фильм «Крах») и в 1980 г. («Синдикат-2»). Во всех случаях писателю и кинематографистам оказывало полное содействие и поддержку чекистское ведомство. Достаточно сказать, что в основу повести и сценариев легли специально рассекреченные ключевые материалы агентурной разработки «С-2» и ее обзор, выполненный в 1961 г. преподавателем Высшей школы КГБ при СМ СССР подполковником Э. Русановым для учебных целей²⁵⁸. Последнее предопределило общую направленность изложения фактической стороны дела одной из успешных операций советских контрразведчиков в научно-популярных работах и даже в учебной литературе.

Но наиболее полная информация о разработке «С-2» дана в открытой, но предназначенной лишь для преподавателей и слушателей Академии ФСБ России монографии профессионального архивиста В. Сафонова²⁵⁹. Позднее он выступил одним из инициаторов издания сборника документов под названием «Борис Савинков на Лубянке»²⁶⁰. В подготовке этой работы (отборе документов и их комментировании) я также принимал участие. При этом отмечу, что именно тогда мне представилась возможность ознакомиться как с материалами разработки (28 томов), так и с уголовным делом на

Савинкова (68 томов). Скажу откровенно – после изучения всех документов у меня как историка спецслужб сложилось двойственное отношение к тому, что и как было сделано тогда сотрудниками Контрразведывательного и Иностранного отделов ГПУ-ОГПУ. С одной стороны – смелые и даже рискованные, но достаточно продуманные мероприятия чекистов, приведшие в итоге к искомому результату (поимке Савинкова), а с другой – сомнения в правильности выбора конечной цели разработки да и в решении некоторых промежуточных задач.

Чтобы стала понятна природа моих сомнений, обращаю внимание читателей на ряд событий, предшествовавших началу разработки «С-2» и произошедших уже в ходе ее проведения. Упомянутые мною авторы исторических работ, целиком или частично посвященных рассматриваемой операции, не сочли необходимым упомянуть об агентурной разработке «Крот», проведенной Особым отделом Западного фронта, Гомельской губернской ЧК и оперативной группой ОО ВЧК. Нет о ней ни слова и в учебнике по истории советских органов безопасности, изданном Высшей школой КГБ в 1977 г. Хотя авторы учебника однозначно знали о наличии в библиотеке их учебного заведения сохранившихся записей лекций А. Артузова – помощника начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ, а ранее более 5 лет возглавлявшего КРО. В мае 1928 г., предваряя свое выступление перед слушателями оперативного отделения Высшей пограничной школы по теме «Раскрытие савинковщины», он посчитал необходимым рассказать о деле «Крот», фактически представив его как пролог к основной операции по Савинкову. И действительно, разработка «Крот» не просто имела отношение к «С-2», но напрямую повлияла на формирование замысла последней, выработку идеи «фикс» – завлечение Савинкова в СССР и устройство открытого суда над ним.

Изучение материалов операции «Крот», разного рода документов и публикаций о борьбе ВЧК-ОГПУ с партией эсеров в первой половине 1920-х гг. позволяет обоснованно предположить, что не опасность со стороны персонально Савинкова предопределила возникновение разработки Контрразведывательного отдела «С-2», а некие внутриведомственные противоречия в Центральном аппарате ОГПУ. Чего стоит, к примеру, появление циркулярного письма КРО ОГПУ от 12 мая 1922 г. о деятельности савинковских организаций²⁶¹. Замечу – не о подрывной работе иностранных разведок, с которыми должен был бороться этот отдел, а о савинковцах. И это при том, что обязанность противодействовать им полностью

возлагалась на Секретный отдел ГПУ. И появилось указанное циркулярное письмо всего лишь через неделю после решения Коллегии ГПУ о создании самостоятельного Контрразведывательного отдела. Смею предположить: данное оперативное указание было подготовлено начальником 6-го отделения КРО И. Сосновским по прямому указанию А. Артузова. Цель такого хода ясна – формально не допуская своего подчиненного до разработки дел по польской разведке (поскольку он всего 2 года назад был разоблачен и арестован как ее главный резидент в Советской России), поставить, тем не менее, Сосновского на первую роль в борьбе с главным противником. Савинков и его организации рассматривались при этом как канал выхода на 2-й отдел польского Генштаба, проникновения в его агентурную сеть. Комбинаторный склад ума и несомненные способности Сосновского в агентурной работе перевесили для Артузова здравый смысл, низводя роль 3-го (польского) отделения до разработки лишь дипломатических и иных представительств Польши в нашей стране, а также польской диаспоры и влиявшего на нее католического духовенства.

10 августа 1922 г. заместитель председателя ГПУ Уншлихт и начальник Секретного отдела Самсонов направили всем полномочным представительствам и губернским отделам чекистского ведомства шифровку с указанием реализовать все разработки на эсеровские организации и провести аресты наиболее активных их участников²⁶². Упоминания о действиях контрразведывательных подразделений в документе не содержится.

Приведу еще один документ – «Протокол № 1 совещания СО ГПУ и ИНО ГПУ по вопросу о ликвидации работы правых с[оциалистов]-р[еволюционеров] за границей». Это совещание состоялось 23 августа 1922 г. В нем приняли участие начальники и заместители начальников вышеуказанных отделов (соответственно Т. Самсонов, Т. Дерibas от Секретного отдела, М. Трилиссер и Г. Прокофьев от Иностранного)²⁶³. Данное совещание устраивалось по прямому указанию председателя ГПУ Ф. Дзержинского, что придавало ему исключительную важность. Собрал совещание и председательствовал на нем начальник Секретного отдела Самсонов. Специально подчеркну, что начальник КРО А. Артузов не был приглашен и в решениях совещания Контрразведывательный отдел не фигурировал даже в качестве соисполнителя намеченных мер, да и вообще не упоминался. Копии протокола были направлены только Дзержинскому, Уншлихту и Ягоде. Как видим, Артузов и здесь был обойден.

Стоит упомянуть и о таком знаковом для ГПУ, да и всей страны, судебном процессе над социалистами-революционерами, который был проведен в Москве в июне – августе 1922 г. И в этом случае КРО не привлекался ни к подготовке, ни к проведению, ни к использованию результатов процесса. Да и Савинков и его организация «Народный союз защиты родины и свободы», на которых нацелился КРО после реализации дела «Крот», упоминались в ходе процесса лишь в связи с деятельностью агента Г.И. Семенова (Васильева), завербованного Разведывательным управлением Красной армии весной 1920 г., а затем переданного на связь в Иностранный отдел ВЧК.

О деятельности Семенова в Польше и связи его с Савинковым одним из первых написал доктор исторических наук С.В. Журавлев²⁶⁴. Верифицируя некоторые факты, приведенные автором, я целенаправленно ознакомился с хранящимися в фонде Ф. Дзержинского в РГАСПИ выписками из докладов Семенова, которые имеют прямое отношение и к делу «Крот», и даже к разработке «С-2». Эти выписки не датированы, но в них приводится указание Семенова на его отъезд из Польши в конце ноября и то, что о проделанной работе он первоначально доложил начальнику Секретно-оперативного отдела ВЧК. А эта должность была ликвидирована 14 января 1921 г. Поэтому можно уверенно утверждать, что документы подготовлены не ранее декабря 1920-го и не позднее середины января 1921 г.

Поскольку изложенные Семеновым сведения проливают свет на ранний период контактов нашей агентуры с Савинковым и польской разведкой, то не лишним будет процитировать некоторые фрагменты его докладов. «Ввиду сложившихся у меня отношений с Савинковым, – писал в одном из документов Семенов, – придавая некоторую важность его организации, я счел необходимым ознакомиться с положением дел в ней. Единственная крупная, заслуживающая внимания, фигура в Русском Комитете – Савинков. Все остальные не выдерживают, как политические деятели, никакой критики... Во время моего пребывания в Варшаве работа Комитета главным образом сводилась к интенсивному формированию новых дивизий армии Балаховича и Перемыкина (правильно Пермикин. – А.З.). После заключения перемирия в положении Комитета ничего не изменилось – все отделы Комитета продолжают функционировать легально. Военным отделом... в тесном контакте с Польским Генштабом непрерывно секретно формировались и направлялись на фронт отдельные части и военное снаряжение... Надежды воз-

лагаются на возобновление весной войны... Что касается террористических планов Савинкова, то, по создавшимся у меня впечатлениям, до сих пор единственным практическим его начинанием в этой области была работа, порученная мне. По моим сведениям, в Пиротехнической школе, помимо меня и тов. Наташи, ни до моего приезда и ни после никто не обучался. Моей же террористической работе Савинков придавал большое значение, на организацию ее мне выдана сумма в 100 тысяч царскими деньгами и обеспечена дальнейшая денежная помощь через агента в Гельсингфорсе...»²⁶⁵ Замечу, что выписку из доклада Семенова предоставили Дзержинскому не особысты, боровшиеся с польской разведкой, а начальник Секретного отдела ВЧК Самсонов, к которому и прибыл агент. Возможно, что Самсонов, будучи в 1919–1929 гг. реальным руководителем Регистрационного (разведывательного) управления Полевого штаба РККА, имел прямое отношение к направлению Семенова в Польшу и знал о его задании.

В другом докладе читаем: «Благодаря личной рекомендации Савинкова, я был представлен полковнику Матушевичу (правильно Матушевскому. – А.З.), начальнику 2-го отдела Польского Генерального штаба, через которого и получил разрешение работать в Пиротехнической школе. Польские власти вообще всецело шли навстречу. За день до моего отъезда из Варшавы вернулся с фронта Савинков, и у меня состоялось с ним последнее свидание, на котором был окончательно намечен план работы, было решено убрать т. Троцкого, а затем уже и т. Ленина. Причем нанесение удара должно быть приурочено к моменту наступления только русской армии (весною). Если же положение Советской власти настолько ухудшится, что этим ударом можно довершить разруху Советского аппарата. Определение момента удара предоставляется моему политическому чутью»²⁶⁶.

Таким образом, основываясь на анализе приведенных документов, можно говорить только об одном – никаких террористических актов против советских вождей Савинков в тот период не планировал и не готовил, а лишь поддержал инициативу своего старого знакомого эсера-террориста Семенова и обеспечил его дополнительную подготовку при помощи польской разведки. Поэтому идеи нейтрализации Савинкова путем его вывода на советскую территорию и последующего ареста в первой половине 1921 г. у чекистов не вызревало. Реализовывался план по вскрытию и ликвидации савинковских ячеек внутри страны. На это были брошены основные силы Секретного отдела. Не остались в стороне и

сотрудники особых отделов, а позднее контрразведчики. Предполагалось подавить активность «Народного союза защиты родины и свободы» (НСЗРС), а также и целенаправленно воздействовать непосредственно на Савинкова путем компрометации его в эмигрантских кругах, в глазах ответственных сотрудников польской и французской разведок, с которыми он был довольно тесно связан в период своего пребывания в Польше. Зная об этом, можно однозначно утверждать, что операция «Крот» и некоторые другие оперативные мероприятия были в прямой связи с начатой в сентябре 1922 г. агентурной разработкой «Синдикат-2» и являлись, по сути, ее начальной фазой.

Борьбу с деятельностью НСЗРС и самим Савинковым невозможно отделить от противодействия шпионской и подрывной работе польской разведки в первой половине 1920-х гг. Появление Савинкова в Варшаве, создание им на территории Польши крупных вооруженных отрядов и руководящей ими политической структуры в лице Русского политического (маскируемого под Эвакуационный) комитета, попытки организации бандитско-повстанческого движения на советской территории достаточно подробно описаны в нескольких научных трудах последнего времени. Не могу не указать на монографию кандидата исторических наук Т. Симоновой «Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.)»²⁶⁷. Автор не обошла вниманием и роль польской разведки в поддержке савинковцев, но не заостряла на этом внимания. Поэтому мне пришлось дополнительно изучить документы нескольких фондов Государственного архива РФ, дела которых содержат информацию о деятельности эмигрантских организаций в Польше. Особый интерес вызвали документы о создании и практической работе под полным контролем 2-го отдела польского Генштаба службы разведки и контрразведки Русского политического комитета в лице его Информационного бюро (ИБ), руководство которым осуществлял родной брат Савинкова – Виктор. Последний отчитывался о всех делах перед специально выделенным офицером 2-го отдела ПГШ майором Кешковским и его непосредственными начальниками, получал от них финансовые средства. Согласно отчету ИБ за январь – март 1921 г., им было израсходовано 866 500 польских марок только на ИБ в Варшаве и еще около 960 000 на содержание 8 пограничных информационных пунктов. При этом в документе еще указывалось: «Настоящая ведомость не является точным отчетом, так как оправдательные документы за февраль... и по 10 марта похищены. Часть оправда-

тельных документов восстановлена (отчеты пунктов), восстановить же в точности расходы на агентов и командировки не представляется возможным»²⁶⁸. Замечу, кстати, что в эмигрантской прессе однозначно указывали на участие советской разведки в краже секретных документов из помещения ИБ. В моем распоряжении нет, к сожалению, материалов, подтверждающих или опровергающих данное обвинение, но сам факт исчезновения важных бумаг имел место. Конечно же, ВЧК была крайне заинтересована в получении подобных документов, принимая во внимание опасность, исходившую от Русского политического комитета и его Информационного бюро.

В представленном польской разведке кратком отчете РПК о работе ИБ с 1 июня 1920 по 1 апреля 1921 г. указано следующее: 1) с самого начала функционирования ИБ в связи с ним вошли несколько крупных подпольных организаций на территории Советской России и Украины, поставивших цель свержения советской власти. Весьма сильная организация имелась на Балтийском флоте, в пограничных частях в Псковской и Петроградской губерниях; 2) позднее была создана организация в одной из армий Западного фронта, деятельность которой распространялась на север до Смоленска и Витебска, на юг – до Киева и Чернигова²⁶⁹. Последняя, вероятно, и являлась Западным областным комитетом НСЗРС (ЗОК), разработка которого и проводилась в рамках операции «Крот».

Общее руководство операцией осуществлял начальник Особого отдела Западного фронта Ф. Медведь. Он налажил рабочее взаимодействие с председателем Гомельской губЧК Н. Волленбергом, поскольку именно в этом городе находился штаб ЗОК. Через агентуру и путем активного использования сил наружного наблюдения удалось установить некоторых членов подпольной организации. Первым был арестован уездный военрук Максимов, затем командир запасного батальона Щерба, далее военврач Моисеев и еще несколько военных специалистов²⁷⁰. Савинковец Зенкевич, согласившийся сотрудничать с органами ЧК, вместе с одним из оперативных сотрудников выехал из Гомеля в Минск, явился на конспиративную квартиру ЗОК, и через несколько дней там был задержан Э. Опперпут. Он сразу признался в том, что является главой подпольной организации, и на первом же допросе дал развернутые показания. Об этом срочно было доложено в Особый отдел ВЧК. На следующий день из Москвы пришла срочная шифровка, адресованная полномочному представителю ВЧК по Западному краю Ф. Медведю. Копии телеграммы были направлены председа-

телям Брянской, Витебской, Гомельской, Минской, Новгородской, Петроградской, Псковской, Смоленской и Черниговской губернских ЧК, а также начальникам особых отделов Киевского и Петроградского военных округов. Содержание шифровки было следующим: «30 мая выезжает [в] район Зап[адной] области Особополномоченный ВЧК Агранов по расследованию и ликвидации савинковской организации. Всем указанным Губчека предлагается исполнить все оперативные задания Агранова, давать ему по проводу все необходимые справки и сообщить [в] место нахождения Агранова о ходе разработки [и] ликвидаций “Союза свободы”. Агранов выезжает через Смоленск [в] Гомель». Телеграмму подписали начальник Секретно-оперативного управления ВЧК В. Менжинский, начальник Секретного отдела Т. Самсонов и помощник начальника Особого отдела А. Артузов²⁷¹.

Я недаром указал, кто именно подписал телеграмму. То были руководители главных оперативных подразделений ВЧК. Ясно, что работу по выявлению савинковских подпольных групп в первой половине 1921 г. вели не только особисты, но и сотрудники Секретного отдела, на обязанности которых лежала борьба с партией эсеров. Действия обоих отделов координировал В. Менжинский – начальник образованного в январе того же года Секретно-оперативного управления (он же одновременно и начальник Особого отдела). Статус Я. Агранова как особополномоченного ВЧК позволял надеяться на преодоление местнических проявлений и трений между особистами и сотрудниками секретных отделов при реализации важной во всех отношениях разработки. И все же не обошлось без некоторых противоречий. Заместитель председателя ВЧК И. Уншлихт вынужден был направить Ф. Медведю телеграмму, разъясняющую, что руководство разработкой «Крот» остается за ним, а Агранов командирован ему в помощь на самое горячее время²⁷². Ведь особополномоченного «сорвали» из Петрограда, где он занимался расследованием Кронштадского мятежа и дела Петроградской боевой организации. В обоих случаях просматривалось влияние эсеров, включая и находившегося в Варшаве Савинкова.

Уже из текста первой шифровки видно, каков был масштаб предполагавшейся операции в Минске, Гомеле, Смоленске и других городах. Руководство ВЧК справедливо полагало, что разрабатывавшиеся местными органами савинковские подпольные группы связаны между собой и будут действовать по единому плану. В принципе, так оно и происходило. Были арестованы несколько сотен человек. Это, однако, не значит, что все они являлись актив-

ными членами подпольной организации, поэтому многих из них позднее освободили из-под ареста. Это уточнение напрашивается, поскольку о таких фактах умолчал писатель В. Шанталинский²⁷³. Ему как руководителю Комиссии по творческому наследию репрессированных писателей (а Савинкова он отнес именно к писателям) ФСБ России была предоставлена возможность полностью ознакомиться с архивным уголовным делом на Савинкова и связанных с ним лиц. В этом деле отложились и материалы дела «Крот», и Шанталинский попытался в художественной форме изложить его суть. Писатель сделал упор только на репрессии и практически забыл о той опасности, которую в тот период представляла деятельность Западного областного комитета НСЗРС, и о связи его руководителей с польской разведкой.

Архивисты ФСБ России В. Виноградов и В. Сафонов привели во вступительной статье к сборнику документов «Борис Савинков на Лубянке» следующие данные результатов чекистских ударов, направленных в 1921 – начале 1922 г. против савинковских подпольных групп: в Москве выявлено и ликвидировано 23 активных члена подполья; в Петроградском военном округе – 220 савинковцев; в Западном ВО удалось арестовать свыше 80 человек, причастных к структурам НСЗРС, и еще около 100 находились в разработке; в Воронеже, Туле, Ростове-на-Дону, Уфе и других городах были выявлены резидентуры савинковской организации. Всего за 6 месяцев 1921–1922 гг. на советской территории было установлено более 500 нелегалов из НСЗРС²⁷⁴.

Данные, полученные в ходе расследования по многим уголовным делам, были суммированы и использованы в акциях дипломатического давления на польские власти в связи с деятельностью на территории этой страны антибольшевистских организаций и вооруженных отрядов, что противоречило положениям Рижского мирного договора. Здесь особо важную роль сыграли запротокотированные показания главного объекта агентурной разработки «Крот» – Э. Опперпута. В «Известиях ВЦИК» была опубликована выдержка из доклада ВЧК «О раскрытых и ликвидированных на территории РСФСР заговорах против советской власти в период мая – июня 1921 г.»²⁷⁵ В разделе «Заговор Савинкова» указано, в частности, следующее: «В последних числах мая с.г. Всероссийской Чрезвычайной комиссией раскрыта и ликвидирована крупная боевая, террористическая организация Бориса Савинкова, раскинутая на территории всей Западной и Северо-Западной областей и имевшая ячейки и связи почти на всей территории РСФСР. Центр

раскрытой организации – Западный областной комитет так называемого “Народного союза защиты родины и свободы” во главе с представителем “Всероссийского комитета” по Западной области находился в г. Гомеле»²⁷⁶. Далее сообщалось, что были арестованы все члены областного комитета и подчинявшихся ему губернских, уездных и волостных ячеек на территории Гомельской, Смоленской и Минской губерний. На основании захваченных документов и показаний арестованных стало очевидно, что вся деятельность НСЗРС направлялась и контролировалась французской военной миссией в Польше и польским Генеральным штабом. От них организация получала финансовые средства на проведение шпионско-подрывной работы на советской территории.

Авторы газетной публикации посчитали необходимым особо отметить роль польской разведки и свели это к следующему: а) разрешению и помощи в организации на территории Польши партизанских отрядов и перевозке их по железной дороге за счет польского военного министерства; б) снабжению этих отрядов оружием; в) содействию вербовке в лагерях военнопленных и интернированных организаторов антисоветских групп и отправке их в Россию; г) к содействию реорганизации и приведению в боевую готовность остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Пермикина и Петлюры. Отмечалось, что все агенты НСЗРС снабжались бесплатными проездными документами и им выдавались разрешения на провоз подрывной литературы.

«Почти все агенты Савинкова, – говорилось в статье, – состоят одновременно на службе польской разведки и контрразведки (оффензивы и деффензивы). Все военные и политические сводки, доставлявшиеся из России курьерами Савинкова, попадали в польский генштаб... Члену Западного областного комитета и члену Гомельского губернского комитета савинковской организации, ездившим к Савинкову по делам организации в Варшаву, 2-й отдел польского генштаба за подписью майора генштаба Бека выдал документ на право провоза в Советскую Россию “для целей разведывательных” по 2 килограмма яду. В действительности этот яд предназначался Савинковым для одновременного отравления надежных частей Красной Армии накануне выступления». Как видим, конкретных фамилий арестованных в газетном сообщении не приведено, поскольку еще шло следствие. Естественно, не названо и дело «Крот», реализация которого и привела к указанным выше результатам. Но публикация развернутой информации об операции против Западного областного комитета НСЗРС, составившая более

^{2/3} всего текста сообщения о раскрытых заговорах, указывала на начало пропагандистской кампании как внутри страны, так и за границей, давления на Польшу по дипломатическим каналам. Вскоре последовали соответствующие ноты Наркомата иностранных дел с упором на участие польских властей и разведки в частности в подрывной работе против нашей страны.

В конце лета 1921 г. Ф. Дзержинскому доложили два письма резидента ИНО ВЧК в Варшаве Логановского. Он писал следующее: «Пребывание Савинкова в Польше, после последних советских нот, а также конфликтов с дефензивой по поводу его неконспиративности, стало почти невозможным. Вдобавок польское общественное мнение, узнав о всех махинациях польских военных кругов в аванюре Савинкова, явно стало враждебно к нему относиться, и о каком-либо сочувствии для Савинкова не было и речи»²⁷⁷. Савинков и его ближайшее окружение стали разрабатывать планы перенесения центра работы в другие страны, граничащие с Советской Россией. Как наиболее вероятные назывались Латвия и Финляндия. Но конец лета и первые дни осени 1921 г. – период после начала сбора продналога и ожидавшихся конфликтов крестьянства с властями считался наиболее подходящим временем для поднятия восстания на советской территории, а начать его подготовку с другого направления означало, несомненно, упустить благоприятный момент. «Серьезный источник», как его определил резидент ИНО ВЧК, донес, что план восстания уже выработан и его начало назначено на 28 августа. Наш агент даже добыл шифровку Савинкова в адрес руководителя организации НСЗРС в Финляндии Эльвенгрена с указанием даты выступления и перечнем конкретных задач²⁷⁸. Ценный источник варшавской резидентуры работал непосредственно в штабе Савинкова. Инициативно принесенные им в советскую дипломатическую миссию документы, включая и шифры, были срочно переправлены в Москву. Их достоверность подтвердили в Спецотделе ВЧК, расшифровав ранее перехваченные сообщения савинковской организации²⁷⁹. На основании указанных сведений и результатов проводимых на местах чекистских мероприятий были предприняты упреждающие действия. В Центральном аппарате всю работу координировал и направлял особоуполномоченный по важнейшим делам при начальнике СОУ ВЧК Я. Агранов. Масштабных бандитско-повстанческих проявлений удалось избежать.

Объединенная резидентура ВЧК и Разведупра РККА в Варшаве активно использовала несколько своих агентов против Савинкова. И далеко не только для добывания внутренней инфор-

мации НСЗРС. Разворачивались мероприятия по компрометации антибольшевистской организации и ее руководителя, в том числе и путем раскрытия перед общественностью в Польше и других странах их тесной связи с польской разведкой. Характерным примером здесь является так называемое «дело поручика Масловского». Историк Т. Симонова дает о главном персонаже следующую информацию. Сергей Дмитриевич Масловский (Мстиславский) родился в семье генерала царской армии. После окончания обучения работал библиотекарем в Академии Генерального штаба. Близко сошелся с Савинковым в 1917 г. Будучи членом первой Брестской делегации по заключению мира с Германией, познакомился с Л. Караханом – будущим советским полномочным представителем в Варшаве. В 1919 г., являясь членом партии эсеров, работал в подполье на Украине, а затем в «Закардоте» при Реввоенсовете 12-й Красной армии.

От себя добавлю, что, как выяснилось из материалов архивного уголовного дела на секретного сотрудника чекистов Л. Зинченко, Мстиславский был отобран в группу нелегального резидента ИНО ВЧК Н. Алексеева для разведывательной работы с целью вскрытия и парализации эсеровских эмигрантских организаций²⁸⁰. Однако Мстиславский был направлен в Польшу самостоятельно и начал работать против Савинкова. И вот, с подачи Мстиславского сотрудниками Савинкова и офицерами 2-го отдела ПГШ были сфабрикованы некие документы, содержавшие военно-политическую информацию, и предпринята попытка продать их советскому полномочному представителю в Варшаве Л.М. Карахану. Расчет польской разведки строился на том, что с последним Мстиславский был давно знаком и уже несколько раз встречался в польской столице. По рекомендации резидентуры Карахан сделал вид, что документы его заинтересовали, и польская разведка уже была готова развернуть пропагандистскую кампанию по обвинению советских дипломатов в шпионской деятельности. Одновременно, чтобы обелить Савинкова и НСЗРС, в проданных Карахану документах показывалась роль организации в раскрытии якобы задуманного некими преступниками покушения на полномочного представителя Советской России. Но действия польских спецслужб удалось упредить. Организованные чекистами через агентуру и возможности НКВД публичные разоблачения «поручика Масловского» в эмигрантской прессе были использованы для начала дипломатической атаки советской стороны в виде нот НКВД и советского правительства²⁸¹. В итоге в начале октября в польской столице была проведена кон-

ференция с участием Карахана и вице-министра иностранных дел Польши Я. Домбского, на которой советской стороной был представлен список подлежащих выселению из страны тех эмигрантов, кто пытался организовать бандитско-повстанческое движения в Советской России. Вполне естественно, что в этом списке первыми фигурировали савинковцы, включая Бориса и Виктора Савиновых, А. Диктоф-Деренталя, М. Гнилорыбова и еще 16 человек наиболее активных противников советской власти. Они были уже настолько скомпрометированы нашей разведкой и НКВД, что никакие попытки повлиять на решение польских властей, даже обращение Савинкова к И. Пилсудскому, не помогли. До конца октября савинковцы и сам глава НСЗРС покинули территорию Польши.

Осенью 1921 г. НКВД выпустил на русском, польском и французском языках книгу «Советская Россия и Польша», в которой были наиболее полно обнародованы «документы Масловского» с описанием провокационных действий поляков. Кроме того, в книгу были включены и показания арестованных в Советской России савинковцев. Среди них выделялись, конечно же, свидетельства вышеупомянутого Опперпута. Он обозначен как «уполномоченный Всероссийского Комитета Союза Защиты Родины и Свободы Западной области»²⁸². По заданию чекистов Опперпут в конце 1921 г. завершил работу над брошюрой о неприглядной роли Савинкова в многократных случаях обострения советско-польских отношений, а также участии в этом польской и французской разведок. Используя возможности резидентуры ИНО ВЧК в Берлине, где находился один из самых крупных центров белой эмиграции, эта брошюра была издана в 1922 г.²⁸³

В этом же году в Берлине появилась еще одна брошюра. Автором ее являлся некий «Атаман Искра», он же – генерал И.А. Лохвицкий, имевший негативный опыт контактов с Савиновым. Подвигли генерала к написанию и изданию брошюры агенты нелегальной резидентуры Н. Алексеева («Зонта»), концентрировавшейся как раз на вскрытии и снижении активности эсеровской эмиграции в европейских странах. Деньги на издание выделила Берлинская точка ИНО ВЧК²⁸⁴. Это было еще одно активное мероприятие советской разведки – информационный удар по Савинкову и его «Народному союзу защиты родины и свободы».

Как указывает в своем исследовании историк Т. Симонова (со ссылкой на архив польской разведки), в середине ноября 1921 г. состоялось секретное совещание у председателя польского сейма по вопросу об обвинениях, выдвинутых советским правительством

против 2-го отдела военного министерства в связи с «делом Масловского». Уровень представительства на совещании был довольно высоким: военный министр, министр юстиции, начальник Генштаба, министр внутренних дел, делегаты сейма. А в очередном номере информационного бюллетеня 2-го отдела сообщалось: «Прославившийся по делу Масловского и ряду позднейших провокационных подделок майор Кешковский получил, наконец, десятимесячный отпуск без сохранения содержания для окончания своего агрономического образования»²⁸⁵.

Подводя некоторые итоги проделанной ВЧК и НКВД работы по подавлению активности савинковского НСЗРС, хочу отметить, что к середине 1922 г. острота угрозы с ее стороны была снята и вряд ли стоило затевать операцию, целью которой был именно вывод Савинкова в СССР. Но по каким-то причинам КРО ГПУ-ОГПУ считал это наиболее важным. В связи со сказанным обращу внимание читателей на слова арестованного в 1936 г. бывшего начальника 6-го отделения (которое и вело агентурную разработку «Синдикат-2») И. Сосновского. «Однажды, – показывал он на одном из первых допросов, – Менжинский вызвал меня и Пузицкого к себе и говорит: Вы достигли того, что сейчас проходит процесс (над Савинковым. – А.З.), **несмотря на то, что мы сделали все, чтобы вам помешать** (выделено мной. – А.З.)»²⁸⁶. Как это понимать? Выходит, что руководство ГПУ-ОГПУ далеко не со всем соглашалось при проведении разработки «С-2». Видимо, для этого были основания. Да и сама идея вывода Савинкова на нашу территорию принадлежала не сотрудникам КРО. Один из основных агентов в разработке «С-2» Л. Шешеня однозначно утверждал: «Я... выдвинул план в общих чертах о возможности разработки и привода в СССР Б. Савинкова»²⁸⁷.

В период между завершением операции «Крот» и началом «Синдиката-2» 16-м спецотделением Особого отдела ВЧК (с мая 1922 г. 6-е отделение КРО ГПУ) уже проводилась разработка «Синдикат-1», в рамках которой намечалось внедрение в эмигрантскую организацию «Центр Действия» и частично контролировавшую ее деятельность польскую разведку. По делу «С-1» осуществлялось легендирование в Москве и некоторых других городах подпольных организаций, программы которых были идеологически близки воззрениям Савинкова. Да и сам «Центр Действия» имел рабочие контакты с НСЗРС и непосредственно с его руководителем. Замечу, что агентурная разработка «С-1» велась под началом Сосновского. А начальник 15-го спецотделения ОО ВЧК, а затем 4-го отделения КРО ГПУ Кияковский инициировал в конце 1921 г. начало операции

«Трест». Как ни странно, но два разоблаченных ВЧК польских шпиона и поляка по национальности теперь руководили разработками, которые заведомо должны были иметь выход на 2-й отдел ПГШ и его периферийные отделения. Формально они оба были отстранены от работы по польскому направлению. Артузов, к примеру, исправил ситуацию с назначением Сосновского помощником начальника 12-го (польского) спецотделения ОО ВЧК и через 4 месяца перебросил своего подопечного в другое подразделение²⁸⁸. Правда, и тут не все так просто. Дело в том, что Сосновский не сработался со своим прямым начальником – Ю. Маковским. Тот был большевиком с 1918 г., воевал против польских войск, участвовал в подпольной работе в Варшаве, был там арестован и провел почти 2 года в тюрьме. «Революционная» же биография Сосновского была совершенно иной. Справедливости ради укажу на то, что последующие события доказали правильность ставки Артузова на несомненные оперативные способности Сосновского и Кияковского, раскрывавшиеся, однако, при прямой поддержке начальника КРО ГПУ-ОГПУ.

С середины 1922 г. в Москве уже функционировала легендированная группа, созданная при непосредственном участии помощника Сосновского – Н. Демиденко, состоявшая в основном из числа агентуры последнего. Ее идеологическая платформа во многом соответствовала политическим взглядам руководства «Центра Действия» в Париже. И эта платформа легла в основу разработанного чекистами основополагающего документа, а именно программы «Либеральных демократов» (ЛД) – новой, но созданной тем же 6-м отделением КРО, организации. Ряд важных идей подсказали контрразведчикам сами участники ЛД – в недалеком прошлом члены российских социалистических партий. Таким образом, можно констатировать, что легендированная чекистами организация ЛД (с некоторыми персональными изменениями) есть не что иное, как агентурная группа, фактически объединенная с московской ячейкой ЦД еще в рамках операции «С-1». Как вспоминал Сосновский, во главе указанной группы стоял негласный резидент КРО ГПУ В. Островский. Первоначально в нее вошли 5 секретных сотрудников, в основном из числа бывших офицеров – членов партии социал-революционеров и меньшевиков²⁸⁹. Такой состав (да еще и с учетом чуть позднее вступивших в «подпольную организацию» некоторых «действующих командиров Красной армии»), несомненно, мог привлечь внимание Савинкова и польской разведки. На этом и

строился расчет контрразведчиков при принятии решения о начале разработки.

И здесь у некоторых исследователей истории советских органов госбезопасности возникает вопрос. Согласно подробно прописанным функциональным задачам ГПУ-ОГПУ, борьба с эсерами была полностью возложена на Секретный отдел ГПУ. Противодействием польской разведке ведало 3-е отделение КРО. Разработку эсеров, включая и савинковцев, за границей вел Иностраннный отдел, который тесно взаимодействовал по этой проблеме с Секретным. Добавлю, что секретчики, наряду с сотрудниками Особого отдела, уже имели опыт операций на основе легендированных групп. Хороший пример тому – агентурная разработка «Главный», в ходе которой был ликвидирован штаб повстанческой армии эсера Антонова, а позднее уничтожен и он сам. Работу по этому делу возглавлял начальник Секретного отдела Т. Самсонов. Он же совместно с начальником Секретно-оперативного управления Менжинским курировал и агентурное дело «Крот».

Вполне возможно, что Самсонов был против разворачивания контрразведчиками мероприятий в рамках агентурной разработки «Синдикат-2» либо намеревался забрать ее в свой отдел. Историкам известно о служебных амбициях Самсонова и его стремлении выдвинуть руководимый им Секретный отдел на ведущее место в системе ГПУ-ОГПУ. Но в этом направлении он встретил противодействие со стороны заместителя председателя ОГПУ И. Уншлихта, более благосклонно относившегося к osobистам и контрразведчикам. Вполне вероятно, что именно в силу невозможности решить вышеуказанные вопросы Самсонов подал рапорт Держинскому с просьбой о своем откомандировании из органов госбезопасности. В связи с рассматриваемым делом «С-2» стоит выделить следующее: в рапорте указывалось, в частности, что основные противники в лице эсеров «опрокинуты надолго и всерьез...»²⁹⁰ Стоило ли после разгрома антоновщины и открытого судебного процесса над социалистами-революционерами, организованного и проведенного летом 1922 г. по указанию высших партийных инстанций именно Секретным отделом, затрачивать значительные оперативные усилия и финансовые средства на завлечение Савинкова на нашу территорию? И это при отсутствии на начальной стадии разработки такой конкретной свехзадачи. Поэтому можно предположить, что идея относительно Савинкова навязывалась руководству ОГПУ уже после ухода Самсонова из органов госбезопасности. По крайней мере, первая встреча «представителя ЛД» с Савинковым

была запланирована только в июне 1923 г., когда бывший начальник Секретного отдела уже работал в системе железнодорожного транспорта.

Ко времени, предшествовавшему возникновению агентурной разработки «Синдикат-2», относится еще один эпизод из оперативной деятельности ВЧК-ГПУ. О нем ранее не упоминалось в исторической литературе, включая и изданную только для учебных целей в системе органов госбезопасности и имеющую ограничительные грифы. Речь идет о работе чекистов с двумя командирами Красной армии, попавшими в плен к противнику в ходе советско-польской войны, но решившими любым путем возвратиться на Родину, даже за счет ложного согласия работать на польскую разведку.

Находясь в лагере для военнопленных, командир полка 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества 14-й армии И.И. Вавюровский и его помощник Л.Н. Струков пошли на вербовку представителей савинковской организации для дальнейшей службы в армии Булак-Балаховича. Фактически же, получив свободу, они устроились в Информационное (разведывательное) бюро (ИБ) Российского эвакуационного комитета под руководством Савинкова. Зачисление в ИБ практически предопределяло и вербовку в агентурную сеть польской разведки, что и состоялось через короткое время. С разведывательным заданием от поручика 2-го отдела ПГШ Г. Добровольского, имевшего псевдоним «Долива», Струков в декабре 1920 г. был нелегально переправлен на советскую сторону. Он добрался до Минска, явился в военную комендатуру и оттуда был передан в Особый отдел 16-й армии, где был подробно допрошен его начальником Я. Ольским. Предвидя возможное развитие оперативной комбинации для проникновения в польскую разведку и получения сведений из савинковского НСЗРС, Струкова отконвоировали в Смоленск в Особый отдел Западного фронта и далее – в Москву. Здесь его снова тщательно допросили сотрудники, имевшие отношение к польской работе: Витковский, Кияковский, Сосновский и заведующий оперативным отделом ОО ВЧК Артузов.

Учитывая откровенные и подробные показания Струкова, ему предложили стать секретным сотрудником, на что он дал согласие. К выполнению задания в Польше агента тщательно готовили Сосновский и ответственный сотрудник Особого отдела ВЧК Пузицкий. План был разработан следующий: Струкова направляют в Смоленск, устраивают на работу в штаб войск ВЧК Западного фронта, и до апреля 1921 г. он проходит службу там. Выполняя якобы задание поручика Добровольского, собирает, а в реальности получает

от начальника ОО 3Ф Медведя, «секретные» документы и сведения и после дополнительного инструктажа в Москве переходит границу. Предполагалось, что Струков не только закрепится в агентурной сети 2-го отдела ПГШ, но и завербует для работы на советскую контрразведку своего бывшего командира – Вавюровского²⁹¹. Все так и произошло. Через некоторое время Струкова и Вавюровского поляки перебросили через границу для продолжения шпионской работы. Еще в Варшаве их предварительно познакомили с поручиком Я. Пиндел-Эмиссарским, направлявшимся в советскую столицу на работу в военный атташат²⁹². Он должен был руководить этими агентами. Известно, что Струков и Вавюровский с помощью чекистов легализовались в Москве. Более того, еще до прибытия Пиндел-Эмиссарского Вавюровский вновь был направлен в Польшу с материалами дезинформационного характера, передал их польским разведчикам и возвратился в советскую столицу.

Руководители 6-го отделения КРО ГПУ, ввиду успешного развития операции, включили в агентурную группу в качестве курьера для связи с польской разведкой Р. Машуту. В 1920 г. он был ординарцем у Вавюровского в кавалерийском полку, но пленения ему удалось избежать. С новой порцией «дезы» курьер вскоре выехал в Варшаву. Для создания впечатления о прочности позиций агентов в Москве Машута должен был с помощью 2-го отдела организовать переброску в Москву гражданской жены Струкова – Кропп-Катульской. Как видим, Вавюровский и Струков полностью сосредоточились на работе для польской разведки и от контактов с савинковцами, оставшимися в Польше после высылки основного ядра НСЗР, воздерживались. Возможно, такова была установка советских контрразведчиков, хотя объяснить причину этого трудно. При этом Сосновский не спешил передавать агентурную группу на связь в польское отделение КРО, но и не использовал в рамках операции «Синдикат-2».

К сожалению, в материалах архива ФСБ России не удалось найти ответы на возникающие вопросы. Кое-что, вполне вероятно имеющее отношение к группе Струкова, сохранилось в трофейных документах польской разведки. Выясняется, что у действовавшей в Москве резидентуры «Р-10» 2-го отдела ПГШ имелась на связи некая организация «Ф». О ней в обзорной справке есть интересные сведения. Организация состояла из монархически настроенных бывших офицеров и руководил ею некий «Филипп Филиппов». Ранее он якобы был направлен в Москву Савинковым и, уже работая в советской столице, при помощи резидентуры «Р-10» вы-

езжал в Варшаву для встречи со своим бывшим руководителем. Но начальник 2-го отдела ПГШ по какой-то причине воспротивился этой встрече. Скорее всего, зная многие факты неконспиративной работы сотрудников Савинкова, польские разведчики не хотели подвергать опасности агентурную группу, дававшую много ценной, прежде всего военной, информации²⁹³. Польские разведчики поручили «Филиппову» расширять сеть агентов. Можно предположить, что организация «Ф» на самом деле являлась группой агентов КРО ГПУ-ОГПУ во главе со Струковым. За это говорят многие факты, включая и то, что агенты действительно были в прошлом царскими офицерами, чекисты обеспечили им должности в советских центральных военных учреждениях и готовили для передачи полякам дезинформационные сведения, якобы полученные в штабных структурах.

Еще до начала разработки «Синдикат-2» 4-е отделение КРО ГПУ (при начальнике Кияковском) на основе легендированной подпольной организации «Монархическое объединение центра России» (МОЦР) завело масштабное дело «Ярославец»²⁹⁴. В историческую литературу эта оперативная игра вошла под названием «Трест». Польскую линию в данной агентурной разработке я опишу в следующем параграфе, а пока лишь отмечу важное, на мой взгляд, обстоятельство – отрицательное воздействие на ее ход факта вывода Савинкова в СССР и его ареста. Именно тогда возникли первые сомнения эмигрантских группировок относительно «Треста» и других чекистских оперативных игр, разговоры о том, что многие, если не все, подпольные организации внутри СССР являются комбинациями ОГПУ.

А теперь вернусь к делу «Синдикат-2». В начале сентября 1922 г. пограничники в районе пропускного пункта Визна в Белоруссии задержали польского шпиона, агента подчиненной экспозитуре № 1 разведывательного отдела ПГШ в Вильно резидентуры «Вильк» – Л.Н. Шешеня. На допросе в КРО ПП ГПУ по Западному краю он подробно и, как было установлено позднее, правдиво рассказал о себе и выполнявшейся им подрывной работе. Оказалось, что Шешеня воевал в составе армии генерала А. Деникина, был пленен в Новороссийске, «добровольно» согласился участвовать в войне с поляками. Уже будучи на Западном фронте, он попал в один полк со служившим под вымышленной фамилией братом Савинкова Виктором. По взаимному согласию они дезертировали и перешли боевую линию и вскоре поступили в армию Булак-Балаховича. Далее Шешеня устроился на должность адъютанта Б. Савин-

кова в Варшаве, но после некоего инцидента вынужден был покинуть пост и принять участие в бандитских вылазках на территорию Белоруссии и шпионской работе²⁹⁵. Учитывая важность полученной от арестованного информации, его срочно направили в Москву, где по его данным был арестован местный резидент НСЗРС и одновременно польской разведки М.И. Зекунов, проходивший службу в охране железных дорог.

История Зекунова вкратце такова. Будучи бывшим царским офицером, он был мобилизован в Красную армию и командовал батальоном на Западном фронте. В период советско-польской войны попал в плен, содержался в лагерях, где и был завербован НСЗРС и 2-м отделом ПГШ. В начале 1922 г. через Вильно Зекунов возвратился в Москву, имея задание по созданию подпольных ячеек и сбору военно-политической, а также экономической информации. Никаких реальных действий он, однако, не предпринял, намереваясь вести спокойную жизнь. Учитывая раскаяние и подробные показания о прежней нелегальной работе, Зекунов был завербован под псевдонимом «Михайловский». Шешеня, хоть и находился в тюрьме, но тоже был завербован, и ему присвоили псевдоним «Искра». С этого времени (октябрь – ноябрь 1922 г.), собственно, и начинается агентурная разработка «Синдикат-2».

По плану чекистов, за границу предстояло сообщить, что в Москве нелегально действует организация под названием «Либеральные демократы». Костяк ее якобы составляют бывшие офицеры, состоящие на службе в штабах и учреждениях Красной армии. Организация расширяет сеть своих сторонников, объединяя их на основе намерения свергнуть советскую власть, не исключая и вооруженный путь. Единственное, от чего отказываются «Либеральные демократы», так это от иностранной интервенции в Советскую Россию. Короче говоря, идеологическая платформа организации была очень близка «Национальному Центру» да и взглядам Савинкова.

Для доведения этой информации до виленского пункта НСЗРС и Варшавского областного комитета требовалось направить за кордон не просто обладавшего необходимыми сведениями человека, но того, кому могли бы там доверять. В монографии «КРО против Савинкова» архивист В. Сафонов указывает, что выбор у чекистов был небольшой – в их распоряжении находились два вновь завербованных агента: «Михайловский» (Зекунов) и «Искра» (Шешеня)²⁹⁶. Из материалов разработки на Савинкова автор знал о наличии группы Струкова, но по какой-то причине не упомянул о ней. С точки зрения оперативной практики, именно на Струкове

и Вавюровском должно было быть сосредоточено внимание контрразведчиков. Во-первых, Струков добровольно передал себя в руки советских властей, представленная им информация была перепроверена и оказалась правдивой. Он без колебаний принял на себя обязанности секретного сотрудника, зная, что будет подвергать себя риску при выполнении чекистских заданий. Во-вторых, Струков уже побывал с поручением контрразведчиков в Польше, завербовал Вавюровского и вместе с ним возвратился в Советскую Россию якобы для шпионской работы в пользу поляков. В-третьих, Вавюровский тоже командировался чекистами в Польшу и удачно справился с поставленной задачей. В-четвертых, оба агента лично знали, как Б. Савинкова, так и его брата Виктора – заведующего Информационным бюро. Известны им были и члены Варшавского областного комитета НСЗРС. В-пятых, Вавюровский и Струков уже «активно работали» на польскую разведку, передававшие ими дезинформационные материалы оценивались 2-м отделом ПГШ достаточно высоко. Кроме указанного, нельзя было не учитывать и того, что Вавюровский являлся поляком по национальности, а следовательно, мог пользоваться большим доверием разведки противника. С точки зрения надежности секретного сотрудника немаловажным было и то, что он уже в 1919 г. вступил в большевистскую партию, самоотверженно сражался с белыми на Урале да и в период советско-польской войны. В плен был захвачен, а не сдался. Несмотря на все это, ни Вавюровского, ни Струкова не включили в разработку «Синдикат-2».

Выбор контрразведчиков остановился на Зекунове («Михайловском»). С информационными письмами от Шешеня 30 декабря 1922 г. его перебросили через границу в районе Радошкевичей. Это был самый короткий путь в Вильно, где дислоцировались экспозитура № 1 и пункт НСЗРС под руководством агента этой экспозитуры И.Т. Фомичева. В то время польский разведывательный орган возглавлял капитан С. Майер, а офицером по организации шпионской работы непосредственно в Советской России был капитан В. Секунда²⁹⁷.

Надо сказать, что в первой половине 1920-х гг. из всех экспозитур 2-го отдела ПГШ Виленская считалась наиболее результативной и значительно более других связанной по работе с савинковцами. Достаточно отметить, что в 1920–1922 гг. именно эта экспозитура создала и успешно использовала многочисленную резидентуру, а фактически – разведывательное бюро под криптонимом «Вильк». Возглавлял ее близкий к Савинкову человек, известный по трофей-

ным документам польской разведки под именем Анатолия Орлянинова (Орляникова)-Балавенского²⁹⁸. Его агентами (в основном бывшие офицеры) ранее являлись, что было, конечно же, важно для дела «С-2», и Зекунов, и Шешеня, и Фомичев²⁹⁹. Первый период (с середины 1921 г. и до конца 1922 г.) был для экспозитуры № 1 переходным: от разведки военного времени к мирному. Поэтому она и вела по поручению 2-го отдела ПГШ так называемую глубокую разведку, действуя далеко за пределами 250-километровой приграничной зоны. Ее интересы простирались до Москвы, Петрограда, Минска и Смоленска.

Чтобы заинтересовать польскую разведку, сотрудники КРО ГПУ подготовили для Зекунова большой по объему «шпионский» материал, якобы полученный от члена ЛД красного командира Фиалковского. Это был реальный человек. Скорее всего, штаб-ротмистр армейской кавалерии Константин Константинович (Николаевич) Фиалковский. По крайней мере, бывший офицер с такими установочными данными указан исследователем С. Волковым в одном из составленных им биографических справочников, как оставшийся после Гражданской войны в СССР и проживавший до 1926 г. в Москве³⁰⁰. Польская разведка осталась довольна доставленной Зекуновым информацией, и капитан Секунда даже выдал ему денежное вознаграждение. Побывали Зекунов и Фомичев и в Варшаве, где встретились с главой Варшавского областного комитета НСЗРС Философовым. За период командировки секретный сотрудник контрразведки выяснил данные на нескольких эмиссаров НСЗРС, включая и близкого к Савинкову капитана Генерального штаба Роселевича, направленных в нашу страну. Все они вскоре были арестованы сотрудниками ОГПУ.

Второй раз Зекунов выехал в Польшу уже вместе с секретным уполномоченным КРО ОГПУ А. Федоровым, который якобы представлял некую фракцию организации ЛД, готовую идти на контакт с Савинковым. Переход ими границы состоялся 21 марта 1923 г. На этот раз Федоров более подробно рассказал и членам Варшавского комитета НСЗРС, и польским разведчикам об организации, которую представлял. В частности, он заострил внимание на наличии среди членов ЛД командиров РККА, проходящих службу в Артиллерийском управлении, Воздухофлоте и других воинских учреждениях, а также работающих в химической промышленности и Главлескоме. Новая порция дезинформационных материалов удовлетворила экспозитуру № 1 и 2-й отдел ПГШ. В ответ польская разведка гарантировала членам московской организации беспрепятственный

поезд в Польшу, выдачу паспортов на вымышленные фамилии и содействие в получении французских виз в случае необходимости поездки в Париж к Савинкову.

Федоров и Зекунов возвратились в Москву 13 апреля, причем с ними прибыл и «инспектор» – Фомичев. Ему устроили встречу с освобожденным к этому времени из тюрьмы его старым знакомым Шешеней («Искрой»), который доложил о развитии своих связей в столице. Далее прошла встреча с главой ЛД – бывшим офицером, опытным секретным сотрудником Островским. Речь шла о некой конфигурации тактического объединения ЛД с ячейками НСЗРС и даже о создании объединенного комитета действия и пропаганды, состоящего из 4 человек (2 представителя ЛД и 2 савинковца)³⁰¹. С учетом уже обозначенной главной задачи по делу «С-2» чекистами положительно было воспринято предложение Фомичева организовать встречу одного из членов ЛД с Савинковым в Париже. Перед отъездом Фомичеву и Зекунову передали очередную порцию «дезы» для вручения полякам. Капитан Секунда был очень доволен новыми разведданными.

Эта командировка Зекунова продолжалась всего несколько дней. По прибытии он доложил контрразведчикам, что Савинков ожидает представителя ЛД в Париже в середине июня 1923 г. Теперь Федорову предстояло ехать одному. Задание на первую встречу с Савинковым отработывали очень тщательно. В этом участвовали заместитель начальника КРО Я. Ольский и даже сам Артузов³⁰². Одновременно с помощью Разведупра РККА велась кропотливая работа по подготовке дезинформационных материалов. Сложность состояла в том, что на 1923 г. КРО ОГПУ вело уже несколько «легендарных» дел, имевших польскую линию, и по каждому приходилось готовить новые «секретные» материалы. Они должны были дополнять друг друга, давать возможность полякам сложить некую единую картину по разведываемым объектам, конкретным военным, экономическим и иным проблемам. Надо сказать, что чекистам помогал фактор масштабного реформирования Красной армии, поэтому была возможность передавать польской разведке реально секретные документы, которые, однако, практически устаревали через очень короткий промежуток времени.

То, что привез в Вильно Федоров, крайне заинтересовало капитана Секунду, и он срочно выехал в Варшаву для доклада своему руководству. Предварительно польский офицер выдал фальшивые паспорта Федорову (на имя лесопромышленника Андрея Павловского) и Фомичеву на его агентурный псевдоним еще по резиден-

туре «Вильк» (Дарцевич Иван). 2-й отдел ПГШ добился получения французских виз для вновь испеченных «лесопромышленников», и они выехали в Париж.

Первая встреча Федорова с Савинковым состоялась 15 июля 1923 г. Как отмечал в своих отчетах «представитель ЛД» Федоров, несколько бесед были абсолютно бессистемными, Савинков просто расспрашивал об обстановке внутри СССР. При этом Савинков постоянно подчеркивал, что никакого ЦК НСЗРС уже не существует и он может представлять только себя. И это действительно было так. Поэтому, анализируя отчет Федорова и другую поступавшую из разных источников информацию, чекисты могли изменить дальнейшие планы. Нельзя было не принимать во внимание тот факт, что в Польше лишился власти личный друг Савинкова – Пилсудский. 2 июля 1923 г. он вышел в отставку и поселился в предместье Варшавы. Теперь гарантировать помощь польской разведки никто не мог. Но при административной поддержке начальника КРО ОГПУ Артузова 6-е отделение продолжало взятый курс.

Ситуацию с продолжением операции «С-2» в 1923–1924 гг. можно сравнить с действиями Иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР в 1938 г. в отношении руководителя «Русского общевоинского союза» (РОВС) генерала Е. Миллера. Советская разведка выкрала его из Парижа и доставила в СССР. На эту тему написано достаточно много. Обратимся к одной из последних публикаций, а именно к статье моего коллеги и товарища, известного историка Службы внешней разведки В. Антонова³⁰³. Он указывает следующее: «Похищение Миллера и тайная переправка его в Москву связывались в первую очередь с организацией широкомасштабного судебного процесса над ним». Как историк В. Антонов не мог не указать на то, что в прессе (как и в научной литературе) можно встретить разные суждения относительно чекистской операции по нейтрализации Миллера. Эти суждения в статье, посвященной организатору похищения С. Шпигельгаузу, не анализируются. Зато дается обширная, занимающая около трети всего текста, биграфическая справка на Миллера с описанием его активной антибольшевистской деятельности с 1918 по 1920 г. Автор, по моему мнению, поступил ровно так, как архивист В. Сафонов в монографии об операции против Савинкова, – демонизировал врага, чтобы оправдать операцию по его завлечению в СССР. Причем в обоих случаях ничего не говорится об активной подрывной деятельности этих персон в последние годы их эмигрантской жизни. РОВС к концу 1930-х, так же как и НСЗРС в 1923–1924 гг., уже не представлял большой угрозы нашей

стране. Лично Савинков и Миллер тоже. Зато издержки операций очевидны.

Теперь возвращусь к «Синдикату-2». Всего было совершено 10 поездок агентуры КРО за границу – в Вильно, Варшаву и Париж. Убедить Савинкова в целесообразности поездки в СССР все-таки удалось. В августе 1924 г. он и сопровождавшие его лица были арестованы после перехода границы. Состоялся и широко освещавшийся прессой судебный процесс. Но в плане моего исследования более важным представляется работа по дезинформации польской разведки. Практически каждая командировка секретных сотрудников сопровождалась передачей экспозитуре в Вильно либо непосредственно во 2-й отдел ПГШ тщательно подготовленной «информации» о Красной армии и по другим вопросам. В сентябре 1923 г. начальник польской разведки полковник Бауэр даже решил переподчинить организацию ЛД, замкнуть лично на себя, а связь организовать через одну из резидентур 2-го отдела в Москве³⁰⁴. Он поручил московским посланцам организовать резидентуру в штабе Западного фронта. Отмечу, что это было исполнено, и «резидентура» больше года водила поляков «за нос». А от связи через польских разведчиков в Москве было решено отказаться. Казалось бы, чего еще желать контрразведчикам? Поляки сами идут на сближение, намереваясь значительно усилить свои разведывательные возможности за счет использования членов ЛД. Но тогда выполнение свехзадачи по выводу Савинкова на советскую территорию могло затянуться либо вообще отпасть как неактуальное. Главную цель разработки пришлось бы поменять, а возможно, и передать «С-2» для дальнейшего проведения мероприятий в 3-е (польское) отделение КРО ОГПУ. Понятно, что этого не желали ни Артузов, ни Сосновский. А ведь главным противником, как определялось высшими партийно-государственными инстанциями СССР, являлась именно Польша – ее армия и разведка. И если уж говорить об эмиграции, то реальную угрозу представляли не приверженцы Савинкова, не Республиканско-демократическое объединение, не зарубежные организации эсеров и меньшевиков, а монархисты, особенно созданный в 1924 г. «Русский общевойсковой союз» (РОВС).

Историк-архивист В. Сафонов, правда, не приводя каких-либо ссылок на соответствующие документы, указывает в своей монографии об операции «С-2», что весной 1924 г. «в ОГПУ уже раздавались отдельные голоса о прекращении разработки» или отказе от дальнейших командировок агентуры за границу для контакта с Савинковым³⁰⁵. Интересно, если против такого поворота дел, как

утверждает Сафонов, выступали заместитель начальника КРО С. Пузицкий, руководители 6-го отделения И. Сосновский и Н. Демиденко, то кто бы мог подавать эти голоса? Наверное, не рядовые сотрудники, поскольку работу по «Синдикату-2» якобы полностью одобряли и Менжинский, и Дзержинский. Видимо, речь шла не о прекращении разработки, а об изменении главной задачи. Ведь именно поляки нуждались в организации ЛД, и эту линию целесообразно было развивать.

4.3. Польская разведка и операция «Трест»

Агентурная разработка «Ярославец», более известная по исторической литературе как операция «Трест», достаточно хорошо изучена. Правда, и мифов вокруг нее тоже хватает. Отталкиваясь от якобы недавно рассекреченных и еще не введенных в научный оборот документов, некоторые авторы, называющие себя историками, не просто искажают реальные факты – выдумывают новые. Другое дело, когда представляется некий новый взгляд на известные события, но с опорой на малоизвестные у нас в стране исследования или отдельные материалы. Не могу не отметить в этой связи монографию Л. Флейшмана, увидевшую свет в 2003 г. Он попытался сделать обобщение написанного об операции «Трест» в русской зарубежной печати. Жаль, что не указан общий тираж издания, возможно, малый для нашей страны. Отсюда и достаточно редкое использование наработок этого автора в последующих исследованиях. Конечно, если брать литературу, подобную книге А. Гаспаряна «Операция “Трест”», то можно найти в очень скромном разделе «Библиография» и монографию Флейшмана. Но ссылок на его текст нет, впрочем, как и на другие источники.

Не вдаваясь в сделанные Флейшманом выводы и оставляя пока в стороне его оценки действий чекистов, я хотел бы обратить внимание на использованные литератором воспоминания польских разведчиков и проживавших в Польше эмигрантов из России, имевших то или иное отношение к операции «Трест». В контексте моего исследования это крайне важно, поскольку указанные источники на русском языке до 2000-х гг. не издавались и даже не цитировались, за одним, пожалуй, исключением. Речь идет о воспоминаниях белогвардейца С. Войцеховского, прямо так и названных – «Трест»³⁰⁶. Почти 150 страниц автор посвятил тому, как причастные к антибольшевистской работе белоэмигранты в Польше и конкретно он

сам воспринимали «подпольную организацию» в Советской России-СССР. Ценной является его информация о включенности центрального аппарата польской разведки в рассматриваемую чекистскую операцию. Замечу, что «польская линия» была специально выделена в обзоре указанной оперативной игры, подготовленном еще в начале 1930-х гг. ее непосредственным руководителем и одним из исполнителей В.А. Стырне – тогда начальником 4-го отделения КРО ОГПУ. До сих пор сожалею, что до своего ухода в запас не решил вопрос об открытом издании данного обзора, уже подготовленного для этого с учетом требований сохранения государственной тайны. Из 4 томов (в каждом до 200 и более страниц машинописного текста) лишь отдельные фрагменты из 40–50 страниц надлежало изъять по режимным соображениям. Надеюсь, что к юбилею – 100-летию образования ВЧК, обзор все-таки будет доступен широкому кругу исследователей и просто читателей, интересующихся историей нашей страны.

А теперь вернемся к заявленной теме. Для начала отмечу, что в период формирования замысла «легендарной» агентурной разработки «Ярославец» польская линия (при поверхностном рассмотрении материалов) не бралась в расчет. Все, вроде бы, сводилось к организации связи с зарубежными монархическими организациями через прибалтийские страны, прежде всего Эстонию. Контакты с эстонской разведкой, учитывая ее близость с английскими спецслужбами в лице МИ-6, предполагалось использовать для дезинформации потенциальных военных противников Советской России. Польша здесь тоже подразумевалась. Вполне вероятно, что именно поэтому военным руководителем легендированной подпольной структуры «Монархическое объединение Центра России» (МОЦР) был избран поляк по национальности бывший царский генерал А.М. Зайончковский. Он был допрошен в рамках расследования дела Петроградской боевой организации и позднее завербован особоуполномоченным ВЧК Я. Аграновым. Неоднократно бывавший в Польше и фактически исполнявший задания 2-го отдела ПГШ в период деятельности Западного областного комитета савинковского НСЗРС (дело «Крот»), Опперпут был определен главным в цепочке связи МОЦР с резидентурами эстонской и польской разведок в Москве. После своего бегства за границу в интервью эмигрантским газетам он специально уделил внимание этому обстоятельству. «В середине февраля 1922 г., – рассказывал Опперпут, – мне было сообщено, что меня используют для контрразведывательных целей, около 25 февраля оформили мое зачисление в секретные со-

трудники КРО и первого марта освободили из тюрьмы... Прямо из тюрьмы меня направили на квартиру к Сосновскому... у которого я проживал около трех недель... В последних числах марта мне устроили комнату и службу в Московской таможне, и Кияковский сообщил, что я перехожу в его распоряжение для развития монархической легенды и дезинформации одного иностранного штаба»³⁰⁷.

Слова Опперпута соответствуют действительности, поскольку практически такая же информация содержится в одном из протоколов допроса Сосновского 1936 г.³⁰⁸ Таким образом, есть основания утверждать, что первоначально дело МОЦР должно было проводить 16-е спецотделение Особого отдела ВЧК, переформированное через месяц в 6-е отделение КРО ГПУ. И это логично, поскольку основной задачей данного подразделения и являлась борьба с монархистами всех мастей. Фактически для этого оно и было создано. Но затем разработка «Ярославец» переходит в ведение 4-го отделения, которое возглавлял тогда Кияковский. Но, судя по доступным мне материалам, Сосновский все равно, что называется, «держал руку на пульсе». Исследователи мало обращают внимания на то, что так же, как и в других крупных разработках советской контрразведки первой половины 1920-х гг., ведущая роль в деле отведена далеко не однозначным фигурам – разоблаченным двумя годами ранее польским разведчикам (Сосновскому и Кияковскому). И только после попытки самоубийства Кияковского на семейной почве его уберут с должности начальника 4-го отделения КРО ОГПУ и заменят на В. Стырне. Последний и вошел в историю как организатор работы по операции «Трест».

Общая фабула агентурной разработки достаточно хорошо известна историкам, и пересказывать ее нет никакого смысла. Прежде всего адресую читателя к соответствующему разделу книги «Лубянка-2»³⁰⁹. Поскольку я принимал участие в подготовке текста, то могу ответственно утверждать, что опубликованное полностью соответствует материалам дела, хранящегося в архиве ФСБ России. Конечно, для юбилейного издания из дела «Трест» были выбраны наиболее яркие моменты. К примеру, захват С. Рейли и поездка известного монархиста В. Шульгина в СССР, а также скрывание активности террористки из «Русского общевоинского союза» (РОВС) М. Захарченко-Шульц. Польская линия нашла свое отражение только в нескольких строках, посвященных проведению дезинформационных мероприятий в отношении некоторых европейских разведок.

В докладной записке начальника КРО ОГПУ А. Артузова о целях легенды «Трест», составленной, правда, после провала разработки, говорилось следующее: 1) сосредоточить внимание всех монархических организаций на мнимой подпольной структуре под названием МОЦР; 2) выяснить систему финансирования эмигрантских организаций разными государствами; 3) быть в курсе текущей подрывной деятельности зарубежных стран в СССР; 4) дезориентировать разведки вероятных противников, включая, конечно же, и Польшу, о состоянии РККА и планах командования; 5) влиять на заграничные монархические группировки в плане сдерживания их от террористических и иных активных действий в нашей стране. К числу успехов КРО Артузов отнес факт заключения МОЦР договора со 2-м отделом польского Генерального штаба, подписанного по поручению руководства начальником разведки полковником Баером. В документе были прописаны конкретные действия поляков по развитию деятельности подпольной организации в интересах Польши. Важность этого подчеркивалась приложением копии данного договора к отчетной записке Артузова³¹⁰.

Как известно, связь с заграничными монархическими группами в рамках агентурной разработки «Ярославец» (дело «Трест») первоначально велась через Ревель (ныне Таллин), где проживал Ю. Артамонов. Он был в контакте с «Высшим монархическим советом» в Берлине через своего сослуживца и друга князя К. Ширинского-Шихматова. Последнему и было адресовано письмо о встрече Артамонова со своим бывшим преподавателем в Александровском лицее А. Якушевым, который якобы состоял в многочисленной подпольной монархической группе в Москве. Перехват письма Иностранным отделом ВЧК, вполне естественный арест Якушева после возвращения из заграничной командировки и привели чекистов к мысли о возможности организации оперативной игры с эмигрантскими монархическими структурами в Европе. Здесь следует отметить, что реально никакой подпольной группы не существовало. Якушев выдумал ее в разговоре с Артамоновым, поскольку желал создать о себе впечатление у воспитанника-монархиста как о человеке, тоже не приемлющем большевистскую власть и предпринимающем попытки подрывать ее изнутри. Об этом говорится в обзоре В. Стырне, на который я далее буду неоднократно ссылаться. Материалы агентурной разработки «Ярославец» и отчетные материалы ВЧК за указанный период полностью подтверждают написанное руководителем оперативной игры. Безусловно, среди знакомых Якушева имелось много «бывших лю-

дей» – тех, кто занимал важные должности при царском режиме и принадлежал тогда к политической или промышленной элите. Но никто из них не фигурировал в показаниях Якушева и не состоял в МОЦР.

С ведома резидентуры 2-го отдела ПГШ или даже по ее настоянию Артамонов, как указывают многие исследователи, покинул хорошо оплачиваемое место в британском паспортном бюро (агентурной точке МИ-6) в Ревеле и перебрался в Варшаву. Последнее бесспорно. А его служба в английской разведке не подтверждается. В частности, в материалах архивного уголовного дела на штатного сотрудника британского паспортно-контрольного бюро в эстонской столице А. Житкова нет фамилии Артамонова не только среди сотрудников ПКБ, но и вообще среди русских эмигрантов, проживавших в городе в начале 1920-х гг. И это при том, что Житкова чекисты допрашивали очень тщательно и последственный назвал около полусотни имен разведчиков и агентов британской разведки, а также тех, кто сотрудничал со спецслужбами Эстонии и польской резидентурой в Ревеле³¹¹.

Ясно одно – переезд Артамонова в Варшаву не был случайным. Можно предположить, что польская разведка пыталась вывести МОЦР из-под влияния эстонских спецслужб, которым первоначально и начала поступать разведывательная информация по линии «Треста». Эту информацию привозил пресс-атташе эстонского посольства в Москве, исполнявший и роль «дипломатического курьера», Роман Бирк. Одновременно он был и эстонским разведчиком, являясь прикомандированным к Генеральному штабу сотрудником МИД. Его работа в данном направлении началась в конце 1921 г.

Как писал в своем обзоре В. Стырне, с письмом от арестованной Страшкевич («близкой знакомой» Якушева и родственницы Артамонова) к последнему в Ревель выехал помощник начальника 12-го (польского) спецотделения Особого отдела ВЧК Виктор Кияковский под фамилией Колесников. После прочтения этого факта у меня возник вопрос: а причем здесь польское отделение ОО ВЧК и лично Кияковский? И еще одно: монархистами занималось 16-е спецотделение, а не польское, где и работал Кияковский. Почему выполнение столь важного и рассчитанного на перспективу задания не возложили, к примеру, на помощника начальника того самого 16-го спецотделения С.В. Пузицкого? Он имел высшее юридическое образование, в начале Первой мировой войны окончил военное училище и стал офицером, в 1918 г. вступил в большевистскую партию и с середины 1920 г. уже работал в ВЧК. Ведь с самого

начала он был включен в операцию «Трест» и до ее завершения играл в ней одну из наиболее важных ролей. Нельзя не учитывать и то, что в Ревеле активно действовала резидентура 2-го отдела ПГШ и существовала реальная опасность того, что Кияковского просто могут опознать его бывшие коллеги. Поэтому выбор именно Кияковского для поездки за границу можно объяснить только одним – на него сделал ставку Артузов.

В эстонской столице Кияковский встретился с Артамоновым и В. Щелгачевым как представителем генерала Врангеля. Чекист заявил о том, что прислан от подпольной монархической организации с целью установить прочную связь с «Высшим монархическим советом» в Берлине (через Артамонова) и с Врангелем. Готовясь к поездке, Кияковский был проинформирован о контактах указанных выше эмигрантов с эстонской разведкой, поэтому в ВЧК надеялись и на возможное проникновение в агентурную сеть последней. Но сведений о встречах Кияковского с упомянутым выше Бирком или с другими офицерами разведки Генштаба Эстонии в моем распоряжении не имеется.

Бирк прибыл в Москву в конце 1921 г. как пресс-атташе эстонского посольства. Вскоре он попал в поле зрения чекистов, но не как подозреваемый в проведении шпионской работы, а как инициатор и участник разного рода спекулятивных сделок. Его противоправная деятельность была задокументирована. Принимая во внимание близкую родственную связь с эстонским послом Адо Бирком, сотрудники Особого отдела вышли на него и в итоге завербовали под псевдонимом «Груша»³¹². Основную роль в этом сыграл Кияковский, хотя, что называется, «влез в чужую епархию» – зону ответственности другого отделения. Но для разворачивания дела все можно, тем более, что санкции давал лично Артузов. Одна из задач была решена. Проникновение в агентурную сеть эстонской разведки состоялось, и в Генеральный штаб Эстонии пошла «деза» – специально подготовленная Разведупром РККА информация о состоянии нашей армии и по другим вопросам.

Р. Бирк выступал и в качестве связника МОЦР с Артамоновым. Через месяц после приезда Бирка в Москву, но еще до его вербовки чекистами, на конспиративный адрес МОЦР по внутрпочтовому каналу пришла открытка из эстонского посольства с приглашением зайти за поступившим письмом. И тут у меня вновь возникает вопрос: зачем в эстонское посольство отправили Сосновского? Он уже перешел на должность помощника начальника 16-го спецотделения ОО ВЧК, вел разработку «Синдикат-1» и другие важные дела

по контрреволюционным элементам. Возможно, агентурную разработку «Ярославец» Артузов хотел возложить тоже на него. Так бы, наверное, и произошло, если бы не пришлось начинать дело «Синдикат-2». Вести такие крупные дела одному человеку, пусть даже это и Сосновский, было не под силу. Как бы там ни было, но Сосновский пошел в эстонское посольство, где встретился с Р. Бирком и получил первую почту от ревельских монархистов. Но в обзоре по делу «Трест» В. Стырне утверждает, что в это время основной упор еще делался не на форсированное развитие монархической линии, а на продвижение «дезы» в иностранные посольства³¹³. И, тем не менее, связь с Артамоновым была установлена.

Пока нет документально подтвержденных ответов на вопросы: 1) почему и по согласованию с кем Артамонов покидает Ревель и переезжает в Варшаву? 2) чем лучше линия связи с Берлином и Парижем через Варшаву, чем через Ревель? Артамонов проживал в эстонской столице уже почти 2 года и обзавелся связями среди эмигрантов. Наиболее обоснованным здесь кажется предположение о влиянии польской разведки. Ее резидентура по каналу обмена разведанными с эстонскими спецслужбами относительно СССР начала получать приходившую от МОЦР информацию, и поляки быстро оценили важность источника. Работавший в то время в Ревеле польский разведчик Михневич в своих воспоминаниях указывал, что «Пляцувка (резидентура. – А.З.) получала от эстонцев превосходную разведывательную информацию... у эстонской разведки был особенно ценный проверенный источник информации, который мог получать данные самого высокого уровня»³¹⁴. Однако Михневич, зная, чем закончился «Трест», не преминул указать на якобы имевшиеся сомнения относительно МОЦР у резидента – поручика Виктора Т. Дриммера (псевдоним «Найденов»).

И все же глава «пляцувки» решился на сотрудничество с этой организацией через руководителя эстонской разведки майора Пальма, предварительно запросив на это согласие начальника реферата «Б-1» 2-го отдела ПГШ поручика М. Таликовского. Вероятно, чтобы постепенно «выбить» из игры эстонские спецслужбы, Дриммер как можно понять из посвященной «Тресту» статьи польского историка А. Кшака, вышел непосредственно на связь с прикомандированным к эстонскому Генеральному штабу сотрудником МИД Р. Бирком и за соответствующее материальное вознаграждение стал получать от него исходящие от МОЦР сведения. Стырне в своем обзоре операции «Трест» дает иную версию. Он утверждает,

что не Дриммер вышел на Бирка, а Бирк установил контакт с польским резидентом по заданию чекистов и передал ему тот материал, который предназначался для эстонской разведки³¹⁵. Сделано это было с целью скорейшего завязывания игры с разведкой главного потенциального противника. Безусловно, описание событий руководителем агентурной разработки «Ярославец» заслуживает большего доверия, чем их трактовка польским историком, не имевшим возможности перепроверить свои сведения.

Чтобы усилить отрыв от эстонской разведки, Дриммер предложил своему руководству перенести центр связи с МОЦР в Варшаву. При этом резидент изъявил полную готовность и в дальнейшем осуществлять прием членов МОЦР и его агентуры после перехода ими советско-эстонской границы. Такая позиция казалась Дриммеру беспроблемной. Вскоре он обеспечил выдачу визы Артамонову, и тот выехал в Польшу. По утверждению проживавшего в Варшаве белоэмигранта С. Войцеховского, уже с 1922 г. включенного с согласия польской разведки в заграничную линию связи «Треста», Артамонов «был там признан резидентом тайной русской монархической организации»³¹⁶. А кто мог признать, кроме 2-го отдела польского Генштаба? Вопрос риторический.

Итак, центр коммуникации МОЦР с эмигрантскими монархическими организациями был перенесен из Ревеля в Варшаву. Артамонов, несколько не колеблясь, пошел на вербовку польской разведкой в лице начальника ее русского направления М. Таликовского и получил псевдоним «Липский». С разрешения куратора он привлек к сотрудничеству со 2-м отделом ПГШ бывшего офицера армии Врангеля русского эмигранта Войцеховского, который теперь стал в переписке именоваться «Петровским»³¹⁷. Обоих на личную связь принял М. Таликовский.

Поскольку этот ответственный сотрудник 2-го отдела ПГШ курировал разведывательную работу «Центра Действия» (ЦД), савинковского «Народного союза защиты родины и свободы» (НСЗРС), теперь «Монархического объединения Центра России» (МОЦР), а позднее и «Республиканско-демократического объединения» (РДО), целиком контролировал все линии связи русских эмигрантских организаций с СССР через польскую границу, стоит о нем сказать отдельно. Михаил Михайлович Таликовский родился в Одессе в 1894 г. и там же получил гимназическое образование. В 1911 г. его призвали в царскую армию, где он и прослужил до января 1918 г., дослужившись до звания штабс-капитана. Потом поступил в сформированный в Одессе польский военный отряд, но в апреле, став

членом Польской организации войсковой (ПОВ), перешел на нелегальное положение и исполнял обязанности адъютанта начальника районной группы. С этого времени начинается его разведывательная работа. Его фамилия нередко появлялась в сводках чекистских органов, но задержать Таликовского не удавалось. С началом советско-польской войны он уехал в Варшаву, где и поступил на штатную должность во 2-й отдел ПГШ. При реорганизации отдела в июне 1921 г. был назначен начальником подреферата «Б-1», отвечавшего за советское направление в реферате центральной агенты 2-го отдела ПГШ³¹⁸.

Любопытные детали облика и поведения Таликовского дал в своих воспоминаниях его агент и член Варшавского аппарата связи МОЦР Войцеховский. «Удивительным, по нарушению элементарной конспирации, – писал Войцеховский, – был обед, данный Артамонову и мне начальником русской секции второго отдела генерального штаба, капитаном Михаилом Таликовским. Он пригласил нас в ресторан гостиницы “Бристоль” – один из лучших в Варшаве. Мы сидели в общем зале втроем – польский офицер в военной форме и двое русских эмигрантов... Удивила его скромность. Далеко не новый мундир был аккуратно заплата на локте...»³¹⁹ Таликовского считали асом разведки на Востоке, поэтому он долго находился на своей должности, пережив реорганизации 1923 и 1926 гг. Но, отмечу это особо, был убран с занимаемого поста после провала, а вернее – разоблачения предателем, организации «М» – «Треста» в 1927 г.

Итак, главный центр связи МОЦР с эмигрантскими монархическими организациями был создан в Варшаве, и действовал он под полным контролем польской разведки. Но руководитель резидентуры «Виттег» (переименованной затем в «Р-7», позднее – в «J-6» и далее – в «Балт») капитан Дриммер не хотел упускать возможность использования МОЦР для усиления разведывательной работы в СССР из Ревеля. Ведь в задачу его «пляцувки» входило освещение Петроградского военного округа и центральных советских учреждений в Москве³²⁰. В ноябре 1922 г. капитан Дриммер командировал в Москву одного из своих подчиненных, который должен был выполнять обязанности связного с МОЦР. 2-й отдел ПГШ добился в МИД Польши назначения этого офицера (подпоручика В. Михневича) на должность сотрудника консульства в Москве. В целях конспирации польский разведчик прибыл в советскую столицу под фамилией Владислава Михаловского (псевдоним «Влад»). Он лишь успел установить контакт с представителем МОЦР «Ка-

саткиным» (агентом ГПУ Опперпуттом), но реально приступить к работе не смог ввиду заболевания. Тогда на временную замену ему начальник подреферата «В-1» Таликовский незамедлительно прислал в Москву еще одного сотрудника резидентуры «Р-7/1» – Эдварда Чижевского³²¹. Он стал встречаться с «Касаткиным» 4–5 раз в неделю и получать очередные партии «дезы».

Срочное командирование в советскую столицу специально выделенных офицеров разведки свидетельствует о том, насколько 2-й отдел ПГШ был заинтересован в скорейшем налаживании шпионской работы, используя МОЦР. Чекисты в свою очередь добились решения одной из задач в рамках разработки «Ярославец», а именно концентрации усилий нескольких польских разведчиков на связи с подставленным им агентом «Касаткиным». Кроме того, наружное наблюдение за Михневичем и Чижевским позволило в короткое время выявить некоторых их агентов, ранее не известных КРО ГПУ. Польский историк спецслужб Анджей Кшак утверждает, что для усиления уверенности поляков в том, что они имеют дело с серьезной организацией, руководивший тогда разработкой «Трест» начальник 4-го отделения КРО Кияковский тоже имел контакты с Чижевским, позиционируя себя как руководителя «Касаткина». Возможно, так оно и было, но подтверждения данного факта в других источниках мной пока не обнаружено. Да и зачем было вновь рисковать, учитывая возможность опознания Кияковского как офицера польской армии Стецкевича – бывшего главу агентурной сети в Петрограде. Во 2-м отделе ПГШ было доподлинно известно о его переходе на советскую сторону.

Чтобы сбить активность Чижевского, сотрудники КРО подготовили и через «Касаткина» передали ему материалы, якобы добытые в Разведупре Красной армии. Они касались действовавшей в Москве под руководством польского разведчика резидентуры (или отдельного агента) под псевдонимом «Чайка». Представитель МОЦР уведомил Чижевского о том, что этот источник известен чекистам и с ним работал капитан Котвич-Добжаньский. Он относительно давно действовал в Советской России, прибыв туда еще в апреле 1921 г. в составе Репатрационной комиссии³²². Посланный в Польшу рапорт по этому вопросу (о провале) вызвал незамедлительную реакцию во 2-м отделе ПГШ – Котвич-Добжаньский и Чижевский были срочно отозваны в Варшаву³²³. Перед отъездом Чижевский еще раз встретился с «Касаткиным», и последний проинформировал польского разведчика, что «Тресту» известно о наличии агентуры ГПУ во 2-м отделе ПГШ, и просил довести эту информацию до своего

руководства³²⁴. Это был рассчитанный чекистами удар. Полякам предстояло много поработать в области внутренней безопасности, что, несомненно, снижало активность разведывательной работы в Советской России, Белоруссии и на Украине.

Чижевского на линии связи с МОЦР, а фактически только с «Касаткиным», заменил выздоровевший Михневич. Теперь он стал получать подготовленные Разведупром РККА дезинформационные материалы. Из-за высокой интенсивности контактов и необходимости усиления их конспирирования Михневич и Дриммер обосновали своему начальству целесообразность создания в Москве новой резидентуры для работы с МОЦР. В конце 1923 г. 2-й отдел ПГШ положительно разрешил этот вопрос и пошел на создание резидентуры в Москве, но, по просьбе Дриммера, подчинил ее напрямую ревельской «пляцувке». Эта резидентура получила наименование «Р-7/1» и занималась только добыванием важной военной информации с помощью организации «М». Так в материалах польской разведки обозначалось легендированное чекистами «Монархическое объединение Центра России»³²⁵. Резидентура «Р-7/1» функционировала под «крышей» консульского отдела дипломатического представительства Польши в СССР. Вот, что о ней сказано в обзоре трофейных материалов 2-го отдела ПГШ: официально создана в марте 1924 г., главной задачей было поддержание связи с МОЦР и использование возможностей этой организации для получения разведывательной информации. Ликвидация резидентуры последовала в апреле 1927 г. в связи раскрытием роли МОЦР и выявившимся в связи с этим полным провалом работы³²⁶.

Главная явка МОЦР для связи с эстонской и польской разведками была организована КРО ОГПУ в Серебрянном переулке на Арбате в доме № 1, в квартире № 20, где проживал А. Микулин – один из немногих членов легендированной организации, кто считал ее реально существующей³²⁷. У Микулина, кстати говоря, жил и агент ОГПУ Опперпут-«Касаткин».

С Михневичем («Михаловским») отношения у МОЦР не сложились. Как утверждает польский историк А. Кшак, якобы Михневич через одного из своих агентов добыл информацию о том, что глава МОЦР генерал А.М. Зайончковский никакой конспиративной работы не ведет, как и контактирующие с ним бывшие офицеры. Со своими сомнениями относительно реальности существования МОЦР Михневич выехал в Варшаву, однако поддержки у руководства не нашел. В Москву он вернулся только для передачи «Касаткина» на связь другому разведчику³²⁸. С этого времени контакт с МОЦР

взял в свои руки центральный аппарат польской разведки. С конца июня 1923 г. работа с монархической организацией была поручена направленному в Москву поручику Тадеушу Вернеру (псевдоним «Иванов»). Однако Вернеру ввиду его молодости и малоопытности 2-м отделом ПГШ было запрещено проводить мероприятия, не утвержденные резидентом в Ревеле капитаном Дриммером. По менее важным вопросам он должен был консультироваться с польским военным атташе.

В начале 1923 г. контрразведчиками ОГПУ был легендирован филиал МОЦР в Петрограде, который представлял специально направленный туда секретный сотрудник КРО ГПУ Е.Н. Онегин (Горский-Орлов). К нему на связь по команде из Варшавы вышел польский резидент в северной столице Чехович, действовавший под прикрытием делегации по репатриации. К сожалению, эту часть легенды чекистам довести до конца не удалось – летом 1923 г. пришлось начать реализацию разработки Чеховича в связи с его очень активной шпионской работой и наличием на связи многочисленной агентурной сети, не имевшей отношения к проводимой операции «Трест». Для поддержания легенды из Москвы была дана команда для вида арестовать и Горского-Орлова. Эту информацию через Опперпуга довели до Вернера. Польскому разведчику было заявлено, что «неконспиративная» работа Чеховича в Петрограде поставила организацию на грань провала и последствия для «Треста» могли быть самые серьезные. Сделано это было с целью подавить имевшие место попытки диктата со стороны поляков в отношении действий организации по сбору разведывательной информации. Речь шла об ускорении процесса добывания полного варианта мобилизационного плана РККА.

Неожиданно для чекистов успешно налаженная по разработке «Ярославец» дезинформация поляков натолкнулась на объективное препятствие. Дело в том, что в Польше произошли серьезные политические события. 16 декабря 1922 г. был убит первый демократически избранный президент Польской Республики Г. Нарutowич. В результате развернувшейся на этом фоне межпартийной борьбы в середине следующего года к власти пришло правительство В. Витоса. На следующий день после приведения его к присяге Пилсудский подал в отставку с поста начальника Генерального штаба, а 2 июля 1923 г. сложил с себя полномочия председателя Узкого военного совета³²⁹. Поскольку во 2-м отделе ПГШ проходили службу в основном соратники и сторонники Пилсудского, то их начали заменять офицерами иной политической ориентации. Был

уволен начальник отдела, ближайший сотрудник Пилсудского и один из наиболее активных руководителей ПОВ подполковник И. Матушевский – тот, кто реально создавал послевоенную польскую разведку. Его сменил ранее не проявлявший себя на поприще спецслужб подполковник М. Байер. В середине октября 1923 г. была проведена первая существенная реорганизация 2-го отдела Генерального штаба Войска Польского³³⁰. Эта реорганизация, впрочем, как и любая перестройка аппарата, несколько сбила темп работы поляков с МОЦР. Как ни странно, но чекисты были удовлетворены тем, что в итоге произошло. Хотя подреферат «Б-1» был преобразован в реферат «Восток», задачи его практически не изменились, и, что самое главное, капитан Таликовский остался руководить им. Польский историк А. Кшак, правда, без ссылки на источник своих слов, аттестовал Таликовского как человека «с умственной медлительностью»³³¹. Сохранил свое положение и его непосредственный начальник – шеф отдела разведки капитан Работницкий.

Еще в конце 1922 г. основной агент ОГПУ по польской линии в «Тресте» Опперпут («Касаткин»), исполняя задание контрразведчиков, обратился к своим контактерам из консульства с предложением организовать в Варшаве конференцию ответственных членов МОЦР и руководства 2-го отдела ПГШ, на которой обсудить назревшие вопросы. Но только после реорганизации Таликовский согласился с этим и подготовил соответствующий доклад начальству.

Через некоторое время один из ключевых агентов в разработке «Ярославец» А.А. Якушев, якобы политический руководитель «Треста», прибыл в Варшаву, и 2-й отдел ПГШ устроил ему встречу с министром иностранных дел Польши крайним националистом Р. Дмовским. Вероятно, эта встреча была организована разведчиками для снятия с себя ответственности за отказ от предложения «Треста» разместить группы врангелевских офицеров на границе с СССР. Эти группы должны были поддерживать работу «окон» на пограничной линии, обеспечивавших переход в Польшу и обратно представителей подпольной монархической организации. Дмовский категорически отказался подписать подготовленное на сей счет соглашение и, как пишет А. Кшак, даже убедил в этом премьер-министра. В. Витоса³³². Этот факт еще раз подчеркивает заинтересованность поляков только в добывании разведывательной информации с помощью «Треста» и не более того.

Вместе с Якушевым в Варшаву прибыл и «начальник штаба МОЦР» – доверенное лицо КРО ОГПУ Н.М. Потапов. В царской армии он дослужился до звания генерал-лейтенанта, длительное

время работал в военной разведке, а до прибытия в Польшу занимал должность помощника главного инспектора Всеобуча, отвечавшего за подготовку резервов для РККА. До поляков ранее было доведено, что именно он занимается привлечением в подпольную организацию новых членов из числа командиров РККА и отвечает за разведывательную работу. Якушев, Потапов и представитель МОЦР в Варшаве Артамонов 26 октября 1923 г. встретились с новым начальником 2-го отдела ПГШ подполковником М. Байером. Согласно отчету секретных сотрудников ОГПУ, на встрече присутствовали также начальник разведывательного отдела майор Работницкий (Роботицкий) и начальник реферата «Восток» М. Таликовский³³³. Начальник 2-го отдела заявил, что прежние руководители разведки не посвятили его в детали связи с МОЦР. Пришлось обсуждать уже проведенные мероприятия, что привело к затягиванию переговоров, и они продолжались несколько дней. Выяснилось, что на посланный в Ревель запрос местный резидент Дриммер уже представил доклад, в котором убеждал в необходимости упрочнения связи с МОЦР. Это играло на руку чекистам, поскольку задача проведения дезинформационных мероприятий в отношении поляков не теряла свою актуальность. Итогом переговоров стали подписание начальником 2-го отдела соглашения с представителями МОЦР и решение возвратить в Москву поручика Вернера, отозванного летом после провала Чеховича в Петрограде и конфликта на этой почве с «Касаткиным».

Благополучный исход переговоров оценивался в КРО ОГПУ очень положительно. Вместе с тем, как писал в обзоре по делу «Трест» В. Стырне, «давать то, что хотели поляки, мы не могли»³³⁴. А 2-й отдел ПГШ требовал ни много ни мало мобилизационный план РККА. Чтобы отвлечь на некоторое время внимание польской разведки, было решено сообщить ее представителям о проводимой работе по привлечению в подпольную организацию еще нескольких крупных должностных лиц РККА, включая и М. Тухачевского. О последнем поляки спрашивали неоднократно, поскольку в русской литературе и газетах, выпускавшихся эмигрантскими группами, не раз высказывалось мнение о том, что Тухачевский – потенциальный военный диктатор и уже сейчас конфликтует с высшим военно-политическим руководством.

В начале 1990-х гг. историки и особенно публицисты много писали о фальсификации советскими органами госбезопасности дела о военно-фашистском заговоре и якобы участии в нем М. Тухачевского. При этом они опирались прежде всего на опубликованную

справку о проверке обвинений, выдвинутых против маршала и других командиров РККА³³⁵. Для подготовки текста этой справки были использованы архивные материалы КГБ, в том числе документы из агентурной разработки «Ярославец-Трест», а также обзора по делу, составленного В. Стырне. Поэтому, полагаясь на добросовестность составителей справки, приведу ту часть ее, которая имеет непосредственное отношение к рассматриваемой в монографии теме.

«Затем на некоторое время Трест занял зарубежных монархистов якобы происходящими внутри самого Треста недоразумениями на почве привлечения к работе М.Н. Тухачевского. Дело в том, что неоднократно нам из-за рубежа рекомендовали вовлечь в Трест Тухачевского. Особенно монархическая молодежь хотела видеть в нем русского Бонапарта, предполагали, что он только прикидывается коммунистом, а в действительности же монархист. “Поддавшись” этим настроениям, за границу было написано, что Тухачевского удалось привлечь в Трест. Там это сообщение произвело эффект...»³³⁶ Публикуя этот фрагмент из обзора, авторы справки, несмотря на приведенные ими же слова Стырне о том, что инициатива исходила от зарубежных монархистов, прямо называют именно его непосредственно ответственным за распространение компрометирующих будущего маршала материалов. Здесь, по моему мнению, явно просматривается политический заказ власти и конкретно Н. Хрущева.

Те, кто готовил справку, пытались дезинформационные материалы, включая и документы с реальными подписями высокопоставленных военных, представить как намеренное компрометирование последних в глазах иностранных разведок и эмигрантских центров. Они не захотели разбираться в том, как и на основе каких решений политических и военных инстанций проводилась дезинформационная работа. Им бы следовало знать о том, что материалы, предназначавшиеся для передачи за границу, готовились не в ГПУ-ОГПУ, а в Разведывательном управлении РККА и докладывались наркому по военным делам – до конца 1923 г. Л. Троцкому, а затем М. Фрунзе. Значит, в кампании по дискредитации Тухачевского активно участвовали, а иногда и руководили ею и они? В таком случае стоит добавить к наркомам и начальника Разведупра Я. Берзина.

На абсолютную несостоятельность утверждений авторов справки указывает и то, что они якобы для подтверждения своих выводов о целенаправленной компрометации ряда военачальников ничтоже сумняшеся привели явно не подтверждающий их выводы следующий фрагмент из обзора Стырне: «Наши агентурные

донесения по разным источникам в общем носили успокоительный характер, но в целом на этот вопрос был дан ответ польской разведке путем передачи на фотографирование “подлинного” документа за подлинными подписями Главнокомандующего всеми вооруженными силами тов. С.С. Каменева, члена РВС СССР тов. Уншлихта и замнач. штаба тов. Б.М. Шапошникова... Этот исключительно важный документ, содержащий цифровой материал технического снабжения Красной армии военного времени, и его заключительная военно-политическая часть... имел не только в данный тревожный момент весьма большое значение, но и во всей нашей дальнейшей работе, поскольку эти цифровые данные нашей материальной обеспеченности легли в основу последующих работ польского и французского генеральных штабов и специального совещания представителей французского и польского генеральных штабов осенью 1924 года»³³⁷. Я специально выделил часть текста, указывающую на осведомленность в проводившихся мероприятиях указанных военных деятелей и осознание ими того, что ведется работа в пользу укрепления безопасности нашей страны. Справедливости ради отметим, что авторам пришлось привести и такой фрагмент обзора: «...так как было признано неудобным “числить” Тухачевского в составе Треста и было получено распоряжение прекратить игру с его фамилией, – пришлось для заграницы вывести его из состава Треста»³³⁸. Делалось это постепенно, через «конфликт» в организации, возникший по поводу участия Тухачевского. На практике это дало некоторую передышку в реализации требований польской разведки.

В марте 1924 г. реферат «Восток» 2-го отдела ПГШ разработал некие рекомендации для своих сотрудников и экспозитуры в Вильно об увеличении вдвое разведывательной сети посредством привлечения организации «М» для разведки дислокации войск в СССР. Полностью с этим документом читатель может познакомиться в приложении к данной монографии, а здесь приведу некоторые установки польской разведки. В частности, констатировалось, что уже наработанный опыт сотрудничества с организацией «М» дает повод надеяться на интенсификацию разведывательной деятельности на советской территории. Кроме того, и данное обстоятельство в переписке о МОЦР фиксируется впервые, польская разведка не только помогает русским монархистам вести переписку с заграничными центрами, но и расшифровывает ее, несмотря на взаимную договоренность. И из этой переписки якобы видна заинтересованность МОЦР в контактах со 2-м отделом ПГШ и его фили-

алом в Ревеле, хотя и нет возможности полностью удовлетворить запросы поляков. Исходя из этого, реферат «Восток» считает возможным систематически давить на подпольную организацию в плане наращивания ее разведывательной деятельности и постоянного мониторинга дислокации войск Красной армии. Такой вопрос считалось правильным поставить перед руководителем Варшавского центра связи МОЦР Артамоновым, а реализацию плана «удвоения разведывательной сети» поручить резиденту в Москве. Он должен требовать от МОЦР приобретения осведомителей в каждом штабе округа и чуть ли не в каждой крупной воинской части. Собранные осведомителями данные должны систематически передаваться московскому резиденту 2-го отдела и отражать любые изменения³³⁹. Но главное, что хотела иметь польская разведка – это, конечно же, мобилизационный план РККА. В данном вопросе у контрразведчиков возникли, что вполне естественно, большие сложности.

Еще в конце января 1923 г. «Касаткин» по поручению чекистов предложил передать полякам план мобилизации за 25 000 долларов. Именно эта сумма фигурировала в донесении из Москвы от Э. Чижевского. В КРО, вероятно, полагали, что на такую большую сумму польская разведка не согласится. И действительно, резидент запросил 2-й отдел ПГШ и получил в ответ готовность заплатить только 3000 долларов³⁴⁰. Уловка контрразведчиков сработала, но, как оказалось, ненадолго. Идея фикс захватила умы польских разведчиков в лице нового начальника 2-го отдела и его подчиненных. Им, вероятно, хотелось доказать, что если при Пилсудском не смогли достигнуть такой важной цели, то ныне вопрос будет так или иначе, но решен. Нажим на МОЦР нарастал, но «трестовики» под всякими предлогами не давали положительного ответа. 31 января 1924 г. Якушев в очередной раз прибыл в Варшаву, где встретился с полковником Байером и капитаном Таликовским и передал им очередную порцию дезинформационных материалов. Однако идеолог МОЦР пожаловался на излишнее давление на «Трест» со стороны резидента в Москве ротмистра А. Недзинского и задержку им оплаты уже полученных материалов³⁴¹. Это была вторая попытка затянуть вопрос о добыче мобилизационного плана.

А в это время по просьбе чекистов в Разведупре РККА решали, как выйти из создавшегося положения. В отчете от 21 января 1925 г. о проведенной работе по подготовке дезинформационных материалов начальник РУ Я. Берзин докладывал начальнику штаба Красной армии, что раздел «Мобилизация» удалось наполнить конкретными сведениями. Так, было решено в изготавливаемые

документы заложить ложный график провозоспособности железнодорожной сети СССР в военное время и увеличить ее по сравнению с реальной на 15%. Эта часть «мобплана» и была передана в некоторые штабы, в том числе и в польский³⁴².

Ситуация обострилась в 1926 г. после переворота Пилсудского. Вновь, как и в 1923 г., произошла «перетряска» руководящего состава польской разведки. Новый начальник 2-го отдела ПГШ полковник Т. Шетцель постоянно подгонял своих подчиненных. В Москве ожидали нового нажима на МОЦР, и сотрудники Разведупра не подвели. «Мобилизационный план» был готов в сентябре 1926 г. и утвержден в Реввоенсовете СССР. С личного разрешения заместителя председателя ОГПУ Г. Ягоды его передали полякам в два этапа³⁴³. Начали с мобилизационной инструкции. Она была реальным документом, но уже устаревшим. Далее в ход пошел сам «мобилизационный план». Уверенно можно говорить о том, что польские разведчики, получив первые страницы «мобплана», оценили их очень высоко. Подтверждением тому являлись беспрецедентные меры конспирации при передаче основной части «мобплана» секретным сотрудником КРО ОГПУ «Касаткиным» своему польскому куратору. Не доверив добытый документ даже дипломатической почте, в Варшаву его доставил лично руководитель резидентуры «Р-7/1» 2-го отдела ПГШ в Москве ротмистр А. Недзинский («Броневский»)³⁴⁴.

Насколько верны слова бежавшего за границу агента КРО ОГПУ «Касаткина»-Опперпута, судить сейчас трудно, но якобы чекисты уже после передачи «мобплана» полякам, сличив его с рядом других материалов, пришли к выводу о том, что польская разведка может через какое-то время установить его подложность. Это означало бы конец агентурной разработки и легенды МОЦР³⁴⁵. А если это так, то дальнейшие действия Опперпута до некоторой степени объяснимы. Зная о том, что КРО ОГПУ уже в начале 1927 г. решил постепенно сворачивать дело «Трест», он начал осознавать свою непригодность для дальнейшей работы по линии контрразведки. А быть рядовым гражданином с мизерной зарплатой он уже не хотел. Будучи авантюристом по натуре, Опперпут решил бежать в Финляндию вместе с кутеповской террористкой Захарченко, к которой испытывал некие чувства. Это произошло в апреле 1927 г. Он поведал финским спецслужбам и эмигрантской прессе всю эпопею «Треста». И с этого начался кризис в монархических кругах в Европе. Но, что самое главное для данного исследования, кризис,

подобно ударной волне от взрыва бомбы, буквально парализовал польскую разведку.

Чтобы не быть обвиненным в пристрастных, а отсюда и комплиментарных оценках проведенной советской контрразведкой агентурной разработки и преувеличении успехов, достигнутых по ряду направлений в операции «Трест», обращусь к исследованиям польских историков, а также деятелей эмиграции. Вот, к примеру, что утверждает автор монографии об истории польских спецслужб А. Мисюк: «В апреле 1927 г. в Разведывательном отделе 2-го отдела прошло совещание, в котором приняли участие руководители резидентур, действовавших на территории России. Целью встречи было определение последствий провала в работе с организацией “М” и обсуждение сути начавшейся реорганизации всей восточной разведки... Оказалось, что вся восточная разведка была зависима от организации “М”. Многим резидентурам подставлялись агенты, подготовленные ГПУ... Последствием провала стала ликвидация резидентур (“Р-7/1”, “О-5” и “Искатель”, ограничение деятельности эстонской резидентуры “Балт” (бывшая “Виттег” и “Р-7”. – А.З.), а также реорганизация или временное “замораживание” иных резидентур. В результате произошедших в 1927 г. событий были также поставлены под угрозу прекрасные отношения со спецслужбами прибалтийских государств»³⁴⁶. Для чекистов крайне важным было и то, что польская разведка, пусть и временно, но перешла от документальной (на основе использования агентуры) разведки к визуально-информационной, то есть легальной форме работы³⁴⁷. Подытоживая свои выводы, А. Мисюк указал, что «1927 г. стал переломным моментом – с этого времени началась основательная кадровая и организационная перестройка восточной разведки»³⁴⁸.

Другой признанный авторитет в области изучения истории военной разведки Польской республики, автор монографии о межвоенном периоде ее деятельности – А. Пеплоньский – пишет: «Летом 1927 г. в работе реферата “Б-1” Разведывательного отдела 2-го отдела наступил перелом. Компрометация большинства разведывательных резидентур после вскрытия аферы “МОР-Трест” дала импульс для ревизии всей существовавшей тогда системы разведки. Размеры компрометации склонили тогдашнего руководителя реферата “Б-1” ротмистра Александра Недзиньского к тому, чтобы сделать следующий вывод: “Разведка наша на Востоке полностью подавлена контрразведкой противника...”»³⁴⁹

Белоэмигрант С. Войцеховский, ссылаясь на воспоминания бывшего руководителя резидентуры «Р-7» капитана В. Дриммера,

указывает, что последнему пришлось уйти в отставку после раскрытия истинной роли «Треста» и больше он к разведывательной работе никогда не привлекался. А ведь его резидентура ранее считалась во 2-м отделе ПГШ самой результативной³⁵⁰. Этот же автор указывает, что сразу после бегства Опперпута в Финляндию туда для встречи с ним незамедлительно прибыл глава «Русского общевойскового союза» (РОВС) генерал А. Кутепов. Как известно, именно РОВС был главной мишенью агентурной разработки «Ярославец-Трест», и Кутепову было крайне важно убедиться в реальности утверждений Опперпута о легендировании чекистами МОЦР и в том, что с помощью оперативной игры КРО ОГПУ удалось длительное время сдерживать, а точнее, сковывать, активность РОВС на советской территории.

Практически с этой же целью в Гельсингфорс был командирован и руководитель советского направления польской разведки майор М. Таликовский. Персонально для него это уже был, как минимум, третий удар со стороны нашей контрразведки. Я имею в виду провал подконтрольных полякам организаций «Центр Действия» (операция «Синдикат-1»), савинковского «Народного союза защиты родины и свободы» («Крот» и «Синдикат-2») и вот теперь МОЦР. Войцеховский как агент (псевдоним «Петровский»), находившийся на связи у Таликовского, знал от него и позднее вспоминал, что в Финляндии произошел конфликт между польским разведчиком и Кутеповым³⁵¹. Генерал пытался упрекать представителя 2-го отдела ПГШ в безоглядном доверии «Тресту», что якобы влияло и на доброжелательное отношение к МОЦР со стороны эмигрантов-монархистов. Таликовский отвергал все обвинения. Как бы там ни было, но через непродолжительное время после возвращения в Варшаву Таликовский вынужден был покинуть свой пост, который занимал с 1922 г. По некоторым сведениям, ушел с занимаемой должности и начальник Разведывательного отделения 2-го отдела ПГШ майор Работницкий. Несмотря на то, что глава 2-го отдела подполковник Т. Шетцель являлся одним из ближайших сподвижников Пилсудского, он смог продержаться на должности лишь полтора года и то, наверное, лишь потому, что осуществлял общее руководство сотрудничеством польской разведки с МОЦР всего пять последних месяцев.

После приведения указанных выше фактов вряд ли стоит подводить еще какие-то итоги реализации советской контрразведкой польской линии в рамках операции «Трест». Просто еще раз процитирую слова начальника 4-го отделения КРО ОГПУ в тот период

В. Стырне из первого раздела подготовленного им обзора: «Особо важно отметить установление отношений с польской разведкой». К чему в итоге привело это «установление отношений», теперь известно. По польской линии был, несомненно, достигнут полный успех, реализовано большинство из намеченных мероприятий.

5. Польский вектор в репрессиях 1930-х годов

В целом о репрессиях и так называемых национальных операциях в частности написано достаточно много. За последние 25 лет появились диссертационные исследования, монографии, огромное количество статей. Изучались репрессии в регионах нашей страны и в бывших союзных республиках, а ныне независимых государствах. Скрупулезно рассмотрены репрессии среди военных, ученых, творческой интеллигенции, священнослужителей и т.д. Опубликовано большое количество архивных материалов, включая и нормативные документы органов ОГПУ-НКВД. Для темы монографии наибольший интерес представляют оперативный приказ наркома внутренних дел СССР Н. Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. и подписанное им «Закрытое письмо о фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» от того же числа. Считается, что именно эти документы легли в основу массовых репрессий против поляков, проживавших в нашей стране. Нельзя не согласиться с подходом к рассмотрению репрессий, предложенным одним из лучших, на мой взгляд, исследователей этого трагического периода в жизни нашей страны доктором исторических наук, профессором В.Н. Хаустовым. Он увязал события 1937–1938 гг. с той работой по польской линии с 1933 г., когда еще не было оснований для указанных выше приказа и письма³⁵². Период массовых репрессий еще не наступил, но именно по полякам уже наносились оперативные удары, заканчивавшиеся, как правило, принятием репрессивных мер. Достаточно обстоятельную статью этого ученого можно брать за основу при рассмотрении событий тех лет, что я и делаю.

Однако почти за 20 лет, прошедших после ее публикации, историками были выявлены новые документы, позволяющие не только расставить иные акценты, но и уточнить фактическую сторону упомянутых в статье дел. Кроме того, некоторые оценки и выводы В. Хаустова представляются мне сомнительными и даже конъюн-

ктурными, сделанными под влиянием обстановки 1990-х гг., в условиях огульного очернения советского периода деятельности отечественных органов госбезопасности. Нельзя, к примеру, поддержать заявленный им в самом начале статьи тезис о том, что «массовые репрессии 1937–1938 гг. против лиц польской национальности – закономерное следствие в целом конфронтационной политики советского руководства 1920–1930-х гг. в отношении Польши»³⁵³. Надеюсь, что в разделе монографии, посвященном формированию образа врага, я достаточно убедительно показал развитие этого явления обеими сторонами – и Польшей, и СССР. Поэтому представлять нашу страну и ее руководство в качестве инициаторов конфронтации нет должных оснований. На протяжении 1919–1935 гг. реальным, а позднее потенциальным врагом № 1 в СССР, конечно же, признавали Польшу. Ровно так же и военно-политическое руководство Речи Посполитой оценивало соседнее государство, расположенное на Востоке. В силу многих причин обе страны стремились избежать военного противостояния, но предпринимали все доступные меры для ослабления возможностей друг друга по реализации потенциальных угроз. А эти угрозы преподносились достаточно ярко в аналитических материалах дипломатических ведомств и специальных служб. Такова уж природа разведывательных материалов – в них много субъективных выводов и оценок, а иногда и попыток угодить высшему руководству страны, подкрепить правильность стратегических замыслов.

Работая в рамках польской программы «Мемориала» и вынужденный поэтому придерживаться ее не декларируемых, а реальных целей, В. Хаустов, к моему глубокому сожалению, не обрисовал в своей статье (пусть и кратко) причины повышенного оперативного внимания советских органов госбезопасности к Польше и полякам в СССР. Он не дал указания на процессы личностного, а затем и фракционного противостояния, происходившие в польской Компартии фактически со времени ее образования. Автор просто начал с констатации факта огульных обвинений в принадлежности к Польской организации войсковой (ПОВ) некоторых проживавших в СССР польских коммунистов в 1929 г. Кстати говоря, я не нашел соответствующих фактов, относящихся к концу 1920-х гг. Другое дело – начало 1930-х., в частности, после заключения пакта о ненападении с Польшей в 1932 г., о чем будет сказано далее.

Как В. Хаустов, так и многие другие авторы усиленно напирают на то, что ПОВ не существовало уже многие годы, и это, мол, лишний раз подчеркивает надуманность абсурдных обвинений. Фор-

мально они правы. Решение о ликвидации ПОВ в районах немецкой оккупации состоялось еще в 1918 г., а на Украине, в Белоруссии и некоторых западных регионах Советской России эта организация действовала до 1921 г. Наиболее авторитетный историк спецслужб Польши А. Пеплоньский пишет, что началу разведывательной деятельности Генерального штаба Войска Польского на восточном направлении способствовало существование «пляцувок» (разведчачек) ПОВ, подчиненных Главной комендатуре в Киеве³⁵⁴. Автор констатирует, что и позднее основную часть разведперсонала составляли члены Польской организации войсковой³⁵⁵. Крупнейшие операции ВЧК против ПОВ, по подавлению ее шпионской деятельности, были проведены именно в 1921 г. В этом же году после реформы польской разведки перестал существовать реферат ПОВ в структуре 2-го отдела ПГШ. Но это абсолютно не означает, что члены ПОВ были вытолкнуты из политической и военной жизни Польши. Теперь многие из них перешли на государственную службу и оставались опорой режима Пилсудского. Никуда не исчезла и сама ПОВ.

Вот, что пишет в своей монографии о Пилсудском российский историк Г. Матвеев: «В 1922 году произошло несколько событий, свидетельствовавших о том, что пилсудчики, или, как еще их называли, бельведерский лагерь, начали процесс организационной консолидации. Его представители стали издавать еженедельник “Глос” и ежемесячный теоритический журнал “Дрога”; бывшими членами Польской военной организации была создана Польская организация свободы (их польские аббревиатуры выглядят одинаково – POW). В начале августа 1922 года в Кракове состоялся I съезд легионеров с участием 2500 человек. Самое активное участие во всех его мероприятиях принял Пилсудский... Было решено создать Союз обществ легионеров и объединиться с Польской организацией свободы»³⁵⁶. Для практической работы чекистов не имели особого значения проведенная реорганизация и переименование ПОВ. Для тех, кто боролся с Польской организацией войсковой в годы Гражданской и советско-польской войн (а таких было достаточно много среди сотрудников органов госбезопасности), аббревиатура ПОВ оставалась обозначением шпионских и диверсионно-подрывных структур польской разведки на нашей территории. Есть все основания полагать, что непосредственным исполнителем оперативного письма НКВД от 11 августа 1937 г. «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР» являлся

С.С. Дукельский, служивший в это время на должности сотрудника для особых поручений при наркомвнудел СССР³⁵⁷. Как я уже отмечал, этот чекист в 1923 г. написал большой очерк о борьбе с ПОВ на Украине, а в середине 1930-х гг. подготовил учебное пособие для системы чекистского образования о противодействии польской разведке, включив в него большие пассажи о Польской организации войсковой³⁵⁸.

В ПОВ, легионах и других боевых организациях, созданных Пилсудским, состояли некоторые из тех поляков, кто позднее по разным причинам стал членом Коммунистической партии Польши (КПП). Обобщенно их можно назвать членами ПОВ, поскольку они занимались военно-боевой работой. Из тех авторов, кто пишет о репрессиях в отношении поляков в СССР, лишь отдельные ненамеренно, а большинство, как мне кажется, абсолютно сознательно, не хотят заглядывать в ранний период становления и развития КПП. Они не пишут о тех сложных политических процессах, которые происходили в молодом независимом государстве. В этой связи я остро внимание читателей на одном явлении – создании в декабре 1918 г. так называемой «оппозиции» в Польской партии социалистической (ППС). Заглянем в текст фундаментальной коллективной монографии – последней (по времени издания) добротной книги о политической истории Польши. К сожалению, даже в ней нет ни слова об «оппозиции» в ППС. Единственное, на что есть указание, так это на существенную разницу в политических взглядах ряда выдающихся членов ППС и факт перехода таких лиц, как Е. Чешейко-Сохацкий и Т. Жарский, в ряды коммунистов в 1919 г.³⁵⁹ Кстати говоря, оба они были необоснованно репрессированы в 1933 г.

И Чешейко-Сохацкий, и Жарский далеко не сразу восприняли коммунистическую идеологию в своей политической практике. Жарский, к примеру, длительное время состоял в ППС-«фракции», организованной непосредственно Пилсудским. После создания в 1918 г. Польского комиссариата в составе советского правительства занимал там ответственную должность, затем разошелся во взглядах с теми, кто поддерживал большевиков, и уехал в Польшу. Там он создавал отряды так называемой рабочей милиции ППС для поддержки Пилсудского, контактировал в этом вопросе с руководителями Польской организации войсковой. В сентябре 1918 г. был избран делегатом на XIV съезд ППС. Перед началом работы высшего органа партии создал группу сторонников, в которую вошли и некоторые члены ПОВ. Эта группа и стала ядром ППС-«оппозиции». Не буду вдаваться в идеологические и организационные

расхождения группы Жарского с другими делегатами съезда, поскольку это не имеет прямого отношения к исследуемому вопросу, а отмечу другое – некоторые члены «оппозиции» не только остались членами ПОВ, но и сохраняли личные связи с отдельными сотрудниками польской разведки и политической полиции³⁶⁰.

Среди них был и Адам Витковский-Лянды (Лянда). Он с 1909 г. состоял в ППС. Проводя партийную работу в Лодзи, он контактировал с местным комендантом ПОВ Кешковским – будущим сотрудником советского реферата польской разведки. В 1917 г. Витковский был выдвинут на пост руководителя военного отдела партии – организации «Поготове Боеве» и участвовал в проведении ряда террористических актов. По работе он близко соприкасался с ответственными членами ПОВ – руководителем этой подпольной организации А. Коцем, Т. Голувко и Б. Медзиньским – в недалеком будущем начальником 2-го отдела ПГШ. И вот этот человек в 1919 г. неожиданно для многих соратников меняет свои политические взгляды и переходит в польскую Компартию, где кооптируется в члены ЦК³⁶¹. Его несколько раз арестовывала польская политическая полиция, но каждый раз выпускали из тюрьмы при содействии прокурора Варшавы Рудницкого. С середины 1920-х гг. Витковский работал в Москве в Крестинтерне – офилированной с Коминтерном организации.

Еще одним членом группы Жарского (ППС-«оппозиции») стал родной брат активиста ПОВ Тадеуша Штурм-де-Штрема – Витольд. Это интереснейшая, но практически незнакомая историкам спецслужб личность. А между тем с его именем в определенной мере связано начало репрессий в отношении польских политических эмигрантов в 1933 г. и обвинение их в связи с Польской организацией войсковой и выполнении заданий этой организации по подрывной работе в СССР.

К личности Штурм-де-Штрема я еще вернусь. А пока выскажу несколько соображений о том, почему в 1933 г. начались репрессии против польских политических эмигрантов. В течение двух лет (1930–1932) с разной интенсивностью велись советско-польские переговоры о заключении пакта о ненападении. И даже когда 25 июля 1932 г. этот документ был подписан, прошло еще более полугодя до его ратификации. В это время маршал Пилсудский проводил консультации с представителями военного и дипломатического ведомств, выслушивал их предложения по дальнейшему ведению дел с СССР. Среди тех, кто приглашался на встречи, был и военный атташе в Москве полковник Я. Ковалевский. Из сведений, которыми

он обладал, следовало, что восточный сосед не предпримет военных действий в ближайшее время и можно не торопиться с ратификацией договора. Советским политическим и военным руководством был оценен факт назначения на пост министра иностранных дел Польши Ю. Бека, не отличавшегося особой враждебностью по отношению к СССР. Заменен был и посол в Москве. Совершенно неожиданным для советского дипломатического представителя в польской столице В. Антонова-Овсеенко было приглашение на встречу с влиятельными соратниками Пилсудского. На этой встрече, состоявшейся 21 октября 1932 г., присутствовали бывшие начальники 2-го отдела ПГШ В. Медзиньский и И. Матушевский, а также вице-министр финансов А. Коц³⁶². Примечательно то, что все они являлись бывшими многолетними руководящими сотрудниками Польской организации войсковой. Беседа с советским послом касалась в основном проблемы безопасности перед лицом побеждавшей в Германии нацистской партии и вытекавшей отсюда угрозы. Таким образом, можно было констатировать стремление польского руководства к некоторому сближению с СССР по ряду позиций.

Ответным шагам советской стороны могли препятствовать не просчитанные до конца действия польской секции Коминтерна и ЦК польской Компартии. Такого рода факты уже имели место ранее. К примеру, руководство ЦК КПП в 1924 г. реально поддержало троцкистскую оппозицию в РКП(б), приняв соответствующую резолюцию, и, не задумываясь о последствиях, направило ее в Москву. По этому поводу И. Сталину пришлось специально подготовить речь и выступить с ней на заседании польской секции Коминтерна 3 июля 1924 г.²⁶³ Позиция польских коммунистов привела к тому, что на V конгрессе Коминтерна была образована польская комиссия, а Сталин стал ее председателем. Понятно, что эта комиссия была призвана разрешать возникавшие конфликты с КПП и внутри самой КПП. Далее, находившееся в Польше руководство КПП во главе с А. Варским поддержало переворот Пилсудского в 1926 г. Члены Компартии даже участвовали в столкновениях с правительственными войсками на стороне путчистов. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 мая 1926 г. было постановлено: «Считать серьезной политической ошибкой ЦК КПП лозунг поддержки “революционных войск, выступивших под командой Пилсудского”»³⁶⁴.

Подобных и иных серьезных ошибок, включая и специально спровоцированных польскими спецслужбами, способных обострить отношения между СССР и Польской Республикой в период подготовки пакта о ненападении и после его подписания в 1932 г.,

руководство СССР стремилось избегать. Поэтому контроль за действиями КПП, прежде всего ее подпольных структур, был усилен по всем направлениям.

После длительной дискуссии об ответственности за «майскую ошибку» сменилось высшее руководство КПП. Во главе партии в 1929 г. встали представители так называемого «меньшинства» во главе с Ю. Лещинским-Леньским³⁶⁵. Борьба между «большинством» и «меньшинством» носила ожесточенный характер. И индикатором здесь был вопрос о провокации. Если раньше об этом старались громко не говорить, то теперь обвинения в провокаторстве сыпались «как из рога изобилия». Для этого, к сожалению, были основания.

Еще до переворота Пилсудского политическая полиция и контрразведка Польши основное внимание уделяли работе против коммунистов. Количество арестованных за коммунистическую деятельность постоянно возрастало. Если в 1922 г. арестам подвергся 231 человек, то уже через четыре года в застенках оказались 1958 польских граждан и иностранцев³⁶⁶. После переворота Пилсудского репрессии не пошли на спад. Немалую роль в этом сыграло и то обстоятельство, что в политическую полицию и контрразведку возвратились многие из изгнанных в 1923 г. пилсудчиков. А это были кадры, закаленные в советско-польской войне, приученные применять самые жестокие методы допросов, преследуя при этом, конечно же, и цели склонения арестованных к секретному сотрудничеству. Польский историк А. Мисюк отметил в своем исследовании по истории спецслужб Польши, что «с 1926 года принцип аполитичности ГП (государственной полиции. – А.З.) перестал носить обязательный характер вследствие доминирования лагеря пилсудчиков...»³⁶⁷ В архиве Польского бюро ЦК КПП сохранились копии материалов польской политической полиции, добытые через возможности Коминтерна или советской разведки. Они свидетельствуют о реальных фактах вербовки членов Компартии и комсомола, а также дальнейшего их использования для парализации активности подпольщиков³⁶⁸. Нелегальный аппарат ЦК КПП подготовил и направил в Москву проект воззвания по поводу провокации. С выехавшей через Данциг в СССР группой комсомольцев подпольный центр направил отчет о провокаторах и просил доложить его в ОГПУ³⁶⁹.

По имеющимся в моем распоряжении данным, как минимум с 1929 г. начала свою работу так называемая комиссия безопасности КПП, призванная расследовать поступавшие сигналы о прово-

каторской деятельности отдельных польских коммунистов и комсомольцев³⁷⁰. Возможно, что и в других коммунистических партиях имелись подобные комиссии, но пока об этом историки не писали. Но даже если они и были, то нет сведений о существовании комиссий по борьбе с провокацией в соответствующих секциях Исполкома Коминтерна. А вот в польской была до 1933 г. И даже после ее ликвидации работой по разбору дел о провокации продолжал заниматься лично Э. Прухняк – кандидат в члены Политбюро ЦК КПП и член Президиума ИККИ.

Еще одна «комиссия безопасности» – при Политбюро ЦК КПП – существовала до 1936 г. Первоначально ее возглавил член партии (ППС-левицы) с 1917 г. В. Бертинский («Желтовский»). С 1919 по 1925 г. он работал в подпольной организации КРПП (название Коммунистическая рабочая партия Польши существовало до 1925 г., а затем она была переименована в КПП), выехал в СССР в 1925 г. и трудился в Коминтерне. По направлению Политбюро ЦК КПП Вертинский с октября 1926 г. служил в польском отделении КРО ОГПУ в должности помощника начальника этого отделения и отвечал за работу по политэмигрантам из своей страны. В сентябре 1929 г. он был откомандирован в распоряжение ЦК ВКП(б) и, вероятно, именно с этого времени возглавлял «комиссию безопасности» КПП³⁷¹. Вполне естественно, контакты со своими бывшими коллегами он не порывал. Некоторые сотрудники польского отделения, арестованные в годы массовых репрессий, даже указывали на некую зависимость уполномоченного В.И. Осмоловского от его предшественника. И даже когда последний возглавил отделение, то плотные контакты с Бертинским по вопросам контрразведывательного обеспечения политэмигрантов продолжались³⁷². С разрешения руководства ОГПУ последний даже присутствовал при допросах подозреваемых в провокации лиц.

Здесь уместно сказать о том, что политэмигранты вообще и польские в частности были неким резервом, или, скажу точнее, вербовочной базой, для советской военной разведки и Иностранного отдела ОГПУ. Опыт их нелегальной работы и оставшиеся в разведывавшихся странах связи в военных, политических и промышленных кругах создавали основу интереса сотрудников РУ РККА и ИНО ОГПУ к зарубежным партийцам. А вот что касается контрразведки, то здесь ситуация была совершенно иная. К концу 1920-х гг. тысячи политэмигрантов уже находились на советской территории, и ареал их расселения был достаточно велик, если не сказать вся страна. Коль скоро речь идет конкретно о поляках, то

основная их масса концентрировалась в Белоруссии и на Украине. Часть эмигрантов, имея общеобразовательную и специальную подготовку в юриспруденции, инженерии, сельском хозяйстве и других областях, по путевкам аппаратов ВКП(б) устраивалась на объекты бурно развивавшейся советской промышленности, на транспорт и в разного рода научно-исследовательские институты. В последнем случае наиболее характерным примером может служить созданный в 1925 г. при Коммунистической академии Институт мирового хозяйства и мировой политики³⁷³. Если в 1929 г. численность института составляла всего 31 человек, то уже в 1933-м в институте работали 132 сотрудника, пусть и включая технический персонал³⁷⁴. Политэмигранты составляли добрую половину тех, кто трудился в стенах института. Недаром директор института Е. Варга, сам являвшийся венгерским политэмигрантом, в марте 1938 г. написал И. Сталину письмо, озаглавленное «Проблема нелегальных партий и массовые аресты». Конечно же, он защищал своих сотрудников и иных политэмигрантов.

Но будущий академик никогда не работал в спецслужбах, не сталкивался с вопросами противодействия иностранным разведкам и разного рода зарубежным подрывным центрам. А с точки зрения руководства ОГПУ-НКВД политэмиграция к концу 1920-х гг. уже являлась реальным каналом проникновения разведслужб потенциальных военных противников СССР в нашу страну. И это неоспоримый факт. Только отдельные, ослепленные ненавистью к советскому периоду истории российского государства, авторы работ об имевших место массовых репрессиях могут не замечать данного факта и сознательно игнорировать его. Иностранные разведки и политические полиции (прежде всего сопредельных стран) сильно беспокоила деятельность Коминтерна и местных коммунистических партий. Для выявления и предотвращения реализации угроз своим государствам со стороны поддерживавшихся СССР вышеуказанных структур они делали все возможное. Польские спецслужбы на указанном направлении действовали наиболее энергично. Поэтому в рамках польского отделения КРО ОГПУ из общей работы по диаспоре выделили направление, проводившее контрразведывательное обеспечение политэмигрантов из Польши и созданных ими разного рода учебных заведений, обществ, редакций газет и журналов.

Объективно складывался «замкнутый круг»: выделение указанной выше линии работы с неизбежностью приводило к увеличению числа агентуры из среды политэмигрантов и, соответственно, ко-

личества информационных сообщений о данной категории иностранцев. Не буду вдаваться в детали, но отмечу, что далеко не все политэмигранты были кристально честными людьми и партийцами, не все поддерживали шаги советского руководства на международной арене. Польские политэмигранты, к примеру, осознавали, что после заключения советско-польского пакта о ненападении им не будет позволяться подготовка каких-либо активных действий на территории Речи Посполитой, а это приведет к уменьшению потока финансирования. Перспективы советизации Польши стали призрачными, и даже мечтания об этом выглядели утопическими. Это касалось и активной борьбы с олицетворявшим теорию и практику подготовки мировой революции Троцким и теми, кто его поддерживал. Серьезные претензии предъявлялись политэмигрантами и по поводу проведения в СССР принудительной коллективизации. На эти темы велись «кухонные» разговоры, сколачивались неформальные группы эмигрантов, создавалась некая протестная база.

Серьезным сигналом для польских политэмигрантов стало отстранение от военной работы одного из ответственных советских поляков – старого большевика Уншлихта. А ведь он, как написано в сборнике биографий деятелей СССР и Октябрьской революции, «никогда не порывал связи с рабочим классом Польши, из недр которого он вышел и среди которого он получил первое революционное крещение и большевистский закал»³⁷⁵. Теперь он потерял контроль над военной разведкой, которую курировал в течение нескольких лет и использовал ее возможности как для подготовки нелегальных работников КПП, так и для поддержания связи с партийными структурами внутри Польши. С поста заместителя председателя РВСР он в 1930 г. был перемещен на хозяйственный «фронт», заняв должность зампреда ВСНХ³⁷⁶. Несколько месяцев ранее якобы по болезни покинул военную разведку и коммунист-поляк, помощник начальника Разведупра РККА Б.Б. Бортновский (псевдонимы «Бронек», «Петровский», а в Коминтерне – «Бронковский»). Он не остался даже в Москве, а с 1930 по 1934 г. находился на партийной подпольной работе за границей³⁷⁷.

А теперь вернемся к весне 1933 г. Из Иностранного отдела в 8-е (польское) отделение Особого отдела ОГПУ стали поступать сводки с информацией о возобновлении польской разведкой массовой националистической работы в тех районах Белоруссии и Украины, где был высок процент польского населения. Причем эту работу предполагалось развернуть по типу действовавшей ранее Польской организации войсковой, то есть сочетать нацио-

налистическую пропаганду с подготовкой повстанческих выступлений и шпионажем³⁷⁸. И это в условиях серьезных трудностей в ходе коллективизации на Украине и в Белоруссии. Работая по делу «Украинской военной организации» (УВО), аппарат ГПУ УССР зафиксировал связь отдельных украинских эмигрантов-петлюровцев, а также активных членов УВО с низовыми функционерами Компартии Западной Украины (КПЗУ). Эта партия являлась автономной частью Компартии Польши и также пережила фракционный раздел. Так называемое «меньшинство» ориентировалось на российских большевиков, но в период коллективизации начало терять свои позиции в глазах населения. Некоторые руководители КПЗУ были вызваны в СССР, а затем арестованы по обвинению в связях с УВО и провокаторской деятельности.

Среди них оказался и агент советской внешней разведки П.С. Ладан (псевдоним «Игорь»). Ранее он был членом ЦК КПЗУ и представителем этой партии в польской секции Коминтерна, а затем работал за границей. «Игорь» проводил вербовочную работу среди членов «Украинской военной организации» и других эмигрантских националистических структур, в том числе действовавших с территории Польши. Вывод Ладана в СССР и его арест были согласованы с начальником Иностранного отдела ОГПУ А. Артузовым³⁷⁹. Резидент ИНО ОГПУ в Берлине, у которого «Игорь» находился на связи, исполнил указание начальства. Прибывший в Москву 18 августа 1931 г. Ладан был доставлен во внутреннюю тюрьму на Лубянке. Ему предъявили обвинение в работе на польскую политическую полицию и членстве в УВО. А показания на него дали ранее прибывшие на Украину из Польши те «члены» УВО, которых он сам же и завербовал, выполняя задания советской разведки. Ладан написал письмо в Коллегию ОГПУ и Центральную контрольную комиссию (ЦКК) ВКП(б), в котором доказывал свою преданность советской власти и партии, но признал, что «большинство» КПЗУ выступало против ЦК КП(б)У и партийной политики на Советской Украине³⁸⁰. Полученные от Ладана показания для перепроверки направили в ГПУ УССР. Там они, а также другие полученные агентурным и следственным путем материалы, были, скорее всего, и положены в основу разработки ряда польских политических эмигрантов, связанных с КПЗУ. Добавлю сюда уже упомянутые сводки ИНО ОГПУ о разворачивании 2-м отделом ПГШ на Украине работе «по типу ПОВ».

Здесь, на мой взгляд, есть признаки проведения целенаправленной дезинформационной акции против нашей разведки со сто-

роны польских спецслужб. Сбить руками чекистов активность КПЗУ и КПП на своей территории – это своего рода ответный удар, если хотите – месть, поляков за поражение при проведении ВЧК-ОГПУ операции «Трест». Кстати говоря, такой же дезинформационной акцией 2-го отдела ПГШ вполне могла быть, по моей оценке, и начатая тоже на Украине, а затем (в 1930–1931 гг.) проведенная и в других регионах СССР операция «Весна». Ведь в ее основе лежала информация, полученная от нескольких ранее перевербованных чекистами агентов польской разведки. Тогда было арестовано более 3000 бывших офицеров царской армии, как уволенных из РККА, так и продолжавших проходить военную службу. Возможно, тогда поляки переиграли сотрудников ОГПУ, нанеся удар по командным кадрам. Но рассказ об этом – отдельная тема.

Теперь возвратимся к делу ПОВ на Украине. Вот, что написал по результатам проведенного расследования в докладной записке глава ГПУ УССР В. Балицкий в Москву 17 ноября 1933 г.: «Актив “ПОВ”, находящийся на территории Польши, получает указание от руководства организации различными путями пробираться в СССР, главным образом на Украину. Для этой цели члены организации проникают в левые рабочие организации, оттуда в КПЗУ и КПП и затем, прикрываясь партийными билетами, под видом эмигрантов, пробиваются на Украину»³⁸¹.

Тому, что наработали украинские чекисты, в Центре верили слабо. Для проверки полученных от подследственных сведений в тогдашнюю столицу Украины – Харьков – выехала целая группа ответственных сотрудников Особого отдела ОГПУ во главе с заместителем начальника отдела Сосновским.

Балицкий, надо думать, пожалел, что еще в 1932 г., будучи заместителем председателя ОГПУ, инициировал возвращение Сосновского из Воронежа в Москву и назначение его в Центральном аппарате на должность сначала помощника, а затем и заместителя начальника Особого отдела. Кроме того, поручил ему курировать, а на практике и руководить работой по польской линии. Балицкий хоть и был куратором этого отдела, но, как ранее никогда не работавший в Москве, видимо, не знал, а другой заместитель председателя – Г. Ягода – не считал необходимым напоминать завет Ф. Дзержинского: не допускать бывшего польского резидента до дел по его соотечественникам. Ведь то, что Сосновский ранее служил в польской разведке, было для политэмигрантов «секретом Полишинеля». Это реально сказалось на расследовании дела ПОВ на Украине, а затем и еще сильнее в Москве, когда некоторые

арестованные, отбиваясь от вопросов следователей, высказывали свои подозрения в отношении Сосновского, заявляя, что последний специально компрометирует их по заданию польской разведки.

Приведу фрагмент выступления наркома внутренних дел УССР Балицкого на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Украинский нарком фактически ретранслировал обвинения арестованных политэмигрантов, поясняя свое отношение к Сосновскому, и для иллюстрации раскрыл некоторые детали дела ПОВ: «Два слова я хотел сказать относительно Сосновского. О Сосновском не может быть двух мнений, что это враг. Когда у нас, на Украине, было вскрыто дело польской военной организации, то тогда уже по показаниям Лапинского, – а Лапинский-Михайлов – это очень крупный агент, присланный специально Пилсудским на Украину, – тогда уже была ясна и понятна роль этого Сосновского. Тогда в Киеве, между прочим, произошел такой случай с Сосновским. Он приезжает допрашивать Михайлова-Лапинского. Михайлов-Лапинский подтверждает ему ряд фактов, разворачивает очень широкую картину подрывной вредительской, диверсионной и шпионской работы поляков. Сосновский в присутствии Лапинского вызывает одного из сотрудников к телефону и называет его фамилию для того, чтобы арестованный слышал, что допрашивает его Сосновский. И как только он произнес свою фамилию, Лапинский-Михайлов буквально изменился в лице, не отказываясь от показаний, он стал давать их совершенно иначе, робея перед Сосновским. Затем Лапинского берут в Москву и через некоторое время расстреливают, хотя мы требовали, чтобы Лапинского возвратили для дачи дополнительных показаний и для дальнейшего распутывания всего этого дела. Но его нам не вернули и расстреляли, потому что, безусловно, Сосновский был заинтересован в том, чтобы Лапинский не существовал»³⁸².

И действительно, когда я знакомился с архивным уголовным делом на Лапинского-Михайлова, то так же, как и в 1937 г. у Балицкого, у меня вызвал, к примеру, вопросы такой факт, как отсутствие в деле протоколов допросов арестованного в ОГПУ. А если быть точнее, то наличие всего одного достаточно краткого московского протокола за подписью Сосновского. А в Особом отделе ОГПУ Лапинского-Михайлова несколько раз допрашивали Сосновский и начальник польского отделения Гендин. Кроме того, в препроводительной записке к высланному по требованию Сосновского из Киева делу указано, что оно должно быть приобщено к материалам

следствия относительно этого политэмигранта, которые уже имеются в Москве³⁸³. Где эти материалы, не известно по сей день.

Понятно, что прозвучавшее на пленуме ЦК ВКП(б) из уст Балицкого несколько усилено, поскольку он уже знал об аресте Сосновского, а возможно, и был проинформирован о существовании его показаний. Но фабула происшедшего в 1933 г. в Харькове передана достаточно корректно. Бывшие сослуживцы Сосновского, будучи впоследствии сами арестованными, рассказывали следователям практически то же самое. В частности, помощник начальника польского отделения (на 1933 г.) В.И. Осмоловский подтвердил, что доставить Лапинского-Михайлова в Москву было личным решением Сосновского. Но продиктовано это якобы было целесообразностью сконцентрировать следствие в Центральном аппарате, поскольку арестованный дал сведения о проживании членов руководящего ядра ПОВ в столице. По словам подследственного, ими являлись некоторые ответственные работники ЦК КПП и Коминтерна³⁸⁴. На Лубянке Лапинского-Михайлова допрашивали начальник 8-го (польского) отделения Особого отдела ОГПУ Гендин и сам Сосновский. Подследственный и другой политэмигрант – Т.И. Жарский, – будучи отдельно допрошены, сообщили чекистам некоторые компрометирующие данные на уже упомянутого мной Витольда Штурм-де-Штрема. Теперь настало время рассказать о нем подробнее.

Для начала обращу внимание читателя на один важный для рассматриваемой темы документ – письмо уже снятого со всех ответственных постов А. Артузова, адресованное наркому внутренних дел СССР Н. Ежову. Скорее всего, оно написано сразу после завершения печально известного февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. Приведу лишь один фрагмент из него. «Тов. Слуцкий очень осторожен в делах, – пишет бывший начальник Иностранного отдела ОГПУ-НКВД. – Он предпочитает отказаться от любой агентурной комбинации, если последняя опасна. Он не послал бы провокатора Витковского, чтобы поймать Штурм-де-Штрема, так как в случае срыва могла быть неприятность... т. Баранский, которого т. Слуцкий уволил, помогал мне поймать Штурм-де-Штрема... Если не в аппарате, то в агентуре придется прибегать к полякам»³⁸⁵.

Человек, не знакомый с оперативными мероприятиями советской разведки и контрразведки 1930-х гг., мало что поймет из приведенных строк письма. Достаточно широко известна лишь фамилия А. Слуцкого. В справочнике «Кто руководил НКВД. 1934–1941» указано, что он с 1931 г. состоял в должности заместителя начальника, а в мае 1935 г. стал начальником Иностранного отдела ОГПУ-

НКВД³⁸⁶. Следовательно, речь в письме идет о какой-то зарубежной операции. К. Баранский с 1921 по 1923 г. являлся заместителем резидента и резидентом ИНО ОГПУ в Варшаве. В 1934 г. он был назначен начальником польского отделения Иностранного отдела. Отсюда следует, что операция проводилась в отношении поляка и, возможно, гражданина Польши. Использованное в письме слово «поймать» означает не что иное, как обеспечение задержания этого гражданина на нашу территорию и его арест. Человек этот – Витольд Штурм-де-Штрем – был, видимо, известен наркомуну внутренних дел из предыдущих официальных докладов, как, впрочем, и вся операция, поскольку никаких других пояснений по ней в письме также не содержится. И последнее: слова Артузова об использовании поляков-агентов, возможно, относятся именно к Штурм-де-Штрему.

Данная операция, как мне удалось установить, проводилась именно потому, что на Штурм-де-Штрема были получены показания от двух арестованных ОГПУ политэмигрантов. Они прибыли в СССР в 1932 г., но разными путями: содержащийся в тюрьме в Варшаве Т. Жарский в порядке персонального обмена на тех поляков, кто был осужден в нашей стране, а М. Лапинский-Михайлов был перебросен через границу по каналу Коминтерна. Оба подследственные утверждали, что Штурм-де-Штрем реально действовал и ныне действует по поручению Пилсудского. Он якобы является крупнейшим провокатором за всю историю польской Коммунистической партии. Жарский, к примеру, утверждал, что Штурм-де-Штрем был связан со 2-м отделом ПГШ и через сотрудника этого отдела некоего капитана Херфурта сумел даже освободить Жарского от отбывания воинской повинности и перебросить ряд коммунистов для участия в операции польской разведки в Верхнюю Силезию³⁸⁷. Но если Жарский имел в виду именно Витольда Штурм-де-Штрема, то Лапинский-Михайлов, скорее всего, его брата – Тадеуша. Последний реально был верным приверженцем Пилсудского, являлся членом Польской организации войсковой на протяжении нескольких лет, служил в легионах и был ярким противником большевиков. Но чекисты, допрашивавшие Лапинского-Михайлова в Киеве, не знали ничего о политических пристрастиях братьев Витольда, а возможно, и вообще об их существовании. Таким образом, все сошлось на бывшем руководителе военного отдела ЦК польской Компартии Витольде Штурм-де-Штреме.

Соответствующие протоколы допросов были доложены начальнику Иностранного отдела ОГПУ Артузову. Последний вместе

с начальником 4-го (польского) отделения ИНО ОГПУ К. Баранским выработал план обеспечения приезда Штурм-де-Штрема в Москву. Здесь надо отметить, что связь с ним была по каким-то причинам потеряна после ареста польской политической полицией офицера-коммуниста Багинского, якобы совершившего взрыв в Варшавской крепости в 1923 г. Взрыв действительно имел место, однако причастность к нему коммунистической боевой группы подтверждал лишь имевший отношение к ней полицейский агент Цихновский. Как бы там ни было, но участников группы осудили и приговорили к смертной казни. Начальник польского отделения ИНО ОГПУ, а ранее резидент в Варшаве Баранский, используя все рычаги, включая и официальные возможности Наркомата иностранных дел, пытался спасти жизнь этим польским коммунистам. По крайней мере, известно, что копии всех материалов переписки с поляками по вопросу организации обмена, поступали именно ему³⁸⁸. В итоге по ходатайству советского правительства Багинского и Вечоркевича включили в список для персонального обмена в 1925 г., но сопровождавший их жандарм расстрелял офицеров при подъезде к границе.

Будучи руководителем военного отдела ЦК КПП, Штурм-де-Штрем имел отношение и к группе боевиков, и к советскому дипломатическому представительству. Там он несколько раз открыто бывал как представитель Польского Красного Креста по делам военнопленных и мог попасть в поле зрения контрразведки. Поэтому ему пришлось долгое время скрываться³⁸⁹. И только когда выяснилось, что Багинский и Вечоркевич не предали своего партийного товарища, «Петр» (так Штурм-де-Штрем обозначался в партийной и оперативной переписке) вышел на связь и осенью 1925 г. нелегально приехал в СССР по вызову Ф. Дзержинского. Председатель ОГПУ, вероятно, хотел из первых рук получить информацию о политической обстановке в Польше и прогнозируемых действиях Пилсудского по подготовке к перевороту. К сбору возможно большего объема «свежей» информации его подталкивали тревожные сообщения НКВД после падения правительства Грабского³⁹⁰. Если бы в то время в отношении Штур-де-Штрема имелись подозрения в провокаторской деятельности, то можно уверенно говорить о том, что руководитель чекистского ведомства не только не встречался бы с ним, но и незамедлительно отдал бы приказание об аресте и проведении следствия³⁹¹. Следовательно, к провалу группы Багинского «Петр» никакого отношения не имел.

После трех недель, проведенных в Москве, Штурм-де-Штрем выехал за пределы нашей страны, но по каким-то причинам связь с ним опять прервалась теперь уже на несколько лет. Вновь вспомнили о «Петре» только после получения показаний Жарского и Лапинского-Михайлова в 1933 г. Начальник польского отделения ИНО ОГПУ Баранский предложил отыскать Штурм-де-Штрема и организовать его приезд в СССР для того, чтобы снять всякие подозрения. Чекисты знали о близком знакомстве с ним по совместной подпольной работе одного из сотрудников Профинтерна. В упомянутом выше письме Артузова наркому внутренних дел Ежову говорилось о некоем «провокаторе» Витковском³⁹². Это и был тот человек, которому предстояло выполнить непростую миссию. Понятно, что «провокатором» он назван в письме, написанном в конце марта 1937 г., когда Витковский уже был арестован. А в 1933-м это был ответственный функционер Коминтерна и Профинтерна. Настоящая его фамилия – Лянда (в некоторых документах писалась как Лянды). Он хорошо знал и уже арестованных польских политэмигрантов, и Штурм-де-Штрема.

Приведу здесь цитату из закрытого письма НКВД от 11 августа 1937 г.: «Примером крупнейшей политической провокации пилсудчины является созданная ПОВ в 1919 году так называемая “оппозиция ППС”, руководство которой, во главе с Жарским, Лянде-Витковским, Витольдом Штурм-де-Штремом, состояло из крупнейших провокаторов-пеовяков. Имея первоначально своей задачей не допустить отход революционизирующихся элементов от ППС к компартии, “оппозиция”, не будучи в состоянии удержать под своим влиянием рабочие массы, отколовшиеся от ППС в 1920 году, влилась вместе с ними в компартию Польши и захватила там ряд руководящих постов»³⁹³. Данный фрагмент письма, как я смог удостовериться при ознакомлении с архивными уголовными делами на указанных лиц, основан на их показаниях. Фабула событий 1919–1920 гг. воспроизведена (пусть и схематично) правильно. А вот что касается цели присоединения «оппозиции» к Компартии Польши, то это явная фальсификация ежовских следователей. И данное обстоятельство надо иметь в виду тем, кто предметно изучает довольно запутанную историю создания КПП и формирования ее руководящих органов.

Теперь продолжу рассмотрение операции ОГПУ. Чекисты рисковали с посылкой Витковского, поскольку никто не мог гарантировать того, что «Петр» остался лоялен к СССР и не выдаст связника местным властям. Именно это подразумевал Артузов под словом

«неприятность». Кроме того, можно предположить, что «Петр» занимал какую-то официальную должность в австрийской столице, представляя, к примеру, там польское министерство труда. В этом случае его исчезновение не могло остаться незамеченным. И, тем не менее, в Вену, где Штурм-де-Штрем был установлен, начальник Иностранного отдела ОГПУ и направил Витковского.

К счастью для чекистов, операция прошла успешно, и в декабре 1933 г. Витковский смог убедить давнего товарища приехать в СССР и там доказать невиновность Жарского. «Петр» принял предложенные условия и абсолютно добровольно прибыл в Москву. Здесь нельзя не указать на многочисленные статьи в прессе и в Интернете, в которых авторы непонятно на каком основании однозначно утверждают, что агенты Иностранного отдела ОГПУ ликвидировали Штурм-де-Штрема в окрестностях Вены, заподозрив его в предательстве. Для тех, кто писал эти статьи, вопрос состоял только в одном: кто из ставших в будущем реальными предателями конкретно организовал убийство – В. Кривицкий или И. Рейсс. Впервые (я исхожу из времени публикации доступных мне текстов) «утку» об убийстве запустили в 2001 г. авторы книги «Перебежчики. Заочно расстреляны» Д. Прохоров и О. Лемехов³⁹⁴. К ним присоединился и «авторитетный» специалист по исследованию обстоятельств гибели поэта С. Есенина, бывший сотрудник милиции и член Союза писателей Э. Хлысталов. Он совершенно неожиданно для историков спецслужб увлекся агентурной работой НКВД в 1930-е гг. и стал писать об этом статьи³⁹⁵. А далее сюжет о ликвидации Штурм-де-Штрема в Вене уже стал воспроизводиться даже в «энциклопедических» справочниках о советских спецслужбах.

На Лубянке «Петра» более двух месяцев допрашивал начальник польского отделения ИНО ОГПУ Баранский. Это были, скорее, не допросы, а дружеские беседы – воспоминания о совместной работе в Варшаве в начале 1920-х гг. Никаких данных о «грандиозной провокации» добыто не было. Это не устраивало председателя ОГПУ Ягоду и руководителей Особого отдела ведомства – Гая и Сосновского. Штурм-де-Штрема передали для дальнейшего проведения следствия в ОО ОГПУ. Но и здесь дело не продвигалось – подследственный детально описывал события 1920 г. и не более того. О целенаправленном внедрении пилсудчиков в Компартию Польши подтверждений получено не было.

В марте 1934 г. все протоколы допросов арестованных политэмигрантов направили секретарю ЦК ВКП(б) И. Сталину для предварительного рассмотрения перед заседанием комиссии по поли-

тическим делам. Заседание этой комиссии состоялось 10 апреля, и был утвержден обвинительный приговор. Все подследственные приговаривались к высшей мере наказания – расстрелу. Но ОГПУ просило членов комиссии отложить приведение приговора в исполнение до выяснения еще каких-то обстоятельств. И только 29 мая 1934 г. Ягода доложил Сталину о том, что все нюансы уже разъяснены и можно реализовать приговор³⁹⁶. Интересно, что среди перечисленных в докладной записке осужденных политэмигрантов Жарского и Штурм-де-Штрема нет. Судя по материалам архивного уголовного дела на Жарского, обвинительное заключение по нему было утверждено лично Сосновским только 13 июня 1934 г., и через два дня он был расстрелян. Что касается Штурм-де-Штрема, то никаких окончательных решений относительно его судьбы мне найти не удалось. Нет его и в списках жертв политических репрессий, составленных обществом «Мемориал».

Возможно, что в 1934 г. репрессии против поляков-политэмигрантов и были бы приостановлены. Но украинские чекисты, усмотревшие в отстранении их от следствия по делам Лапинского-Михайлова и других, связанных с ним лиц, признак недоверия Центрального аппарата, продолжили разработку оставшихся в республике польских политэмигрантов. Осенью 1935 г. НКВД УССР начал реализовывать агентурные разработки и арестовывать фигурантов дел. Как показал на допросе в 1937 г. бывший начальник польского отделения ОГПУ Гендин, председатель комиссии по борьбе с провокаторами в КПП Бертинский резко выступил против новых арестов на Украине, и чекисты его поддержали, открыто называя эти дела «дутыми»³⁹⁷. Сам Гендин, как позднее рассказывал его помощник Осмоловский, открыто заявлял сотрудникам польского отделения буквально следующее: «Украина опять взялась за старое, но допустить этого нельзя»³⁹⁸. Он выехал в командировку в Киев и по итогам поездки подготовил докладную записку на имя Ягоды. Оценка действиям местных сотрудников НКВД была дана резко отрицательная. В дело включился председатель комиссии по борьбе с провокацией при ЦК Компартии Польши Бертинский. По результатам его беседы с Ягодой на Украину был направлен начальник Особого отдела ГУГБ НКВД СССР М.И. Гай, имевший при себе список противоречий в показаниях арестованных польских политэмигрантов. Но украинские чекисты сумели убедить московского ревизора в правильности своих действий. Сделать это было не сложно, поскольку он не пользовался в Центральном аппарате авторитетом опытного оперативного работника. Гай вообще слабо

знал контрразведывательную работу, так как возглавил отдел только два года назад, будучи переведенным по службе из Экономического управления. Да и там он занимался агентурной работой лишь пять лет.

Понимая, что Гай доложит Ягоде свои дилетантские выводы, представитель польской Компартии в Коминтерне Б. Бортновский, имевший большой опыт работы в чекистских органах и в военной разведке, лично встретился с секретарем ЦК ВКП(б) Н. Ежовым и доложил ему обстановку, складывавшуюся вокруг польских политэмигрантов на Украине. На следующий день он изложил все свои наблюдения в специальном докладе этому ответственному партийному работнику, надеясь на положительную реакцию. Полностью письмо Бортновского дается в приложении, а здесь приведу лишь один фрагмент для иллюстрации настроений руководства польской Компартии. «При огромной положительной работе, проделанной органами НКВД в деле разоблачения провокаторской и шпионской агентуры, – писал Бортновский, – работе, оказавшей большую помощь партии в борьбе с провокацией, имеются отдельные недостатки, которых легко можно было бы избежать, которые имеют подчас серьезные политические последствия»³⁹⁹. Далее в письме приводятся примеры из следственной практики именно украинских чекистов, которые использовали расплывчатые показания некоторых подследственных как неопровержимые доказательства и основу для проведения дальнейших оперативных мероприятий.

Серьезных последствий письмо Бортновского не вызвало. Однако можно предположить, что Ежов доложил Сталину о сомнениях коминтерновских деятелей в некоторых действиях НКВД. По крайней мере, по запросу главы партии нарком внутренних дел направил ему 15 ноября 1935 г. протоколы допросов некоторых политэмигрантов, включая и, что особенно важно, материалы Штурмде-Штрема⁴⁰⁰.

В рамках данной монографии важно подчеркнуть один аспект происшедшего в Москве и на Украине при расследовании дел на польских политэмигрантов – в показаниях некоторые из них высказывали мысль о том, что удар по польской Компартии наносится сознательно агентурой пилсудчиков, пробравшейся в органы госбезопасности. При этом конкретно называлась фамилия Сосновского. Я связываю такого рода сигналы с совершенно неожиданным для заместителя начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Сосновского приказом наркома о переводе его по службе в Саратов на должность первого заместителя начальника областного управ-

ления внутренних дел. Приказ состоялся 4 января 1935 г. Менее чем через год всю работу по польской политэмиграции изъяли из 2-го (польского) отделения Особого отдела и передали в специально созданную группу по оперативному обслуживанию Коминтерна и связанных с ним организаций. Эту группу подчинили Гендину, фактически заменившему Сосновского и занявшему должность помощника начальника ОО ГУГБ НКВД СССР⁴⁰¹. Зная из целого ряда документов позицию Гендина в польских делах, его отрицательное отношение к оперативно-следственному аппарату в Киеве, можно утверждать, что он тормозил, или, как тогда говорили, «смазывал», дела на политэмигрантов из Польши, опираясь в том числе и на мнение комиссий по борьбе с провокацией в ИККИ и ЦК КПП. Думается, именно Гендин инициировал написание членом указанных комиссий Бертинским брошюры о Польской организации войсковой как первого в этом плане и единственного пособия для оперативных работников.

Доступные мне документы показывают, что в 1936 г. резко снизилось количество арестов польских политэмигрантов. Вместе с тем обращает на себя внимание факт принятия 9 марта 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановления «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов»⁴⁰². Это постановление состоялось как развитие решения ЦК ВКП(б) от 1 декабря 1935 г., предусматривавшее закрытие особых переправ через границу для Компартии Польши и связанных с ней компартий Западной Белоруссии и Западной Украины⁴⁰³. Через три месяца партийные инстанции решили ликвидировать легитимизационную комиссию Международной организации помощи рабочим (МОПР), которая «незаконно присвоила себе права государственного органа в деле разрешения на въезд и на предоставление права жительства в СССР иностранным гражданам, хотя бы они и были политэмигрантами»⁴⁰⁴. Можно себе представить то чувство удовлетворения, которое испытали тогда сотрудники НКВД, работавшие по политэмиграции. Ведь теперь один из каналов проникновения агентуры иностранных спецслужб в нашу страну ставился под контроль органов госбезопасности. И пусть критики практической деятельности ВЧК-НКВД назовут еще хоть одно государство, позволявшее общественной организации решать вопрос въезда-выезда и гражданства. Здесь вновь повторю свой вывод – Коминтерн являлся неким подспорьем для работы советских разведорганов, но «головной болью» для контрразведки СССР.

В постановлении Политбюро от 9 марта 1936 г. содержался очень важный пункт, явно отражавший интересы контрразведки НКВД: «Ввиду того, что на территории СССР скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталистических государств, – поручить Коминтерну совместно с НКВД в 3-х месячный срок провести полный переучет политэмигрантов, прибывших в СССР по линии МОПРа, ИККИ и Профинтерна»⁴⁰⁵. Всех выявленных политэмигрантов предлагалось разделить на ряд категорий, а именно: 1) подлежащих высылке из нашей страны; 2) намеченных для направления за кордон на подпольную работу и 3) остающихся в СССР по политическим и иным соображениям. Все это должна была проделать комиссия в составе секретаря ЦК ВКП(б) Н. Ежова, начальника Особого отдела ГУГБ НКВД М. Гая и секретаря Исполкома Коминтерна Д. Мануильского. Понятно, что основная тяжесть указанной выше работы легла на оперативные подразделения органов госбезопасности. Уже в начальной стадии реализации намеченных мер с новой силой пошли среди эмигрантов слухи о Сосновском и некоторых других чекистах, включая и тех, кто был принят на службу в ВЧК-НКВД после возвращения из Польши с подпольной работы, как о возможных провокаторах.

Многие политэмигранты в Москве, к примеру, знали об аресте Ю. Маковского. Напомню, что он до революции был членом ППС, уже в качестве руководителя подпольной ячейки Компартии осужден в Польше в 1920 г., обменян по персональным спискам и прибыл в нашу страну. По рекомендации Уншлихта его зачислили в ВЧК, и Маковский некоторое время даже руководил польским отделением КРО ОГПУ, неоднократно бывал в заграничных командировках. Не зная сути предъявленных ему обвинений, эмигранты полагали, что, вероятно, раскрыта его связь с польской разведкой. Вполне возможно, что одним из распространителей слухов являлся Сосновский, который давно уже (практически с начала 1920-х гг.) не ладил с Маковским. В свою очередь и арестованный при допросах указывал на Сосновского, предполагая, что тот – агент поляков.

Так или иначе, но уже в августе 1936 г. Сосновского вызвали из Саратова и арестовали по подозрению в шпионаже⁴⁰⁶. Поскольку в Центральном аппарате НКВД его знали очень многие, а факт ареста следовало сохранять в строжайшей тайне ввиду непредсказуемости возможных показаний и их последствий, то руководство приказало держать его во внутренней тюрьме без указания фамилии под № 80.

Не вдаваясь пока в подробности расследования дела Сосновского, остановлюсь на важных для понимания происходивших тогда событий решениях, принятых в процессе его реабилитации в 1955 г. Пересмотр уголовного дела на Сосновского был поручен Следственному управлению КГБ СССР, а персонально – начальнику 1-го отделения 1-го отдела Виктору Александровичу Пахомову. Я почти ничего не знал о личности этого чекиста до встречи с ветераном Следственного управления генерал-майором А.В. Загвоздиным. Как оказалось, он был не только начальником Пахомова, но и дружил с ним долгие годы. Расшифровывая сухую справку по личному делу следователя, генерал поделился со мной дополнительной информацией, которую нельзя не учесть при рассмотрении дел на поляков, и прежде всего Сосновского. Оказалось, что Пахомов испытал на себе необоснованные гонения в период «чистки» органов госбезопасности от работавших при В.С. Абакумове следователей и оперработников. Ему пришлось уйти из Следственного управления в 1952 г. и заняться обучением молодых кадров. Но уже через три года опытного, имеющего высшее юридическое образование офицера возвратили на следствие. И первым делом его стала подготовка реабилитации Сосновского.

В верности воспоминаний Загвоздина я убедился при изучении проведенной Пахомовым работы. Он проявил себя не только как профессионал-следователь, но и как историк, глубоко изучивший события 1920–1930-х гг., выбравший верные направления поисков в более чем десяти архивохранилищах. К примеру, он впервые использовал материалы польской разведки и других правительственных органов Польши, сохранившихся в фондах закрытого тогда для гражданских исследователей Центрального государственного особого архива СССР – ныне Российского государственного военного архива. На всех лиц, проходивших по показаниям Сосновского, следователь составил достаточно объемные и объективные справки. В одной из докладных записок руководству Пахомов писал, что в связи с тем, что дело Добржинского-Сосновского является основным в группе других дел на бывших сотрудников органов НКВД, осужденных по обвинению в связи с польской разведкой, и от правильного его решения зависит работа по реабилитации многих иных лиц, то требуется сделать его базовым⁴⁰⁷. Честно скажу, это одобренное руководством Следственного управления решение Пахомова значительно облегчило мне поиск необходимых для написания монографии материалов. Все собранные следователем материалы составили три многостраничных тома. Для сравнения

замечу, что само уголовное дело состояло всего из двух «тощих» папок.

Итак, Сосновский был арестован еще в августе 1936 г. Но первый протокол допроса датирован 14 мая 1937 г. Мне представляется, что это лишь машинописная копия его более ранних показаний, а может, и просто записей бесед с ответственными сотрудниками органов госбезопасности. Ведь арестован он был на основании голословных заявлений отдельных политэмигрантов, не подкрепленных какими-либо фактами. Это во-первых. Во-вторых, наркомом внутренних дел до 26 сентября 1936 г. оставался Г. Ягода, который благоволил Сосновскому и считал его одним из лучших оперативных начальников. Даже на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме ЦК ВКП(б), ожесточенно критикуемый бывшими соратниками за провалы в оперативной и кадровой работе, он не преминул заявить, что хотя и относился к Сосновскому подозрительно, но очень ценил его. Ягода утверждал: «Он крупный, очень знающий работник»⁴⁰⁸. При этом замечу, что эти слова были произнесены после доклада нового наркома внутренних дел Н. Ежова. А последний уверенно озвучил свои скороспелые обобщенные выводы с далеко идущими последствиями. Вот они: «...одним из слабых участков нашей работы являлась работа по Польше. На протяжении 16 лет сектор работников Польши не мог вскрыть активнейшей войсковой организации поляков, которая вела очень энергичную работу против нас. Почему это случилось? Потому, что в польском секторе за эти годы в подавляющем большинстве работали поляки, которые были связаны со вторым отделением польского генерального штаба и являлись офицерами этого отделения... Раньше были офицерами, а потом были внедрены к нам. Внедрение польских агентов к нам в аппарат – это была установка Пилсудского. Он добивался этого внедрения своих людей в компартию Польши, которые затем перебрасывались по линии компартии Польши в Советский Союз и здесь уже попадали в органы НКВД. Проводилось также внедрение польских агентов в сеть наших резидентур в Польше, в некоторых случаях устраивали провал резидентуры, их вызывали затем в Советский Союз, а здесь они становились к нам на работу. Таким образом были внедрены к нам Сосновский, Маковский, Стецкевич, Илинич, Мазепус, братья Богуславские и др. (выделено мной. – А.З.)»⁴⁰⁹.

Я намеренно привел достаточно обширную цитату из выступления Ежова, чтобы акцентировать внимание читателей на ситу-

ации, сложившейся в органах госбезопасности к февралю 1937 г. По сути дела, новый нарком не просто поставил под сомнение, а фактически признал подрывной всю работу ВЧК-НКВД по борьбе с польскими спецслужбами внутри страны и разведывательную деятельность в Польше начиная с 1920 г. Сотрудники, работавшие в соответствующих подразделениях разведки и контрразведки, не просто ставились под сомнение, а были обвинены в шпионаже и предательстве. Их агентура оценивалась таким же образом. Приведенные в докладе Ежова фамилии – это лишь толика большой группы людей уже арестованных или тех, кто будет арестован в ближайшее время. Из-за закрытости статистической информации трудно называть какие-либо цифры. Могу утверждать одно – только по материалам допросов Сосновского было арестовано более трех десятков чекистов-поляков по национальности и тех, кто работал по польской линии в органах госбезопасности. Фактически к середине 1937 г. в НКВД СССР и его местных аппаратах не осталось сотрудников, владевших польским языком и имевших некий опыт противодействия польской разведке. Все без исключения начальники польских отделений разведки и контрразведки, занимавшие эти должности начиная с 1920 г., были арестованы по обвинению в работе на спецслужбы Речи Посполитой и расстреляны. Такая же участь постигла всех их помощников, а также и большую часть оперативного состава. Назначенный в декабре 1936 г. начальником 3-го (польского) отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР З. Пасов, будучи позднее сам арестованным, в ходе одного из допросов утверждал, что ни у него, ни у других сотрудников не было никакого опыта работы по польской линии и вообще знаний о польской разведке⁴¹⁰.

Пассову и ему подобным выдвигенцам наркома Ежова предстояло реализовать печально известный приказ НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. Тремя днями ранее проект приказа рассмотрели члены Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании этого партийного органа. Решение было следующим: «Утвердить приказ Наркомвнутдела СССР о ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ»⁴¹¹.

В приказе НКВД была сформулирована конкретная задача для всех органов госбезопасности: «С 20 августа начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации местных организаций ПОВ и, прежде всего, ее диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, совхозах и колхозах». Надо полагать, что руководство большевистской партии и НКВД

считало парализованной к концу лета 1937 г. работу польской разведки среди военных, сотрудников Наркомата иностранных дел. Нечего уже и говорить о военной разведке, а также о самих органах госбезопасности и внутренних дел.

В завершение необходимо указать некоторые важные, связанные с вышеуказанным приказом НКВД СССР № 485, нюансы. Во-первых, это был уже второй «национальный» приказ. Менее чем за две недели до его издания на основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) был направлен на места приказ № 00439 об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах⁴¹². Однако в отличие от приказа по польской линии предлагалось сосредоточиться только на работниках оборонных предприятий – немцах по национальности. Количество их было не столь значительным. Во-вторых, и это крайне важно для заявленной темы монографии, в этом приказе не давалась оценка работы чекистов против немецкой разведки и не заявлялось о проникновении ее агентуры в ВЧК-НКВД. В-третьих, именно к приказу № 485 прилагалось закрытое 30-страничное письмо, избилующее конкретными фамилиями, в том числе и сотрудников органов госбезопасности, которые якобы являлись польскими агентами, полностью развалившими работу по противодействию разведке Польши и полностью парализовавшими нашу разведку против этой страны. Количество поляков-чекистов было многократно больше, чем, к примеру, немцев. Поэтому исполнители приказа могли столкнуться с необходимостью ареста своих коллег, с которыми работали в боевых условиях Гражданской и советско-польской войн, действовали как нелегалы за границей, проводили многие опасные для жизни оперативные мероприятия внутри страны да и просто дружили в быту. Авторы статьи о «Польской операции НКВД» Н. Петров и А. Рогинский привели следующие слова одного из сотрудников УНКВД по Московской области А. Пестеля: «Когда нам, начальникам отделений, был зачитан приказ Ежова об аресте абсолютно всех поляков (о всех поляках в приказе не говорилось. – А.З.), польских политэмигрантов, бывших военнопленных, членов польской коммунистической партии и др., это вызвало не только удивление, но и целый ряд кулуарных разговоров, которые были прекращены тем, что нам заявили, что приказ согласован со Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) и что нужно поляков громить вовсю»⁴¹³. Итог «Польской операции» был подведен в статистических отчетах органов НКВД. По данным вышеупомянутых авторов, всего было арестовано и осуждено более 20 тысяч

поляков, а также еще почти 17 тысяч белорусов, украинцев и представителей других национальностей⁴¹⁴.

Подведу некоторые итоги сказанному. Итак, какие же объективные факторы сказались в начальном периоде репрессий против польских политэмигрантов в 1933 г.? Во-первых, процесс формирования польской Коммунистической партии был достаточно сложным. В 1919–1920 гг. в нее по разным причинам влились представители других политических организаций, включая не только членов ППС и бывших легионеров Пилсудского, но даже и членов Польской организации войсковой. Во-вторых, в период работы в подполье многие из партийцев, в том числе и отдельные руководители подполья, арестовывались польской политической полицией и контрразведкой. Эти органы применяли всевозможные методы, вплоть до пыток, для привлечения арестованных к секретному сотрудничеству, и процесс инфильтрации провокаторов в коммунистические организации принял достаточно серьезный характер. В-третьих, на фоне фракционной борьбы внутри КПП вопрос о борьбе с провокацией стоял очень остро. Дело дошло до создания специальных комиссий как при ЦК КПП, так и при польской секции Коминтерна. Эти комиссии работали в контакте с польским отделением КРО ОГПУ и даже возглавлялись откомандированными из этого подразделения сотрудниками. Трудности борьбы с провокацией усиливала не прекращавшаяся со второй половины 1920-х гг. фракционная борьба и, возможно, даже в большей степени, личностные склоки – как среди нелегальных работников в Польше, так и польских политэмигрантов в СССР. Все это оставалось актуальным и в 1937–1938 гг.

Немалое влияние на разворачивание репрессий, в том числе и в рамках «Польской операции» по приказу № 485, сыграли допускавшиеся на протяжении многих лет серьезные просчеты в подборе кадров в органы госбезопасности в целом и на польское направление разведки и контрразведки в частности. Понятно, что кадровые решения основывались на интернационалистских подходах при формировании политической, военной, промышленной, чекистской и иных элит в СССР. Порой партийный билет являлся одним из основных критериев при назначении на ту или иную должность. Никакого исключения для органов госбезопасности не предусматривалось. Я уже не говорю о том, что с началом советско-польской войны в органы ВЧК были мобилизованы десятки поляков, вступивших в РКП(б) совсем недавно, не прошедших закалку в условиях царского режима, не страдавших в тюрьмах, на каторге и в ссылках за установление советской власти. Позднее в органах

ГПУ-ОГПУ появилась довольно большая группа политэмигрантов, а также бывших агентов советской разведки, разоблаченных спецслужбами противника, но сумевших перебраться в нашу страну. К сожалению, никто в руководстве ВЧК-НКВД не задумался об организации подготовки оперативного состава со знанием польского и других иностранных языков. Ни одна спецслужба других государств не имела в своем кадровом составе такого количества эмигрантов и вообще уроженцев других государств, как советская. Это был некий феномен, если хотите – «родовая травма» отечественных разведки и контрразведки. Ведь отношения между государствами изменялись на протяжении 1920-х и 1930-х гг. В отличие от Германии, к примеру, Польша почти весь этот период оставалась для СССР потенциальным противником № 1 со всеми вытекающими из этого последствиями. Указанные и некоторые другие факторы нельзя не учитывать при рассмотрении вопроса об имевших место репрессиях по польской линии, в том числе и в отношении сотрудников органов госбезопасности и военной разведки.

¹ Германское правительство 9 марта 1935 г. объявило о создании военно-воздушных сил, а через несколько дней о введении всеобщей воинской обязанности и преобразовании 100-тысячного рейхсвера в вермахт, состоящий из 36 дивизий. Ограничений, установленных Версальским договором, больше не существовало. Эти обстоятельства явились мощным толчком к усилению оборонных усилий СССР и оценке Германии как главного противника нашей страны.

² Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сб. статей. М., 2004. С. 5.

³ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ.

⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 14.

⁵ Иванов Ю.В. Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1918–1945. М., 2014. С. 148.

⁶ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 628.

⁷ Там же. С. 635.

⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 35.

⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 117.

¹⁰ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 658.

¹¹ Там же. С. 663–664.

¹² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 377. Доклады Особого отдела ОГПУ о состоянии РККА.

¹³ Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). С. 15.

- ¹⁴ Феликс Эдмундович Дзержинский. Биография. С. 423–425.
- ¹⁵ Иванов Ю. Указ. соч. С. 153.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 42–54.
- ¹⁷ Там же. Л. 66.
- ¹⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 86–86об.
- ¹⁹ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. С. 664.
- ²⁰ Там же. С. 668.
- ²¹ Иванов Ю. Указ. соч. С. 150.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 154.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Самуэльсон Л. Красный колос. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001. С. 85.
- ²⁶ Параллельно с созданием Нелегальной военной организации на Западном фронте в районе действий Юго-Западного фронта на Украине была учреждена аналогичная структура – «Закордот». Фактически этот орган продолжил деятельность Зафронтового бюро при ЦК КП(б)У, созданного еще в июле 1919 г. для действий в тылу войск генерала А. Деникина.
- ²⁷ Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 29.
- ²⁸ Полторак С. так и назвал свою монографию – «Победоносное поражение», изданную в Санкт-Петербурге в 1994 г.
- ²⁹ Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013. С. 81–82.
- ³⁰ Ландер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна. 1919–1943. М., 2005. С. 89.
- ³¹ Антонов В. Расстрелянная разведка. М., 2012. С. 114
- ³² Горбунов Е. Активная разведка, переходящая в бандитизм. – Независимое военное обозрение, № 34, 2005.
- ³³ Пограничные войска СССР 1918–1928. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 515.
- ³⁴ Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928. М., 2006. С. 617.
- ³⁵ Там же. С. 618–620.
- ³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 943. Л. 79. Проект постановления был утвержден ПБ ЦК ВКП(б) 25 февраля 1925 г.
- ³⁷ Там же. Л. 81.
- ³⁸ Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). С. 24.
- ³⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 25. Л. 168.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 267.
- ⁴² Стенографический отчет 7-го Всебелорусского съезда Советов. Минск, 1925. С. 231.
- ⁴³ Материалы «Особой папки». С. 18.
- ⁴⁴ Там же. С. 19.
- ⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 70.
- ⁴⁶ Там же. Л. 72.
- ⁴⁷ Там же. Л. 77.

⁴⁸ Военная энциклопедия в восьми томах. Т. 8. М., 2004. С. 377.

⁴⁹ Симонов Н.С. «Крепить оборону страны Советов». «Военная тревога» 1927 года и ее последствия. – Отечественная история, 1996, № 3. С. 156.

⁵⁰ Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004. С. 246.

⁵¹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы. Т. 6. М., 2013. С. 319.

⁵² Материалы «Особой папки». С. 33.

⁵³ Русская военная эмиграция. Т. 6. С. 320.

⁵⁴ Материалы «Особой папки». С. 34.

⁵⁵ Глазами разведки. СССР и Европа 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов. М., 2015. С. 261.

⁵⁶ Демократический союз. Следственное дело 1928–1929 гг. Сборник документов. М., 2010. В редакционную коллегию издания входили сотрудники ФСБ России В.С. Христофоров, В.К. Виноградов и Н.Н. Волякина. Этот факт свидетельствует о репрезентативности публикуемых материалов и их аутентичность с подлинниками.

⁵⁷ Там же. С. 21.

⁵⁸ Правда, № 70 (5235) от 11 марта 1932 г.

⁵⁹ Труд, № 82 (3428) от 8 апреля 1932 г.

⁶⁰ Кен О., Рупасов А. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. 1928–1934. М., 2014. С. 312.

⁶¹ Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. С. 235.

⁶² ЦА ФСБ. Ф. 6. Оп. 1-т. Д. 31. Л. 81.

⁶³ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 501.

⁶⁴ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. С. 299.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 161. Л. 20.

⁶⁶ Replonski A. Wywiad W wojnie polsko-radzieckiej 1919–1920. S. 48.

⁶⁷ Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии. С. 14.

⁶⁸ Там же. С. 61.

⁶⁹ Скшипек А. Геополитика Междуморья и ее влияние на отношения Польши и России. – Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций. Избранные статьи польских экспертов. М., 2015. С. 27.

⁷⁰ Былинин В.К., Зданович А.А., Коротаев В.И. Организация «Прометей» и «прометеевское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР. – Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007. С. 318–414.

⁷¹ Матвеев Г.Ф. Начало. – Белые пятна – черные пятна. С. 41.

⁷² Екабсонс Э. Польско-советские мирные переговоры в Риге. Взгляд из Латвии. – Забытый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры. М., 2014. С. 179, 270–271.

⁷³ Там же. С. 281.

⁷⁴ Replonski A. Wywiad polskina ZSRR. 1921–1939. Warszawa, 1996. S. 26.

⁷⁵ Екабсонс Э. Указ. соч. С. 284.

⁷⁶ РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁷⁷ Там же. Д. 8. Обзор деятельности резидентур реферата «Восток» 2-го отдела ПГШ, работавших против Советского Союза.

⁷⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 9. С. 483.

⁷⁹ Там же. С. 486.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Replonski A. Wywiad polski na ZSRR. 1921–1939. Warszawa, 2010; А. Мисюк. Спецслужбы Польши против России и Германии. М., 2010; К. Край. Противоборство специальных служб Польши и СССР с 1919 до 1939 года. – Лубянка. Историко-публицистический альманах. Вып. 12. С. 87–106.

⁸² Replonski A. Op. cit. S. 52.

⁸³ Replonski A. Wiwiad polski. S. 106.

⁸⁴ РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Указ. соч. С. 83.

⁸⁷ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль. Орел, 2000, С. 247.

⁸⁸ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК – ОГПУ. С. 322.

⁸⁹ Мисюк А. Указ. соч. С. 32.

⁹⁰ Replonski A. Op. cit. S. 118.

⁹¹ Былинин В., Зданович А., Кортаев В. Организация «Прометей» и «прометейское» движение. С. 392.

⁹² ДМИСПО. Т. 5. М., 1967. С. 37.

⁹³ Там же. С. 32.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 403. Л. 190. См. также: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране. С. 482–490.

⁹⁵ Мисюк А. Указ. соч. С. 35.

⁹⁶ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–19340). М., 2008. С. 630.

⁹⁷ РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 7. Л. 11.

⁹⁸ Соколов М. Соблазн активизма. С. 286.

⁹⁹ Мисюк А. Указ. соч. С. 58.

¹⁰⁰ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 2. М., 2001. С. 312–317.

¹⁰¹ РГВА. Ф. 453. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–13.

¹⁰² Там же. Д. 8. Л. 435.

¹⁰³ Там же. Л. 393–400.

¹⁰⁴ Replonski A. Op. cit. S. 96–97.

¹⁰⁵ Ганин А. Последний генштабист. – Родина, № 8, 2010. С. 82–83.

¹⁰⁶ Replonski A. Op. cit. S. 97.

¹⁰⁷ Ленинградская правда, № 47 от 27 февраля 1924 г.

¹⁰⁸ ЦА ФСБ РФ. АУД № Н-2271. Т. 1. Л. 1–3.

¹⁰⁹ РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 75. Л. 2–2об.

¹¹⁰ Правда, 31 января 1924 г.

¹¹¹ Replonski A. Op. cit. S. 99.

¹¹² Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. АУД № 14431. Л. 308.

- ¹¹³ Мисюк А. Указ. соч. С. 137.
- ¹¹⁴ Ленинградская правда, 15 июня 1924 г.
- ¹¹⁵ Архив УФСБ по СПб. и Лен. обл. АУГ № П-45232. Л. 23.
- ¹¹⁶ Мисюк А. Указ. соч. С. 73.
- ¹¹⁷ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 7. Л. 62.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 256.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 39. Л. 92.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Викторов Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 62.
- ¹²³ Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000. С. 100.
- ¹²⁴ РГВА. Ф. 308к. Оп. 4. Д. 8. Л. 32.
- ¹²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 39. Л. 92.
- ¹²⁶ Голдин В.И. Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006. С. 55.
- ¹²⁷ Зданович А.А. Указ. соч. С. 486.
- ¹²⁸ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 653. Л. 385–386.
- ¹²⁹ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 7. Л. 163.
- ¹³⁰ Там же. Л. 168.
- ¹³¹ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 757.
- ¹³² Край К. Афера Альберта Рана. – Исторические чтения на Лубянке 2014. Сб. статей. М., 2014. Ч. 1. С. 216.
- ¹³³ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-4807. Т. 1. Л. 140.
- ¹³⁴ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 7. Л. 210.
- ¹³⁵ Там же. Л. 83–96.
- ¹³⁶ Replonski A. Op. cit. S. 158.
- ¹³⁷ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 37. Л. 5–7.
- ¹³⁸ Там же. Л. 13.
- ¹³⁹ Там же. Л. 14.
- ¹⁴⁰ См. дело со списком наиболее важных агентов экспозитуры № 1 в фонде польской разведки в РГВА.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 15–16.
- ¹⁴² Там же. Л. 9.
- ¹⁴³ Там же. Л. 16.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 22.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 29.
- ¹⁴⁶ Веденеев Д.В. Украинский фронт в войнах спецслужб. Исторические очерки. Киев, 2008. С. 42.
- ¹⁴⁷ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 40. Л. 13.
- ¹⁴⁸ Там же. Д. 29. Л. 193.
- ¹⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 306. Л. 50–51.
- ¹⁵⁰ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 40. Л. 99–115. Список дезертиров из Красной армии, оказавшихся на польской территории в зоне ответственности экспозитуры № 5.
- ¹⁵¹ Зданович А.А. Указ. соч. С. 504.

- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ Советская военная контрразведка... С. 430.
- ¹⁵⁴ ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 9. Д. 19. Л. 339, 340.
- ¹⁵⁵ Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2004. С. 65.
- ¹⁵⁶ Советская военная контрразведка. Ч. 2. С. 225.
- ¹⁵⁷ Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 263.
- ¹⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 58. Л. 149.
- ¹⁵⁹ РГВА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 11. Л. 7.
- ¹⁶⁰ Зданович А.А. Спецслужбы. Интриги разведки. М., 2005. С. 258–268; Газета «Пограничник». Орган Краснознаменного Северо-Западного пограничного округа, № 34 и 35 от 1 и 9 мая 1991.
- ¹⁶¹ Архив УФСБ по Омской обл. Ф. 39. Оп. 3. Д. 4. Л. 285.
- ¹⁶² Энциклопедия военной разведки России. С. 347.
- ¹⁶³ ЦА ФСБ РФ. АУД Н-428. Л. 9.
- ¹⁶⁴ Там же. АУД Н-1419.
- ¹⁶⁵ Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 1. М., 1996.
- ¹⁶⁶ Архив УФСБ по Омской обл. Справка по личному делу Баранского К.С. № 10/27/213 от 21.01.2016.
- ¹⁶⁷ Дегтярев К. Колпакили А. Внешняя разведка СССР. М., 2009. С. 361–362.
- ¹⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 142. Л. 1.
- ¹⁶⁹ Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности. С. 206.
- ¹⁷⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 116. Л. 97.
- ¹⁷¹ Архив УФСБ по Омской обл. Ф. 38. Оп. 1. Д. 79. Л. 8–8об.
- ¹⁷² Петров Н. В. Скоркин К.В. Кто руководил НКВД 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 94.
- ¹⁷³ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 4. Л. 213.
- ¹⁷⁴ Корнат М. Рижский договор и основы польской внешней политики (1921–1939). – Забытый мир. Рижский договор 1921 года. С. 305.
- ¹⁷⁵ Екабсонс Э. Польско-советские мирные переговоры в Риге. Взгляд из Латвии. – Забытый мир. Рижский договор 1921 года. С. 281.
- ¹⁷⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 488. В тексте статьи о 52-й стрелковой дивизии (ранее Западной) ошибочно указаны инициалы Маковского. Правильно не Я.М., а Ю.И.
- ¹⁷⁷ Антонов В.С. Расстрелянная разведка. С. 310.
- ¹⁷⁸ ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 135.
- ¹⁷⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 62. Л. 636.
- ¹⁸⁰ Зданович А.А. Указ. соч. С. 181.
- ¹⁸¹ Плеханов А.М. и Плеханов А.А. ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013.
- ¹⁸² Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003.
- ¹⁸³ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003.
- ¹⁸⁴ Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ.

- ¹⁸⁵ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране Т. 9. М., 2013. С. 826.
- ¹⁸⁶ ЦА ФСБ РФ. АУД № 612372. Л. 212.
- ¹⁸⁷ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 8. Л. 64–97.
- ¹⁸⁸ Соколов М.В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011.
- ¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 318. Л. 49–51.
- ¹⁹⁰ Папчинский А., Тумшис М. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 292.
- ¹⁹¹ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 7. Л. 54.
- ¹⁹² ЦА ФСБ РФ. АУД № 8470. Т. 1. Л. 92.
- ¹⁹³ Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009. С. 329.
- ¹⁹⁴ ЦА ФСБ РФ. АУД № 8470. Т. 1. Л. 192.
- ¹⁹⁵ Последние новости, № 2425 от 12 ноября 1927 г.
- ¹⁹⁶ ЦА ФСБ РФ. АУД № 4807. Т. 2. Л. 78.
- ¹⁹⁷ Лурье В., Кочик В. ГРУ. Дела и люди. СПб.–М., 2002. С. 484.
- ¹⁹⁸ Базанов П.Н. Братство русской правды – самая загадочная организация Русского зарубежья. М., 2013; Гаспарян А.С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921–1937 гг. М., 2008; Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы 20-го века. СПб., 2010; Зданович А.А. Интриги разведки. М., 2005; Мазохин О.Б. Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. М., 2011; Прянишников Б.В. Незримая паутина. ВЧК-ОГПУ-НКВД против белой эмиграции. СПб., 1993; Соколов М.В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011; Соцков Л.Ф. Операция «Тарантелла». М., 2001.
- ¹⁹⁹ Дело Киевского Областного Центра Действия. Харьков, 1927.
- ²⁰⁰ Минаев В.К. Подрывная работа иностранных разведок в СССР. М., 1940.
- ²⁰¹ Крах вражеского подполья. Из истории борьбы с контрреволюцией в Советской России в 1917–1924 гг. М., 1971.
- ²⁰² Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 139–140.
- ²⁰³ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987. С. 57–58.
- ²⁰⁴ Демидов И.П., Чайковский Н.В. – Политические партии России. Энциклопедия. М., 1996. С. 181, 672.
- ²⁰⁵ Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001. С. 70, 88.
- ²⁰⁶ Там же. С. 75.
- ²⁰⁷ Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М., 2010. С. 403.
- ²⁰⁸ Соколов М. Соблазн активизма. С. 55.
- ²⁰⁹ Кубасов А.Л. Н.В. Чайковский в поисках новой тактики борьбы с большевиками. – Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки, № 1, 2009. С. 27–32.

²¹⁰ Сухих Л. Киевский областной центр действия и причастность к нему М.П. Василенко и В.А. Романовского. – Украинский археографический ежегодник. Киев, 2009. С. 678–687.

²¹¹ Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. С. 218

²¹² Кононенко И.В. От Пресс-бюро КГБ СССР до ЦОС ФСБ России. – Тайное становится явным. ЦОС ФСБ уполномочен заявить. М., 2000. С. 9.

²¹³ Ардаматский В. Возмездие. М., 1975. С. 249–261.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

²¹⁵ Соколов М. Соблазн активизма. С. 55–58.

²¹⁶ РГВА. Ф. 453к.

²¹⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3.

²¹⁸ ОГА СБ Украины. Ф. 5. Д. 5435.

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 3. Л. 111. Заголовка записка Н. Монкевица не имеет, указана лишь дата и место ее подготовки – Париж.

²²⁰ Там же. Л. 112.

²²¹ Речь, видимо, идет о «Русском политическом комитете», функционировавшем в Париже под председательством С.Д. Сазонова – министра иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака, а затем П.Б. Струве – начальника Управления внешних сношений правительства генерала П.Н. Врангеля. См.: Цветков В.Ж. Белое дело в России 1919–1922. Т. 1. М., 2013. С. 277.

²²² Гурович И. Записки эмигранта. Изд. «Петроград», 1923. С. 175.

²²³ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 1. Л. 2. Краткая записка – памятка о «Центре Действия», составленная в Париже в январе 1926 г.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же. Л. 13.

²²⁶ Более подробно об организации «Азбука» см.: Тюремная одиссея Василия Шульгина. С. 163; Кирмель Н.С. Спецслужбы белого движения 1918–1922. Разведка. М., 2013. С.113–116.

²²⁷ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 46. Л. 9об.

²²⁸ Там же. Д. 34. Л. 21.

²²⁹ Там же. Д. 47. Л. 9.

²³⁰ Там же. Д. 34. Л. 6.

²³¹ Там же. Д. 37. Л. 4.

²³² Там же. Л. 9.

²³³ Там же. Д. 50. Л. 104.

²³⁴ Соколов М. Указ. соч. С. 55.

²³⁵ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 36. Л. 236.

²³⁶ Владимир Орлов. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 254–255.

²³⁷ Маймескулов Л.Н. и др. Указ. соч. С. 188.

²³⁸ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 47. Л. 80.

²³⁹ Там же. Д. 1. Л. 15.

²⁴⁰ Антонов В.С. Расстрелянная разведка. С. 285.

²⁴¹ Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 2. М., 1996. С. 92.

²⁴² Тепляков А. Опричники Сталина. М., 2009. С. 25.

²⁴³ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

- ²⁴⁴ Там же. Л. 18.
- ²⁴⁵ Там же. Д. 50. Л. 122.
- ²⁴⁶ Дело Киевского Областного Центра Действия. Стенографический отчет.
- ²⁴⁷ Знамя борьбы, апрель 1924, № 2. Приложение. «ЗБ» – журнал Заграничной делегации партии левых эсеров и Союза эсеров-максималистов. Издавался с 1923 по 1930 г. в Берлине.
- ²⁴⁸ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. Сб. док. М., 2004. С. 318. Агентурная разработка «С-1» обозначена в закрытом письме НКВД как дело профессора Исиченко.
- ²⁴⁹ Борис Савинков на Лубянке. С. 75.
- ²⁵⁰ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 44.
- ²⁵¹ Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. Сб. док. М., 2010. С. 89.
- ²⁵² ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013. С. 17.
- ²⁵³ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-23931. Т. 1. Л. 22.
- ²⁵⁴ Дело Киевского Областного Центра Действия. С. 25.
- ²⁵⁵ Там же. С. 749.
- ²⁵⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 71.
- ²⁵⁷ Ардамацкий В. Возмездие. М., 1975. Первый (краткий) вариант повести был опубликован в 1967 г. в журнале «Нева».
- ²⁵⁸ Сокращенный вариант обзора Русанова Э.П. опубликован в Интернете под названием «Операция синдикат».
- ²⁵⁹ Сафонов В.Н. КРО против Савинкова. О том, как чекисты поймали главного противника большевиков. М., 1998.
- ²⁶⁰ Борис Савинков на Лубянке. Документы. Составители: В.К. Виноградов, А.А. Зданович, В.И. Крылов, А.Л. Литвин, Я.Ф. Погоний, В.Н. Сафонов. М., 2001.
- ²⁶¹ ЦА ФСБ РФ. АУД № Н-1791. Т. 22. Л. 17.
- ²⁶² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 94.
- ²⁶³ Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002. С. 564, 565.
- ²⁶⁴ Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937). – Отечественная история, 2000, № 3. С. 87–105.
- ²⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 226. Л. 6, 6 об.
- ²⁶⁶ Там же. Л. 10.
- ²⁶⁷ Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша. М., 2013.
- ²⁶⁸ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 36. Л. 81.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 79об.
- ²⁷⁰ Так начинался Синдикат-2. – <http://vseogomele.net/articles/?articles=archive&y=2007&cat=war&id=66>.
- ²⁷¹ ЦА ФСБ РФ. АУД № Н-1381. Т. 2. Л. 1.
- ²⁷² Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 653. Л. 443.
- ²⁷³ Шанталинский В. Донос на Сократа. М., 2001. С. 103–108.

- ²⁷⁴ Виноградов В., Сафонов В. Борис Савинков – противник большевиков. – Борис Савинков на Лубянке: документы. М., 2001. С. 12.
- ²⁷⁵ Известия ВЦИК, № 161 (1304) от 24 июля 1921.
- ²⁷⁶ Там же.
- ²⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 226. Л. 2.
- ²⁷⁸ Там же. Л. 2об.
- ²⁷⁹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 273. Л. 23
- ²⁸⁰ ОСД УАДАА. АУД № 6069 на Зинченко Л.Н. и др. Л. 18.
- ²⁸¹ Документы внешней политики СССР. Т. IV. С. 394–572.
- ²⁸² Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003. С. 18.
- ²⁸³ Селянинов-Опперпут П.И. Народный Союз Защиты Родины и Свободы. Берлин, 1922. В некоторых публикациях годом издания книги указывается 1923.
- ²⁸⁴ Атаман Искра (И.А. Лохвицкий). То, что было... Берлин, 1922.
- ²⁸⁵ Симонова Т.М. Указ. соч. С. 192.
- ²⁸⁶ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8470. Т. 2. Л. 79.
- ²⁸⁷ Там же. Т. 4. Л. 157.
- ²⁸⁸ Там же. Т. 3. Л. 66. Послужной список И.И. Сосновского.
- ²⁸⁹ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8470. Т. 1. Л. 76.
- ²⁹⁰ Остракизм по-большевистски. С. 188–189.
- ²⁹¹ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8470. Т. 3. Л. 57.
- ²⁹² Replonski A. Op. cit. S. 97.
- ²⁹³ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 7. Л. 60.
- ²⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 356. Л. 2. Отчет помощника начальника КРО ОГПУ В. Стырне от 5 февраля 1925 г. о деле «Ярославец».
- ²⁹⁵ Сафонов В.Н. КРО против Савинкова. С. 48.
- ²⁹⁶ Там же. С. 54.
- ²⁹⁷ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 37. Л. 37.
- ²⁹⁸ Там же. Л. 14.
- ²⁹⁹ Там же. Л. 160, 188, 442, 493. Фамилии взяты из списка агентуры 2-го отдела ПГШ.
- ³⁰⁰ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 544.
- ³⁰¹ Сафонов В. Указ. соч. С. 60, 61.
- ³⁰² ЦА ФСБ РФ. АУД № Н-1791. Т. 4. Л. 11–13.
- ³⁰³ Антонов В. Временно исполняющий обязанности... – Независимое военное обозрение, № 25, 8–14 июля 2016.
- ³⁰⁴ Сафонов В. Указ. соч. С. 74.
- ³⁰⁵ Там же. С. 81.
- ³⁰⁶ Войцеховский С. «Трест». – Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005.
- ³⁰⁷ Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003. С. 55. Приводя рассказ Опперпута, автор цитирует его слова со ссылкой на некие «Записки Опперпута», хранящиеся в архиве Гуверовского университета.
- ³⁰⁸ ЦА ФСБ РФ. АУД № 8470. Т. 2. Л. 77.

- ³⁰⁹ Лубянка-2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.
- ³¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 53. Л. 9.
- ³¹¹ Государственный архив Эстонии. Ф. 129 SM. Оп. 1. Д. 26760. До 1991 г. архивное уголовное дело на Житкова А. хранилось в КГБ Эстонской ССР.
- ³¹² Мотов В. НКВД против Абвера. Незримый поединок. М., 2005. С. 109.
- ³¹³ Стырне В. Обзор операции «Трест». М., 1931. Т. 1. С. 10.
- ³¹⁴ Кшак А. Афера «МОЦР-Трест». – Wywiad i kontr wywiad wojskowy II RP. Tom I. Lomianki. S. 111. Перевод с польского.
- ³¹⁵ Стырне В. Указ. соч. С. 13.
- ³¹⁶ Войцеховский С. Указ. соч. С. 55.
- ³¹⁷ Там же. С. 78.
- ³¹⁸ Replonski A. Op. cit. S. 36.
- ³¹⁹ Войцеховский С. Указ. соч. С. 76.
- ³²⁰ Мисюк А. Указ. соч. С. 77.
- ³²¹ Кшак А. Указ. соч. С. 112.
- ³²² Replonski A. Op. cit. S. 96.
- ³²³ Там же. С. 113, 114.
- ³²⁴ Кшак А. Указ. соч. С. 114.
- ³²⁵ РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 193.
- ³²⁶ Там же. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 7. Л. 62, 66.
- ³²⁷ Микулин А.А. был арестован в 1927 г. и приговорен к ВМН за связь со шпионами и укрывательство их от властей. См.: Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995. С. 13.
- ³²⁸ Кшак А. Указ. соч. С. 115.
- ³²⁹ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 147.
- ³³⁰ Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии. С. 32.
- ³³¹ Кшак А. Указ. соч. С. 115.
- ³³² Там же. С. 116.
- ³³³ Стырне В. Обзор. Т. 1 С. 94.
- ³³⁴ Там же. С. 124
- ³³⁵ Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 г. судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре. – Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993.
- ³³⁶ Там же. С. 89.
- ³³⁷ Там же. С. 92.
- ³³⁸ Там же.
- ³³⁹ РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 75. Л. 35–37.
- ³⁴⁰ Кшак А. Указ. соч. С. 113.
- ³⁴¹ Стырне В. Указ. соч. Т. 2. С. 2.
- ³⁴² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 99. Л. 497.
- ³⁴³ Стырне В. Указ. соч. Т. 3. С. 68.
- ³⁴⁴ РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 7. Л. 62; Стырне В. Указ. соч. Т. 3. С. 69.
- ³⁴⁵ РГВА. Ф. 308. Оп. 3. Д. 193. Л. 208.
- ³⁴⁶ Мисюк А. Указ. соч. С. 78.
- ³⁴⁷ Там же. С. 79.

- ³⁴⁸ Там же. С. 74.
- ³⁴⁹ Replonski A. Op. cit. S. 123.
- ³⁵⁰ Войцеховский С. Указ. соч. С. 145.
- ³⁵¹ Там же. С. 77.
- ³⁵² Хаустов В.Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. – Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. М., 1997.
- ³⁵³ Там же С. 10.
- ³⁵⁴ Replonski A. Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920. S. 52.
- ³⁵⁵ Там же. С. 6.
- ³⁵⁶ Матвеев Г. Указ. соч. С. 302.
- ³⁵⁷ Петров Н.В., Скоркин К.В. Указ соч. С. 182.
- ³⁵⁸ Дукельский С.С. Польский шпионаж. Т. 1–2. М., 1937.
- ³⁵⁹ Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 118.
- ³⁶⁰ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-4392. Т. 1. Л. 57.
- ³⁶¹ Там же. Л. 9об., 36.
- ³⁶² Кен О. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003. С. 97, 98.
- ³⁶³ Сталин И. Сочинения. М., 1952. Т. 6. С. 264.
- ³⁶⁴ Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). С. 22.
- ³⁶⁵ Польша в XX веке. Очерки политической истории. С. 204.
- ³⁶⁶ Мисюк А. Указ. соч. С. 240.
- ³⁶⁷ Там же. С. 244.
- ³⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 81. Л. 3, 4.
- ³⁶⁹ Там же. Д. 51. Л. 133.
- ³⁷⁰ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8498. Л. 132.
- ³⁷¹ Архив УФСБ по Омской обл. Справка по личному делу В.Л. Бертинского № 10/27/ 212 от 21.01.2016.
- ³⁷² ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-32868. Т. 2. Л. 85.
- ³⁷³ Черкасов П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 24.
- ³⁷⁴ Там же. С. 28.
- ³⁷⁵ Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. (Автобиографии и биографии.) Энциклопедический словарь. Второй выпуск сорок первого (41) тома. М., 1989. С. 179.
- ³⁷⁶ Военная энциклопедия. Т. 8. М., 2004. С. 190.
- ³⁷⁷ Лурье В.М., Кочик В.Я. Указ. соч. С. 120.
- ³⁷⁸ ЦА ФСБ РФ. АУД № Н-13578. Т. 1. Л. 53.
- ³⁷⁹ Веденеев Д. Украинский фронт в войнах спецслужб. Исторические очерки. Киев, 2008. С. 70.
- ³⁸⁰ Там же. С. 71.
- ³⁸¹ Справа «Польської Організації Військової» в Україні. 1920–1938 рр. Збірник документів та матеріалів. Київ, 2011. С. 75.
- ³⁸² Вопросы истории, № 12, 1994. С. 22.
- ³⁸³ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-37356. Т. 12. Л. 532.
- ³⁸⁴ ЦА ФСБ РФ. АУД № Н-13578. Т. 1. Л. 56.
- ³⁸⁵ Тумшиш М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. С. 450.
- ³⁸⁶ Петров Н., Скоркин К. Указ. соч. С. 383.

- ³⁸⁷ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-17015. Л. 23.
- ³⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 123. Д. 49. Л. 10.
- ³⁸⁹ Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 165. Л. 17.
- ³⁹⁰ Там же. Ф. 495. Оп. 123. Д. 49. Л. 89–91.
- ³⁹¹ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8131. Л. 26.
- ³⁹² Папчинский А., Тумшис М. Указ. соч. С. 286.
- ³⁹³ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 319.
- ³⁹⁴ Прохоров Д.П., Лемехов О.И. Перебежчики. Заочно расстреляны. М., 2001. С. 35.
- ³⁹⁵ Хлысталов Э.А. Почему Сталин не верил широко известным теперь агентам. – Слово, № 3, 2003.
- ³⁹⁶ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 525.
- ³⁹⁷ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-4807. Т. 2. Л. 159.
- ³⁹⁸ Там же. Т. 1. Л. 127.
- ³⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 70. Л. 3.
- ⁴⁰⁰ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 941. Л. 296.
- ⁴⁰¹ Там же. АУД № Р-4807. Т. 1. 132.
- ⁴⁰² Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. С. 738–741.
- ⁴⁰³ Там же. С. 693.
- ⁴⁰⁴ Там же. С. 738.
- ⁴⁰⁵ Там же. С. 739.
- ⁴⁰⁶ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8470. Т. 5. Л. 259.
- ⁴⁰⁷ Там же. Т. 3. Л. 19.
- ⁴⁰⁸ Вопросы истории, № 12, 1994. С. 9.
- ⁴⁰⁹ Вопросы истории, № 10. С. 21. В опубликованной стенографической записи выступления Ежова на пленуме ЦК ВКП(б) не были выверены упомянутые фамилии. Так, Стецкевич назван Стецевичем, Илинич – Ильиничем, Мазепус – Мазепой.
- ⁴¹⁰ ЦА ФСБ РФ. АУД № Р-8390. Т. 2. Л. 115.
- ⁴¹¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 299.
- ⁴¹² Там же. С. 271.
- ⁴¹³ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. – Репрессии против поляков и польских граждан. Исторический сборник «Мемориала». Вып. 1. М., 1997. С. 23.
- ⁴¹⁴ Там же. С. 37.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЛИСТОВКА

Польской организации войсковой с обращением к Петросовету и населению Петрограда

1 апреля с.г. в Петрограде арестован католический архиепископ Иоанн Цепляк, старец не вмешивающийся ни в какую политику и всецело занятый делами Католической Церкви. Арест этот доказывает, что Советская Власть снова выступает с репрессиями против верующих католиков, а в особенности против католиков-поляков. Репрессии эти глубоко оскорбляют чувства верующих, тем более, что не были вызваны никакой деятельностью против Русского Правительства.

Являясь здесь представителями Польского Правительства, мы решительным образом протестуем против этого насилия над главой католического духовенства в России и требуем немедленного его освобождения.

Мы более чем уверены, что наше Правительство сумеет должным образом оценить этот факт и даст достойный ответ.

Петроград, 1 апреля 1920 г.

Командант

Польской военной организации (подпись)

Архив УФСБ по СПб. и Ленинградской обл.
АУД П-40936. Т. 1. Л. 517–518.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

начальника оперативного управления Особого отдела ВЧК
А.Х. Артузова заместителю председателя ОО ВЧК
В.Р. Менжинскому от марта 1920 года

*Тов. Менжинскому
для доклада тов. Троцкому*

20-го марта с.г. Управлением Особ. Отд. ВЧК была произведена операция по проверке документов и отчетности польских полулегальных буржуазных организаций, как «СОЮЗ ПОЛЬСКИХ ИНЖЕНЕРОВ», польское общество «ЛЮТНЯ» и др.

В связи с состоянием войны с Польшей такое обследование представлялось необходимым, тем более, что из некоторых ранее существовавших дел о польских гражданах, а также других источников, были установлены: регулярные сношения с Польшей вышеуказанных организаций, через курьеров налаженные почтовые сношения, прием заявлений о желании вступить в польское подданство, содействие к переходу границы лицам даже и не польского происхождения и проч.

Операция, судя по предварительному беглому обследованию документов и лиц, устанавливает следующее:

1) Среди арестованных лиц имеются заведомые польские шпионы, как, например, перелетевший польскую границу летчик, бежавший из концентрационного лагеря, о котором есть указание от нашей контрразведки в Польше, далее офицер – б[ывший] делопроизводитель польской разведки, который, будучи задержан с документами, уже признался, затем несколько взятых нами в плен польских легионеров.

2) Во главе польских организаций стояли лица, снабженные полномочиями от быв[шего] Польского Представительства в Москве, производившие на этом основании крупные финансовые операции, заключающиеся в переводе денег в Польшу посредством особых полотняных чеков на Государственный банк в Варшаве и других городах.

3) Под видом помощи польским заложникам продолжала свою работу организация «ПОМОЩЬ ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ», имеющая свои отделения даже в отдельных учебных заведениях. Организация эта обслуживала не только поляков, но иностранцев и русских материальной помощью и связью с заграницей (сообщения о поло-

жении в концлагере быв. секретаря Посольства в России, Сербской Миссии в Варшаве).

4) Прием заявлений о желании перейти в польское подданство от граждан РСФСР.

5) Организация нелегального перехода через границу отдельных лиц и групп.

6) Организация правильных почтовых сношений как с Польшей, так и внутри Советской Республики, помимо государственной.

7) Публичные доклады приезжающих из Польши лиц в польском клубе «ЛЮТНЯ».

8) Причастность лиц, занимающих руководящие места в военной и гражданской промышленности, транспорте и армии к активной работе в указанных польских организациях (Владимирский порох. завод, пороховые склады прифронтовой полосы Западного фронта, жел. дор. подъездные пути, топливные организации и др.).

Принимая во внимание, что в результате политики царского правительства большая часть технически и военно подготовленных поляков из Польши переселилась на работу в Россию, что усугубилось эвакуацией быв. Царства Польского, а также то обстоятельство, что элементы эти естественно тяготеют к Польше, перед нами встает необходимость принять решительные меры к устранению этих элементов в первую очередь с Западного фронта и прилегающей к нему полосы, обратив особое внимание на командный состав жел. дор. и органов государственного хозяйства.

Так как в данных делах не имеется никаких указаний на какие бы то ни было директивы ЦК РКП в части, касающейся устранения польских элементов из района Западного фронта, но они выполнялись, полагаю проверку выполнения этих директив на местах возложить на Управление Особого отдела ВЧК.

Начоперодуправления ОО ВЧК (Артузов)

ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 12. Л. 1–1об.

ПРИКАЗ армиям Западного фронта № 1393

Гор. Смоленск, 27 июня 1920 года

Секретно

§ 1. В целях обеспечения безопасности тыла Красной Армии и борьбы с польским шпионажем, бандитизмом и контрреволюцией приказываю: выселить и перевести из пределов Западного фронта в глубь Советской России и заволжские губернии лиц нижеследующих категорий возраста от 16 до 55-ти лет:

1) советских, гражданских и военных учреждений всех поляков, по своему бывшему социальному положению и прошлому представляющих враждебный Советскому строю элемент, как-то: бывших помещиков, владельцев крупных предприятий, торговцев, директоров фабрик, заводов, банков, управляющих имениями, заводами, предприятиями и других;

2) лиц подозрительных, против которых не имеется определенных улик для привлечения к судебной ответственности: кулаков, не своим трудом обрабатывающих землю; лиц свободных профессий, не лояльных [к] Советскому строю; лиц, не имеющих определенных занятий и источников к существованию.

Примечание: выселению не подлежат поляки – члены РКП и трудовое население, поскольку против него не имеется подозрений.

§ 2. Отpravку и эшелонирование производить через учреждения Центроэвака, которому подготовить средства перевоза.

§ 3. Переводимые и выселяемые граждане провозятся по железной дороге и другими путями сообщения на правах беженцев.

§ 4. Наряды на подвижной состав затребовать через ЗК за счет военных перевозок.

§ 5. Всех выселяемых и переводимых направлять в ближайший эвакопункт.

§ 6. Выселение и перевод возлагается на губернские ЧК, которым [следует] провести его через губернские, уездные и волостные ревкомы и исполкомы. К работе по установлению необходимости выселения или оставления на месте того или другого лица привлечь местные губ. и уездкомы РКП (большевиков).

§ 7. Переводимые сотрудники советских учреждений сохраняют оклады жалованья, согласно декрету, и во время следования удовлетворяются продовольствием на правах беженцев. По прибытии на место назначения берутся на учет местными советскими учреждениями для определения на работы.

§ 8. Выселение из боевой зоны до тыловой линии района расположения дивизий возлагается на комендантов штабов дивизий, бригад и полков или соответствующих им войсковых подразделений, при содействии органов особого отдела. К выселению приступить немедленно по получении сего приказа и закончить в пятидневный срок.

§ 9. В полосе к востоку от тыловой линии расположения дивизий и к западу от тыловой линии прифронтовой полосы (ст. Луга – ст. Дно – г. В. Луки [включительно] – г. Смоленск [включительно] – г. Новозыбков [включительно] – ст. Бахмач, придерживаясь административных границ уездов) проведение выселения возлагается на губернские чрезвычайные комиссии, и провести его через губисполкомы, уездревкомы или исполкомы и волостные ревкомы или исполкомы. К выселению приступить немедленно по получении сего приказа и закончить в десятидневный срок.

§ 10. Выселение к востоку от линии, упомянутой в § 9, и к западу от линии тыла армии, включая уезды Смоленской и Брянской губерний, возлагается на учреждения, упомянутые в § 9. К выселению приступить немедленно по получении сего приказа и закончить к 15 июля с.г.

§ 11. У всех выселяемых отобрать документы, удостоверяющие личность, и взамен выдать удостоверения по прилагаемой форме.

§ 12. На всех подлежащих выселению лиц составить список с указанием: а) № по порядку, б) фамилия, имя и отчество, в) сколько лет от роду, г) национальность, д) место рождения, е) в каком учреждении и на какой должности служит и чем занимается, ж) место проживания, з) куда направлен. Списки писать в 3-х экземплярах, из которых один препровождается в ближайший сборный пункт Центроэвака, 2-й пришивается к делу, а третий (см. § 13).

§ 13. Волостные ревкомы или исполкомы по форме, указанной в § 12, направляют [списки] в уездревкомы или исполкомы. Уездревкомы или исполкомы группируют списки и препровождают в губернские чрезвычайные комиссии. Губисполкомы препровождают списки выселенных непосредственно губчк. Губчк производит ре-

гистрацию выселенных и сводками сообщает результаты произведенной работы в ВЧК, копию [отправляет] в Особотдел Запфронта.

§ 14. Данный приказ распространить по всем уездным и волревкомам или исполкомам включительно в губерниях: Псковской, Витебской, Смоленской, Брянской и Гомельской, согласно § 9 указанной линии.

§ 15. Выселяемые лица имеют право провести багаж вещами и продовольствием не более 5-ти пудов на каждого члена семьи.

§ 16. Лица, уклонившиеся от выселения, согласно настоящему приказу, будут рассматриваться как агенты и шпионы польского правительства и подлежат наказанию по законам военного времени.

За командующего армиями фронта Захаров.

Члены революционного Военного совета фронта И. Уншлихт.

Начособотдела Запфронта Апетер.

Получен 1 июля.

Сдан 5 июля.

Архив УФСБ по Омской обл. Личное дело И.А. Апетера. Л. 112.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

помощника начальника Особого отдела ВЧК А.Х. Артузова
комиссару штаба РККА С.С. Данилову от 30 июня 1921 года

Информация о деятельности раскрытых организаций Б.В. Савинкова

По всей территории РСФСР органами ВЧК производится ликвидация белогвард[ейской] савинковской организации НСЗРиС с центром управления в Варшаве.

Организация эта существует на средства Антанты, главным образом Франции, и пользуется всякой поддержкой со стороны польских военных властей.

Ставит себе целью захват власти на местах и в центре при помощи заранее подготовленных организаций, действующих подпольно, и переброски в требуемый момент организованных войсковых частей, находящихся ныне у границ России. Причем восстание должно происходить одновременно на всей территории, охваченной его организацией. К моменту восстания ударные отряды подтягиваются возможно ближе к ж/д станциям, в условный момент Московская организация арестовывает Народных Комиссаров, командующих крупными войсковыми соединениями, местные власти, захватывают радио-телеграф, телефонную станцию, вокзалы, местные отряды, захватывают линии желдороги и по этим линиям быстро перебрасываются в Москву ударные отряды, уже ранее сосредоточенные у определенных погрузочных пунктов. Прибытие этих отрядов и должно закрепить переворот.

В [неразборчиво] пограничных местностях русско-польской границы на польской территории создан целый ряд «информационно-организационных пунктов», во главе которых стоят бывшие офицеры старой армии, задачи пунктов – вести разведку в России, производить налеты против советских работников.

Практикуется Савинковым также посылка своих людей в наши красноармейские части под видом бывших военнопленных; документы для них берутся от умерших наших красноармейцев или пропавших. Провала в этом случае не боятся, т.к. знают, что в России произошли крупные перегруппировки наших частей.

Кроме этого способа отправки своих агентов, савинковская организация посылает их совершенно нелегально через нейтральную зону как беженцев и т.п.

Подпольную работу на территории Сов. России НСЗРиС вел по нашей организационной схеме – разделяя всю территорию на несколько областных комитетов, которые в свою очередь [следует] подразделить на губернские, районные и уездные комитеты, кроме того, имелись волостные и деревенские ячейки.

Главным контингентом, заполняющим ряды НСЗРиС, были бывшие офицеры, занимавшие иногда ответственные посты в Кр. Армии и в других военных учреждениях. Бывали даже одиночные случаи участия в организации политработников, благодаря этому нередко самые секретные сведения, относящиеся к мобилизации и дислокации частей Кр. Армии, попадали к Савинкову.

Пользуясь влиянием своих людей среди военспецов, савинковские агенты зачислялись на службу в военные учреждения, стараясь заполнить их своими людьми. Под видом служебных командировок или отпусков красноармейцев посылались по всей России курьеры. Имелись случаи выдачи оружия и взрывчатки из наших складов белогвард[ейским] бандам.

НСЗРиС старался организовать все области, губернии, уезды и волости, везде иметь своих людей в советских и воинских учреждениях.

Благодаря плохой охране наших границ неопытными и недостаточно дисциплинированными нашими частями, противнику удавалось проникать, иногда целыми отрядами, в прифронтовую полосу нашей территории для грабежей и пополнения местных банд. Имелись случаи, что руководители банд, бывшие офицеры, по несколько раз переходили нашу границу.

Существующие у нас банды НСЗРиС старался подчинить себе и руководить ими для налетов и отдельных мелких выступлений, что не запрещалось им до момента общего отступления. В результате следует считать вполне установленным, что тактика савинковской организации заключалась в том, чтобы при помощи отдельных покушений и взрывов навести панику, довести до объявления повсюду «военного положения», и когда лучшие части курсантов и воинских частей будут сосредоточены в определенных пунктах, согласно плану проведения военного положения, тогда приступить к уничтожению этих частей путем убийства отдельных постов и массового отравления котлов в красноарм[ейских] частях (для этой цели привозили из Польши громадное количество циан[истого] калия). После удачных отравлений лучших частей намеревались при помощи распространения слухов, что якобы ненадежные совет-

ские части отравлены Сов. властью, вызвать возмущение и бунт остальных частей.

По словам арестованных, воор[уженное] восстание в Зап[адной] области предполагалось устроить в июне, воспользовавшись недовольством войсковых частей и населения на почве отсутствия продовольствия. Работа велась таким образом, чтобы к июню из дивизий должно было быть извлечено большинство комиссаров и 8% лучших красноармейцев на курсы комсостава. Этот элемент должен был быть изъят, но на курсы не допущен, а задержан в пути, чтобы в момент восстания не представлять из себя боевой силы. Взамен части должны были быть укомплектованы ненадежным элементом, балт[ийскими] матросами, тамбовскими дезертирами и пр. Кроме того, из недр штаба Зап. фронта всплыл в первых числах июня приказ о прекращении отправки на Турк[естанский] фронт злостных дезертиров и о вливании их вместе с прочими сомнительными элементами в наши дивизии.

При ликвидации этой организации арестовано много лиц – соучастников союза, с мандатами, деньгами, планами, протоколами и др. документами, свидетельствующими о довольно широком распространении савинковской организации главным образом в военных учреждениях и штабах Кр. Армии, начиная с уездных военкоматов и кончая губернскими и высшими штабами полевых войск.

30 июня 1921 г.

*Помначособотдела ВЧК
Артузов (личная подпись)*

РГВА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–4.

МАНДАТ

особоуполномоченному ОО ВЧК А.Х. Артузову
от 9 июля 1920 года

Управ. делами 9 июля 1920 г.

*Секретно
Действительно
по 8 августа 1920 года*

Предъявитель сего Особоуполномоченный Особого отдела ВЧК тов. АРТУЗОВ Артур Христофорович командирован на Западный фронт для прохождения следствия по делу польского [неразборчиво].

Тов. АРТУЗОВ имеет право сношения ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ШИФРОМ и право пользования всеми средствами передвижения, не исключая и воинских поездов, экстренных и резервных паровозов.

Все [неразборчиво] учреждения, особые Отделы и ЧК обязаны оказывать тов. АРТУЗОВУ самое широкое содействие при исполнении возложенных на него служебных обязанностей.

*Зам. председателя Особого отдела ВЧК (подпись)
Управляющий делами Особого отдела ВЧК (подпись)*

Архив УФСБ по Омской обл. Личное дело А.Х. Артузова. Л. 18.

ПИСЬМО

начальника Особого отдела Западного фронта
Ф.Д. Медведя председателю ВЧК Ф.Э. Дзержинскому
от 20 ноября 1920 года

Дорогой т. Дзержинский!

Пишу к Вам по следующему вопросу. Во время моей поездки в Москву 28/X–1/XI с.г. я увидел в ОО ВЧК, что Добржинский и Витковский (Марчевский) у т. Артузова являются самыми близкими людьми, для которых нет ничего секретного, теперь же от тов., приезжающих из Москвы, узнаю, что непосредственным помощником т. Артузова является Добржинский, хотя и неофициально, из телеграммы же, что Витковский – нач. 3-го специального от[деле-ния]. Я знаю, что т. Артузов им безгранично верит – это хорошо для частных, личных отношений, но когда их посвящают во все тайны работы, когда они работают в самом центре ОО ВЧК, то это может иметь плохие последствия для нас. Это я пишу потому, что никогда не доверил бы им подобной руководящей работы, хотя бы они были и гениальными особистами. Мое недоверие к ним основано на следующем: они молоды, вели ответственную работу у белополяков и слишком скоро перешли на нашу сторону (после ареста) и стали убежденными коммунистами – это одно, а другое – то, что в Вильне они не дали ни одного дела (за исключением расстрела двух простых пленных), не позволили даже трогать тех из ПОВ, кто там находился (после отъезда т. Артузова из Вильно они увезли все материалы в Минск). То же и в Минске – операция, которая была там проведена, была начата ОО Запфронта, и только после арестов особотдела они начали говорить об этом деле Артузову, что было в высшей степени подозрительным, об этом можно узнать у т. Апетера, свои сомнения я высказал т. Артузову в Минске. Часть лиц и квартир по этому делу, независимо от особотдела, была под наблюдением Минчека. Дело взял в свои руки т. Артузов, а значит, и они. Результаты были незначительны.

Если говорить, что они дали, то, по моему мнению, очень мало, расстрелянный Блох – почти без материала, а с Тайшерской тоже не очень ясная история для меня. Пойман Борейко – насколько я знаю, совершенно без их помощи и случайно.

Возможно, что я знаю мало о их работе, но, по всем данным, главная их заслуга – это воззвание, подписанное Добржинским и др. Во всяком случае ставить их чуть ли не во главе особотде-

ла – это рискованно. Для примера: если бы какой-нибудь руководитель французской контрразведки в России после ареста назвал бы себя коммунистом, выдал бы несколько рядовых шпионов, а может быть, и одного ответственного, думаю, что не поставили бы его на такую работу, как Добржинского.

Здесь, несомненно, с этой компанией произошло следующее: думали использовать их как орудие для раскрытия наших врагов в России, использовать их для разложения в рядах противника, а вышло наоборот – они становятся руководителями нашей работы благодаря тому, что к ним привыкли, сжились с ними и им доверяют т. Артузов.

Т. Дзержинский! Я пишу беспорядочно, спешу послать с Верховским, но не могу молчать, не сообщив Вам, когда у меня явились подозрения в их честности, преданности нашему делу, считаю, что в России еще можно найти способных, но и надежных товарищей для руководства нашей работой.

При личном свидании, может быть, выскажусь яснее, я боюсь, что они водят т. Артузова за нос.

*С товарищ. приветом (неразборчиво)
Г. Смоленск 20/XI-20 г.*

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 116. Л. 2–3.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

**бывшего офицера II отдела Главного командования
польской армии начальника информационно-
разведывательного бюро по Советской России
поручика Добжиньского*
к офицерам и солдатам польской армии
о переходе группы членов ПОВ
на сторону Советской власти**

1920 г., июля 18, Москва

Товарищи и коллеги!

В момент, когда каждый из нас решает, на какую сторону баррикады он должен стать – победить с побеждающей мировой революцией или бесславно погибнуть вместе с разваливающимся старым миром, в момент принятия безвозвратного и окончательного решения я хочу и я обязан обратиться к вам в этом письме с суровым солдатским словом.

Я приобрел на это право, будучи еще столь недавно с вами, обманываемый, как и вы, словами «отечество», «независимость», «свобода и счастье народа», этими лозунгами, действительным значением которых было и есть: «прибыль», «капиталистическая эксплуатация трудящихся масс», «ложь», «нищета и темнота». Я вправе и я обязан немедленно после свободного и решительного перехода на сторону революционной борьбы известить об этом вас и самые широкие слои нашего народа, позорно обманутого и хладнокровно проданного отечественной буржуазией. Я хочу и я должен рассказать вам обо всем, что со мной произошло, ибо моя история – ваша история: тысяч из вас рано или поздно ждут такие, как и у меня, переживания, и уже сегодня вы стоите перед необходимостью избрать место в последнем бою классов и их миров.

Наши воспитатели, едва мы начали чувствовать и думать, старательно взращивали в нас беспредметный романтизм, оглушали нас патриотическими возгласами, замыкали сердца в стальные камеры, чтобы они не услышали биения жизни, остались глухи к борьбе труда с капиталом, борьбе все созидающих бедняков с горстью бездушных угнетателей.

* И. Добжинского. В документах встречается и такое написание его фамилии.

Затем они блестяще использовали наши юношеские порывы и энергию для достижения эгоистических целей этой кучки и заперли нас в тесной клетке – Польше гнета и грязи, Польше, которая является орудием в руках подлых и хладнокровных международных заговорщиков.

Я хорошо знаю, как многих из вас, истинных революционеров, неотступно мучила внутренняя борьба, как вы страдали от всего, что видели вокруг себя, не находя решения или не имея мужества его принять, как многие из вас стараются погибнуть и гибнут от неприятельских пуль или пресекают внутреннюю борьбу пульей самоубийства (недавно – подпоручик Владислав Грабовский в Гродно и Ванда Шафирувна-Керска в Сувалках). Мой личный разрыв с внушенной воспитанием романтической идеологией, со слепым преклонением перед Пилсудским и слепой верой в его непогрешимость начался с момента, когда по самому характеру своей работы, как начальник политической разведки в революционной России, я столкнулся с рядом лживых утверждений и провокаций, которые может породить только бешенство погибающего мира международной буржуазии. Постепенно приближаясь к самым истокам революции, сути программы и тактики этих «страшных большевиков», одновременно видя все недостатки и недочеты и давая себе ясный отчет в размахе и мощи той сверхчеловеческой борьбы, которую они ведут со всем миром, я пришел к убеждению, что дальше по пути борьбы с ними я не хочу и не в силах идти.

Вскоре после этого настал момент, когда я сказал себе, что я должен умереть или победить под их знаменами. К этим людям, на борьбу против которых меня послали на самом важном для их врагов участке, я пошел в то время, когда им было еще тяжело, когда они еще переживали небывалые трудности на фронтах и внутри страны. Знаю хорошо, что масса верных слуг буржуазии откликнется на это письмо по меньшей мере утверждением, будто, пойманный с поличным, я просто хочу спасти свою жизнь, или, что еще проще, будто я продался за «большевистское золото». Полагаю, что перед теми, кто хоть немного меня знает, мне нет необходимости опровергать такие обвинения. Для остальных будет достаточно того факта, что вместе со мной открыто и добровольно отказались от работы против революции все мои идейные сотрудники, присланные в Россию из Польши, от офицеров до курьерш, и большинство из них уже прочно стоит вместе со мной в революционных рядах, в труде и борьбе, другие же после добровольного акта отказа от борьбы, отдавшись в руки властей, еще не считают возмож-

ным перейти к действию. Свободные и никем не понуждаемые, они находятся в состоянии работы над собой, внутреннего перелома, учебы. Ясно, что рано или поздно они пойдут с нами.

Ввиду этого я полагаю, что трудно будет обвинять нас в «обыкновенной “шпионской измене”» или в чем-либо подобном.

Все мы горячо желаем не быть с вами, товарищи и коллеги, в противоположных лагерях; мы желаем, чтобы происшедшие в нас глубокие изменения быстро и полно произошли бы и с вами; мы хотим хоть чем-нибудь помочь вам в борьбе с самими собою и средой. Это единственная цель моего письма.

И с этой целью я хочу уже теперь ясно и с полным сознанием ответственности за свои действия отметить некоторые обстоятельства, которые чаще всего преподносятся вам для того, чтобы исключить всякое иное отношение к «русскому большевизму», кроме ненависти, презрения и страха, и вместе с тем это будет определенным выражением нашей новой веры и нашего положения.

Советскую Россию с ее коммунистическим правительством, с ее Красной Армией мы считаем великим и могущественным центром мировой социальной революции, пришествие и победа которой не подлежат никакому сомнению и которая является неперенным порождением экономических и политических условий, возникших в результате последней капиталистической войны. И наглой ложью международной буржуазии являются всякие измышления о русской революции как о силе, связанной в своих целях и средствах с империалистическими намерениями Германии и царской России, и такой же ложью является утверждение, будто большевики хотят соединиться с империалистической Германией, чтобы первым делом уничтожить Польшу и ударить на Запад. Русская революция заключила братский союз единственно с германскими коммунистами, те же ничем и никогда не будут угрожать существованию, независимости и развитию Польши.

Это ложь, будто Красная Армия напала на Польшу, чтобы, как прежняя царская армия, вновь заковать в кандалы польский народ и Польское государство. Напротив, это неопровержимая истина, что Красная Армия подверглась с нашей стороны – со стороны польской армии, позорно обманутой и проданной французско-американским банкирам, – предательскому нападению по всему фронту. Ложью и обманом, базирующимися исключительно на классовой ненависти, является утверждение, будто социалистический строй вообще, а следовательно, основы государственного строя Советской России, знаменует разорение, голод, нравственное вырождение, экономи-

ческие и культурные бедствия. Наоборот, коммунистический строй, предоставленный сам себе хотя бы на короткое время, свободный от атак со стороны всего капиталистического мира, быстро поднимет всякое государство до более высокого уровня всестороннего благосостояния, чем был до войны при господстве капитализма. Лучшим примером служит именно Советская Россия, которая в начале этого года, окрыленная одной надеждой на прорыв блокады и мир с Западом, начала неимоверно быстро восстанавливать все отрасли социальной и экономической жизни.

Я подробно доносил об этом, исполняя свои служебные обязанности. И, может быть, именно это послужило толчком к тому, что мировой капитализм решил окончательно раздавить Советскую Россию.

Неверно, будто Красной Армией командуют царские генералы, Брусилев и другие, желая раздавить Польшу или надеясь после победы на Западе повернуть армию против большевиков и сделаться властелинами объединенной Российской империи. Красной Армией полностью руководят безупречные коммунисты. Брусилев и другие привлекаются к работе только как военные специалисты и советчики. К тому же за этими генералами смотрят настолько тщательно, что ни одному из них не придут на ум планы измены или мести, впрочем, неосуществимые ввиду общих условий. Всякий солдат Красной Армии знает и понимает, что его многолетняя страда окончится в тот момент, когда Польшей перестанут править спекулянты и жандармы, когда Польша перестанет быть в руках кучки банкиров из Лиги Наций орудием удушения революции.

Свободе и независимости Польши, развитию ее национальной культуры и производительных сил не только не угрожает со стороны Советской России гибель, но как раз наоборот: действительная свобода и независимость трудящихся масс, всесторонний расцвет и могущество революционной Польши равным образом необходимы для Советской России, как и для мировой революции.

Польша должна стать пролетарской, и как таковая она будет свободной, великой и могущественной.

Все, кто не может или не хочет понять этой истины, являются непримиримыми врагами как революции, так и Польши. С ними мы будем бороться со всею беспощадностью и сметем их со своего пути. Те, кто вовремя поймет, что ход этой революции целиком зависит от того, в какие ряды они вольются, с которой стороны баррикады они станут, пусть скорей освобождаются из уз сентиментализма и романтизма и идут к нам и с нами.

Я кончаю это письмо к вам, товарищи и коллеги, напомним, что самые могучие революционные бури происходят в душах человеческих. Революция порождает идеи, а человеческая воля и кровавая борьба воплощают их в жизнь.

В ожидании того времени, когда остальные из тех, кто вместе со мной перешел на сторону революции, смогут тем или иным образом снестись с вами, все мы шлем вам искренний солдатский привет.

*Игнацы Добжиньский
(бывший) пор[учик] Разведывательного бюро
II Главного командования польской армии)*

POW po stronie rewoucji. Warszawa, 1921. Str. 10–16.

ПОВ НА СТОРОНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Издание Группы революционной молодежи. Варшава, 1921 год

Вы что сделали во имя Польши?

Делая доступными широким кругам читателей два документа: «Открытое письмо к товарищам по работе в ПОВ Игнатия Добжиньского», а также «Письмо девяти членов ПОВ в Советской России», — мы хотим дать к ним некоторые объяснения.

Мы живем в очень знаменательное время. Время это, как каждая эпоха в истории, должно иметь какой-то простой и ясный смысл, руководить им должна, несмотря на кажущийся хаос, какая-то простая и ясная мысль. Должно существовать какое-то простое выражение, какой-то великий лозунг, сжатая формула, в которую можно заключить то, что вокруг нас происходит.

Каким является это выражение, этот лозунг, эта формула?

Вслушаемся в то, что отвечают на этот вопрос у нас в Польше так называемое общественное мнение, писатели, публицисты, польские политики, вся польская пресса от «Двугрошовки» до «Работника». Для всех нас глубокий смысл настоящего исторического периода, периода Великой мировой войны и серьезных исторических потрясений заключается в создании ряда новых и в восстановлении национальных государств, и в первую очередь независимого польского государства.

Об этом будет идти речь ниже.

Для достижения этой цели погибло на поле брани десять миллионов человек. Ради этой цели было уничтожено все, что было создано созидательным трудом поколений. Ради этой цели весь мир охвачен неслыханным в истории кризисом. В сущности, польское общественное мнение вынашивает мысль не вообще о строительстве национальных государств, а речь идет о создании великого объединенного польского государства, шестом или пятом государстве в Европе. О других государствах, возникших в результате или последствий войны, как и Польша, — Чехословакии, Югославии, Эстонии, Латвии, Литвы и т.д., — говорится с пренебрежением и нежеланием, как о каком-то зле, которое нужно так или иначе разрешить.

Достаточно сформулировать нашу собственную концепцию современного исторического периода, чтобы сразу понять, какой

ужасной фальшивкой она является. Она не является той великой и простой правдой, той ведущей мыслью, той руководящей идеей, которая призвана руководить современной эпохой.

Мировая война никогда не была – вопреки тому, что говорили Вильгельм и его союзники, активисты и полуактивисты поляки, вопреки тому, что провозглашали Вильсон, Николай, Клеменсо и их союзники – «привислянцы» – войной за освобождение малых и средних народов. Это был бой между хищниками империализма за то, кто из них должен господствовать над всеми народами на земном шаре. Это была чудовищная попытка решить мечом вопрос, как преобразить все человечество, все государства и народы в одну великую организацию эксплуатации в пользу всемогущего капитала. Создание победителями дюжины или двух новых менее или более народных т. наз. независимых государств было единственным усилием, которое должно было облегчить самым сильным среди участников коалиции эксплуатацию территорий, занятых ими, и покорение народов, проживающих на данных территориях.

Но непосредственно результаты войны показали и все убедительней показывают, что империализм не в состоянии разрешить задач, какие он перед собой поставил. Война не только не заложила фундамента экономического, общественного и национального строительства на широких и постоянных основах, но, наоборот, выявила всю беспомощность и банкротство капитализма, вызвала кризисы и потрясения, развязала силы, которые несут смерть самой основе капиталистического общества.

Минуло более двух лет с момента окончания Великой войны.

В лагере победителей все ширятся разногласия как по экономическим, так и по политическим вопросам. С каждым месяцем растут и осложняются отношения, связанные с реализацией трофеев. Призрак новых империалистических войн продолжает угрожать миру.

Одновременно во всемирном масштабе разжигается другая война. Война между трудящимися массами и существующими правителями – защитниками преступников и банкиров. Война между эксплуататорами, стремящимися к прибылям, к укреплению, расширению и увековечиванию рабства, и угнетенными, стремящимися создать жизнь на новых основах. Война между теми, которых история выдвинула возродить человечество для бурной и высшей жизни, и теми, кто пролил для своих эгоистических целей океан человеческой крови и которые не отступают ни перед каким преступлением для восстановления своего господства. Разжигается

во всех странах и на всех континентах международная социальная революция.

Вот это глубокое содержание исторического периода, его простая и ясная формула.

Знаменем этой революции является коммунизм, принцип совместного владения всем обществом средствами производства и обмена. Путь этот ведет к гражданской войне, к вооруженному столкновению между бойцами нового порядка и защитниками старого и к победе. Формой осуществления задач революции является диктатура пролетариата, правительство рабочего класса, призванного к строительству новой жизни.

Процесс революции охватил уже сегодня все страны. В зависимости от общественной структуры, исторических условий страны, от силы революционной прослойки, а также силы и опоры контрреволюционной прослойки, победа революции в различных странах будет происходить в разные периоды, их роль в процессе борьбы и в процессе строительства нового строя будет также не одинакова. Благодаря стечению исторических обстоятельств России выпала роль быть пионером в этой борьбе. Первой страной, в которой коммунистическая революция одержала победу над врагом. Из западных более развитых стран, Англии или Германии, Италии или Франции, которая первая свергнет в открытом бою сильно организованную и яростно защищающуюся буржуазию, выпадет главная роль в строительстве в широком масштабе и в более совершенной форме коммунистического строя.

Но участие в революции рано или поздно примут все страны, все народы, все они станут звеном великой цепи советских республик, которая опаяшет весь земной шар.

Коммунисты каждой отдельно взятой страны должны считать за честь служение самому святому делу – мировой революции, они должны идти в первых рядах, прокладывая путь к новой жизни.

Как же обстоит дело с Польшей и что с ней будет? До настоящего времени Польша не только не была проводником революции, а наоборот, она является опорой международной контрреволюции. Польский пролетариат, который в царское время, в русском государстве, являлся передовым отрядом в революционной борьбе, который в революции 1905 г. покрыл себя в боях неуязвимой славой, в настоящее время уничтоженный войной и оккупацией, рассеянный, лишенный работы, позволил черной реакции захватить власть в Польше. Разрешил сделать из Польши орудие мировой контрреволюции, главную вооруженную силу в войне с революци-

онной Россией. Разрешил националистическим авантюристам, охваченным манией величия, обращаться с населением Польши как с черными сенегалцами, которых нанимают для всех контрреволюционных дел.

Мы дожили до такого позора и бесчестия, что во всем мире Польшу считают наиболее отсталым и реакционным государством. На карте мира рядом с сияющей пурпуром Советской Россией виднеется, как черное пятно, шляхетская и лакейская Польша.

В Польше не найдется никого, кроме авангарда пролетариата, который подвергается жестоким репрессиям со стороны реакции, кому было бы стыдно, чье чело залил бы румянец, чья бы совесть взбунтовалась по поводу того, что Польша выполняет роль провокатора и палача революции и является твердыней реакции и международной контрреволюции. Никого, кто бы бросил мошенникам и негодям, правящим сегодняшней Польшей, обвиняющий вопрос: «Вы что сделали во имя Польши?».

Заслуга горсточки молодежи, членов ПОВ, посланных Пилсудским в Советскую Россию в роли «разведчиков», заключается в том, что она прозрела и отдала себе отчет в той позорной роли, какую ей приказали выполнять отравители человеческих душ, и решительно перешла на сторону революции.

Заслугой ее является то, что в простых и искренних словах она обратилась к своим товарищам в Польше, заманенным и обманутым патриотическими руководителями, объяснив мотивы своего поступка, призывая их основательно подумать над чудовищной ролью, какую навязывают Польше ее руководители.

И авторы писем имели бы право поверить тем своим старым товарищам, которые бы за их благородный и по-настоящему героический поступок хотели бы бросить в их сторону камень, [говоря] словами Мицкевича, посвященными «приятелям москалям».

ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 21–26.

ПИСЬМО

бывших членов ПОВ к своим товарищам на польской стороне

«Измена» ПОВ в Советской России

В тот момент, когда польские войска заняли Киев, когда под прикрытием польских орудий въехал туда знаменитый Петлюра, когда под влиянием нового нападения извне заново ожили надежды русской контрреволюции, когда еще раз ясно и отчетливо стали явными позор и угроза очередной попытки удушить единственное в мире революционное государство и его народ, тогда представители ПОВ – польские разведчики на территории Советской России, решительно и добровольно перешли на сторону коммунистической революции.

Тов. Добжиньский, бывший начальник разведывательной организации, в своем открытом письме, адресованном солдатам и офицерам польской армии и членам ПОВ, тут же после «перехода» сообщил вкратце польским властям и товарищам о причине и принципах, которыми он руководствовался при совершении этого шага.

Ясно, что только незначительному кругу товарищей удалось прочесть это письмо, что власти сделали все, чтобы оно не попало туда «куда не следует», чтобы оно не дошло до разума и сердец тех, которые бы его поняли и почувствовали содержащуюся в нем правду.

Поэтому сейчас от имени всех членов ПОВ из лагеря революции (а нас здесь находится довольно много) мы решили еще раз послать вам несколько слов с тем, чтобы кое-что объяснить, дополнить и исправить к нашумевшему в Польше делу «измены ПОВ в Советской России».

Письмо тов. Добжиньского, кроме некоторых основных правдивых высказываний о революционной России, об отношении ее к Польше, о революционной, пролетарской Польше, независимой и свободной, преследовало также цель открыто уведомить кого следует о переходе в другой партийный лагерь. Оно преследовало также цель избежать всевозможные недоразумения, подозрения и провокационные выступления, а также ненужную посылку людей на гибель и т.д., было также одним из формальных условий соглашения с советскими властями в момент перехода.

Появление этого письма в Польше вызвало настоящую бурю проклятий и много угроз со стороны реакционной прессы и поль-

ского общественного мнения в адрес всех членов ПОВ и других лиц, подозреваемых в своих симпатиях к социализму.

Был благоприятный случай для того, чтобы была вылита вся желчь, все существо классово-ненавистной и убежденной, было подчеркнуто все, что в основном разделяет на два лагеря, реакцию и революцию, буржуазию и пролетариат, который рано или поздно столкнется с ней в открытом последнем бою. Это придает нам уверенность и веру, что придет и уже приближается тот момент, когда под ударами революции рухнет алчный мир эксплуатации и капиталистической анархии. Члены ПОВ – коммунисты – искренне рады тому, что польская реакция их хорошо поняла и отдает себе отчет в том, что является ее настоящим врагом. Однако эти коммунисты далеки от намерения обвинять всю организацию ПОВ.

Они находились в Советской России в специфических условиях. По роду своей разведывательной работы мы присматривались ко всем сторонам жизни страны, где управляет сознательный пролетариат, управляет часто слишком неумело, допускает ошибки в деталях тактики и выполнении ее, но он всегда и везде стремится к переустройству своего собственного общества и всего человечества на новой единой основе: всеобщего общественного труда и пользования плодами своего труда. Они имели полную возможность не считать своего решительного перехода в лагерь революции за измену идеалам ПОВ, первоначальной целью которой было строительство независимой социалистической Польши.

Решающим моментом в их внутренней борьбе было то, что они окончательно убедились, что путь, по которому идет в настоящее время Польша, как буржуазное государство, никогда не приведет к достижению этой цели, что всякое соглашение и сотрудничество с народно-демократической реакцией отдаляет неминуемо нас от идеала пролетарской Польши, ослабляет ее жизненные силы, втягивает в рабскую экономическую и политическую зависимость от французского империализма, заставляет довольствоваться крохами со стола Антанты (Силезия Тишинская, Спизж, Острава).

Несчастьем для всемирной революции и для революции в Польше была и есть война, которую Советскую Россию заставили вести великие капиталистические страны, а под их влиянием и Польша, в защиту государственной независимости революционной власти.

Недаром буржуазное правительство Польши оттягивало начало мирных переговоров, спровоцировало их срыв, совершило нападение на самом важном для Советской России направлении – Украину. Ничто не могло принести большего вреда революции в Польше,

чем последняя война. С одной стороны, борьба на фронте дала возможность оттянуть и сократить всевозможные революционные проявления в стране. С другой стороны, русские рабочие, доведенные до последнего предела отчаяния коварной разбойничьей политикой Польши, ударили по ней с гневной силой и мстостью за то, что она стала новой страшной угрозой в самый ответственный момент сверхчеловеческого напряжения мирной работы по строительству нового общества, по залечиванию тяжелых ран, которые когда-либо видело человечество.

Поход красных войск на Польшу был действительно стихийным движением масс, доведенных до последнего предела отчаяния трехлетним голодом, пролитием крови и новой нависшей опасностью. Он также стал настоящим несчастьем для революции в Польше. Его прекрасно использовали буржуазия, националистические и клерикальные элементы. Неудачу дополнило поражение Красной Армии, которая при отступлении была оторвана от своих оперативных баз и иногда помимо своей воли причиняла ущерб крестьянскому населению. Мы отдаем себе отчет в том, что для общего дела, для дела рабочей революции и общественного переворота, придерживаясь всех условий и взглядов, самой страшной является война, часто независимо от ее хода и результатов. Революция всегда боролась за мир, и для нее является огромной и достаточной победой неподвижность внешних неприятельских сил, завоевание уверенности, что хотя бы на некоторое время можно будет использовать войска для созидательной работы внутри страны. Не подлежит никакому сомнению то, что в настоящее время, после заключения мира, наступит для Польши [период] борьбы и революционного переворота. Этот период наступит и без вмешательства большевиков во внутренние дела польской буржуазии. Внешняя операция будет совершенно не нужной, так как именно те внутренние условия, предоставленные самим себе и свободные от искусственного и вызванного обманом путем страха перед «азиатскими ордами», от которых нужно защищать мнимую независимость, толкнув рабочие массы и настроенную в пролетарском духе интеллигенцию к активному выходу на путь международной революции.

Именно мы, коммунисты, знаем лучше всего, что революцию нельзя вызвать никакой специальной агитацией, что к ней ведут исторические условия и общее стечение событий. Агитировать за нас будут массы безработных, наглость фабрикантов и помещиков, долги, выплачиваемые в фунтах стерлингов, долларах и франках, фамилии банкиров, князей и царско-австрийских генералов в пра-

вительстве и сейме, наконец, хаос, безволие и измена руководителей соглашательско-патриотичного социализма. Огонь бунта будут разжигать фантастические дикреты Антанты об отрыве от «независимой Польши» земель, на которых проживает коренное польское население, и пример революционной России, которая, истощенная и слабая, будет смеяться над американским бизнесом, французской биржей и холодной яростью английских лордов, прочно строя благосостояние и культуру трудящихся масс.

Мы действительно счастливы, что судьба позволила нам уже теперь вести работу для революции в самом большом и удивительном государстве международного пролетариата. В каждом иностранном государстве мы видели свое собственное государство. Чем искренней и яростней ненавидят нас руководители враждебных лагерей, тем больше мы находим среди рядовых людей в этих лагерях товарищей и братьев по крови. В каждой армии мы располагаем собственными военными силами, на которые всегда можем рассчитывать. Борьбу за нашу идею мы ведем силами неприятельских войск. Развитие событий, усилия масс и отдельных личностей способствуют нам – можно сказать, что время работает на нас.

Мы уверены в нашей окончательной победе, так как это является нашим правом и необходимостью. Каждая вооруженная борьба с нами является в действительности напрасным и беспомощным усилием. Нас никогда не интересовал вопрос границ, рынка или слитков золота, так как именно мы стремимся к ликвидации власти и денег. Силы наши в общем международном масштабе с каждым днем растут и увеличиваются. К нам идут лучшие люди со всех концов мира и со всех стран, вырываясь из-под ярма темноты и предрассудков, просыпаясь к созидательной жизни.

Друзья и товарищи! Эти наши слова не считайте за коварную агитацию, потому что вас научили так смотреть на каждое слово, исходящее из «большевистского рая». В этих словах заключается наше горячее желание поговорить с вами на языке, на котором мы разговаривали с вами раньше – в школе, на наших собраниях, в поле и в окопах – в скаутской и солдатской форме.

Мы верим, что лучшие и более стойкие из вас перейдут в лагерь пролетарской революции, проведут те пути, по которым мы должны были пойти сами.

Мы не хотим никакими словами и уговорами звать вас к немедленному переходу на нашу сторону. Из собственного тяжелого опыта мы знаем, как трудно порвать с внушенными с детства понятиями, как до глубины души восстает и вздрагивает свое собствен-

ное «я» перед необдуманно и несправедливо брошенным словом «предатель».

Мы будем довольны, если наш поступок послужит для вас призывом к более внимательному, беспристрастному и реальному изучению окружающей вас действительности.

Мы также хотели бы, чтобы в широких общественных кругах рассеялись бы предположения в отношении нашей «измены», что она якобы была совершена под влиянием какого-то страха, перекупки нас большевиками, а также сомнения в искренности наших заявлений.

Ставим вас в известность, как организацию, о случае посылки Главным Командованием Войска Польского в Россию людей с заданием убить из нашей группы несколько товарищей (Добжиньского). Мы считаем, что таким путем нельзя разрешить такие дела. Главное Командование поставило себя в смешное положение и было разочаровано тем, что в числе посланных (группа Борейко, Пухальского, Свяцкого) оказались наши искренние товарищи, которые не преминули сообщить о грозящей нам опасности и перешли в наш лагерь.

Все это подтверждает нашу веру и придает нам бодрость в сверхчеловеческом усилии в свержении капиталистического строя во всех странах.

Да здравствует независимая Польская Республика Советов!

Да здравствует объединенное усилие революционной польской молодежи!

*От имени членов ПОВ в Советской России:
Виктор ВИТКОВСКИЙ-МАРЧЕВСКИЙ,
Игнатий ДОБЖИНЬСКИЙ (Свеш),
Виктор СТЕЦКЕВИЧ (Вик),
Юна СИНРЕР-ПШЕПИЛИНСКАЯ,
Ирена ЗАТОРСКАЯ,
Кароль РОЛЛЕР-ЧИЛЛОК,
Мария НАВРОЦКАЯ-НЕДЗВЯЛОВСКАЯ,
Е. ЖАРСКИЙ, В. ГУРСКИЙ.*

ЦА ФСБ РФ. АУД Р-8470. Т. 3. Л. 33–38.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ЗАПИСКА

**реферата «Восток» 2-го отдела ГШ Польши
в адрес начальника отдела относительно удвоения
разведывательной сети посредством привлечения
организации «М» для разведки дислокации войск
в Советской России от 17 марта 1924 года**

В связи с создавшейся потребностью отслеживания дислокации советской армии и сложности охвата всех военных округов силами собственных разведывательных резидентур возникла необходимость более активного использования организации «М», которая в этом отношении должна давать больше результатов, чем прежде.

Организация «М», как следует из ее перехваченной нами тайной корреспонденции, старается любой ценой удержать контакт с Отделом II ГШ, – хотя и не может, судя по всему, все время доставать такие документы, которые отображали бы организацию русской армии в целом; например, проблемы, касающиеся пополнения армии добровольцами, никогда не будут освещаться в них (документах) всецело, подобно тому, как эта система могла действовать в старой – царской армии.

Поэтому такие вопросы, как получение данных о дислокации, транспортировке, концентрации войск, могут быть решены только в качестве единовременного результата анализа военно-политических концепций, рассчитанных на конкретный период; поэтому же, с учетом того, что сбор и передача подобного рода данных польскому ГШ не представляет для организации какой-либо опасности, все они (вышеозначенные вопросы) могут быть сведены в одну директиву.

В принципе сегодня разведка дислокации [частей РККА] уже проводится организацией «М». Задание на [более активное] проведение этого типа разведки может быть выдано организации «М» под предлогом необходимости убедиться в надежном положении и силе организации.

Практическое ведение [разведки] представляется следующим:

1) вопрос в целом будет согласован рефератом «Б» непосредственно со связником организации «М» паном Алекс[андровичем] в Варшаве главным образом директивным путем;

2) работа в целом, включая постановку соответствующих задач, будет сосредоточена в руках руководителя резидентуры, который уже на этих днях выезжает в Москву;

3) организация «М» должна иметь в каждом штабе округа и при каждой части своих людей, используемых в качестве активных корреспондентов-осведомителей, освещающих внутреннюю жизнь данной части.

В целом создаваемая сеть должна быть накрепко («железно») [привязана] к окружным частям и соединениям либо эвентуально приспособлена к системе, принятой в организации, с тем, однако же, условием, чтобы ни одна боевая часть не была обойдена вниманием.

Руководитель разведывательной резидентуры в Москве, устанавливая контакт только с одним представителем этой организации, будет покрывать всякий раз лишь расходы на установление связи и на телеграммы. Количество и номера тех частей, которые надлежит взять под наблюдение, будут систематически передаваться организации – согласно их привязке к военным округам, без учета того, имеет ли там наша разведка своих резидентов или нет; поэтому с той целью, чтобы не раскрывать [наших] важных планов и существующих контактов, надо иметь сдвоенную разведывательную сеть, действующую в отношении частей и соединений [РККА], наиболее важных и нас непосредственно интересующих.

Требование от организации «М» о проведении такого рода разведки не нуждается в каких-либо специальных обоснованиях, ибо это вполне обусловлено дальнейшим ходом работы, уже начатой ранее, а также необходимостью выполнения уже взятых на себя обязательств.

Руководитель разведывательной резидентуры в Москве потребует от представителя организации «М» взять под наблюдение части следующих военных округов:

1) Московский:	МОСКВА:	14 стрелк. д. (регул.) 14 стрелк. д. (ополч.) 1-я кав. бригада
	ТВЕРЬ:	48 стрелк. д. (регул.) 48 стрелк. д. (ополч.)
	ЯРОСЛАВЛЬ:	18 стрелк. д. (ополч.)
	НИЖ.-НОВГОРОД:	17 стрелк. д. (регул.) 17 стрелк. д. (ополч.)
	РЯЗАНЬ:	
	КАЛУГА:	81 стрелк. д. (ополч.)
	ТУЛА:	84 стрелк. д. (ополч.)

	ОРЕЛ:	6 стрелк. д. (ополч.)
	КУРСК:	6 стрелк. д. (ополч.)
	ВОРОНЕЖ-ТАМБОВ:	19 стрелк. д. (ополч.)
2) Петроградский:	ПЕТРОГРАД:	16 стрелк. д. (регул.) 11 стрелк. д. (регул.) 10 стрелк. д. (ополч.) 20 стрелк. д. (ополч.) 17 кав. бригада
	НОВГОРОД-ПСКОВ:	56 стрелк. д. (регул.)
	СТАРАЯ РУЗА:	56 стрелк. д. (регул.)
3) Западный:	СМОЛЕНСК:	27 стрелк. д. (регул.)
	ВЯЗЬМА:	29 стрелк. д. (регул.)
	ВИТЕБСК-ПОЛОЦК:	5 стрелк. д. (регул.)
	БОРИСОВ:	2 стрелк. д. (ополч.)
	МИНСК:	7 кав. д.
	МОГИЛЕВ:	IV кав. бриг.
	БОБРУЙСК:	4 стрелк. д. (регул.)
	РОГАЧЕВ:	6 стрелк. д. (регул.)
	ГОМЕЛЬ:	6 кав. д.
4) Приволжский:	КАЗАНЬ:	1 стрелк. д. (регул.)
	СЫЗРАНЬ:	III кав. бриг.
	САМАРА:	34 стрелк. д. (ополч.)
	САРАТОВ:	32 стрелк. д. (ополч.)
	ЦАРИЦЫН:	33 стрелк. д. (регул.)
	ПЕРМЬ:	37 стрелк. д. (ополч.)
5) Украинский:	ХАРЬКОВ:	23 стрелк. д. (ополч.)
	КИЕВ:	45 стрелк. д. (регул.)
	ЖИТОМИР:	44 стрелк. д. (ополч.) 44А стрелк. д. (регул.)
	БЕРДИЧЕВ:	3 кав. д.
	ИЗЯСЛАВ:	24 стрелк. д. (ополч.)
	СТАРОКОНСТАНТИНОВ:	2 кав. д.

ПЛОСКИРОВ:	24 стрелк. д. (ополч) 1 кав. д.
БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ:	45 стрелк. д. (бывш. ополч.)
ТАЛЬНОЕ:	45 стрелк. д. (регул.)
ВИННИЦА:	24 стрелк. д. (регул.)
БАР:	36 стрелк. д.
ГАЙСИН:	4 кав. д.
НОВОГЕОРГИЕВСК:	25 стрелк. д. (ополч.)
ЕЛИСАВЕТГРАД:	25 стрелк. д. (ополч.)
ОЛЬВИОПОЛЬ:	(ополч. части)
НИКОЛАЕВ-ВОЗНЕСЕНСК:	15 стрелк. д. (регул.)
ОДЕССА-ТИРАСПОЛЬ:	51 стрелк. д. (регул.)
ЕКАТЕРИНОСЛАВ-ПАВЛОГРАД:	30 стрелк. д. (ополч.)
БАХМУТ:	8 стрелк. д. (ополч.)
СИМФЕРОПОЛЬ:	8 стрелк. д. (регул.)
ЯЛТА:	3 стрелк. д. (ополч.)
б) Северо-Кавказский: РОСТОВ:	9 стрелк. д. (ополч.)
СТАВРОПОЛЬ:	2 кав. д.
МАЙКОП:	14 кав. д.
КРАСНОДАР:	22 стрелк. д. (регул.)
ВЛАДИКАВКАЗ-ГРОЗНЫЙ:	28 стрелк. д. (ополч.)
ТЕМИР-ХАН-ШУРА:	3 стрелк. д. (регул.)
КУТАИСИ:	1-й корпус
АЛЕКСАНДРОПОЛЬ-ТИФЛИС:	3 корпус
ЕРИВАН:	ориентировать
БАКУ:	3 Корпус азербайджанский

Руководитель резидентуры отдает приказ о повторном подтверждении мест дислокации уже действующих и новых командных пунктов, которые находятся на территории данного округа.

Задания для агентов и осведомителей при частях:

добывать [следующие данные]:

1) о местоположении данного соединения (командования корпуса, дивизии, кавбригады);

- 2) о ее постоянном составе;
- 3) имена высших командиров;
- 4) о местоположении более мелких подразделений – до батальона включительно;
- 5) либо дивизионная кавалерия придана данному соединению, либо действует самостоятельно;
- 6) либо артиллерия придана определенной части [или соединению], либо также действует отдельно;
- 7) какова система расквартирования, каковы условия жизни [военнослужащих].

При каждой вышеуказанной части надлежит точно и постоянно проводить регистрацию, немедленно уведомляя Центр по телеграфу о всех происходящих в ней переменах, о времени и цели отбытия [войск], месте назначения или о прибытии новых частей, – [посылать в Центр информацию] вплоть до сведений об их постоянном или временном составе на территории данного военного округа (например, при отбытии на учебные маневры и т.д.).

Способ передачи сведений: агенты или же осведомители организации «М», действующие при воинских частях и соединениях, о каждой перемене [ситуации] докладывают руководителям организации «М», которые в свою очередь передают эти сведения руководителю резидентуры.

Сведения, доставляемые организацией «М», должны быть систематическими (ежедневными) и отображающими любые изменения в дислокации войск.

Руководитель основной разведывательной резидентуры ставит задания руководителям организации «М» в зависимости от нужд и запросов, получаемых из Центра.

Упор, который делается на актуальности изменения положения в области разведки дислокации советских войск, поддерживаю! – думаю, это весьма своевременно.

Согласие. Инструкция точно трактует корпус дополнительных требований. В принципе, орг. «М» раньше также доставляла документы, которые можно определить как [документы] особой важности. Согласен с более активным задействованием орг. «М».

Подпись (неразборчива).

ПРОТОКОЛ

Оперативного совещания Полномочных Представителей ОГПУ

8 июля 1926 года

Сов. секретно

Присутствовали: т.т. Менжинский, Ягода, Трилиссер, Павлуновский, Балицкий, Кауль, Пиляр, Салынь, Артузов, Дерibas, Ольский, Лепин и Алексеев.

Председатель: тов. ЯГОДА

Слушали: 1. Проект резолюции, разработанный Комиссией ПП.

Постановили: принять в окончательной редакции следующее:

1. Сконцентрировать работу по Польше и национальным меньшинствам Польши и СССР, связанным с Польшей, в органах КРО в центре и на местах.

Примечание: эта работа проводится КРО в тесном сотрудничестве с СО, руководство по делам религиозных течений и национальных партий Украины и Белоруссии остается в ведении СО.

2. Усилить 3-е польское отделение КРО ОГПУ, для чего немедленно пополнить таковое 4-мя толковыми оперативниками, политически грамотными работниками, с целью обеспечить руководство и постановку работы по польшпионажу, диверсии украинским, белорусским и др. связанным с Польшей кругам. На 3-е отд. возложить проработку всех материалов, получаемых как от нашей агентуры, так и от Разведупра, НКВД, Польбюро, просмотра печати и проч., а также составление докладов и сводок по Польше.

3. В ближайшее время проверить работу (там, где нужно усилить) в следующих пунктах: Харьков, Киев, Одесса, Житомир, Винница, Каменец-Подольск, Минск, Смоленск, Гомель, Витебск, Полоцк, Псков, Ленинград, а также аппараты КРО СКВО и Закчека.

Для усиления аппарата КРО Украины командировать одного толкового уполномоченного, знающего польский вопрос и язык, и усилить аппарат КРО, предоставив дополнительных две штатных должности.

4. Подтвердить задания Западной Украине. Добиться реально-качественного и количественного усиления агентуры, освещающей и разрабатывающей:

а) приграничные пункты и переправы 2-го отдела и аппараты Виленской и Львовской экспозитур, румынских разведывательных органов;

б) работу староств (политической полиции);

в) бандитские группировки, как существующие, так и распущенные, и особенно украинские и белорусские организации, ориентирующиеся на Польшу;

г) организации Пилсудского, проводящие польскую экспансию на Восток, типа ПОВ (страж Кресова [неразборчиво] и т.д.), расположенные на территории польской части Белоруссии и Украины, а также освещение соответствующих руководящих работой на СССР аппаратов католического костела;

д) усилить закордонную работу по всем остальным приграничным округам, в частности Ленинграду, на Эстонию, Латвию и Финляндию.

5. Предложить ПП Закчека и СКВО по своей линии усилить агентурную работу, освещающую закордонные центры и соответствующие организации и группы на нашей территории. Усилить работу по разложению эмиграции.

6. Усилить работу по Турции, Персии и специально по английской и немецкой разведкам.

7. Проверить и ускорить выполнение решений совещания по казачьему вопросу, а также срочно проверить выполнение директив КРО по части активных белых и казаков.

8. Ускорить проведение приказов ОГПУ о чистке пограничной полосы и районов расположения важнейших заводов, складов, государственных хранилищ и сооружений, имеющих значение для обороны от перебежчиков и ненадежных элементов:

а) поручить КРО срочно выработать инструкцию о порядке проведения в жизнь приказа ОГПУ о максимальном сокращении пропуска через границу перебежчиков (просить т. Дзержинского провести это решение через ЦК ВКП[б]);

б) прекратить выдачу разрешений на возвращение участникам бывш. Карельской авантюры и эмигрантам из Карелии. Это положение распространить на бывш. Ингерманландию. Вопрос этот согласовать с Кар.Циком;

в) рассмотреть учет участников бывш. банд, создать их агентурное освещение, произвести изъятие более опасных элементов.

9. ТО ОГПУ немедленно приступить к проверке личного состава Белорусско-Балтийской, Юго-Западной и Северо-Запад. ж.д., планомерно проводя чистку и плановую переброску неблагонадежного элемента, в первую очередь в пограничной зоне.

Считать необходимым организацию и расширение оперативно-агентурной работы транспортных органов ОГПУ.

Поставить вопрос о реорганизации охраны НКПС.

10. КРО округов более широко использовать аппарат пограничной охраны для борьбы со шпионажем [и] диверсией, в частности срочно проверить готовность и приспособленность маневренных групп для борьбы с прорывами банд.

Ударные группы по борьбе с диверсионным бандитизмом на Украине – сохранить.

11. Подтвердить необходимость продолжения решительной борьбы с контрабандистами-профессионалами, добившись от соответствующих инстанций решения о конфискации имущества контрабандистов и выселения их семей из погранполосы.

Предложить ГПУ Украины и Белоруссии войти с предложением в их ЦК о необходимости распределения имущества и земель, конфискованных у профессионалов-контрабандистов и бандитов, среди местного населения.

12. Аппаратам КРО и ОО постоянно проверять, привлекая для этой работы аппараты ЭКО, ТО и ИНФО, бдительность, технику и надежность охраны заводов, предприятий, складов и сооружений, имеющих значение для обороны.

Признать необходимым военизацию охраны предприятий и военпрома. В связи с этим поручить всем ПП собрать сведения о количестве стрелков, необходимых для охраны, и выяснить возможность получения средств от заинтересованных предприятий на содержание охраны.

Устранить (по возможности) текучесть состава рабочих на арт. огне-взрыв. складах.

Выселить с территории огне-взрыв. складов, аэродромов, полигонов и заводов (пороховых, снарядательных, химических) посторонних лиц, не имеющих отношения к персоналу указанных предприятий.

Добиться у местных властей предоставления выселяемым помещения.

Просить Пред. ОГПУ тов. Дзержинского вопрос об увольнении с заводов и выселении перебежчиков, а также о выселении лиц, не имеющих отношения к персоналу, с территории складов и заводов провести через ЦК.

Предложить всем ПП проследить за выполнением приказа РВС о комплектовании караульных частей.

Поручить ОО составить докладную записку, обратив внимание Реввоенсовета на тяжелое положение в кар[аульных] частях, на необходимость увеличения пайка для караульных частей.

13. Предложить всем ПП наметить ряд мероприятий, имеющих особо важное политическое и хозяйственное значение в их районах, поставить вопросы перед местными партийными и советскими инстанциями, сообщив ОГПУ специальной докладной запиской об этой работе.

14. Поручить ОГПУ и Разведупру немедленно начать работу по проведению в жизнь плана подготовки к войне на основе раньше разработанного (работы комиссии 1925 г.).

Просить Пред. ОГПУ возбудить в соответствующих инстанциях ходатайство об отпуске необходимых средств.

15. Все ПП обязаны в месячный срок выработать моб[илизационный] план и представить в ОГПУ с тем, чтобы моб. план был утвержден и разослан в течение следующего месяца.

16. Увеличить КРО ОГПУ и КРО ПП средства на проведение вышеуказанной работы. Сохранить в аппаратах ПП институт практикантов. Ввести практикантов в центральных отделах ОГПУ.

17. Всемерно усилить информационно-агентурную работу в деревне, и поставить вопрос в ЦК ВКП(б) о необходимости дополнить Угол. кодекс статьей, карающей за подкуп при выборах в советы и прочие государственные и общественные организации.

18. Обратить серьезное внимание на проявление политически опасных настроений анархического и фашистского характера среди мелкобуржуазных и кулаческих кругов городской и деревенской молодежи.

ОГПУ разработать по этому вопросу подробные указания местным органам ОГПУ, положив в основу необходимость всемерного расширения и углубления агентурной работы в разных слоях антисоветской молодежи и соответствующую постановку, освещение молодежи в целом.

19. Поручить ПП в кратчайший срок составить обоснованные (фактическим материалом) докладные записки по вопросу о сепаратистских тенденциях, проявляемых как отдельными представителями, так и группами разных национальностей в республиках и отдельных районах СССР.

Указанные записки незамедлительно представить Пред. ОГПУ.

Большое внимание уделить освещению кружков ВНО, стрелковых кружков, особенно в деревне, изучая социально-политический состав лиц, группирующихся вокруг указанных кружков.

ПП в срочном порядке собрать весь материал и представить в ОГПУ докладные записки для постановки вопроса в РВС СССР о ликвидации указанных кружков в деревне.

II. По комсоставу

1. Заострить особое внимание органов ОГПУ, в частности ОО, на легальные формы группировок бывших офицеров, бывш. белых и пр. и особенно на проникновение в среду комсостава крестьянских настроений.

2. Обратить особое внимание на освещение и изучение комсостава запаса и накопление такового из категории льготников по образованию, так как сейчас не существует фактически никакого политического отбора лиц, допускаемых к испытанию на звание командира запаса.

III. По красноармейцам

1. Основной задачей является правильное освещение и изучение крестьянских настроений в армии, в особенности в территориальных частях.

2. Специальному освещению и изучению подлежит категория льготников по образованию, до сего времени разлагающе влияющая на армию.

3. Усиление наблюдения за правильным проведением дисциплин и борьба с ее извращениями.

4. Усиление и изучение красноармейских писем и должное реагирование на их содержание.

5. Усиление борьбы с злоупотреблениями и бесхозяйственностью в частях, являющимися наиболее распространенными причинами недовольства красноармейцев. Установить ответственность соответствующих начальников Особорганов за своевременное извещение о бесхозяйственности соответствующих строевых начальников и высшего Особоргана.

6. Нач[альников] ОО округов принять все меры для правильного проведения очередного призыва, обратив особое внимание на соответствующий подбор, а также мед. призывных комиссий.

IV. По материальной части

1. Совещание особо подчеркивает важность и срочность усиления нашей работы по военной промышленности. Необходимо в месячный срок проверить состояние, а где нужно усилить осведомительную сеть. Работа по военной промышленности должна проводиться по двум основным направлениям:

- а) изучение и освещение состояния производства;
- б) личный состав.

Работа особых отделов в этой части должна быть тесно увязана с другими заинтересованными отделами (ЭКО и ИНФО). Округам специальными докладами ежемесячно освещать состояние военной промышленности.

2. Тщательно наблюдать за осуществлением накопления мобилизационных запасов, проводя решительную борьбу с особенно распространенными в этой области злоупотреблениями, бесхозяйственностью и нераспорядительностью.

3. Усилить освещение состояния мобилизационной работы гражданских наркоматов.

По личному составу

1. Совещание ПП считает, что дальнейшее сокращение нашего аппарата или уменьшение средств равносильно срыву намеченной работы.

2. Совещание считает необходимым поставить вопрос в соответствующих партийных и советских инстанциях о необходимости фактического уравнивания в правовом и материальном положении сотрудников ОГПУ с военнослужащими (все виды довольствия, продовольствие, вещевое, квартирное и проч. обеспечение семей и налоговые льготы.).

Адм[инистративные] орг[аны] управл[ения] на основании настоящего постановления произвести соответствующие цифровые подсчеты.

Председатель Совещания: (Ягода)

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 64–69.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)

о мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов от 28 февраля 1936 года

1. Ликвидировать легитимационную комиссию МОПР, незаконно присвоившую себе права государственного органа в деле разрешения на въезд и на предоставление права жительства в СССР иностранным гражданам, хотя бы они и были политэмигрантами.

Установить, что разрешение на въезд в СССР всем иностранцам, в том числе и политэмигрантам, их учет и определение полосы расселения производится Наркомвнуделом.

МОПР, как и всякая другая международная общественная организация, имеет право возбуждать ходатайство перед соответствующими государственными органами о разрешении приехать на постоянное или временное жительство в СССР тому или иному политэмигранту.

2. Разрешение на въезд в СССР работникам братских компартий, ИККИ, Профинтерна и ИККИ МОПРа, прибывающим на постоянную работу в СССР, выдается в каждом отдельном случае по представлению секретариата ИККИ с обязательной санкцией Секретариата ЦК ВКП(б).

3. Распространить решение ЦК ВКП(б) от 1.XII.1935 года о закрытии особых переправ по линии КПП КПЗУ и КПЗБ на все западные и ближневосточные сухопутные и морские границы и на все особые переправы ИККИ, братских компартий и других организаций. Для агентурной разведки в приграничных районах оставить только особые переправы Разведупра.

В интересах обеспечения наибольшей гарантии особых переправ Разведупра от провала обязать т. Урицкого совместно с НКВД (т. Фриновским) принять следующие меры:

а) установить такой порядок, при котором о существующей переправе могут знать не более двух человек, обслуживающих данную переправу;

б) особые переправы Разведупра должны часто меняться;

в) подбор работников на переправы производится лично начальником Разведупра т. Урицким.

4. Ввиду того, что на территории СССР скопилось большое количество политэмигрантов, часть из которых является прямыми агентами разведывательных и полицейских органов капиталисти-

ческих государств, – поручить Коминтерну совместно с НКВД в 3-х месячный срок провести полный переучет политэмигрантов, прибывших в СССР по линии МОПРа, ИККИ и Профинтерна.

Поручить комиссии в [составе] т.т. Ежова, Гая и Мануильского после окончания переучета рассмотреть списки политэмигрантов, с тем чтобы в результате просмотра были намечены и внесены на утверждение ЦК следующие меры:

а) составлен список политэмигрантов, подлежащих высылке за пределы СССР через органы НКВД, подозреваемых в шпионаже, враждебно настроенных и ведущих антисоветскую разлагающую работу;

б) список политэмигрантов, которые будут намечены для возвращения за кордон на подпольную работу по линии Коминтерна и МОПРа;

в) список политэмигрантов, которые остаются в СССР за невозможностью направить их на подпольную работу за границу (грозит смертная казнь или длительное тюремное заключение, больные, неспособные к революционной подпольной работе).

5. Признать неправильным, что при малейших преследованиях членов братских компартий за революционную деятельность в капиталистических странах Коминтерн и МОПР немедленно же переправляли всех их в СССР.

Установить в дальнейшем такой порядок, при котором члены братских компартии и других революционных организации, подвергающиеся преследованиям за участие в революционном движении, как правило, направляются ИККИ и МОПРом в эмиграцию из стран массового террора в другие страны и только в исключительных случаях (прямая угроза выдачи полиции другой страны, длительного тюремного заключения или смертной казни) – возбуждается мотивированное ходатайство ИККИ и МОПРа перед НКВД о въезде их в СССР.

Предложить Исполкому Коминтерна категорически запретить своим секциям командировать в СССР членов партии, подозреваемых в провокаторстве и связи с полицией.

6. В связи с тем, что в пограничных районах Союза осело большое количество политэмигрантов, перебежчиков и бывших секретных сотрудников Разведупра и НКВД, подозреваемых в двойничестве, связь с которыми эти органы порвали, – предложить НКВД и Разведупру в месячный срок провести переучет всех этих лиц и подозреваемых переселить в глубь страны, подальше от границ.

7. Признать неправильной установленную ИККИ практику организации на территории СССР широкой сети интернациональных школ для всех без исключения братских компартий, а также принципы комплектования этих школ.

В соответствии с этим обязать т. Мануильского в 3-х месячный срок:

а) резко сократить состав интернациональных школ на территории СССР, и в первую очередь школ, организованных отдельными секциями Коминтерна;

б) перевести часть школ на территорию капиталистических государств, где имеются все возможности для организации и нормальной работы этих школ;

в) провести проверку учащихся интернациональных школ, оставленных на территории СССР, с тем чтобы выслать за кордон всех явно подозреваемых в провокации и связи с полицией;

г) запретить впредь посылку в школы людей, подозреваемых в связи с полицией, провокацией, неустойчивых и т.п., проводимую как мера профилактики и проверки этих членов братских компартий в СССР.

8. Признать неправильным, что отдельные секции Коминтерна (латвийская, финская и др.) организовывали на территории СССР всякого рода подсобные хозяйства, целью которых является материальное обеспечение членов секций политэмигрантов, находящихся в СССР.

Обязать ИККИ в 3-х месячный срок ликвидировать все находящиеся на территории СССР подсобные хозяйственные организации секций Коминтерна, передав их соответствующим хозяйственным органам (Наркомлес, Наркомсовхозов, Промкооперации).

Расходы по содержанию секций взять на бюджет ИККИ.

9. Обязать Наркоминдел запретить полпредствам и консульствам СССР за границей выдачу местных и частных виз для въезда в СССР.

Установить, что полпредства и консульства выдают визы только после разрешения центра.

10. Ввиду того, что многие советские организации (Наркоминдел, Наркомвнешторг, Наркомздрав и др.) ходатайствуют о разрешении на остановку транзитных иностранных подданных в Москве и других городах СССР, что облегчает шпионскую деятельность иностранных разведок, запретить НКВД выдачу разрешений по ходатайствам различных организаций на остановку в СССР иностранцев-транзитников.

11. Запретить ВОКСу (т. Аросеву) приглашение в СССР из-за границы отдельных лиц и делегаций без санкции ЦК ВКП(б).

12. Поручить комиссии в составе т.т. Ежова, Мануильского и Гая приступить немедленно к проверке и очистке аппаратов международных организаций на территории СССР (Профинтерн, МОПР и др.) от чуждых, шпионских и антисоветских элементов, закончив всю проверку в 2-х месячный срок.

13. Создать при Культпросветотделе ЦК ВКП(б) сектор для культурно-массовой работы среди политэмигрантов и иностранных рабочих, находящихся в СССР.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 248. Л. 115–118. Копия. Машинопись.

Опубликовано: Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД.
Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 738–741.

* Постановление принято опросом членов Политбюро от 28.II.36 г.

** В тексте имеется машинописная помета о рассылке: «Т.т. Ежову, Ягода, Ворошилову, Урицкому (Разведупр), Фриновскому, Мануильскому – все; Стасовой – 1, 2, 4, 5, 12; Лозовскому – 2, 4, Гаю – 4, 12, Литвинову – 9, Аросеву – 11, Стецкому – 13».

ПИСЬМО

**А.Х. Артузова наркому внутренних дел СССР Н.И. Ежову
от 22 марта 1937 года**

Дорогой Николай Иванович!

Вчера мне не удалось получить второй раз слово, чтобы ответить тов. Слуцкому. Сейчас только мне стало ясно, как он, этот самый ловкий и самый умный из вчерашних генералов т. Ягоды и самый первый, кто прямо намекнул на политическую нечестность своего вчерашнего бога, – тонко подал мои ошибки.

Вот уже три месяца я очень больно переживаю провал нашей польской работы, ночами думаю о его причинах и корнях, стыжусь, что в разведке дал себя обмануть полякам, которых бил, работая в контрразведке, глубоко понял, что должен быть недоволен мною и возмущен тов. СТАЛИН, который послал меня в Разведупр – исправлять работу. Особенно тяжело сознание, что я его подвел перед военными, ведь он надеялся, что я буду сталинским глазом в Р.У.

Пока еще я не знал, почему меня сняли с Разведупра, я написал ему письмо (если разрешите, представлю копию этого письма) – отчет о моей работе там; я думал, что военные товарищи меня выперли, пользуясь тем, что Вам, занятому троцкистами, не до меня. Безуспешно я пытался тогда попасть к Вам.

После разговора с т. Фриновским я понял, какое несчастье случилось в НКВД по польской работе, понял свою ответственность, считал, что моя собственная судьба и моя работа – мелочь по сравнению со случившейся бедой, что ЦК поступил со мной чрезвычайно бережливо.

Из разговора с Вами мне было горько только одно. В том, что Вы не ответили мне на мою просьбу помочь раскрыть польский узел, проглянуло законное недоверие: Артузов постарается смазать свою вину вместо действительной чекистской помощи – подумали Вы, вероятно.

Вы не знаете еще, конечно, что завета Дзержинского – не лгать, не прятать своей вины – я никогда не нарушал. Он приучил меня к тому, что при провалах ругать нужно только за то, что не доделано, скрыто работником. Как мудрый хирург – он скальпелем своего диалектического анализа разбирает провал, а работник, у которого случился провал, помогал ему, как ассистент, знающий обстоятельства и детали болезни. Ему не боялись работники рассказывать (как Ягоде) о провалах и не боялись также идти на производствен-

ный риск в работе, особенно в вербовках, зная, что распека за неудачу его не будут.

Я надеюсь, что, узнав меня поближе, Вы будете мне верить, как верят мне все чекисты, которые меня знают.

Тов. Слуцкому я не могу не ответить, потому что он говорил как карьерист, а не как большевик:

1) действительно, на товарищеском ужине с чекистами т. СТАЛИН, поднимая тост за каждого из нас, – мне, в частности, в полушутливой форме сказал: «Ну, как, ваши источники (или как вы их называете) все вас дезинформируют?» Смутьившись от неожиданности, [я] ответил, что постараюсь избежать дезинформации.

Подробнее т. Сталин не сказал. Я и т. Слуцкий действительно решили, что, видимо, замечание относится к польской работе, именно политической информации, так как сводки Илинича координально расходились и с взглядами НКВД и особенно с взглядами зав. БМИ т. Радека, утверждавшего, что Польша идет на искреннее сближение с СССР («поворот, а не маневр в сторону СССР» – тезис Радека).

Сводки Илинича утверждали, что готовится сближение Польши с Германией, а СССР поляки стараются убаюкать просоветским маневром.

Проанализировав нашу агентуру, я не нашел других источников, на которые мог бы намекать т. СТАЛИН, и поставил под сомнение источник Илинича, имея намерение разоблачить его перекрытием другими материалами.

Однако вскоре события показали, что наша официальная точка зрения на польскую политику (НКВД) оказалась неверной (т. Антонов-Овсеенко снят с поста посла в Польше), а позиция Радека напоминала позицию польского агента, трубящего на все лады о концепции, приготовленной в действительности в шпионских кабинетах поляков.

Информация агента Илинича полностью подтвердилась.

Когда т. СТАЛИН послал меня в Разведупр, он констатировал в разговоре со мной об источнике Илинича, о некоторых важных фактах он нас предупреждал заранее (польско-германский договор – подготовка 36 германских дивизий и др.).

Это все говорит, конечно, о глубине и тонкости работы поляков против нас, усугубляя нашу вину, так как особенно опасно держать возле себя умного врага, который зарабатывает наше доверие, не стесняясь делать нам одолжение во время мира с тем, чтобы боль-

нее укусить во время войны. Разоблачение Илинича становилось очень трудным.

Не мог ли сказать тов. Слуцкий, что я сознательно нарушил указание т. СТАЛИНА по этому конкретному вопросу? Совести не надо иметь, чтобы это сказать на активе. Я не говорил о доле ответственности тт. Слуцкого и Б. Бермана в деле Илинича. Но ведь они, а не я, сидели в Берлине, когда Илинич один или вместе с т. Баранским вербовал там людей. Или эти товарищи боялись меня, как Ягода, и не решались внести коррективы в работу Илинича? Никто этому не поверит. Когда надо было, они сносились через мою голову с т. Ягодой достаточно часто, а т. Слуцкий много потрудился, чтобы доказать Ягоде необходимость избавиться от меня как человека, откровенничающего с т. Акуловым! Он, Слуцкий, дирижировал на партконференции всей техникой недопущения меня в партком.

2) Я посадил Сосновского в тюрьму для того, чтобы сделать его потом своим помощником, утверждал Слуцкий.

Дело Сосновского было не маленькое дело в ВЧК. За него я получил орден. Я знаю, что Дзержинский советовался с Лениным по этому делу. За последние лет десять я отношения к Сосновскому не имел (с тех пор, как ушел из КРО). А ревизовать Слуцкому то, что было до него, не к лицу, т. к. он слышал обо всем этом только краем уха.

В 1920 году во время войны я поймал Сосновского, который был главным резидентом польского штаба на советской территории. Во что бы то ни стало я должен был добиться от него показаний и выдату его большой сети польских офицеров и прочих шпионов.

При аресте эти молодые польские патриоты отстреливались и не сдавались живыми (так был убит помощник Сосновского. Его мы выследили еще до поимки Сосновского). Сосновский был первый, которого т. Карин при аресте неожиданно схватил за руку и не дал ему возможность стрелять. От показаний Сосновского зависела судьба военной польской разведки во время войны 1920 года.

И добился показаний. Причем пошли не угрозы (они не действовали), а сила аргументов Ленинской партии.

Дзержинский разрешил обещать Сосновскому – не стрелять идейных пилсудчиков из его людей, а выпустить в Польшу под честное слово – не заниматься больше шпионажем против нас.

При этом условии Сосновский дал свои показания.

Мы сыграли на его революционном романтизме и сняли польскую сеть. Обещание приказано было выполнить. Несколько польских офицеров было выпущено в Польшу после политической обработки.

Т. Фриновский мне сказал: русских стреляли, поляков выпускали по этому делу. Считаю такое утверждение клеветой на т. Дзержинского.

В 1920 году это было политическое дело. Обращение Сосновского к польской левоэвакционной (ПОВ) молодежи разбрасывалось нашей авиацией над польскими войсками. За раскрытие плана польских диверсантов – помешать эвакуации штаба Тухачевского из Минска – Сосновскому был присужден орден Кр. Знамени.

За время войны 1920 года Сосновский принес вред Пилсудскому.

Дзержинский предложил и дальше использовать Сосновского (не на польских делах) и посадить в аппарат.

Мой заместитель т. Пиляр протестовал, имел конфликт с Дзержинским и уехал после этого на нелегальную работу в Польшу (Верхняя Силезия).

В момент моего ухода из КРО Сосновский был начальником 6-го («белогвардейского») отделения. К польской работе я его не допускал.

Моя вина: с изменившейся обстановкой в Польше, после установившейся относительной стабилизации там режима Пилсудского, когда надежда на скорую революцию там исчезла, надо было Сосновского, экспансивного романтика, плохо понимавшего большевизм, перевести на другую, не столь острую работу. Это обязательно сделал бы Дзержинский, если бы жил. Я должен был поставить этот вопрос при жизни Менжинского (Ягода к моим предложениям не прислушивался).

Обстановка в последние годы в ОГПУ, а также окружение «Гавескими корешками», в Особом отделе не способствовали укреплению в большевизме неустойчивого Сосновского, он стал явно разлагаться. Заявление т. Слуцкого, который знает, что я около 10 лет отношения к Сосновскому не имею, а повлиять на т. Ягоду не мог, – недобросовестно.

3) Я нарушил якобы указание ЦК в деле Фалевича.

Я знал, что по жалобе НКВД решено было для удовлетворения турецкого посла дать Фалевичу условный приговор (за неудачную вербовку одного турка). Я лично виделся с этим турком в период его вербовки и убедился, что его напугало заявление Фалевича, сделанное по инструкции т. Славатинского о том, что Фалевич говорил с турком от имени ОГПУ. Помогать Советской власти (а не ОГПУ) турок был уже склонен. Конечно, я смазал сознательно вербовку после этого, но жалобы испуганного турка избежать не удалось. О том, что ЦК запретил нам иметь дело с Фалевичем, я ни от

кого не слышал. Может быть, об этом забыл т. Ягода, у которого я получал разрешение использовать Фалевича как агента в Разведупре. В поисках подходов к полякам меня прельщала одна прошлая очень удачная вербовка Фалевича (Бураковского, провалившегося впоследствии и повешенного поляками).

Т. Слуцкий негодует и возмущается. Почему же он раньше не протестовал, если он знал решение ЦК? Ведь он никогда не пропускал случая, чтобы разоблачить мою ошибку. Этого он никогда не боялся, так как крыть Артузова считалось хорошим тоном в НКВД.

Зачем т. Слуцкий подкрашивает факты? Ведь не посмеет же он сказать, что и я больше, чем политически недалекovidный работник?

Боюсь, что в действиях т. Слуцкого сквозят еще старые его методы. Надо понять т. Слуцкому, что новое время требует новых песен.

Тов. Слуцкий очень осторожен в делах. Он предпочитает отказаться от любой агентурной комбинации, если последняя опасна. Он не послал бы провокатора Витковского, чтобы поймать Штурмде-Штрема, так как в случае срыва могла быть неприятность.

Вам не мешало бы, Николай Иванович, посмотреть, что сделано т. Слуцким по полякам. Ведь Илинич был только один агент. Сделаны ли были за 2 года попытки найти новую агентуру? Ведь т. Баранский, которого т. Слуцкий уволил, помогал мне поймать Штурмде-Штрема. Т. Баранский честный человек.

Если не в аппарате, то в агентуре придется прибегать к полякам. Если т. Слуцкий хочет работать в Польше только через евреев, которых там не пускают ни в армию, ни в интересующие нас другие ведомства, не думаю, чтобы он добился успехов по этой линии.

В работе я всегда наступал и дерзал, Николай Иванович. После смерти Менжинского мне не с кем было делить ответственность за работу. Т. Ягода, как и т. Слуцкий, не любил рисковать. На всякий случай против всех решительных предложений он возражал, а если когда-нибудь и соглашался, то в случае беды забывал об этом. Поэтому получить санкцию Ягоды на агентурную комбинацию было просто бесцельно. Я не боялся брать ответственность на себя. Конечно, это неправильно, это анархический принцип, но что же было делать, когда у нас и по более важным делам, чем агентурные комбинации, не привыкли ходить в ЦК.

Меня очень тяготит, Николай Иванович, что я не имею возможности перед авторитетным товарищеским чекистским судом изложить все, что наболело, в частности по польским делам.

Только Дзержинский придавал исключительное значение разбору на коллегии (или лично у него) провалов и неудач в работе. На них он учил чекистов. Я бы очень хотел, чтобы и Вы признали этот метод полезным.

А мне каждый вечер приходится засыпать под гнетом мысли о том, что в случившейся большой беде я виноват, но меня конкретно никто не обвиняет, ничем не помогает в беде. Больших усилий мне стоит новая работа, тихая, спокойная и при других обстоятельствах для меня крайне подходящая (я очень устал и изнервничался за последние 3 года, работая в Разведупре).

В самом деле, не назначите ли Вы авторитетного разбора польского провала с привлечением меня и всех причастных в качестве ответчиков? Я бы очень об этом просил.

[Резолюция Н.И. Ежова.]

Ознакомить т. Агранова, Фриновского, Бельского и Бермана.

2. Мысль Артузова о разборе провалов и, в частности, провала по польской работе мне кажется правильной при условии квалифицированного предварительного анализа осведомленного добросовестного товарища.

Ежов

Отдел регистрации архивных фондов
УФСБ по Курской области. рхивно-следственное
дело № П-6791 на Роллера-Чиллока К.Ф. Л. 85–91.

Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России-СССР

В фондах РГВА хранится большой массив документов, относящихся к подрывной деятельности польской «двуйки» – офензивы и дефензивы (разведки и контрразведки) – против России-СССР в 1919–1939 гг. Речь идет прежде всего о собственно польских документах реферата «Восток» 2-го отдела Генштаба Главного командования Войска Польского.

Безусловный интерес представляет документированная информация о планах и конкретных действиях польской разведки, которые были направлены на территориальное расчленение России-СССР с помощью хорошо организованного и контролировавшегося ею процесса объединения антирусских националистических сил различного толка, включая национал-сепаратистов, или национал-интегралов. Эти планы выразились в мощной поддержке польскими властями периода Второй Республики так называемого «прометейского» движения и в создании специалистами реферата «Восток» 2-го отдела ГШ Польши разветвленной и многофункциональной организации «Прометей».

Идея «прометеизма», цель и задачи

С самого момента своего создания¹ польское правительство стремилось к свержению советской власти. Юзеф Пилсудский² и его окружение, проводя подрывную, разведывательно-диверсионную работу и постоянно готовясь к интервенции, главную надежду возлагали на возможность искусственного раздувания национализма среди народов СССР и таким образом развала СССР изнутри.

Наиболее четко цель польского санационного режима сформулировал в своем политическом докладе ближайший сподвижник и единомышленник Пилсудского генерал Юлиан Стахевич³: «Целью, на достижение которой направлены наши усилия, являются существующие и будущие национальные государства на Востоке. Их появление будет историческим последствием слома силы России,

но в то же время может явиться и элементом укрепления мощи державы Польской»⁴.

Эта формулировка Стахевичем стратегических целей Польши полностью отвечала политической программе-максимум самого Пилсудского. *«Расчленение России, – констатировал он, – лежит в основе польских государственных интересов на Востоке»*⁵. Затем должно было последовать «создание ряда национальных государств на территории Европейской России, которые находились бы под влиянием Варшавы». Это, по его мнению, «позволило бы Польше стать великой державой, заменив в Восточной Европе Россию»⁶.

С точки зрения Стахевича, буржуазный национализм мог бы стать той силой, с помощью которой должен быть развален СССР: «Реализация “прометейской” концепции, – утверждал он, – это не только создание условий или поддержка явлений, служащих наметенной цели, но и создание такого инструмента, коим может послужить организованная эмиграция. Наш непосредственный доступ к территории [СССР], к населению в соответствующем масштабе для этих целей не представляется возможным, а для достижения серьезных политических результатов даже и не всегда потребным»⁷.

Прояснить стратегические цели Пилсудского можно с помощью анализа его планов и действий в отношении руководителей контрреволюционной эмиграции народов СССР. Маршал Польши ощущал, что предназначен возглавить работу по их объединению в собственных политических интересах, поскольку и сам являлся последовательным шовинистом и был глубоко убежден в том, что Польша обрела свою независимость исключительно благодаря победе его национал-интегринтской политики. Эта политика изначально строилась на идее коллаборационизма – тесного сотрудничества с врагами нашей страны.

Только этим объясняется действительно широкий размах организационных работ по объединению и сплочению националистической нерусской эмиграции, который обеспечивался польскими властными структурами (прежде всего 2-м отделом ГШ Польши) в 1920–1930-е гг. при непосредственном живом участии самого Первого маршала⁸.

Эти стремления развалить Советский Союз с помощью националистических и сепаратистских элементов получили по инициативе руководителей грузинской эмиграции название «прометеизма». Они воспользовались античной легендой о титане Прометее – борце за свободу, якобы прикованном богами к скалам Кавказа и обреченном на вечные страдания. Поскольку, согласно древнему мифу,

Прометея от цепей и проклятия богов освободил Геракл⁹, именно в его (Геракла) образе предпочла выступить польская разведка, взявшая под свою опеку грузинских и всех иных «прометейцев».

Польская буржуазия намеревалась развалить СССР изнутри с помощью «прометеизма», особенно с момента начала польско-советской войны 1920 г.¹⁰, а потом расчленить его на отдельные национальные государства, которые имели бы большую или меньшую зависимость от Польши благодаря их неизменной вовлеченности в антисоветскую деятельность, а также по причине их собственной слабости.

Следует отметить, что активная подрывная деятельность в этом направлении проводилась несмотря на наличие межгосударственных договоренностей между СССР и Польшей. Более того, польские власти неоднократно грубо нарушали положения и Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г.¹¹, и Московского договора о ненападении от 25 июля 1932 г. В 1933 г. Польша стала первым государством (после Ватикана), которое официально признало нацистский рейх, обеспечив ему таким образом поддержку на мировом уровне. В то же время враждебность по отношению к восточному соседу оказалась у пилсудчиков настолько непреодолимой, что, когда Советский Союз, предвидя общую угрозу со стороны гитлеровского рейха, обратился в январе 1934 г. к Польше с предложением заключить пакт о взаимопомощи, польское правительство высокомерно отклонило это предложение, подписав тогда же соглашение с Германией. Что последовало за этим демаршем, хорошо известно.

В январе 1938 г. польская дипломатия открыла перед всем миром истинные намерения Варшавы. Тогда в Лиге Наций шла бурная дискуссия вокруг статьи 16 (о коллективной безопасности) Устава Лиги. «Ее отмены, – читаем в “Истории дипломатии” под редакцией академика В.П. Потемкина, – требовал ряд членов Лиги Наций, желавших иметь развязанные руки в возможных международных конфликтах и военных осложнениях. Особенно усердствовали поляки, превратившие Польшу в “пятую колонну” внутри Лиги Наций»¹². Далее панская Польша следовала исключительно в русле агрессивной политики гитлеровского рейха. «Через два дня после присоединения Австрии к Германии в Польше начались антилитовские демонстрации. На польско-литовской границе сосредоточились польские войска. 17 марта 1938 г. польское правительство через своего дипломатического представителя в Таллине предъявило литовскому правительству ультиматум. Оно требовало заклю-

чения конвенции, гарантировавшей бы права “польского меньшинства” в Литве, а также отмены параграфа литовской конституции, провозглашающей Вильно столицей Литвы. Польская военщина грозила в случае отклонения ультиматума в течение 24 часов сделать “марш на Каунас” и оккупировать Литву»¹³. Агрессивные намерения поляков удалось ненадолго остудить официальным заявлением советской стороны о том, что она денонсирует советско-польский договор 1932 г. о ненападении, если войска Польши вторгнутся в пределы Литвы. Однако уже 30 сентября 1938 г. (сразу после подписания Мюнхенского соглашения) Польша предъявила ультиматум – на сей раз Чехословакии, требуя передачи ей Тешинской области. На следующий день, несмотря на предупреждение СССР, польские войска вступили на чехословацкую территорию. Но даже и в этом случае правительство СССР проявило выдержку: 27 ноября 1938 г. оно заявило через ТАСС о действительности договора 1932 г.¹⁴ Со своей стороны польские власти продолжали демонстрировать в отношении СССР крайнее высокомерие и враждебность. Фактически до самого крушения Второй Республики в сентябре 1939 г. ее военные и политические круги строили далеко идущие планы подрыва Советского Союза изнутри и его последующего территориального раздела.

Таким образом, «прометеизм» во всех своих проявлениях – и как идеология, и как политика, и, наконец, как комплексная долговременная программа подрывной деятельности – полностью отвечал антисоветской, антироссийской и империалистическо-захватнической позиции правящей в Польше державно-санационной клики. В данном смысле, будучи путеводной нитью польской международной и внутренней политики, «прометеизм» являлся путем реализации ее амбициозного лозунга «Польша от моря и до моря».

«Прометейская» деятельность в 1918–1923 годах¹⁵

«Прометейскую» работу в Польше с самого ее начала возглавлял лично Пилсудский. Уже в 1918–1921 гг. Пилсудский установил политические и военные отношения с различными реакционными силами, нацеленными против Советской России, а затем и СССР. В первую очередь к ним принадлежали украинская, грузинская, татарская и казацкая контрреволюция.

Одним из наиболее ранних моментов «прометейской» деятельности стал Варшавский договор, подписанный

21 апреля 1920 г. между Пилсудским и Петлюрой – диктатором контрреволюционного правительства на Украине.

Петлюра¹⁶, изгнанный с Украины в Польшу Красной армией, ради того, чтобы вернуть власть, выдвинул претензии к Западной Украине и поставил на службу польской армии и разведки своих сторонников из числа украинских националистов¹⁷. Разведкой петлюровцев на территории Советской Украины, России, Дона, Кубани и Крыма руководил 2-й отдел Партизанско-повстанческого штаба (ППШ) армии УНР (начальник – полковник ГШ царской армии Кузьминский). В его состав входили три секции: офензива (собственно разведка), дефензива (контрразведка) и пресс-служба. Начальниками секций разведотдела ППШ были: в офензиве – сотник Никодим Гриневич (здесь же подсекциями агентуры и паспортным бюро заведывали соответственно поручик Михайло Михайлик и поручик Рогозинский), в дефензиве – подполковник Митрофан Очеретько, в пресс-службе – поручик Микола Иванов¹⁸. Однако общей организацией агентурной работы и контрразведки занимался бывший директор департамента МВД УНР полковник Микола Ю. Чеботарев (с конца 1926 по август 1928 г.). В материалах польской разведки (экспозитур № 2) Чеботарев также значился как начальник центральной резидентуры «Украина» под оперативным псевдонимом «Гетман»¹⁹. Сам он, в частности, утверждал, что поддерживает полный контакт со своими сторонниками в Советской Украине и даже имеет много своих работников в КП(б)У и что эта партия «будто бы стоит тайно на платформе отделения от СССР»²⁰.

При этом петлюровская разведка, с одной стороны, постоянно испытывала острый дефицит в кадровых сотрудниках (например, в сентябре 1921 г. ей удалось забросить в УССР только трех своих агентов и двух курьеров), а с другой – ее практически полностью переигрывали советские спецслужбы. Так, советская агентура действовала в ближайшем окружении Петлюры. На ВУЧК работала группа личного секретаря Петлюры²¹. Большевикским агентом оказался и помощник начальника ППШ, шеф административно-политического отдела штаба подполковник Добротворский, через которого проходила информация о планах деятельности ППШ, спорах и конфликтах внутри него²². Другой ценный агент ЧК-ГПУ Украины – Гордиенко, он же сотник Гриць Попов (настоящее имя – Заяров Григорий Львович), – являлся заместителем начальника оперативного отдела ППШ, в результате успешного завершения операции под кодовым названием «Тютюн» (4–16 июля 1923 г.) фактически передал в руки украинским чекистам начальника ППШ

генерал-хорунжего Юрия Тютюнника²³. Благодаря активной работе ВУЧК ее сотрудникам удалось разгромить вооруженные подпольные формирования петлюровских атаманов Мордалевича, Лютого, вынудить киевский Всеукраинский центральный повстанческий комитет («Цупком») покинуть Советскую Украину²⁴.

В июне 1921 г. при переходе границы органами ВУЧК был задержан эмиссар ППШ «З». На допросе он во всем признался и пошел на активное сотрудничество, выдав ценную информацию о структуре ППШ, подпольных петлюровских организациях в Киеве и УССР, нарисовал схему дислокации повстанческих сил. После специальной подготовки «З» стал секретным сотрудником ВУЧК. Продолжив работу в ППШ, он дезинформировал его руководство, а во ВУЧК передавал важные сведения, позволявшие своевременно ликвидировать агентов и подпольные базы петлюровцев в УССР, уведомлял о всех контактах ППШ с разведками Польши, Румынии, а также с савинковцами и махновцами, о планах перехода польско-советской границы отдельными боевыми группами и силами войск УНР ППШ²⁵.

Помимо сугубо военного направления, петлюровцы активно включились в сотрудничество с пилсудчиками в сфере «прометеизма». Наиболее важными в этом плане деятелями УНР были следующие: а) из, так сказать, «первых лиц»: Андрей Левицкий (председатель правительства и главноначальствующий); Роман Смаль-Стоцкий (министр иностранных дел); генерал Владимир П. Сальский (военный министр); генерал Павел Ф. Шандрук (начальник 1-й оргсекции ГШ армии УНР; с августа 1927 г., по рекомендации 2-го отдела ГШ Польши, начальник ГШ армии УНР); генерал Всеволод Змиенко (начальник 2-й секции ГШ, 1928 – 1 января 1936 г.); д-р Леон Цыкаленко (начальник 3-й секции ГШ); д-р М. Ковальский (председатель украинского ЦК); д-р М. Ковалевский (министр пропаганды); проф. А.И. Лотоцкий; Ежи А. Кржижановский; б) из проживавших в Париже: проф. А.Я. Шульгин²⁶ (министр иностранных дел); граф Вячеслав К. Прокопович (премьер-министр и сотрудник центрального печатного органа УНР – журнала «Тризуб»); генерал А. Удовиченко (зам. военного министра); Я. Коссенко (главный редактор парижского журнала «Тризуб» и вице-председатель Генеральной Рады УНР); в) из проживавших в Женеве: Михаил Еремиев; г) из проживавших в Праге: Максим Славинский²⁷; д) из проживавших в Турции: Владимир Мурский²⁸; е) из живших в Харбине: Павел Яхно²⁹ и многие другие.

Контакты с экспозитурой № 2 ПГШ они поддерживали через начальника подреферата «В-У» (украинцы) этой экспозитуры по-

ручика Владислава Гуттры (Guttry)³⁰ (получали от него деньги, инструкции, директивы, а ему посылали рапорты, донесения и т.д.) либо же через начальников резидентур реферата «Восток» экспозитуры № 2³¹.

Менее активно, чем петлюровцы, но все же сотрудничали с польской разведкой и украинские националисты из УВО-ОУН³² во главе с полковником Евгеном Коновальцем (так называемая «галицийская группа»)³³. Примечательно, что это сотрудничество тайно продолжалось несмотря на организованные ими покушения на самого Юзефа Пилсудского (25 сентября 1921 г.) и министра внутренних дел Бронислава Перацкого (15 июня 1934 г.)³⁴. В известной мере сохранять и продолжать «деловые отношения» «двуйчикам» и оуновцам помог конкордат между Варшавой и Ватиканом, подписанный 8 сентября 1925 г. В результате духовный пастор и идеолог украинских националистов митрополит греко-католической церкви Андрей Шептицкий присягнул на верность Польской республике и тем самым заметно микшировал обвинения боевиков УВО-ОУН в антигосударственной деятельности.

Итак, договоренность с Петлюрой стала первым практическим шагом на пути реализации «прометейской» идеологии.

Отношения с националистами-контрреволюционерами углублялись и укреплялись еще больше позднее – по мере того, как те оказывались в эмиграции. В Польше и Чехословакии собралась украинская эмиграция, в Турции – кавказская и татарская, в Персии – туркменская и азербайджанская. Кроме того, важным центром эмиграции был Париж.

Польская разведка изначально стремилась использовать свои агентурные связи среди национальной эмиграции для установления взаимоотношений со всеми силами и движениями, которые разделяли идеи русофобства и национализма, но по тем или иным причинам не были подключены ею («двуйкой») непосредственно к организации «Прометей».

Так, еще 11 апреля 1920 г. внутри 2-го отдела ГШ ВП был учрежден новый – Национальный – реферат, шефом которого стал капитан Виктор Черноцкий. Вместе с ним работали капитан Тадеуш Крук-Стржецкий (Kruk-Strzelecki)³⁵, подпоручик Станислав Лис-Блоньский (Lis-Błocski)³⁶, а также Хенрик Сухенек-Стахетский (Suchenek Stachecki)³⁷. Последний возглавил белорусский подреферат (с 1925 г. он служил в МВД Польши в качестве начальника Отдела по национальным делам). Среди его ближайших помощников были начальники 2-го отдела штаба III ВО, дислоцированного в

Гродно, Казимир Жобель (1800 – после 1952) и Станислав Ярецкий (1892–1955). В своей деятельности это подразделение ориентировалось главным образом на полонофильскую часть белорусского электората. Среди его конфиденентов можно видеть представителей таких организаций откровенно антисоветского и пропольского толка, как «Объединение белорусских беспартийных активистов», Белорусский национальный комитет в Варшаве (во главе с Лявоном Дубейковским [1867–1940]), боевая радикал-националистическая организация «Зеленый дуб» (во главе с Вяч. Дергач-Адамовичем³⁸), «Комитет обороны восточных окраин». Все они так или иначе были связаны с отрядами генерал-майора Станислава Булак-Балаховича³⁹, которые не столько обороняли Польшу от восточного соседа, сколько занимались грабежом и разбоем в районах советско-польского приграничья. Конкретно в ряду тайных сотрудников 2-го отдела, действовавших в 1920–1930-е гг., помимо только что названных выше, можно упомянуть следующих лиц: Р. Зямкевича (он же – «Шершень», «Дземьянович»)⁴⁰, Я. Ладнова⁴¹, Я. Мамонько⁴², Я. Миткевича⁴³, Цявловского, М. Шимбаревича, Я. Шурпу⁴⁴, С. Яковюка⁴⁵ и др. Несмотря на то что эти агенты часто перегружали «двуйку» описанием собственных дрязг и распрей и доносами друг на друга, тем не менее они подробно информировали Варшаву в основном о внутривнутриполитических процессах в Западной Белоруссии, а также о контактах западнобелорусских национал-демократов с западными разведками⁴⁶, украинскими националистами, а местных коммунистов и... евреев с эмиссарами из Минска и Москвы⁴⁷.

Связь Национального реферата с экспозитурой № 2 реферата «Восток» осуществлял офицер В. Черноцкий. Однако при создании «Прометей» в 1926 г. белорусским националистам (в отличие от украинских) в нем все же достойного места не нашлось. Почему? Очевидно, в известной мере ответом на этот вопрос может послужить рапорт начальника белорусского подреферата капитана Сухенек-Стахетского от 20 мая 1925 г. о полонофильских проявлениях в так называемом Белорусском национальном комитете:

«Среди белорусов, – говорится в этом любопытном документе, – на протяжении нескольких лет действует группа людей, которая в зависимости от политической ситуации в крае создала так называемый Центральный белорусский комитет. Эта группа состоит исключительно из шантажистов, которые зарабатывают себе на жизнь, информируя “органы власти” о белорусских делах. Наиважнейшую роль в этой группе играют: Цявловский, В. Федоров, Я. Шурпа, Миткевич, Зямкевич. На финансовой почве между вышеназванными

часто возникали стычки, в ходе которых одни обвиняли других в антигосударственной деятельности против Польши либо даже в сотрудничестве с советской миссией в Варшаве. Некоторые лица из данной группы состояли на службе у 2-го отдела Генерального штаба или у Министерства внутренних дел... Так как, возглавляя белорусский департамент, я убедился, что большинство из них не дают важной информации или же одновременно ту же самую информацию «продают» Министерству внутренних дел, как и от имени того же министерства проводят некую белорусскую политику (Цявловский и Зямкевич), я прекратил с ними всякие контакты. В полученных мною [от них] материалах я обнаружил много неточностей и полную путаницу»⁴⁸.

Столь явное недоверие польских властей к политически лояльным белорусам, безусловно, не позволило им успешно разыграть в своей «прометейской» игре и «белорусскую карту». Более того, история сохранила примеры, когда собственный национал-шовинистический гонор, с одной стороны, и паническая боязнь советского (коммунистического) влияния на «польские нацменьшинства»⁴⁹ – с другой, настолько застили глаза польским «двуйчикам», что даже среди своих безусловных сторонников – белорусских полонофилов – они видели скрытых агентов Москвы. Своеобразной вершиной этой подозрительности стал состоявшийся в 1928 г. судебный процесс над одним из самых откровенных прислужников пилсудчины – Арсением Павлюкеничем, который был осужден как... агент ГПУ⁵⁰.

К другому «нацменьшинству», с которым активно работала «двуйка» (вне «Прометей»), относились евреи. Однако Варшаву интересовали прежде всего еврей-сионисты (Исаак Гринбаум и др.). Известно, что Пилсудский довольно быстро нашел с ними общий язык. Назначенное им польское правительство установило (после 1926 г.) контакт с сионистскими организациями, в первую очередь с сионистами-ревизионистами – партией общих сионистов во главе с Вл. Жаботинским⁵¹, молодежной боевой организацией «Бейтар», а также «Мизрахи» и «Агуддат Исраэль»⁵²; облегчило эмиграцию из Польши в Эрец-Исраэль, в том числе лицам, не имевшим въездных сертификатов, проводило военное обучение бойцов «Иргун цваи леумми» (сокр. «Иргун» – «Национальная военная организация» – подпольное вооруженное формирование, действовавшее в подмандатной Палестине), отправляло в Палестину⁵³ оружие для еврейских боевых организаций, а также старалось повлиять на английские власти, чтобы те разрешили более широкую еврейскую

иммиграцию в Палестину. В ответ сионисты помогали пилсудчикам в их борьбе против «главного противника» – СССР.

Другим еще более ранним примером «взаимопонимания» тех и других являются успешные переговоры того же Вл. Жаботинского с представителем УНР (и агентом польской разведки) Максимом Славинским, прошедшие в августе 1921 г. в Праге⁵⁴.

Впрочем, еврейский (так же как и белорусский) аспект в национальной политике Второй Республики представлял собой весьма неоднозначное и противоречивое явление. Польские власти относились к евреям с большим недоверием и всегда подозревали их в тайных связях с большевиками⁵⁵.

Сулеювекский период: 1923–1926 годы

Правительства Хьено–«Пяста»⁵⁶ политики «прометеизма» не проводили, однако Пилсудский в Сулеювекке⁵⁷ вместе со своими сторонниками и далее продолжал работу по организации фронта «прометейских» наций. Пилсудский в то время устанавливал особые отношения с руководителями контрреволюционной эмиграции (Джафаром Сейдаметовым⁵⁸, Рамишвили⁵⁹, Гегечкори⁶⁰, Чхеидзе⁶¹).

Со стороны Пилсудского в рамках 2-го отдела ГШ ВП эту работу активно вели Шетцель (Schaezel)⁶², Енджеевич⁶³ и Чарноцкий⁶⁴, в рамках МИД – Лукасевич⁶⁵ и Кнолль⁶⁶. Одним из важнейших организаторов ее был действовавший от имени польских общественных организаций Тадеуш Голувко (Hojuwko)⁶⁷.

Наглядным примером их подрывной антисоветской деятельности в плане активного использования «прометейской» эмиграции может служить секретная операция, осуществленная разведкой и МИД Польши летом 1925 г., в результате которой на деньги, выделенные Кноллем, бывшим в то время польским послом в Тегеране, для детального изучения военно-политической ситуации к границам Советского Кавказа были посланы представители так называемого Кавказского освободительного комитета (создан в Стамбуле в 1924 г.): азербайджанец Хосров Султан-заде (Султанов) – в Персию, грузин Давид Вачнадзе – в Ардаган и осетин Алихан Кантемир – в Каре (Северо-Восточная Турция)⁶⁸.

От майского переворота 1926 года до прихода к власти Гитлера (1933)

После майского переворота 1926 г. Пилсудский по политическим соображениям не мог лично принимать «прометейскую» агентуру. По его поручению этой работой руководил генерал Юлиан Стахевич – официальный шеф Военно-исторического бюро. В работе принимали участие представители 2-го отдела ГШ (Шетцель), МИД (Голувко), МВД (Сухенек-Стахетский). Конкретную работу изначально выполняла специально созданная служба 2-го отдела ГШ «А-1» 3-го отделения, позже переименованная в реферат «U»⁶⁹ того же отделения.

С 1927 г. служба диверсионно-«прометейской» деятельности преобразовывается в самостоятельную летучую экспозитуру № 6 2-го отдела ГШ в Варшаве, которая в 1929 г. была переименована в экспозитуру № 2. В течение долгого времени этой службой руководил майор Эдмунд Харашкевич⁷⁰.

Изначально (после подписания Рижского договора 1921 г. и приблизительно до 1930 г.) непосредственной целью деятельности 2-го отдела были выявление и поддержка оппозиционных сил в СССР с помощью военных диверсий, проводившихся посредством засылавшихся на Украину банд, затем – в содействии контрреволюционному восстанию 1924 г. в Грузии, в поддержке басмаческих банд в Средней Азии.

Постоянно крепнувшая советская власть, тщетность предыдущих усилий и ликвидация Красной армией диверсионной агентуры вынудили экспозитуру № 2 поменять тактику своих непосредственных действий на «длинноволновую». Новая тактика базировалась прежде всего не на подборе агентуры в СССР для осуществления всякого рода обескровливавших ее авантюр, а на ее «консервации» и соединении момента планировавшегося антисоветского восстания с антисоветской войной, ибо, как считали в экспозитуре № 2, только с началом войны восстание могло бы увенчаться успехом.

Эта тактика требовала поиска рычагов влияния на эмигрантские организации, навязывания им необходимых польской разведке организационных и «идеологических» форм деятельности.

После 1926 г. польские круги завязали весьма тесные связи с эмигрантскими правительствами, или национальными центрами. В 1926–1928 гг. были заложены основы сотрудничества с многочисленными группами нерусской эмиграции и оказания им материальной помощи.

На украинском и кавказском направлениях были обновлены формы военной деятельности и восстановлены штабы. В отношении украинского штаба было установлено, что он «...представляет собой единую военную организацию, дружественную Войску Польскому. В настоящее время он пребывает в гостях на территории Польши и действует при технической и материальной помощи польского Генштаба...»⁷¹ В задачу этого украинского штаба должны были входить подготовительная мобилизационная работа, разведка и пропаганда. В 1927 г. в Войско Польское была принята по контрактам первая группа украинских офицеров.

Аналогичные задачи решал также грузинский штаб, хотя он располагал общей мобилизационно-операционной секцией⁷². Вопросы же разведки и пропаганды относились к компетенции политических органов грузинского правительства в эмиграции. Конкретно разведывательной работой в грузинском правительстве заведовал Рамишвили, а после его смерти – Менагаришвили⁷³.

Вслед за украинской и грузинской эмиграцией было установлено сотрудничество с эмиграцией азербайджанской, кавказско-горской, крымско-татарской, идель-уральской, туркестанской, казацкой и несколько позднее – с карело-финской. Сотрудничество оплачивалось, и, таким образом, устанавливалась зависимость от польской разведки наиболее важных эмигрантских деятелей, обладавших достаточными возможностями воздействия на националистические центры и всю эмиграцию в целом.

Для более прочного внутреннего сплочения эмиграции и тем самым с польской разведкой в 1929 г. в Варшаве был создан клуб «Прометей», в состав которого вошли следующие эмигрантские группы: украинская, грузинская, азербайджанская, кавказско-горская, казацкая, идель-уральская, карело-финская и татарская. Официальное название клуба звучало так: «Прометей – Лига угнетенных Россией народов...» (далее перечислялись вышеназванные группы). Клуб этот являлся руководящей структурой эмигрантских организаций, в распоряжении которой должны были находиться националистические центры (подобнее о клубе см. далее).

Экспозитура № 2 стремилась к созданию клубов «Прометей», зависимых от варшавского, и в других важных центрах эмиграции, особенно в Париже. Удалось также создать таковые в Хельсинки и Харбине, однако же в Париже из-за постоянных распрей между представителями эмиграции клуб «Прометей» создать поначалу не удалось. Его роль исполнял журнал «Прометей» («Promethee»), основанный в 1926 г. – орган Комитета независимости Кавказа. Жур-

нал «Прометей», помимо решения организационных задач, также вел постоянную антисоветскую кампанию на международной арене.

Подобную же функцию исполнял «Комитет дружбы» в Париже, охватывавший только кавказскую, туркестанскую и украинскую эмиграцию и, таким образом, оставлявший вне своего внимания другую, самостоятельно группировавшуюся эмиграцию. Поэтому «Комитет дружбы» всегда был причиной постоянных конфликтов и интриг.

Для выработки идеологических основ «прометеизма» в Варшаве были созданы Восточный институт (1926) и издававшийся им ежеквартально журнал «Восток» («Wschod»). Идеей основы «прометеизма» нашли отображение в трудах Бончковского, Вишневого и Крымского, а также в статьях и публикациях, написанных представителями соответствующих национальных групп.

Особое место в деятельности экспозитуры № 2 занимали популяризация в польском обществе «прометейских» «государственных интересов и соображений» и связанная с этим подготовка польских кадров для руководства «прометейским» движением. Эту роль исполняли прежде всего вышеназванный Восточный институт, существовавший при нем Ориенталистический кружок молодежи, а также «прометейские» польскоязычные издания ежеквартальник «Восток» и «Бюллетень польско-украинский».

Подписание советско-польского договора о ненападении (1932) не повлияло на дальнейшее развитие «прометейской» работы. Польская «двуйка» рассматривала договор исключительно с конъюнктурной точки зрения, заставлявшей только лишь обеспечивать более глубокую конспирацию деятельности польских правительственных кругов, особенно деятельности Министерства иностранных дел.

1934–1937 годы

Приход Гитлера к власти сопровождался глубокими изменениями в кругах «прометейской» эмиграции. К тому времени надежда уничтожить Советский Союз с помощью Англии, Франции или Польши отошла на дальний план перед лицом антисоветской агрессии гитлеровской Германии. Среди предводителей эмигрантских организаций в Польше⁷⁴ того времени преобладающим стало стремление к установлению контактов с гитлеровцами. В 1933–1935 гг. ряд «прометейских» «вождей» (Георгий Гвазава⁷⁵, Джафар Сейдаме-

тов, Чокаев⁷⁶, Сунш-Гирей) совершили поездки в Германию с целью установления контактов с официальными гитлеровскими кругами. Экспозитура № 2 поставила перед собой весьма своеобразную задачу – удержать этих «вождей» от поиска опоры у немецкой разведки. Чтобы эти стремления не имели ощутимых результатов, она приспособлялась к их потребностям, требуя от них лишь одного – чтобы это сотрудничество происходило под ее контролем и в ее интересах. Таким образом, она считала, что сможет сохранить по-прежнему решающее влияние на «прометейскую» деятельность, одновременно используя свое взаимодействие с немцами в материальном, а также в пропагандистском смысле.

Об этом свидетельствуют оперативные данные, полученные ИНО НКВД СССР относительно состоявшегося в Брюсселе (Бельгия) совещания ряда лидеров кавказской эмиграции, на котором 14 июля 1934 г. ими (Расулом-заде и Топчибашевым – от Азербайджана; Чуликом, Шакмановым и Сунжиевым – от Северного Кавказа; Жорданием и Чхенкели – от Грузии) был подписан договор о создании обновленной Конфедерации народов Кавказа (КНК)⁷⁷. Фактически это объединительное мероприятие было организовано руководителями 2-го отдела ГШ ВП полковниками Домбровским, Харашкевичем и Шетцелем. На совещании было подтверждено, что основным местом базирования КНК станет Париж, а в Варшаве расположится его военная секция, так как ее члены, служившие в польской армии, заняты военной подготовкой молодых кадров и составлением мобилизационных планов.

Провозглашение Конфедерации, несмотря на явно декларативный характер этой политической акции, получило широкий одобрительный отклик в мировой прессе. Наиболее точно связанные с этим надежды западных правительств выразила швейцарская газета «Jugnale de Geneve», подчеркнув «важность создания буферных (по отношению к России, разумеется. – Авт.) государств на Кавказе». Официальный орган Ватикана «Emissario Romano» опубликовал полный текст пакта и обращение комитета. «Историческое значение» события было отмечено во Франции, Германии, Италии и Японии, откуда поступала наиболее существенная поддержка делу «прометеизма». Но особенно высокие оценки событие получило в Польше со стороны тех, кто его, собственно говоря, и организовал. Так, «прометейский» журнал «Восток» писал: «Тот, кто знает историю борьбы кавказских народов, понимает значение Брюссельского пакта, – кавказское единство, реализацией которого является пакт, это новая дата в многолетней борьбе кавказских народов».

Почти в унисон звучали оценки подписания пакта практически всех главных изданий националистической эмиграции: «Трезуб» (официоз национального правительства Украины), «Казакия» (орган независимых казаков), «Цаган овей долган» (калмыцкая газета в эмиграции), «Свободная Карелия и Ингрии», выходившая в Финляндии на финском языке, «Эмел мукмуази» (газета крымского национального движения, выходившая в Румынии), «Яна мили» (орган «Идель-Урала»), «Яш Туркестан» и др. Явным диссонансом в лагере националистов прозвучал лишь голос армянских деятелей из «Дашнакцутюн», которые выступили с резкой критикой «кавказских конфедератов» в газетах «Бирлик» и «Усабер».

Брюссельским решениям была посвящена и варшавская встреча 15 сентября 1934 г. представителей кавказских колоний в Польше, на которой северокавказцев возглавлял Мамед Сунш-Гирей. Ее инициаторами якобы выступили грузинские эмигранты, но за ними опять-таки стояли все те же деятели польской разведки. Встречу открыл председатель грузинской колонии и политического комитета Котэ Имнадзе, который о восстании 1924 г. и его результатах рассказал на польском языке. Он заявил о том, что «стремление кавказских народов к свободе подавлялось не раз, что кавказцы лишь совместными усилиями могут достигнуть желаемой цели – обрести независимость». По его словам, ради этого и был подписан Брюссельский пакт.

14 февраля 1935 г. на основе пакта был образован Совет Кавказской конфедерации – надгосударственный политический орган, призванный решать все общекавказские вопросы, имевший единую военную силу, высший арбитражный суд и общее правление. Примечательно, что ни в этот Совет, ни в саму Конфедерацию не вошли представители Армении, хотя еще в 1933 г. лидерами армянской эмиграции был подписан прелиминарный документ об армяно-грузинском союзе. Армянским националистам потребовалось целых пять лет, чтобы перед перспективой германской войны с СССР забыть на время распри с предавшими их когда-то (младотуркам) грузинами и войти-таки в состав Совета.

В отдельном спецсообщении ИНО от 5 октября 1935 г. ситуация с брюссельским договором и его предназначением (во всяком случае по отношению к Грузии) характеризовалась как прямая *«попытка возродить к жизни старую идею грузинских сепаратистов об освободительной миссии Германии на Кавказе»*^{78!}

Прилагая усилия по дальнейшему сплочению последовательных «прометейцев» под своей эгидой, польская разведка организо-

вала в 1936 г. в Варшаве встречу представителей варшавского крыла азербайджанской партии «Мусават»⁷⁹ во главе с ее основателем Расулом-заде. В соответствии с желанием польского Генштаба, финансировавшего и опекавшего тогда «Мусават», Загранбюро партии открылось именно в Варшаве. Вместе с Расулом-заде в обновленное правление бюро вошли Мамедов, Азер Текин, Джаффар-Оглы, Мюнши, Исрафилов, Зейналов. За их стамбульскими оппонентами, считавшими, что Турция как плацдарм для борьбы с Советским Союзом гораздо удобнее Польши, в правлении были зарезервированы свободные места. Вместе с тем в своем обращении к соотечественникам мусаватистские лидеры открыто призывали последних «во имя успеха национального дела» политически сплотиться у порога новой войны со своими соседями по кавказскому региону и установить «тесное сотрудничество с [гитлеровской] Германией»⁸⁰.

В сентябре того же 1936 г. прошла сессия Кавказской конфедерации, на которой были заслушаны доклады представителей Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, Туркестана и Украины. Поддержанные польскими и другими западными «спонсорами» «прометейцы» решили начать фронтальное наступление против СССР на международной арене. 25 сентября председателю XVII заседания Лиги Наций Сааведра Ламасу они представили чрезвычайный документ, а 28 сентября – меморандум и пакт, подписанный представителями Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа. В меморандуме отмечалось, что «кавказские народы, борющиеся за независимость, уверены в поддержке прогрессивного человечества в их борьбе с мировым злом большевизма».

Последующий ход событий показал, что экспозитуре № 2 все же не удалось сохранить доминирующие позиции в «прометейском» движении. Большая часть «прометейских» деятелей стала оказывать важные услуги немецкой разведке, тем самым превратившись в гитлеровскую агентуру внутри клуба «Прометей», что вполне произошло в 1937–1938 гг.

Гитлеровская агентура внутри «прометейской» организации стремилась отстраниться от влияния на те эмигрантские группировки, которые по разным причинам не сотрудничали с немцами (например, грузинские социал-демократы и петлюровцы). Причиной этого было все большее обострение и без того затянувшихся конфликтов, интриг и раздоров среди «прометейской» эмиграции.

Вполне симптоматично, что «двуйка» закрывала глаза на вполне очевидные факты все более и более глубокого проникновения

немецкой разведки в «прометейские» ряды (см. раздел «Сотрудничество экспозитуры № 2 с иностранными разведками»).

1937–1939 годы

Польская буржуазия до прихода Гитлера к власти рассчитывала на то, что примет вместе с немцами, как их более или менее равный союзник, участие в антисоветском «крестовом» походе. Точно такой же была и линия деятельности экспозитуры № 2.

Немцы хорошо улавливали эти тенденции. Учитывая то обстоятельство, что перед Второй мировой войны до 40% польского населения составляли нацменьшинства (в том числе и польские «фольксдойче»), нацистская Германия заключила с Польшей 5 ноября 1937 г. договор о регулировании отношений по нацменьшинствам в обеих странах, тем самым усыпив бдительность польской дефензивы. Мечты стратегов «двуйки» нашли яркое отображение в письме от января 1939 г., адресованном центральному представителю экспозитуры № 2 в Берлине Камилу Сейфреду:

«...Скоро должно дойти дело до вооруженной борьбы [Германии] с Россией – теоретически – не более, чем в течение двух лет, но, если подвернется благоприятный случай, это может произойти и гораздо быстрее...

Германия... имея против себя единый фронт евреев, масонов, не считая [широкий круг врагов] от социалистов и демократов до евангелистов и католиков включительно, знает, что без участия или, по крайней мере, тайной поддержки со стороны Польши ликвидировать дело большевиков будет невозможно»⁸¹.

«Прометейская» деятельность была важнейшим вкладом Польши в дело создания такого союза.

По мнению одного из ведущих «двуйчиков» – капитана Незбжицкого⁸², – «прометейская» работа была показательным моментом особой значимости Польши среди других антисоветски настроенных буржуазных государств. Стоит заметить, что в проведении такой «работы» Варшаве серьезно способствовало опрометчивое решение Исполкома Коминтерна о роспуске польской Компартии, принятое летом 1938 г. на основе сфабрикованного в недрах НКВД (и завизированного наркомом Н.И. Ежовым) ложного обвинения руководства ПКП в предательстве и антисоветской шпионской деятельности⁸³.

В связи с приближением войны разложение в «прометейских» организациях стало уже вполне заметным. Наиболее активные де-

ятели (Менагаришвили, Гвазава, Чокаев, Такаишвили) выступали за «Прометей», открыто признавая себя при этом гитлеровскими агентами.

В этих обстоятельствах представитель экспозитуры № 2 в Париже Владислав Пельц⁸⁴ подтвердил, что 15 лет работы и издержек пошли прахом. По его мнению, «живого существа (из “Прометей”. – *Авт.*) создать не удалось».

«Прометейские» предводители – горстка политических аферистов, служащих разным разведкам, – окончательно истощили свой престиж. Внутреннее содержание жизни «прометейских» организаций составляли споры и свары, а печатные издания, по Пельцу, служили им ареной. Разные эмигрантские объединения постепенно таяли по причине рассредоточения эмиграции по разным концам света в поисках заработка.

В связи с приближавшейся войной и банкротством всех предыдущих усилий были предприняты попытки генеральной реконструкции и оживления «прометейской» работы. Это нашло выражение в проектах 1937–1938 г. того же Пельца по реформированию журнала «Прометей» и агентства «Ofinog», сопровождавшихся привлечением новых сил, разрешением конфликтов, расширением сферы влияния и т.д.

В то же время, то есть в 1938 г., другой поляк – «прометейский» деятель Владимир Бончковский – создал на фоне международной ситуации свой проект организации при Восточном институте центра, который должен был заниматься подготовкой военных диверсий на территории СССР. Работы по реализации проекта продолжались, согласно документам, вплоть до 1939 г. Насколько прочно они были связаны с германскими военными приготовлениями, свидетельствует следующий фрагмент текста проекта: «...С учетом быстро приближающегося момента актуализации прометейских мероприятий в плане их использования для активных акций на территории Отечества (то есть на территории советских и автономных республик СССР. – *Авт.*) исключительную важность получает такая организация, которая могла бы быть встроена в Восточный институт»⁸⁵.

Фактическая деятельность «Прометейя»

Пропаганда

Очень важным направлением работы «Прометейя» была пропаганда.

Пропаганда, проводившаяся вне самого «прометейского» лагеря, была направлена на ослабление и изоляцию СССР, на дискредитацию советской власти в глазах западноевропейских народов. В целях внешней пропаганды в Париже в 1926 г. было основано издание на французском языке.

Подобные же задания выполнял и «Комитет дружбы», образованный в 1934 г. в Париже. В состав «Комитета дружбы», помимо представителей кавказской, украинской и туркестанской эмиграции, вошли представители буржуазной прессы, а также и некоторые буржуазные политики, как, например, Бирге (Birquet). Первым председателем комитета был избран бывший министр иностранных дел Грузии Акакий Чхенкели⁸⁶.

«Комитет дружбы», так же как и варшавский клуб «Прометей», проводил, не стесняясь в выборе средств, кампанию против СССР. В разные периоды времени эта кампания приобретала различные формы и размеры. Наиболее часто используемой формой были протесты и ноты. «Прометейские» организации выдавали их в большом количестве и посылали в Лигу Наций, дипломатам и политикам капиталистических стран. В нотах говорилось о «притеснении наций» в СССР, о «преследовании религий», о «голоде и терроре», царствующих там. В связи с признанием СССР разными капиталистическими странами, а также вступлением СССР в Лигу Наций в 1934 г., «прометейские» организации посылали свои протесты буквально во все стороны света.

Экспозитура № 2 2-го отдела ПГШ, которая устраивала почти все акции, направленные против СССР, старалась при посредстве прометейских деятелей объединить под флагом «прометеизма» довольно известных и выдающихся личностей⁸⁷.

Задания пропагандистского толка исполняло также агентство «Ofinor», которое, можно сказать, было и создано для этих целей. Оно было рупором «прометейской» уэрэловской⁸⁸ эмиграции, направленным в сторону государств Западной Европы.

На территории Польши работало агентство «А.Т.Е.»⁸⁹, а «Ofinor» распространял (по сути, дублировал) информацию «А.Т.Е.» во Франции и Швейцарии. Известия «А.Т.Е.» были насквозь пронизаны антисоветским ядом и исполнены клеветы на СССР.

Подобную же роль в Польше исполнял «Бюллетень польско-украинский». В задачи этого издания, помимо антисоветской пропаганды, входило также привлечение к «прометеизму» части западноукраинской буржуазной интеллигенции. Под научным прикрытием антисоветскую пропаганду проводил в действительности псевдонаучный ежеквартальник «Восток».

Стремясь заинтересовать польскую интеллигенцию задачами, ставившимися «прометеизмом», варшавский клуб «Прометей» организовывал доклады и дискуссионные вечера с приемами, на которые приглашались представители польского научного мира и интеллигенции. По инициативе экспозитуры № 2 варшавский «Прометей» организовал в Варшаве в 1936 г. антисоветское мероприятие под фальшивым прикрытием языковедческой конференции. Целью конференции была «демонстрация всему свету» политики денационализации, проводившейся СССР в отношении народов, входивших в его состав. На той конференции присутствовали представители «прометейских» организации, «двуичики», а также такие представители польского научного мира, как, например, министр Леон Василевский⁹⁰, директор Восточного института, член сейма Станислав Седлецкий, профессор Варшавского университета С. Понятовский, прокурор Верховного суда Польши О. Найман-Миха-Крычиньский, директор ежеквартальника «Восток» Владимир Бончковский, а также литераторы Кароль Ижиковский⁹¹ и Тадеуш Желеньский⁹². Постановления конференции были направлены в адрес Лиги Наций, дипломатам в Варшаве, Хельсинки, Париже, Лондоне и Женеве.

Процесс старения и ухода из жизни старшего поколения национальной эмиграции заставлял экспозитуру № 2 больше внимания обращать на молодых «прометейцев». Экспозитура № 2 желала целиком подчинить себе это молодое поколение и сотворить из него орудие польской империалистической санационной политики⁹³ (на случай войны и падения советской власти). Поэтому экспозитура № 2 заботилась не только об общем и военном образовании молодых «прометейцев», но и навязывала им двуличную идеологию пилсудчины («национальный реализм» Пилсудского должен был стать их путеводной звездой, а POV – наиболее совершенной формой организации на пути «осуществления устремлений к независимости»).

Именно об этом говорилось в плане Владислава Пельца от 17 августа 1937 г. по реорганизации «Прометейя». Один из разделов плана так и назывался – «Ставка на молодежь». «Первым моментом, – читаем в этом документе, – является ставка на молодежь,

вторым – использование ее националистического радикализма, третьим, наконец, установление идейной гармонии между молодежью и старшим поколением, а также установление контакта между “прометейской” молодежью из Западной Европы с молодежью, в первую очередь польской⁹⁴, а затем французской, итальянской и английской.

Националистический радикализм является в настоящее время, несомненно, элементом наиболее мобилизующим, и концентрация активных сил молодой “прометейской” эмиграции на националистической базе соответствует насущнейшим нуждам сегодняшнего дня, так как, призывая в боевые ряды наиболее активный элемент, она оживляет “прометейское” движение, вырывая его из прежней пассивности.

Этим путем выявляются сильнейшие стремления к независимости, мобилизующие на непримиримую борьбу с Россией, вводится момент необходимости пересмотра политической позиции старшего поколения и его ошибок во время последних боев за независимость. Исключается в будущем какая бы то ни было дискуссия с русскими левыми, не говоря о русских националистических группировках, и, наконец, выявляется стремление создать и укрепить национальное единство на базе уничтожения распыленных местных отличий...»

Говоря далее об особой привлекательности для «прометейской» молодежи лозунгов национального радикализма, Пельц в то же время пускается в сбивчивые рассуждения о наиболее подходящем для «Прометеев» и Польши «стиле национализма» среди молодежи. Надо стремиться к тому, утверждает он, чтобы при воспитании молодого поколения и создании идейных фундаментов «избежать опасных подводных скал в форме националистических перегибов (стиль гитлеризма), а также чрезмерного социального радикализма. Наша задача состоит в том, чтобы отвлечь эмигрантскую молодежь от такого рода национализма, представителями которого являются в эмиграции, например, Карумидзе⁹⁵ или Баммат⁹⁶, и тем самым сделать “прометеевскую” молодежь в максимальной степени духовно независимой от германской или итальянской идеологии (выделено нами. – Авт.). Чтобы успешно противодействовать этим опасным крайностям, следует вести пропаганду среди “прометейцев” за национализм в стиле Пилсудского. Сама по себе борьба за независимость, которою вел маршал Пилсудский, имеет для эмиграции большую агитационную силу и вызывает среди молодежи желание повторить путь, указанный Пилсудским, и добиться независимости»⁹⁷.

Рекомендация Пельца активнее использовать молодежь в подрывной деятельности против СССР нашла полное понимание у его коллег в польской «двуйке» и высшего руководства Речи Посполитой. Однако его советы относительно желательности дистанцирования от идейных установок национал-социализма и фашизма при воспитании молодых кадров поддержки не нашли. Напротив, после смерти Пилсудского отчетливо проявилась тенденция ко все более тесному сотрудничеству духовных преемников маршала и руководимых ими польских спецслужб с гитлеризмом.

Экспозитура № 2 инспирировала спор между «прометейскими» поколениями. Молодые, выступая против «радикализма» старших, противопоставляли «радикализм общественный» и «радикализм национальный», как это имело место особенно среди грузинской эмиграции. И несмотря на то, что в экспозитуре № 2 знали о том, что такая политика ведет к потере ее влияния на другие фашистские организации, ее руководство декларировало во внутренних документах, что посредством собственного очищения и увеличения финансовых источников ей удастся усилить влияние на «Прометей». В основном экспозитура № 2 ориентировалась на молодые «прометейские» генерации. Реорганизация парижского «Прометей» в 1937–1938 г. произошла, собственно, при помощи молодых ее членов.

Важным фактором или стимулом, который мог привлечь «прометейскую» молодежь к польской разведке, была стипендия. Основание для получения стипендии давала антисоветская деятельность в «прометейских» либо иных связанных с ними организациях. Эта стипендия выплачивалась Министерством просвещения и религиозных вероисповеданий в размере от 150 до 300 злотых. Утверждала стипендию только экспозитура № 2 2-го отдела ГШ ВП.

Особое значение в «прометейской» работе отводилось подготовке офицеров-контрактников. Они набирались из национальной эмиграции и принимались на службу в Войско Польское главным образом для обеспечения национальных центров кадрами военачальников на случай, если бы там произошло контрреволюционное восстание.

В качестве первых офицеров-контрактников в 1921–1923 г. были приняты грузины. В разные периоды их число в польской армии колебалось от 35 до 80 человек. Так, в 1922 г. по личному распоряжению Пилсудского в польские вооруженные силы на обучение было принято 42 офицера и 48 подхорунжих по контракту. Грузинские военные оставались в подчинении генерала А. Захариадзе –

командующего грузинскими вооруженными силами эмигрантского правительства. Грузины проходили курс обучения в нескольких военных школах Польши: Инженерной и Офицерской школах пехоты, Центре обучения автомобильных войск, Высшей военной школе, Военном институте географии, Высшей артиллерийской школе, Школе офицеров и пилотов в Торуни, Корпусе контролеров Военного министерства. Центральной кавалерийской школе. Школе подхорунжих 6-го пехотного полка легионов в Вильно, Центральной школе младших офицеров пехоты.

Перед военным руководством Польши встала проблема определения статуса грузинских военных в связи с необходимостью выполнения 5-й статьи Рижского договора, запрещавшей поддержку организаций, имевших целью борьбу против другой стороны. «Грузинские офицеры, прибывающие в Польшу на обучение, были приняты как служащие демократического грузинского правительства», – значилось в сообщении МИД.

В 1927 г. (на основе обращения президента УНР А. Левицкого от 1926 г.) по контракту были приняты петлюровцы в числе более 30 человек. После этого существовали еще небольшие группы офицеров-контрактников из Азербайджана и Горного Кавказа.

Офицеры-контрактники подчинялись персонально высшим офицерским чинам среди офицеров контрактников своей национальности, а кроме того, экспозитуре № 2, которая решала вопросы о принятии на службу, увольнении или переводе офицера. Офицеры-контрактники принимались на службу в армию несмотря на возражения со стороны высших военных властей Польши, которые боялись, что они займут место соотечественников, не имея соответствующей квалификации и права быть допущенными к мобилизационной работе. Тем не менее благодаря проведению общей линии «прометейской» политики офицеры-контрактники по-прежнему использовались в польской армии.

Агентурная деятельность на территории СССР

В ходе работы с архивными документами польской разведки удалось обнаружить сравнительно небольшой объем данных об агентурной работе экспозитуры № 2 на территории СССР. Это, конечно, совсем не означает, что таковая работа велась с малой интенсивностью. Ведь Советский Союз, как уже отмечалось выше, занимал в планах польской «двуйки» первостепенное место. Скорее

всего, оригинальные документы с этими данными в конце 1939 – начале 1940 г. попали в руки немецких и английских спецслужб (что дало им возможность активно и широко использовать в течение всей Второй мировой войны «прометейскую» агентуру в своих интересах). И все же обнаруженные отдельные надежные сведения позволяют составить представление о методах и целях деятельности «прометейской» агентуры польской разведки в советском тылу.

Проводившаяся экспозитурой № 2 агентурная работа в СССР, особенно в 1930–1939 гг., имела в целом иной характер, чем других известных нам подразделений «двуйки», деятельность которых была рассчитана на немедленный результат, то есть на добывание информационных материалов. Об этом свидетельствует дело резидентуры «Грузин» от 1925 г., подчинявшейся реферату «Б-1» (предшественнику позднейшего реферата «Восток») и организованная Шетцелем и Голувко. Во главе нее стоял А. Ассатиани – видный представитель грузинской эмиграции, действовавший в то время в Турции – непосредственно в районе советского приграничья. Чем практически занимался Ассатиани, неизвестно. К его заданиям относились как сбор ценных сведений, так и ведение контрреволюционной пропаганды в Грузии и еще более – «секретная военно-политическая работа» (сигнатура W-22), которая, скорее всего, заключалась в создании диверсионных или же повстанческих организаций.

Как следует из документов⁹⁸, восстания на Кавказе в 1924 и 1929–1932 гг., а также движение басмачей были инспирированы эмиссарами-эмигрантами, являвшимися агентами экспозитуры № 2.

На добывание учетных материалов была направлена работа так называемой II секции штаба УНР, созданного в 1927 г. В делах сохранились два доклада украинской разведки от 1932 и 1933 гг. И хотя они не содержат имен агентов, однако же оставляют впечатление, что II секция штаба УНР исполняла функцию приграничной разведки, подобно офицерским постам разведки КОР⁹⁹, а ее агентура состояла из перебежчиков, кулаков и т.п. элементов.

Следовавшие один за другим удары советских органов безопасности (как следует из дел экспозитуры № 2, таковыми были ликвидация «Союза вызволения Украины» и организации академика Ефремова на Украине¹⁰⁰, Вели Ибрагимова¹⁰¹ в Крыму, Султан-Галиева в Татарской АССР¹⁰², Касымова в Туркмении¹⁰³), а также происходившие в огне обострившейся классовой битвы сужение и изоляция классовой базы разведки в советских республиках и возможностей этой базы вынудили экспозитуру № 2 и зависимые от нее эмигрантские центры сменить свою тактику.

Обозначилась значительная разница в конспирации «прометейской» и другой агентуры 2-го отдела ГШ, действовавшей в СССР. На участке действия военной антисоветской разведки (например, по линии реферата «Восток») агентурой не дорожили. Это следовало из положения, ясно сформулированного руководителем реферата «Восток» 2-го отдела капитаном Незбжицким, которое гласило, что подозрительным в инспирации со стороны ГПУ является всякий агент, который, несмотря на интенсивную работу советских органов безопасности, не оказался после проведения нескольких оперативных встреч арестованным, но, напротив, по-прежнему продолжает действовать и доставлять сведения.

Характерным в этой связи является то, что даже работа II секции штаба УНР, вероятно, в 1934 г. была заморожена, хотя она и располагала ценной агентурой.

Такое отношение к «прометейской» агентуре, несомненно, было обусловлено тем, что в планах антисоветской войны ей отводилась роль агентуры МОВ¹⁰⁴, то есть предназначенной для использования прежде всего в момент начала военных действий в виду неуспеха планов развала СССР изнутри. Сотрудник экспозитуры № 2 в 1938 г. так объяснял эту проблему: «Застопорилась [“прометейская”] деятельность и в Польше постольку, поскольку общие политические условия и ситуация в самих “прометейских” странах (т.е. в советских республиках) не позволяли развиваться этой деятельности. После недавно подавленных больших восстаний на Кавказе (1929–1931), разгрома антисоветских организаций на Украине, неудач многочисленных партизанских войн в Туркестане и прочих фактах [имевших место] в других краях было невозможно какое-то время рассчитывать на проведение акций [по засылке] эмиссаров, и [поэтому нам] оставалось только стараться сохранить контакты и влияние»¹⁰⁵.

Вот эти-то замороженные контакты и были предметом особой конспирации. В делах, если только речь идет о важных политических контактах, называются только лица, уже ликвидированные (и то лишь имена тех, кто использовался в данной конкретной работе). В цитированном документе «Польско-прометейские отношения»¹⁰⁶ попадают, однако же, отдельные данные, и если им верить, то в 1938 г.:

«...Организация крайова [в СССР] украинская, несмотря на деконспирацию многих ее отделений (“Союза вызволения Украины”), существует по-прежнему...

На Кавказе [подобная организация] существует и создает хорошо законспирированные революционные комитеты; в Грузии они

действуют согласно инструкциям, исходящим от правительства Ноя Жордании¹⁰⁷ в Париже, в Азербайджане продолжает свои акции тайное руководство партии "Мусават"¹⁰⁸...

Туркестанцы имеют весьма многочисленную эмиграцию в Афганистане, сохраняющую контакты с родиной и поддерживающую там неугасающее восстание и так называемые набеги басмачей, которые в действительности проводятся собственными руками предводителей небольших групп как диверсионные акции».

Из одного документа 1937 г., носящего весьма случайный характер, мы узнаем, что агентом так называемого Грузинского национального центра был некий влиятельный врач из Тифлиса, бывший членом правительства Грузинской ССР – Апполон Урушадзе¹⁰⁹, который имел «хорошую репутацию» у советских властей как участник Октябрьской революции и сражений с оккупантами и контрреволюцией на Кавказе во время Гражданской войны¹¹⁰.

Все это усугублялось с течением времени отрывом контрреволюционной эмиграции от происходившей социалистической эволюции советских народов, отрывом, проявившимся, между прочим, во все более слабом понимании психологии собственных народов и в отмирании старых контактов, и вело к тому, что даже по мнению трезво оценивавших ситуацию сотрудников экспозитуры № 2 вожди контрреволюционной эмиграции не могли бы в начале войны выполнить основного задания – поднять контрреволюционное восстание. Еще меньше могли бы сделать советские обыватели, особенно занимавшие ответственные должности в аппарате СССР.

Агентура в СССР находилась на связи с эмигрантскими национальными центрами, а не с польской разведкой. Каждая эмигрантская группа поддерживала связь с помощью собственной сети связи. Связь на Украине осуществлялась через Польшу и Румынию, в Крыму – через Румынию и Турцию, в Поволжье – через Финляндию.

В делах¹¹¹ имеется довольно конкретный документ о грузинской сети связи через Иран. Помимо этой сети, связь через советско-турецкую границу в 1937 г. осуществлял некто К. Масхарашвили, проживавший в Стамбуле.

Экспозитура № 2 имела свои резидентуры в польских дипломатическо-консульских представительствах в СССР. Известно о двух таких резидентурах. Руководителем одной из них был вице-консул в Тифлисе Ксаверий Залевский. На чем конкретно основывалась работа этой резидентуры и какова была ее роль в агентурной деятельности экспозитуры, установить не удалось. Единственным известным нам моментом деятельности Залевского является факт его посредничества в 1937 г. в оживлении ранее замороженно-

го контакта между уже упоминавшимся врачом Урушадзе и Ноем Жорданием.

Другой резидентурой управлял вице-консул в Киеве в 1932–1936 гг. Петр Курницкий. Курницкий был тесно связан с экспозитурой № 2, где в годы, предшествовавшие его деятельности в Киеве, был деятелем Ориенталистического кружка молодежи, а затем, по его откомандированию в МИД, сотрудничал с экспозитурой № 2 в плане реорганизации Восточного института, а также в организации античешской диверсионной операции «Лом» («Лом») ¹¹². Характерным, однако, является тот факт, что о деятельности Курницкого в Киеве дела экспозитуры № 2 не содержат упоминания, а сведения о его сотрудничестве с экспозитурой № 2 находится в делах реферата «Восток» ¹¹³. Упомянутый выше руководитель реферата «Восток» капитан Незбжицкий в переписке с другим «двуйчиком» объясняет невозможность отзыва Курницкого из Киева тем, что он там выполняет работу для Харашкевича. Какую именно работу, Незбжицкий не уточняет – заключалась ли она в контактах с агентурой или также в написании разработок, например, о национальной ситуации в Советской Украине.

Стоит, однако, обратить внимание на ту подробность, что Курницкий точно информировал реферат «Восток» об аресте Сохацкого, Скарбека, Политуры, Лапинского-Михайлова – политэмигрантов, которые прибыли в СССР якобы для проведения продолжительной провокации в Компартии Польши и Компартии Западной Украины. Сведения о них Курницкий получал от членов семей польских эмигрантов, проживавших в УССР. Между прочим, он получал их от тестя Скарбека – Бжозовского, которого называл полковником.

Вообще польская разведка и пестовавшиеся ею агенты-«прометейцы» довольно часто прибегали в своих подрывных акциях против советской стороны к политической провокации. В силу ряда (в том числе объективных) обстоятельств весьма удобной «площадкой» для отработки этого способа как раз и являлись компартии Польши, Литвы, Западной и Закарпатской Украины, а также Западной Белоруссии. Речь шла не только о проникновении большого числа польской («прометейской») агентуры в ряды и аппараты названных партий, что во второй половине 1930-х гг. привело к их ликвидации. Нередко эмиссары и курьеры экспозитуры № 2 использовали документы и каналы связи этих партий (а также, что значило практически то же, документы и каналы связи Коминтерна); под видом «коммунистических агентов» они пересекали поль-

ско-советскую или румыно-советскую границу, а затем, установив контакты с местными бандитами и прочими темными элементами, творили порученное им дело по проведению акций саботажа и диверсий, жестоких убийств и т.п., а также расширению рядов своих сторонников. В существенной мере этой подрывной и провокационной деятельности способствовала особо напряженная обстановка в западном приграничье СССР¹¹⁴.

Примечательно, что советские органы госбезопасности, организуя противостояние иностранным разведкам (прежде всего польской), часто действовали через собственную агентуру в кругах национально-политической эмиграции и ее политических центрах. Используя дипломатические возможности, советские российская и украинская дипломатии развернули совместно с органами ОГПУ-НКВД (а также ОМС ИККИ) активные мероприятия, направленные на развал организованной националистической эмиграции и агитацию в ее среде за возвращение эмигрантов на родину. Только НКВД УССР еще до образования Союза ССР провел значительную работу по разложению военнослужащих армии УНР, подразделения которой дислоцировались в Польше и Чехословакии, вследствие чего три из восьми тысяч бойцов вернулись в УССР¹¹⁵.

К развалу эмиграции подключилась и советская внешняя разведка – Иностраный отдел ВЧК и ВУЧК (с 1922 г. – ОГПУ и ГПУ УССР). Одной из главных функций резидентур советской разведки (они представляли собой своеобразные «посольства в посольствах», а в последующей перемене их статуса обозначилась ведомственная борьба между ВЧК-ОГПУ и НКВД) было агентурное проникновение в эмигрантские политические круги и их последующее разложение; особенно это касалось эмиграции из тех республик, которые после 1917 г. успели объявить о своей государственной независимости или особом автономном статусе с последующим правом на обретение политической самостоятельности.

Говоря иными словами, созданное польской «двуйкой» «прометейское» движение, включая все его организации и разветвленные структуры, изначально находилось в сфере особого внимания Москвы (Лубянки). Уже в 1920-е гг. набирал обороты процесс по вербовке и «перековке» «прометейских» кадров. Весьма эффективным оказался применявшийся чекистами (по образцу задействованной в операции «Трест» организации «М», или МОЦР) метод легендирования антисоветских подпольных организаций. Так, в середине 1920-х гг. в Одессе и Харькове органами ГПУ УССР была создана легендированная организация «Консул», аналогичные раз-

работки имели место в Житомире, Киеве, Минске. В конце 1920 – начале 1930-х гг. ведомство украинского наркома внутренних дел В.А. Балицкого¹¹⁶ провело целую серию громких разоблачительных процессов, широко освещавшихся в советской печати, на которых был предъявлен обширный компромат против польской разведки и ее украинской националистической агентуры.

Сотрудничество экспозитуры № 2 с иностранными разведками

Экспозитура № 2, разыскивая союзников среди других спецслужб и правительств для осуществления своих антисоветских планов, в разные периоды опиралась на разные группы государств – в зависимости от текущей политической и экономической конъюнктуры. Ее неизменными союзниками оставались разведслужбы лимитрофных стран Балтии (исключая Литву)¹¹⁷ и Финляндии, в которых накал антисоветских настроений всегда был очень высоким. Также постоянным, хотя и основанным не столько на взаимности, сколько на сугубом прагматизме, было сотрудничество экспозитуры № 2 (и других структур реферата «Восток» 2-го отдела ГШ) с коллегами из Румынии, Венгрии и Чехословакии, а также Турции, Ирана, Афганистана и Северного Китая (Маньчжурии). Поскольку разведки названных стран действовали против СССР главным образом посредством проживавших на их территории эмигрантов-националистов, то крайне удобным и выгодным для взаимодействия с ними было использование польской «двуйкой» такой мощной организации, как «Прометей». (В известном смысле в данном отношении, работая через эмигрантские центры и организации на территории других государств, польская разведка повторяла опыт советской¹¹⁸.)

Поэтому руководство экспозитуры № 2 охотно соглашалось и даже инспирировало то, чтобы «прометейские» деятели пользовались одновременно материальной и иной помощью и со стороны иных правительств. Это создавало весьма своеобразную ситуацию, когда временами значительное число агентов и даже кадровых сотрудников экспозитуры оказывалось двойными и тройными агентами иностранных спецслужб. Такое положение дел сильно напрягало дефензиву (и в материальном, и в рабочем плане), заставляя ее подозревать всех и вся, держать в постоянном поле зрения весь кадровый состав разведки, но при этом, похоже, более всего

ее интересовал один вопрос – не является ли тот или иной агент или офицер экспозитуры советским шпионом.

До 1933 г., то есть до момента прихода к власти Гитлера, ориентируясь на союзников, руководство экспозитуры № 2 все же более тяготело к Франции и Англии. Экспозитура № 2, заботясь о сохранении контактов с «краем», то есть с советскими республиками через национальную эмиграцию, стремилась также, особенно через кавказскую эмиграцию, привлечь к этому Турцию. Хотя серьезных результатов в этом плане в Турции достигнуто не было, однако же контрреволюционная эмиграция действовала там, опираясь на резидентуры экспозитуры № 2, а также при тайном признании со стороны турецкого правительства.

Непосредственных доказательств сотрудничества с Германией архивные дела не содержат, однако, несомненно, материалы проливают свет на тот факт, что такое сотрудничество, хотя и законспирированное, существовало. Известно, что в экспозитуре № 2 должность руководителя резидентуры «Ассад» в Турции занимал Дубич-Пентер (Dubicz-Penther)¹¹⁹, обличенный на процессе Добошиньского как германский шпион, советник МИД по делам «прометейским» с 1929 г. и один из виднейших деятелей польской «двуйки». О существовании польско-немецкого сотрудничества по «прометейской» линии можно судить только на основе архивных дел, датированных временем после 1933 г. Необходимо отметить, что это сотрудничество никогда не носило официального характера. В 1934–1935 гг. Берлин посетил целый ряд видных деятелей кавказской эмиграции, расходы которых были оплачены экспозитурой № 2. Цель поездки была установлена индивидуально для каждого руководителем резидентуры «Мильтон» в Париже майором Домбровским¹²⁰. На основе архивных материалов¹²¹ удалось установить, что в 1935 г. представитель Грузинского национального центра, один из руководителей Грузинской народной партии, а также редактор «Прометей» Георг Гвазава отправился в Берлин, где якобы выступил в качестве свидетеля в связи с арестом гестапо Карумидзе. В действительности Гвазава приложил много усилий для того, чтобы установить контакт с официальными либо же полуофициальными гитлеровскими кругами. Ему удалось-таки найти неожиданно доброе расположение со стороны д-ра Лейббрандта (Leibbrandt)¹²² – представителя НСДАП по национальным вопросам СССР, а также завязать отношения с д-ром Эртом (Ehrt)¹²³ – председателем «Антикоминтерна», который пообещал ему присылать статьи для «прометейской» прессы. В последующий период грузин-

ская эмиграция получила и материальную поддержку со стороны Германии. Об этом свидетельствует документ¹²⁴, в котором речь идет о том, что фашиствующая группа грузинских националистов, входящая в состав «Национального центра», а также и в состав «Прометей», издавала на немецкие деньги, которые поступали благодаря посредничеству Одихарии Халвы, ежемесячный журнал «La Georgie» («Грузия»).

Особую активность в плане установления контактов с гитлеровской Германией проявляли эмигранты – представители так называемого Горного Кавказа.

Из источников советской внешней разведки стало известно, что в феврале – марте 1935 г. один из бесспорных лидеров северокавказской эмиграции Шамиль Саид-бей, внук имама Шамиля, наладил контакты с немецкой разведкой. На одной из встреч с ее представителем в Стамбуле он заявил, имея в виду магометанский Кавказ, что «*кавказский национализм по духу во многом родственен нацизму*»¹²⁵. Некоторое время спустя берлинская резидентура Заграничной организации (АО) НСДАП в Турции направила в центр докладную записку под общим названием «О результатах и перспективах разведывательной работы против СССР». Вот, на что обращалось внимание в этом аналитически тщательно проработанном документе:

«При установлении связи с эмиграцией из России, в особенности с представителями азербайджанцев, северокавказцев и туркестанцев, мы руководствовались тем, что эти эмигрантские группировки могут быть связаны с нелегальными ячейками единомышленников в Советском Союзе, служащими в различных госучреждениях и в Красной армии.

Исходя из этих соображений, *упомянутые эмигрантские организации представляют из себя самый подходящий материал для разведок иностранных государств, заинтересованных в свержении большевизма*. К этому необходимо добавить, что северокавказцы и азербайджанцы обладают к тому же хорошими связями в высших турецких правительственных учреждениях, в том числе в Генеральном штабе.

Вполне естественно, что *мы не можем оставить неиспользованными вытекающие из этого возможности, тем более что после победы национал-социализма в кругах этой эмиграции стала появляться большая и ясно выраженная симпатия к новой Германии*.

Понятно, что организация азербайджанской партии Мусават обладает наибольшим опытом с точки зрения интересов разведыва-

тельной работы. К сожалению, до сих пор эта партия использовалась и контролировалась исключительно французской и польской разведками, и ее руководителей М.Е. Расул-заде и М. Векилова следует рассматривать как агентов польской разведки...

Учитывая, что польская разведка по Кавказу активно действует и с территории Персии (курсив наш. – Авт.), мы намерены командировать доктора [Джафар]-Оглы в эту страну с целью создания там прочной базы для нашей разведки...»¹²⁶

Архивные материалы польской разведки¹²⁷ позволяют утверждать, что летом 1935 г. ведущий деятель «кавказских горцев» Магомет Сунш-Гирей отправился в Берлин с организационными целями (его командировка финансировалась экспозитурой № 2). Из письма Сунш-Гирея, описавшего свое пребывание в Берлине, следует, что он встречался там с вышеназванным председателем «Антикоминтерна» д-ром Эртом, а также его членом – фон Дерингером. В состоявшейся между ними беседе они его заверили в том, что хотели бы установить тесный контакт с националистическим движением «кавказских горцев», а также что будут охотно посредничать в установлении его контактов с японцами. Сунш-Гирей согласился на сотрудничество с «Антикоминтерном», что же касается Японии, то он хотя в принципе и выразил свое согласие, но сокрушался по поводу ее недостаточной готовности к развитию такого сотрудничества, что, по его мнению, следовало из недооценки ее значения и роли эмиграции. Вслед за этим Сунш-Гирей встретился с д-ром Мейером Гайденхагеном (Meyer Heidenhagen) – референтом Имперского министерства пропаганды «по делам народов России»¹²⁸. Гайденхаген, как и Лейббрандт, пожелал присылки в Берлин собственного представителя «горско-кавказской» эмиграции и заявил о том, что считает для себя честью установить с ним тесное сотрудничество. Как оплачивалось это сотрудничество в последующий период, точно установить не удалось. Сунш-Гирей, однако же, заручился поддержкой со стороны гитлеровцев. Из донесения экспозитуры № 2¹²⁹ следует, что в 1939 г. Сунш-Гирей во время пребывания в Варшаве находился в тесном контакте с А. Копчиньским¹¹⁰ – сотрудником германского посольства в Варшаве.

Из документов экспозитуры № 2¹³¹ также стало известно, что в 1935 г. Берлин посетил ведущий деятель крымских татар Джафар Сейдамет[ов] – будто бы с целью выхлопотать у германских кругов согласие на учреждение там «Тюрко-татарского института». В действительности же речь шла об установлении тесного сотрудничества с гитлеровцами, что нашло подтверждение в беседах, проведенных им с теми же лицами (Лейббрандтом, Эртом и др.).

Туркестанская эмиграция в лице Чокаева Мустафы-оглы также проявила еще в 1933 г. стремление в плане установления контактов с гитлеровской Германией, а также (в 1935 г.) с Японией¹³². Сотрудничество с Японией должно было идти в направлении синхронизации военного выступления Японии против Советского Союза и вооруженного восстания в Туркестане. Также в этой связи точно не установлено, в каком именно направлении развивалось это сотрудничество и сколькими контактами с японцами смогла воспользоваться туркестанская эмиграция.

О финансовом и политическом сотрудничестве экспозитуры № 2 с гитлеровской Германией и фашистской Италией свидетельствует деятельность руководителя агентства «Офинор» Михаила Еремиева. В 1935–1936 гг. Еремиев установил контакт с редактором гитлеровского еженедельника «Volker Bund» («Народный союз») Вильгельмом Шэром (Wilhelm Schaer), доверенным лицом НСДАП, с целью взаимного обмена информацией. В 1937 г. Еремиев в письме в экспозитуру № 2¹³³ писал, что реализует политику «оси» Берлин – Рим, сотрудничая с соответствующими немецкими и итальянскими редакциями. В то же время он просит экспозитуру № 2 об оказании ему помощи в получении сведений о Советском Союзе, что должно было облегчить ему сотрудничество с гитлеровской Германией и итальянским «Антикоминтерном», активным помощником которого Еремиев уже являлся длительное время. Одновременно следует добавить, что Еремиев находился в близких отношениях с доверенным лицом Муссолини – д-ром Энрико Инсабато¹³⁴. Таким образом, он стал своего рода посредником между германской и итальянской разведками, с одной стороны, и с польским 2-м отделом ГШ – с другой.

Помимо Еремиева, роль звена, связывавшего польскую разведку со спецслужбами нацистского рейха и фашистской Италии, в 1930-е гг. выполнял грузинский «прометеец», убежденный сторонник расчленения СССР с иностранной помощью – Василий Садатиерашвили. Еще в 1926 г. активно включившись в тайную подготовку военного переворота на Кавказе и Украине (который намечалось осуществить с помощью Англии, Франции, Польши, сторонников немецкого генерала Гофмана¹³⁵ и части российской эмиграции), он вместе со своим соотечественником Карумидзе возглавил подрывную операцию по изготовлению миллиардов фальшивых рублей, каковые предполагалось забросить на территорию СССР перед началом военной акции. Однако об этих планах стало известно широкой общественности, и летом 1927 г. заговорщики были аре-

стованы берлинской полицией. После открытого суда, приговорившего Садатиерашвили с сообщниками к незначительным срокам тюремного заключения, они бежали в Швейцарию. В 1933 г. новые власти рейха пригласили их вернуться в Германию, где они использовались в качестве «экспертов» в аппарате ведомства Р. Гейдриха (РСХА-СД)¹³⁶. Затем, уже живя в Риме, Садатиерашвили выступал постоянным корреспондентом ряда нацистских газет, включая центральный орган НСДАП «Фелькишер беобахтер», являясь при этом сотрудником римской секции «Антикоминтерна», деятельность которой курировалась непосредственно начальником IV отдела управления по общим вопросам МИД Италии графом Видо. Садатиерашвили представил графу Видо конкретный план, предполагавший (под руководством итальянских и при участии турецких правительственных служб) организацию вооруженного восстания на Кавказе. Поддержать восстание, по мысли Садатиерашвили, должны были подразделения итальянской армии, переброшенные инкогнито в районы советско-иранской и советско-турецкой границы под прикрытием освоения расположенных там сельскохозяйственных и лесных концессий. Хотя этот откровенно авантюристический план так и не получил реализации, его содержание вскоре стало известно в Москве из донесений агентуры ИНО НКВД в Италии¹³⁷.

В 1936 г. по инициативе Владимира Бончковского¹³⁸ и на деньги экспозитуры № 2 раз в две недели стал выходить «прометейский» журнал «Mysl Polska» («Польская мысль»), который, помимо «прометейской идеи», проводил открытую фашистскую пропаганду, став глашатаем гитлеризма перед польской общественностью. В то же время «Польская мысль» проводила активную борьбу против всех, кто говорил об угрозе национальной безопасности со стороны гитлеровской Германии.

Из архивного дела экспозитуры № 2¹³⁹ следует, что в 1936 г. в Польше находился в качестве гостя председатель «Антикоминтерна» д-р Эрт. Тогда он посетил Варшавский научный институт исследования коммунизма. В разговоре с представителями «прометеизма» в Польше д-р Эрт подчеркнул необходимость сотрудничества в борьбе против коммунизма, однако же он был против расчленения «белой России».

В августе 1938 г. Владимир Бончковский посетил Берлин с заданием установить официальный контакт с немецкими «политическими и научными кругами». Из отчета, написанного Бончковским после возвращения из Германии, следует, что он был принят целым рядом ведущих представителей гитлеровской Германии: д-р Кляйстом из

бюро Риббентропа, д-р Мейером Гайденагеном из МИД, д-р Лейббрандом – руководителем восточного отдела в бюро Розенберга (НСДАП), д-р Дерингером – зам. председателя «Антикоминтерна» и др. Согласно докладу Бончковского, эти встречи состоялись благодаря установлению им знакомства на почве обменно-издательской деятельности с генеральным секретарем немецкого «Общества по изучению Восточной Европы» («Gesellschaft zum Studium von Ost-Europa») и редактором журнала «Восточная Европа» («Osteuropa») д-ром Вернером Маркертом (Werner Markert)¹⁴⁰. Он якобы смог организовать эти встречи.

Согласно оценкам Бончковского, в результате многих бесед он пришел к выводу о том, что отношение немецких «государственных лиц» к «прометеизму» создает общую платформу для деятельности в направлении расчленения СССР. Со стороны д-ра Лейббрандта было выражено пожелание, дабы «для более тесного польско-немецкого сотрудничества и контакта на основе решения задач “прометейско”-антироссийских» в Берлин был направлен польский представитель в качестве члена посольства либо же в какой-либо иной должности.

Следующим этапом на пути развития диверсионно-политического сотрудничества польского 2-го отдела с гитлеровской Германией стала реорганизация Восточного института в 1938–1939 гг.

Польско-немецкое сотрудничество в «прометейской» области особенно ясно показано в памятной записке В. Бончковского. Гитлеровский принцип «пятой колонны» находит в названной записке полное признание, когда речь заходит о формировании таковой в Советском Союзе с опорой на «прометеизм».

Заслуживает внимания документ экспозитуры № 2¹⁴¹, из которого следует, что она отдавала себе полный отчет в том, что Германия стремится подчинить себе «прометейские» акции. Тем удивительнее факт приглашения экспозитурой № 2 немцев к установлению контактов с «прометейской» эмиграцией. В данном же отношении в документе подчеркивается факт заангажирования Японии как в политическом, так и финансовом плане для проведения «прометейских» акций, и все это по непосредственной инициативе польского МИД.

В документах экспозитуры № 2 довольно часто просматриваются попытки представить гитлеровскую Германию как прямого соперника в сфере «прометейской» деятельности. Однако, принимая во внимание характер политики пилсудчиков, проводившейся в этой области экспозитурой № 2, и учитывая такие принципиальные

факты, как те, что были изложены в памятной записке Бончковского, а также инспирацию экспозитурой № 2 сотрудничества «прометейцев» с немецкой разведкой и особенно ведущую роль, какую исполнял в экспозитуре № 2 и в польском МИД немецкий шпион Дубич-Пентер, можно сделать вывод о том, что действительно существовало глубоко законспирированное сотрудничество экспозитуры № 2 с германской разведкой.

В Варшаве «прометейская» работа управлялась непосредственно центральным руководством экспозитуры № 2, а точнее сказать – самим Харашкевичем. За границей, в тех странах, где размещалась национальная эмиграция, экспозитура № 2 проводила «прометейскую» работу посредством резидентур, специально для этого организованных, а также с помощью прежних официальных дипломатических резидентур. В задачи резидентур входили поддержание тесной связи с предводителями разных эмигрантских групп, передача им инструкций и денег от центра и контрразведка на территории проживания этой эмиграции. К заданиям резидентур также относилось точное информирование центра о всем, что касалось эмиграции на месте ее проживания.

В Париже «прометейской» работой руководили последовательно следующие резидентуры («пляцувки») экспозитуры № 2: «Мартель» («Martel») I в 1928–1931 г., руководителем которой был поручик Станислав Защвилюховский; «Роллэн» («Rollin») в 1931–1933 г., руководитель – Станислав Глиньский¹⁴²; «Мартин» («Martin») в 1933–1934 г. и «Мильтон» («Milton») в 1934–1937 г., руководитель – майор Владимир Домбровский; «Велстон» («Welstone») в 1937–1939 г., руководитель – майор Владислав Пельц, сотрудник-контрактник экспозитуры № 2, а до этого – руководитель и соучредитель «Прометейя» в Харбине. В Константинополе руководителем резидентуры экспозитуры № 2 «Ассад» был в 1932–1937 г. майор Кароль Дубич-Пентер, позднее ставший послом в Лиссабоне. В Праге руководителем резидентуры экспозитуры № 2 «Тарас» был в 1934–1937 г. майор Ежи Кржимовский. В Харбине руководителем резидентуры экспозитуры № 2 «Хольский» был в 1934–1939 г. консул Речи Посполитой в Харбине советник Александр Квятковский¹⁴³.

На территории СССР с экспозитурой № 2 сотрудничали дипломатические представители: Петр Курницкий¹⁴⁴ – вице-консул в Киеве (1932–1936); Ксаверий Залевский¹⁴⁵ – вице-консул в Тифлисе (1935–1937).

Следует отметить, что в действительности Польша планировала создать на территории Советского Союза гораздо больше соб-

ственных диппредставительств, под прикрытием которых могли бы действовать разведцентры «двуйки». «Программа деятельности в этом направлении, – отмечает в своем исследовании Т.М. Симонова, – была разработана МИД Польши при полном одобрении военного министерства. Предполагалось создать представительства в Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Ленинграде, Чите, Ново-Николаевске, а также восстановить представительство в Минске – там польский представитель был арестован по обвинению в шпионаже.

Признано было необходимым также восстановить польские канцелярии при итальянском консульстве в Тифлисе, при персидском консульстве в Баку и Эривани, а также на территории Дальневосточной республики. По мнению начальника Восточного департамента МИД Р. Кнопля, большой интерес для секретной деятельности в России могли иметь представительства в Ташкенте и Казани. *“Казань можно было бы укомплектовать под флагом Красного Креста, – предлагал он, – а Ташкент – в составе какого-нибудь торгового представительства Лодзинской промышленности”*¹⁴⁶.

Несомненно, резидентур экспозитуры № 2, действовавших в разных странах, было больше, но конкретные данные об их деятельности отсутствуют.

Бюджет

«Прометейская» работа финансировалась из специального фонда «N». На счет фонда «N» стекались дотации 2-го отдела ГШ, МИД и МВД Польши. Месячный бюджет, отпущенный на эту работу в 1936 г., составлял 7 091 228 злотых. В эту сумму не входили расходы на сотрудников экспозитуры № 2, которые этой работой руководили, а также на офицеров-контрактников, что составляло важный участок «прометейской» работы; сюда же не относились и затраты на выплату большей части стипендий, которые покрывались за счет фондов Министерства народного образования и религиозных вероисповеданий.

К сожалению, не сохранилось точных данных о бюджете, выделявшемся на финансирование «прометейской» работы в другие годы, однако известно, что, например, в 1930 г. фонды, выделенные на эти цели, были урезыны¹⁴⁷.

Подводя итог сказанному о «прометеизме», еще раз отметим ту исключительно важную роль, которую сыграли польские спецслужбы (и прежде всего экспозитура № 2 реферата «Восток» 2-го отдела ГШ) в создании, общем руководстве и разработке планов подрывной антисоветской и антироссийской организации «Прометей». Ни по своему кадровому составу (в количественном и национальном отношении), ни по размаху шпионско-диверсионной деятельности против СССР эта организация не имела каких-либо аналогов в 1920–1930-е гг. Даже когда у польской разведки возникали объективные финансовые и материальные трудности и ей приходилось обращаться за помощью к зарубежным правительствам и коллегам по «тайному антисоветскому фронту», она старалась не упустить из своих рук бразды правления «Прометеем» и многочисленные нити его агентурных сетей.

Не в последнюю очередь именно поэтому в самом СССР, против которого велась вся эта работа, к польской «двуйке» относились с обостренным вниманием. Руководители ВЧК-ОГПУ-НКВД постоянно ориентировали личный состав советских органов госбезопасности на необходимость противодействия едва ли не первостепенной угрозе, исходившей от польской военщины, польских подпольных диверсионно-террористических организаций типа ПОВ, в течение длительного времени действовавших на территории СССР, и польской разведкагентуры¹⁴⁸. При этом чекисты хорошо знали, что все эти инструменты антисоветской политики Польши активно опираются в своей работе на, как говорили тогда, «националистический кадр», формируемый главным образом из многочисленных политэмигрантов и перебежчиков¹⁴⁹. Само наличие данного «кадра» (читай – «прометейской» агентуры) в целом ряде государственных, военных, а также партийных и общественных структур страны рассматривалось в Кремле и на Лубянке как опасный вызов цементирующей основе советского строя – пролетарскому интернационализму¹⁵⁰. Не исключено, что опасения такого рода повлияли на принятие Сталиным в середине 1930-х гг. тезиса о «постоянном усилении борьбы с внутренними врагами по мере продвижения по пути строительства социализма», что привело к полосе жестоких репрессий в 1937–1938 гг.

Что касается судьбы «Прометей» и «прометеизма» после начала Второй мировой войны и временного территориального расчленения Польши, то имеются серьезные основания полагать, что часть «прометейской» агентуры вместе со своими кураторами –

офицерами 2-го отдела ГШ Польши стала работать на английскую разведку¹⁵¹, а другая, весьма значительная часть, перешла (вместе с архивами польской разведки) в непосредственное подчинение к Абверу и СД, где широко использовалась в различных разведывательно-диверсионных школах, подразделениях типа «Бранденбург-800», «Ягдфербанд-Ост» и таких организациях, как «Винета» и «Цеппелин»¹⁵². Вообще «особый вклад» самого основоположника новой Речи Посполитой, ее разведки и «Прометея» в борьбу с большевизмом и Россией был настолько высоко оценен Гитлером, что тот после оккупации Польши войсками вермахта, несмотря на причисление поляков к расово второсортным народам, приказал поставить в Кракове почетный военный караул у гробницы Юзефа Пилсудского в Невельском замке¹⁵³.

¹ Законные основания для возрождения независимой Польши были даны следующими правовыми актами: 1) 16 марта 1917 г. Временное правительство России опубликовало воззвание к польскому народу, в котором впервые был поставлен вопрос о независимом польском государстве, однако же при условии его вхождения в военный союз с Россией; 2) 7 февраля 1918 г. на мирных переговорах в Брест-Литовске советское правительство отказалось от суверенитета над Королевством Польским, а 29 августа 1918 г. вышел декрет СНК РСФСР об аннулировании в одностороннем порядке всех трактатов о разделах Польши; 3) 28 июня 1919 г. был подписан Версальский мирный договор (ст. 87–93), по которому Германия признавала независимость Польши, отказывалась в ее пользу от части Верхней Силезии, г. Данциг (Гданьск) с округом объявлялся вольной территорией под эгидой Лиги Наций, определялись западная и восточная (по так называемой «линии Керзона»: Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорохуск – Устилуг – восточнее Гребешова через Крылув, далее западнее Равы-Русской и восточнее Перемышля до Карпат) границы новой Польши. Первое временное правительство Польской республики было создано в Люблине в ночь с 6 на 7 ноября 1918 г., оно состояло из представителей левых партий и националистов. 14 ноября это правительство, а также королевский Регентский совет передали свои prerogative Пилсудскому, после чего сразу объявили о своем самороспуске. 22 ноября 1918 г. вышел декрет о высшей представительной власти в Польской республике, которым Пилсудский назначался временным начальником государства, обладающим всей верховной властью до созыва Законодательного сейма. 28 ноября 1918 г. советское правительство де-факто признало Польскую республику как самостоятельное государство (Известия, 29 ноября 1918 г.). 20 февраля 1919 г. сейм официально провозгласил Пилсудского «Начальником и Верховным вождем

государства». Вскоре последний объявил состав своего правительства. Именно оно и поставило среди своих важнейших приоритетов задачу свержения советской власти, а в перспективе – расчленения России.

² Пилсудский Юзеф Клеменс (5.12.1867–12.05.1935) – 1-й маршал Польши (19 марта 1920 г.), министр обороны, генеральный инспектор вооруженных сил; происходил из богатой помещичьей семьи (его отец был участником национального восстания 1863 г.); с февраля 1894 г. – член ЦК ППС (Польской социалистической партии); выступал за полную автономию Королевства Польского. В 1906 г. вместе со своими сторонниками в ППС создал собственную ППС – Революционную фракцию, целью которой стала подготовка антирусского восстания. В августе 1914 г. по инициативе Пилсудского была создана ПОВ (Польская организация войсковая), он стал ее первым комендантом, а его ближайшим помощником и заместителем – Эдвард Рыдз-Смиглы (1886–1941). 6 августа 1914 г. во главе созданного им Союза стрелков Пилсудский выступил из Кракова против русской армии, затем сражался против германо-австрийских войск. В ночь с 21 на 22 июля 1917 г. за призыв к польским легионерам не принимать австро-венгерской военной присяги был арестован и интернирован в Магдебургскую крепость, откуда был освобожден 8 ноября 1918 г. по решению германского правительства. 20 февраля 1919 г. польский сейм назначил Пилсудского «Начальником и Верховным вождем государства». В июле 1923 г. демонстративно отказался от всех должностей и покинул Варшаву, поселившись в своем загородном доме в Сулеювках. В мае 1926 г. совершил при поддержке верных ему армейских частей государственный переворот. Стал министром обороны, 31 мая 1926 г. был избран президентом буржуазной Польши.

³ Стахевич Юлиан (1890–1934) – генерал, легионер, активный участник разведывательно-подрывной деятельности против России, проводившейся ПОВ; близкий сподвижник Пилсудского; в 1923–1924 и с 1926 г. – начальник Военно-исторического бюро; с 1928 г. – генеральный секретарь Исследовательского института по новейшей истории Польши. Не следует путать с другим Стахевичем – Вацлавом Теофилом (1894–1973) – бригадным генералом, начальником Генштаба ВП в 1934–1935 гг.

⁴ РГВА. Ф. 461к (Экспозитура № 2 2-го отдела ГШ Войска Польского, Варшава). Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

⁵ *Z dziejyw stosunkyw polsko-radzieckich. Studia i materialy*. Т. III. Warszawa, 1968. S. 262.

⁶ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 19–20.

⁷ РГВА. Ф. 461к. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

⁸ См., к примеру, о переговорах Пилсудского с гетманом С.В. Петлюрой, главой «Вольного казачества» генералом И.Ф. Быкадоровым и др.: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм: На службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003. С. 54–69.

⁹ См.: *Dictionary of Subjects and Symbols in Art* by James Hall. Introd. by Kenneth Clark. N.-Y., 1979. P. 254.

¹⁰ См.: *Zaluski Z. Drogi do pewnosci*. Warszawa; Peplonski A. *Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920*.

¹¹ Рижский мирный договор устанавливал польско-советскую границу значительно восточнее пресловутой «линии Керзона»: к Польше отходили практически вся Западная Белоруссия и Западная Украина. Этот договор уже сам по себе предвещал постоянную напряженность между Польшей и СССР. Именно им была продиктована необходимость развертывания на западных границах СССР 17 мощных укрепрайонов в составе Западного и Киевского Особых военных округов.

¹² История дипломатии. Под ред. акад. В.П. Потемкина. Т. 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919–1939). М.–Л., 1945. С. 624.

¹³ Там же. С. 625.

¹⁴ Документы внешней политики СССР. Т. 21. М., 1960. С. 650–651.

¹⁵ Здесь и далее хронологическое деление дается на основе принятой в польской историографии периодизации истории Второй Республики.

¹⁶ Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) – гетман, один из организаторов Центральной рады (1917) и Директории (1918) на Украине, глава правительства УНР, в 1920 г. эмигрировал во Францию. Убит в Париже в 1926 г. агентом ОГПУ Шварцбартом. Последний мотивировал свой поступок мстью за смерть брата, якобы погибшего в результате еврейского погрома, и поэтому суд его оправдал (см.: Сергейчук В. Симон Петлюра і єврейство. К., 1999).

¹⁷ См. подробнее: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 64–69; Былинин В.К., Коротаев В.И. Портрет лидера ОУН в интерьере иностранных разведок. – Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М., 2006. С. 98–99.

¹⁸ Архив Библиотеки народной в Варшаве: ед. хр. 68754. Л. 103, 107–108; ед. хр. 68848. Л. 307; ед. хр. 68864. Л. 653.

¹⁹ Replonski A. Wywiad polski na ZSRR. 1921–1939. Warszawa, 1996. S. 126. См. также: Сидак В.С. Військова спецслужба Державного центру УНР в екзилі та керівники (1926–1938). – Воєнна історія, 2002, № 1.

²⁰ См.: Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики. 1921–1928. М., 2006. С. 326–327 – цитата из справки КРО ОГПУ, 1928. См.: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 307. Л. 4–41.

²¹ Имеется в виду личный секретарь и адъютант С.В. Петлюры подполковник армии УНР Василий Бень; в 1931 г. он был назначен директором первой украинской школы им. М. Шашкевича во Львове (по личной протекции митрополита Андрея Шептицкого); погиб в львовской тюрьме НКВД 26 июня 1941 г. (см.: Сидак В.С. Национальные спецслужбы в период Украинской революции 1917–1921 гг. [Неизвестные страницы истории.] К., 1998. § 6.3 [на укр. яз.]).

²² См.: Сидак В.С. Национальные спецслужбы... § 6.3 со ссылкой на статьи П. Ващенко и В. Яновского в сборнике: За державність: Матеріали до історії Війська Українського. Збірник 3. Варшава, 1933. С. 135–136, 172–177.

²³ См.: Михайленко А., Ткаченко А. Легенда для генерала. – Шляхами чекістської долі. Сб. зар. К., 1988; Кравцевич-Рожнецкий В. Дорога к базару. – Зеркало недели, № 46 (370). 24–30 ноября 2001 г.

²⁴ Архив Библиотеки народной в Варшаве: ед. хр. 68867. Л. 295; см. также: Голинков Д.А. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917–1925). М., 1975. С. 484–486. Одним из руководителей «Цупкома» (сами петлюровцы называли его «Комитетом освобождения Украины») являлся киевский инженер Наконечный (он же Днистров), его ближайшими сподвижниками были Андрух, Гелев, Чепилко, Комар, Грин и др. Все они летом – осенью 1921 г. были арестованы органами ВУЧК (Голинков Д.А. Крушение антисоветского подполья... С. 485–487, 491).

²⁵ Сидак В.С. Национальные спецслужбы... § 6.3 со ссылкой на: Державний архів Служби безпеки України. Спр. (Д.) 2313/114. Арк. (л.) 8–9.

²⁶ Шульгин Александр Яковлевич (30.07.1889, Полтавск. губ. – 1960) – из потомственных дворян, двоюродный брат известного русского историка и монархиста В.В. Шульгина. В 1908 г. после окончания 1-й Киевской гимназии поступил на естественный факультет Петербургского университета, через два года перешел на историко-филологический факультет. Входил в «молодую» громаду «Товарищества украинских прогрессистов» (ТУП), в кружок украиноведения, в управу «Благотворительного общества для издания общепользных и дешевых книг» под руководством П.Я. Стебницкого; сотрудничал в журналах «Украинская жизнь» и «Русское богатство».

В дни Февральской революции 1917 г. – депутат Украинской национальной рады в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Участвовал в съезде ТУП (25–26.03.1917, Киев), избран в раду «Союза украинских автономистов-федералистов» (СУАФ), в составе делегации Петроградской громады (А.И. Лотоцкий, Г.К. Голоскевич) вел переговоры с М.С. Грушевским и др. деятелями Центральной рады о тактике поведения по отношению к Временному правительству. 19–21 апреля 1917 г. на Всеукраинском национальном конгрессе избран членом Центральной рады от Украинской демократическо-радикальной партии (УДРП), вошел в состав исполнительного органа Центральной рады – Малой рады. С апреля 1917 г. – член рады УДРП Украинской партии социалистов-федералистов (УПСФ) и Киевского городского комитета партии. Активно влиял на формирование идеологической и тактической линии эсеров. Заместитель (15.06–01.07.1917), затем генеральный секретарь межнациональных дел (позднее министр иностранных дел) (1.07.1917–26.01.1918) в кабинете премьера Центральной рады В.К. Винниченко. В начале сентября 1917 г. вместе с Д.И. Дорошенко, М.И. Туган-Барановским и др. членами Генерального секретариата совершил поездку в Петроград. Как генеральный секретарь межнациональных дел стремился к взаимопониманию с национальными меньшинствами на Украине, к контактам с лидерами негосударственных наций России. Выступал на конгрессе народов (10.09.1917, Киев). Кандидат УПСФ на выборах во Всероссийское Учредительное собрание по Полтавскому избирательному округу. 3 ноября 1917 г. выступал на Всероссийском казачьем съезде в Киеве, убеждал его участников в том, что Украина добывается не самостоятельностью, а лишь права самостоятельно строить свою жизнь. 10 ноября 1917 г. участвовал в подписании соглашения Центральной рады со штабом Киевского ВО.

После провозглашения Украинской Народной Республики (УНР) предпринял ряд шагов по утверждению нового правового статуса Украины, добивался ее признания со стороны государств Антанты и новых национально-государственных образований бывшей Российской империи, заключил соглашение с Национальным советом Чехословакии о пребывании чехословацких частей на территории Украины. Участвовал в разрешении конфликта с Советской Россией, разработав и подписав вместе с Винниченко ряд дипломатических документов (ответ от 17.12.1917 г. на ультиматум СНК; нота правительствам новообразованных республик и краев от 18.12.1917 г.; ответ на ноту СНК от 3.01.1918 г. с предложением переговоров о мире; нота от 22.01.1918 г. ко всем нейтральным и воюющим государствам с разъяснением позиции УНР в вопросе о мире). В период первого взятия большевиками Киева (26.01–1.03.1918) оставался в городе. В конце марта – начале апреля возглавил оппозицию эсефов правящему эсеровскому кабинету В.А. Голубовича; доказывал, что выход – в создании коалиционного правительства, в «синтезе всех персонально крепких элементов, без деления на партии и нации»; «национальная идея» в опасности.

В период гетманата – член Совета министров, председатель политической комиссии украинской мирной делегации на переговорах с Советской Россией. С 16 июля 1918 по январь 1919 г. – посол гетмана, затем Директории УНР в Болгарии. С января 1919 по март 1921 г. – член дипломатической секции мирной делегации УНР в Париже, стремившейся добиться признания Украины Западом и оказания помощи в борьбе с большевиками. С 1921 г. – глава чрезвычайной миссии УНР в Париже, продолжавшей работу предшествовавшей делегации. Как признавал Шульгин, активность миссии практических результатов не дала и не могла дать ввиду нежелания Франции и Европы в целом вмешиваться в восточные дела; полученный им ответ был краток: «Ни одного солдата, ни одного сантима, пока вы сами не овладеете снова хотя бы частью своей территории».

Председатель украинской делегации на 1-й ассамблее Лиги Наций (осень 1920 г., Женева), член делегации УНР на мирной конференции в Генуе (апрель 1922 г.), постоянный представитель УНР при Лиге Наций (с 1921), председатель Головной рады УНР (1930-е гг.) и украинского общества при Лиге Наций. Как представитель УНР при Лиге Наций активизировал с 1927 г. свою деятельность по следующим основным направлениям: борьба за национальное имя, отстаивание прав украинских эмигрантов в Комитете по делам беженцев при Лиге Наций; постановка украинской проблемы в связи с основными мировыми проблемами (проект об образовании Европейской федерации, разоружение, экономическая конфронтация); протесты против насильственно-репрессивных действий большевистского режима на Украине. Кроме того, Шульгин занимался защитой прав украинских меньшинств Польши, Румынии, Чехословакии. В его компетенцию входил также «восточный вопрос» в СССР (контакты в эмиграции с представителями крымских татар, кубанских казаков, Азербайджана, Грузии, Северного Кавказа, Туркестана, то есть с «прометейцами»).

Сотрудник, с 1938 г. – редактор журнала «La Revue de Promithee» (основан в 1925 г., Париж); председатель «Комитета для взаимного сближения Украины с народами Кавказа и Туркестана» (Париж). Председатель «Комитета украинской эмиграции для помощи голодающим на Украине» (с 1929). Член Международной дипломатической академии во Франции (с 1930). В 1934 г. сделал доклад о проблемах Украины в Королевском международном институте международных дел в Великобритании. Шульгин провел историко-аналитический обзор деятельности руководства УНР в изгнании в книге «Без территории» (Париж, 1934, на укр. яз.), снабдив ее большим фактическим материалом и документальными приложениями.

Одновременно с политической и публицистической вел научную и преподавательскую деятельность. С 1923 г. – профессор всеобщей истории Украинского вольного университета (УВУ), в 1924–1929 гг. – профессор всеобщей истории Украинского высшего педагогического института им. М.П. Драгоманова в Праге. В 1924–1925 гг. – основатель и генеральный секретарь «Украинского академического комитета» (УАК) – координационного органа украинских высших и научных обществ в эмиграции; в 1926 г. добился включения УАК в состав Комиссии международного интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций (до 1934). Член Историко-филологического общества в Праге. Опубликовал ряд работ, основные из которых: «Очерки по новой истории Европы» (на укр. яз., Прага, 1925), «L'Ukraine contre Moscou, 1917» (Paris, 1935) и др.

²⁷ Славинский Максим Антонович (18.08.1868–23.11.1945) – украинский общественно-политический деятель, дипломат; по окончании гимназии в 1886–1895 гг. учился на юридическом и историческом факультетах Киевского университета св. Владимира; с 1888 по 1905 г. – один из ведущих идеологов радикально-демократической партии, публицист, его статьи печатались в различных изданиях («Северный курьер», «Жизнь», «Мир божий», «Труд», «Приднепровский край»). После закрытия последнего царской цензурой перебрался в Одессу, где редактировал «Южные записки»; участник русско-японской войны 1904–1905 гг., прапорщик; в мае – сентябре 1906 г. – редактор печатного органа украинской фракции Госдумы России – «Украинского вестника» (СПб.), в это время близко сошелся с М. Грушевским; участник Первой мировой войны.

С 1917 г. – член Украинского комитета Петрограда, вступает в ряды новообразованной партии социалистов-федералистов (вместе с А. Шульгиным, А. Лотоцким и др.). В мае 1918 г. вернулся в Киев, где по приглашению гетмана П.П. Скоропадского (1873–1945) стал сначала советником министра иностранных дел Дмитрия Дорошенко, членом делегации на мирных переговорах с РСФСР, а с сентября 1918 г. – главой дипмиссии во Всевеликое Войско донское, в Новочеркасск к генералу Краснову; затем Славинский был назначен министром труда в «правительстве» Федора Лизогуба.

После падения режима Скоропадского и прихода к власти на Украине Директории во главе с гетманом С.В. Петлюрой Славинский вышел из партии социалистов-федералистов. С 19 января 1919 г. он возглавил

дипмиссию УНР в Чехословацкой республике (ЧСР). Здесь Славинский развернул широкую общественно-политическую и пропагандистскую работу в духе украинской державности и национализма: создал пресс-бюро миссии и так называемый «Кошицкий пункт», официальное предназначение которого – «обеспечение национально-культурных потребностей украинцев Закарпатья», участвовал в учреждении «Украинского общественного клуба», украинско-чешского издательства «Всесвит», в издании журнала «Народ» (до середины 1920 г.). Другим направлением деятельности Славинского в данный период стало участие в обеспечении армии УНР: а) в области разведки, б) в плане материально-технического и кадрового обеспечения (на Украину из ЧСР было отправлено около 10 тыс. украинцев-военнопленных, несколько вагонов медикаментов, белья, перевязочных материалов, амуниции, промышленного оборудования и т.д.).

В марте 1923 г. правительство ЧСР заявило о ликвидации миссии УНР в стране, после чего Славинский остался в Праге. Он читал лекции в Украинском высшем педагогическом институте (Прага) и Украинской хозяйственной академии (Подебраны), печатался на страницах местной украинской прессы (газеты «Дело», «Литературно-научный вестник»); с 1927 по 1934 г. – постоянный пражский корреспондент парижского журнала «Тризуб».

Во второй половине 1920-х гг. Славинский был избран зампредом «Головной украинской эмиграционной рады». С начала 1930-х гг. Славинский, продолжая работу на петлюровскую разведку, становится важным агентом польской «двуйки», действовавшем на «прометейском» поприще. Так, в мае 1938 г. по приглашению председателя «Комитета дружбы народов Кавказа, Туркестана и Украины», бывшего члена Госдумы и посла «демократической Грузии» в Париже А. Чхенкели выступил в Парижском географическом обществе с докладом о национальном вопросе в СССР; его доклад, изобиловавший русофобскими выпадами («Прочь от Москвы – будь то большевики, будь то белые!»), слушали более 200 видных «прометейцев».

Во время оккупации Праги вермахтом разрабатывался гестапо на предмет возможного сотрудничества. 27 мая 1945 г. был арестован в Праге сотрудниками ОВКР СМЕРШ 4-й гвардейской танковой армии, этапирован в Киев – во внутреннюю тюрьму НКГБ УССР № 1 (Лукьяновку). Обвинительное заключение Славинскому вынесено 9 ноября 1945 г., а 23 ноября в 23:30 он умер в своей камере.

²⁸ См.: Меморандум «О планах правительства УНР на случай войны с СССР», врученный Владимиром Мурским – представителем УНР и организации «Прометей» в Стамбуле японскому военному атташе в Турции Канда 9 ноября 1934 г. (см.: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 277–283.

²⁹ Яхно Павел – украинский общественно-политический деятель, близкий к С.В. Петлюре и А.Н. Левицкому, православный священник, выступавший за автокефалию Украинской православной церкви от РПЦ; с 1920 г. жил в Чите (Забайкалье), в 1924 г. был осужден за контрреволю-

ционную деятельность и вместе с другими украинскими националистами (Р. Барилевичем, П. Горовием, Ф. Смутьским) выдворен в Маньчжурию (Харбин), где представлял интересы УНР и общества «Прометей»; сгруппировал местных молодых украинских национал-радикалов вокруг «Союза украинских эмигрантов», который возглавлял вместе с Д. Барченко, П. Марчиничем и И. Свитом; сотрудничал с петлюровской, польской и японской разведками; был в близких отношениях с митрополитом Петропавловским и Камчатским Нестором (Анисимовым), арестованным 5 июля 1948 г. в Харбине и осужденным в СССР по ст. 58, ч. 1.6 УК (борьба против советской власти) на 10 лет ИТЛ (к этому времени Яхно уже не было в живых).

³⁰ Гуттры Владислав (1899–?; оперативные псевдонимы «Владимир Гражиньский», «Галиньский») – поручик, в середине 1930-х гг. – капитан экспозитуры № 2; в 1938 г. участник тайной операции польской разведки «Восстание» в Заользье (Заольжанской Силезии, Чехословакия). См.: Badziak K., Matwiejew S., Samus P. «Powstanie» na Zaolziu w 1938 г. Polska akcja specjalna wswietle Oddzialu II Sztabu Glownego WP. Warszawa, 1997. S. 79, 83, 85, 132, 157, 168, 170; РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

³¹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 60.

³² УВО – ОУН: Украинская военная организация – Организация украинских националистов.

³³ Былинин В.К., Коротаев В.И. Портрет лидера ОУН... С. 134.

³⁴ Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль. 1930–1950 гг. М., 1999. С. 27.

³⁵ Крук-Стржелецкий Тадеуш – капитан, до назначения в Национальный реферат 2-го отдела ГШ ВП (приказом № 5 от 11 апреля 1920 г.) служил вместе с В. Черноцким в 5-м отделении (охватывало районы России, Украины, Кавказа, Кубани, Дона и Белоруссии) Разведбюро ГШ ВП в качестве офицера связи при ГШ «армии УНР» С.В. Петлюры (Replonski A. Wywiad w wojnie polsko-bolszewickiej 1919–1920. S. 44–45).

³⁶ Лис-Блоньский Станислав (1890–1939) – в 1920-е гг. один из руководителей 2-го отдела польского Генштаба.

³⁷ Сухенек Хенрик (оперативный псевдоним «Стахетский»). Известно, что в начале 1920-х гг. он в чине капитана работал под руководством капитана В. Черноцкого в Национальном реферате 2-го отдела ГШ ВП, затем перешел на службу в МВД Польши, где курировал агентурную работу с национальной эмиграцией из СССР и поддерживал контакт с экспозитурой № 2 реферата «Восток» 2-го отдела ГШ ВП.

³⁸ Дергач-Адамович Вячеслав (1864–1939) – белорусский общественно-политический деятель русофильского направления, поручик, глава националистической организации «Зеленый дуб», до 1921 г. – представитель РПК – РЭК Б.В. Савинкова в Белоруссии, агент 2-го отдела польского Генштаба (см.: Пашкевич А.В., Чарнякевич А.М. Атаман Дергач: неизвестные страницы биографии, или К истории политического авантюризма в белорусском национальном движении. – Берасцейскі хранограф. Вып. 4. 2004. С. 314–334 [на белорус, яз.]).

³⁹ Булак-Балахович (Бей-Булак-Балахович) Станислав Никодимович (1883–1940) – генерал-майор, командующий белорусскими буржуаз-

но-националистическими войсковыми формированиями в период польско-советской войны 1920 г.; затем сотрудничал со 2-м отделом польского Генштаба, а также с савинковской, петлюровской и немецкой разведками в плане создания в советско-польском приграничье подпольных повстанческих групп («дружин») и широкой диверсионно-подрывной деятельности против СССР. Затем проживал на территории Польши, официально занимаясь сельским хозяйством; ОГПУ организовало на него ряд безуспешных покушений. 11 июня 1923 г. был убит его младший брат Юзеф. В 1926 г. Станислав Булак-Балахович помог Пилсудскому совершить государственный переворот. В 1936 г. – наблюдатель польской военной миссии в Испании, помогал франкистам организовывать разведку и диверсии в тылу республиканцев. В 1938 г. он предлагал польской разведке организовать диверсию против Чехословакии (операция «Jom»). В сентябре 1939 г. начал партизанские действия против вермахта, участвовал в обороне Варшавы. Убит 10 мая 1940 г. в центре Варшавы агентами гестапо.

⁴⁰ Зямкевич Ромуальд – видный белорусский коллекционер-библиофил, библиограф, публицист, историк, переводчик, просветитель и политический деятель первой половины XX в. Родился 7 февраля 1881 г. в Варшаве (где прожил большую часть жизни); учился в Киеве и Петербурге. С 1909 г. издавал литературоведческие статьи и публикации в альманахе «Наша ніва», печатался в газетах «Вольная Беларусь», «Беларуская думка», «Беларусь», «Новае жыццё», журналах «Родныя гоні», «Калоссе», в сборнике «Заходняя Беларусь». В конце 1918 г. принял активное участие в учреждении в Минске белорусских учительских курсов. В начале 1920-х гг. работал над книгой по истории организации «Зеленый дуб» (будучи одним из ее основателей) и «армии генерала С. Булак-Балаховича. В 1920-е гг. как дипломированный инженер-механик по основной профессии занимал руководящую должность в польской Высшей контрольной палате (Najwyzsza Izba Kontroli Państwa). Во время Первой мировой войны установил связь с ПОВ. В 1917 г. Зямкевич – делегат съезда белорусских национальных организаций и I Всебелорусского съезда в Минске; принял живое участие в становлении государственно-политической системы так называемой Белорусской Народной Республики (БНР), в результате чего имел тесные связи со многими, прежде всего западно-белорусскими, буржуазными политическими деятелями. Между прочим, у его жены Л. Дунин-Барковской хранился архив Белорусской социалистической грамады.

В межвоенной Польше имя Зямкевича прозвучало во время «процесса 45-ти» в Белостоке в 1923 г., где он выступал на стороне защиты белорусского посла Яковюка, который обвинялся в антигосударственной деятельности. Софундатор и активист целого ряда западнобелорусских общественно-политических организаций полонифильского и националистического толка – «Объединения белорусских беспартийных активистов», Белорусского национального комитета в Варшаве и ряда др. В 1922–1925 гг. и последующие годы являлся платным агентом Национального реферата (подреферата «В») 2-го отдела польского Генштаба (оперативные псевдонимы «Шершень» и «Дземянович»).

⁴¹ Ладнов Явген – белорусский политический деятель, полковник, агент польской «двуйки». В 1919 г. – глава белорусской делегации на Парижской мирной конференции; 27 апреля 1921 г. он (как глава правительственной делегации БНР) совместно с секретарем президиума комитета БНР Б. Тарашкевичем подписал договор с генералом С.Н. Булак-Балаховичем, по которому последний признавался «верховным командующим над всеми вооруженными силами Белоруссии»; стороны также признали союз с Польшей и Францией, а также всеми вновь возникающими государственными образованиями на территории бывшей Российской империи.

⁴² Мамонько Язеп (1889–1937) – белорусский политический деятель, один из лидеров белорусских эсэров (БПС-Р), член Президиума Рады БНР; агент 2-го отдела польского Генштаба (хотя открыто заявлял о том, что является сторонником независимости Беларуси от Москвы и Варшавы); после решения 2-й Всебелорусской конференции в Берлине от 16 января 1925 г. о переезде правительства БНР в Минск выехал в БССР.

⁴³ Миткевич Явген (1890–?) – белорусский политический деятель полонифильского толка, глава «Объединения белорусских беспартийных активистов» (1922–1924), агент 2-го отдела польского Генштаба.

⁴⁴ Шурпа Янко – белорусский деятель, один из лидеров БПС-Р, организаторов и участников восстания на Случчине в 1920 г. в чине поручика 1-й войсковой бригады БНР; балаховец; член Белорусского национального комитета в Гродно; агент 2-го отдела польского Генштаба.

⁴⁵ Яковюк Симон – белорусский деятель, православный, беспартийный; в Первую мировую войну – офицер царской армии; в 1920 г. – секретарь Белорусского национального комитета в Гродно, при большевиках работал там же как специалист начальником местного телеграфа, тайно сотрудничая с ПОВ. Затем белорусский посол в польском сейме, член Белорусского посольского клуба; сотрудничал со 2-м отделом ГШ ВП. 27 июня 1923 г. военный трибунал Войска Польского, рассмотрев просьбу Яковюка о зачислении его как бывшего офицера в резерв польской армии, постановил, что Яковюк «не может быть офицером ВП в запасе, поскольку является злейшим врагом польской державы», так как якобы, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, неоднократно ругал на парламентских заседаниях все польское. В июле 1923 г. в Белостоке состоялся открытый суд над Яковюком, обвиненным в антигосударственной деятельности, на котором присутствовали официальные представители СССР из Минска и Москвы. На процессе в защиту Яковюка выступили тайные агенты польской «двуйки» Р. Зямкевич и Л. Дубейковский, а также начальник 2-го отдела III ВО С. Ярецкий.

⁴⁶ См., например, рапорт Ромуальда Зямкевича-Шершеня во 2-й отдел ГШ ВП, в Варшаву, от 13 февраля 1923 г. об очередном – с 30 января по 3 февраля – приезде инкогнито в Вильно и Гродно германского агента Эдмунда Зуземиля (1881 – после 1938), бывшего (в период Первой мировой войны) цензора белорусской газеты «Гоман», и его попытке встретиться с сопредседателем Белорусского национального комитета, бывшим главой правительства Белорусской Народной Республики (БНР)

Антоном Луцкевичем (см.: Центральный военный архив [ЦВА] в Рембертуве [Польша]. Фонд 2-го отдела ГШ ВП. Сигн. 1.303.4.2664. 1-й экземпляр).

Между прочим, Зуземиля лично знали и тайно сотрудничали с ним председатель правительства БНР в Ковно (Каунасе) и член Государственной коллегии БНР (с 11.10.1922 по 20.04.1923 г.) Вацлав Ластоцкий, а также председатель правительства БНР в Берлине (до 1925) Александр Цвикиевич, многие другие крупные белорусские деятели. Зуземиля же не раз обращался во 2-й отдел ГШ ВП с «предложениями», касавшимися западнобелорусских деятелей. Так, например, 20 февраля 1926 г. он сообщил представителю польской «двуйки» о том, что готов предоставить в ее распоряжение созданную им разведгруппу из 8 белорусских агентов, проживавших в четырех странах: Польше, СССР, Литве и Германии. Предложение заинтересовало поляков, и в январе 1927 г. Зуземилю была назначена встреча с начальником Отдела по национальным делам МВД Польши капитаном Сухенком и офицерами 2-го отдела ГШ ВП (см.: Чарнякевич А., Пашкевич А. «Старый немецкий агент» или «Отец родного народа»? – АРСНЕ, № 4 [38], 2005 [на белорус. яз.]).

⁴⁷ Подробнее см.: Чарнякевич А., Пашкевич А. Психология измены: белорусское национальное движение глазами тайного агента II Отдела польского Генерального штаба. – АРСНЕ, № 6 (40), 2005 (на белорус. яз.).

⁴⁸ Цит. по: ЦВА в Рембертуве (Польша). Фонд II отд. ГШ ВП. Сигн. 1.303.4.2663.

⁴⁹ Особенно (и как вскоре – в 1925 г. – выяснилось, отнюдь не напрасно) польские власти боялись влияния на западных белорусов советской политики объединения всех белорусских земель в единую республику со столицей в Минске. Поэтому в каждом белорусе им мерещился либо большевик, либо гэлэушник (см.: Крыніца: Ауген Калубовіч. «Айцы» БССР і іхні лес. Выданьне 2-е. Клыулэнд, 1985 [айцы – белорусские национал-коммунисты]; Шевцов Ю. Белорусы «оформились» в единую нацию в рамках СССР. – Информационно-проблемный еженедельник 7 дней, № 49, 23 декабря 2006 г.).

⁵⁰ См.: Kurkiewicz M. Sprawy białoruskie w polityce rządu Władysława Grabskiego. Warszawa, 2005. S. 95–98 (<http://menhist.ru/%d0%b3%d0%b5%d0%be%d0%bf%d0%be%d0%bb%d0%b8%d1%82%d0%b8%d0%ba%d0%b0%d0%be%d1%80%d0%b3%d0%b0%d0%bd%d0%b8%d0%b7%d0%b0%d1%86%d0%b8%d1%8f-%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%bc%d0%b5%d1%82%d0%b5%d0%b9-%d0%b8-%d0%bf%d1%80%d0%be%d0%bc%d0%b5%d1%82%d0%b5%d0%b9%d1%81> –_edn62).

⁵¹ Жаботинский Владимир Евгеньевич (1880–1940) – видный деятель сионизма, журналист. С 1899 г. сотрудничал в русской буржуазной прессе. В период революции 1905–1907 гг. в России стал одним из главных пропагандистов сионизма. В период Первой мировой войны агитировал за организацию «еврейских добровольческих отрядов» и помощь Антанте, организовал «корпус» и «легион», принимавшие участие в войне. В годы Гражданской войны был одним из ярых противников большевизма. Заключил соглашение с националистическим украинским «правительством» С.В. Петлюры об организации «еврейской самообороны» в по-

мощь петлюровским войскам на Украине. В 1920 г. находился в Палестине, где выступал против национального движения арабов. Возглавлял группу сионистов, требовавшую расширения автономии Палестины, создания армии, аннексии заиорданских земель, контроля над иммиграцией и т.д. До 1928 г. издавал в Париже на русском языке сионистскую газету «Рассвет».

⁵² <http://menhist.ru/> [...] _edn64. О подрывной антисоветской деятельности названных сионистских организаций, включая содействие английской и польской разведкам, в западных областях СССР накануне Великой Отечественной войны см., например, ориентировку 3-го управления НКГБ СССР от 31 мая 1941 г.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 186–187.

⁵³ Краткая Еврейская Энциклопедия (КЕЭ). Т. 6 (Польша). Кол. 619–669.

⁵⁴ Об этих переговорах см. подробнее: Shmuel K. Lone Wolf. A Biography of Vladimir (Ze'ev) Jabotinsky. In 2 vols. Vol. 1. N.-Y., 1996. Ch. 43.

⁵⁵ <http://menhist.ru/> [...] _edn67. См.: Судьба еврейских общин в Центральной и Восточной Европе в первой половине XX века: Сб. науч. трудов. Материалы конференции 26–28 августа 2003 г. Киев, 2004. Ср. также замечание А.Х. Артузова в его письме к наркому Н.И. Ежову от 22 марта 1937 г.: «Если т. Слуцкий (сменивший Артузова начальник ИНО. – *Авт.*) хочет работать в Польше только через евреев, которых там не допускают ни в армию, ни в интересующие нас другие ведомства, не думаю, чтобы он добился успехов по этой линии» (см.: Папчинский А.А., Тумшиц М.А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001. С. 286).

⁵⁶ ХЬЕНО – аббревиатура Христианского национального единства. «Пяст» – сокращенное название партии пронационалистического толка – ПСА-«Пяст», созданной Винсентом Витосом (1874–1945), который трижды возглавлял кабинет польского правительства: в 1920–1921, 1923 и 1926 гг.

⁵⁷ Селеювек – небольшое поместье под Варшавой, принадлежавшее Пилсудскому. Сюда он прибыл с семьей и своим ближайшим окружением 28 мая 1923 г. (сразу после формирования правительства Витоса) по собственному решению. А 30 мая демонстративно подал в отставку с поста начальника Генштаба, которая была принята 9 июня того же года. Единственная должность, которую Пилсудский оставил за собой – глава Узкого военного совета. 18 апреля 1926 г., по договоренности с Пилсудским, военный министр Польши Люциан Желиговский подписал секретный приказ о скрытой концентрации отборных частей Войска Польского, верных маршалу Пилсудскому, в предместье Варшавы Рембертув. 12 мая 1926 г. эти части выступили на столицу. Вечером 14 мая президент Станислав Войцеховский и премьер В. Витос подали в отставку. Таким образом, путем вооруженного путча маршал Пилсудский вернул себе власть в стране.

⁵⁸ Сейдаметов Джафар – пантюрист, видный представитель крымско-татарской эмиграции, лидер народной партии крымских татар «Милли фыркс»; в 1918 г. председатель Крымского национального правительства и одновременно его министр иностранных дел; глава крымской

делегации на переговорах с немецким оккупационным командованием; в 1920 г. эмигрировал в Турцию вместе с врангелевской армией; сотрудничал с экспозитурой № 2 2-го отделения ГШ ВП, а с 1939–1940 гг. – с АО НСДАП и СД; 15 сентября 1941 г. был лично принят в Берлине Гитлером (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 34. Л. 2об.; ф. 309к. Оп. 1. Д. 158. Л. 74–75; ф. 453к. Оп. 1. Д. 5. Л. 17, 29; д. 6. Л. 256; д. 8. Л. 246; д. 231. Л. 29; д. 233. Л. 4; д. 235. Л. 2, 13; д. 236. Л. 1, 5, 13, 26–27, 30; д. 242. Л. 98; д. 287. Л. 63, 69, 190–191; ф. 461к. Оп. 2. Д. 25. Л. 269).

⁵⁹ Рамишвили Ной (Петер) В. (1881–1930) – член ЦК партии грузинских меньшевиков, в 1918–1920 гг. – министр внутренних дел в меньшевистском правительстве Грузии, с 1921 г. белоэмигрант, входил в состав Загранбюро меньшевиков, в 1923 г. руководил подготовкой антибольшевистского восстания в Грузии; в 1930 г. убит в Париже агентом ОГПУ (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 6. Д. 26. Л. 189–190; ф. 453к. Оп. 1. Д. 5. Л. 25, 29, 46; ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 19, 93, 97, 275; оп. 2. Д. 25. Л. 261, 310; д. 58. Л. 5, 13 об., 14, 17, 27; д. 65. Л. 43–45; ф. 772к. Оп. 1. Д. 44. Л. 18, 26; оп. 2. Д. 185. Л. 7 и сл.).

⁶⁰ Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954) – один из руководителей грузинских меньшевиков, депутат 3-й Госдумы, с 1917 г. член Особого Закавказского комитета Временного правительства, член ВЦИК, председатель Закавказского комиссариата, с 1918 г. – министр меньшевистского правительства Грузии, с 1921 г. белоэмигрант, член Загранбюро меньшевиков, с 1940 г. – член правления Национального комитета Грузии в Париже (см.: РГВА. Ф. 309к. Оп. 1. Д. 158. Л. 75–77; ф. 453к. Оп. 1. Д. 5. Л. 29; ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 17, 111, 145, 245; д. 297. Л. 16; д. 307. Л. 74; д. 315. Л. 2; ф. 461к. Оп. 2. Д. 64. Л. 81; ф. 772к. Оп. 1. Д. 91. Л. 25, 74).

⁶¹ Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926) – один из руководителей грузинских меньшевиков, депутат Госдумы 3-го и 4-го созывов, в 1917 г. председатель Петросовета, председатель ВЦИК, с 1918 г. председатель Закавказского сейма и Учредительного собрания Грузии, с 1921 г. белоэмигрант, член Загранбюро меньшевиков, член правления «Грузинского национального центра» в Париже.

⁶² Шетцель Тадеуш (1891–1971) – полковник, дипломат, начал работу в разведке с 4 ноября 1918 г. как начальник 2-го отдела командования Генерального округа в Люблине, был направлен во 2-й отдел ГШ ВП 1 апреля 1919 г. Поскольку он показал отличное знание и организационные способности, 1 мая 1920 г. ему были поручены функции шефа секции офензивы в так называемом Точном штабе Главного командования на Украине, а 1 августа 1920 г. он стал начальником 2-го отделения в Главной штаб-квартире главкомандующего. В последующем руководил учетным отделом Разведывательного бюро. В характеристике на майора Шетцеля, данной ему начальником 2-го отдела ГШ майором К. Кешковским в начале 1920-х гг., отмечалось: «Очень хороший офицер-разведчик. В работе неутомим и систематичен. Исключительно вдумчиво и грамотно решает порученные ему задачи. Из числа известных мне офицеров разведки майор Шетцель отличается наиболее глубокой мудростью и идейностью. Среди своих подчиненных он пользуется не-

изменным уважением и симпатией» (см.: Księga ewidencyjna kwalifikacji oficerów Oddzidu IINDWP, CAW, 1773/89/348 [Учетная книга квалификации офицеров Отделения IINDWP, ЦВА в Варшаве, 1773/89/348]). В 1920–1930-е гг. – старший офицер 2-го отдела ГШ ВП, вице-директор Политико-экономического департамента МИД Польши (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 193. Л. 72, 273; д. 299. Л. 19; д. 339. Л. 8; д. 345. Л. 17; ф. 308к. Оп. 6. Д. 63. Л. 17 об.; ф. 308к. Оп. 11. Д. 22. Л. 3–8; д. 214. Л. 13–15; ф. 308к. Оп. 19. Д. 31. Л. 1; д. 32. Л. 6об., 9; д. 129. Л. 17об.; д. 637. Л. 1об., 4 и сл.; ф. 453к. Оп. 2. Д. 23. Л. 68).

⁶³ Енджеевич Вацлав (1893–1993) – полковник, в 1914–1919 гг. агент активной разведки ПОВ (реферат охраны восточных окраин), с 1 ноября 1919 по 1 февраля 1920 г. – начальник 4-го разведывательного (офензивного) отдела ГШ ВП; с начала 1920-х – старший офицер 2-го отдела ГШ. В 1934–1935 гг. – министр по делам религии и народного просвещения. В 1937–1939 гг. – член, генсек Комитета Креста и Медали Независимости. С началом Второй мировой войны эмигрировал в Англию; автор ряда биографических книг о Ю. Пилсудском (1977, 1982).

⁶⁴ Чарноцкий Виктор (23.05.1886–1925) – с февраля 1920 г. (в чине капитана) офицер связи Информационного 2-го отдела ГШ ВП со штабом атамана С.В. Петлюры, с 11 апреля 1920 г. – начальник Национального реферата 2-го отдела ГШ; с 1921 г. – майор; в 1924 г. – подполковник, старший офицер центрального аппарата 2-го отдела ГШ ВП (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 11. Д. 22. Л. 4, 6, 8; ф. 453к. Оп. 2. Д. 4. Л. 200).

⁶⁵ Лукасевич Юлиан (1892–1951) – с 1912 г. член подпольного польского Союза прогрессивно-независимой молодежи в Петербурге, с 1914 г. – член подпольной национально-освободительной организации «Филаретия» в Киеве, с 1916 г. – офицер разведки ГК-3 ПОВ, с 1920 г. – кадровый сотрудник 2-го отдела ГШ ВП, в 1920-е гг. – посол Польши в Париже (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 351. Л. 33; д. 373. Л. 53; оп. 4. Д. 12. Л. 47; д. 22. Л. 30; д. 328. Л. 91, 111; д. 378. Л. 11; д. 127. Л. 120–126; оп. 19. Д. 55. Л. 120, 125; д. 58. Л. 86, 98; д. 579. Л. 17; ф. 453к. Оп. 1. Д. 5. Л. 59; д. 6. Л. 183; д. 8. Л. 44; д. 53. Л. 97; д. 54. Л. 16; ф. 461к. Оп. 1. Д. 235. Л. 11; оп. 2. Д. 55. Л. 148; д. 59. Л. 71; д. 61. Л. 44; ф. 482к. Оп. 1. Д. 66. Л. 3об.–5об.).

⁶⁶ Кнолль Роман – польский дипломат, с 23 октября 1922 по 31 декабря 1923 г. – уполномоченный по делам Польши в СССР (Москва), в 1924–1931 гг. – посол в Тегеране, Риме, Константинополе, где поддерживал тесные контакты с разведкой Италии, Ватикана и российской националистической эмиграцией; в 1935 г. – польский представитель в Турции, затем посланник в Берлине; в 1939 г. – руководящий сотрудник аппарата МИД Польши. (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 119. Л. 61; ф. 461к. Оп. 1. Д. 231. Л. 40; д. 254. Л. 101; оп. 2. Д. 28. Л. 48).

⁶⁷ Голувко Тадеуш (1889–1931) – с 1912 г. член подпольного польского Союза прогрессивно-независимой молодежи в Петербурге, с 1914 г. – член подпольной национально-освободительной организации «Филаретия» в Киеве, с 1916 г. – офицер разведки ГК-3 ПОВ, с 1920 г. – кадровый сотрудник 2-го отдела ГШ ВП, в 1920-е гг. – публицист, имел ранг посла, начальник Восточного отдела МИД Польши (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д.

328. Л. 139; оп. 19. Д. 143. Л. 174; ф. 309к. Оп. 1. Д. 158. Л. 3, 18, 64; ф. 374к. Оп. 3. Д. 172. Л. 8, 14, 15, 17, 24, 41; ф. 453к. Оп. 1. Д. 5. Л. 29–31; д. 53. Л. 31, 37; ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 17–19, 51–52, 71–73, 130; оп. 2. Д. 4; д. 24. Л. 16–18; д. 25. Л. 87, 113; ф. 720к. Оп. 7. Д. 2366. Л. 148–149; ф. 772к. Оп. 1. Д. 91. Л. 35; д. 101. Л. 117, 118, 141, 142).

⁶⁸ См.: Ибрагимьяли Халеддин. «Кавказский дом» – миф или реальность. – Кавказ, 1997, № 2.

⁶⁹ Криптоним «У» в названии реферата означал «украинцы» (как основной объект разработки), позднее с расширением функций реферата его название изменилось на «УК» («украинцы и казаки»).

⁷⁰ Харашкевич Эдмунд Каликст (1898–1975; оперативные псевдонимы «Конрад», «Конрад II», «Вольский Эдвард») – майор, с 1928 по 1939 г. – шеф экспозитуры № 2 реферата «Восток» 2-го отдела ГШ ВП (с 1929 по 1939 г. его заместителем был капитан Феликс Анкерштейн) (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 2. Д. 33. Л. 2об.; д. 39. Л. 26; оп. 3. Д. 175. Л. 130об.; д. 332. Л. 83; д. 354. Л. 226; д. 372. Л. 35, 37; оп. 5. Д. 445. Л. 220об.; оп. 11. Д. 31. Л. 20, 50, 52об., 94, 107; д. 32. Л. 4; д. 64. Л. 36; д. 81. Л. 13, 24, 29об.; оп. 19. Д. 23. Л. 147; д. 53. Л. 100–101; д. 56. Л. 119; д. 57. Л. 134; д. 65. Л. 9; д. 109. Л. 6; д. 116. Л. 37; д. 141. Л. 25; д. 151. Л. 4, 9; д. 157. Л. 80, 125; д. 159. Л. 3об.; д. 278. Л. 50; ф. 453к. Оп. 1. Д. 2. Л. 110; д. 6. Л. 216; д. 7. Л. 73, 80, 197; д. 8. Л. 129, 133; оп. 2. Д. 4. Л. 22; ф. 460к. Оп. 1. Д. 1 (все); д. 258. Л. 110; ф. 461к. Оп. 1. Д. 26. Л. 247, 249; д. 292. Л. 13, 15об., 23; д. 295. Л. 2; оп. 2. Д. 23. Л. 1, 17об., 258об., 271, 273; д. 24. Л. 7, 14; д. 25. Л. 418; д. 28. Л. 4, 6; д. 52. Л. 1; д. 53. Л. 18об., 20об., 27об., 35об.–36; д. 55. Л. 1; ф. 462к. Оп. 1. Д. 26. Л. 1об.; д. 35. Л. 36.

⁷¹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 3. Л. 31.

⁷² [http://menhist.ru/\[...\]_edn84](http://menhist.ru/[...]_edn84). См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

⁷³ Менагаришвили Сандро – секретарь Загранбюро грузинских меньшевиков («грузмеков»). С 1930 г., после убийства Рамишвили, отвечал за разведку в грузинском эмигрантском правительстве. С 1935 г. входил в число руководителей Совета конфедерации Кавказа (Париж, председатель Акакий Чхенкели); с 1937 г. координировал сотрудничество «Грузинского национального совета» (с 1940 г. – «Национального комитета Грузии») с польской разведкой. После оккупации Парижа германской армией летом 1940 г. выехал в Лондон. Вождями национальной эмиграции приоритеты были отданы сотрудничеству с германскими спецслужбами, главным эмиссаром которых в кругах грузинской эмиграции стал глава созданного тогда же в Берлине «Кавказского правительства», член НСДАП и СС Михаил Кедия (он же Мишель Коглер). С 1943 г. Менагаришвили являлся постоянным представителем Кедия-Коглера в Стамбуле, где действовал на советском направлении при активном содействии турецкой разведки «МАХ» (полковники Коралл Джеляль-бей, Сервет-бей, а также Пертев-бей, Ферит-бей, Ду Тимур-бей и др.) под прикрытием немецкого паспорта на имя Майстнера (см.: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 322). Не исключено, однако, что одновременно Менагаришвили работал на польскую и английскую разведки (см.: РГВА. Ф. 309к. Оп. 1. Д. 158. Л. 76; ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 23, 52, 98, 104, 106, 110,

264; д. 231. Л. 80; д. 250. Л. 20, 21, 279, 282, 284, 285, 288, 292, 299, 304; д. 294. Л. 39; д. 303. Л. 23об. и сл.; ф. 461к. Оп. 2. Д. 55. Л. 14, 114об., 145; д. 64. Л. 9; д. 70. Л. 3об.).

⁷⁴ Ср. специальный доклад Главного управления погранохраны МВД Польши о всех националистических организациях на территории страны (ок. 1934 г.); РГВА. Ф. 355к. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–19.

⁷⁵ Гвазава Георгий – грузинский публицист, видный общественно-политический деятель; один из инициаторов создания (в 1905 г.) национал-демократической партии Грузии (вместе с Ильей Чавчавадзе, Эвтимэ Такаишвили, Кино Тавгиридзе и др.); в 1909–1910 гг. входил в группу национал-демократов, сплотившуюся вокруг журнала «Эри» («Нация»); в 1918–1921 гг. – сотрудник коалиционного правительства Грузии; в 1921 г. эмигрировал во Францию; поддерживал тесные контакты с представителями Антанты, европейского бизнеса, а также с английской, французской, польской и немецкой разведками; один из организаторов и вдохновителей антисоветских восстаний в Грузии в 1924 и 1932 гг.; член «Национального комитета Грузии» (Париж); во время Второй мировой войны сотрудничал с нацистами.

⁷⁶ Чокаев Мустафа-оглы – один из лидеров так называемой Кокандской автономии (10 декабря 1917 г.); видный деятель туркестанской эмиграции, с 1921 г. проживал в Стамбуле, затем в Париже и Берлине, сотрудничал с германской политической полицией, а после прихода Гитлера к власти в 1933 г. – с АО НСДАП и СД; до самой смерти в конце 1942 г. возглавлял так называемый «Туркестанский национальный комитет», программной целью которого провозглашалось создание независимого Великого Туркестана и объединение в его пределах «всех народов Средней Азии» (в этой должности его сменил Вели Каюм-хан). См.: РГВА. Ф. 1к. Оп. 7 (картотека); ф. 1к. Оп. 19. Д. 2138; ф. 1к. Оп. 27. Д. 12968; ф. 7к. Оп. 1. Д. 299. Л. 197–200; д. 2216. Л. 891; ф. 453к. Оп. 1. Д. 47, 83 (картотека экспозитуры № 2); ф. 461к. Оп. 1. Д. 1, 232, 236, 241, 243, 246, 280, 300, 310, 405–410, 415–420, 431, 432, 437; ф. 461к. Оп. 2. Д. 135–140, 142; ф. 519к. Оп. 3. Д. 7. Л. 7об., 42; ф. 667к. Оп. 1. Д. 1. Л. 191–193; ф. 1358к. Оп. 3. Д. 436, 455; [ФА. Д. 5с. Т. I. Л. 33–38; д. 8. Т. XII. Л. 268–273].

⁷⁷ Формальное провозглашение Кавказской конфедерации состоялось еще в 1924 г.

⁷⁸ Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 128–131.

⁷⁹ Раскол партии на два крыла – «варшавское» и «стамбульское» – произошел в 1934 г., прежде всего по вопросу о местопребывании ее заграничного бюро. Подробнее о партии «Мусават» см. ниже.

⁸⁰ Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 123–124.

⁸¹ См. соответствующие приказы, подписанные в экспозитуре № 2: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

⁸² Незбжицкий Ежи – капитан, в начале 1930-х гг. начальник реферата «Восток» разведотделения 2-го отдела ГШ ВП; был одним из первых руководителей «двуйки» в установлении контактов с английскими разведслужбами. Так, 3 ноября 1934 г. на секретном совещании с важными представителями СИС (полковником Стюартом Мензисом, майором

Дж.П. Шелли и майором Р.Х. Плоуденом), которое прошло в Лондоне в отеле «Grosvenor Hotel», он представлял польскую разведку. Согласно достигнутой договоренности, все последующие годы (1935–1939) Незбжицкий лично поддерживал связь с руководителями британской резидентуры в Варшаве – капитаном Г. Гамильтоном-Стоукесом и майором Шелли. В 1941–1944 гг. Незбжицкий преподавал в организованной СИС в Лондоне, а затем в Глазго (с 1942 г.) секретной Школе офицеров разведки (официальное название – Офицерские курсы усовершенствования военной администрации; начальник – подполковник Стефан Майер).

⁸³ См.: Семиряга М.И. Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Великой Отечественной войны. М., 2000. С. 28.

⁸⁴ Пельц Владислав – офицер 2-й экспозитуры 2-го отдела ГШ, в 1937 г. сменил майора Домбровского на посту шефа «Прометей». Пельцу принадлежит план реорганизации «Прометей», датированный 17 августа 1937 г. Подробную схему организации «Прометей», составленную Пельцем в 1934 г., по польскому оригиналу в русском переводе см.: Былинин В.К., Коротаев В.И. Портрет лидера ОУН... С. 120–121. См.: РГВА. Ф. 309к. Оп. 11. Д. 284. Л. 124; ф. 453к. Оп. 1. Д. 6. Л. 262; д. 8. Л. 258; ф. 453к. Оп. 2. Д. 20. Л. 129; ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, 12, 23, 39, 48, 49, 73, 141, 142 и сл.; д. 235. Л. 11; д. 284. Л. 38–39; д. 304. Л. 43, 45, 78об., 120об., 231об.; д. 305; ф. 461к. Оп. 2. Д. 55. Л. 122об.–125; д. 64. Л. 116; д. 66. Л. 27; д. 68. Л. 55; д. 69. Л. 13об., 33 об.; д. 70. Л. 3об., 12об., 24об. и сл.

⁸⁵ [http://menhist.ru/\[...\]_edn97](http://menhist.ru/[...]_edn97). См.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 19.

⁸⁶ Чхенкели Акакий Иванович (1874–1959) – один из лидеров грузинских меньшевиков, масон (см.: Берберова Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Харьков–М., 1997. С. 211), член 4-й Госдумы (1912). После Февральской революции был главой Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ), главой правительства Закавказья (ЗФДР) (с 14 февраля 1918 г.), министром иностранных дел меньшевистского правительства Грузии (1918–1921); в этом качестве на переговорах с Турцией о заключении мира 28 мая 1918 г. подписал соглашение о монопольной эксплуатации Германией природных богатств Грузии; 8 сентября 1918 г. был представлен к награде высшим военным орденом Германии за помощь немецким оккупационным органам. С 1921 г. в эмиграции; почетный член парижского клуба «Прометей»; с 1934 г. – председатель «Комитета дружбы народов Кавказа, Украины и Туркестана»; агент германской, французской и польской разведок.

⁸⁷ В тексте архивного документа, в котором говорится об этом, после слов «выдающиеся личности» зачеркнута фраза: «такие, как Ромен Роллан» (см.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 25).

⁸⁸ Слово образовано от аббревиатуры УРЛ – «Украинска рада людова» («Украинская народная рада»).

⁸⁹ А.Т.Е. – польская аббревиатура: «Agencja telegraficzna “Express”» («Телеграфное агентство “Экспресс”»). Не путать с ЕТА («Еврейским телеграфным агентством»), бюро которого в 1920–1930-е гг. были широко представлены во многих столицах мира и Европы: Варшаве (до сентября

1939), Праге (до июня 1940), Париже, Берлине (до ноября 1937), Вене (до августа 1938), Лондоне, Иерусалиме, Нью-Йорке и др.

А.Т.Е. было образовано в марте 1925 г. по инициативе Яна Боцяньского (псевдоним «Балиньский») – полковника, шефа разведывательного отделения 2-го отдела ГШ Польши. Первым директором агентства был Т. Голувко. В 1929 г. 2-й отдел ГШ решил ликвидировать агентство, но оно продолжило свое существование уже как структура двойного подчинения – разведки и МИД Польши, предназначенная для пропаганды «прометейской» деятельности на территории Второй Речи Посполитой. С этого момента руководство А.Т.Е. формально перешло в руки Мечислава Обарского (до июня 1936 г.) и д-ра Микола Ковалевского (до 13 февраля 1937 г.) – украинца, выполнявшего функцию эксперта по «советским делам». С 1933 по 1936 г. исполняющими обязанности директоров агентства также работали А. Хшеншчевский, Т. Даманьский, Биркенмайерова, Ч. Скржитский. До июня 1936 г. А.Т.Е. являлось самостоятельным акционерным обществом, а затем, по предложению начальника пресс-отдела МИД Е. Скирского, оно было включено в состав АО «Аргус» (законспирированного агентства МИД Польши). При этом его первоочередные задачи были сформулированы следующим образом: 1) по-прежнему выполнять задания 2-го отдела ГШ («однако контакты между 2-м отделом и МИД должны проводиться через пресс-отдел МИД»); 2) прежний содиректор, специалист в области политики д-р М. Ковалевский, назначается на должность начальника Восточного отдела агентства; 3) агентство принимает на работу несколько человек, специально подготовленных 2-м отделом ГШ. Так, например, в 1936–1937 гг. с экспозитурой № 2 были связаны сотрудники агенства (редакторы) Винсент Сяковский, Януш Латало и Станислав Блашчак. Между прочим, А.Т.Е. имело собственных законспирированных украинских информаторов в Вене (Кашиньский), Праге (Михаленко) и Львове (Петренко), которые находились в связи с М. Ковалевским и получали из фондов экспозитуры № 2 ежемесячный оклад в 600 злотых каждый (см.: РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 167–169).

⁹⁰ Василевский Леон (1870–1936) – деятель, близкий к Пилсудскому, его главный советник по «восточным вопросам» и теоретик Польской социалистической партии (ППС), публицист, историк, дипломат (уполномоченный МИД Польши в Вильно, затем посол в Финляндии, Эстонии). Одна из его известных работ – «Очерки из истории ППС»; был также известен как специалист по национальным вопросам (см., например, его книгу «Украинский вопрос как международная проблема» [Варшава, 1934] и др.). По словам Пилсудского, Василевский был наделен «особым талантом для работы среди национальностей, находящихся под властью России» (см.: Документы и материалы советско-польских отношений. Т. II. М., 1964. С. 237).

⁹¹ Ижиковский Кароль (1873–1944) – выдающийся польский журналист, литературный критик, киновед, поэт, драматург и философ; известен многочисленными афоризмы Ижиковского; автор сборников литературно-критических работ «Слово и дело» (1913), «Борьба за содержание» (1929), «Слон в фарфоровой лавке» (1934); его первые статьи о кино

появляются в начале XX в. (наиболее известна «Смерть кинематографа», 1913). Широкую известность получила книга философско-эстетических эссе «Десятая муза» (1924); Ижиковский проявил себя и как писатель-фантаст (сборник «Из-под темной звезды», «В пространствах времени», перевод рассказа Л. Хэвеси «Жюль Верн в аду»).

Родился Ижиковский в родовом поместье под Ясло, с 1889 по 1893 г. изучал германистику во Львовском университете, с 1895 г. жил во Львове, работая стенографистом в местном парламенте и суде; с 1908 г. – в Кракове, где работал в качестве стенографиста и корреспондента в пресс-агентстве «Biuro Korespondencyjne», с 1910 г. – в редакции «Новой реформы»; после окончания Первой мировой войны проживал и работал в Варшаве, возглавляя Бюро стенографии и докладов польского сейма, однако был вынужден выйти на пенсию (в связи с особой позицией по Брестскому миру); после чего сотрудничал со «Скамандром», «Литературными ведомостями», а в 1921–1933 гг. с официальным органом ППС «Работником»; принимал живое участие в многочисленных литературных дискуссиях; освещал на польском радио театральные новости; несмотря на определенные преграды, был номинирован в действительные члены Польской литературной академии. В 1930-е гг. сотрудничал с «прометеевскими» изданиями, и не исключено, что при этом оказывал отдельные услуги польской разведке. Во время немецкой оккупации руководил стенографическими курсами и, как отмечают его биографы, «принимал участие в культурной жизни андеграунда» (см.: Klerk heroiczny: Wspomnienia o Karolu Irzykowskim. Oprac. B. Winklowa. Krakow, 1976).

⁹² Желеньский Тадеуш (псевдоним «Бойа») (1874–1941) – сын известного польского композитора Владислава Желеньского; литературный и театральный критик, публицист, переводчик, по образованию врач; автор книги о литературном течении 1890–1918 гг. «Молодая Польша», написал ряд очерков о французской и польской литературе; убит гитлеровцами.

⁹³ Изоляционистской.

⁹⁴ Что касается работы 2-го отдела ГШ ВП с собственно польской молодежью, проживавшей за рубежом, то для этих целей была специально создана тайная националистическая организация «Pogotowie Mlodych Polakow Zagranica» (PMPZ) («Готованость молодых поляков за границей») – по проекту, подготовленному 17 марта 1935 г. зам. начальника экспозитуры № 2 капитаном Феликсом Анкерштейном. Она строилась на основе строжайшей конспирации, вертикальной подчиненности образующих ее звеньев и мыслилась как боевая националистическая и элитарная организация, представляющая собой что-то среднее между тайным рыцарским (шляхетским) орденом и масонской ложей (см.: Badziak K., Matwiejew G., Samus P. «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r. Polska akcja specjalna w swietle Oddzialu II Sztabu Glywnego WP. Warszawa, 1997. S. 25–42).

⁹⁵ Карумидзе Шалва – член Национально-демократической партии Грузии, бывший банкир; в 1917 г. вошел в первый состав так называемого Горского правительства; с 1924 г. – в эмиграции; представитель грузинского крыла организации «Кавказ» (вместе с Аваловшвили, Амираджиби,

Джакели, Квинитадзе, Габашвили, Гегелий, Чачишвили и др.), а также созданной в июле 1934 г. эмигрантской Конфедерации народов Кавказа. С 1925 г. находился в тесной связи с германскими национал-реваншистами – генералом Максом Гофманом, капитаном Германом Эрхардтом, а также английским предпринимателем и миллионером сэром Генри Дертердингом; в начале июня 1926 г. тайно встречался в Лондоне с тогдашним министром финансов Великобритании У. Черчиллем (на встрече обсуждался вопрос об организации против СССР финансовой диверсии – изготовлении большого объема фальшивых червонцев).

⁹⁶ Баммат Георгий (Гейдар) – до 1917 г. чиновник по особым поручениям при царском наместнике на Кавказе; в 1918–1920 гг. – министр иностранных дел так называемого Горского правительства; глава созданной в эмиграции радикально-националистической горско-закавказской организации «Кавказ»; с 1921 г. издавал в Париже одноименный журнал; во главе северо-кавказской диаспоры в Европе соперничал с д-ром Б. Байтувганом (см. ниже); сотрудничал с японской, турецкой, польской и германской разведками.

⁹⁷ Цит. по: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 312–314.

⁹⁸ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁹⁹ КОР – польская аббревиатура от Korpus Ochrony Pogranicza (Корпус пограничной охраны).

¹⁰⁰ См.: Національно-визвольна боротьба 20–50-х років ХХ ст. в Україні. К.–Львів, 1993. С. 81–100; Субтельный О. Украина: История. К., 1994. С. 554–558.

¹⁰¹ Ибрагимов Вели – член Крымского национального правительства (1918), вместе с Джафаром Сейдаметовым входил в руководство народной партии крымских татар-сепаратистов «Милли фыркс»; в 1920 г. эмигрировал в Турцию; являлся одним из лидеров «Пантюркистского центра» – ПТЦ (наряду с Раскуловым, Чобан-заде, Габайдулиным, Юнусовым), созданного в 1925 г. в Баку под эгидой турецкой и при участии немецкой разведки. В 1929–1932 гг. попытка центра скоординированно подготовить антисоветское вооруженное восстание в Крыму (под руководством Ибрагимова), Татарстане (под руководством Султан-Галиева), Азербайджане, Северном Кавказе (под руководством Юнусова и Габайдулина) и Средней Азии (под руководством Касымова) была решительно пресечена органами ГПУ (см.: Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002. С. 201–202). Следует отметить, что после провалов начала 1930-х гг. с оставшимися на свободе «пантюркистами» польские кураторы «Прометей» продолжали поддерживать активную связь через своего стамбульского резидента К. Дубича-Пентера, который также работал на немцев, а последние поддерживали контакт с ПТЦ непосредственно через собственного резидента де Хааса (см.: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 168).

¹⁰² Султан-Галиев Мирсаид Хайдаргалиевич (1892–1940) – политический деятель. В 1918–1920 гг. – председатель Центральной мусульманской военной коллегии при Наркомвоенморе РСФСР. В 1919–1921 гг. – председатель Центрального бюро коммунистических ор-

ганизаций народов Востока при ЦК РКП(б), председатель Совнаркома Татарской АССР. Первый большевик, необоснованно репрессированный по личному указу Сталина в 1923 г. за критику его национальной политики и открытую борьбу с «великодержавным шовинизмом» («султан-галиевщина»). Поводом для ареста Султан-Галиева стало перехваченное ГПУ его письмо к наркому просвещения Башкирии А. Адигамову, в котором он просил последнего установить связь с Ахмедом-Закки Валидовым (Валиди Тоганом) – бывшим главой правительства Башкирии, в 1920 г. бежавшим в Туркестан и там присоединившимся к басмаческому движению, а в 1922 г. направил письмо с раскаянием (по данным польской разведки за 1924–1925 гг., А.-З. Валидов являлся агентом ОГПУ [см.: Исхаков С.М. Ахмед-Закки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии. – Вопросы истории, № 10, 2003. С. 147–159]). Это письмо Султан-Галиева было истолковано чекистами как попытка «создания подпольной контрреволюционной организации». Однако вскоре Султан-Галиев был оправдан и выпущен на свободу. В 1928 г. он снова подвергся аресту по сфабрикованному делу о «контрреволюционной организации», якобы связанной с пантюркистским движением за рубежом и империализмом (по этому делу было арестовано также много партийных работников в Татарии, Башкирии и Крыму); приговорен к расстрелу, который вскоре был заменен 10 годами лагерей. В 1934 г. освобожден, но в 1937 г. снова арестован и расстрелян в 1940 г.

¹⁰³ Речь идет о так называемом «Касымовском процессе» 1930 г., на котором за принадлежность к антисоветской националистической организации «Милли стиклял» («Национальная независимость») была осуждена группа партийных и государственных работников Туркмении и Узбекистана (Назирова, Казимбек, Н. Саидов, Вату, Рамзи и др.) во главе с Е. Касымовым. Как «выяснилось» на процессе по делу «Антисоветского правотроцкистского блока» в марте 1938 г., с группой Касымова был якобы непосредственно связан 1-й секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А.И. Икрамов (приговорен к ВМН и расстрелян 13 марта 1938 г.; реабилитирован в 1957 г.).

¹⁰⁴ МОВ – Miejscowy Oddziały Wojowe.

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

¹⁰⁶ Там же. Л. 35.

¹⁰⁷ Жордания Ной Николаевич (9.03.1869 или 2.01.1868–1953) – из дворян, видный грузинский меньшевик, псевдонимы «Жорж Костров», «Ан», «Арк. Ан»; 26 мая 1918 г. возглавил (вместе с Н. Рамишвили) Национальный совет (парламент), провозгласивший Грузию независимой республикой. В июне 1919 г. заключил с генералом А.И. Деникиным соглашение о совместной борьбе против большевиков. В марте 1921 г., после вхождения в Грузию 11-й армии РККА, эмигрировал, возглавив заграничный центр грузинских меньшевиков, который готовил восстание в Грузии в 1924 и 1929–1931 гг. До лета 1940 г. был председателем Загранбюро грузинских меньшевиков и председателем так называемого «грузинского национального правительства». Во время Второй мировой войны сотруд-

начал с нацистами, а после капитуляции Германии открыто признавал, что И.В. Сталин – «великий человек, который выиграл войну».

¹⁰⁸ «Мусават» – пантюркистская, национал-интегрлистская партия, создана в 1908–1912 гг. в Азербайджане по инициативе группы бакинских нефтепромышленников во главе с Мамедом Еммином Расул-заде (1884–1955). В состав руководства партии входили ярые пантюркисты – Хосровбек Султанов, Шафибек Рустамбеков, Бейбут хан Джеваншир, Фатали хан Хойский, Ахмедбек Агаев, Карабеков, Ашуров, Юсуфбеков, Топчибашев. Основными спонсорами партии выступали миллионеры Набиев и Тагиев. Главный печатный орган – газета «Ачык сёз» («Откровенный разговор»), которая выходила с 1914 г. После Февральской революции (азербайджанских беков)». С первых дней возникновения и до своего эмигрантского периода (1921) «Мусават» являлась разветвлением масонской ложи «Гранд оттоман» и «третичной» производной от мирового масонства «Гранд ориент».

В соответствии с политической программой, декларированными целями и действиями «Мусават» сначала была типичной либерально-демократической партией: провозглашалось создание в Российской империи федерации на основе территориально-административного размежевания, отстаивалось право кавказских татар на бакинскую нефть. Но уже в разгар Первой мировой войны мусаватисты стали ориентироваться на радикальный ультранационализм – пантюркизм, выступали за присоединение Азербайджана и всего Кавказа к Турции. На общемусульманском съезде, состоявшемся в Москве 1–14 мая 1917 г., лидер мусаватистов Расул-заде выступил с требованием автономии для каждой тюрко-татарской группы, откладывая вопрос об их объединении на будущее. Однако уже осенью 1917 г. на очередном мусульманском съезде в Казани мусаватисты поддержали постановление, в котором отмечалось: «Не ожидая созыва Учредительного собрания, немедленно приступить к осуществлению права самоопределения народов и организации отдельной мусульманской армии».

«Мусават» активно поддержала кавказскую авантюру турецкой армии Нури-паши, способствовала распаду Закавказской Федеративной Демократической Республики (ЗФДР). Мусаватисты в Тифлисе регулярно общались с турецкими эмиссарами, разведчиками (среди них был и Нури-паша, приехавший в Тифлис через Иран. С 26 мая 1918 по 28 апреля 1920 г. партия «Мусават» находилась у власти в Азербайджане (глава правительства – Ф. хан Хойский, председатель парламента – Расул-заде). 17 июня 1918 г. было организовано бекско-ханское правительство с центром в Гяндже, а затем (после падения власти Бакинской коммуну 31 июня 1918 г. и Диктатуры Центрочкаспия 15 сентября 1918 г.) в Баку. После ухода турок из Закавказья в ноябре 1918 г. «Мусават» ориентируется на Лондон. В Азербайджане находились представители Турции: в Гяндже – Нури-паша, в Баку – Халил-паша, а с сентября 1919 г. – Фуад Сабит, которые добились соглашения с мусаватистами об оказании финансовой помощи Мустафе Кемалю. В ноябре 1919 г. в кемалистском

конгрессе в Сивасе участвовали представители «Мусавата», заявившие, что их армия – часть общей турецкой армии.

После установления советской власти в Азербайджане «Мусават» переходит в подполье, а часть партии эмигрирует в Турцию, Иран, Германию и Францию. Центральный орган партии (Загранбюро) дислоцировался в Стамбуле, его членами являлись Мамед Эмин Расул-заде, Мустафа Векилов, Шафибек Рустамбеков, Хамид-бей Хасмамедов, Аббас Кули Кязим-заде. В 1920–1930-е гг. Загранбюро активно сотрудничало с пантюркистскими организациями, Генштабом и спецслужбами Турции, английской, польской и французской разведками, обеспечивало управление и координацию деятельности партии в Закавказье. Летом 1920 г. было проведено нелегальное собрание, на котором избрали ЦК «Мусават» в Азербайджане, возглавивший антисоветскую борьбу в республике. В состав ЦК в 1920–1923 гг. входили: Мамед-заде Мирза Бала (бежал в Турцию), Кулиев Мамед Садых (бежал в Иран), Мамед-заде Абдул Вагаб и др.; в 1924–1936 гг. – Гасанов Дадаш, Векилов Рагим, Таджикский Ахмед и др. ЦК поддерживал связь с Загранбюро в Турции и турецкой разведкой. Каналы связи: турецкое консульство в Баку и Батуми, пантюркистские эмиссары, агенты и разведчики спецслужб (до 1939 г. – преимущественно польской, после 1940 г. – германской).

С 1935 г. в члены правления Совета конфедерации Кавказа входили лидеры мусаватистов: Расул-заде и Мир-Якуб Мехтиев (в Париже), Хосровбек Султанов и Мустафа Векилов (в Стамбуле); в 1940 г. Расул-заде переехал из Парижа в Бухарест, откуда неоднократно обращался к турецким властям с просьбой разрешить ему постоянное проживание в Стамбуле. В 1942 г. Расул-заде завязывает активные связи с немецкой разведкой, встав на непродолжительное время во главе созданного ею в Берлине «Азербайджанского национального комитета» (АНК). Однако из-за категорического требования Расула-заде признать руководство «Мусават» официальным правительством Азербайджана немецкое руководство отказалось от сотрудничества с ним и его сподвижниками.

¹⁰⁹ Урушадзе Аполлон Павлович (1888–1961) – врач-стоматолог, в 1917 г. – член Учредительного собрания, близко знал Н. Жорданию, Н. Рамишвили и других грузинских меньшевиков и нацдеков; после Октябрьской революции примкнул к большевикам, участник революционных событий и гражданской войны в Грузии, в конце 1920 – начале 1930-х гг. – министр здравоохранения Груз.ССР; в 1936 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени канд. мед. наук, доцент, с 1937 по 1948 г. – директор Стоматологического института в Тбилиси, в 1947 г. защитил докторскую диссертацию, с 1948 по 1961 г. – профессор, зав. кафедрой терапевтической стоматологии Тбилисского мединститута, заслуженный врач Груз.ССР.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 23. Л. 6–25.

¹¹¹ Там же. Л. 53.

¹¹² См. подробно: Samus P., Badziak K., Matwiejew G. Akcja «Lom». Polskie działania dywersyjne na Rusi Zakarpackiej w swietle dokumentow Oddzialu II Sztabu Qownego WP. Warszawa, 1998.

¹¹³ С 1937 г. Петр Курницкий служил в МИД Польши, где занимался координацией работы со 2-м отделом ГШ.

¹¹⁴ Надо иметь в виду, что на Западной Украине (в Галиции и на Волыни) и в Западной Белоруссии Разведупр РККА вел военную работу (включая организацию боевых сотен и так называемую «активную разведку») вплоть до февраля 1925 г., после чего она была передана в ведение КП Польши на польской коронной территории и КПЗУ, КПЗБ на западноукраинских и западнорусских землях. После постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 февраля 1925 г. РУ РККА прекратил дальнейшую работу на данном направлении, и все боевые организации остались без руководства. Вскоре в них началось разложение, поползли слухи, что повстанцев обманули, остановили на полпути и «бросили на съедение польской охранки» – дефензивы. «Партизанская» вольница (в рядах которой весьма свободно чувствовали себя петлюровцы и оуновцы) выражала явное недовольство решением, принятым в Москве. Но у названных компартий не было никаких средств, чтобы принять под свое руководство и содержать повстанческие отряды. Для этого были нужны большие ассигнования в твердой валюте. Доллар в 1920-е гг. был универсальным платежным средством, использовавшимся всеми разведками. Поэтому Загранбюро ЦК КПЗУ 11 мая 1925 г. обратилось к Москве с просьбой выделить соответствующие суммы. По представленным расчетам, для четырех военных округов Галиции требовалось 1300, а для двух военных округов Волыни – 1000 долларов в месяц (см.: ИБО, № 34 [433], 9–15 сентября 2005 г. С. 7).

¹¹⁵ См.: Центральный государственные архив органов исполнительной власти и администрации Украины. Ф. 4. Оп. 1. Д. 57. Л. 20.

¹¹⁶ Балицкий Всеволод Аполлонович (27.11.1892, г. Верхнеднепровск Екатеринославской губ. – 27.11.1937) родился в семье помощника бухгалтера Луганского патронного завода. Поступил в Киевский политехнический институт, перевелся в Варшавский политех. В 1914 г. мобилизован на военную службу; получил чин прапорщика; за проявленную храбрость награждался орденами Анны 4-й и 3-й степеней и Станислава 4-й степени. В Компартии с 1915 г. (член РСДРП[м] в 1913–1915 гг.). Член ЦК ВКП(б) (избран на XVII съезде ВКП[б]). Член ЦИК СССР 7-го созыва. С декабря 1918 г. в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД, с 1919 г. – председатель Волынской и Киевской ГубЧК, с 1934 г. – нарком внутренних дел УССР; комиссар госбезопасности 1-го ранга; кавалер трех орденов Красного Знамени, ордена Красной Звезды, Трудового Красного Знамени УССР, двух знаков «Почетный чекист».

¹¹⁷ См., например: досье 2-го отдела ГШ Польши за декабрь 1924 – февраль 1927 г. о сотрудничестве польской разведки с разведками прибалтийских государств (РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 12. 222 листа). Из материалов военного атташата Польши в Риге выясняется, что в 1930-е гг. латышская политическая полиция получала из 2-го отдела ГШ ВП секретные периодические дотации в размере 40 долларов за развединформацию (в том числе представлявшую интерес для «прометейско-го» направления работы) (см.: РГВА. Ф. 453к. Оп. 1. Д. 37. Л. 522).

¹¹⁸ См.: Хаустов В.Н. Некоторые проблемы деятельности органов госбезопасности в 1920-е – 1930-е гг. – Исторические чтения на Лубянке. 1999 г. (Отечественные спецслужбы в 20-е – 30-е гг.). М.–Вел. Новгород, 2000. С. 7.

¹¹⁹ Дубич-Пентер Кароль – в 1919 – начале 1920-х гг. – начальник 2-го отдела ГК при польской военной миссии в Гданьске, где с помощью своей агентуры курировал прежде всего вопросы советско-немецкого военного сотрудничества (см.: Referat o rozwoju stosunkowniemiecko-holszewickich z 2 II 1920 г., CAW, Kolekcja akt rosyjskich, t. 2109, k. 12–14 – Доклад о развитии немецко-большевистских отношений от 2.02.1920 г. [ЦВА в Варшаве. Собрание российских дел. Т. 2109. Папка 12–14]); высококвалифицированный разведчик, владел несколькими иностранными языками, планировался руководством «двуйки» для использования в дальнейшем в должности военного атташе; в начале 1930-х гг. – майор реферата «Восток» 2-го отдела ГШ ВП, руководитель резидентуры польской разведки «Ассад» в Стамбуле; 1 февраля 1937 г. назначен послом Польши в Лиссабоне (Португалия), где одновременно возглавил разведрезидентуру «Анитра», которая подчинялась реферату «Восток» 2-го отдела ГШ и действовала на советском направлении в Испании вплоть до начала Второй мировой войны.

¹²⁰ Домбровский Владимир (1896–1962) – офицер 2-го отдела ГШ ВП, майор (оперативный псевдоним «Данек»); с 1929 г. осуществлял оперативное руководство пропагандистским и разведывательно-диверсионным центром польской «двуйки» «Прометей» в Париже; в 1937 г. Домбровский был назначен начальником реферата «Б» («Восток») 2-й экспозитуры.

¹²¹ См.: РГВА. Ф. 308к (2-й отдел Генштаба Войска Польского, Варшава). Оп. 18. Д. 18. Л. 22, 24.

¹²² Лейббрандт Георг (05.09.1899, Хоффнунгсфельд, близ Одессы – 1982) – государственный деятель, один из руководителей оккупационного режима в СССР, доктор философии (1927). Сын немецкого колониста в Таврии. В 1919 г. вступил в Добровольческий корпус. С 1920 г. изучал теологию, философию, историю и народное хозяйство. Получил высшее философское образование. Специализировался по России, совершил три учебных поездки в СССР. С 1929 г. – сотрудник Имперского архива. В 1931–1933 гг. проходил стажировку в США. В 1933 г. вступил в НСДАП, начальник Восточного отделения Внешнеполитического управления, которое возглавлял А. Розенберг, имел в системе НСДАП ранг рейхс-амт-слейтера (правительственного советника). Был ответственным за антикоммунистическую пропаганду и работу с «нацменьшинствами» в СССР. С 1938 г. – заседатель Народной судебной палаты. В 1941–1943 гг. – начальник Главного политического управления Имперского министерства оккупированных восточных территорий. Вместе с А. Мейером представлял министерство на Ванзейском совещании 20 января 1942 г., на котором обсуждались меры по «окончательному решению» еврейского вопроса. В феврале 1943 г. представил меморандум о русском Национальном комитете и Русской освободительной армии (РОА). Летом 1943 г. добровольно

вступил в армию, направлен на службу в подводных флот. После войны арестован и интернирован союзниками. В мае 1949 г. освобожден, сотрудничал с американскими спецслужбами. В январе 1950 г. Нюрнбергским земельным судом привлечен по делу об уничтожении евреев. 10 августа 1950 г. освобожден.

¹²³ Эрт Адольф – родился в Российской империи, в Саратове, в семье немецких сектантов-меннонитов, в конце 1914 г. переехал в Германию; в 1920 – начале 1930-х гг. руководил так называемым «Русским евангелическим пресс-бюро» и издательством «Эккард» (в 1933 г. переименовано в «Nibelungen Verlag»), которые формально находились под управлением «Союза немецких церквей» и специализировались на антисоветской пропаганде. В 1933 г. создает «Объединенный союз антикоммунистических организаций в Германии». В сентябре того же года Эрт оказал важную услугу нацистскому руководству, опубликовав от имени созданного им союза (явно по согласованию с Розенбергом и Геббельсом) провокационную книгу «Вооруженное восстание: Разоблачения попытки коммунистического переворота накануне национальной революции», в которой утверждал, что поджог Рейхстага (27 февраля 1933 г.) был делом советско-коммунистического заговора, ставившего целью убийство Гитлера и инспирацию мировой большевистской революции. В день выхода книги официальный орган НСДАП «Фёлькишер беобахтер» всю первую полосу посвятила восторженным комментариям по поводу «сенсационных разоблачений д-ра Эрта». В 1934 г. в Баварии (Фельдафинге) по личной инициативе Геббельса был образован международный антикоммунистический центр под названием «Антикоминтерн» («Объединение германских антикоммунистических союзов») в основном на базе широких связей и структур поглощенной им женевской Международной антикоммунистической лиги Т. Обера. Этот «общественный» центр, включенный в структуру геббельсовского Министерства пропаганды, официально возглавил Эрт, его же непосредственным шефом по линии министерства стал д-р Эберхард Тауберт. «Антикоминтерн» располагал большими пропагандистскими и агентурными возможностями, финансовыми средствами, под его эгидой выпускались многочисленные книги и журналы, в том числе такие, как «Контр-Коминтерн», «Ди Акцион», «Ди Вельт», «Антикоммунистическое обозрение», собственный «Информационный бюллетень» и др.

¹²⁴ РГВА. Ф. 308к. Оп. 18. Д. 18. Л. 8.

¹²⁵ Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 39.

¹²⁶ Там же. С. 46–47.

¹²⁷ РГВА. Ф. 308к. Оп. 18. Д. 18. Л. 21.

¹²⁸ Мейер-Гайденхаген М.В. – немец российского происхождения; до Первой мировой войны был членом редколлегии издававшейся в Санкт-Петербурге немецкоязычной газеты «St. Petersburger Zeitung». Но с началом войны спешно переехал в Берлин, где на русском языке издавал газету «Русский вестник», предназначенную специально для русских военнопленных. Именно с этого момента начинается его карьера эксперта-пропагандиста «по делам народов России». В 1915 г. по инициативе рейхсвера и немецкой политической полиции в Германии

создается специальная организация, призванная якобы заботиться об образовании русских пленных путем формирования лагерных библиотек (см. об этом: Кратц Г. Лагерные библиотеки для русских пленных в Германии времен Первой мировой войны. – Библиотечное дело-2001: Российские библиотеки в мировом информационном и интеллектуальном пространстве. Тезисы докладов VI международной научной конференции [Москва, 26–27 апреля 2001 г.]. М., 2001. Ч. 2. С. 392–393). Вместе с другими активистами организации (Эрихом Бёме, Альфредом Лютером и др.) Мейер-Гайденахен включился в работу по подготовке – на базе германского издательства «Русская речь»(!) – многочисленных брошюр, которые были призваны «неназойливым образом оказывать на пленных нужное влияние». В дальнейшем Мейер-Гайденахен связал свою судьбу с НСДАП и, таким образом, оказался «ценным сотрудником» в ведомстве И. Геббельса.

¹²⁹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 19. Л. 13,28.

¹³⁰ Видимо, речь идет о Копчиньском, который еще в марте 1935 г. планировался на должность секретаря южного реферата тайной организации PMPZ (см. выше). – См.: Badziak K., Matwiejew G., Samus P. «Powstanie» na Zaolziu w 1938 r. Polska akcja specjalna w swietle Oddzialu II Sztabu downego WP. S. 40.

¹³¹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–23.

¹³² Там же. Л. 22; ф. 461к. Оп. 2. Д. 1. Л. 3.

¹³³ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 19. Л. 9.

¹³⁴ Между прочим, по данным польской агентуры в Италии, жена д-ра Э. Инсабато и его дочь Йола (будучи любовницами личного скульптора Муссолини) являлись известными общественными деятельницами в фашистской Италии. Они были тесно связаны со многими украинскими националистами, их стараниями был основан так называемый женский «Антикоминтерн», который получил окончательное оформление в Германии, где его возглавила графиня Финкельштейн (см.: РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 379. Л. 85, 99).

¹³⁵ Гофман Курт – генерал-майор германской армии, бывший главнокомандующий Восточным фронтом в Первую мировую; в декабре 1917 – феврале 1918 г. фактический глава германской делегации на мирных переговорах с Советской Россией в Брест-Литовске; был тайно связан с промышленным комплексом Германии через Арнольда Рехберга – фабриканта и дипломата, который помогал ему встречаться не только с крупными отечественными банкирами и предпринимателями, но и с зарубежными. Именно Гофман был главным разработчиком плана вторжения в Россию (намеченного изначально на 1929 г., но не осуществленного в срок по причине смерти Гофмана в 1927 г.). При активном содействии Рехберга план Гофмана был доведен до сведения Англии и Франции; важная роль в этом плане отводилась разведкагентуре и вооруженным силам Польши.

¹³⁶ [http://menhist.ru/\[...\]_edn150](http://menhist.ru/[...]_edn150). См.: Генри Э. Профессиональный антикоммунизм: К истории возникновения. М., 1981. С. 155.

¹³⁷ Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 144–148.

¹³⁸ Между прочим, брат В. Бончковского – Збигнев был гражданским сотрудником 2-й экспозитуры 2-го отдела.

¹³⁹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 20.

¹⁴⁰ [http://menhist.ru/\[...\]_edn154](http://menhist.ru/[...]_edn154). Маркерт Вернер (03.12.1905–?) – д-р истории; помимо означенной научно-издательской деятельности и работы в качестве эксперта Центрального бюро по Восточной Европе (Берлин), а также полномочного директора Лейпцигского университета (до 1939 г.), занимался разведкой на СССР; являясь офицером Абвера, с 1925 по 1937 г. курировал связь с лидером ОУН Евгеном Коновальцем, а с октября 1939 г. поддерживал личные отношения и с С. Бандерой; с апреля 1942 г. – зондерфюрер реферата ION (органа абвер-коммандос на Восточном фронте) Абвера-2; специалист по Польше и Югославии. После Второй мировой войны проживал в ФРГ, с 1948 г. – доцент кафедры восточноевропейской истории в Гёттингенском университете; с 1953 г. и до смерти – профессор Тюбингенского института восточноевропейского краеведения и истории, совладелец антисоветского издательства «Osteuropa-Handbuch» (см.: Maderj. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. Ein Dokumentarbericht... Berlin, 1976. S. 37, 147, 157, 400–401; Дневник полпреда СССР в Берлине А.З. Кобулова [запись за 6.07.1940]. – АВП РФ. Ф. 082. Оп. 23. П.95. Д. 5. Л. 141).

¹⁴¹ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 и сл.

¹⁴² Глинский Станислав – майор, оперативные псевдонимы «Пясецкий», «Стасё», руководитель реферата 2-й экспозитуры 2-го отдела ГШ; с 1934 г. продолжил работу на советском направлении; в 1938 г. принял активное участие в подготовке и проведении античешской подрывной операции «Лом».

¹⁴³ [http://menhist.ru/\[...\]_edn157](http://menhist.ru/[...]_edn157). Квятковский Александр – дипломат, в 1928–1930 гг. – руководящий сотрудник экспозитуры № 1 (Вильно) реферата «Восток», с начала 1930-х гг. – сотрудник Восточного отдела МИД, с 1934 г. – консул, резидент 2-го отдела в Харбине (см. его личное дело во 2-м отделе ГШ (1928–1930); РГВА. Ф. 308к. Оп. 19. Д. 92, 18 листов).

¹⁴⁴ С 1937 по 1939 г. Петр Курницкий работал советником МИД Польши «по вопросам СССР», осуществляя связь со 2-м отделом ГШ ВП, затем до конца Второй мировой войны служил в чине поручика ГШ в польской разведке на Ближнем Востоке, в частности в Бейруте, где «взаимодействовал» с британской СИС.

¹⁴⁵ В 1938 г. Ксаверий Залевский работал уже в качестве советника посольства Польши в Анкаре, где по заданию польской разведки (как давний руководитель «прометейцев» с Кавказа) курировал ее связи с исламской этнической эмиграцией из России-СССР в Турции. Известно, что в феврале 1938 г., вернувшись из Варшавы, Залевский встретился с Курбаном Байрамовым и Хамид-бей Хасмамедовым, которые представляли самостоятельную группу в Стамбуле, и предложил им сотрудничество в борьбе против СССР (см.: Соцков Л.Ф. Неизвестный сепаратизм. С. 87–89).

¹⁴⁶ Цит. по: Симонова Т.М. «Прометеизм» во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. – Новая и новейшая история, № 4, 2002 (со ссылкой на:

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. IV. М., 1966. С. 233).

¹⁴⁷ РГВА. Ф. 461к. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–42 (Информационно-аналитическая справка VII главного информационного управления пр. МНО ПНР, составленная по запросу МГБ СССР в феврале 1951 г.).

¹⁴⁸ См., к примеру, секретную докладную записку Ф.Э. Дзержинского Сталину от 11 июля 1926 г. (см.: РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 364. Л. 58 [на этот документ нам любезно указал старейший ветеран ВЧК Б.И. Гудзь]). Ср. также: Документ ГПУ УССР «Ориентировка по активной украинской контрразведке» от 2 марта 1926 г. – Государственный архив Службы безопасности Украины (ДА СБУ): Д. 445. Л. 21.

¹⁴⁹ Мозохин О.Б. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 415, 429–439.

¹⁵⁰ Ср.: Циркулярное письмо наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова в НКВД союзных республик, начальникам УНКВД автономных республик краев и областей о ликвидации основной диверсионно-шпионской сети польской разведки в СССР от 14 мая 1937 г. – Запрещенный Сталин. Сост. В.М. Сойма. М., 2005. С. 70–95.

¹⁵¹ *Polsko-Brytyjska wspolpraca wywiadowcza podczas II wojny swiatowej. T. I: Ustalenia Polsko-Brytyjskiej Komisji Historycznej. Praca zbiorowa pod red. T. Dubickiego, D. Nalecz, T. Stirling. Warszawa, 2004.* В 1941 г. функции экспозитуры № 2 частично перешли к только что созданной в системе лондонского реферата «Восток» 2-го отдела ГШ (руководимого тогда подполковником-дипломатом Станиславом Ганно) экспозитуре «Россия» (см.: *op. cit.* P. 105). По некоторым данным, к этому времени агентурная сеть польской разведки в Лондоне, действовавшая по всей Европе, включая и СССР, насчитывала в целом около 1700 агентов (см.: Вежнин В. Накануне. – Секретная служба, 2003, № 1. С. 9).

¹⁵² См. подробнее: Смерш: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 113–136. В современной польской историографии активно проводится идея о том, что поляки как никакой другой народ сопротивлялись нацистам и отказывались от сотрудничества с немецкими оккупантами. Между тем, как свидетельствует ориентировка 3-го управления НКВД-НКГБ германских агентов, заброшенных через западную границу на территорию СССР, 52,4% являлись поляками и около 30% – украинскими националистами.

¹⁵³ Куняев С.Ю. Русский полонез. М., 2006. С. 46–47.

Аннотированный указатель имен

Абаев (Абай) Исмаил (Измаил) Кайтукович (1886 – позднее 1934). Балкарец. Образование высшее. В 1917–1919 гг., до установления советской власти, работал в местных национальных органах управления на Северном Кавказе. С 1920 г. негласно сотрудничал с Особым отделом 10-й армии. Затем штатный секретный уполномоченный по закордонной работе ОО Терской облЧК. С июня 1920 г. являлся работником Иностранного отделения ОО ВЧК, в апреле 1921 г. откомандирован в распоряжение ПП ВЧК по Туркестану, где работал секретным уполномоченным в Контрразведывательном отделе. В начале 1922 г. вызван в КРО ГПУ в Москву и участвовал в целом ряде оперативных разработок контрреволюционных и националистических организаций, а также и агентуры английской разведки.

Агранов Яков Саулович (Соринзон Янкель Шмаевич, 1893–1938). Еврей, родился в Могилевской губ. Окончил 4-классное городское училище. С юности примкнул к революционному кружку. В 1912 г. вступил в партию эсеров. В 1915 г., находясь в ссылке вместе с И.В. Сталиным и Л.Б. Каменевым, под их влиянием перешел в РСДРП(б). Секретарь Полесского обкома большевистской партии в 1917 г. В Москве с 1918 г. занимал должность секретаря Малого СНК, а в мае 1919 г. с разрешения В.И. Ленина совмещал эту работу с расследованием важных дел в ВЧК, будучи назначен особоуполномоченным ОО. Принимал участие в разоблачении и ликвидации подпольных белогвардейских организаций «Национальный центр» и «Тактический центр», а также «Петроградской боевой организации», разработке агентурного дела «Крот» в Белоруссии. В январе 1921 г. назначен начальником 16-го спецотделения (контрразведывательная работа в РККА) ОО ВЧК, затем особоуполномоченным Секретно-оперативного управления. Далее сосредоточился на работе политического розыска, будучи зам. начальника Секретного, а позднее начальником Секретно-политического отдела ГПУ-ОГПУ. Занимал должности полномочного представителя ОГПУ по Московской обл., зам. председателя ОГПУ, зам. наркома внутренних дел СССР – начальника Главного управления госбезопасности, начальника УНКВД по Саратовской обл. Комиссар госбезопасности 1-го ранга. Награжден 2 орденами Красного Знамени. В июле 1937 г. арестован. Приговорен к ВМН в августе 1938 г. и расстрелян. Не реабилитирован.

Апетер Иван Андреевич (1890–1940). Еврей. В годы Первой мировой войны служил в 16-м сибирском стрелковом полку. С 1917 г. комиссар Ставки Верховного Главнокомандующего в Могилеве. В этом же году вступил в РСДРП(б). В феврале 1918 г. назначен начальником отдела Военного контроля (военная контрразведка) Брянского района. Далее занимал должности начальника Всеукраинской ЧК, ОО 12-й армии, Западного фронта. На съезде особых отделов в 1919 г. был одним из немногих, кто выступал за развитие и скорейшее внедрение агентурного метода в деятельность ВЧК, а также за развитие активной зафронтовой и закордонной работы. В конце 1920 г. переведен в Москву и назначен начальником Административно-организационного управления ВЧК, а позднее заместителем начальника Иностранного отдела. С 1922 г. являлся полномочным представителем ВЧК по Западному краю. Далее проходил службу на различных должностях в ГПУ, ОГПУ, НКВД, РККА, Наркомате рабоче-крестьянского контроля. В 1937 г. арестован по ложному обвинению, приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован.

Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937). Родился в Тверской губ. в семье швейцарца-эмигранта. Окончил металлургический факультет Петроградского политехнического института. В декабре 1917 г. под влиянием родственников – членов РСДРП(б) вступил в большевистскую партию. С начала 1919 г. в органах ВЧК-НКВД занимал должности особоуполномоченного ОО, начальника 12-го (польского) спецотделения ОО ВЧК, начальника КРО, ИНО ГПУ-ОГПУ. В 1934 г. назначен первым зам. начальника Разведупра РККА. Корпусной комиссар. В 1920 г. возглавлял операцию по раскрытию и ликвидации главной резидентуры польской разведки в Москве, подрезидентур в Петрограде и Белоруссии. Награжден орденом Красного Знамени за руководство агентурной разработкой «Синдикат-2», в результате завершения которой был выведен на территорию СССР и арестован Б.В. Савинков. Координировал работу по агентурной разработке «Трест», направленной против белой эмиграции и конкретно РОВС. В мае 1937 г. арестован по ложному обвинению, приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Баранский Казимир Станиславович (1894–1937). Поляк, родился в Петроковской губ. Царства Польского в семье крестьянина. Окончил сельскую школу, а затем городское и коммерческое учили-

ща. В декабре 1918 г. окончил артиллерийское отделение Первых московских командных курсов. Направлен для прохождения службы в артиллерийские части, а позднее стал сотрудником регистрационного (разведывательного) отдела штаба Западного фронта. С марта 1921 г. работал в ИНО ВЧК, являлся зам. резидента, затем резидентом ВЧК-ОГПУ в Варшаве под прикрытием должности секретаря полпредства (оперативный псевдоним «Кобецкий»). Сыграл значительную роль в разработке савинковского «Народного союза защиты родины и свободы» на территории Польши. Во время встречи с агентом был арестован польской контрразведкой, избит, после освобождения покинул Варшаву. Далее работал в Центральном аппарате ИНО ОГПУ-НКВД начальником польского отделения, а с конца 1936 г. начальником отделения в Транспортном отделе ГУГБ НКВД. По ложному обвинению в принадлежности к POV арестован в мае 1937 г., приговорен к ВМН и в августе расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Бекман Альфред Андреевич (1896–1991). Выходец из семьи обрусевшего шведа (отец плавал на судах торгового флота в качестве механика). Окончил Николаевскую гимназию в 1914 г. и добровольно поступил в Отдельные гардемаринские классы. После окончания учебы в звании мичмана служил на линкоре «Цесаревич». С весны 1918 г. проходил службу на различных должностях в советском военно-морском флоте на кораблях и в штабах. В мае 1926 г. был арестован по ложному обвинению и осужден к 10 годам ИТЛ. Содержался на Соловецких островах, досрочно освобожден в 1933 г. Далее работал в Беломорско-Онежском пароходстве. В 1956 г. был реабилитирован.

Бертинский-Житловский Виктор (Исаак) Львович (1890–1937). Поляк. Образование среднее. Член Компартии Польши и ВКП(б), работал в Коминтерне, возглавлял комиссию безопасности польской секции ИККИ. В конце 1920-х гг. несколько месяцев работал в ОГПУ в должности помощника начальника польского отделения КРО. Арестован в 1937 г., приговорен к ВМН по ложному обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности. Расстрелян в ноябре 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

Бруно Генрих Иванович (Пфафродт Генрих Иоган, 1889–1937). Немец, из семьи рабочих. Образование начальное. Член РСДРП(б) с 1906 г. Неоднократно привлекался к ответственности царскими

властями за революционную деятельность. С октября 1917 г. – член ВЦИК. Председатель Пензенской ЧК и ЧК 1-й армии. В октябре 1918 г. тяжело ранен террористом. В 1919 г. служил в Красной армии в качестве комиссара дивизии, председателя Ревтрибунала и начальника ОО Южного фронта. За перегибы в карательной политике постановлением РВС фронта снят с должности, против него было возбуждено уголовное дело. Но как на члена ВЦИК дело переслано на рассмотрение председателя ВЦИК Я. Свердлова. Развитие дело не получило. С июня по сентябрь 1919 г. являлся начальником ОО Запфронта. Далее на партийной и хозяйственной работе. Репрессирован в 1937 г.

Бушув Никола Филиппович (1886–1938). Русский, уроженец Костромской губ., из семьи кустика. Образование начальное. С 1905 г. член партии меньшевиков-интернационалистов, за революционную деятельность арестовывался царскими властями. Член большевистской партии с 1909 г. Участник Первой мировой войны. Член ВЦИК. Участвовал в подавлении Ярославского мятежа. С июля 1918 г. в Красной армии: зам. председателя Ревтрибунала Северного и Западного фронтов, с сентября 1919 г. – начальник ОО Запфронта. В декабре 1919 г. перешел на работу в систему военных и территориальных трибуналов. Далее на хозяйственной работе. Арестован в 1938 г., приговорен к ВМН. Реабилитирован.

Вакар Николай Платонович (1894–1970). Русский. Обучался на юридическом факультете Московского и Киевского университетов. С началом Первой мировой войны добровольно ушел на фронт. В 1915 г. произведен в прапорщики, дослужился до поручика. За участие в боях награжден несколькими орденами, в том числе двумя Георгиевскими крестами. С образованием Добровольческой армии продолжал службу в ее разведывательных органах, участвовал в создании антибольшевистского подполья в Киеве, был членом организации «Азбука». С конца 1919 г. в эмиграции во Франции. Один из создателей антисоветской организации «Центр Действия». После провала Киевского отделения ЦД практически отошел от конспиративной работы. С 1924 по 1940-е гг. работал в газете «Последние новости». Состоял в союзе русских писателей и журналистов в Париже. После поражения Франции эмигрировал в США, преподавал в Бостонском университете, защитил докторскую диссертацию.

Васильев Сергей Сергеевич (1902–1932). Русский. Образование высшее – экономист-финансист. Организовал террористический акт в отношении германского посла в Москве фон Дирксена. Однако исполнитель террористического акта И. Штерн по ошибке совершил 6 марта 1932 г. покушение на советника германского посольства фон Твардовского. Органами ОГПУ был арестован и после проведения расследования Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение.

Венява-Длугошовский Болеслав Игнаций Флориан (1881–1942). Поляк, уроженец нынешнего Ивано-Франковска. Окончил львовскую гимназию, изучал медицину во Львовском университете. Вступил в Союз стрелков, где познакомился с Пилсудским. В ходе Первой мировой войны участвовал в боях в составе войск Австро-Венгрии, лейтенант. В 1915 г. стал адъютантом Пилсудского. После советско-польской войны окончил военную школу и служил на должности военного атташе в Румынии. Далее командовал дивизией, был послом в Италии. С 1940 г. – президент Польши.

Вернер Тадеуш (1899–?). Поляк, уроженец Петербурга. Подпоручик, офицер 2-го отдела ПГШ. С 1923 г. работал в Москве в польском консульстве под прикрытием должности сотрудника по приему заявлений. Возглавлял резидентуру «Р-7/1» и был ответственен за связь с МОЦР – «Трестом».

Волос Мариуш – доктор исторических наук, профессор Института истории Краковского педагогического университета. Постоянный представитель Польской Академии наук в Москве. Автор монографий и статей по истории советско-польских отношений.

Глинский Станислав Мартынович (1894–1937). Поляк, родился в Варшаве в семье рабочего – члена Социал-демократической партии Царства Польского и Литвы. Окончил ремесленное училище. Отец был выслан в Иркутскую губ., и вся семья выехала с ним. В 1911 г. вступил в большевистскую партию и занимался революционной пропагандой. Был арестован, бежал и перешел на нелегальное положение. С мая 1917 г. – на военной службе в Сибирском запасном полку, вместе с полком прибыл в Ригу. Работал в выборных органах 12-й армии. В период Гражданской войны служил начальником штаба 30-й дивизии, затем в органах военной контрразведки.

В сентябре 1920 г. командирован на Западный фронт и назначен помощником начальника агентуры ОО 16-й армии, а позднее начальником Особого отделения при Белорусской ЧК. В этот же период состоял уполномоченным по разработке иностранных миссий от Полномочного представительства ВЧК по Западному краю. С 1922 г. являлся начальником Заславльского пограничного отделения и участвовал в операции «Синдикат-2». За успешную оперативную работу был в 1921 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1926 г. на работе по линии ИНО ОГПУ, назначен помощником резидента в Данциге, затем резидентом в Варшаве. В этом качестве принимал участие в агентурной разработке «Трест». После непродолжительной работы в Москве был резидентом в Финляндии, Латвии, Чехословакии и Франции. В августе 1937 г. отозван в Москву, арестован по ложному обвинению, приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Гловацкий Бартош (1756–1794). Поляк, крепостной крестьянин, участник восстания Костюшко 1794 г., отличился в боях. Является одним из символов польской государственности и борьбы за независимость.

Голуко Тадеуш (1889–1931). Поляк, родился в Семипалатинске в семье участника Польского восстания 1863 г. Близкий сподвижник Пилсудского, один из создателей ПОВ. После провозглашения независимой Польши работал вице-премьером по пропаганде. Организатор движения «Прометей». Убит членом организации ОУН.

Гуттен-Чапская Мария (1894–1981). Графиня, полька, уроженка Минской губ. Образование высшее. Польский историк и литератор, автор воспоминаний. Совместно с братом составила и в 1963 г. издала в Париже антологию «Поляки в СССР. 1939–1942». После Второй мировой войны во Франции издавала журнал «Культура» на польском языке, где печатались многие диссиденты, включая А. Солженицына.

Дашкевич Вацлав Теофилович (1893–?). Поляк. Подпоручик в годы Первой мировой войны. Член РКП(б) с 1917 г. В 1918 г. поступил в Академию Генштаба, но по решению ЦК РКП(б) откомандирован в Западную дивизию, сформированную из польских интернационалистов. Окончил АГШ в 1922 г.

Довбор-Мусницкий Иосиф Романович (1867–1937). Поляк, из дворян. Окончил Николаевский кадетский корпус, Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генштаба. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-лейтенант. В 1917 г. с должности командира 38-го армейского корпуса назначен командующим 1-м польским корпусом русской армии. В январе 1918 г. выступил против советской власти, объявлен вне закона. После боев с частями Красной гвардии корпус был разбит, а его остатки Довбор-Мусницкий вывел в Польшу. С 1920 г. в отставке.

Дриммер Тамир Виктор (1896–?). Поляк. Член ПОВ с момента ее создания. В 1915 г. получил звание капрала и служил инструктором школы подофицеров. С декабря 1918 г. служил в польской жандармерии. С 1922 г. военный атташе Польши в Ревеле и одновременно руководитель резидентуры «Виттег». Некоторое время работал во 2-м отделе ПГШ, а затем снова (с января 1924 по 1930 г.) военный атташе в Ревеле и руководитель резидентуры польской разведки «Р/7». В 1929–1933 гг. работал начальником отдела прессы и пропаганды МИД Польши. Далее работал в других министерствах.

Дукельский Семен Семенович (1892–1960). Еврей, родился в Херсонской губ. в семье пекаря. Окончил 3-классное еврейское казенное и музыкальное училища. До революции работал пианистом в кинотеатрах. В конце 1917 г. вступил в Красную гвардию, а затем в РККА. Участвовал в боевых действиях, был ранен и контужен. С апреля 1920 г. в органах госбезопасности, занимал ряд ответственных должностей в особых отделах на Украине, работал начальником Одесского и других губернских отделов ГПУ-ОГПУ. С 1926 по 1930 г. трудился в промышленности, затем снова направлен на службу в ОГПУ, руководил рядом областных отделов ОГПУ и УНКВД по Воронежской обл. С июля 1937 г. состоял сотрудником для особых поручений при наркоме внутренних дел Н. Ежове. Был уволен из органов НКВД и работал председателем Комитета по кинематографии при СНК СССР, а затем наркомом морского флота СССР. В годы Великой Отечественной войны был уполномоченным ГКО по производству боеприпасов в Челябинской обл. В 1943–1948 гг. заместитель наркома-министра юстиции РСФСР. Далее на пенсии.

Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940). Русский, из семьи железнодорожного рабочего. Окончил 5 классов городского учили-

ща и пошел работать на железную дорогу, где стал участником революционного движения в Чите. Вступил в партию эсеров, а затем перешел к анархистам. С лета 1918 г. член большевистской партии. Добровольно записался в Красную армию. В 1919 г. окончил курсы Академии Генштаба, служил в Регистрационном (разведывательном) управлении Полевого штаба РВСР и занимался организацией диверсионно-разведывательной работы в тылу войск Колчака. Летом 1919 г. перешел на чекистскую работу. Занимал ряд ответственных должностей вплоть до начальника Секретно-оперативного управления и члена Коллегии ОГПУ. В 1938 г. арестован по ложному обвинению, приговорен к ВМН и расстрелян в 1940 г. Реабилитирован.

Заварзин Павел Павлович (1868–1932). Русский, из дворянской семьи. Окончил Одесское реальное училище, Одесское пехотное юнкерское училище. В 1898 г. перешел на службу в Отдельный корпус жандармов. Генерал-майор. С 1906 по 1909 г. являлся начальником Отделения по охране общественной безопасности в Варшаве, а в 1916–1917 гг. возглавлял Варшавское губернское жандармское управление. Затем в эмиграции во Франции. Автор двух книг о работе политической полиции в Российской империи.

Зонов Константин Ильич (1892–?). Русский, уроженец Екатеринбургa, из семьи служащего. Окончил городское училище и бухгалтерские курсы. До революции работал в банковской системе. С началом Первой мировой войны был мобилизован и находился в действующей армии, участвовал в Галицийском наступлении, был ранен и контужен в бою. После революции служил в Красной гвардии и в партизанских отрядах. Добровольно вступил в Красную армию и принимал участие в боевых действиях против белых и чехословацких войск. С января 1919 г. работал в особых отделах на Урале, в Москве и на Украине. В начале советско-польской войны был назначен зам. начальника ОО Южного и Юго-Западного фронтов, а затем зам. начальника Секретно-оперативной части и членом Коллегии ВУЧК. Далее на различных должностях в органах госбезопасности. Уволен из ОГПУ по болезни в 1929 г. Затем работал в различных хозяйственных структурах.

Йодко-Наркевич Витольд (1864–1924). Поляк. Окончил Дерптский университет. Один из организаторов Польской социалистиче-

ской партии. Выступал за войну между империями – участницами раздела Польши. Выдвигал идею вооруженного восстания против России. Был одним из подписантов (от Польши) Версальского договора. После создания независимого польского государства состоял на дипломатической службе, являлся послом в Турции и Латвии.

Карусь Петр Адамович (1888–?). Белорус, уроженец Гродненской губ. Образование высшее – юрист. Член большевистской партии с 1918 г. В органах госбезопасности с 1919 г. Работал в ОО Петроградской ЧК, занимался в основном польскими шпионскими делами. С 1925 г. начальник КРО ПП ОГПУ по Уралу.

Кеннан Джордж Фрост (1904–2005) – американский дипломат, политолог и историк, автор трудов по истории взаимоотношений России и стран Запада. Провел исследование так называемых «документов Сиссона» и доказал, что они являются фальшивками.

Клементьев Василий Федорович (1892–?). Русский, выходец из семьи унтер-офицера. Окончил Виленское военное училище. В годы Первой мировой войны офицер-артиллерист. В 1918 г. входил в подпольную антибольшевистскую организацию Б. Савинкова, был арестован ВЧК и находился в заключении до 1920 г. Бежал в Польшу, где продолжил сотрудничество с Савинковым. После Второй мировой войны эмигрировал в США.

Кобылянский Тадеуш (1895–?). Поляк. Помощник военного атташе, военный атташе Польши в Москве в 1925–1927 гг. С 1929 по 1935 г. советник польского посольства в Бухаресте. Далее работал в МИД Польши, последняя должность – вице-директор Политического департамента МИД.

Кобяков Сергей Артемович (?–1923). Присяжный поверенный. В 1918 г. участвовал как защитник при расследовании дел в революционных трибуналах. Среди его подзащитных были адмирал Щастный, английский агент лейтенант флота Оккерлунд, польские дворяне братья Лютославские и др. С 1918 г. в эмиграции.

Ковальский Тадеуш Альфред (1896–?). Поляк. Работал по линии разведки в Москве в первой половине 1920-х гг. С апреля 1931 г. сотрудник польской миссии в Таллине, с сентября 1933 г. атташе польского консульства в Двинске (Латвия).

Кучин Константин Михайлович (Федоров Иван, 1910–1933). Псевдоним в польской разведке «Шевченко». Родился в городе Молога Ярославской губ. Окончил летную школу, служил командиром авиазвена в г. Бобруйск БССР. Особым отделом ОГПУ в Белорусском ВО были вскрыты намерения Кучина бежать в Польшу совместно с летчиком Стрыгиным и авиатехником Стрижовым. Их арестовали, однако Кучину удалось бежать из-под стражи, и 21 февраля 1933 г. он перешел советско-польскую границу. Там он был завербован польской разведкой и включен в резидентуру «Барнаба». В начале декабря 1933 г. нелегально переброшен на советскую территорию для выполнения разведзадания. Арестован органами ОГПУ и после окончания следствия приговорен к расстрелу.

Лавернь Жан Франсуа (1869–?). Француз. Получил военное образование. В период Первой мировой войны служил в качестве помощника военного атташе Франции в России, начальником французской военной миссии. В 1918 г. контактировал и снабжал финансовыми средствами некоторые антибольшевистские организации.

Ледницкий Александр Робертович (1866–1934). Поляк, уроженец Варшавы. Российский и польский политический деятель, адвокат. Окончил Демидовский юридический лицей, читал лекции в МГУ. Активно участвовал в работе польских организаций, арестовывался царской полицией и высылался из Москвы за участие в демонстрациях. Один из основателей партии народной свободы (кадеты), член ее ЦК, от партии избирался членом 1-й Госдумы. В 1910–1917 гг. председатель совета Соединенного банка в Москве. Во время Первой мировой войны возглавил польский комитет по поддержке жертв войны. После Февральской революции назначен руководителем (на правах министра) Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского. В январе 1918 г. назначен представителем Гражданского комитета Регентского совета в России. Во второй половине 1918 г. выслан из Советской России. В Польше занимался журналистской деятельностью.

Лившиц Яков Абрамович (1896–1937). Еврей, родился в Гомельской губ., из рабочих. Состоял в партии социалистов-революционеров, с 1917 г. член большевистской партии. В органах ВЧК-ГПУ с 1918 г., работал на Украине: в Черниговской ЧК, зам. председателя Харьковской ЧК. В 1919–1920 гг. председатель Киевской губЧК. В 1923–1924 гг. зам. председателя ГПУ Украины. Затем

на хозяйственной работе. Арестован в 1936 г. по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Приговорен к ВМН и 1 февраля 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

Логановский Мечислав Антонович (1895–1938). Поляк, родился в семье адвоката в Ченсохове. Окончил в 1914 г. гимназию и в этом же году вступил в Польскую партию социалистов (ППС) и ПОВ. Властями царской России был арестован и содержался в Нижегородской тюрьме. В марте 1916 г. освобожден под надзор полиции. Скрывался от мобилизации и под вымышленной фамилией работал на заводах. Оставался членом ППС. В период Октябрьской революции входил в состав Московского областного комитета этой партии. В июне 1918 г. вступил в РКП(б) и Компартию Польши. Добровольно вступил в Красную армию, окончил московские артиллерийские курсы и направлен служить в Западную стрелковую дивизию. С мая 1920 г. находился на должности начальника и комиссара военной разведки 15-й армии Западного фронта. В январе 1921 г. по распоряжению Ф. Дзержинского отозван в Москву и направлен на работу в ИНО ВЧК. С апреля 1921 до 1923 г. являлся резидентом в Варшаве, где активно работал по созданию агентурной сети. Далее работал резидентом в Австрии. В конце 1925 г. перешел на работу НКВД. Трудился в Москве и в дипломатических представительствах за границей. С 1934 по 1937 г. являлся заместителем наркома внешней торговли СССР, затем заместителем наркома пищевой промышленности СССР. В мае 1937 г. арестован по ложному обвинению, судим, приговорен к ВМН и расстрелян в июле 1938 г. Реабилитирован в декабре 1956 г.

Лонгва Роман Войцехович (1891–1938). Поляк, сын мелкого торговца. Окончил гимназию и военное училище, штабс-капитан. С 1910 по 1918 г. член ППС (левицы), затем вступил в партию большевиков. В декабре 1917 г. назначен заведующим военным отделом Польского комиссариата Наркомнаца. С февраля 1918 г. в Красной армии, командир Западной дивизии на советско-польском фронте. Награжден орденом Красного Знамени. Далее на различных командных должностях и в Разведупре РККА. В 1937 г. арестован по ложному обвинению в шпионаже, осужден к ВМН и расстрелян. Реабилитирован.

Лоран Пьер Теодор – француз, сотрудник, а затем руководитель резидентуры французской разведки в России в 1917–1918 гг.

Любарский Всеволод Александрович. Русский, уроженец Варшавы. Окончил Варшавскую гимназию, участвовал в скаутском движении. Служил в Белой армии, эмигрировал в Польшу. Примкнул к молодежной антибольшевистской организации террористической направленности. Агент 2-го отдела польского Генштаба. В 1928 г. прибыл в Москву как дипкурьер. По данным ОГПУ, намеревался создать террористическую группу и побудил своего двоюродного брата совершить террористический акт над одним из участников съезда Коминтерна. Успел выехать из СССР до ареста брата.

Любарский Лев Георгиевич (1910–1929). Русский, уроженец Чернигова, из мещан. Окончил профтех школу. Перебрался в Москву, где проживали родственники. Повергался антисоветской обработке со стороны брата и его связей – бывших офицеров Белой армии. Прибывшим из Варшавы двоюродным братом склонен к совершению террористического акта над кем-либо из крупных советских работников. 16 августа 1918 г. выстрелом из пистолета убил инспектора Политуправления РККА Р.С. Шапошникова, принимавшего участие в работе съезда Коминтерна. Был арестован органами ОГПУ и после проведения расследования Коллегией ОГПУ приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 12 июля 1929 г.

Лютославские, Марьян и Иосиф. Поляки, сыновья известного польского юриста и публициста. После взятия немцами Варшавы переехали в Москву и продолжили работу в руководящих органах польской партии «Народная демократия». В мае 1918 г. арестованы ВЧК по обвинению в участии в формировании польских легионов для борьбы с советской властью. Осуждены Ревтрибуналом к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в сентябре 1918 г.

Маевский Казимир Болеславович (1871–1918). Поляк. Окончил кадетское училище в Вольске. В звании полковника возглавил польский полк им. Бартоша Гловацкого в Москве. За отказ провести в полку демократические преобразования арестован ВЧК и находился под следствием по делу братьев Лютославских. Расстрелян в связи с проведением политики «красного террора».

Майер Стефан (1895–?). Поляк. Капитан, начальник экспозитуры № 1 в Вильно в 1923–1927 гг.

Маймескулов Леонид Николаевич (?–2012) – украинский историк, доктор исторических наук, профессор. До своей кончины

работал в Национальной юридической академии Украины. Специализировался на изучении проблем истории государства и права, а также органов госбезопасности.

Манцев Василий Николаевич (1889–1938). Русский, из семьи служащего конторы. Окончил гимназию и 4 курса МГУ. В РСДРП(б) с 1906 г. Неоднократно подвергался репрессиям царских властей, вынужден был уехать за границу. Жил в Австрии, Франции и Польше. С декабря 1918 г. в органах ЧК: член Коллегии и заместитель председателя Московской ЧК, начальник управления ЧК и особых отделов Украины, начальник ОО Юго-Западного фронта. С 1922 г. на государственных, судебных и хозяйственных должностях. Арестован в 1937 г. по ложному обвинению, приговорен к ВМН и расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.

Матушевский Игнаций (1891–1946). Поляк, родился в семье польских интеллигентов. Изучал философию в Ягеллонском университете, архитектуру в Милане, право в Тартусском университете. Во время Первой мировой войны служил в царской армии, офицер. Участвовал в формировании 1-го польского корпуса, вступил в ПОВ. После провозглашения независимой Польши в ноябре 1918 г. был назначен на службу во 2-й (разведывательный) отдел Верховного командования Войска Польского. В начале советско-польской войны стал начальником этого отдела, произведен в полковники. Руководил военной разведкой до 1923 г. Далее на различных военных и государственных постах, в том числе и на должности министра финансов. С 1932 г. работал в ряде газет в качестве обозревателя и редактора. С 1939 г. в эмиграции во Франции и США. Был противником царской России и СССР.

Медведь Филипп Демьянович (1889–1937). Белорус, уроженец Гродненской губ., из рабочих. Образование 6 классов железнодорожного училища. Член большевистской партии с 1907 г. (принят по рекомендации Дзержинского). В органах госбезопасности с мая 1918 г., член Коллегии ВЧК, председатель Петроградской ЧК. С конца августа по октябрь 1919 г. и с декабря 1919 по декабрь 1921 г. начальник ОО Западного фронта. С апреля 1924 по март 1925 г. полномочный представитель ОГПУ по Западному краю – председатель ГПУ БССР. Далее на различных руководящих должностях в ОГПУ-НКВД СССР. После убийства С.М. Кирова в 1934 г., будучи начальником УНКВД по Ленинградской обл., арестован за «преступно-халат-

ное отношение к своим обязанностям по охране госбезопасности». В 1937 г. приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован.

Микулин Александр Александрович (1867–1927). Русский, уроженец Москвы. Образование среднее, до ареста работал сотрудником для поручений склада утилизационных материалов. Состоял членом «Монархического объединения Центра России», не подозревая, что оно создано чекистами в рамках операции «Трест». Добровольно изъявил желание предоставить свою квартиру в качестве явочной для контактов МОЦР с представителями эстонской и польской разведок. После завершения разработки был арестован, судим и приговорен к ВМН за связь с иностранными разведчиками. Реабилитирован в 1992 г.

Музыкант Владимир Индрикович (1890–1851). Образование высшее – юрист. Член большевистской партии с 1911 г. В органах военной контрразведки с 1918 г. Работал начальником Военно-политического контроля 3-й армии Восточного фронта. В 1919 г. назначен заведующим следственной частью ОО Западного фронта. Далее проходил службу в Центральном аппарате ГПУ-ОГПУ в должности зам. начальника Административно-организационного управления.

Науиокайтис Казимир Иосифович (1896–1937). Литовец, из крестьян. Окончил гимназию и обучался на медицинском факультете Юрьевского университета. С 1917 г. участвовал в революционной деятельности, являясь членом партии эсеров, а с 1918 г. партии большевиков. В 1919–1921 гг. находился на подпольной работе в Вильно, был арестован и сидел в польских и литовских тюрьмах. После освобождения работал заведующим отделом эвакуации Полномочного представительства РСФСР в Литве, одновременно выполняя задания ВЧК. В органах госбезопасности с августа 1921 г. Практически с самого начала занимался польскими делами, а с 1922 г. – начальник польского отделения (до 1930 г.). Далее работал в ПП ОГПУ в БССР и в Сибири. В 1933 г. переведен на службу в органы милиции. В 1937 г. арестован по ложным обвинениям и в августе этого же года расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Незбжицкий Ежи Антон Ричардович (1901–1968). Поляк, уроженец Варшавы. Образование незаконченное высшее – юридическое. Закончил центральную военную школу. С 1918 г. член ПОВ, руководил повстанческими отрядами в Виннице. В 1920–1921 гг.

создавал разведывательную сеть польской разведки на территории Украины, а затем работал во 2-м отделе ПГШ. С 1928 по 1930 г. под прикрытием должности в польском консульстве в Киеве возглавлял резидентуру «Днепр», а затем «О-2». Был задержан советской контрразведкой при получении «секретных» материалов от подставленного ему агента, объявлен персоной «нон грата» и выслан из СССР. Несколько лет (с 1932 по 1939 г.) возглавлял реферат «Восток» 2-го отдела ПГШ. Уйдя из разведки в связи с разгромом Польши, занялся публицистической деятельностью и выступал в прессе под псевдонимом «Ричард Врага». После окончания Второй мировой войны эмигрировал во Францию, а затем в США. Автор нескольких книг по советологии.

Ольский (Куликовский) Ян Каликстович (1898–1937). Поляк. Образование среднее. В 1915 г. с группой товарищей основал кружок польской молодежи, преобразованный позднее в Союз польской социалистической молодежи. Участник Февральской и Октябрьской революций. Как коммунист мобилизован Петроградским комитетом РКП(б) в Красную армию. Затем на подпольной работе в Вильно. В органах госбезопасности с 1919 г. Служил в особых отделах, занимал должность начальника ОО 16-й армии, а далее председателя ЧК Белоруссии. С 1923 г. работал в Центральном аппарате ГПУ-ОГПУ. В 1927 г. возглавил всю систему советской контрразведки. В 1931 г. из-за противодействия созданию «липовых» дел, в частности дела «Весна», решением Политбюро ЦК ВКП(б) уволен из органов госбезопасности и перешел на работу в систему общественного питания в Москве. В 1937 г. по ложному обвинению в сотрудничестве с польской разведкой был арестован, судим и расстрелян. Реабилитирован.

Оссендовский Фердинанд (1876–1945). Поляк. Учился в Санкт-Петербургском университете, Сорбонне, преподавал в Томском университете. Участник революции 1905 г. До 1907 г. отбывал тюремное заключение. Затем отошел от революционного движения и занялся журналистикой, писал художественные произведения в жанре фантастики и приключений. В годы Первой мировой войны заведовал иностранным отделом в газете «Вечернее время», много писал о происках германской разведки. Автор многих фальшивок в области взаимоотношений советских руководителей и Генштаба Германии.

Пахомов Виктор Александрович (22.06.1923 – 25.03.2005). Родился в Великом Устюге Вологодской обл. Полковник юстиции,

почетный сотрудник госбезопасности, заслуженный юрист РСФСР. В 1958 г. окончил Высшую школу КГБ при СМ СССР. Начальник отделения Следственного управления КГБ СССР.

Перцов Юрий Моисеевич (1894 – позднее 1949). Еврей, родился в Минске в семье рабочих. В 1910–1911 гг. член партии «Поалей Цион», в ВКП(б) с 1918 г. В органах ВЧК с 1919 г., работал в ОО Юго-Западного фронта. В 1921–1922 гг. начальник Секретно-оперативной части Киевской губЧК – Киевского губотдела ГПУ Украины. Одновременно работал в органах юстиции – председатель коллегии обвинителей Киевского губревтрибунала и зам. председателя Киевского губсуда. Далее служил в органах ГПУ-ОГПУ на Дальнем Востоке и в Закавказье. В 1929–1930 гг. являлся зам. начальника ОО Киевского ВО, а затем начальник Одесского облотдела ГПУ. В 1933 г. снят с должности, арестован за контрабанду, пьянство и моральное разложение. Решением Коллегии ОГПУ приговорен к 5 годам ИТЛ. В 1938 г. осужден еще на 5 лет. С 1949 г. на хозяйственной работе.

Пестковский Станислав Станиславович (1882–1937). Польский и российский революционер. Некоторое время состоял в Польской социалистической партии. В ноябре 1917 г. по назначению ВРК Петросовета исполнял обязанности комиссара Главного телеграфа, а затем комиссара Государственного банка на правах управляющего. С конца 1917 по 1919 г. работал зам. наркома в Наркомнаце. Получил назначение на должность председателя Киргизского ревкома, избран членом облбюро РКП(б) Киргизского края. С началом советско-польской войны был начальником политуправления Западного фронта. В 1921 г. назначен председателем русско-украинской делегации пограничной комиссии с Польшей. С 1922 г. на партийной работе. В 1924–1926 гг. был полпредом СССР в Мексике. Далее работал секретарем ЦК Международной организации помощи борцам революции, в аппарате Коминтерна и в научных учреждениях. Некоторое время выполнял поручения руководства ИНО ОГПУ по реферированию иностранной прессы. В 1937 г. арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и в этом же году расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

Поличкевич Вацлав Теофилович (1890–1937). Поляк, уроженец Варшавы. Член Социал-демократической партии Польши и Литвы с 1907 г. В период советско-польской войны был мобилизован на Западный фронт, работал в политорганах и органах ВЧК. С 1921 г. служил в Петроградской ЧК уполномоченным по польским

делам, начальником польского отделения ОКРО ПП ГПУ в ЛВО, начальником отдела кадров. Был переведен на работу в ГПУ УНКВД Крыма. В 1937 г. арестован по ложному обвинению в связи с польской разведкой, приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован.

Райхман Леонид Федорович (1908–1990). Еврей. Генерал-лейтенант. Окончил 2-класс школы до революции, а 1920-х гг. учился в профсоюзной школе. После службы в Красной армии работал начальником отдела кадров комбината в Ленинграде. С декабря 1931 г. являлся негласным сотрудником ОГПУ. Далее на штатной работе в органах госбезопасности С 1937 г. работал в Центральном аппарате НКВД на различных должностях вплоть до зам. начальника управления контрразведки. В 1951 г. арестован по обвинению во вредительстве. В 1953 г. осужден к 5 годам тюрьмы. Освобожден в 1956 г. Работал юристом в Москве.

Рогожин Анатолий Иосифович – украинский историк, специализируется на изучении проблем истории государства и права, а также органов госбезопасности.

Розмирович Елена Федоровна (1886–1953). Русская, из дворян. Член ВКП(б) с 1904 г. С 1917 г. член следственной комиссии Петроградского ВРК, а с марта 1919 г. занимала должность председателя следственной комиссии Ревтрибунала при ВЦИК. Далее на партийной и хозяйственной работе.

Секунда Владимир Станиславович. Поляк. Поручик Войска Польского, референт офензивы (разведки) по вопросам СССР и Латвии в экспозитуре № 1 в Вильно. На 1923 г. – капитан, 1-й офицер экспозитуры, а с октября 1924 г. и.о. начальника экспозитуры в Вильно.

Семенов (Коган) Евгений Петрович (1861–1944). Еврей. Окончил гимназию, учился на юридическом факультете Новороссийского университета. Арестован царскими властями за революционную деятельность. После освобождения находился в эмиграции, где занимался политической журналистикой. Возвратившись в Россию сотрудничал в петербургских газетах. Во время Первой мировой войны работал в организованных французами в Петрограде пропагандистских органах. Скупал и перепродавал представителям союзников фальшивки о сотрудничестве большевиков с немецким командованием. С 1918 г. в эмиграции.

Сиссон Эдгар Грант (1875–1948) – видный американский журналист и издатель газет. В 1917 г. прибыл в Советскую Россию как представитель президента США и американского пропагандистского ведомства – Комитета общественной информации. Публикатор фальшивок о тайном сотрудничестве руководителей большевистской партии с немецким командованием.

Старцев Виталий Иванович (1931–2000) – один из крупнейших специалистов по политической истории России XX в. Доктор исторических наук, профессор, источниковед, автор 11 монографий и большого количества статей.

Сташис Владимир Владимирович – украинский историк, специализируется на проблемах истории государства и права, а также органов госбезопасности.

Стрыгин П. – советский летчик, командир авиазвена в Белорусском ВО. Вместе с другим командиром звена – Кучиным – и авиатехником Стрижовым вынашивал намерение бежать в Польшу. В феврале 1933 г. их подготовительная деятельность была вскрыта Особым отделом БВО. Авиаторов арестовали.

Струков Лев Николаевич (1895–1937). Русский, уроженец Краснодара. Окончил военное кавалерийское училище, участник Первой мировой войны. В период советско-польской войны, будучи командиром кавалерийского полка, попал в плен. В ноябре 1920 г. был завербован польской разведкой и в конце года переброшен на советскую территорию с разведывательным заданием. В Минске добровольно явился в ОО 16-й армии и после допроса отправлен в Москву в ВЧК, где был перевербован и отправлен в Польшу для работы в интересах советских органов госбезопасности. Возвратился из Варшавы в 1922 г. Далее работал в различных экономических учреждениях. Арестован в 1937 г. и обвинен в работе на польскую разведку. Был приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован.

Таликовский Михаил Михайлович (1894–1956). Поляк, родился в Одессе, где окончил гимназию. С 1911 до января 1918 г. служил в царской армии в звании штабс-капитана. Затем поступил в польский отряд, но уже в апреле перешел на нелегальное положение и исполнял обязанности адъютанта районной организации ПОВ. Занимался разведкой в черноморском регионе. С октября 1920 г.

сотрудник 2-го отдела польского Генштаба, а в июне 1921 г. был назначен начальником подреферата «Б-1» в реферате центральной агентуры 2-го отдела ПГШ. Занимался разведкой против СССР, в том числе и с использованием русских эмигрантских организаций. Ушел с занимаемой должности в связи с провалом работы с организацией «М» – «Трестом». С 1939 г. в эмиграции в Англии, работал в польских эмигрантских военных штабах и в Африке. Полковник.

Уссас Бронислав Матвеевич (1885–1977). Поляк, родился в Петербурге, где окончил гимназию и два факультета университета. Рукоположен в 1917 г. В 1919 г. арестовывался Петроградской ЧК за сопротивление властям, но через несколько месяцев был освобожден и уехал в Польшу. В 1920 г. состоял членом польской делегации Красного Креста на переговорах с представителями Советского Красного Креста. После подписания Рижского мирного договора прибыл в Петроград как представитель Польской республики в комиссии по возвращению культурных ценностей. Далее работал в польской делегации по репатриации. В 1924 г. был арестован за издевательство над подчиненными сотрудницами – гражданками СССР и осужден Ленинградским областным судом на 6 лет лишения свободы. Но наказание не отбывал, так как был включен в список для обмена на польских коммунистов. Уехал в Польшу в 1926 г. До конца жизни преподавал в католических учебных заведениях.

Фельштинский Юрий Георгиевич, родился Москве в 1956 г. С 1978 г. проживает в США. В 1993 г. защитил докторскую диссертацию в Институте истории Российской Академии наук. Автор нескольких монографий по советскому периоду истории России. В его исследованиях заметна политическая ангажированность.

Фирин (Пупко) Семен Григорьевич (1898–1937). Еврей, родился в Вильно в бедной семье. С началом Первой мировой войны был призван в царскую армию, но дезертировал. С 1917 г. принимал участие в революционных событиях в Петрограде и Москве. Член ВКП(б) с 1918 г. В период Гражданской и советско-польской войн командовал партизанскими отрядами в Литве, служил в Разведупе Запфронта. В течение ряда лет находился на закордонной работе по линии военной разведки. С 1930 г. работал в органах госбезопасности на оперативных и хозяйственных должностях. Был заместителем начальника ГУЛАГа. Арестован в 1937 г. и приговорен к ВМН. Реабилитирован в 1956 г.

Цепляк Иоанн (1857–1926). Поляк, родился в Польше. Архиепископ католической церкви, служил в Могилевской епархии. После начала Первой мировой войны прибыл в Петроград. Несколько раз арестовывался органами ВЧК по подозрению в проведении антисоветской агитации. Последний арест в 1923 г. Был приговорен к ВМН за антисоветскую деятельность. Расстрел заменили на 10 лет ИТЛ. Освобожден в 1924 г. и выслан в Латвию. Затем уехал в Варшаву. В декабре 1925 г. был назначен митрополитом Виленским, коим и оставался до своей смерти.

Шетцель Тадеуш (1891–1971). Поляк. Полковник. Работу в разведке начал в ноябре 1918 г., руководил 2-м отделом командования Генерального округа в Люблине. С 1919 г. служил в центральном аппарате польской разведки. В ноябре 1926 г. возглавил 2-й отдел ПГШ, а с 1929 г. вице-директор Политико-экономического департамента МИД Польши. Один из организаторов и идейных вдохновителей движения «Прометей».

Штерн Иуда Миронович (1904–1932). Еврей, образование незаконченное высшее. На момент ареста не имел определенных занятий. 6 марта 1932 г. совершил покушение на советника германского посольства в Москве фон Твардовского, ошибочно приняв его за германского посла. Был арестован органами ОГПУ и после расследования приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу вместе с организатором террористического акта С. Васильевым. Приговор приведен в исполнение.

Янишевский Дионис Юлианович (1898–1938). Поляк, родился в Варшаве. Окончил торговое училище. В 1915 г. с родителями был эвакуирован в Москву. В 1918 г. вступил в большевистскую партию. По партийной мобилизации направлен в 1920 г. на Западный фронт, где служил в политотделе армии. По окончании войны направлен на работу в польскую группу при Петроградском комитете РКП(б). С 1922 по 1934 г. служил в органах госбезопасности и прошел путь от рядового оперработника до зам. начальника Особого отдела ПП ОГПУ в Ленинградском ВО. Лично вел работу по польской колонии в Ленинграде и области, а также по польским дипломатическим представительствам. Арестован в 1934 г. в связи с убийством С.М. Кирова, был осужден и направлен на один из приисков на Колыме. В 1937 г. по необоснованному обвинению в принадлежности к польской разведке арестован вновь, приговорен к ВМН и расстрелян. Реабилитирован.

Библиография

Материалы архивов

- Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ РФ)
Архив Управления ФСБ России по Омской области (Архив УФСБ по Омской обл.)
Архив Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Архив УФСБ по СПб и ЛО)
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Российский государственный военный архив (РГВА)
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
Отдел специальной документации Управления архивной документации администрации Алтайского края (ОСД УАДАК)

Сборники документов

- Борис Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001.
В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). Изд. 2-е, дополненное. М., 1987.
Военные архивы России. Вып. № 1. М., 1993.
ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. М., 1995.
ВЧК уполномочена сообщить. 1918 г. М., 2004.
Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005.
Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР. Генеральный комиссар госбезопасности. Сборник документов. Казань, 1997.
Глазами разведки. СССР и Европа. 1919–1938 годы. Сборник документов из российских архивов. М., 2015.
Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг. М., 2010.
Документы внешней политики СССР. Т. 4. М., 1960.
Из истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. 1917–1921 гг. Сборник документов. М., 1958.
Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях с 1918 по 1920 г. М., 1920.
Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. Сборник документов. М., 2003.
Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938. Сборник документов. М., 2004.
Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997.
Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. Сборник документов. М., 2010.

- Отчет ВЧК за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 – 20 декабря 1921 г.). Организационная часть. М., 1921.
- Пограничные войска СССР 1918–1928. Сборник документов и материалов. М., 1973.
- Протоколы ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001.
- Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918–1919. Сборник документов. М., 1997.
- Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1920–1923. Сборник документов. М., 2000.
- Справа «Польської Організації Військової» в Україні. 1920–1938 рр. Збірник документів та матеріалів. Київ. 2011.
- «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) в 10-ти томах. Т. 9. М., 2013.
- Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь – август 1922 г.). Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М., 2002.
- Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. Сборник документов. М., 2007.

Энциклопедии, справочники, словари

- Деятели Союза Советских Социалистических Республик и Октябрьской Революции. (Автобиографии и биографии.) Энциклопедический словарь. Второй выпуск сорок первого (41) тома. Репринтное издание. М., 1989.
- Внешняя разведка СССР. Энциклопедия. Сост. К. Дегтярев и А. Колпакиди. М., 2009.
- Военная энциклопедия. В 8-ми тт. М., 1997–2004.
- Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004.
- ВЧК. 1917–1922. Энциклопедия. М., 2013.
- Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.
- Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. Сост. Н.В. Петров, К.В. Скоркин. М., 1999.
- Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003.
- Лурье В.М., Кочик В.Я. ГРУ. Дела и люди. М.–СПб., 2002.

Сборники статей

- Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Сборник статей. М., 2010.
- Забывтый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретация и споры. М., 2014.

- Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 1–2. М., 1996.
- Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
- Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сборник статей польских и российских исследователей. М., 2009.
- Репрессии против поляков и польских граждан. Исторический сборник «Мемориала». Вып. 1. М., 1997.
- Российские спецслужбы. История и современность. Материалы исторических чтений на Лубянке 1997–2000 гг. М., 2003.
- Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005.
- Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. Сборник статей. 2004.
- Studia Slavica – Polonica (К 90-летию И.И. Костюшко). Сборник статей. М., 2009.

Журналы и газеты

- Вопросы истории (журнал), № 12, 1994.
- Знамя борьбы, № 2, апрель 1924 г. Берлин. Приложение. Журнал Заграничной делегации партии левых эсеров и Союза эсеров-максималистов. Издавался с 1923 по 1930 г.
- Известия ВЦИК, № 161 (1304) от 24 июля 1921 г.
- Новости разведки и контрразведки, № 1. М., 1993.
- Слово (журнал), № 3, 2003.

Монографии, обзоры, статьи

- Анисяев М.А. Становление военной контрразведки Беларуси. 1918–1935 гг. Минск, 2013.
- Антонов В.С. Расстрелянная разведка. М, 2012.
- Веденеев Д.В. Украинский фронт в войнах спецслужб. Киев, 2008.
- Викторов Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990.
- Гаспарян А.С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. М., 2008.
- Голдин В.И. Лихолетье. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. Архангельск, 2006.
- Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР. 1918–1920. Минск, 2008.
- Дукельский С.С. Польский шпионаж. ГУГБ НКВД СССР. Т. 1–2. М., 1937.
- Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937). – Отечественная история, 2000, № 3. С. 87–105.
- Зданович А.А. Отечественная контрразведка. 1914–1920. Организационное строительство. М., 2004.
- Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.

- Зуев М.Н., Ионов В.В., Симонова Т.М. Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. М., 2006.
- Иванов Ю.В. Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945. М., 2014.
- Кен О., Рупасов А. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934. М., 2014.
- Кен О. Москва и пакт о ненападении с Польшей (1930–1932 гг.). СПб., 2003.
- Ландер И., Чуркин С. Красная паутина. Тайны разведки Коминтерна 1919–1943. М., 2005.
- Ландер И.И. Негласные войны. История специальных служб 1919–1945. В 3-х тт. Одесса, 2007.
- Лубянка-2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.
- Маймескулов Л.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922). Харьков, 1990.
- Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.
- Мельтюхов М. Советско-польские войны. Белый орел против красной звезды. М., 2004.
- Мисюк А. Спецслужбы Польши против России и Германии. Организационная структура польских спецслужб и их разведывательная и контрразведывательная деятельность в 1918–1939 годах. М., 2010.
- Мотов В. НКВД против Абвера. Незримый поединок. М., 2005.
- Надтачаев В.Н. Военная контрразведка Беларуси. Судьбы, трагедии, победы... Минск, 2008.
- Нежинский Л.Н. В интересах народа или вопреки им? Советская международная политика в 1917–1933 годах. М., 2004.
- Орлов В. Двойной агент. Записки русского контрразведчика. М., 1998.
- Папчинский А., Тумшиш М. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. М., 2001.
- Плеханов А.М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928. М., 2006.
- Полторац С. Победоносное поражение. Размышления о советско-польской войне 1920 года в канун ее 75-летия. СПб., 1994.
- Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
- Сафонов В.Н. КРО против Савинкова. М., 1998.
- Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М., 2013.
- Соколов М. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30 гг. XX века и ОГПУ СССР. М., 2011.
- Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 2006.
- Сташкевич Н.С. Приговор революции. Крушение антисоветского движения в Белоруссии. 19017–1925. Минск, 1985.
- Стырне В.А. Обзор операции «Трест». М., 1931.
- Сулея В. Юзеф Пилсудский. М., 2009.

- Тепляков А. Опричники Сталина. М., 2009.
- Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000.
- Тумшис М., Папчинский А. 1937. Большая чистка. НКВД против ЧК. М., 2009.
- Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. М., 2003.
- Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.
- Черкасов П. ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. М., 2004.
- Чихару И. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. М., 2013.
- Шанталинский В. Донос на Сократа. М., 2001.
- Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997.
- Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- «3» 378
«№ 5» 174
«№ 6» 174
«№ 68» 174
«747-й» 232
- Абаев И.К. (Абай, «Фейх») 238, 240, 440
Абакумов В.С. 308
Аваловшвили 429
Агаев А. 432
«АГЕ» 195
Агранов Я.С. 248, 251, 267, 372, 440
Адигамов А. 431
Азанович М. 127
Акулов 369
Александров 67–69
Алексеев Н.Н. («Зонт») 234–235, 252–253, 357
Алпс В. 166
Амираджиби 429
Андропов Ю.В. 223, 241
Андрух 414
Анисяев М.А. 66–67, 92
Анкерштейн Ф. 425, 429
Анна, св. 434
Антонов А.С. 256
Антонов В. 119, 204, 264
Антонов-Овсеенко В. 291, 368
Апетер И.А. 86, 92–93, 96, 105, 109–111, 135, 161, 331, 336, 441
Аралов С. 151
Ардаматский В. 223, 241
Аросев 366
Артамонов Ю. («Липский») 269–274, 279, 282
Артизов А.Н. 3
Артузов А.Х. 97–100, 103–106, 108–109, 115–116, 140–141, 161, 172, 184, 198, 200, 202–205, 209–212, 214, 242–243, 248, 255, 257, 263–265, 269, 271–272, 296, 299–300, 302, 327–328, 332, 335–337, 357, 371–372, 422, 441
Архангельский П.Г. 227–228
Ассатиани А. 396
Ауэрбах 55
Афанасьев Н. 127
Ашуров 432
- Бабинский С. 27–28, 33
Багинский 181, 301
Бажанов Б. 195
Базаревский Е. («Жарский») 77, 106–108
Байер М. 170–171, 269, 278–279, 282
Байрамов К. 438
Байтувган Б. 430
Балицкий В.А. 148, 240, 297–299, 357, 401, 434
Баммат Г. 393, 430
Бандера С. 438
Баранский К.С. («Кобецкий») 200–201, 231, 299–303, 369, 371, 441–442
Барилович Р. 418
Барцевич В.П. (Сказков, «Фита») 229, 231–232, 236
Барченко Д. 418
Батюшин Н.С. 14–15
Бауэр 265
Беганьский С. 176
Безродный К.Э. 7
Бек Ю. 29, 250
Бекман А.А. 180, 442
Белавин В.П. («Богомилов») 183–184
«Белинский» 126
Бельский 372

- Белявские, сестры 76
 Бень В. 413
 Берензон Б. 55
 Берензон Л. 37
 Берзин Я.К. 145, 151, 280, 282
 Берман Б. 369, 372
 Бертинский В.Л. («Желтовский») 293, 304–305, 442
 Бёме Э. 437
 Бжозовский 399
 Бигальке 75
 Бирге 390
 Бирк А. 212, 271
 Бирк Р. 270–273
 Биркенмайерова 428
 Бирнбаум М. 111
 Блашчак С. 428
 Блешиньский-Ферек Е. 171
 Блох 109, 336
 Бобятынский С. 57
 Богуславские, братья 309
 Богуцкий В.А. 65
 Болдескул К. 80
 «Бомба» 232
 Бонапарт Наполеон 280
 Бонч-Бруевич М.Б. 32, 61
 Бончковский З. 438
 Бончковский В. 385, 390, 392–394, 406–408, 438
 Бораковский К. 128
 Борейко Л. («Суслин», «Дрозд») 100, 109, 113, 115–116, 336, 351
 Бортновский Б.Б. («Бронек», «Петровский», «Бронковский») 147, 151, 295, 305
 Борух С. 77
 Боулинский 31
 Боцяньский Я. («Балиньский») 428
 Бромирский Ю. («Йот») 19–20
 Бруно Г.И. 69–70, 442–443
 Брусилов А.А. 18, 89, 341
 Булак-Балахович С.Н. 146, 155, 244, 250, 257, 259, 380, 418–420
 Булак-Балахович Ю. 419
 Бураковский 371
 Бурцев 63
 Бухарин Н. 157–158
 Бушуев Н.Ф. 70–71, 443
 Быкадоров И.Ф. 412
 Былинин В.К. 7
 Быстрых Н. 148
 Вавюровский И.И. 257–258, 261
 Вакар Н.П. («Зело», «Зелинский Николай», «Медик») 221, 223, 226–230, 232–238, 443
 Валидов А.-З. (Тоган Валиди) 431
 Ванке («Римша») 123–124
 Варга Е. 294
 «Варга Ричард», см. Незбжицкий Е.
 Варский А. 291
 Василевский Л. 392, 428
 Василенко Н.П. 222
 Васильев И.И. 7, 60
 Васильев С.С. 158, 444, 459
 Вату 431
 Вацвагарс 166
 Вачнадзе Д. 382
 Вейденталь М.Б., де («Барта») 53
 Вейцман («Дух») 234
 Векилов М. 404, 433
 Векилов Р. 433
 Вельмин А.П. («Юрист») 232, 236
 Венглиньский 183
 Вендзягольский К. 29, 231
 Венява-Длугошовский Б. 36–37, 53–55, 444
 Вердеревский А. 180
 Верн Ж. 429
 Вернер Т. («Иванов») 277, 279, 444
 «Верочка» 232
 Верховский 337
 Вечоркевич 181, 301
 Видо 406
 Визнер И.А. 119
 Викторов Б.А. 183
 Вилайм Г. 53

- Винниченко В.К. 414–415
Виноградов В.Г. 249, 315
Витос В. 277–278, 422
Витковская А. 106
Витковский В., см. также Марчевский В.Э. 98, 103–105, 107–108, 115, 203, 210, 257, 336, 351, 371
Витковский-Лянды А. (Лянда, Лянды) 290, 299, 302–303
Вишневский 385
Владимир, св. 416
Войков П. 153, 155
Войнич В. («Компас», «Щенсны», «Рея») 54
Войтович 156
Войцеховская Г. 101
Войцеховский С. («Петровский») 266, 273–274, 284–285
Войцеховский Ст. 422
Войцеховский Ю. 154
Воликовский Р. 40, 176–178
Волков Н.К. 226
Волков С. 262
Волленберг Н. 247
Волос М. 18, 23, 37, 53, 56–57, 131, 444
Волынский С.Г. 186
Волянский А. 232, 236
Ворошилов К. 155, 366
Воякин Н.Н. 315
Врангель П.Н. 87, 102, 224, 227–228, 232, 271, 273, 320
Вуйтек 195
Выбрановский К. («Кавский») 122
Высоцкий В. 106
Высоцкий П. 20
- Габайдулин 430
Габашвили 430
Гай Г. 206
Гай М.И. 303–305, 307, 364, 366
Гайденхаген (Мейер-Гайденхаген) М.В. 404, 407, 436–437
Галлер Ю. 30, 36–37, 39
- Гамза (Гамзагурдия) Я.П. 239
Гамильтон-Стоукес 427
Ганно С. 173–174, 439
«Гапиза» 76
Гасанов Д. 433
Гаспарян А. 266
Гвазава Г. 385, 390, 402, 426
Геббельс И. 436–437
Гегелия 430
Гегечкори Е.П. 382, 423
Гейдрих Р. 406
Гелев 414
Гельтман 211
Гендин С.Г. 186, 214, 298–299, 304, 306
Генес В.Л. 67
Геракл 375
Гесс Р. 153
Гирс М. 154
Гитлер А. 383, 385, 389, 402, 411, 423, 426, 436
Глинский С.М. 112, 126–129, 136, 148, 444–445
Глиньский С. («Пясецкий», «Стасё») 408, 438
Глобачев К.И. 16
Гловацкий Б. 32–33, 35, 40, 445, 451
Глуховский 77
Гнатовский С. 75
Гнилорыбов М. 253
Голдин В.И. 184
Голиков Д. 219–220, 222
Головин Н.Н. 226
Голоскевич Г.К. 414
Голубович В.А. 415
Голувко Т. 168, 171, 290, 382–383, 396, 424, 428
Гольденштейн Е. 200
Гольшкина Т.М. 7
Гольц А. 114
Горбачевский 67
Гордиенко («Попов Гриць», Львович Т.) 377
Гордон Л. 75

- Горлов В. 154
 Горовий П. 418
 Городецкий Т. (Билинский) 125
 Горошкина Г. («Зелинская Яни-
 на», «Найденова») 193
 Гофман К. 405, 437
 Гофман М. 430
 Грабовский В. 339
 Грабский В. 39
 Грабский С. 121, 301
 Гржегорчик М. 35
 Григорьев К.В. 7
 Грин 414
 Гринбаум М. 381
 Гриневич Н. 377
 Грудняк 211
 Грушевский М.С. 414, 416
 Гудзь Б.И. 439
 Гурский В., см. также Табартов-
 ский В. 122–123, 351
 Гуттен-Чапская М. 56, 445
 Гуттен-Чапские 56
 Гуттры В. («Гражиньский Влади-
 мир», «Галиньский») 379, 418
- Даманьский Т. 428
 Данилов С.С. 332
 Данишевский К.Х. 110–111
 Дашкевич В.Т. 32, 445
 Демблиц 115–116
 Демиденко Н. 238, 240, 255, 266
 Демидов И.П. 223, 226, 228
 Деникин А.И. 71, 73, 81, 224, 228,
 259, 314, 431
 Денталь 74
 Дергач-Адамович В. 380, 418
 Дерингер 404, 407
 Дерибас Т. 243, 357
 Детердинг Г. 430
 Джакели 430
 Джафар-оглы 388, 404
 Джеваншир Б., хан 432
 Джеляль-бей К. 425
 Джунковский В.Ф. 15–16
 Дзержинская С.С. (Мушкат) 207, 211
- Дзержинские 56
 Дзержинский Ф.Э. 27–29, 31–33,
 35, 37, 41, 56, 63, 65, 68–
 70, 73, 82–86, 97–102, 108,
 119–121, 124–125, 138–145,
 148–149, 151, 161, 198, 200,
 206, 210, 212, 214, 224, 233,
 243–245, 251, 256, 266, 297,
 301, 336–337, 358–359, 367,
 369–372, 439, 450, 452
- Дзюбенко С. 177–178
 Диктоф-Деренталь А. 253
 Дирксен, фон 158, 444
 Длуголенский 75
 Дмовский Р. 11–12, 278
 Дмоховский Е. 188
 Добашиньский 402
 Добржинский И.И. («Сверщ»), см.
 также Сосновский И. 59, 97–
 105, 107–108, 114, 336–338,
 342–343, 347, 351
 Добровольский Г. («Долива») 257
 Добротворский 377
 Довбр-Мусницкий Ю.Р. 25, 45, 57,
 177, 446
- Долецкий 63–64
 Домбровский В. («Данек») 386,
 402, 408, 427, 435
 Домбский Я. 253
 Доможиров Н.Н. 67
 Дорман М. 62
 Дорошенко Д.И. 414, 416
 Дорошенко И.А. 222
 Доян-Мишевский Э. 40
 Драгоманов М.П. 416
 Дриммер Т.В. (Ойжановский Зиг-
 мунт, «Найденов», «Виталис»,
 «Радецкий», «Биндыга», «Жон-
 децкий») 59, 272–274, 276–
 277, 279, 284, 446
- Дубейковский Л. 380, 420
 Дубич-Пентер К. 402, 408, 430,
 435
 Дукельский С.С. 22–23, 53, 289,
 446

- Дунин-Барковская Л. 419
Дыбчинская Г. («Калина») 113, 115–116
Дыбчинский В. 27
- Евдокимов Е.Г. 83, 161, 214, 446–447
Евреинев Б.А. («Гусар») 221, 230, 232–233, 236
Евсеев А.Н. 7
Едынак Ю.(И.) 187
Ежов Н.И. 22, 286, 299, 302, 305, 307, 309–310, 325, 364, 366, 367, 371–372, 389, 422, 439, 446
Езерский А. 34, 126–127
Екабсонс Э. 166–167
Еммин М. 432
Енджевич В. 382, 424
Еремиев М. 378, 405
Есенин С. 303
Ефимов М. 127
Ефремов 396
- Жаботинский В.Е. 381–382, 421
Жавриды П. 189
Жарский Т.И. 289–290, 299–300, 302–304, 351
Желеньский В. 429
Желеньский Т. 392, 429
Желиговский Л. 30, 422
Живодеров В.С. 7
Житков А. 212, 270, 323
Жобель К. 380
Жордания Н.Н. («Костров Жорж», «Ан», «Арк. Ан») 386, 398–399, 431, 433
Журавлев Е.Н. 7
Журавлев С.В. 244
- Заблоцкий В. («Виттег») 79, 114
Заблоцкий К. 78–79
Завадский 126–127
Завадский Ю. 79, 101
Заварзин П.П. 16, 447
- Загвоздев А.В. 308
Зайончковский А.М. 90, 267, 276
Закжевский Я. 181
Залевский К. 398, 408, 438
Залеская 104
Залуский З. 160
Запорожец И. 234–235
Заторская И. 104, 351
Захаридзе А. 394
Захаров 135, 331
Захаров-Мейер Л.Н. 97
Захарченко-Шульц М. 268, 283
Защвилюховский С. 408
Зданович Е.А. 8
Зеелер В.Ф. 226
Зейналов 388
Зекун М.Н. («Михайловский») 189–190, 260–263
Зелинский Г. 180
Зелинский Н., см. Вакар Н.П.
Земьянский И. («Топор») 53–54
Зенкевич 247
Зинде 65
Зиновьев Г.Е. 109, 233
Зинченко Л. (Гольденштам) 234–235, 252
Змиев 79
Змиенко В. 378
Зонов К.И. 447
Зоф В.И. 180
Зубов П.Ю. 226
Зуземиль Э. 420–421
Зямкевич Р. («Шершень», «Дземьянович») 380–381, 419–420
- Ибрагимов В. 396, 430
Иванов А.П. 183–184
Иванов М. 377
Иванов Н.А. 7
Иванов Ю. 143, 145
Ижиковский К. 392, 428–429
Измозик В.С. 7, 21
Икрамов А.И. 431
Илинич 309, 325, 368–369, 371
Имнадзе К. 387

- Инсабатто Й. 437
 Инсабатто Э. 405, 437
 Ирманов Н.С. 189
 Исиченко П. 238–240, 321
 Исрафилов 388
 Ишковский Г. 17

 Йодко-Наркевич В. 10, 13, 17–18, 447–448

 Каганович Л.М. 182
 Казенова К.А. 206–207
 Казимбек 431
 Калинин М.И. 156–158
 Каменев Л.Б. 440
 Каменев С.С. 281
 Канда 417
 Каник Ф. 13
 Кантемир А. 382
 Капоцинский Д.К. («Орленок») 230–231, 236
 Карабеков 432
 Карахан Л.М. 252–253
 Карин Ф.Я. 97, 103, 369
 Карпинский А. 77
 Карпов В. 119
 Карташев А.В. 226
 Каршо-Седлецкий 185–186
 Карумидзе 393, 402, 405, 429
 Карусь П.А. 448
 «Касаткин», см. Опперпут Э.
 Касперский С., см также «Ран Альберт» 186
 Касымов Е. 396, 430–431
 Кауль 357
 Кац Е.Г. 206–207, 209
 Качиньский Л. 3
 Кашиньский 428
 Каюм-хан В. 426
 Квинитадзе 430
 Квятковский 154
 Квятковский А. 181, 408, 438
 Квятковский И. 100–101, 115
 Кедия М. (Коглер Мишель) 425
 Кедров М.С. 62, 68–70

 Кемаль М. 432
 Кеннан Дж. 41, 448
 Керзон 102, 109, 411, 413
 Кешковский К. 246, 254, 290, 423
 Киров С.М. 452, 459
 Кияковский В. («Колесников»), см. также Стецкевич В. 103–104, 108, 212, 254–255, 257, 259, 268, 270–271, 275
 Клементьев В.Ф. 37, 448
 Кляйст 406
 Клячкин С. 55–56
 Кноль Р. 382, 409, 424
 «Кобецкий», см. Баранский К.С.
 Кобылянский Т. 211, 213, 448
 Кобяков С.А. 45, 448
 Ковалевский Е. («Щвида») 54
 Ковалевский М. 378, 428
 Ковалевский Я. 59, 80, 213, 290
 Ковальский 79
 Ковальский М. 378
 Ковальский Т.А. 211, 448
 Ковальский Я. 123
 Коверда Б. 153–154
 Колчак А.В. 81, 105, 156, 320, 447
 Комар 414
 Комаров 193
 Коновалец Е. 379, 438
 Кононенко И.В. 223
 Контримович А. 31
 Копчиньский А. 404, 437
 Корженевский Л. («Козерожец», «Морской», «Турский», «Ласский») 122–124
 Корнат М. 6
 Корнилов Л. 28–29
 Коротаев В.А. 7
 Корчик (Логинович) П. 148
 Коссенко Я. 378
 Коссовская М. 181
 Костка 56
 Костюшко 40, 445
 Костялковский 104
 Котвич-Добжаньский М. 176, 178, 275

- Коц А. 290–291
 Край К. 7, 169
 Кржечковская Н.Э. («Красов-
 ская») 183–184
 Кржижановский Е.А. 378
 Кржимовский Е. 408
 Кривицкий В. 303
 Кривомаз В. 194
 «Криницкая» 77
 Кроми Ф. 179
 Кропп-Катувльская 258
 Крошко Н.Н. («Кента», «А/З») 189,
 231, 233
 Крук-Стржелецкий Т. 379, 418
 Крымский 385
 Ксенофонов И.К. 85
 Кубасов А. 221
 Кузьминский 377
 Кук А. 127
 Кук Э. 152
 Кулиев М.С. 433
 Кумановский 75
 Курницкий П. 399, 408, 434, 438
 Курч 181
 Кутепов А. 285
 Куцевалов Б.А. («Слово», «Сло-
 винский», «Мироненко») 228–
 235
 Куцевалова З. («Пианистка») 231–232
 Куцевалова Л. («Гимназистка») 231–232
 Кучин К.М. («Шевченко») 449, 457
 Кшак А. 272, 275–276, 278
 Кязим-заде А.К. 433
- Лавернь Ж. 33, 40, 54, 448
 Лагода С. 187
 Ладан П.С. («Игорь») 296
 Ладнов Я. 380, 420
 Ладощ А. 113
 Ламасу С. 388
 Ландау-Алданов М.А. 226
 Ландер И. 147
 Ланевский С. («Ведель») 123
- Лапинский-Михайлов 298–300, 302,
 304, 399
 Ластоцкий В. 421
 Латало Я. 428
 Лацис (Субарус) М. 39, 52
 Лебедев В.А. 7
 Левандовский С.И. 96–97, 99
 Левицкий А.Н. 378, 395, 417
 Ледницкий А.Р. 27, 448
 Лейббрандт 402, 404, 407, 435
 Лемехов О. 303
 Ленин В.И. 45, 66, 73, 82, 85, 102,
 111–112, 120, 245, 369, 440
 Лепин 357
 Лешнер Т. 181
 Лещинский-Леньский Ю. 292
 Лившиц Я.А. 236, 448–449
 Лизарев А. 154
 Липковский С. 35
 Лис-Блонский С. 379, 418
 Листовский А. 77, 112
 Литвинов 336
 Логановский М.А. 145, 151, 200,
 212, 231, 251, 450
 Лозовский 336
 Локкарт Р. 39
 Лонгва Р.В. 26, 32, 450
 Лоран П. 42, 55, 131, 450
 Лотак Э. 95
 Лотоцкий А.И. 378, 414, 416
 Лохвицкий И.Н. («Атаман Искра») 253
 Лукасевич Ю. 382, 424
 Луцкевич А. 421
 Лыжевский В. (Новаковский) 125
 Любарская А. 156, 158
 Любарская О. 156
 Любарский Б. 156
 Любарский В. («Пилсудчик») 155–
 158, 451
 Любарский Л. 155, 157–158, 451
 Любомирские, братья 48
 Лютер А. 437
 Лютославский И. 33–35, 39–40,
 43–46, 48, 55, 448, 451

- Лютославский К. 30, 33–35, 39–40
 Лютославский М. 40, 43–46, 48, 55, 448, 451
 Лютый 378
 Лянда, см. Витковский-Лянда А.
 Ляховицкий-Чехович Ю. 179–180, 277, 279

 Маевский 64
 Маевский К.Б. 32–33, 40, 451
 Мазепус М. 309, 325
 Майер С. 106–107, 191, 261, 427, 451
 Маймескулов Л. 22, 451–452
 Макаров В.Г. 7
 Маковский Ю. (Рожен) 92, 100, 119–122, 204–205, 210
 Маковский Ю.И. 119–120, 204–205, 255, 307, 309, 318
 Максимов 247
 Максимов В. 180
 Малинарий 193
 Малиновский А. 10, 17–18
 Мамед-заде А.В. 433
 Мамед-заде М.Б. 433
 Мамедов 388
 Мамонько Я. 380, 420
 Мануильский Д. 307, 364–366
 Манцев В.Н. 83, 88, 119, 452
 Маркерт В. 407, 438
 Марковский 76
 Маркосик-Высоцкий С. 128
 Маркус Ф. 199
 Мартыновский В. 100–101
 Марчевский В.Э., см. также Витковский В. 103, 105, 203–204
 Мархлевский Ю. 98, 112
 Марчинин П. 418
 Масловский С.Д. (Мстиславский) 252–254
 Масхарашвили К. 398
 Матвеев Г.Ф. 5, 10, 12–13, 165, 288
 Матушевский И. («Кушелевский») 19, 53, 57, 59, 103, 113–114, 161–162, 169, 203, 245, 278, 291, 452
 Махлина Д. 55
 Мацкевич М. 161
 Машута Р. 258
 Медведев Д.А. 3, 5
 Медведь Ф.Д. 67, 71, 98, 100, 108–109, 134, 149, 184, 247–248, 258, 336, 452–453
 Медзиньский Б. 81, 290–291
 Медынский Я. 124
 Мездриков («Леонтьев Аркадий») 193
 Мейер А. 435
 Мейер-Гайденхаген, см. Гайденхаген М.В.
 Менагаришвили С. («Майстнер») 384, 390, 425
 Менжинский В.Р. 82–83, 88, 99, 111, 120–121, 140, 151, 199, 248, 254, 256, 266, 227, 357, 370–371
 Мензис С. 426
 Менцель В.И. («Ватек») 234
 Мехлис Л. 139
 Мехтиев М.-Я. 433
 Микулин А.А. 276, 323, 453
 Миллер Е. 264–265
 Милюков П.Н. 225, 228
 Минаев В. 218
 Миодушевский И. 180
 Миронов П.В. 7
 Мисюк А. 7, 58, 161, 169, 172, 179, 181, 284, 292
 Миткевич Я. 380, 420
 Михайлик М. 377
 Михаленко 428
 Михнев В. 115–116
 Михневич В. («Михаловский Владислав», «Влад», «Миткевич») 179, 185, 187, 272, 274–276
 Михутина И.В. 110
 Мицкявич-Капсукас 66
 Моисеев 247
 Молотов В.М. 195

- Монкевиц Н.А. 224–225
 Мордалевич 378
 Москвич А.Г. 236–237
 Мотодзиро Акаси 10
 Моцарский 76
 Мочанин 65
 Мошинский 108
 Музыкант В.И. 72, 453
 Мулин В. 127
 Муралов Н.И. 33
 Мурский В. 378, 417
 Муцсолини 405, 437
 Мухачев Ю. 219–220
 Мышковский А. 166
 Мюнши 388
 Мясников А.Ф. 60, 66
- Набиев 432
 Надтачаев В. 62
 Назиров 431
 Найман-Миж-Крычиньский О. 392
 Наконечный (Днистров) 414
 Нарутович Г. 277
 Наташа 245
 Науиокайтис К.И. 205–209, 213–214, 453
 Недзвецкий Э. 185
 Недзвяловская М. («Навроцкая») 84, 113–116, 122–123, 351
 Недзинский А. («Броневский») 173, 282–284
 Нежинский Л. 152
 Незбжицкий Е. 174–176, 185, 389, 397, 399, 426–427, 453–454
 Нестор (Анисимов) 418
 Николаева О.В. 7
 Новик Г. 80
 Новосельский Ю. (Островский, Маевский) 118
 Носкова А.Ф. 5
 Нури-паша 432
- Обарский М. 428
 Обер Т. 436
- Одинец Д.М. («Ять») 226, 230
 Одрованж 123
 Ойжановский З., см. Дриммер Т.В.
 Оккерлунд 448
 Ольский Я.К. (Куликовский) 72, 127–128, 161, 198, 207, 209, 211, 214, 257, 263, 357, 454
 Онегин Е.Н. (Горский-Орлов) 277
 Опперпут Э. («Касаткин») 173, 247, 249, 253, 267–268, 274–279, 282–283, 285
 Орлов В.Г. 231
 Орлянинов А. (Орлянников-Балавенский) 189, 262
 Осмоловский В.И. 186, 213–214, 293, 299, 304
 Оссендовский Ф. («Мзура») 41–46, 48, 55, 454
 Оссовский С. 180
 Остоменский Я. 75
 Островский В.Г. 238, 255
 Остряков С. 91
 Очеретько М. 377
- Павлов 234
 Павловский Б.Ю. («Мухин Андрей Петрович») 183, 233, 236, 239
 Павловский С. 156–157
 Павлуновский 357
 Павлюк М.А. («Онищенко») 239–240
 Павлюкенич А. 381
 Падеревский И. 74
 Пальм 272
 Пан-Помарницкий 64
 Параделов Н.Н. 226
 Паржевский 188
 Пассов З. 310
 Патек 154
 Патушинский С.Н. 239
 Паука И.Х. 184
 Пахомов В.А. 308, 454–455
 Паэгле 116
 Пельковский 75
 Пельц В. 390, 392–394, 408, 427

- Пеплонский А. 6–7, 17, 35, 57, 76, 78–79, 115, 118, 169, 187, 284, 288
- Ператский Б. 379
- Пермикин 244, 250
- Пертев-бей 425
- Перцов Ю.М. 236, 455
- Пестель А. 311
- Пестковский С.С. 55, 64, 455
- Петлюра С. 122, 125, 250, 347, 377, 379, 412–413, 416–418, 421, 424
- Петрашевский С. 127
- Петренко 428
- Петров Н. 202, 311
- Петрушева Л.И. 7
- Пешкова Е.П. 138
- Пилсудский Ю. («Мечислав») 9–14, 16–19, 21, 29, 35–37, 49–50, 52–55, 58, 80–81, 100, 107–108, 127, 140, 142–145, 149, 151, 156, 160, 165, 168, 171–172, 196, 203–204, 215, 253, 264, 277–278, 282–283, 285, 288–292, 298, 300–301, 309, 312, 339, 346, 358, 370, 373–374, 376–377, 379, 381–382, 392–394, 410–412, 419, 422, 424, 428, 444–445
- Пиляр Р.А. 97, 99, 104, 206, 209–211, 357, 370, 444–445
- Пиндел-Эмиссарский Я. 114, 258
- Пиотух М.А. 96, 100–101
- Пискор 117
- Плеханов А.А. 138, 206
- Плеханов А.М. 7, 119–121, 138, 206
- Плиевский 97
- Плихта М. 127
- Плоуден Р.Х. 427
- Подгурский 27, 40
- Познахирев С.И. 7
- Покотянский 78
- Политура 399
- Поличкевич В.Т. 455–456
- Полторац С. 146
- Полукаров И.Н. 36
- Понятовский С. 392
- Поппельский 38
- Потапов Н.М. 278–279
- Потемкин В.П. 375
- Потоцкий 234
- Похопин 31, 36
- Пржебылтский И. 199
- Пржевлотский Р. 194–195
- Прокопенко А.В. 222
- Прокопович В.К. 378
- Прокофьев Г.Е. 185, 243
- Прокулевич В. 189
- Прометей 374–375
- «Профессор» 185
- Прохоров Д. 303
- Прухняк Э.А. 27, 293
- Пузицкий С.В. 254, 257, 266, 270
- Путилов П. 69
- Пухальский О. (В.) («Вольский», «Дрозд») 113–114, 116, 351
- Пшедромирская М. («Загорская») 123
- Пшепелинская Ю. 104, 351
- Работницкий (Роботицкий) 278–279, 285
- Равич-Мысловский 126–127
- Радек 368
- Раевский М.Ф. 42
- Райхман Л.Ф. 456
- Раковский Х. 74, 78
- Рамзи 431
- Рамишвили Н. (П.) 382, 384, 423, 425, 431, 433
- «Ран Альберт», см. также Касперский С. 185–186
- Раскулов 430
- Расул-Заде М.Е. 168, 386, 388, 404, 432–433
- Редель А. 14
- Рейли С. 153, 268
- Рейсс И. 303
- Рехберг А. 437

- Риббентроп 407
 Рогинский А. 311
 Рогожин А. 22, 456
 Рогозинский 377
 Родионова Ю.В. 8
 Родованский Я.Ф. 97
 Рожен Э.В. («Маковский», «Ан-
 дреев») 120–121, 205
 Розенберг А. 435–436
 Розмирович Е. 45, 456
 Роллан Р. 427
 Роллер К.Ф. (Чиллок) 105, 351,
 372
 Романовский В.А. 222
 Ронге М. 13, 17
 Ропп 74
 Росселевич 262
 Ротфельд А.Д. 4, 6
 Рудницкий 290
 Русанов Э. 241
 Рустамбеков Ш. 432–433
 «Рцы» 234
 Рыдз-Смиглы Э. 412
 Рыков А. 144, 151, 155
 Рытель С. («Старый») 122–124
- Сабит Ф. 432
 Савинков Б. 29, 36–37, 39, 47, 129,
 138, 146, 190, 200, 209–210,
 220, 229–231, 234, 237–238,
 241–246, 248–265, 332–333,
 418, 441, 448
 Савинков В. 229, 246, 253, 259,
 261
 Садатиерашвили В. 405–406
 Сазонов С.Д. 320
 Саидов Н. 431
 Салынь 357
 Сальский В.П. 378
 Самохвалов П.Т. («Око») 228, 232
 Самсонов Т. 243, 245, 248, 256
 Самсон-Химмельштейн М. 179
 Сафонов В.Н. 129, 220, 237–238,
 249, 260, 264–266
 Свердлов Я.М. 69
- Свит И. 418
 Святский Н. («Светский») 113–
 114, 116, 351
 Седлецкий С. 392
 Сейдаметов (Сейдамет) Д. 382,
 385, 404, 422, 430
 Сейид-бей Ш. 403
 Сейфред К. 389
 Секунда В. 54, 191, 261–263, 456
 Семашко А.Я. 67, 70
 Семенов И.Г. (Васильев) 244–245
 Семенов-Коган Е.П. 42, 456
 Сенюта Ф.М. 64
 Сервет-бей 425
 Симонова Т.М. 246, 253, 409
 Сиссон 42, 448, 457
 Скальский Т. 154
 Скарбек 399
 Скирский Е. 428
 Склянский Э. 111
 Скомпский Ф. 20
 Скоркин К. 202
 Скоропадский П.П. 156, 416
 Скржитский Ч. 428
 Скрыпник Н. 218
 Скульский (Мартенс) С. 148
 Скшипек А. 161
 Славатинский А. 147, 370
 Славинский М. 378, 382, 416–417
 Слащев Я. 210
 Слуцкий А. 299, 367–369, 371, 422
 Смаль-Стоцкий Р. 378
 Смигла И.Т. 110–113
 Смиглы-Рыдз Э. 18
 Смутьский Ф. 418
 Соболевский Я. 105
 «Соколин» 186
 Соколов М.В. 208, 220–221, 223,
 230
 Солженицын И.А. 445
 Сорокин А.К. 7
 Сосновский И., см. также Дорб-
 жинский И.И. 97, 103–106,
 108–109, 115, 119, 123, 209–
 212, 214–215, 235, 243, 254–

- 255, 257–258, 265–266, 268,
271–272, 297–299, 303–310,
369–370
- Софинов П.Г. 91
- Сохацкий 399
- Сталин И.В. 66, 141–142, 144,
152, 155, 185, 195, 206, 291,
294, 303–305, 311, 367–369,
410, 431–432, 439, 440
- Стамировский К. 111
- Станислав, св. 434
- Станиславский Л. 180–181
- Станкевич 65
- Старцев В.И. 41–42, 44, 102, 457
- Стасова 366
- Стахевич В.Т. 412
- Стахевич Ю. 373–374, 383, 412
- Шашевский А. 147
- Шашис В. 22
- Шашкевич Н. 25
- Штебницкий П.Я. 414
- Штефановский («Живой») 57, 77,
106
- Штецкевич В., см. также Кияков-
ский К. 99–100, 103, 309, 325,
351
- Штецкий 366
- Штелецкий Ю. 177
- Штомоняков Б. 151
- Шпичинский А. 186
- Шрашкевич 270
- Шризов 449, 457
- Штруве П.Б. 320
- Штруков Л.Н. 190, 257–261, 457
- Штыгин П. 449, 457
- Шупницкий А.Ф. 226
- Штырне В.А. 212, 267–270, 272,
279–280, 286
- Сулея В. 9
- Султан-Галиев М.Х. 396, 432–433
- Султан-заде (Султанов) Х. 382,
432–433
- Сунджиев 386
- Сунш-Гирей М. 386–387, 404
- Сухенек-Стахетский Х. 379–380,
383, 418, 421
- Сухих Л. 222
- Сухоневич К. 180–181
- Сяковский В. 428
- Табартовский В. («Млот»), см.
также Гурский В. 58, 106–107
- Тавгиридзе К. 426
- Тагиев 432
- Таджикский А. 433
- Тайшерская Я. («Кучинская») 95–
96, 108–109, 336
- Такайшвили Э. 390, 426
- Таликовский М. 173, 184, 229–230,
233, 272–275, 278–279, 282,
285, 457–458
- Тарагонский 76
- Тарашкевич Б. 189, 420
- Тарашкевич И.В. 65
- Тарновский 76
- Тауберт Э. 436
- Твардовский, фон 158, 444, 459
- Текин М. 388
- Тимур-бей Д. 425
- Тинченко Я. 183–184
- Титов А.А. 226
- Токажевский-Карашевич М. 54
- Топчибашев 386, 432
- Топчий 193
- Торкунов А. 4, 6
- Трайкович П. 154
- Трачик 64
- Триггер 58
- Трилиссер М.А. 140, 151, 200,
243, 257
- Тромчинский 107
- Троцкий Л.Д. 33, 45, 68, 73, 86, 94,
110, 124, 146, 152, 245, 280,
295, 327
- Трушин Г.А. 125
- Туган-Барановский М. И. 414
- Турло С.С. 92
- Тухачевский М.Н. 104–105, 111,
150, 152, 279–281, 370
- Тютинник Ю. 192, 201, 378

- Удовиченко А. 378
 Уншлихт И. 64, 82, 93, 121, 135,
 146–147, 151, 161, 199, 205,
 243, 248, 256, 281, 295, 307,
 331
 Урицкий 363, 366
 Урушадзе А.П. 398–399, 433
 Уссас Б. 181, 458
- Фалевич 370–371
 Фастыковский М.В. 184
 Федоров А.П. («Павловский Ан-
 дрей») 238, 262–264
 Федоров В. 380
 Федорович 77
 Фельштинский Ю. 22, 458
 Ферит-бей 425
 Фиалковский К.К. (Н.) 262
 Филиппов А.Ф. 31
 «Филиппов Филипп» 258–259
 Философов 262
 Финкельштейн 437
 Фирин С.Г. 147, 214, 458
 Флейшман Л. 266
 Фомичев И.Т. («Дарцевич Иван») 261–264
 Фрейдсон Б.Я. 67, 69
 Фриновский 363, 366, 367, 370,
 372
 Фрунзе М.В. 184, 280
- Хаас, де 430
 Халва О. 403
 Халил-паша 432
 Харашкевич Э.К. («Конрад», «Ко-
 нрад II», «Вольский Эдвард») 383, 386, 399, 408, 425
 Харжевский В. 173
 Харламов В.А. 226
 Хасмамедов Х. 433, 438
 Хаустов В.Н. 7, 286–287
 Херфурт 300
 Хлысталов Э. 303
 Хойский Ф., хан 432
- Холувко Т. 21
 Хоменко П. («Данилевский Па-
 вел») 192–193
 Христофоров В.С. 7, 315
 Хрущев Н.С. 280
 Хшеншчевский А. 428
 Хэвеси Л. 429
- Цвикевич А. 421
 Цепляк И. 88, 326, 459
 Цихновский 301
 Цыкаленко Л. 378
 Цявловский 380–381
- Чавчавадзе И. 426
 «Чайка» 275
 Чайковский Н.В. 221, 223, 225–
 226, 229
 Чан Кайши Ц. 152
 Чапский К. 56
 Черноцкий В. 379–380, 382, 418,
 424
 Чачишвили 430
 Чвенк Х. 6
 Чеботарев Ю. («Гетман») 192, 377
 Чепилко 414
 Черноцкий В. («Вильк», «Высоц-
 кий») 53–54
 Черчилль У. 430
 Чехович, см. Ляховицкий-Чехо-
 вич Ю.
- Чешейко-Сохацкий Е. 289
 Чижевский Э. 275–276, 282
 Чихару И. 9–10
 Чичерин Г.В. 55, 110–112, 139,
 151, 154–155, 167
 Чобан-заде 430
 Чокаев М. 386, 390, 405, 426
 Чубарь В.Я. 182
 Чулик 386
 Чума В. 40
 Чуркин С. 147
 Чхеидзе Н.С. 382, 423
 Чхенкели А.И. 386, 391, 417, 425,
 427

- Шакманов 386
Шандрук П.Ф. 378
Шамиль 403
Шанталинский В. 249
Шапошников Б.М. 150, 281
Шапошников Р.С. 157, 451
«Шатловский» 96–97
Шафирувна-Керска В. 339
Шашкевич М. 413
Шварц 111
Шварцбарт 413
Шелли Дж.П. 427
Шептицкий А. 379, 413
Шетцель Т. 114, 171–173, 283, 285,
382–383, 386, 396, 423, 459
Шешеня Л.Н. («Искра») 190, 254,
259–263
Шиманская 64
Шимбаревич М. 380
Шимкевич 58, 106
Ширинский-Шихматов К. 269
Шишкин А.И. 7
Шкаренков Л.К. 220
Шпигельглаз С. 264
Шредель 16
Штерн И.М. 158, 444, 459
Штернфельд 67
Штиль С. 190
Штурм-де-Штрем В. («Петр») 115–116, 290, 299–305, 371
Штурм-де-Штрем Т. 290, 300
Шульгин А.Я. 378, 414–416
Шульгин В.В. 220, 228, 237, 268,
414
Шуркин Л. 190
Шурпа Я. 380, 420
Шэр В. 405
Щастный 448
Щелгачев В. 271
Щерба 247
Щетинов Ю.А. 223
Эйдукевич О.В. 65, 202
Эльвенгрэн 251
Эмиссарский, см. Пиндел-Эмиссарский Я.
Эрт А. 402, 404, 406, 436
Эрхардт Г. 430
Юльский 38
Юнусов 430
Юсуфбеков 432
Ягода Г. 140–141, 144, 209, 214,
243, 283, 297, 303–305, 309,
357, 362, 366–367, 369–371
Яжборовская И. 6
Яковлев А. 236–237
Яковлев М. 153–154
Яковлюк С. 380, 419–420
Якушев А.А. 269–270, 278–279,
282
Яндроловский А. («Краузе») 178
Янковский Г. 185
Янишевский Д.Ю. 459
Ярецкий С. 380, 420
Яркин В.И. 66
Ярославцев 38
Ярно П. 378, 417–418

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Предыстория противостояния	9
Чекистские операции по польской линии в 1918 году	25
Борьба спецслужб в условиях советско-польской войны.....	49
1. Оперативная обстановка на границе Польши и советских республик.....	49
2. Польская разведка и ее агентурная сеть на восточном направлении	52
3. Структуры и люди советской контрразведки	60
4. Борьба с польской разведкой до начала масштабных боевых действий	73
5. Польская разведка и борьба с ней в условиях масштабной войны	79
6. Ликвидация центральной резидентуры польской разведки в Москве и Петрограде	95
7. Борьба с польской агентурой на Западном фронте летом и осенью 1920 года	101
Межвоенный период противостояния	137
1. II Речь Посполита и СССР: как создавался образ врага в соседних государствах	137
2. Структуры и люди спецслужб в период «условного мира». Польская сторона. 1921–1939 годы	165
3. Структура, кадры и операции спецслужб в период «условного мира». Советская сторона	198
4. Польская линия в крупнейших «легендарных» делах ВЧК-ОГПУ	215
4.1. Крах «Центра Действия демократии»: разработка «С-1».....	215
4.2. Агентурное дело «Синдикат-2»: польский ракурс	241
4.3. Польская разведка и операция «Трест»	266
5. Польский вектор в репрессиях 1930-х годов	286
Приложения	
Листовка ПОВ с обращением к Петросовету и населению Петрограда	326
Докладная записка А.Х. Артузова В.Р. Менжинскому от марта 1920 г.	327

Приказ армиям Западного фронта № 1393 от 27.06.1920 г.	329
Докладная записка А.Х. Артузова С.С. Данилову от 30.06.1921 г.	332
Мандат А.Х. Артузову от 9.07.1920 г.	335
Письмо Ф.Д. Медведя Ф.Э. Дзержинскому от 20.11.1920 г.	336
Открытое письмо И. Добржинского к офицерам и солдатам польской армии	338
ПОВ на стороне революции	343
Письмо бывших членов ПОВ к своим товарищам на польской стороне	347
Информационная записка реферата «Восток» от 17.03.1924 г.	352
Протокол Оперативного совещания Полномочных Представителей ОГПУ	357
Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28.02.1936 г.	363
Письмо А.Х. Артухова Н.И. Ежову от 22.03.1937 г.	367
В.К. Былинин, А.А. Зданович, В.И. Коротаев Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России-СССР	373
Аннотированный указатель имен	440
Библиография	460
Именной указатель	465

Научное издание

Зданович Александр Александрович
Польский крест советской контрразведки
Польская линия в работе ВЧК-НКВД
 1918–1938

Отв. за выпуск А.А. Румынский.

Редактор Е.А. Белова. Оформление Л.П. Митич

Подписано в печать 02.03.2017. Формат 60х90/16.

Бумага офсетная. Печ. л. 30 + 1 (вкладка). Тираж 1000 экз. Заказ № 1446

ООО Издательство «Крафт+»

Тел.: (495) 620-36-94, 620-36-95, 926-25-48

E-mail: kraft2010@list.ru; mnogoknig2011@yandex.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59